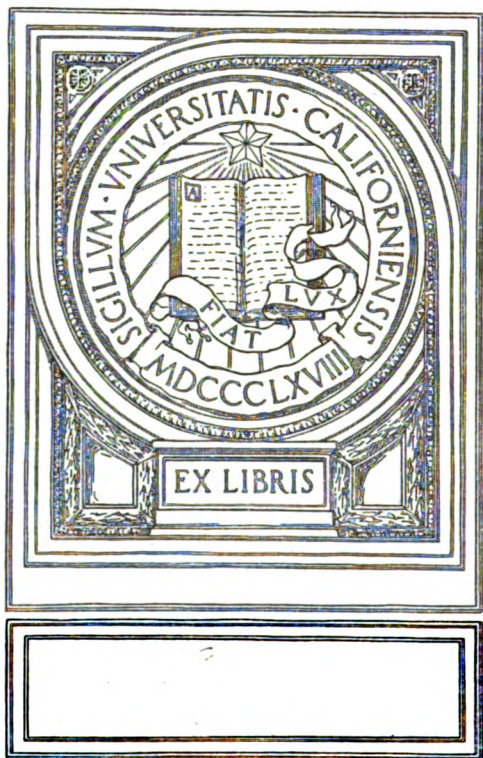

UC-NRLF

\$B 603 907

Годъ XIV-й.

№ 7-й.

UNIV. OF
CALIFORNIA

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

І Ю Л Ь.

1905 г.

С ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1905.

до VIII
августа 1905

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го іюня 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

AP50
M47
1905:7
MAIN

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР.
1. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА. († 2 іюля 1904). Вл. Ладыженскаго	1
2. СВОБОДА СОБРАНІЙ И СОЮЗОВЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ. (Историческій очеркъ). Прив.-доцента А. Елистратова . . .	2
3. БЕЗЪ ТАЛАНТА. Разсказъ. С. Р.	17
4. ИРЛАНДІЯ ОТЪ ВОЗСТАНІЯ 1798 ГОДА ДО АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ НЫНѢШНЯГО МИНИСТЕРСТВА. Часть вторая. Е. Тарле	59
5. МУЖЪ ЧЕСТИ. Повѣсть И. Потапенко . (Продолженіе). . .	85
6. СТИХОТВОРЕНІЕ: ИЗЪ ВЕСЕННЯГО АЛЬБОМА. Дми- трія Ц.	107
7. РЕЛИГИОЗНО - ПРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА У ДОСТОЕВ- СКАГО. (Продолженіе). Волжскаго	109
8. ЦѢННОЮ ЖИЗНИ. Джованна Чена . Переводъ съ итальян- скаго В. Лазаревской (Продолженіе).	133
9. ПОЛОЖЕНІЕ ПСИХОЛОГІИ ВЪ РЯДУ НАУКЪ. Проф. И. Г. Оршанскаго (Окончаніе)	178
10. АМЕРИКАНСКІЯ РАБОТНИЦЫ. Э. Пименовой	206
11. НОВЫЙ ПРОРОКЪ. Разсказъ. Семена Юшкевича	230

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

12. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Петръ и Алексѣй», ром. г. Мережковскаго.—Конѣцъ трилогіи «Христосъ и Антихристъ».— Неясность основной мысли трилогіи.—Интересъ послѣдняго романа для современнаго читателя.—Борьба Петра съ духовен- ствомъ.—Духовный Регламентъ.—Современныя настроенія въ духовной средѣ.—«Страна отцовъ» г. Гусева-Оренбургскаго.— Общая смута въ «странѣ отцовъ».—Различное отношеніе къ ней среди духовныхъ.—Возможная будущая роль духовенства. А. Б.	1
13. ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ. Метерлинкъ и Чеховъ въ испол- неніи артистовъ московскаго художественнаго театра. (Окончаніе). Ө. Батюшкова	13
14. МЫСЛИ ПО ПОВОДУ ГИБЕЛИ РУССКИХЪ ТИХООКЕАН- СКИХЪ ЭСКАДРЪ. Н. П. А.	30
15. НОВОЕ О ПРОШЛОМЪ. В. Богучарскаго	45
16. ПО ПОВОДУ. (Изъ жизни въ провинціи). Россія, какъ «тылъ	

арміи». — Просыпающаяся деревня и не проснувшаяся деревня. — Педагогическій «строй». — Лиги охранителей. — Переписка подольскихъ помѣщиковъ съ подольскимъ губернаторомъ. — «Древніе греческіе философы» Холмскаго уѣзда. — Еще двѣ поэмы. — Общій выводъ. І. Ларскаго	50
17. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 1) Проектъ м. в. д. Булыгина организаціи народнаго представительства и общій характеръ реформы. Работы комиссій. Земское движеніе и пріемъ московской депутаціи. Вопросъ о мирѣ или перемиріи 2) Хроника.	65
18. Д. Л. МОРДОВЦЕВЪ. (Некрологъ).	83
19. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Послѣдствія восточно-азиатской войны. — Отставка Делькассе. — Рузвельтъ и императоръ Вильгельмъ. — Американскій имперіализмъ. — Толки о мирѣ. — Шведско-норвежскій конфликтъ. — Ростъ социализма въ Америкѣ	84
20. ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ. Воспитаніе и патриотизмъ. — Организація взаимопомощи у японцевъ	94
21. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. Предстоящее солнечное затменіе. Результаты опытовъ С. А. Мокржецкаго надъ внѣкорневымъ питаніемъ растений. Микробъ сифилиса. Новые способы анестезіи. В. Агафонова	99
22. ДВѢ ИНТЕРЕСНЫЯ БРОШЮРЫ. В. Агафонова	111
23. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы и критика. — Исторія русская и всеобщая. — Соціологія и финансы. — Философія. — Естествознаніе. — Медицина. — Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва	117
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	142

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ЗОЛОТОЙ ХОЛМЪ. РОМАНЪ ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧИХЪ. Югана Скѣльдборга . Переводъ съ датскаго М. и Е. Соломиныхъ	1
26. ОЧЕРКЪ ОБЩЕСТВЕННО - ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВѢКА. Густава Майера . Переводъ съ нѣмецкаго Г. Котляра	1
27. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ. Р. Розенберга . Переводъ съ нѣмецкаго О. Ѳ. Павловской , подъ редакціей проф. исторіи искусствъ А. А. Павловскаго	193

Памяти А. П. Чехова.

(† 2 Июля 1904 г.)

...Свой грустный смѣхъ надъ пошлостью земной,
Глубокую печаль о счастьи и волѣ,
О жизни, блещущей безсмертной красотой,
Съ собою ты унесъ,—и не придешь къ намъ болѣ.
Ты между насъ мелькнулъ средь низменныхъ заботъ
Загадочно въ ночи мерцавшею зарницей,
И свѣтъ ея угасъ, и больше не блеснетъ,
Ты не взволнуешь насъ могучею страницей...
Порой мнѣ кажется, съ тобой я говорю,
И вижу предъ собой задумчивыя очи,
И рассказать спѣшу про свѣтлую зарю,
Что къ родинѣ идетъ на смѣну долгой ночи.
И ты,—ты тоже ждалъ. Волнуясь и спѣша,
Высказывалъ ты намъ завѣтные желанья,
И жизнь тебѣ вдали казалась хороша—
Безъ рабства, нищеты, безъ гнета и страданья!
И кажется, звучить, какъ прежде, рѣчь твоя,
Усмѣшка кроткая исполнена сомнѣнья,
И слушая тебя, невольно чую я
И мысль глубокую, и трепетъ вдохновенья,
Но это призракъ только: нѣтъ его...
И больно сознавать, что лучшихъ изъ сыновъ
У родины, какъ кладъ, спѣшитъ украсть могила...
Ушелъ отъ насъ поэтъ, исполненъ вѣщихъ сновъ,
Любовь, талантъ и умъ,—все смерть заворожила.

Вл. Ладыженскій.

СВОБОДА СОБРАНИЙ И СОЮЗОВЪ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

(Историческій очеркъ).

Захватывающая въ настоящій моментъ политическаго обновленія Россіи вниманіе широкихъ общественныхъ круговъ тема свободы собраний и союзовъ распадается на три коренныхъ вопроса: какъ исторически созидалась эта свобода, какова ея современная правовая постановка и въ форму какихъ юридическихъ нормъ должно облечь ее грядущее русское законодательство?

Настоящая статья представляетъ посильный отвѣтъ на первый изъ этихъ вопросовъ: какъ росла, какъ въ борьбѣ противостоящихъ, враждебныхъ силъ господствующаго меньшинства и народа развивалась свобода собраний и союзовъ?

I.

Исторія платформы,—публичныхъ митинговъ въ Англіи,—въ странѣ, которая для новѣйшей эпохи по праву считается колыбелью гражданской свободы, ея родиной, открывается страницей миддлсекскихъ выборовъ 1768 г. По вмѣшательству правительства, палата общинъ только что исключила изъ своей среды законно избраннаго народомъ депутата за то, что онъ, Уилксъ, осмѣлился отнестись критически къ тронной рѣчи короля. Черезъ двѣ недѣли Уилксъ былъ вторично избранъ въ своемъ округѣ. На объявленіе палатою общинъ выборовъ его, какъ исключеннаго изъ парламента, недѣйствительными, миддлсекскіе избиратели черезъ мѣсяцъ отвѣчаютъ новымъ его избраніемъ. И когда палата общинъ снова расходится съ волей народа и на мѣсто Уилкса допускаетъ министерскаго кандидата, получившаго ничтожное число голосовъ, въ парламентской исторіи разыгрывается первая проба силы народныхъ собраний. Встревоженный нарушеніемъ конституціи, народъ постепенно все глубже и осязательнѣе нащупываетъ язвы прикрытаго тогдашнимъ сомнительнаго свойства «представительствомъ» гнета. Правительство предпочитаетъ потушить дѣло, и палата общинъ уже не рѣшается отказать Уилксу, избранному снова, подъ вліяніемъ агитаціи народныхъ собраний, на ближайшихъ общихъ выборахъ 1774 г., занять депутатское мѣсто въ парламентѣ.

Борьба народа съ народными представителями не исчерпывается этой первой страницей новѣйшей исторіи собраний и союзовъ, но въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій продолжаетъ опредѣлять ея содержаніе. Не правда ли: назойливый фактъ, бьющій въ глаза своей принципиальной ненормальностью? Но не ему ли въ значительной степени обязаны тѣ выросшія въ ежечасно будящей, возбуждающей политическое сознаніе общества атмосферѣ публичныхъ митинговъ великія парламентскія реформы, которыя все опредѣленнѣе и рѣшительнѣе превращали представительство народа изъ отдаленнаго, почти что мнимаго, въ болѣе дѣйствительное отраженіе всего разнообразія жизненныхъ интересовъ противостоящихъ общественныхъ группъ? Для характеристики избирательной системы Англіи въ концѣ XVIII-го вѣка достаточно вспомнить, что въ то время, какъ лондонское Сити могло выбрать лишь одного депутата на 124 тысячи гражданъ, десятки такъ называемыхъ «гнилыхъ мѣстечекъ» были въ правѣ послать въ палату общинъ 60 депутатовъ въ общемъ всего отъ 276 избирателей... На требованіе парламентской реформы, настойчиво поддержанное на митингахъ сотнями тысячъ гражданъ, палата общинъ 18-го декабря 1795 г. грозно отвѣчаетъ временнымъ закономъ о мятежныхъ собраніяхъ. Этотъ чрезвычайный актъ объявлялъ незаконнымъ обсужденіе на митингахъ «какихъ-либо измѣненій установленнаго закономъ порядка, помимо власти короля, лордовъ и общинъ, собранныхъ въ парламентъ». Онъ предоставлялъ правительству полномочіе останавливать въ собраніи, въ случаѣ нарушенія, всякую рѣчь, арестовывать оратора и разгонять митингъ, а свободнымъ англійскимъ гражданамъ грозилъ за ослушаніе не болѣе и не менѣе, какъ смертною казнью. Этотъ актъ не щадилъ и публичныхъ лекцій, и дебатовъ по нимъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, подводя такія собранія, не запасшіяся предварительнымъ разрѣшеніемъ, подъ понятіе «disorderly houses»: допущеніе реферата по общественно-политическимъ вопросамъ ставилось, такимъ образомъ, на одну доску съ содержаніемъ публичнаго притона разврата. Дополнительный актъ 19-го апрѣля 1799 г. закрывалъ рядъ ассоціацій, рассчитанныхъ якобы «на развращеніе умовъ и нравственности въ населеніи». А вслѣдъ затѣмъ угроза семилѣтней ссылки была объявлена изъ предосторожности за участіе во всякомъ обществѣ, незамѣтно расплзающемся по странѣ распаденіемъ на отдѣльныя группы или філіаціи.

Какъ ни суровы, однако, были эти мѣры, подавляющія платформу, онѣ оказались не въ состояніи надолго заглушить у народа его пробудившееся сознаніе. Если собранія и союзы начала XIX-го вѣка, обезсиленные этими драконовскими актами конца предыдущаго столѣтія, были не въ силахъ громко поддерживать требованія реорганизации народнаго представительства, то они все же сумѣли добиться вліяніемъ общественнаго мнѣнія на парламентъ хотя бы такой знаме-

нитой въ свое время реформы, какъ отрицна торговли невольниками въ 1807 году.

Въ 1816 г., когда послѣ первыхъ восторговъ побѣды, которой закончилась тяжелая двадцатилѣтняя война съ Франціей, огрубѣвшій въ этихъ безконечныхъ впечатлѣніяхъ человѣческой бойни народъ, очутившись лицомъ къ лицу съ безпросвѣтной нуждою и бѣдствіями истощенной родины, нестройной толпою вышелъ на улицу со знаменемъ «хлѣба или крови», парламентъ, выставивъ противъ него лишь ружья да висѣлицы, тѣмъ временемъ вотировалъ принцессѣ Уэльской, въ виду ея бракосочетанія съ германскимъ принцемъ, 60 тыс. ф. ст. одновременно и столько же ежегодно, кромѣ суммъ на покупку пышнаго дворца для новобрачной четы... Опираясь на эти рѣзкія противорѣчія жизни, платформа снова становится театромъ политической борьбы. «Долговременный опытъ съ полной ясностью доказалъ,—читаемъ мы въ резолюціи митинга, состоявшагося въ Лондонѣ, подѣ председательствомъ лорда-мера, 21-го августа 1816 года,—что народъ можетъ возлагать надежды только на самого себя, на единеніе своихъ силъ съ цѣлью воспользоваться своимъ конституціоннымъ правомъ и обезпечить себѣ свободное и полное представительство въ палатѣ общинъ парламента: отсутствіе такого представительства есть первоначальный источникъ всѣхъ нашихъ многочисленныхъ золъ и установленіе его явится единственно мирнымъ, надежнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ получить удовлетвореніе за прошлое и увѣренность въ будущемъ». Парламентская реформа отнынѣ становится единодушнымъ требованіемъ всѣхъ многочисленныхъ митинговъ этого времени. Не прошло и полгода, какъ число подписей подѣ вотированными на митингахъ петиціями объ этой насущной реформѣ, превысило полмилліона. И поучительно, что ни одинъ изъ этихъ митинговъ не сопровождался беспорядками...

28-го января 1817 года во время возвращенія принца-регента съ открытія сессіи парламента окно его кареты было выбито, по словамъ однихъ, камнемъ, по словамъ другихъ, шальною каменной пулей изъ духового ружья. Приписавъ этотъ фактъ винѣ публичныхъ собраній и союзовъ, будто бы разжегшихъ низменные страсти толпы, парламентъ снова обращается къ изданію повторяющаго чрезвычайный законъ 1795 г. суроваго временнаго акта о мятежныхъ сборищахъ.

Когда въ іюлѣ 1818 года окончился срокъ дѣйствія этого акта, платформа бездѣйствовала,—и у только что выбранной вновь палаты общинъ не было ни малѣйшаго повода къ продленію времени дѣйствія исключительнаго закона. Однако, наружное спокойствіе народа не означало его апатіи. Митинги все чаще слѣдовали одинъ за другимъ,—и все опредѣленнѣе и рѣзче были ихъ рѣчи и резолюціи. 30-го іюля 1819 года принцъ-регентъ пытается подавить ихъ собственной прокламаціей, не имѣющей силы закона. Но какъ бы въ отвѣтъ на

эту прокламацію народъ 16-го августа собирается, спокойно и мирно, съ женами и дѣтьми, подъ знаменами «свободы» и «всеобщей подачи голосовъ», на манчестерскій митингъ, которому нежданно-негаданно суждено было лечь мрачнымъ кровавымъ пятномъ на страницы англійской исторіи. Народное море, въ количествѣ свыше 60.000 человекъ, въ глубокое молчаніи прислушивалось къ рѣчи знаменитаго оратора-работчаго Генри Гента, когда появился отрядъ конницы, быстро несущійся къ мѣсту, гдѣ происходило собраніе. Поравнявшись съ народомъ, солдаты ринулись въ толпу, пробивая себѣ саблями путь къ трибунѣ и къ знаменамъ. Привѣтственные крики, потомъ одно безконечное мгновеніе оцѣпенѣнія, сковавшаго изумленныхъ гражданъ,—и обезумѣвшая толпа, съ глухимъ ропотомъ, съ воплями и мольбами, ринулись бѣшено, неудержимо... Черезъ нѣсколько минутъ на обширной площади оставались лишь поломанные шесты съ изорванными флагами да кучи окровавленныхъ, израненныхъ и раздавленныхъ тѣлъ.

Манчестерское собраніе глубоко взволновало всю страну: граждане, вѣками воспитанные въ уваженіи къ закону, не могли остаться безучастными къ тому, что злополучный митингъ былъ законно заявленъ за нѣсколько дней; что его цѣль—обсужденіе мѣръ къ парламентской реформѣ—была вполне легальна; что митингъ не произвелъ никакихъ безпорядковъ, не допустилъ ни одного противозаконнаго слова и что войско напало внезапно и безъ установленнаго закономъ предостереженія. Волненіе превратилось въ негодованіе, когда черезъ 3 или 5 дней послѣ побоища принцъ-регентъ объявилъ гражданскимъ чинамъ свое «удовольствіе по поводу быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, принятыхъ ими для охраненія общественнаго спокойствія», а военной власти «высокое одобреніе» за услуги, оказанныя ею въ манчестерскомъ дѣлѣ.

Волненіе не замедлило выразиться въ безчисленныхъ митингахъ, рѣчахъ и резолюціяхъ, въ подачѣ лондонскимъ городскимъ совѣтомъ принцу-регенту адреса съ просьбой «назначить немедленное и строгое разслѣдованіе совершеннаго насилія, съ тѣмъ, чтобы виновные въ немъ были подвергнуты примѣрному и достойному наказанію», и, наконецъ, восторженной встрѣчей руководившаго манчестерскимъ собраніемъ Генри Гента,—такимъ энтузіазмомъ сотенъ тысячъ народа, привѣтствовавшихъ его въ Лондонѣ, какого, по словамъ почтеннаго историка платформы, «никогда не было ни при какомъ королевскомъ шествіи во всей исторіи Англіи».

На это воодушевленіе народа правительство успѣшило отвѣтить новымъ—третьимъ и послѣднимъ—временнымъ актомъ о предупрежденіи мятежныхъ собраній (1819 г.). Повторяя, какъ и законъ 1817 г., въ главныхъ чертахъ, опредѣленія акта 1795 г., съ замѣною, впрочемъ, смертной казни 7-лѣтнею ссылкой, этотъ чрезвычайный законъ, сверхъ того, принципиально запрещалъ участіе въ митингахъ лицамъ, не имѣющимъ въ данномъ приходѣ постояннаго жи-

тельства, и выставленіе на собраніи флаговъ, знаменъ и иныхъ эмблемъ, назойливыхъ выразителей народнаго чувства.

Если бы завѣса будущаго на мгновеніе раскрылась передъ авторами этого акта, то у нихъ, вѣроятно, опустились бы руки отъ сознанія полного безсилія подавить репрессивными мѣрами свободу собраний бодрствующаго народа. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безмолвія, платформа и организующіе ее политическіе союзы съ такою кипучею страстностью, такимъ единодушнымъ воплемъ соединяются въ требованіи парламентской реформы, что палата общинъ, съ ея подкупнымъ представительствомъ гнилыхъ мѣстечекъ, не только не рѣшается обратиться къ новому чрезвычайному акту, но предпочитаетъ, правда, большинствомъ всего одного голоса, принять, какъ необходимую уступку обществу, билль, расширяющій избирательное право и лишаящій гнилыя мѣстечки ихъ привилегій по выборамъ.

Сблизивъ народъ съ его парламентомъ, эта знаменитая реформа 1832 г. научила правительство высоко цѣнить свободу собраний и союзовъ, какъ священные нити, связующія его съ милліонами гражданъ родной страны. Передъ нами отрывокъ изъ рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ Джона Рёсселя, относящейся къ эпохѣ чартистскаго движенія 40-хъ гг., когда рядъ митинговъ обездоленныхъ рабочихъ явно обнаружилъ тревожный характеръ революціонной демонстраціи физической силы. Указавъ на голоса, намекающіе на своевременность запрещенія митинговъ, почтенный министръ счелъ своимъ долгомъ протестовать, отъ имени всего правительства, противъ такого предложенія. «Свободное обсужденіе, изъ котораго познается истина,—говорилъ онъ,—есть право народа. Если у послѣдняго есть неудовольствія, то народъ въ правѣ заявлять о нихъ, чтобы они сдѣлались извѣстными и могли быть устранены; если же нѣтъ достаточныхъ поводовъ къ недовольству, то здравый смыслъ не замедлитъ явиться на выручку и положить конецъ соотвѣтствующимъ митингамъ. Правительствамъ нечего бояться открытаго выраженія общественнаго мнѣнія».

Платформа оправдала довѣріе правительства: ему нечего было стеречься грубой физической силы угнетенныхъ народныхъ массъ. Опираясь на свободную платформу, эти массы не нуждались въ баррикадахъ. Проходя въ собраніяхъ высокую политическую школу, онѣ, въ единеніи, поняли мощь и величіе нравственной силы,—и этою силою, безъ кровопролитій, сумѣли достигнуть, въ интересахъ рабочихъ классовъ страны, парламентскихъ реформъ 1867 и 1884 гг., значительно приблизившихъ англійское народное представительство къ идеалу всеобщаго избирательнаго права.

II.

Укрѣпившееся за послѣдніе семьдесятъ лѣтъ взаимное довѣріе правительства и народа, — превращеніе политической арены общественныхъ собраний и союзовъ Великобританіи въ тѣснѣйшую органиче-

скую связь англійскихъ гражданъ и ихъ представителей, мало-по-малу, цѣною безконечно тяжелыхъ усилій, непрочныхъ побѣдъ и долгихъ разочарованій реакціи, достигается и континентальными западно-европейскими государствами. Абсолютизмъ,—мертвящее господство бюрократіи, поставившей идеаломъ порядка летаргію общественнаго сознанія, былъ мрачнымъ застѣнкомъ свободы собраній и союзовъ не только тогда, когда онъ пышнымъ цвѣткомъ распускался на почвѣ народнаго гніенія, но и долго послѣ того, какъ этотъ ядовитый цвѣтокъ былъ безпощадно смятъ въ конвульсивныхъ движеніяхъ пробудившагося общества. Деклараціей правъ человѣка и гражданина 26-го августа 1789 г. учредительное собраніе Франціи гордо объявило «драгоценнымъ правомъ человѣка»—«свободный обмѣнъ мыслей и мнѣній». Ордонансъ Людовика XIII 1629 г., которымъ были запрещены всякаго рода лиги и ассоціаціи, собранія—и публичныя и тайныя, образуемыя или созываемыя безъ разрѣшенія короля или генеральнаго лейтенанта провинціи, — палъ съ этою первою вѣстью свободы. Но выросшее въ душѣ подъ его тяжестью гнетущее чувство взаимнаго недовѣрія, подозрѣнія, инстинктивное ощущеніе непримиримой розни правительства и населенія,—грубый слѣдъ вѣками подавленной гражданственности, искалѣченной нравственной силы народа, какъ призракъ, какъ кошмаръ, вставали на тернистомъ пути обновленія, толкая назадъ въ мрачную зіяющую бездну пережитаго. Для того, чтобы наглядно представить себѣ это зловѣщее наслѣдіе бюрократической опеки, достаточно указать, что съ момента деклараціи правъ и вплоть до изданія закона 1901 г., слѣдовательно, на протяженіи 112 лѣтъ, политическіе союзы во Франціи пользовались широкой свободою лишь въ теченіе трехъ короткихъ промежутковъ времени, длившихся менѣе пяти лѣтъ въ общей сложности.

Народнымъ клубамъ Франціи, — органамъ политическаго сознанія пробудившагося общества, не суждено было удержать за собой надежной позиціи гражданской школы,—той школы, которая, развивая духовныя силы народа, организуя единство стремленій, сплоченность интересовъ отдѣльныхъ членовъ противостоящихъ общественныхъ группъ, становится твердымъ связующимъ звеномъ правительства съ населеніемъ. Буржуазное представительство націи испугалось демократическихъ тенденцій клубовъ: суровымъ декретомъ 30-го сентября 9-го октября 1791 года законодательное собраніе, забывая о только что провозглашенныхъ естественныхъ и гражданскихъ правахъ, запрещаетъ клубамъ и всякимъ инымъ союзамъ гражданъ проявлять въ какой бы то ни было формѣ политическое существованіе. Тогда народъ въ замкнутыхъ клубахъ ищетъ уже не школы, но орудія непосредственной борьбы противъ правительства... Съ побѣдою монтаньяровъ (31-го мая 1793 г.) народные клубы становятся сами правящими органами. Декретъ 25-го іюля 1793 г. грозитъ за малѣйшее посягательство на возстановленную свободу народныхъ обществъ частнымъ ли-

цамъ—пятью и чиновникамъ—десятью годами тяжкаго тюремнаго заключенія. Но это виѣшнее торжество свободы собраній и союзовъ уже таило въ себѣ ядъ разложенія. Властно изгоняя изъ своей среды всѣхъ иномыслящихъ, принимая на себя полномочія очистки чиновничества и формировація новаго его состава, народные клубы измѣняли своему высокому идейному назначенію. За активное участіе въ управленіи, за власть продавалась арена свободного состязанія мысли, гражданскихъ чувствъ и убѣжденій...

Смотря на народные клубы не болѣе какъ на враждебные органы сломленнаго демократическаго режима, буржуазная реакція, послѣдовавшая послѣ паденія Робеспьера (9 терм. II г. 27-го іюля 1794 г.), обрушилась на нихъ съ безпримѣрною для конституціоннаго правительства безпощадностью. Декретомъ 25-го вандем. III г. (16-го октября 1794 г.) была воспрещена ползучая организація союзовъ, въ формѣ отдѣленій и федерацій, и на основаній этого декрета закрыть старѣйшій, развѣтвившійся по всей Франціи, клубъ якобинцевъ. Вслѣдъ затѣмъ конституція 5 фрукт. III г. (22-го августа 1795 г.), воспрещая ассоціаціи при несоотвѣтствіи «общественному порядку», тѣмъ самымъ предоставила ихъ усмотрѣнію администраціи, и попутно отняла у союзовъ дорогое право именоваться «народными обществами». Это реакціонное законодательство достигаетъ своего апогея въ законѣ 7 термид. V г. (25-го іюля 1797 г.), въ силу котораго «всякое частное общество, занимающееся политическими вопросами, временно закрывается». Впрочемъ, шесть недѣль спустя, этотъ слишкомъ прямолинейный законъ былъ замѣненъ другимъ, спасающимъ клубы правительственнаго оттѣнка: запрещеніе было ограничено лишь тѣми политическими союзами, въ которыхъ будутъ провозглашаться принципы, противные конституціи III года, утвержденной извѣрившимся, утомленнымъ народомъ.

Бурная эпоха революціи осталась позади,—и обновленная государственность, казалось, широко открывала пути къ мирному развитію общественныхъ силъ. Но шли года, смѣнялись десятилѣтія, а свобода ассоціацій, живо воскресшая въ представленіи буржуазіи ужасы кровавой эпохи политическаго господства клубовъ, продолжала оставаться подъ строгимъ запретомъ. Упраздняя пестрое революціонное законодательство объ обществахъ, уголовный кодексъ Наполеона ставитъ всякаго рода союзы, хотя бы и не публичные, политическіе, религіозные, литературные и иные, состоящіе болѣе чѣмъ изъ 20-ти членовъ, въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія правительства (Art. 291). Бюрократическая опека даетъ себя знать съ тѣмъ большею силою, что другая статья того же кодекса грозитъ взысканіемъ хозяину дома или квартиры за предоставленіе, безъ особаго разрѣшенія власти, помѣщенія для собранія членовъ хотя бы и утвержденаго общества (Art. 294).

Уступка либеральнымъ завѣтамъ революціонной эпохи, брошенная

Наполеономъ въ видѣ допущенія свободнаго образованія мелкихъ союзовъ, публичныхъ и тайныхъ, въ составѣ не болѣе 20-ти членовъ, даетъ возможность республиканской партіи 30-хъ годовъ покрыть Парижъ и бросить въ провинцію цѣлую сѣть мелкихъ секцій общества «Правъ человѣка». Однако, послѣ неудачныхъ возстаній 1832 и 1834 гг., республиканская партія подвергается суровому гоненію. Законъ 10-го апрѣля 1834 года кладетъ ярмо предварительнаго разрѣшенія и на такіе союзы, которые имѣютъ свыше 20-ти членовъ не только въ отдѣльныхъ секціяхъ, но и въ совокупномъ составѣ своихъ фракцій.

Суровое въ отношеніи къ союзамъ, французское правительство первой половины XIX-го вѣка оставляло, однако, неприкосновенною свободу собраний: случайный протестъ преходящихъ собраний не представлялся ему столь грознымъ, какъ организованная оппозиція постоянныхъ клубовъ. Къ тому же, исчезая въ подпольную область тайныхъ обществъ, демократическія и соціальныя стремленія народа рисковали, при высокомъ буржуазномъ давленіи, превратиться въ настоящій вулканъ, и право собраний являлось своего рода предохранительнымъ клапаномъ для явнаго, публичнаго ихъ выраженія.

Съ своей стороны, общество ревниво охраняло, какъ священный остатокъ своихъ вольностей, неприкосновенность собраний. 21-го февраля 1848 года правительство, встревоженное цѣлою серіей подготовленныхъ броженіемъ тайныхъ обществъ «національныхъ банкетовъ», объединившихъ оппозицію въ требованіи отмены ценза и введенія всеобщаго избирательнаго права, воспретило устройство банкета въ честь депутатовъ, защитниковъ этой реформы. На слѣдующій день, 22-го февраля, парижане отвѣтили на это грозною манифестаціею.

Незаконная мѣра противъ собраний оказалась искрой, разомъ взорвавшей затаенное недовольство народа. 23-е февраля было уже первымъ днемъ революціи сдавленныхъ экономическимъ гнетомъ и лишенныхъ, за неимѣніемъ ценза, политическаго вліянія невластвующихъ общественныхъ группъ.

Насталъ скоротечный медовый мѣсяцъ свободы собраний и союзовъ. Постановленіемъ отъ 19-го апрѣля временное правительство поставило ихъ подъ свою защиту: «Республика жизненна свободой и свободной дискуссіей. Политическіе клубы для нея необходимость, для гражданъ—право». Но уже послѣ іюньскихъ дней учредительное собраніе послѣшило декретомъ о клубахъ 28-го іюля (2-го августа) ввести свободу собраний и союзовъ въ такія рамки, которыя облегчили бы надзоръ за ними: въ основу быть положенъ явочный порядокъ, причемъ обязанность заявленія была распространена даже и на непубличныя собранія. Непубличныя собранія съ политической цѣлью нуждались, но только они одни, въ предварительномъ разрѣшеніи. Тайныя общества объявлялись противозаконными, и ихъ участники подлежали уголовному преслѣдованію. Этотъ законъ, за исключеніемъ статьи о тайныхъ обществахъ не удержался, однако, въ вихрѣ событій: его смѣ-

няло то провозглашеніе широкой свободы союзовъ (конституція 4-го ноября), то суровыя временныя запрещенія собраній и клубовъ. Декабрьскій переворотъ 1851 г. принесть чудовищный декретъ о ссылкѣ членовъ тайныхъ обществъ въ Алжиръ или Каенну: на основаніи его было выслано въ колоніи преступниковъ до 10.000 лицъ, не сочувствующихъ подвигамъ правительства.

Декретомъ 25-го марта 1852 года было возстановлено наполеоновское законодательство о союзахъ, дѣйствовавшее до февральской революціи 1848 года: при этомъ въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія администраціи были поставлены не только союзы, но и собранія въ составѣ свыше 20-ти членовъ. Этому режиму были подчинены собранія всякаго рода, даже избирательныя!

Тяжелыя цѣпи исторіи удержали своею желѣзною силою изступленный народъ, когда въ моментъ энтузіазма, вдохновленный, онъ, казалось, достигъ уже завѣтныхъ дверей золотого царства новыхъ чарующихъ формъ жизни, и теперь, измученный непосильной борьбою за лучшую долю, онъ лежалъ распластанный, безпомощный, жалкій въ своей апатіи. Добыча побѣдителя—всеобщее избирательное право, которое онъ брезгливо держалъ въ своихъ рукахъ, не могла замѣнить несбывшейся грезы о соціальной республикѣ. Для него были безразличны маневры дворцовыхъ *coup d'état*; онъ лѣниво бросалъ свои избирательные листки официальнымъ кандидатамъ правительства. А послѣднее, съ бывшимъ президентомъ, отнынѣ императоромъ во главѣ, опутавъ тенетами соннаго исполина, уже спѣшило то урѣзанными либеральными концессіями, то заманчивымъ обѣщаніемъ легкихъ военныхъ побѣдъ отвести грозу пробужденія. Закономъ 6-го іюня 1868 года оно уступаетъ народу свободу собраній избирательныхъ, литературныхъ, научныхъ и иныхъ, упрямо сохраняя, однако, старый режимъ для собраній политическихъ, собраній религіозныхъ и для всякаго рода союзовъ. Постыдный для гордой Франціи седанскій погромъ, мудрая отплата исторіи за апатію народа и за духовный развратъ его правителей, заставилъ снова съ небывалою силою воспрянуть угнетенныя массы,—безъ труда стряхнуть гнилыя надстройки второй имперіи, и снова неудержимо ринуться къ далекимъ и столь близкимъ въ минуты идейнаго подъема алѣющимъ горизонтамъ соціального рая съ фанатичной надеждою достигнуть его однимъ безумнымъ усиленіемъ воли.

Тысячи передовыхъ бойцовъ, пронизанныхъ пулями, остались бездыханною грудой труповъ у обгащенной ихъ горячею кровью каменной стѣны кладбища. И тогда съ необычайной ясностью раскрылась необходимость предпочесть иной путь къ далекой цѣли—долгій путь неустанной упорной борьбы, путь неусыпной бодрости, ежечасно будящей сознаніе, путь неуклонной организаціи, продолжающей все шире и тѣснѣе объединять, безъ различія государствъ и націй, безчислен-

ныя арміи трудящихся классовъ, въ одно спаянное цѣлое, мощное сознаніемъ общности своихъ интересовъ и цѣли.

Закономъ 14—23 марта 1872 г. французское правительство объявляетъ преступнымъ посягательствомъ на общественный миръ интернаціональный рабочій союзъ и всякую иную международную ассоціацію, ставящую цѣлью устройство забастовокъ, уничтоженіе права частной собственности, семьи, отечества, религіи и свободы религіознаго культа. Участникамъ союза грозитъ тюремное заключеніе до 2 лѣтъ и на срокъ до 10 лѣтъ лишеніе правъ политическихъ.

Это была, однако, уже послѣдняя, почти не примѣнявшаяся на практикѣ, безнадежная попытка подавить свободное развитіе собраний и союзовъ въ новѣйшей исторіи Франціи.

Роковой седанскій погромъ остался на груди народа грознымъ крестомъ, отражающимъ позорныя попытки погруженія его въ безпросвѣтную тьму невѣжества. Вліятельныя политическія партіи, при всемъ разнорѣчіи умѣренно буржуазныхъ, радикально-демократическихъ и соціальныхъ программъ, единодушно сплотились вокругъ трехцвѣтнаго знамени республики въ дѣлѣ поднятія духовнаго уровня населенія. Законъ 30-го іюня 1881 г. восстанавливаетъ свободу политическихъ и религіозныхъ собраний. Вслѣдъ затѣмъ законъ 21-го марта 1884 г. открываетъ широкій путь къ свободному развитію профессиональнымъ синдикатамъ предпринимателей и рабочихъ, фактически, вопреки категоричному запрещенію стариннаго декрета 14—17 іюня 1791 г., объединявшимъ въ эту пору уже многіе десятки тысячъ трудящагося люда.

Эта освободительная политика завершается закономъ 1-го іюля 1901 г. о договорѣ ассоціаціи: право свободного образованія, безъ предварительнаго разрѣшенія власти, распространяется на всякаго рода союзы, независимо отъ числа ихъ членовъ. Отмѣняются запрещенія, касавшіяся политическихъ клубовъ, тайныхъ обществъ и международныхъ союзовъ рабочихъ. Лишь такъ называемыя «религіозныя конгрегаціи», іезуитскіе ордена,—гнѣзда пропаганды, враждебной развитію свободной гражданственности, встрѣчаютъ въ интересахъ духовнаго освобожденія народа, все болѣе сплоченный и рѣзкій отпоръ...

III.

Давленіе бюрократическихъ пережитковъ полицейскаго государства на развитіе собраний и союзовъ ошутительно даетъ себя знать и въ исторіи конституціонной Германіи. Подъ стремительнымъ натискомъ мартовскихъ бурь имперская конституція 1849 г. объявляетъ свободу собраний и союзовъ основнымъ правомъ германскаго народа. Однако, съ переходомъ добраго самодовольнаго бюргерства изъ оппозиціи на сторону тревожимаго красными призраками порядка и при подавлен-

ности демократическихъ элементовъ, «основнымъ правамъ», совмѣстно со всею почтенною тяжестью бумажныхъ реформъ злосчастнаго франкфуртскаго парламента, суждено было безсильно потонуть въ мутныхъ волнахъ реакціи. Постановленіе до-революціоннаго союзнаго сейма отъ 5-го іюля 1832 г., съ его безусловнымъ запрещеніемъ всѣхъ политическихъ союзовъ, уступаетъ свое мѣсто слѣдующему постановленію послѣ революціоннаго союзнаго сейма отъ 13-го іюля 1854 г.: «Во всѣхъ германскихъ союзныхъ государствахъ могутъ быть терпимы только такіе фереины, которые будутъ въ состояніи достаточнымъ образомъ доказать, что ихъ цѣли совмѣстимы съ имперскимъ и земскимъ законодательствомъ и не угрожаютъ общественному порядку и безопасности». «Въ отношеніи политическихъ фереиновъ, поскольку земское законодательство не воспрещаетъ ихъ вообще и не ставитъ въ зависимость отъ особыхъ правительственныхъ разрѣшеній, могутъ быть издаваемы, смотря по обстоятельствамъ, особые временныя ограниченія и запрещенія». «Въ интересахъ же общей безопасности союзныя правительства обязуются въ томъ, что рабочіе союзы, преслѣдующіе политическія, соціалистическія или коммунистическія цѣли, буде они еще существуютъ въ ихъ областяхъ, будутъ закрыты въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и образованіе подобныхъ союзовъ на будущее время воспрещено подъ страхомъ наказанія». Положимъ, этотъ союзный актъ былъ исполненъ не во всѣхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ (такъ, его не приняла Пруссія, Баварія и скоро отвергли Ганноверъ и Вюртембергъ), однако принципъ основного права германскаго народа на свободу союзовъ и сходокъ былъ даннымъ постановленіемъ глубоко поколебленъ. Германская конституція 16-го апрѣля 1871 г. принципиально отказалась отъ возведенія такъ называемыхъ «основныхъ правъ» гражданъ на степень конституціонныхъ гарантій: поставивъ краеугольнымъ камнемъ политическаго освобожденія предоставленіе народу всеобщаго прямого избирательнаго права, съ тайною подачею голосовъ, она только ограничилась включеніемъ полномочія регламентировать свободу союзовъ въ компетенцію имперскаго законодательства (Art. 4 Abs. 16). До тѣхъ же поръ, пока имперскія власти не используютъ этого полномочія, должны оставаться въ силѣ законоположенія отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, какъ бы ни были они стѣснительны для свободы собраній и союзовъ. Вслѣдъ за изданіемъ конституціи, въ томъ же 1871 г. въ рейхстагъ, по инициативѣ прогрессивной партіи, былъ внесенъ проектъ имперскаго закона, гарантирующаго эту свободу. Но представители союзнаго правительства отклонили названный проектъ обѣщаніемъ внести въ ближайшую сессію рейхстага свой собственный.

Однако, сессіи чередовались одна за другой, а правительство продолжало молчаливо уклоняться отъ выполненія своего обѣщанія. Правда, въ 1878 г. оно нарушило это молчаніе проведеніемъ исключительнаго закона 21-го октября «противъ общепасныхъ домогательствъ

соціалъ-демократіи». Встревоженное ростомъ политическаго сознанія трудящихся классовъ, оно, вмѣсто укрѣпленія конституціонныхъ за-
вѣтовъ свободы, возложило на полицію *обязанность* запрещать со-
бранія и закрывать союзы, которые «путемъ соціалъ-демократическихъ
соціалистическихъ или коммунистическихъ домогательствъ задаются
ниспроверженіемъ (Umsturz) существующаго государственнаго и обще-
ственного порядка», какъ будто дѣло шло не объ идейной пропагандѣ,
не о духовномъ перерожденіи человѣка, а о какихъ-то попятныхъ
грубой силы, о какомъ-то насильственномъ разрушеніи зиждущагося
на кристально чистыхъ основахъ одной высокой морали соціально-
политическаго уклада... Это былъ временный законъ, съ четырехъ-
лѣтнимъ срокомъ дѣйствія. Впослѣдствіи, постепенно, время его дѣй-
ствія было продолжено до 30-го сентября 1890 г.

Путемъ необычайныхъ репрессивныхъ мѣръ удалось разру-
шить официальную организацію германской соціалъ-демократической
партіи и на ближайшихъ выборахъ въ рейхстагъ понизить на цѣлую
треть (съ 493 т. до 313 тыс.) число голосовъ, которыми она распо-
лагала передъ изданіемъ исключительнаго закона. Насколько, однако,
мало устойчивъ былъ этотъ успѣхъ, показываетъ непрочная побѣда силы
надъ ростомъ духовной мощи народа: названная партія, насчитывавшая
передъ изданіемъ закона о соціалистахъ около $\frac{1}{2}$ милліона голосовъ
(9% общаго числа), черезъ три четырехлѣтія, въ послѣдній годъ
примѣненія исключительнаго закона, имѣла въ своихъ сплоченныхъ
рядахъ уже до полутора милліона (1.427 т.) избирателей (20% общ.
числа). 25-го января 1890 г. рейхстагъ отказалъ, наконецъ, союзному
правительству въ удержаніи на дальнѣйшее время этого анахро-
низма полицейскаго произвола въ прогрессивномъ укладѣ культурной
Германіи.

По устраненіи съ перваго плана чудовищныхъ формъ исключитель-
наго закона, положеніе собраний и союзовъ, на фонѣ партикулярнаго
законодательства отдѣльныхъ составныхъ частей имперіи, представило
въ высшей степени пеструю картину.

Либеральный законъ Вюртемберга освобождаетъ устроителей
общественнаго собранія отъ полицейской явки, если о собраніи было
сдѣлано предварительно публичное оповѣщеніе. Въ Баденѣ и Гессенѣ
совсѣмъ не требуется заявленія полиціи о народномъ собраніи. Въ
Баваріи явка обязательна лишь для *публичныхъ* собраний съ цѣлью
обсужденія общественныхъ дѣлъ. Напротивъ, Пруссія, Саксонія и др.
распространяютъ обязанность предварительнаго заявленія полиціи и
на устройство непубличныхъ собраний для частнаго обсужденія, при
любезномъ участіи полицейскаго комиссара, дѣлъ общественнаго
характера...

По законамъ Бадена, Брауншвейга и др., для устройства народнаго
собранія подъ открытымъ небомъ требуется лишь предварительное о
томъ заявленіе полиціи; Пруссія, Баварія, Саксонія ставятъ устройство

такого собранія въ зависимость отъ предварительнаго полицейскаго разрѣшенія; въ Мекленбургѣ публичныя собранія съ политическою цѣлью, а въ Эльзасъ-Лотарингіи и всякія публичныя собранія вообще подъ открытымъ небомъ безусловно воспрещаются.

Между тѣмъ какъ свобода отъ усмотрѣнія правительства политическихъ союзовъ и сходовъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ въ большинствѣ германскихъ государствъ признается, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, Мекленбургъ, согласно особому Высочайшему повелѣнію, допускаетъ образованіе фереиновъ и устройство публичныхъ собраній для политическихъ цѣлей лишь съ дозволенія министерства внутреннихъ дѣлъ. Княжество Рейссъ старшей линіи идетъ дальше: оно хранитъ безусловное запрещеніе всѣхъ политическихъ союзовъ.

Въ то время, какъ въ Пруссіи независимость собраній въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и союзовъ отъ предварительнаго разрѣшенія возводится на степень конституціонной гарантіи (Art. 29 и 30 прусской конституціи 31-го января 1850 г.), Ольденбургъ, Саксенъ-Альтенбургъ и нѣкоторые др. остаются подъ гнетомъ постановленія союзнаго сейма отъ 13-го іюля 1854 г. Несмотря на отмѣну исключительнаго закона 1878 г., надъ здѣшнимъ населеніемъ продолжаетъ тяготѣть безусловная проскрипція «рабочихъ союзовъ и братствъ, преслѣдующихъ политическія, соціалистическія цѣли»...

Какъ ни стѣснительны, однако, указанные пережитки глухой реакціи пятидесятихъ годовъ, они далеко уступаютъ, по своему роковому значенію для политической организаціи общества, враждебной силѣ запрещенія политическимъ фереинамъ завязывать связи другъ съ другомъ. Этотъ запретъ, заимствованный изъ арсенала худшихъ временъ французской и англійской реакціи, продолжалъ съ пятидесятихъ годовъ оставаться закономъ большинства отдѣльных германскихъ государствъ (Vereinsgesetz Пруссіи, § 8 Abs. 1 b; таб. Art. 17, Саксоніи § 24 и др.). Благодаря ему, политическіе фереины не могли разбиваться на отдѣленія, или выдѣлять изъ себя комитеты, или объединяться въ федераціи, мѣстныя организаціи не могли имѣть легально центрального органа и даже не имѣли права вступать между собою въ перениску. Едва ли надо говорить, какимъ тяжелымъ тормазомъ являлась эта система стѣсненій для свободного развитія политическихъ партій страны.

Тщетно, однако, соціалъ-демократическая и свободомыслящая народная партія предлагаютъ рейхстагу проекты общенѣмскаго закона о собраніяхъ и союзахъ, который былъ бы достоинъ культурной Германіи: проведеніе законопроекта, обеспечивающаго свободу собраній и союзовъ, каждый разъ наталкивается на упорное сопротивленіе союзнаго правительства. Потерявъ надежду осуществить въ данный моментъ подобный законопроектъ въ его цѣломъ составѣ, партіи лѣвой объединяють въ 1896 г. большинство рейхстага въ неотложномъ требованіи отмѣны запрещенія политическимъ фереинамъ соеди-

няться между собою. Когда это требованіе попутно заявляется при обсужденіи гражданскаго уложенія, имперскій канцлеръ возражаетъ увѣреніемъ, что нѣмецкія государства, въ которыхъ данный запретъ существуетъ, твердо рѣшились отмѣнить его прежде, чѣмъ когда гражданское уложеніе будетъ введено въ дѣйствіе. Саксонія, Баварія и др., дѣйствительно, не замедлили исполнить это обѣщаніе, но прусская палата не только рѣшительно отказывается пойти на уступку, но лишь большинствомъ какихъ-нибудь 4 голосовъ отвергаетъ встрѣчный проектъ палаты господъ о дальнѣйшемъ обузданіи свободы собраний и союзовъ въ Пруссіи. Въ декабрѣ 1899 г. наболѣвшій вопросъ снова ставится на обсужденіе рейхстага, и послѣдній подавляющимъ большинствомъ голосовъ (противъ высказались лишь обѣ консервативныя партіи) принимаетъ слѣдующую формулу: «Находящіеся въ предѣлахъ имперіи фереины всякаго рода имѣютъ право вступать въ связь между собою. Противоположныя постановленія отдѣльныхъ государствъ теряютъ силу». Союзное правительство соглашается на компромиссъ, и 11-го декабря 1899 г. это *votum* становится имперскимъ закономъ.

Этотъ цѣнный успѣхъ по расчисткѣ народу пути къ свободному развитію его силъ выступилъ въ германской исторіи наканунѣ XX в. залогомъ и свѣтлымъ вѣстникомъ новыхъ побѣдъ. Здѣсь въ подтвержденіе достаточно напомнить, что та политическая партія, борьба съ которой была въ то же время упрямой борьбою противъ свободы,—основы конституціоннаго строя,—партія, которая всегда самоотверженно, съ непоколебимой настойчивостью, стояла за широкую свободу собраний и союзовъ, потому что пробужденіе и объединеніе сознательныхъ силъ народа было ея вѣрнымъ высокимъ девизомъ,—на выборахъ 1903 г. имѣла на своей сторонѣ уже свыше 3 милліоновъ голосовъ,—до 32% всѣхъ полноправныхъ гражданъ великой германской имперіи.

IV.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько справокъ относительно правилъ о собраніяхъ и союзахъ въ нашемъ законодательствѣ.

Опакѣ подвергаются сперва—по воинскому артикулу 30-го марта 1716 г.—«подозрительныя сходбища и собранія воинскихъ людей, хотя для совѣтовъ какихъ-нибудь (хотя и не для зла), или для челобитья, чтобъ общую челобитную писать, черезъ что возмущеніе или бунтъ можетъ сочиниться» (арт. 133). Скоро путемъ «распространительнаго толкованія» этотъ запретъ переносится и на гражданское населеніе.

Въ народѣ долго хранились воспоминанія о прежнихъ вольностяхъ и по властному призыву церковнаго колокола, не взирая на запрещенія, русскій народъ въ теченіе XVIII-го в. еще продолжалъ—по старинѣ—нести на общественную сходку свои думы, и веселье, и слезныя нужды. Своевременно понявъ, что этотъ будящій душу звонъ

«общей тишинѣ и спокойствію противенъ», правительство указомъ сената отъ 5-го августа 1769 г. запрещаетъ созывать народъ уда-ромъ въ набатъ, иначе, какъ въ случаѣ нападенія непріятеля, наводненія, пожара, да и то, впрочемъ, только съ разрѣшенія главнаго мѣстнаго полицейскаго начальства. Но это распоряженіе не сразу возымѣло силу,—и два года спустя уже святѣйшій синодъ предписы-ваетъ духовному начальству «наискрѣпчайшее имѣть смотрѣніе, чтобъ у колоколенъ двери были крѣпкія, и у оныхъ замки твердые и надеж-ные, которые всегда запираетъ и ключи отъ нихъ имѣть священни-камъ у себя, дабы люди злонамѣренные набатовъ не били и тѣмъ смятенія въ народѣ не чинили».

«Уставъ благочинія» 8-го апрѣля 1782 г. опредѣленно воспрещаетъ «сходбища подозрительныя» и «скопища», какъ «уголовныя преступле-нія противу народной тишины». «Буде въ части (города) окажется незаконное сходбище, или скопище людей, то частный приставъ дол-женъ находиться тутъ на мѣстѣ, чтобъ всякаго паки заставить войти въ свою стезю, и разойтись по домамъ, и жить покойно и безмятежно, непокорливаго же имать подѣ стражу» (ст. 230 п. 1 и 6; ст. 124, ср. ст. 272 п. 1 и 6). Для обществъ «Уставъ благочинія» устанавли-ваетъ начало правительственнаго разрѣшенія: «Буде кто учнетъ заво-дить, или зачнетъ общество, товарищество, братство или иное подоб-ное собраніе, безъ вѣдома и согласія Управы благочинія, да отдается, яко ослушникъ, подѣ стражу, и отошлется въ судъ» (ст. 250).

Приведенныя нормы съ сенатскимъ и синодскимъ указами вкупѣ входятъ въ уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій на-шего дѣйствующаго законодательства. При этомъ признакъ подозри-тельности и незаконности въ понятіи запрещеннаго собранія замѣ-няется моментомъ нарушенія порядка, общественной тишины и спо-койствія. Согласно ст. III «запрещаются сходбища и собранія для со-вѣщанія или дѣйствія, *общей тишины и спокойствію противныхъ*», и по ст. 113, «когда соберется народъ въ шумномъ и безпорядочномъ скопищѣ, то полиція должна заставить толпу разойтись по домамъ».

Въ виду такой редакціонной перемѣны, собранія, безъ нарушеній порядка, общей тишины и спокойствія, избѣгали безусловнаго запре-щенія со стороны закона. А такъ какъ особое дозволеніе полиціи, согласно ст. 135 того же устава, опредѣленно требовалось лишь для «общенародныхъ игръ, забавъ и театральныхъ представленій», то устройство собраній всякаго иного рода не нуждалось и въ предва-рительномъ разрѣшеніи подлежащей власти.

Напрасно мы стали бы искать и въ томъ же уставѣ, и въ срод-ныхъ статьяхъ устава о наказаніяхъ (ст. 38—40), и въ другихъ дѣй-ствующихъ законахъ россійской имперіи нормъ, устанавливающихъ иного рода отношеніе нашего законодательства къ собраніямъ.

А. Елистратовъ.

БЕЗЪ ТАЛАНТА.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ Матесъ Нехемовъ сталъ брать уроки нѣмецкаго языка и готовится къ поступленію въ нѣмецкій университетъ, старшій братъ его и опекунъ Рувимъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Онъ вспоминалъ, что самъ онъ въ молодости, кромѣ Талмуда, почти ничему не учился, что онъ женился по принужденію покойныхъ родителей на некрасивой грубой женщинѣ, съ которой онъ потомъ развелся, что вся жизнь ушла на скучныя не нужныя операціи со ссудами, векселями, процентами и учетомъ, и во всемъ, что дѣлаетъ братъ, ему казалось что-то великое, прогрессивное, освобождающее, отъ чего вся эта сѣрая безцвѣтная, тусклая жизнь еврейскаго мѣщанина должна будетъ окраситься въ сверкающій и яркій колоритъ.

— Матесъ! Матесъ! куда дѣвался этотъ Матесъ?—кричалъ онъ, бѣгая по своему кабинету съ пачкой книгъ въ рукахъ.—Хая! Хая! вы не видѣли этого Матеса?—крикнулъ онъ, заглядывая на кухню.—Нѣтъ, не видали? Какъ вамъ это нравится? Онъ ушелъ безъ книгъ! Матесъ! Матесъ! Ма... Максимилианъ! Максимилианъ!—закричалъ онъ, высовываясь изъ окошка на улицу.

Молодой человѣкъ, который медленно шагалъ по тротуару, и думалъ о томъ, сколько еще прекрасныхъ моментовъ борьбы переживетъ человѣчество, раньше чѣмъ достигнетъ идеала всеобщаго счастья, съ недоумѣньемъ обернулся.

— Кого ты тамъ зовешь, Рувимъ?—спросилъ онъ.

— Поди сюда! Поди сюда, я тебѣ говорю!—повторялъ тотъ, энергично махая руками.

— Кто же этотъ Максимилианъ?—съ любопытствомъ спросилъ Матесъ, подходя къ окну и кладя обѣ руки на подоконникъ.

— Такъ что же ты хочешь, чтобы я на всю улицу кричалъ «Матесъ»?—сердитымъ шопотомъ отвѣтилъ Рувимъ.

Матесъ взглянулъ на него и вдругъ расхохотался, и его дѣтскій счастливый и радостный смѣхъ слился съ тихимъ шопотомъ весенняго вечера.

— Теперь я уже совсѣмъ сталъ Максимилианъ! теперь я уже совсѣмъ сталъ Максимилианъ!—повторялъ онъ сквозь смѣхъ.—Ха ха, ха! Новое имя! А тебя какъ теперь зовутъ? Рудольфъ? да? Или подожди, подожди, я уже выдумалъ... тебя зовутъ, какъ вотъ въ тѣхъ романахъ... Раймундъ, да, Раймундъ, Раймундъ Халкелевичъ, ха, ха, ха!

— Ну, довольно тебѣ уже смѣяться, дуракъ—ворчалъ Рувимъ, сердито глядя ему прямо въ глаза:—а, можетъ быть ты меня совсѣмъ уговоришь, что у евреевъ очень красивенькія имена!

Матесъ задорно поднялъ голову и заложилъ руки назадъ.

— Если бы у насъ были не только некрасивыя имена, но даже очень и очень некрасивыя имена, то все-таки въ наше время уже совсѣмъ не надо стыдиться за еврейское имя. Совсѣмъ не надо!—серьезно заговорилъ онъ.

Но, вспомнивъ свое свѣжеиспеченное новое имя, онъ опять расхохотался такъ заразительно и громко, что Рувимъ забылъ свою воркотню и принялся смѣяться вмѣстѣ съ нимъ.

Нѣсколько минутъ они смотрѣли другъ на друга, забывъ, зачѣмъ они тутъ стоятъ, и, не переставая смѣяться. Наконецъ, Матесъ, сообразивъ, что если они не разойдутся, то, пожалуй, прохочутъ такъ до ночи, повернулся, чтобы идти своей дорогой.

— Стой! стой! куда ты идешь? Смотри, я совсѣмъ забылъ, зачѣмъ я его звалъ: вѣдь ты забылъ свои книги, ученичекъ ты мой хорошенькій!

— Ой, Боже мой! что же это такое? Какъ я могъ забыть ихъ?—заволновался Матесъ;—что сказала бы Анна Владиміровна?

Рувимъ взглянулъ на него съ выраженіемъ безпредѣльной нѣжности.

— А ты понимаешь, что ты дѣлаешь? ты понимаешь? заговорилъ онъ, захлебываясь отъ восхищенія.—Когда я только вспоминаю, вѣдь я за голову прямо-таки хватаюсь! Вѣдь, если бы отецъ съ матерью жили, они бы, вѣдь, себя, убили, или ты думаешь, можетъ быть, что нѣтъ? Онъ учится у Анны Владиміовны по-нѣмецки! Таки не у кого-нибудь такъ себѣ, а у Анны Владиміовны—вѣдь это настоящій романизмъ! А какъ я женился—ты знаешь? Положимъ - таки я развелся съ нею, я-таки развелся...

Онъ произнесъ эти послѣднія слова съ выраженіемъ такой живой радости, точно онъ только что развелся съ этой женой, которая уже пятнадцать лѣтъ была за мужемъ за другимъ. И Матесъ тоже радостно перевелъ духъ, словно только что узналъ объ этомъ разводѣ.

— Все идетъ впередъ! все идетъ впередъ!—съ увлеченіемъ продолжалъ Рувимъ.—Когда теперь даже самый простой бѣднякъ

ищетъ плодовъ просвѣщенія. Ну, посмотри, если хочешь при-мѣръ, на этого Виктора: въ мое время онъ былъ бы простой оремъ-бохеръ, а теперь онъ себѣ читаетъ по-русски, курить папиросы въ субботу... что папиросы: я почти могу побожиться, что онъ уже попробовалъ трѣфное... какъ ты думаешь?

И онъ пытливо взглянулъ брату въ глаза. Самъ онъ ни разу не осмѣлился бы вскрыть въ субботу письмо, но въ душѣ онъ мечталъ о томъ, чтобы еврейскій народъ отказался когда-нибудь отъ всѣхъ ритуаловъ.

Матесъ прислонился къ косяку подоконника и оглянулся на тихую улицу провинціального городка.

— Какъ хорошо, — произнесъ онъ, — какъ хорошо это, что бываетъ весна.

Рувимъ посмотрѣлъ на него, улыбнулся, вдохнулъ полною грудью ароматный весенній воздухъ, и невольно съ губъ его сорвалось его затаенное завѣтное желаніе.

— Ты непременно долженъ жениться по любви, только по любви, Матесъ, — произнесъ онъ громкимъ убѣдительнымъ шопотомъ.

Матесъ молчалъ и улыбающимися глазами смотрѣлъ вдаль. Отблескъ вечерней зари нѣжной розоватой дымкой ложился на его худое, подвижное лицо, и въ его большихъ темныхъ глазахъ переливались золотистыя искры. Онъ смотрѣлъ на мирную улицу, утопающую въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, и тихія, нѣжныя, прекрасныя картины подымались съ самаго дна его души. Онъ думалъ о томъ, какъ хорошо жить, и какъ еще много великаго и прекраснаго ждетъ его впереди. Онъ думалъ о Викторѣ, о еврейскихъ рабочихъ, объ Аннѣ Владимировнѣ, о ея прелестной комнатѣ съ роялемъ и цвѣтами, о томъ, какъ это хорошо выходить, когда начинаешь понимать нѣмецкія книги, и какая еще масса великихъ писателей, съ которыми ему надо познакомиться, и какъ еще много великолѣпныхъ книгъ, и брошюръ, и стиховъ, и пѣсенъ и великихъ дѣлъ покажетъ ему Викторъ. Потомъ вдругъ все это слилось въ одно волшебное, чудное чувство, и въ головѣ выросли образы романа, который онъ писалъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ, и который развивался и росъ съ каждымъ моментомъ его жизни.

Онъ вздохнулъ тихо, тихо, словно боясь нарушить свои думы, и пошелъ.

— Ну, вотъ вы, наконецъ. А я думала, что вы совсѣмъ уже сегодня не придете, — сказала Анна Владимировна, встрѣчая его на порогѣ своей комнаты.

— Анна Владимировна, простите: это въ первый и послѣдній разъ, — оправдывался Нехемовъ, съ виноватою улыбкой глядя на

ей красивое, усталое лицо. — Если въ другой разъ опоздаю, вы мнѣ совсѣмъ не дадите урока, совсѣмъ,—это будетъ худшее наказаніе. Но сегодня вѣдь нельзя, Анна Владимировна, сегодня вѣдь я долженъ узнать, какъ кончается «Вертеръ».

Анна Владимировна съ усталой улыбкой развернула книгу и попросила его читать.

Онъ читалъ о томъ, какъ Вертеръ хочетъ покончить съ собой и не могъ вѣрить. Это было слишкомъ бессмысленно и дурно. Наконецъ, не оставалось больше никакихъ сомнѣній.

— Нѣтъ, Анна Владимировна, что вы на это скажете?—воскликнулъ онъ, взволнованно бросая на столъ свою книгу.—Вѣдь я еще все думалъ, что онъ останется жить. По крайней мѣрѣ, въ современной жизни онъ уже нашелъ бы для себя мѣсто.

И онъ заглянулъ ей въ глаза, какъ ребенокъ, который боится, что старшіе не согласятся съ его мнѣніемъ.

— Да на что вамъ нужна его жизнь?—нехотя отвѣтила Анна Владимировна, не глядя на него.

— Какъ на что его жизнь? Анна Владимировна, что вы говорите? Онъ вѣдь такой способный, такой замѣчательный... а! Какъ зачѣмъ ему жить? Если онъ меня спросилъ бы, я бы ему уже сказалъ... Четверть года тому назадъ не сказалъ бы, а теперь я узналъ... Есть такъ много работы... я вамъ еще расскажу когда-нибудь... и вдругъ самоубійство!

Анна Владимировна взглянула на него и какъ-то вяло и неохотно, словно только для того, чтобы умѣрить живость его вопросовъ, начала возражать.

— Самоубійство, какъ проявленіе жизни, не хуже, и не лучше другихъ ея проявленій,—медленно и монотонно говорила она.—Жизнь некрасива, ненужна и глупа, и прекратить ее мы можемъ не иначе, какъ такъ же нелѣпо, бессмысленно и безвкусно.

Нехемовъ съ наивнымъ ужасомъ всплеснулъ руками.

— Ахъ! почему вы это говорите? почему?—воскликнулъ онъ съ выраженіемъ искренняго отчаянія — Жизнь это такая замѣчательная вещь! Когда каждый день свѣтитъ солнце, каждый день... Вы знаете?—прибавилъ онъ съ увлеченіемъ.—Теперь оно уже въ пять часовъ восходитъ. Я самъ видѣлъ... это такъ чудесно, мнѣ даже кажется, что я видѣлъ, какъ растетъ трава.

— Да, жизнь хороша,—все такъ же вяло и монотонно говорила Анна Владимировна,—и именно потому жить такъ скучно и трудно. Мы не въ силахъ понять все богатство, все великолѣпіе, всѣ невѣдомыя тайны жизни, и мы тянемся къ ней со всѣхъ нашихъ слабыхъ силишекъ, забѣгаемъ къ ней со всѣхъ сторонъ, хватаемся за пустое пространство, а она идетъ себѣ все мимо да мимо. И только исполины воли да гении искусства въ состоя-

ніи поспѣть за ней. Для людей слабыхъ, какъ мы, для людей безъ таланта, безъ идеи, безъ вдохновенія, жизнь недоступна, и всякій разговоръ о ней смѣшонъ.—Она вдругъ оживилась и заговорила рѣзко и злобно, словно желая отомстить Нехемову за то, что онъ добился, наконецъ, отвѣта на свои докучные вопросы.—Вотъ,—сказала она, переходя на другой конецъ комнаты, гдѣ стоялъ ея рояль.—Это одинъ изъ лучшихъ заграничныхъ инструментовъ.—Она сердито ударила по клавишамъ.—Здѣсь притаилось все, вся музыка міра. Нѣтъ ни одной смѣлой вдохновенной фразы, которой онъ не счумѣлъ бы передать. Но для меня онъ глухъ и нѣмъ; я никогда не буду въ силахъ взять у него его тайны; онъ умретъ вмѣстѣ съ нимъ. Да, вы правы: жизнь замѣчательная вещь. Въ природѣ миллионы волшебныхъ, таинственныхъ неуволимыхъ звуковъ, но они существуютъ только для того, кто въ состояніи собрать ихъ въ музыку, и такъ все, всѣ краски и оттѣнки, восходъ солнца, великія дѣла, весна, красота, искусство, все только для нихъ, для этихъ геніевъ и героевъ... Для насъ, людей безъ таланта, жизнь—это деспотическое насиліе производительной природы, которая приковала насъ къ своимъ чудовищнымъ загадкамъ и приказала дивиться и ахать. Но я не хочу дивиться и ахать, когда мнѣ не позволяютъ творить... Я не хочу... Я лучше зажмурю глаза, заткну уши, задушу въ себѣ послѣднія желанія, лучше съ головою уткнусь въ это отвратительное провинціальное болото, лучше погибну совсѣмъ и навсегда...

Ея голосъ оборвался; она закусила губы, чтобы не закричать. Этотъ странный, молоденькій еврейчикъ со своей глупой жизнерадостностью, вызвалъ въ ней одинъ изъ тѣхъ мучительныхъ припадковъ злобы и тоски, которые уже почти перестали повторяться въ теченіе ея трехлѣтняго пребыванія въ N.

Нехемовъ слушалъ ее, взволнованно бѣгая по комнатѣ, и ему становилось невыносимо обидно и за нее, и за себя, и за свои мечты, и за свои стихи, и за еврейскихъ рабочихъ, и за длинные часы, когда онъ бродилъ по темнымъ чащамъ лѣса, гдѣ переплетались деревья и тяжело гудѣла тишина. И онъ чувствовалъ, что надо спорить, возражать, бороться, спасти эту жизнь, которую онъ такъ любилъ и отъ которой ожидалъ такъ много. Но она не давала ему говорить.

— Да и не намъ, евреямъ, говорить о жизни, не намъ,—кричала она, задыхаясь отъ наплыва мучительныхъ гнетущихъ воспоминаній.—Какая у насъ, евреевъ, можетъ быть жизнь? Вѣдь изъ насъ поколѣніями выжимали всѣ проблески непосредственнаго чувства... Ахъ! У насъ нѣтъ музыки, нѣтъ поэзіи, нѣтъ природы, нѣтъ цвѣтовъ, нѣтъ дѣтства, у насъ нѣтъ полета, у насъ нѣтъ, у насъ не можетъ быть талантовъ,—прибавила она, и въ голосѣ

ея слышались слезы.—Вы знаете, какъ я выросла? вы знаете? нѣтъ? Ну, такъ я вамъ разскаму.

— Но позвольте, позвольте... я вамъ сейчасъ только скажу одно замѣчаніе... я вспомнилъ,—вдругъ загорячился Нехемовъ:—есть евреи и евреи, а народъ... народъ стремится только къ свѣту, только...

— Нѣтъ, вы знаете, какъ я выросла? — не слушая его, продолжала Анна Владиміровна. И она заговорила рѣзко, злобно, словно онъ одинъ былъ во всемъ виноватъ. Ея родители развелись, когда ей было двѣнадцать лѣтъ, а сестрѣ ея десять, и дѣти скитались по свѣту, переходя отъ отца, который женился во второй разъ, къ матери, которая вторично вышла замужъ. Эти безобразные безвкусные еврейскіе браки! При живыхъ родителяхъ онѣ никогда не знали, что такое семья. Наконецъ, ихъ изъ милости взяла къ себѣ богатая петербургская тетка, пристроила ее въ консерваторію, а сестру въ гимназію. Тетка дала ей хорошее воспитаніе, но гнетъ ея милости, этой еврейской родственной милости, окончательно убивалъ ее. Въ консерваторіи было хорошо, тамъ были сотни талантливыхъ людей, тамъ создавалась музыка, которая рвалась къ небесамъ и издѣвалась надъ смертью; въ Петербургѣ кипѣла жизнь, всѣ люди куда-то стремились, за что-то боролись, и только у нея одной душа была скована гнетомъ, огромнымъ, умерщвляющимъ гнетомъ, гнетомъ, вошедшимъ въ систему, въ цѣлое міросозерцаніе еврейскаго народа. Никогда ни одинъ талантливый товарищъ не обратилъ на нее вниманія, никогда она не прослушала ни одной гениальной пьесы безъ угнетающаго чувства собственного ничтожества, никогда она не знала человѣка, передъ которымъ она не побоялась бы открыть свою душу. Да, тѣ, вдохновенные русскіе люди, тѣ ничего не боялись; они выросли въ атмосферѣ широкихъ полей и безпредѣльных мечтаній; что имъ была она? Это еврейство, эта сѣренькая, плаксивая, безпросвѣтная ничтожность убила въ ней навсегда всю жизненную смѣлость. И какъ это хорошо, что она попала сюда, въ этотъ глухой и гадкій городокъ, гдѣ ни одинъ человѣкъ не знаетъ, что такое искусство. Да и что ей было дѣлать въ Петербургѣ? что? когда у нея не было ни капли свободного святого вдохновенія. И не лучше ли опуститься совсѣмъ, совсѣмъ, чтобы и не знать больше, что живутъ гдѣ-то люди для красоты и идеи?

— Нѣтъ, не говорите, Анна Владиміровна, ахъ, не говорите такихъ вещей,—умолялъ ее Нехемовъ — вѣдь потомъ, когда вы узнаете все, что дѣлаютъ теперь евреи, вамъ будетъ стыдно, вамъ потомъ будетъ стыдно...

Анна Владиміровна махнула рукой. Ей надоѣло вдругъ говорить. Она была блѣдна какъ смерть, и глаза ея сухо блистали, и

Нехемову казалось, что когда онъ уйдетъ, она бросится на кресло и зарыдаетъ. Онъ быстро попрощался и ушелъ.

Но онъ ошибся. Она не разрыдалась, а только съ чувствомъ безнадежной усталой тоски оглянулась кругомъ. «Господи! и зачѣмъ это надо было говорить? и кому это надо знать? и зачѣмъ было огорчать этого бѣднаго мальчика?» думала она, пожимая плечами. Потомъ она долго ходила по комнатѣ и все думала объ одномъ и томъ же, объ этихъ людяхъ, которые были когда-то ея товарищами, которыхъ захватила широкая волна богатой жизни, которые узнали счастье творчества и любви, и у которыхъ въ душѣ не осталось ни одного воспоминанія о такихъ жалкихъ и бездарныхъ людяхъ какъ она. Потомъ она долго стояла у окна, стараясь разглядѣть пустынную мрачную улицу. Она представляла себѣ, что если теперь выйти изъ дому и стать у одного фонаря, то слѣдующій фонарь будетъ вырисовываться отдаленнымъ и тусклымъ пятномъ, и ее охватывалъ ужасъ при мысли, что въ этомъ городѣ живетъ пятьдесятъ тысячъ людей.

II.

Нехемовъ пошелъ было домой, но повернулся и сталъ бродить по улицамъ. Темнота не пугала его. Онъ привыкъ къ ней, онъ любилъ заселять ее таинственными образами, и его радовали и запахъ ночной сырости, и тускло мигающіе фонари, и робкое сіяніе звѣздъ въ глубинѣ темнаго неба. Онъ ходилъ и мечталъ, онъ мечталъ всегда и, когда потомъ возвращался домой, онъ хватался за перо, чтобы придать ясное очертаніе своимъ туманнымъ и призрачнымъ грезамъ, и бѣдный истомленный еврейскій жаргонъ вылеталъ въ его стихахъ на свободу въ далекую ширь обновленной жизни. Все, что въ пространствѣ было скрыто отъ него за сѣренькой завѣсой провинціальнаго городка, что во времени таилось вдали за минутными цѣлями настоящихъ нуждъ, къ чему среди сумерокъ обыденной жизни безсознательно стремились человѣческія души—все это открывалось ему въ мечтахъ и становилось дѣйствительнымъ на бумагѣ. И все это должно было осуществиться такъ скоро, съ такой головокружительной быстротой; все это ожидало его тамъ, за-границей, гдѣ все было возможно, откуда все можно было взять. Тамъ былъ университетъ, открытый для всѣхъ, тамъ были картины и великія рѣдкости, тамъ были большія, чистыя улицы, гдѣ люди вѣжливо проходили, не задѣвая другъ друга, тамъ было такое великолѣпное государственное устройство, а еще дальше былъ югъ, было теплое синее небо, были горы, свѣтлыя озера съ веселыми цвѣтущими берегами, Альпы, снѣжныя обвалы, Италія, апельсиновые рощи,

Сицилія, плескъ морскихъ волнъ, театръ, смѣхъ и прекрасныя женскія лица; тамъ были милліоны чудесъ, и среди всѣхъ этихъ чудесъ гдѣ-нибудь среди блестящихъ рѣчей, среди великихъ политическихъ событій, среди благоухающихъ аллей должно быть притаилось и его счастье и только ждетъ, пока онъ придетъ его взять. И тогда только придетъ къ нему настоящее вдохновеніе, настоящій священный талантъ, и еврейскій народъ узнаетъ, наконецъ, изъ его стиховъ, какъ хороши природа, свобода, любовь и все то, для чего никто не нашелъ еще настоящаго слова.

Уже давно погасили фонари, а Нехемовъ все ходилъ по улицамъ и смѣялся. Онъ думалъ о томъ, что скажетъ Анна Владиміровна, когда прочтетъ его стихи. Ахъ, она пойметъ тогда, какъ жизнь хороша, она перестанетъ тосковать и грустить. У него захватило духъ отъ внезапнаго прилива нѣжности и состраданья. Почему она такъ несчастна? Надо сказать ей, что здѣсь, въ лачугахъ, живутъ впроголодь люди, которымъ въ тысячу разъ хуже чѣмъ ей, и которые все-таки счастливы, потому что поняли то великое движеніе, которое охватило весь еврейскій народъ. Надо будетъ познакомить ее съ Викторомъ,—онъ показалъ бы ей, какъ хорошо бываетъ жить на свѣтѣ. Или вотъ, если бы она могла поѣхать съ нимъ за границу. Онъ увидалъ бы, какая она бываетъ, когда у нея нѣтъ ни уроковъ, ни заботъ, ни мучительныхъ воспоминаній. Она будетъ улыбаться, смѣяться, работать. Ей будетъ хорошо, такъ же хорошо, какъ и ему. Она будетъ играть, а потомъ они вмѣстѣ напишутъ волшебную чудную оперу на одну изъ тѣхъ прекрасныхъ темъ, которыя каждый день съ восходомъ солнца рождались въ его душѣ. И это онъ, Матесъ Нехемовъ, дастъ ей это счастье. Ему такъ весело стало при этой мысли, что онъ вприпрыжку сталъ переходить улицу и чуть не шлепнулся въ большую лужу.

И вдругъ онъ представилъ себѣ, что было бы, если бы онъ полюбилъ Анну Владиміровну. Ему стало жарко отъ этой мысли, но она уже овладѣла имъ. Его вдругъ словно въ голову ударило. Ему казалось, что сердце его сейчасъ выпрыгнетъ изъ груди, и что всѣ звѣзды съ неба попадали и закружились предъ его глазами. Его охватилъ восторгъ, который былъ сильнѣе отчаянья и который срывалъ съ его глазъ всѣ завѣсы. Все то, что казалось ему только грезой, запрытанной въ туманной дали чудеснаго будущаго, очутилось вдругъ здѣсь, передъ нимъ и ослѣпляло его своимъ сверкающимъ блескомъ. Его самая затаенная, самая задушевная и сладкая мечта должна была сбыться и требовала немедленныхъ дѣйствій. Тамъ, за границей, среди альпійскихъ горъ и голубыхъ озеръ, онъ зналъ бы уже, что сдѣлать со своею любовью; но здѣсь, среди ночной тишины, на темной улицѣ N.,

она его ошеломляла. Онъ не зналъ, что это—ударъ или счастье, и стоялъ, неподвижно прислонившись къ забору. Вся его дѣтская радостная беззаботность покинула его, и должно было начаться что-то другое, новое, страшное и великолѣпное.

Какой-то худой, высокій человѣкъ прошелъ мимо него и въ потемкахъ на него наткнулся. Оба вздрогнули и близко посмотрѣли другъ другу въ лицо.

— Викторъ!—крикнулъ Нехемовъ, схвативъ его за руку.

— Тише... тст... тише!—прошепталъ тотъ.—Я уѣзжаю.

— Да?—тоже шопотомъ переспросилъ Нехемовъ. Его теперь ничто не могло поразить: ясно было, что въ эту ночь могли происходить одни лишь чудеса.

Викторъ взялъ его подъ руку (онъ былъ на двѣ головы выше Нехемова) и повлекъ его за собой.

— Мнѣ здѣсь нельзя больше оставаться—понимаете?—сказалъ онъ.—Надо скрыться. Мѣсяца черезъ два, пожалуй, меня тутъ забудутъ—тогда я вернусь.

— Что?—съ ужасомъ переспросилъ Нехемовъ, напрягая все свое вниманіе, чтобы слушать его, и не понимая ни слова.

— Что вы не слышите, Нехемовъ?—съ удивленіемъ переспросилъ его Викторъ.—Вѣдь, я говорю вамъ, что я уѣзжаю. И подумайте: здѣсь не останется ни одного человѣка, все такъ сыро, такъ неотдѣлanno—разъ, два, и все разлетится.

— Викторъ, вѣдь, я влюбился!—взмолился вдругъ Нехемовъ.

Они должны были почти бѣжать и говорить шопотомъ, и отъ этого звуки его собственныхъ словъ показались ему еще болѣе таинственными и ужасными.

— Милый мой, это ничего, это ничему не помѣшаетъ,—серьезно успокаивалъ его Викторъ.—Постарайтесь войти въ работу, хотя и вы сами... васъ бы надо еще подучить. И—ахъ, Господи,—надо же было такъ случиться! Вѣдь, я думалъ годы здѣсь прожить.

Они шли къ пароходной пристани мимо городского предмѣстья Кожурки, которое Викторъ шутя называлъ N-скимъ East-End'омъ. Пока еще, правда, надъ общей массою полуразрушенныхъ домишекъ возвышалась только труба папиросной фабрики да двѣ-три бревенчатыхъ крыши кожевенныхъ заводовъ, но черезъ городъ проводилась желѣзная дорога, и вмѣстѣ съ ней должны были явиться и индустрія, и безчисленный сильный еврейскій пролетаріатъ, и огромное безстрашное движеніе.

— Викторъ,—заговорилъ вдругъ Нехемовъ, хватая его за руки.—Викторъ, я вамъ обязанъ всѣмъ, всѣмъ, что у меня есть и что я понимаю. Если бы не вы, я былъ бы жалкій, несчастный еврейчикъ, я не зналъ бы даже, зачѣмъ живутъ народы. Если бы

не вы, я никогда не узналъ бы, что надо жить для еврейскихъ рабочихъ. Если бы не вы, я никогда бы не влюбился, никогда! И вы знаете, что я скажу Аннѣ Владиміровнѣ? Я скажу ей, что мы пошли вмѣстѣ за еврейскихъ рабочихъ. Я скажу ей...

Но они подходили уже къ паровой пристани. Викторъ взялъ билетъ и обнялъ Нехомова.

— Прощайте,—сказалъ онъ, съ озабоченнымъ видомъ глядя въ его возбужденное, встревоженное лицо.—Если бы время было, я поговорилъ бы съ вами... Не волнуйтесь, голубчикъ, все сдѣлается само собой... Ну, прощайте! Это чортъ знаетъ что такое! Уѣзжать, когда столько работы.

Онъ вбѣжалъ на палубу и быстро скрылся въ каютѣ. Нехомовъ долго съ непонятной тревогой смотрѣлъ на удаляющійся пароходъ и на темную поверхность рѣки и никакъ не могъ понять, какъ онъ попалъ сюда. Небо уже поблѣднѣло, и въ воздухѣ ясно вырисовывались тонкія вѣтви ближайшихъ деревьевъ. Бѣлый, густой туманъ лежалъ надъ рѣкой, и можно было видѣть, какъ онъ постепенно розовѣетъ въ лучахъ восходящаго солнца. На небѣ стали появляться кругляки, золотистыя тучки. Онъ шелъ домой и думалъ о томъ, что этотъ день, который зажигается тамъ, далеко на краю горизонта, уже будетъ совсѣмъ не такой, какъ всѣ предыдущіе дни, и что теперь начинается новая жизнь. Онъ повторялъ въ умѣ всѣ тѣ слова, которыя онъ скажетъ Аннѣ Владиміровнѣ и эти слова журчали, бурлили, звенѣли въ его душѣ, какія-то невѣдомыя силы подымались въ немъ, и онъ шелъ, словно подхваченный вѣтромъ, пьяный отъ грезъ и ожиданій...

Онъ не зналъ, какъ прожилъ онъ слѣдующіе дни и какъ это случилось, что Анна Владиміровна стала его невѣстой. Онъ помнилъ только, что онъ ходилъ за городъ любоваться вечернимъ закатомъ, и что на берегу маленькой желтой рѣчки, обросшей ивнякомъ, онъ увидалъ Анну Владиміровну, и что лицо ея, облитое лучами заходящаго солнца, было полно задумчивой грусти, и что на глазахъ ея блистали слезы. Онъ сталъ говорить, засунувъ руки въ карманы и раскачиваясь направо и налево. Его шапка сбилась на затылокъ, и лицо у него было прекрасное и вдохновенное, точно онъ молился. И Анна Владиміровна думала, что все равно вся жизнь ея пропала, и что жаль было бы огорчить этого хорошаго, милаго мальчика. Потомъ это стало совершившимся фактомъ и вошло въ обиходъ ея жизни, какъ все, что, помимо ея воли, совершалось вокругъ нея.

III.

Рувимъ былъ внѣ себя отъ восторга. Онъ всегда мечталъ объ этомъ, но онъ никакъ не могъ себѣ представить, что все это,

дѣйствительно, возможно. Онъ смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ: неужели въ самомъ дѣлѣ братъ его женится по любви на этой удивительной, чужой, музыкальной и красивой Аннѣ Владиміровнѣ? И какъ это было замѣчательно! Матесъ былъ одинъ изъ первыхъ богачей въ N., а Анна Владиміровна бѣдная учительница, и вотъ вышло такъ, что ни одинъ романистъ не придумаетъ лучше. Кто могъ себѣ представить такой прогрессъ семнадцать лѣтъ тому назадъ, когда праздновали его свадьбу?

— Ты непременно долженъ пожить послѣ свадьбы на нашей дачѣ,—возбужденно говорилъ онъ брату.—Тамъ была моя свадьба, бракъ по сватовству,—онъ закладывалъ одинъ палецъ,—а теперь тамъ будешь жить ты съ женой—бракъ по любви,—онъ закладывалъ второй палецъ,—и кто знаетъ? можетъ быть, придетъ время, когда твои дѣти,—онъ закладывалъ третій палецъ и радостно улыбался,—куда? совсѣмъ даже не будутъ знать, что такое «шодхенъ» *).

До начала учебнаго года оставалось еще много времени, и Матесъ согласился. Его загородная дача, выстроенная когда-то его дѣдомъ въ подражаніе какому-то польскому пану, походила на живописныя старыя помѣщичьи усадьбы, съ прямыми деревянными воротами, широкимъ ровнымъ дворомъ и огромнымъ запущеннымъ садомъ. Противъ самага дома былъ расположенъ прекрасный сосновый лѣсъ, гдѣ Нехемовъ каждое лѣто находилъ готовныя мечты и картины, и когда онъ въ первый разъ пошелъ туда съ своей женой, онъ чувствовалъ, что вся его жизнь вливается въ цѣпь безконечныхъ чудесъ. И онъ никакъ не могъ понять, какъ это въ прошломъ году еще въ его жизни не было ни жены, ни Виктора, ни еврейскихъ рабочихъ.

Въ этой дачѣ, выстроенной когда-то внѣ всякой связи съ жизнью и какой бы то ни было народной культурой, теперь вдругъ стали появляться люди и говорить о народѣ и общественной жизни. Раньше всего стали пріѣзжать гости къ Аннѣ Владиміровнѣ изъ города и изъ сосѣднихъ дачъ. Когда Анна Владиміровна пріѣхала въ N., она, помимо своей воли, попала въ опредѣленный кругъ, который сталъ считать ее своимъ постояннымъ членомъ, и она приняла это членство съ тѣмъ же ироническимъ равнодушіемъ, съ какимъ относилась ко всей своей жизни. Это были представители еврейской интеллигенціи, которые въ качествѣ таковыхъ выступали представителями «всего города», навязывая ему свою бессодержательность и свою пустоту. Кромѣ жалобъ на N—ское безлюдье, ихъ интеллигентскіе интересы выражались еще въ благотворительности и въ скорби за судьбу еврейскаго народа и за свое собственное безправіе. Въ послѣднее

*) Сватъ.

время, впрочемъ, эта самая скорбь стала источникомъ безконечныхъ споровъ и раздѣлила на два лагеря «весь городъ». Откуда-то появился сіонизмъ, и это побудило сангвиническаго д-ра Брика, который жилъ два года въ Москвѣ и любилъ щеголять народными выраженіями и словами, объявить себя чисто русскимъ человѣкомъ, чуждымъ всякихъ притязаній на «жидовское царство». Съ своей стороны помощникъ присяжнаго повѣреннаго Молтеръ находилъ, что такъ разсуждать могутъ только ассимиляторы и трусы, и что великій еврейскій народъ имѣетъ право на великое еврейское государство. Madame Шварцкопфъ, которая въ свое время собиралась на курсы, вышла замужъ по любви и безстрашно называла себя Хаей Хаимовной (а не Анной Ивановной, какъ требовалъ д-ръ Брикъ), держала сторону Молтера и кричала о томъ, что мы должны гордиться своимъ происхожденіемъ. Завѣдующій еврейскимъ ремесленнымъ училищемъ инженеръ Греблехъ и его молоденькая жена, которые только недавно попали въ N. и никакъ еще не могли привыкнуть къ мысли, что дальше въ ихъ жизни ничего не будетъ, съ недоумѣніемъ прислушивались къ спорамъ и все сводили къ тому, что N. засосалъ ихъ. Анна Владиміровна время отъ времени отпускала свои замѣчанія; ея голова, помимо ея воли, вырабатывала еще понятія, и она должна была высказать ихъ; впрочемъ, никто ее не понималъ, и всякій старался понять, какъ ему было пріятно. Всѣмъ нравилось, что она такъ красива, такъ музыкальна, что она вышла за мужъ за богатаго человѣка и они приходили къ ней отдыхать душой и сидѣли долго на террасѣ ея дачи въ лѣтнихъ и удобныхъ позахъ, пили много чаю и говорили жирными голосами безсвязно, не торопясь и не слушая другъ друга. Ни съ того, ни съ сего возбуждались длинные, тягучіе, монотонные споры, которые по первой звуковой ассоціаціи отвлекались на предметы, близкіе къ столу.

Никто изъ нихъ никогда не видалъ восхода солнца и не зналъ на память ни одного стихотворенія. Они знали о природѣ только то, что въ лѣсу можно собирать ягоды, что можно кататься на лодкѣ по пруду, и что на лужайкахъ можно играть въ крокетъ и разводять костры. Впрочемъ, и это теперь больше предоставлялось молодежи. Для нихъ самихъ все это давно уже отошло въ область поэтическихъ воспоминаній о томъ времени, когда они еще влюблялись и мечтали; и они не безъ чувства тайнаго удовлетворенія вздыхали о прозѣ настоящей жизни. Когда они уходили, Анна Владиміровна съ чувствомъ злобной радости говорила себѣ, что она скоро станетъ совсѣмъ, совсѣмъ на нихъ похожа, и своей усталою походкой она подходила къ окну и думала о томъ, что жизнь уходитъ такъ, безъ таланта, безъ идеи, безъ вдохновенія... И Нехемовъ осторожно проходилъ

мимо нея, боясь потревожить ея думы; ему казалось, что ея грусть имѣетъ отношеніе къ музыкѣ и великому искусству, и ему было неловко говорить ей о томъ, что онъ тоже пишетъ стихи и имѣетъ притязаніе на искусство, и ему было грустно оттого, что можно жить съ любимымъ человекомъ и не говорить съ нимъ обо всемъ, что дорого и свято. Но лѣто было чудное, и дѣла было такъ много, что некогда было грустить. Нехомовъ вставалъ рано, ложился поздно, и все не могъ налюбоваться бездоннымъ синимъ небомъ, зеленымъ лѣсомъ и необъятной далью колосающихся полей. Каждый день приносилъ что-нибудь новое: новые переливы солнечныхъ лучей, новыя тѣни на зыбкомъ полѣ, новыя цвѣты и новыя желанья. Онъ уходилъ на Кожурку, говорилъ съ рабочими, и когда онъ возвращался домой и думалъ о томъ, что его ждетъ жена, онъ чувствовалъ, что самая прекрасная мечта его сбылась, и что нѣтъ на свѣтѣ такой мечты, которая не сбудется въ жизни. Онъ усаживалъ жену за рояль, слушалъ музыку, пѣлъ во все горло, убѣгалъ въ садъ, помогалъ садовнику рыть грядки, читалъ, потомъ торопился въ поле поспѣть къ вечернему закату, потомъ писалъ стихи, потомъ опять убѣгалъ въ лѣсъ любоваться ночной тишиной, и когда, наконецъ, дремота начинала смыкать его глаза, онъ засыпалъ съ мечтою о завтрашнемъ днѣ, о яркомъ солнцѣ и о безконечномъ будущемъ. И когда минутами онъ чувствовалъ, что жена его все еще несчастна и грустна, онъ вспоминалъ, что все будущее со всѣмъ его блескомъ и счастьемъ все еще тамъ, за границей, а пока надо торопиться жить, радоваться, любоваться лучами солнца и создавать мечту за мечтой.

IV.

Въ іюлѣ къ Аннѣ Владимировнѣ пріѣхала изъ-за границы сестра ея Саша, нѣмецкая студентка, и привезла съ собой здоровое положительное міросозерцаніе и тысячи благодѣтельныхъ реформъ. Она говорила, что всюду можно найти полезную работу и съ прямолинейностью человека, общественный горизонтъ котораго не переходитъ за узкій кругъ частныхъ знакомствъ, она принялась обрабатывать всѣхъ окружающихъ людей.

— Русское общество гибнетъ отъ маніи отвлеченности,—говорила она зятю, когда тотъ объявилъ ей, что собирается въ нѣмецкій университетъ искать смысла жизни.—Я бы на твоемъ мѣстѣ поѣхала не въ университетъ, а въ Алемъ. Это сельскохозяйственный институтъ, приспособленный специально къ соціальной работѣ среди евреевъ. Смысла жизни ты тамъ, правда, не

найдешь, но зато научишься работать въ своемъ собственномъ кругу.

И такъ какъ Нехемовъ не соглашался ѣхать въ Алемъ, то она такъ долго и такъ настойчиво ежедневно говорила ему о значеніи физическаго труда для евреевъ, что ему становилось какъ-то даже жутко, и въ ея присутствіи онъ никогда не говорилъ о еврейскихъ рабочихъ.

Аннѣ Владимировнѣ тоже досталось отъ сестры.

— Это ужасно, что ты забросила музыку,—говорила она:—если ты не гений, то ты можешь стать тѣмъ, что нѣмцы называютъ eine gute Klavierspielerin. А такіе люди очень полезны въ смыслѣ распространенія музыкальнаго пониманія.

И Анна Владимировна играла свои экзерсисы, хотя знала, что изъ этого ничего не выйдетъ. Саша была единственный человѣкъ, котораго она любила, и она далеко прятала отъ нея свои унылыя, затасканныя мысли.

Знакомыхъ Анны Владимировны Саша тоже должна была пристроить. Она съѣздила въ городъ, познакомилась со всѣми филантропическими учрежденіями и всѣмъ надавала работы: при еврейской больницѣ устроила курсы сестеръ милосердія и заставила д-ра Брика читать тамъ лекціи; совѣтовала инженеру Греблеху хлопотать объ открытіи вечерней школы при ремесленномъ училищѣ и толковала съ Молтеромъ о томъ, какъ поставить тамъ преподаваніе еврейской исторіи; у m-ше Греблехъ открыла педагогическій талантъ и достала ей бесплатные уроки, а Хаѣ Хаимовнѣ доказала, что для осуществленія идеи сіонизма необходимо воспитать въ еврейскомъ народѣ работающихъ женъ и хорошихъ хозяекъ, въ виду чего Хая Хаимовна отправила свою русскую горничную и на ея мѣсто взяла двухъ дѣвочекъ изъ еврейскаго пріюта, чтобы дать имъ возможность практически изучить домоводство. Даже въ ихъ частную жизнь Саша сумѣла проникнуть со своимъ просвѣщеннымъ вліяніемъ. Она учила ихъ, какъ разставлять мебель, какъ одѣвать дѣтей, какъ обращаться съ прислугой, диктовала имъ рецепты рациональной нѣмецкой кухни и доказывала, что при извѣстномъ вкусѣ самую бѣдную жизнь можно обставить изящно. Они жили некрасиво, мелочно, скупой, безъ фантазіи и настроенія, а она серьезно надѣялась воспитать въ нихъ пониманіе прекраснаго тѣмъ, что она давала имъ выкройки своихъ заграничныхъ кофточекъ и называла N—скому книгопродавцу берлинскую фирму, гдѣ можно было дешево достать художественныя гравюры и открытыя письма. По ея отѣздѣ N—скіе интеллигенты значительно обогатили свой лексиконъ хорошихъ словъ и долго вздыхали за картами и чаемъ о томъ,

что на свѣтѣ такъ мало положительныхъ, изящныхъ и всесторонне развитыхъ людей.

За чаемъ у Анны Владимировны пошли теперь другіе разговоры. Появилась молодежь, курсистки, студенты и мѣстные барышни, и «старики» съ напряженіемъ слѣдили за тѣмъ, на чьей сторонѣ тѣ или другіе изъ молодыхъ спорщиковъ. Саша, которая серьезно вѣрила, что они оттого только ничего не дѣлаютъ, что запутались въ этихъ губительныхъ русскихъ теоретическихъ лабиринтахъ, старательно направляла ихъ споры въ спокойное русло реальныхъ требованій повседневной жизни.

— Ахъ, Господи! зачѣмъ эти вѣчные споры?—воскликала она въ тѣхъ случаяхъ, когда оторванный отъ реальной почвы споръ принималъ слишкомъ отвлеченный, на ея взглядъ, характеръ.— Если бы у насъ поменьше спорили и побольше дѣло дѣлали, то всѣ вопросы были бы давно рѣшены. Знаете, Іезекіель Фабіановичъ,—обращалась она къ студенту сіонисту:—если-бы каждый сіонистъ вмѣсто того, чтобы мечтать о Сіонѣ, ну, хотя бы выкупалъ въ день десять еврейскихъ дѣтей или устраивалъ съ ними экскурсіи сюда, на свѣжій воздухъ, то еврейскій народъ гораздо больше выигралъ бы отъ этого, чѣмъ отъ всѣхъ вашихъ конгрессовъ.

— Охъ, на этомъ Kulturträger'ствѣ многіе себѣ головы сломили!—восклиналъ технологъ.—Вспомните «Безъ дороги» Вересаева.

— А я вамъ вотъ что скажу, Борисъ Львовичъ!—говорила Саша, вспыхивая, какъ огонь.—Я жила когда-то въ фабричномъ городкѣ, который выбиралъ почти однихъ только социаль-демократическихъ депутатовъ. Въ этомъ городѣ я никогда не рѣшалась пройти вечеромъ одна по рабочему кварталу. Вы не думайте, что это пустяки! Это характеризуетъ всю вашу работу. Ваши рабочіе возстаютъ противъ эксплуатаціи и забываютъ, что оскорбить женщину это значитъ пользоваться правомъ сильнаго. И вы сами—извините!—развѣ вы сами сумѣете смотрѣть вашимъ женамъ прямо въ глаза? Вотъ, если бы вы начали съ себя и если бы вы, барышни,—обращалась она къ мѣстнымъ дѣвицамъ:—если бы вы требовали отъ вашихъ будущихъ мужей той же чистоты, какую они требуютъ отъ васъ, то вы въ сферѣ своего вліянія избавили бы человѣчество отъ одного изъ худшихъ золъ.

Всѣ молчали, любясь ея увлеченіемъ, и анемичныя, заношенныя, преждевременно состарѣвшіяся обывательскія барышни, которыя въ теченіе всего учебнаго года изнывали отъ скуки, дожидаясь каникулъ и пріѣзда студентовъ, вздыхали и говорили, что ни одинъ мужчина не стоитъ чистой женской любви.

Но несмотря на суровыя слова Саши, вокругъ нея распространилась тонкая влюбленная атмосфера. Первый влюбился въ

нее засидѣвшійся студентъ и въ торжественныхъ выраженіяхъ объявилъ объ этомъ по секрету всѣмъ своимъ знакомымъ, потомъ сіонистъ сердито признался себѣ, что онъ къ ней равнодушенъ, наконецъ, влюбился и технологъ, и даже самъ докторъ Брикъ рѣшилъ, что хорошо бы на старости лѣтъ обзавестись своимъ домкомъ. Атмосфера влюбленности росла, сгущалась, расширялась, переходила съ Саши на курсистокъ и мѣстныхъ дѣвицъ, выносилась въ лѣсъ, въ садъ, на прудъ, гдѣ катались на лодкѣ, на лужайку, гдѣ разводились костры, и вечеромъ, когда возвращались домой и всѣмъ хотѣлось молчать, она вдыхалась вмѣстѣ съ испареніемъ росы и вечернимъ ароматомъ. Когда они приходили домой, всѣ просили Анну Владиміровну сыграть имъ «что-нибудь такое», Мендельсона и Грига или «Лунную сонату», и Анна Владиміровна играла и думала, глядя на пріутихшую молодежь, какъ бы было хорошо, если бы можно было совсѣмъ, совсѣмъ забыть себя и то, что жизнь уходитъ такъ, безъ таланта, безъ идеи, безъ вдохновенія...

Въ N пріѣзжали интеллигентъ-ассимиляторъ и рабочій-сіонистъ, и оба заѣхали на дачу къ Нехемову познакомиться. Они сидѣли въ кабинетѣ на тахтѣ по обѣимъ сторонамъ Нехемова, горячо спорили и жестикулировали, такъ что руки ихъ поминутно спѣплялись. Нехемовъ тоже говорилъ горячо и страстно, и когда его не слушали или не хотѣли понять, онъ хваталъ за руку то ассимилятора, то сіониста и начиналъ доказывать имъ, что каждый изъ нихъ по своему правъ и неправъ, и надо только понять одну вещь, чтобы согласиться съ тѣмъ, куда стремится народная воля.

— Къ чорту ассимиляція, къ чорту! — кричалъ, задыхаясь, сіонистъ. — Буржуазія можетъ ассимилироваться: для нея открыты всѣ пути, а для насъ закрыты школы, насъ заперли въ этой вонючей чертѣ, свѣтъ жизни у насъ отымаютъ, намъ не даютъ ни жить, ни умереть. Буржуазія можетъ себѣ кланяться о правахъ — народъ не можетъ, народъ не хочетъ больше терпѣть! Милосердный Боже! Мы добудемъ себѣ государство, и пусть весь міръ узнаетъ, что жива еще кровь Маккавеевъ!

У него была большая, мускулистая фигура, какая рѣдко встрѣчается у евреевъ, и, когда онъ говорилъ, онъ сжималъ свои сильныя руки, и видно было, что онъ готовъ будетъ бороться до послѣдней капли крови.

— Да, да, вы себѣ кровью и потомъ добудете свою Палестину, а ваша буржуазія возьметъ ее себѣ да и прикарманитъ, — съ ироніей говорилъ ассимиляторъ, маленькій чернявый еврей съ живымъ интеллигентнымъ лицомъ. — Посмотримъ, гдѣ вамъ будетъ лучше: у насъ въ Россіи или подъ крылышкомъ правительства

жидовскихъ ростовщиковъ. Или вы думаете, что вашъ обожаемый Герцль не продастъ еврейскаго рабочаго за первую улыбку султана?

— Такъ что же намъ дѣлать? Ждать? Да? Хорошо, вы себѣ ждите, но народъ не можетъ больше ждать! Тамъ по крайней мѣрѣ можно будетъ бороться и никто не посмѣетъ говорить о жидовской смутѣ!

— Но вы ничего не видите дальше своей колокольни. Вы почему-то выдумали, что вы одни угнетены въ Россіи! Ахъ, тысячекратныя гоненія еврейскаго народа! Ахъ, черта осѣдлости! Ахъ, процентныя отношенія! Другіе борются за равенство и братство, а вы все думаете о своихъ жалкихъ ничтожныхъ правахъ! Пока мы не откажемся отъ нашей обособленности, пока мы не сольемся съ общей массой, русскій народъ не можетъ видѣть въ насъ друзей!

— А почему, скажите мнѣ, пожалуйста, почему намъ слиться съ общей массой? Потому что мы меньшинство? Да? Потому что насъ мучаютъ и гонятъ да? Оттого? А чѣмъ мы, скажите пожалуйста, хуже другихъ? У насъ, можетъ быть, нѣтъ своей культуры? У насъ, можетъ быть, нѣтъ своей исторіи? У насъ можетъ быть, нѣтъ своего языка? Или, можетъ быть, у насъ нѣтъ народныхъ пѣсенъ?

— Все это правда, но не въ томъ, Пейсахъ, не въ томъ, — взволнованно говорилъ Нехемовъ, хватая его за руки. — У насъ-таки есть своя культура, но зачѣмъ намъ Сіонъ? Развѣ нельзя быть и пролетаріемъ и евреемъ здѣсь на мѣстѣ.

— Вы ассимиляторъ и не знаете еврейскаго народа! — кричалъ въ отвѣтъ ему Пейсахъ. — Зачѣмъ намъ оставаться тамъ, откуда насъ гонятъ какъ собакъ?

— Кто гонитъ? Кто? Пусть еврейскій рабочій пойметъ, что никто не смѣетъ его гнать!

— Вы націоналистъ! — кричалъ ассимиляторъ Нехемову. — Идея еврейской національности отжила, какъ еврейскій Талмудъ. Вы націоналистъ, вы сѣете рознь среди населенія и тормозите живое народное дѣло!

Саша, проходя мимо сосѣдней комнаты, услышала почти весь разговоръ и пошла къ Аннѣ Владиміровнѣ.

— А я и не знала! Вѣдь твой мужъ совсѣмъ красный! — со смѣхомъ сказала она.

— Ахъ, Господи, — раздраженно воскликнула Анна Владиміровна, — какъ мнѣ надоѣлъ этотъ еврейскій вопросъ! Во имя чего всѣ эти споры? Какихъ героев производило это пресловутое еврейство? Сколько суетливой возни изъ-за каждой идейки, изъ-за каждаго слова! И этому бѣдному Матесу непременно надо туда же соваться!

— Ты несправедлива къ мужу,—сказала Саша:—у него красивые задатки, и изъ него можетъ выйти очень дѣльный человѣкъ. Только, конечно, надо выбить у него всю эту дурь изъ головы, а то онъ, пожалуй, вообразить, что онъ второй Лассаль.

— Да, но Господи!—воскликнула Анна Владиміровна и замолчала. Саша осторожно взяла сестру за голову и взглянула ей въ глаза.

— Ты несчастлива, Аня?—спросила она.

Анна Владиміровна встрепелась.

— Нѣтъ, нѣтъ, Саша, ради Бога не думай обо мнѣ!--воскликнула она.—Ты должна жить для себя и для своей работы.

Саша удовлетворилась этимъ отвѣтомъ и стала, по обыкновенію, говорить о себѣ, объ университетѣ и о своихъ научныхъ планахъ.

До поздней ночи остались у Нехомова его гости. Они уже не сидѣли, а бѣгали по комнатамъ, волнуясь, крича, хватая другъ друга за руки.

— Вы, можетъ быть, думаете, что еврейскій рабочій это только такъ себѣ, какая-нибудь цифра, двадцать три тысячи, тридцать тысячъ или сколько ихъ тамъ. Я вамъ говорю, что нѣтъ! Я вамъ говорю, что нѣтъ!—кричалъ Нехомовъ, энергично мотая головою.—Рабочій—у него душа. Вы думаете, что это только вамъ нужны музыка и театръ и стихи, а ему только—долой капитализмъ! А я знаю, что ему это нужно такъ, чтобы вышла-таки еврейская культура, и мнѣ нужна еврейская культура, общечеловѣческая-таки, но все-таки еврейская!

— Словомъ, еврейскіе интеллигенты должны заняться еврейскою душой и не смѣютъ работать среди русскихъ!—иронизировалъ ассимиляторъ.

— Кто вамъ это говорить? Пускай себѣ работаютъ гдѣ хотятъ, только съ евреями надо работать по-еврейски. Это-таки правда! Это-таки я сказалъ! А если вы тамъ не хотите работать по-еврейски, то можете себѣ работать среди русскихъ.

— Какъ это великодушно! Вы разрѣшаете мнѣ? Ея величество, воздушная республика объединеннаго еврейскаго Lumpenproletariat'a разрѣшаетъ мнѣ работать среди русскихъ. И какъ это типично по-еврейски! «Я тебѣ не чипаю, и ты мене не чипай».

— Вотъ, вотъ видите!—ревѣлъ хватаясь за голову сионистъ—Даже они всѣ антисемиты. И почему имъ не быть антисемитами? Чѣмъ мы показали, — прибавилъ онъ страстно:—чѣмъ мы показали, что насъ можно уважать, что въ насъ тоже есть капелька чести, когда до сихъ поръ мы не сумѣли завоевать даже кусочка собственной земли?

— Какъ это чудно сказано! Какъ это глубоко продумано! Нехомовъ, послушайте, протяните ему руку — вѣдь онъ съ вами

поетъ въ одинъ голосъ! — задыхаясь отъ волненія кричалъ ассимиляторъ, хватая Нехемова за руку. — Чѣмъ прикрываться чуждымъ вамъ заголовкомъ, напишите вы «Сіонъ» на вашей программѣ, и всѣ прекрасно поймутъ тогда чего вамъ надо.

— Слушайте, вѣдь вы это нарочно говорите такъ, нарочно... — со слезами въ голосѣ говорилъ Нехемовъ, крѣпко держа его за полъ сюртука: — вѣдь между нами нѣтъ разницы, развѣ мы не хотимъ того же, что и вы? Развѣ мы когда-нибудь отказывались отъ общей программы? Развѣ мы когда-нибудь забыли, что мы идемъ за рабочій народъ? Но намъ нужно свое, намъ нужно, безъ этого нельзя жить, невозможно.

И онъ, задыхаясь, провелъ по шеѣ рукой.

Наконецъ, они ушли. Нехемовъ схватилъ свои тетради и побѣжалъ къ женѣ. Онъ не могъ больше; онъ долженъ былъ показать ей свои стихи; она пойметъ, что онъ не можетъ не писать стиховъ, и что еврейскіе стихи нужны еврейскому рабочему народу. Онъ засталъ у нея Сашу, которая лежала на диванѣ. Онъ тоже только что проводилъ гостей.

— Въ тебя здѣсь всѣ поголовно влюблены, — съ нѣжной улыбкой говорила Анна Владиміровна сестрѣ, проводя рукой по ея волосамъ.

— Признаться, я очень рада этому, — серьезно отвѣтила Саша. Мы, учащіяся женщины, меньше, чѣмъ кто бы то ни было, должны выпасть въ односторонность. Къ тому же я нахожу, что ничто не облагораживаетъ такъ молодого человѣка, какъ любовь къ интеллигентной дѣльной дѣвушкѣ изъ хорошаго круга.

— А ты все читалъ? — ласково обратилась Анна Владиміровна къ мужу. — Какіе у тебя красивые глаза! Поди посиди съ нами.

Саша слегка повернула къ нему голову и снова приняла свою прежнюю позу.

— Такъ нельзя читать, Матесъ, — заявила она, не подымая на него глазъ. — Я уже тебѣ нѣсколько разъ говорила. У тебя въ головѣ образуется хаосъ, и мысль утратитъ всякую способность къ дисциплинѣ.

— Я не читалъ, я долженъ сказать Анѣ одну вещь, — глухимъ недовольнымъ голосомъ возразилъ онъ, пряча за спину свою тетрадь.

— Ну, ты успѣешь еще Матесъ, — ласково сказала Анна Владиміровна, взявъ его за руку. — Вѣдь мы съ тобой всю жизнь вмѣстѣ проживемъ, а Саша скоро уѣзжаетъ. — Ты хотѣла мнѣ рассказать о своей диссертациі, Саша — обратилась она къ сестрѣ: это очень интересная идея.

Онъ рассказывали другъ другу о томъ, какъ много можно сдѣлать для науки, и какъ хороша поэтому жизнь; потомъ онѣ

говорили о музыкѣ, объ историческихъ задачахъ и объ искусствѣ. Въ присутствіи сестры своей Анна Владиміровна никогда не осмѣливалась сказать что-нибудь, отрицающее цѣнность человѣческой жизни. Нехемовъ, все еще не выпуская своей руки изъ рукъ жены, съ наслажденіемъ слушалъ, какъ хорошо она говоритъ о красотѣ и жизни, и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда Саша уйдетъ, и жена ему одному повторить всѣ эти прекрасныя слова. Его сердце переполнялось чувствомъ безконечной нѣжности и вѣры, когда онъ думалъ о томъ, какая удивительная чудная женщина его жена, и какъ она прекрасно пойметъ, что ему нельзя не писать еврейскихъ стиховъ.

— Вотъ ты говоришь красота! — заговорилъ онъ, схватывая прерванную нить разговора, когда Саша, наконецъ, ушла. — Но вѣдь ты понимаешь, что каждому народу...

— Спать пора, голубчикъ, — прервала его Анна Владиміровна, вставая и отходя къ окну.

Все оживленіе исчезло съ ея лица: теперь, когда Саша ушла, не надо было больше скрывать, что жизнь безповоротно отъ нея отвернулася...

Нехемовъ остановился въ недоумѣніи, не зная, что съ собой дѣлать. Онъ принесъ съ собой столько дорогихъ и страстныхъ словъ и вдругъ оказалось, что слова эти ненужны, что они никогда не будутъ произнесены, и что онъ всю ночь просидитъ такъ, одинъ, никому не передавъ того, что накопилось на его душѣ.

Анна Владиміровна ушла спать, онъ остался одинъ и его охватило странное чувство, котораго онъ никогда до сихъ поръ не испытывалъ и которое онъ никакъ не могъ понять. Все было, какъ всегда, всѣ его мечты, желанія, волненія, вѣра и любовь, но все это было какъ-то не такъ, точно онъ вдругъ пересталъ жить вмѣстѣ съ людьми, и внѣ человѣческихъ отношеній все это утратило смыслъ. И онъ ходилъ по комнатѣ, подходилъ къ окну, смотрѣлъ на луну, на прозрачныя сѣти деревьевъ и не понималъ, что дѣлается съ нимъ, не понималъ, что онъ вдругъ почувствовалъ себя безнадежно, безгранично одинокимъ.

V.

Не разъ и не два это странное чувство возвращалось къ нему снова. Это было одиночество. Онъ нашелъ уже это слово и нашелъ для него настроеніе въ стихахъ. Когда жена уходила съ Сашей гулять, онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, чувствуя, что у нихъ есть какой-то свой особый міръ, въ которомъ онъ не нуженъ. Когда онъ оставался одинъ съ женой и смотрѣлъ

на ея усталое, скучающее лицо, ему казалось, что онъ виноватъ въ чемъ-то передъ ней, оттого, что все, что онъ можетъ сдѣлать, ей не нужно. Когда онъ писалъ, и Саша случайно заходила къ нему въ комнату, онъ быстро закрывалъ тетрадь промокательной бумагой, точно боялся, что она уничтожитъ его стихи и весь его внутренній міръ. И такъ какъ это было чувство незнакомое и новое, то онъ не зналъ, откуда оно взялось, и думалъ, что это ему съ женой мѣшаетъ Саша, и надо только, чтобы она уѣхала поскорѣе.

Наконецъ, и Саша стала говорить о томъ, что она скучаетъ въ N. Всѣ эти господа съ задатками дѣльныхъ людей начинали надоѣдать ей. Засидѣвшійся студентъ объяснился ей въ любви, и это было очень утомительно, такъ какъ ему непременно надо было знать, что побуждаетъ Сашу отказать ему и отъ какихъ недостатковъ ему надо отрѣшиться, чтобы заслужить когда-нибудь ея расположеніе. Докторъ Брикъ куда-то съѣздивъ, черезъ недѣлю вернулся счастливымъ женихомъ и занялся устройствомъ квартиры для своей будущей супруги. Хая Хаимовна прогнала одну изъ своихъ питомницъ за недочетъ въ своей кассѣ, а другая работала съ утра до ночи и, какъ осиновый листъ, дрожала передъ дворникомъ и кухаркой. На курсы сестеръ милосердія не явилось ни одной ученицы. М-ше Греблехъ говорила, что разочаровалась въ своемъ педагогическомъ талантѣ и умоляла Сашу какъ можно скорѣе указать ей смыслъ жизни. Степанида Соломоновна съ таинственнымъ вздохомъ говорила Сашѣ, что въ N. ничего нельзя сдѣлать, потому что N—скіе богачи никогда ни на что не дадутъ денегъ. Борисъ Львовичъ нервничалъ и жаловался Сашѣ на своихъ родителей, которыхъ онъ никакъ не можетъ перевоспитать и изъ-за которыхъ онъ принужденъ занимать фальшивое положеніе барича. Іезекіель Фабіановичъ почему-то дулся и говорилъ Сашѣ, что она восприняла взгляды нѣмецко-еврейскихъ филантропиковъ. Пошли дожди и размыли всѣ дороги, въ лѣсу было туманно и сыро, и иногда по цѣлымъ днямъ нельзя было выходить изъ дому.

Но вотъ Саша уѣхала, и ничего не измѣнилось. Анна Владиміровна ходила по комнатамъ, ходила, ходила и все думала о томъ, что жизнь проходитъ такъ, безъ таланта, безъ идеи, безъ вдохновенія, и Нехемову опять казалось, что онъ въ чемъ-то виноватъ передъ нею, и что, если бы его не было, она дѣлала бы какое-то великое, геніальное, вдохновенное дѣло.

Іезекіель Фабіановичъ зашелъ какъ-то къ нему занять денегъ и сталъ жаловаться на свою жизнь, увѣряя его, что если бы не сіонизмъ, онъ давно наложилъ бы на себя руки.

— Ради Бога, не сдѣлайте вы мнѣ изъ моего мужа сіониста,—сказала Анна Владиміровна, которая съ книгой въ рукахъ

забрела въ комнату мужа:—онъ и такъ у меня слишкомъ много думаетъ о еврейскомъ народѣ.

Іезекіель Фабіановичъ вдругъ заволновался и началъ ходить по комнатѣ.

— Чего же вы хотите?—закричалъ онъ.—Ассимилироваться намъ не даютъ, за обособленіе насъ бьютъ; что же съ нами будетъ, если даже сіонизмъ окажется неосуществимымъ? Что же намъ дѣлать, наконецъ?

Въ его голосѣ зазвучали истерическія нотки.

— Ничего, голубчикъ, самое лучшее ничего не дѣлать. Еврейскій народъ все равно погибаетъ и намъ съ вами, его не спасти.

— А я тебѣ все-таки скажу, что онъ не погибаетъ,—блѣднѣя, какъ смерть, возразилъ Нехемовъ.—Я знаю, какія въ народѣ происходят движенія, я знаю...

И говоря это, онъ испуганно смотрѣлъ ей въ глаза, чувствуя, что она разобьетъ всѣ его возраженія.

— Ахъ, эти еврейскія движенія!—раздраженно заговорила Анна Владиміровна.—Это истерика, это судороги, но это не жизнь. Люди не могутъ переносить свое ничтожество, и вотъ они выдумываютъ какое-то великое общее дѣло, которое могло бы поглотить ихъ жалкую личность. Но ничтожество ничѣмъ нельзя искупить, ничѣмъ! Ему нѣтъ оправданія! Тутъ никакія движенія не помогутъ!

— Но все-таки какое ты дашь объясненіе?—испуганно спросилъ Нехемовъ.

— Просто такъ ужъ устроенъ человѣкъ. Слыхалъ ты когда-либо, чтобы топились въ лужѣ? Вѣдь, чтобы умереть, достаточно только погрузить въ воду лицо! Но нѣтъ, человѣку непременно нужно море, широкое бушующее море; ему нужно, чтобы бурныя пѣнистыя волны играли его трупомъ, хотя тотъ же трупъ съ такимъ же успѣхомъ пролежалъ бы и въ тинѣ. Но ему непременно нуженъ обманъ жизни даже и въ смерти. А по моему, если кто топится, то не все ли равно гдѣ, пожалуй, въ лужѣ еще удобнѣе потому что до моря пока еще достанешь?

— Такъ что же мнѣ по вашему дѣлать? Жить, какъ всѣ эти буржуа? да?—спрашивалъ Іезекіель Фабіановичъ, поворачивая къ ней свое искаженное отъ злобы лицо.—Слиться со всѣми этими Хаями Хаймовнами, Молтерами, Бриками? да? Ъсть, пить, сплетничать, играть въ карты, толстѣть? Ахъ!

— Да милый мой, да!—ласково убѣждала его Анна Владиміровна.—Они не суются туда, гдѣ имъ нѣтъ мѣста. Въ ихъ души никогда не вѣется зависть, потому что они сильны своей ограниченностью и никогда не бросятся вприпрыжку за царственнымъ полетомъ орла...

— Но я не хочу такъ жить! Я еще буду бороться,—истерически вскрикнулъ Іезекіель Фабіановичъ.

— Аня, вотъ я докажу тебѣ одну вещь,—дрожащимъ голосомъ началъ Нехемовъ.

— Господи, я васъ разстроила!—спохватилась вдругъ Анна Владиміровна, глядя на ихъ блѣдныя, встревоженные лица.—Ужъ лучше я пойду позабочусь объ обѣдѣ. Іезекіель Фабіановичъ, вы останетесь съ нами?—прибавила она, съ ласковой улыбкой обращиваясь къ студенту.

Она вышла, и Іезекіель Фабіановичъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, охваченный внезапнымъ порывомъ откровенности.

— Что со мной будетъ? что со мной будетъ?—говорилъ онъ. Когда я начинаю думать, у меня голова идетъ кругомъ. Приѣду въ Петербургъ—ищи уроковъ, такъ хорошо еще, когда найдешь! Голодъ, лишенія, квартирные хозяйки, студенческая богема—все это въ романахъ, но въ жизни это отвратительно, отвратительно! Если бы вы знали, какъ часто у меня голова болитъ—охъ, лучше и не вспоминать. Кончу университетъ—въ доценты бы пошелъ, да куда ужъ намъ, евреямъ? Надо будетъ въ помощники проситься, да еще съ моимъ именемъ Іезекіель Фабіановичъ Кророквинъ, вѣдь въ самомъ дѣлѣ только у проклятаго Богомъ народа могутъ быть такія имена. Самое лучшее на богатой жениться, но вѣдь я не хочу, я тоже любви хочу. Вотъ вашей свояченицѣ легко говорить о положительности, а вѣдь если даже Палестины не будетъ, то чѣмъ мнѣ жить тогда? чѣмъ?

— А чѣмъ живетъ нашъ еврейскій рабочій? Зачѣмъ намъ Сіонъ? Пусть народъ пойметъ, что ему здѣсь должно быть хорошо, и онъ добьется своего...

Нехемовъ запнулся. Онъ почувствовалъ вдругъ, что все это было когда-то давно, тамъ, на темной улицѣ, когда онъ въ первый разъ узналъ свою любовь, и что теперь все куда-то ушло вмѣстѣ съ той весенней ночью.

— Вамъ хорошо, вы богаты, у васъ прелестная жена, вы поѣдете за границу,—со злобой перечислялъ Іезекіель Фабіановичъ. А я измучился, я усталъ. Я тоже хочу красоты, я хочу красоты, какъ жизни!—прибавилъ онъ, въ упоръ глядя ему въ глаза, какъ будто онъ долженъ былъ немедленно дать ему требуемое.—У русскихъ есть свое, у поляковъ есть свое, у нѣмцевъ есть свое—почему у насъ нѣтъ своего? Я вамъ признаюсь—я поэтъ въ душѣ. Я пишу стихи, и языкъ, на которомъ я пишу, чужой. Я никогда не буду знать языкъ, какъ русскіе; вотъ эта ваша безграмотная горничная русская, а я нѣтъ... Пушкинъ ея, а не мой...

— Такъ вы тоже поэтъ?—почти шопотомъ спросилъ Нехемовъ.—А я, я пишу по-еврейски.

Іезекієль Фабіановичъ широко раскрылъ глаза.

— По-еврейски?—переспросилъ онъ тихо, сочувственно кивая головой.—По-древне-еврейски я понимаю, это настоящій божественный языкъ, но писать на жаргонѣ! Вы и женѣ писали еврейскіе стихи?

Нехемовъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, и дрожалъ всѣмъ своимъ слабенькимъ, тщедушнымъ тѣломъ.

— Нѣтъ, она не знаетъ, что я пишу, она не знаетъ,—шопотомъ заговорилъ онъ.—А я все могу сказать по-еврейски, все, что у меня болитъ...

— Ха!—горько, безъ улыбки засмѣялся студентъ.—Несчастный народъ, поэтовъ котораго не читаютъ ихъ невѣсты и жены! Неужели у насъ такъ-таки никогда не будетъ своего языка?

Нехемовъ вздрогнулъ, и лицо его судорожно передернулось. Ему хотѣлось бѣжать, бѣжать куда-нибудь далеко, догонять вечернюю зарю, спасать свои завѣтные стихи, и свои мечты, и свое счастье.

— Саша просила вамъ кланяться!—съ добродушной улыбкой обратилась Анна Владиміровна къ студенту, когда они сѣли за столъ.—Ей было очень жаль, что васъ не было на пароходной пристани. Она просила васъ написать ей изъ Петербурга про ваши дѣла.

— Вотъ какъ! Какъ это великодушно со стороны вашей сестрицы!—воскликнулъ студентъ, угрюмо опуская глаза, и началъ быстро и молча ѣсть.

— Не дуйтесь, Іезекієль Фабіановичъ, я вамъ буду играть послѣ обѣда,—съ усталой любезностью сказала Анна Владиміровна.

— Какая честь,—иронически воскликнулъ онъ, но самъ же послѣ обѣда первый попросилъ ее играть.

Она сыграла варіаціи Рома. Іезекієль Фабіановичъ прислушивался къ тихимъ, нѣжнымъ звукамъ, которые говорили о любви благородныхъ, несчастныхъ и знатныхъ людей и думалъ о красотѣ, о богатствѣ, о жизни, о Сашѣ, о какомъ-то тихомъ, темномъ вечерѣ, когда они вдвоемъ возвращались съ пруда, о сіонскихъ высотахъ, о томъ, что въ концѣ концовъ придется все-таки сдаться. И когда онъ уѣхалъ, Нехемовъ тоже думалъ о жизни, о какомъ-то тихомъ весеннемъ вечерѣ, о томъ, что все измѣнилось. Онъ сѣлъ писать и съ изумленіемъ замѣчалъ, что герои его всѣ стали какіе-то припиченные, унылые, жалкіе, что они не находятъ себѣ мѣста въ жизни и что имъ нечѣмъ жить...

VI.

Онъ не могъ больше оставаться дома. Онъ не могъ больше видѣть, какъ жена его все ходитъ, ходитъ и думаетъ о томъ,

что жизнь уходитъ такъ, безъ таланта, безъ идеи, безъ вдохновенія.

Онъ шелъ на Кожурку къ своимъ рабочимъ и съ ужасомъ думалъ о томъ, что въ послѣдній разъ они просили его объяснить имъ причины безработицы, и что онъ за все это время ничего не придумалъ.

— Ай, Нехемовъ, ай, Нехемовъ, Нехемовъ, идите сюда, ай, какое горе случилось! — крикнулъ кто-то сзади него. — Онъ обернулся и увидалъ портного Хаима, съ которымъ онъ недавно только познакомился и который только недавно сталъ понимать «самую суть». У него была дряблая фигурка, на которой какъ-то безпомощно болтался засаленный, разодранный сюртукъ, и на его заостренномъ подъ угломъ скуловыхъ костей лицѣ, обросшемъ густою, черною щетинкой, испуганно мигали покраснѣвшіе узенькіе глазки. Рядомъ съ нимъ стояла жена его Маса, молодая и довольно красивая женщина, съ растрепанными мелко вьющимися волосами и тупымъ взглядомъ огромныхъ выпуклыхъ глазъ.

— Вотъ какъ постигается наша пролетарщина! — закричала она. — Она повѣсилась, на веревкѣ повѣсилась она.

— Кто? — съ отчаяніемъ переспросилъ Нехемовъ.

Вмѣсто отвѣта она сунула ему въ руку грязную, измятую записку.

— Натѣ! Любуйтесь! Радуйтесь! — крикнула она.

«Я голодна... — прочелъ Нехемовъ, — перо обрывалось. — Мои дорогие братья и сестры... — Снова обрывался почеркъ. — Я голодна... Нѣтъ работы... Я умираю, оттого что... Я голодна... я голодна... я голодна», звучало изъ каждой точки записки, и что-то ужасное и въ то же время безконечно трогательное было въ этихъ предсмертныхъ стараніяхъ преодолѣть мучительный голодъ и пролепетать послѣднее слово прощанія. А дальше, почти совсѣмъ сливаясь съ неровными краями бумажнаго лоскутка, слѣдовала подпись: «Гольда Крейсникова».

Нехемовъ вспомнилъ молоденькую, стройную папиросницу, которая мѣсяца два тому назадъ пріѣхала въ Н. изъ сосѣдняго мѣстечка искать работы и счастья. У нея были мягкіе, гладкіе волосы, веснушчатое блѣдное лицо и каріе глаза, которые нѣжно искрились, когда при ней говорили о чемъ-нибудь хорошемъ.

— Пойдемте уже, пойдемте плакать на кладбище, — крикнула, махая руками, Маса.

На кладбищѣ собралась толпа рабочихъ; каждый пытался говорить, и рѣчь обрывалась, точно въ смерти ихъ товарища было что-то такое, что уничтожало всѣ тѣ великія слова, которыми они еще такъ недавно научились. Если бы ее убили, если бы ее замучили, еслибы она пала въ борьбѣ! Но голодъ... Надвигалась безработица, это чувствовалось во всемъ воздухѣ Н., и

вмѣстѣ съ безработицей ожидала ихъ не борьба, не движенія, не страсти, а голодъ, постоянный, повседневный, ежеминутный голодъ, который по каплѣ убьетъ все то, что сдѣлано было до сихъ поръ. И великія слова замирали въ ихъ устахъ, работницы всхлипывали, рабочіе съ недоумѣніемъ оглядывались вокругъ себя среди однообразнаго ряда сѣренскихъ могилъ, и только одинъ молодой переплетчикъ стоялъ прямо, потрясая въ воздухѣ руками, точно повторяя молчаливую торжественную клятву, и лицо его, грубое и энергичное, выражало какой-то страстный и рѣшительный порывъ. Прямо противъ себя Нехемовъ увидалъ сіониста Пейсахъ, который, въ своемъ позеленѣвшемъ отъ старости, узкомъ въ плечахъ и въ груди пиджакѣ, сидѣлъ на травѣ, скорчившись и прильнувъ къ кладбищенской стѣнѣ. Онъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и въ его большой, мускулистой фигурѣ было столько отчаянія и скорби, что казалось непонятнымъ, какъ это кто-нибудь еще можетъ улыбаться на свѣтѣ.

— Вотъ, вотъ,—рыдающимъ голосомъ говорилъ онъ, когда они возвращались домой,—вотъ она, наша еврейская жизнь! Когда вы не хотите видѣть, въ чемъ спасеніе ваше, когда какой-то бѣсъ усѣлся въ сердцахъ вашихъ и затемняетъ ваши глаза! Почему, вы думаете, она повѣсилась? Почему? Что? Въ Россіи мало работы для хорошей дѣвушки? Такъ нѣтъ! Надо было устроить такъ, чтобы мы здѣсь вырывали другъ у друга кусокъ хлѣба изо рта! Мы нищіе, а не пролетаріи! Дайте намъ Палестину, дайте намъ Палестину, чтобы наши руки не висѣли, какъ плети, чтобы намъ было гдѣ ѣсть и работать, дайте намъ страну нашихъ предковъ, дайте намъ ее,—повторялъ онъ, какъ въ забытьи.

— А что это я слыхалъ... разъясните мнѣ, Пейсахъ,—началъ портной Хаимъ, подходя къ нимъ и заглядывая въ лицо Пейсаху своими испуганными мигающими глазами:—вотъ мнѣ говорили совсѣмъ, что сіонизмъ это такъ только для слова, а на самомъ дѣлѣ это нужно только нашимъ богачамъ...

— Вотъ богачи!—закричалъ Пейсахъ, со злобой указывая на Нехемова.—Вотъ богачи! Это они не хотятъ, чтобы рабочій народъ работалъ на своей собственной землѣ. А когда Палестина будетъ наша, наша собственная, то ни одинъ богачъ не сумѣетъ отнять ее у насъ, ни одинъ! У насъ всегда будетъ работа, и намъ будутъ платить за нашу работу, какъ во всѣхъ хорошихъ странахъ, и мы сумѣемъ бороться, чтобы намъ платили еще больше. Боже правый! Боже милосердный! Неужели вы этого никогда не поймете?

— Что ты думаешь, Мася: если это такъ, то это, навѣрное, было бы хорошо, навѣрно!—обратился Хаимъ къ женѣ, которая

шла рядомъ съ нимъ, шлепая по землѣ своими затасканными туфлями.

— Ой, ой, было ли бы это хорошо?—отвѣтила она, подпирая рукою щеку.—Кто не понимаетъ, что въ Палестинѣ было бы лучше, чѣмъ здѣсь?

Нехемовъ молчалъ, тяжело опустивъ голову. Все, что онъ могъ бы сказать, уже давно, давно прошло, а теперь онъ не зналъ, отчего бываетъ безработица и какъ можно жить безъ таланта. И когда онъ вечеромъ пришелъ домой, въ запустѣлую комнату своей городской квартиры, гдѣ онъ въ первый разъ познакомился съ Викторомъ, въ первый разъ почувствовалъ жизнь и въ первый разъ излилъ ее на бумагѣ, ему хотѣлось кричать отъ одиночества, растерянности и боли.

Въ прихожей раздался рѣзкій звонокъ. Нехемовъ открылъ дверь и увидалъ студента-технолога Бориса Львовича.

— Милый мой, вы одинъ?—воскликнулъ тотъ, протягивая ему руку.—Я увидалъ свѣтъ въ вашемъ окошкѣ и догадался, что вы остались въ городѣ ночевать. Я посижу съ вами—у меня такая тоска!

Нехемовъ впустилъ его въ кабинетъ брата и, не зажигая свѣчи, сѣлъ на столъ, опустивъ внизъ ноги.

— Вы слышали? здѣсь одна еврейская работница повѣсилась?—говорилъ онъ, въ волненіи бѣгая по комнатѣ.—Какой это ужасъ! Повѣситься отъ голода, отъ голода—понимаете?—когда у насъ ѣдятъ по пяти разъ въ день. И хоть бы мы были на самомъ дѣлѣ богаты! Но мой отецъ наканунѣ банкротства. Я не могу, какъ Нехлюдовъ, дарить имѣнья народу и успокоиться на этомъ. Ахъ, отдавать мнѣ нечего, и все-таки каждый кусокъ стоитъ у меня поперекъ горла. Я одинъ проживаю 50 руб. въ мѣсяцъ, и мнѣ страшно при мысли, что можно жить на 30, на 20 и даже на 10. Я больше всего въ жизни боюсь паразитовъ и физической боли. Ахъ, Нехемовъ! пойдѣмъ въ чернорабочіе, будемъ работать по 14-ти часовъ въ день, будемъ ѣсть хлѣбъ съ квасомъ, будемъ жертвовать собою, будемъ жить другою жизнью, Нехемовъ!—Въ прихожей снова раздался звонокъ. Нехемовъ открылъ дверь. Въ прихожую вошелъ молодой человѣкъ и, спотыкаясь въ темнотѣ, прошелъ въ кабинетъ. Это былъ давешній переплетчикъ.

— Я у васъ останусь ночевать, Нехемовъ, скучно что-то одному,—сказалъ онъ, располагаясь на диванѣ.—Ой, что это у васъ такое? Что у васъ такъ темно?—прибавилъ онъ, съ гримасой оглядываясь вокругъ себя.

— Такъ, керосина въ домѣ нѣтъ,—хриплымъ голосомъ отвѣтилъ Нехемовъ, принося изъ сосѣдней комнаты нагорѣвшую свѣчу.

— Такъ что? Вы не можете купить керосина? Фэ, какая не-

пріятность, чтобъ въ домѣ было такъ темно! А самоварчика у васъ тоже не будетъ? У меня что-то сердце перетянуло.

Нехемовъ пошелъ въ кухню разыскивать самоваръ, а Борисъ Львовичъ внизъ за керосиномъ и закуской. Онъ побѣждалъ также домой за посудой, и когда онъ ходилъ по улицѣ съ пакетомъ въ одной и жестяной въ другой, онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, точно одержалъ великую побѣду надъ собою. Зажгли двѣ маленькія кухонныя лампочки, но этого было недостаточно, тогда притащили изъ гостиной тяжелый канделябръ и зажали въ немъ всѣ свѣчи; наконецъ, переплетчикъ обратилъ вниманіе на то, что можно зажечь большую лампу, висѣвшую подъ чехломъ на потолкѣ. Стало совсѣмъ свѣтло, и всѣ вдругъ радостно засуетились. Переплетчикъ побѣждалъ къ водопроводу мыть руки, и Борисъ Львовичъ послѣдовалъ за нимъ, предварительно купивъ кусокъ простого сѣраго мыла. Руки вытерли чехломъ, только что снятымъ съ лампы, выбирая внутреннюю, незапыленную сторону. Нехемовъ притащилъ дымящійся самоваръ и разставилъ на столѣ закуску.

— Вотъ это хорошо! это я понимаю!—сказалъ переплетчикъ, обдергивая на себѣ блузу и приближаясь къ столу.—Ну, надо разставить по настоящему, чтобы было одно къ одному,—прибавилъ онъ, симметрично разставляя на столѣ предметы. Онъ поставилъ посреди стола зажженный канделябръ и окружилъ его тарелками съ закуской. Самоваръ онъ поставилъ на другой столъ между двумя кухонными лампочками.

— Ну, теперь можно и ѣсть,—сказалъ онъ. Борисъ Львовичъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на его молодое, выразительное лицо и пододвинулъ къ нему закуску.

— Слушайте, у васъ есть здѣсь что-нибудь хорошенькое?—спросилъ переплетчикъ, пережевывая во рту пищу и рассматривая запыленные книги на угловой этажеркѣ.

— Это такъ... это книги брата... У меня есть на дачѣ другія книги... я вамъ принесу,—отвѣтилъ Нехемовъ, растерянно глядя въ его оживленные, подвижные глаза и не понимая, какъ это можно разговаривать и ѣсть, когда у него на душѣ такъ страшно.

— Ну, а вы напишите своему брату, чтобы онъ привезъ намъ изъ-за границы что-нибудь—а! что-нибудь такое?—онъ выразительно шелкнулъ языкомъ.—И потомъ вотъ если бы была какая-нибудь книга по самоубійству. Понимаете, что мнѣ сказалъ этотъ длинный студентъ?—онъ назвалъ фамилію засидѣвшагося медика.—Встрѣчаю я это его послѣ похоронъ на улицѣ,—ну понятно, я ему переплеталъ книги—такъ онъ меня знаетъ. Конечно, рассказываю ему про Гольду. Такъ онъ говоритъ мнѣ, слышите?—онъ говоритъ мнѣ, что самоубійство это такого сорта социальное

явление. Что это значить? Это значить, что все равно, какъ въ году вотъ столько-то людей умираетъ отъ машинъ тамъ разныхъ, такъ это ужъ такое правило, чтобы столько-то людей сами себя убивали. Вы это слышали когда-нибудь? Чтобы у насъ совсѣмъ даже ни капли не было «свободоволи».

— Я вамъ достану книги... У меня есть програма изъ Петербурга... Скажите, много здѣсь такихъ рабочихъ, какъ вы? И всѣ они евреи?—захлебываясь отъ восторга, заговорилъ Борисъ Львовичъ.

— Охъ, пожалуйста, достаньте мнѣ таки такую книгу, я скажу вамъ большое спасибо,—живо подхватилъ переплетчикъ. Вотъ я вамъ правду скажу,—продолжалъ онъ, расхаживая по комнатамъ:—я могу вѣдь вамъ правду сказать. Я же навѣрно жалѣю Гольду—нечего сказать, она была хорошая барышня! Я думалъ, что я съ ума сойду, когда я узналъ, что она умерла. Только какъ это человѣкъ можетъ такъ взять и убить себя—это совсѣмъ не входитъ у меня въ голову.

— Но голодъ?—попробовалъ было возразить Борисъ Львовичъ.

— Слушайте, я знаю!—сказалъ переплетчикъ, дѣлая рукою отстраняющій жестъ.—У товарища всегда можно достать. И если бы я даже не могъ достать, такъ что? я не могу дожидаться, пока голодъ самъ меня убьетъ? Чтобы я самъ себя убилъ! Что? мало развѣ работы на землѣ?

— Но все-таки голодъ, должно быть, убиваетъ всякія стремленія.

— Я пять дней подрядъ имѣлъ голодовщину, полную голодовщину,—сказалъ переплетчикъ, подходя къ самовару и наливая себѣ еще чаю.—«Рабоченароду» нечего нѣжиться! Если уже мы станемъ отъ голода вѣшаться, такъ! нечего сказать — много выйдетъ тогда изъ нашихъ хорошихъ дѣлъ!

— Слушайте, среди еврейскихъ рабочихъ много такихъ какъ вы?—все съ тѣмъ же вострогомъ и умиленіемъ повторилъ Борисъ Львовичъ свой прежній вопросъ.

— Разные бываютъ,—равнодушно отвѣтилъ переплетчикъ.

— Я прошу васъ: приходите ко мнѣ когда-нибудь въ гости,—почти взмолился Борисъ Львовичъ.

— Что-же? Можно! Только смотрите же не забудьте эту книгу. Онъ выпилъ залпомъ свой чай и разлегся на диванѣ, подложивъ подъ голову руки.

— Ну, надо все-таки спать,—сказалъ онъ,—завтра въ шесть часовъ я иду на работу.—И онъ зѣвнулъ, сладко потягиваясь и чему-то улыбаясь. Нехемовъ подалъ ему забытую Рувимомъ подушку, а Борисъ Львовичъ еще разъ сбѣгалъ домой, потихоньку отъ матери досталъ свое одѣяло и прикрылъ переплетчику ноги.

Потомъ они потушили лампы и, захвативъ съ собою канделябръ, вышли въ другую комнату.

— Господи! что это за человѣкъ! Какъ вы съ нимъ познакомились, Нехемовъ? — восторженнымъ шопотомъ говорилъ Нехемову Борисъ Львовичъ. — Какая непосредственность — сейчасъ чувствуется пролетарій. Не чета намъ съ вами, гнилымъ интеллигентамъ.

Нехемовъ угрюмо молчалъ.

— Какъ я стыжусь всей своей жизни, когда я вижу такихъ людей! — продолжалъ Борисъ Львовичъ, захлебываясь отъ волненія. — Я готовъ тогда отказаться отъ всѣхъ своихъ знаній, отъ всей своей интеллигентности, отъ всей этой проклятой привилегированности.

— М-гм! — медленно и съ трудомъ произнесъ, наконецъ, Нехемовъ сирымъ отъ долгаго молчанія голосомъ. Какъ будто если я уже перестану читать книжки или если я откажусь отъ своихъ денегъ, такъ я уже стану гениальнымъ! Надо другое совсѣмъ, совсѣмъ другое. Надо, чтобы мы были сильные, вдохновенные, таланты! Надо писать, надо увлекать — ахъ, я самъ не знаю, что надо дѣлать. Моя жена мнѣ столько ужъ наговорила.

Борисъ Львовичъ ушелъ, и Нехемовъ забѣгалъ по комнатѣ, отчаянно жестикулируя и что-то пытаясь себѣ доказать. Потомъ онъ прошелъ въ кабинетъ и, усѣвшись на диванѣ у ногъ мирно спящаго переплетчика, закрылъ лицо своими худыми, нервными руками, и въ головѣ его назойливо вертѣлась все одна и та же мысль, о томъ, что онъ не нуженъ ни этому рабочему, ни этому дѣлу, ни всему еврейскому народу, о томъ, что вся его жизнь пройдетъ такъ, безъ таланта, безъ идеи, безъ вдохновенія.

VII.

Наконецъ, оно стало надвигаться, это ужасное, это неизбежное, это роковое, чего весь городъ втеченіе цѣлаго года ожидалъ со смертнымъ трепетомъ и страхомъ. Отголоски мірового рынка, отъ котораго по своимъ проселочнымъ дорогамъ, казалось, такъ далеко запрятался Н. въ свою ремесленную скорлупу, дошли, наконецъ, и до него. Гдѣ-то лопнулъ крупный банкъ; купцамъ, торгующимъ на югѣ, перестали платить по векселямъ; мѣстные денежные тузы все крѣпче и крѣпче стягивали свои мошны. Дисконтъ повысился до небывалыхъ размѣровъ, и все-таки денегъ негдѣ было достать. Купцамъ нечѣмъ было продолжать свои дѣла; некуда было возить продавать свои товары, мысль о банкротствѣ завладѣла всей промышленной атмосферой вмѣстѣ съ представленіемъ о кучѣ непроданнаго гнющаго товара, о поданныхъ ко

взысканію векселяхъ, о нищетѣ и позорѣ. И понемногу, понемногу, словно подкрадываясь, кризисъ сталъ охватывать громадную еврейскую массу. Перестали строить дома, перестали праздновать свадьбы, перестали наряжаться, и лучшіе мастера стали просить о починкѣ. И рабочіе заматались, не зная, за что приняться и въ смятеніи предпринимая самыя необдуманныя поступки, которые они не въ силахъ были довести до конца. На папиросной фабрикѣ работницы забастовали, и хозяинъ, радуясь возможности сократить производство, не только не пошелъ на уступки, но даже отказалъ отъ мѣста большей половины папиросницъ. Теперь онѣ ходили безъ работы, уныло слушали, какъ старшіе бранили бунтовщиковъ и ученыхъ богачей, и представленіе о длинной, голодной, безработной зимѣ не давало имъ ни минуты покоя. Пока взрослые бродили по городу въ поискахъ за работой,—по закоулкамъ предмѣстья, гдѣ ютилась нищета, бѣгали дѣти, грѣли на солнцѣ свои исхудалыя, едва прикрытыя лохмотьями тѣльца, и паника голода загромождала ихъ фантазію ужасными видѣніями, которыя формировались въ опредѣленные понятія и какъ самостоятельныя реальныя силы, прибавлялись къ суммамъ общаго несчастья. Съ невѣроятной быстротою распространялись самыя чудовищныя слухи, и дѣти первые подхватывали ихъ и съ ужасомъ кричали о томъ, что ихъ хотятъ зарѣзать демократы и городовые.

Съ каждымъ днемъ разростался ужасъ безработицы. Всюду въ городѣ можно было встрѣтить толпы праздныхъ оборванныхъ людей; они бродили по улицамъ, входили во дворы и стояли у воротъ, безцѣльно глядя по сторонамъ. На бульварахъ толпились они кучками, лѣниво разговаривали, сидѣли на лавкахъ съ уныло опущенными головами или спали, растянувшись на скамейкахъ отдаленныхъ аллей; случайно забредшій городской расталкивалъ ихъ, и они вставали, чувствуя разбитость во всѣмъ тѣлѣ, мучительную сухость въ горлѣ и пустоту въ желудкѣ, и опять они ходили, ходили, измѣряя усталыми шагами весь городъ. Какъ вороны на падаля они стекались всюду, гдѣ можно было найти какую-нибудь работу, и тамъ гдѣ двадцать человѣкъ находили себѣ дѣло, восемьдесятъ уходило съ разбитыми надеждами и озлобленными сердцами.

Вся жизнь вдругъ пріостановилась, словно затаивъ отъ ужаса дыханье. Студенты разѣхались. Переплетчикъ уѣхалъ въ Америку искать новой работы и новой культуры; ассимиляторъ тоже распрощался съ этимъ еврейскимъ гнѣздомъ, рѣшивъ, что на босяцкомъ пролетаріатѣ нельзя строить общественныхъ движеній; одинъ только Пейсахъ остался въ городѣ; полный отчаянія и скорби, молчаливый и голодный, онъ бродилъ среди всеобщаго

запустѣнія, и старая наболѣвшая мечта о Сіонѣ, какъ фактъ всплывала порою въ его омраченной душѣ, оставляя по себѣ новый глубокій непроходимый мракъ... Нехемовъ собрался было ѣхать за границу, но Рувимъ просилъ его остаться до его пріѣзда, и онъ остался, махнувъ на все рукой. Викторъ все еще не могъ вернуться.

Куда дѣвалась вся эта ликующая, восторженная толпа, которая, казалось, такъ твердо стала на ноги прошлой зимой? Куда отхлынула эта горячая волна, которая еще такъ недавно, казалось, всколыхнула весь безмолвный еврейскій народъ? Казалось, невероятнымъ, что въ этой удушливой мрачной обстановкѣ такъ недавно еще прозвучали молодые свободныя пѣсни, и что за эти пѣсни, за эту новую, святую вѣру уже столько безстрашныхъ людей ушло на погибель и смерть. Только еще уличные мальчишки насвистывали ихъ, сами не зная, откуда онѣ взялись, да нѣсколько молодыхъ людей расхаживали по субботамъ съ папиросками въ зубахъ передъ дверями синагоги, возбуждая ужасъ и возмущеніе мирныхъ прихожанъ. Казалось, что все погибло, и никогда, никогда больше вдохновенныя слова не найдутъ отклика въ этомъ народѣ... Когда фактъ массовой безработицы дошелъ до сферъ официальныхъ, губернаторъ собралъ у себя еврейскихъ тузовъ и, назвавъ ихъ почему-то представителями еврейскаго народа, предложилъ имъ принять мѣры оказанія помощи безработнымъ. Тузы собрались, долго совѣщались, еще дольше вздыхали и, наконецъ, развязали свои кошельки. И какъ будто этого только недоставало для того, чтобы объединить общее горе и паденіе, въ центрѣ города появился комитетъ даровой раздачи хлѣба безработнымъ, какъ живой гербъ, какъ наглядное воплощеніе всего того, что до сихъ поръ только глухо напоминало о себѣ въ разныхъ уголкахъ. Теперь это безысходное, праздное горе столпилось вокругъ комитета, толкалось впередъ, поближе къ завѣтному хлѣбу, выступало передъ лицомъ тупого и бессмысленно самодовольнаго благодѣтеля и, озлобленное, униженное, оплеванное, лишенное своего высшаго смысла и внутренняго трагизма, воплощалось въ аргументъ его безстыдства и власти. Усталые отъ вынужденнаго бездѣлія, рабочіе со сжатыми кулаками шли за своимъ хлѣбомъ, толкали другъ друга и, отбрасывая слабыхъ и больныхъ, расчищали себѣ дорогу къ дверямъ комитета. И тамъ, останавливаясь передъ благодѣтельными тузами, они ругались, ругались крупно, дерзко, глупо, за каждую корочку хлѣба, и когда струсившіе благодѣтели обращались къ помощи городовыхъ, рабочіе вдругъ вспоминали всѣ тѣ слова, которыя съ вдохновенною силою прозвучали прошлой зимой, и эти слова, выросшія изъ безстрашнаго стремленія къ лучшему будущему,

превратились теперь въ безсмысленно-бранное требованіе притупленных и обезсилившихъ людей. Они грозили и этими теоріями, которыхъ они не понимали, и силой своего отчаянія, и силою своего голода, и проклятыя, злыя, тупыя и безумныя проклятыя, заставляли въ низкой комнатѣ, ничего не захватывая внѣ четырехъ стѣнъ и личной глубокой обиды. Все это было такъ бессильно, что городовые не трогались съ мѣста, и перетрусившіе было благодѣтели набивались храбрости и готовили блестящія филиппики противъ рабочаго движенія. О теперь ни одинъ либераль, ни одинъ мальчишка не осмѣлится принять его подъ свою защиту; теперь, наконецъ, можно было дать волю глухимъ, подавленнымъ страстямъ. Эти неблагодарныя животныя, для которыхъ столько дѣла ли и которымъ такъ старались помочь, это растлѣвающее ученіе, которое могло только потакать ихъ животнымъ инстинктамъ, эта бессмысленная чернь, которая готова продать религію и душу за корку дарового хлѣба—она смѣетъ притязать на измѣненіе существующаго строя! И развѣ полиція не права? Развѣ они не перерѣзали бы всего міра, если бы имъ дали свободу? Конечно, рабочій—страдающій братъ: сторонись передъ нимъ! На его сторонѣ гимназисты и стриженныя дѣвчонки! Мало всего того, что дѣлаютъ для нихъ; надо отдать имъ все свое состояніе, надо изъ-за нихъ по міру пойти. Это нахалы не скажутъ даже спасибо! И все это оттого, что у нихъ отняли религію, отняли почтительность и уваженіе передъ устоями, отняли культуру и дали взаимнѣ нахальство, не знающее мѣры! Или мало фактовъ? Мало того, что они угрожаютъ, проклинаютъ, ругаются, попрошайничаютъ, бездѣльничактъ, поджигаютъ? Каждый могъ подтвердить все своимъ собственнымъ опытомъ; факты собирались, съ наслажденіемъ перебирались, возмущеніе какъ то превратилось въ источникъ безконечнаго торжества и упоенія. Эти люди, которые спали до полудня, торговались съ лавочниками, женились черезъ лавочниковъ, не знали поэзіи, не знали природы, не знали мечты и измѣряли на вѣсъ мѣды каждый душевный порывъ, эти люди вдругъ стали представителями человѣчности и культуры и кичливо подымали ихъ знамя противъ изголодавшагося народа. Притихли либеральные голоса, и если и раздавались кое-гдѣ, то звучали слабо, словно моля о пощадѣ.

Портной Хаимъ почти каждый день приходилъ къ Нехемову и требовалъ для безработныхъ, и Нехемовъ давалъ ему деньги, хотя онъ хорошо видѣлъ, что этотъ неразвитой, тупой ремесленникъ беретъ ихъ для себя, и что съ распространеніемъ безработицы у него появилась своя мастерская, въ которой работалъ за него рыжеватый чахоточный подмастерье и надъ которой красовалась вывѣска; «фенляндскій портной, венскій шихъ, а также

принѣмаю починокъ». Анна Владиміровна тоже заинтересовалась голодными безработными и съ насмѣшливымъ состраданіемъ занялась фалантропіей.

— Народу, который развивается, живетъ и создаетъ исторію, филантропія дѣйствительно, не нужна,—говорила она мужу.—Но еврейскому народу, который умираетъ медленною смертію, ничего нельзя предложить, кромѣ благотворительности. самой грубой благотворительности, благотворительности милостыни и подачекъ.

И Нехемову казалось, что это она такъ только говоритъ о еврейскомъ народѣ, и что на самомъ дѣлѣ она хочетъ сказать, что это только онъ, Матесь Нехемовъ, человекъ безъ идеи и таланта, ни на что, кромѣ филантропіи, не способенъ.

И онъ давалъ, давалъ съ отчаяніемъ, давалъ все, что у него было. Его доходовъ, наконецъ, не хватало, тогда онъ писалъ брату, чтобы тотъ затронулъ его капиталъ; но братъ отвѣчалъ, что всѣ деньги его находятся подъ векселями, и что обо всемъ этомъ можно будетъ поговорить, когда онъ вернется со своей поѣздки. Тогда онъ сталъ продавать свои вещи, шубу, часы, серебро, пока все, къ чему онъ ни дотрагивался не начало растворяться въ его воображеніи въ хлѣбъ, въ фунты въ пуды, въ корован хлѣба... Онъ садился за столъ и думалъ о томъ, сколько фунтовъ хлѣба можно было бы купить вмѣсто его обѣда. Онъ уходилъ въ садъ и думалъ о томъ, за сколько фунтовъ хлѣба можно было бы продать его фруктовыхъ деревья. Онъ бралъ за руку жену и переводилъ на фунты хлѣба стоимость ея колецъ. Онъ читалъ книги, писалъ, слушалъ музыку, думалъ о поѣздкѣ за границу, и все это уничтожалось въ представленіи о хлѣбѣ, о фунтахъ, о пудахъ хлѣба, которые нужны были для того, чтобы накормить этихъ голодныхъ измученныхъ людей. И онъ думалъ, что онъ можетъ разориться и пойти по міру и все-таки ничего не измѣнитъ, и что для того, чтобы дѣлать то, что надо, надо быть совсѣмъ, совсѣмъ другимъ, надо жить не такъ-какъ онъ, такъ безъ таланта, безъ идеи, безъ вдохновенія.

Онъ писалъ Виктору отчаянные письма, онъ умолялъ его пріѣхать или, по крайней мѣрѣ, посовѣтовать, что дѣлать. Викторъ отвѣчалъ односложно, а одинъ разъ попросилъ его совсѣмъ прекратить переписку, такъ какъ ему было неудобно получать частныя письма. И Нехемовъ рвалъ начатые письма, тоскливо разбрасывая ихъ клочки по зеленой травѣ.

Вмѣстѣ съ письмами онъ сталъ разрывать и свои стихи. Они вырывались противъ воли изъ его тоскующаго сердца, и ничто кругомъ на нихъ не отзывалось. Кого начинали выводить изъ себя эти буквы, эти ряды, эти столбы еврейскихъ буквъ, которыхъ никто никогда не прочтетъ. Онъ писалъ и рвалъ свои стихи,

рвалъ ихъ на мельчайшіе клочки такъ, чтобы ни одного слова нельзя было больше прочесть; но на столѣ все еще оставалось достаточно чистой бумаги, и въ сердцѣ довольно невыплаканныхъ слезъ, и новыя стихи выростали на мѣсто старыхъ.

— Аня,—говорилъ онъ женѣ,—Аня! Ты такъ чудно играешь, такъ божественно; ты, вѣрно, знаешь, какъ живутъ великіе люди... Если бы не я, ты, вѣрно, жила бы такъ, какъ они. Аня, скажи мнѣ, скажи мнѣ, какъ они живутъ. Развѣ я такой уже слабенькій, такой уже бездарный, такой уже несчастный, что мнѣ нельзя это сказать?.. Аня, скажи!

— У тебя нервы совсѣмъ разстроены, Матесъ, тебѣ надо будетъ за границей полечиться.—участливо отвѣтила Анна Владиміровна.

Въ ихъ комнатѣ горѣли всего только двѣ свѣчи у трюмо. Анна Владиміровна ходила взадъ и впередъ, шурша своимъ изящнымъ легкимъ платьемъ, и Нехемовъ, прижавшись къ уголку кушетки, съ напряженіемъ слѣдилъ за выраженіемъ ея красиваго лица и съ ужасомъ думалъ, что эта стройная, высокая, удивительная женщина его жена.

Она присѣла къ нему и взяла его за руку.

— Тебѣ нужна работа; вотъ что, Матесъ,—сказала она серьезно.—У тебя нѣтъ никакихъ занятій. Ты все читаешь безъ всякой системы, и эти книги разстроили твои нервы. Саша права... ты долженъ ѣхать въ Алемъ. А я осталась бы здѣсь—за границей мнѣ нечего дѣлать.

Нехемовъ вдругъ закинулъ голову назадъ, закатилъ глаза, лицо его судорожно передернулось, и горло сдавили спазмы. Анна Владиміровна долго возилась съ нимъ, натирала спиртомъ его виски и, наливъ на свои руки одеколона, давала ему ихъ нюхать. Нехемовъ покорно пряталъ лицо въ ея мягкихъ, душистыхъ рукахъ, и когда онъ подымалъ на нее глаза, онъ встрѣчался все съ тѣмъ же взглядомъ ея красивыхъ усталыхъ, таинственныхъ глазъ, и онъ судорожными движеніями сжималъ ея руки и дрожащими губами беззвучно просилъ у нея прощенія за то, что онъ такой жалкій, ничтожный и бездарный.

И все стало отступать отъ него назадъ: и идея, и любовь, и природа, все отрицало его и отказывало ему во всякомъ правѣ на существованіе.

VIII.

Нехемовъ бродилъ по лѣсу, по полямъ, по комнатамъ, по саду и нигдѣ не находилъ себѣ мѣста; наконецъ, онъ забрелъ къ женѣ. У нея сидѣли гости и, какъ всегда, пили чай и говорили.

— Батюшки, да ты весь продрогъ! — сказала Анна Владиміровна — Напейся скорѣе чаю съ малиной.

Нехемовъ взялъ стаканъ и машинально сталъ мѣшать въ немъ

ложечкой сахаръ. Онъ смотрѣлъ на гостей, и вдругъ у него въ первый разъ мелькнуло въ головѣ, что это тѣ самые буржуа, о которыхъ съ такимъ безгласнымъ отвращеніемъ отзывался Викторъ, и ему казалось, что онъ виноватъ, въ томъ, что жена его очутилась въ обществѣ такихъ людей.

Разговоръ продолжался.

— Вотъ, Анна Владиміровна, — говорилъ Греблехъ: — вотъ вамъ вѣрное подтвержденіе вашего справедливаго пессимизма. Когда-то я мечталъ о педагогической дѣятельности, я былъ идеалистъ, я хотѣлъ посвятить себя народу. А что изъ этого вышло? Подчинившись во всемъ инспектору — вотъ тебѣ и идея. У меня въ ремесленномъ училищѣ одинъ учитель какъ-то не очень скоро поклонился инспектору, и инспекторъ велѣлъ его выгнать. А онъ отецъ семейства... никакихъ другихъ занятій у него — понимаете? нѣтъ. Что тутъ станешь дѣлать?

Нехемовъ невольно насторожился.

— Нѣтъ, я вамъ лучше скажу, Анна Владиміровна, послушайте! — говорилъ Молтеръ. — Вы знаете, кто у насъ въ гимназій преподаетъ еврейскимъ дѣтямъ Законъ Божій? Извѣстный юбочникъ и доносчикъ. На урокахъ Закона Божія онъ говоритъ о своихъ успѣхахъ у актрисъ или клеветаетъ на евреевъ. Пріѣхалъ новый губернаторъ — такъ онъ ему напелъ что-то про еврейскій кагалъ, и губернаторъ повѣрилъ и заставляетъ насъ выбрать его въ раввины. Чудное положеніе — нечего сказать! Въ еврейской больницѣ посадили въ качествѣ врача какого-то русскаго мясника, который колотитъ больныхъ, и, когда евреи просятъ въ городскую больницу, имъ отвѣчаютъ, что у нихъ есть своя. Ну, что тутъ станешь дѣлать? Руки опускаются. Въ самомъ дѣлѣ — что могутъ сдѣлать здѣсь евреи? что?

— Бороться! — воскликнулъ вдругъ Нехемовъ свистящимъ истерическимъ голосомъ. — Бороться! Почему вы позволяете, чтобы Тейеровъ училъ вашихъ дѣтей? И почему вы выберете его въ раввины? почему вы въ концѣ концовъ слушаетесь губернатора, если онъ скажетъ вамъ одно слово? Почему?

Всѣ съ недоумѣніемъ оглянулись на него. Онъ стоялъ блѣдный, дрожащій съ распростертыми впередъ руками.

— Послушайте, какой смѣльчакъ явился! А вы сами отчего молчите? — закричали въ одинъ голосъ всѣ, кромѣ Анны Владиміровны.

— Я не хочу... съ вами... вмѣстѣ. Я съ народомъ, — дрожа всѣмъ тѣломъ, прошепталъ Нехемовъ. — Народъ... онъ ничего не боится, а вы дрожите всегда. Народъ... я знаю... онъ васъ ненавидитъ... Я знаю, какъ онъ ненавидитъ васъ... А вы еще думаете, что вы... наши еврейскіе интеллигенты... Вы... у васъ языка даже нѣтъ... какія у васъ имена? Я самъ не знаю, что вы такое?

— Ну, я, по крайней мѣрѣ въ первый разъ вижу, чтобъ у на-

родника былъ кругленькій миллиончикъ!—съ злорадствомъ крикнулъ Молтеръ.

— Нѣтъ, спросите его лучше, какой это народъ ничего не боится? какой?—кричала Хая Хаймовна.—Можетъ быть тотъ, который безобразничаетъ теперь въ комитетѣ безработныхъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, Матесъ,—тихо, съ состраданіемъ глядя на него, произнесла Анна Владиміровна: чтобы отстаивать народныя движенія, надо стоять гораздо выше всей этой толпы.—И она со вздохомъ оглянула своихъ гостей.

Онъ взглянулъ на нее испуганными глазами и выбѣжалъ изъ комнаты. Анна Владиміровна пошла было за нимъ, но не догнала его и вернулась къ гостямъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Матесъ,—говорилъ себѣ Нехемовъ, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, и ему казалось, что онъ слышитъ голосъ жены.—Вѣдь для того, чтобы жить, надо быть не такимъ жалкимъ и бездарнымъ, какъ ты.

Онъ отперъ одинъ изъ боковыхъ ящиковъ своего письменнаго стола и досталъ оттуда маленькій заряженный револьверъ. И вдругъ онъ вспомнилъ, какъ онъ покупалъ его вмѣстѣ съ Викторомъ, и какія Викторъ рассказывалъ ему тогда прекрасныя чудныя вещи, и онъ вспомнилъ великое дѣло, которое будетъ продолжаться безъ него и которому онъ не сумѣлъ послужить, и свои волшебныя мечты, и свои удивительныя книги и тихую весеннюю ночь на темной улицѣ N; онъ вспомнилъ плакучія ивы надъ желтою рѣчкой и слезы на грустномъ и блѣдномъ лицѣ его жены въ тотъ солнечный день, когда онъ рассказалъ ей про свою любовь; онъ вспомнилъ все, на что онъ потерялъ свои права. Онъ думалъ о томъ, что жизнь все такъ же хороша, какъ была, что тамъ, за границей, въ ту самую зиму, о которой онъ мечталъ, будетъ читаться столько чудныхъ лекцій, что такъ же гордо будутъ выситься Альпы подъ голубыми сводами небесъ, все такъ же будетъ плескаться море и звучать торжествующая пѣснь побѣды, и что онъ, онъ никогда не имѣлъ правъ на все это...

И онъ все еще не могъ разстаться съ жизнью. Онъ открылъ тетрадь и началъ писать. Онъ писалъ о геніѣ, который вдохновляетъ народъ и ведетъ его къ великой невѣдомой цѣли. Онъ писалъ о той могучей таинственной силѣ, которая создаетъ и жизнь и любовь, и искусство. Онъ писалъ о гигантахъ воли и таланта, для которыхъ нѣтъ преградъ, какъ вѣтъ ихъ для жизни. Онъ писалъ о той далекой, завѣтной порѣ, когда всѣ люди поймутъ другъ друга, и никого не будутъ пугать его собственныя чувства и мечты. Онъ писалъ, чувствуя, что все это ненужно, но онъ не въ силахъ былъ оторваться отъ бумаги, не въ силахъ освободиться отъ этого проклятiя, которое тяготѣло надъ нимъ всю жизнь и которое не отдѣлялось отъ него до послѣдней минуты.

Онъ писалъ, писалъ пока перо само не выскользнуло изъ его усталыхъ нервныхъ пальцевъ.

Луна выглянула изъ-за деревьевъ, бросая блѣдныя косые лучи въ его окно. Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ, не понимая, зачѣмъ она еще свѣтитъ ему. Изъ сада донесся сырой и крѣпкій ароматъ. Гдѣ-то пѣли; слышно было, какъ дрогнулъ и оборвался молодой женскій голосъ...

Нехемовъ взглянулъ на луну, на глубокое, ясное небо, вдохнулъ въ послѣдній разъ плѣнительный цѣлебный воздухъ жизни и быстро навелъ курокъ.

IX.

Давно кончился сентябрь, прошелъ и октябрь, наступилъ ноябрь со своими безконечными дождями, но Анна Владиміровна все не съѣзжала съ дачи. Да и рѣшительно не зачѣмъ было хлопотать и собираться. Всѣ нити жизни какъ-то выползли изъ ея рукъ. Она думала, что мужъ ея застрѣлся оттого, что она слишкомъ мало его любила, и ее мучила совѣсть, но никто не привлекалъ ее къ отвѣтственности, и она пассивно отнеслась къ угрызениямъ совѣсти, какъ и ко всей окружающей жизни. Ей ничего не надо было дѣлать, не о комъ заботиться, не о чемъ думать. Она по инерціи, точно въ забытіи, читала, принимала гостей, думала, говорила и даже играла, и въ этомъ забытіи не было ни горестей, ни радостей, ни даже сознанія безболѣзненности забытія. Время отъ времени пріѣзжали знакомые, вели свои безконечныя споры, а потомъ уѣзжали, пили, ѣли, играли въ карты и твердили вслѣдъ за Анной Владиміровной, что жизнь уходитъ такъ, безъ таланта, безъ идеи, безъ вдохновенія.

Но въ началѣ декабря выпалъ снѣгъ, и въ короткое время намело такіе сугробы, что знакомые Анны Владиміровны не рѣшались пріѣхать къ ней «отдыхать душой», и она съ удивленіемъ замѣтила, что ей безъ нихъ скучно. Некому было сообщать свои привычно унылыя мысли, некого было поить чаемъ, некого было усаживать и занимать. Она запустила хозяйство, перестала читать и играть. Вся ея квартира приняла видъ чего-то запущеннаго, заброшеннаго, оголѣлаго; всюду чувствовалось отсутствіе человѣческой воли, отсутствіе живого творческаго духа, и порою, въ длинные вечера, когда Анна Владиміровна оглядывалась вокругъ себя среди безпорядочно разставленной мебели, ей казалось, что всѣ эти онѣмѣлыя, тупыя, слѣпыя, глухіе предметы обступаютъ ее, какъ толпа заблудшихъ и разбредшихся калѣкъ, и она вспоминала, что ея жизнь еще не кончена, и что самое страшное, можетъ быть, ждетъ ее еще впереди.

И въ одинъ изъ такихъ вечеровъ ей вдругъ страшно захотѣлось видѣть мужа, смотрѣть въ его молодое оживленное лицо,

слушать, какъ онъ волнуется, какъ онъ убѣждаетъ. Она вошла въ его комнату, гдѣ ничего не измѣнилось послѣ его смерти, и его кресло казалось живымъ и какъ будто улыбалось его дѣтской и доверчивой улыбкой. Она сѣла и съ грустной нѣжностью стала перебирать его вещи. Въ одномъ изъ ящиковъ она нашла тетрадь, мелко исписанную еврейскими буквами. «Ахъ, такъ онъ писалъ тоже», подумала она, и ей вдругъ стало грустно и смѣшно. «Милый мой,—мысленно говорила она, точно обращаясь къ мужу и нагибаясь, чтобы разобрать еврейскія слова, къ чтенію которыхъ она не привыкла:—писать безъ таланта, да еще на рабскомъ языкѣ безповоротно угнетеннаго народа». Но изъ неровныхъ рядовъ уже выступали живыя картины. Ей казалось, что она чувствуетъ благоуханіе безлунной майской ночи и видитъ молодые, пытливые, исполненные трепетомъ ожиданія глаза. Она чувствовала движенія странныхъ прекрасныхъ людей, нѣжныхъ, какъ видѣніе, и сильныхъ, какъ жизнь. Съ улыбкой на устахъ они шли на кровавую битву; стремительныя, строптивыя головы прорывали всѣ преграды, и они побѣждали, побѣждали всегда, побѣждали даже въ смерти, въ которой выросло новое безстрашное стремленіе. Анна Владиміровна вспомнила консерваторію, вдохновенныхъ музыкантовъ, божественные звуки, смѣлые порывы, петербургскую жизнь и все то, отъ чего она навсегда отказалась въ жизни, и что она никогда не надѣялась встрѣтить еще разъ.

Почему они пришли опять и именно теперь? И почему вдругъ всѣ они попрятались, какъ будто испугались ея присутствія?

«Дождикъ идетъ, мелкій, пронизывающій дождикъ; люди прятались у себя по домамъ, откуда-то слышалось жалобное, унылое нытье. Вдругъ опустились торжественно протянутыя руки, согнулись спины, потускнѣли горизонты, человѣкъ потерялъ человѣка изъ вида. Въ густомъ туманѣ лились его слезы, одинокія, скучныя, безсильныя слезы. Усталыя души просились на волю, но просились уныло и безсильно, какъ въ паденіи. Подавленные стремленія утратили активную силу, желанія угнетали и никуда не толкали. Счастье творчества стало проклятемъ. Какіе-то безкровные люди, которыхъ никогда не пригрѣвало горячее, яркое солнце, по цѣлымъ днямъ стояли у окна и думали о томъ, какъ хорошо будетъ, когда они станутъ другими. Безкрылые, они мечтали о смѣломъ полетѣ, они мечтали о томъ, чего никогда не увидятъ, чего они боялись, что спалило бы ихъ своимъ пламенѣющимъ огнемъ, они мечтали о жизни, и отъ страха въ ихъ душѣ холодѣло. Запуганные всѣмъ на свѣтѣ, они одной своей фантазіи давали просторъ и свободу. Ахъ, какъ они умѣли мечтать! Какъ они умѣли грезить, и ждать, и просить, и молить Боже мой, вѣдь ты самъ долженъ видѣть, что жить такъ нельзя. Зачѣмъ ты молчишь, когда намъ нечѣмъ дышать, когда намъ

нужна свобода? Подыми насъ, дай намъ силы! Создай могучее свободное движеніе, которое подняло бы весь человѣческій родъ, которое сообщило бы всѣмъ людямъ жизненную смѣлость, дало бы имъ право на жизнь, дало бы имъ прежнюю радость стремленія. Жизнь хороша, она будетъ прекрасна, прекрасна, какъ глубина человѣческой воли. Если я умираю, подкошенный жизнью, то пусть другіе проникнутся ею, то пусть другіе, великіе, смѣлые, гениальные, пойдутъ въ народъ, пробудятъ въ немъ тайныя силы, дадутъ исходъ роднику его скрытыхъ желаній! Но теперь я не могу вѣдь, Викторъ: мнѣ нельзя! Ахъ, Викторъ, вѣдь я умираю! Вѣдь вы знаете—моя жена удивительный гениальный человѣкъ и пока я живу, ея гений пропадаетъ. Жизнь это единственное благо въ мірѣ; пока я живу, я его оскверняю. Я думалъ, что я поэтъ, я думалъ, что я могу помочь еврейскому народу, я думалъ... ахъ, Викторъ, прости».

Перо обрывалось. Нехемовъ умеръ. Анна Владиміровна съ ужасомъ смотрѣла на ряды прыгающихъ, кричащихъ буквъ и чувствовала себя такъ, какъ будто ей въ первый разъ пришли рассказать, что ея мужъ застрѣлился. И вдругъ ей ясно стало, что это она убила его, она сама, не его любовь къ ней, а ея собственная мертвящая уничтожающая личность. Она зарыдала, объятая порывомъ безсходнаго, бездоннаго горя. Она вспомнила всю свою одинокую, безцвѣтную, безсмысленно загубленную жизнь. Она вспомнила себя маленькой наивной дѣвочкой; она рыдала о томъ, что этой дѣвочкѣ уже нѣтъ, что ее отравляли въ теченіе длинныхъ безрадостныхъ лѣтъ, что отъ нея закрыли всѣ радостные, свѣтлые тоны солнца, что въ ней убита молодая, чистая, прекрасная душа. Ей начинало казаться, что когда-то, давно, въ то время, о которомъ страшно было даже вспоминать, она была прекрасна и смѣла, и что злые, бездарные люди смяли ее и приковали къ холодному страху. Вѣдь у нея былъ талантъ, былъ, былъ давно когда-то, когда она любила свою музыку со страстью, какъ святыню. И всегда, всегда было одно и то же, всегда она рвалась къ этой жизни злобно и тайно, со скрежетомъ зубовъ, съ холоднымъ трепетомъ въ груди, всегда она рвалась и никогда не смѣла подойти поближе. И вотъ эта жизнь подошла къ ней такъ близко, какъ Нехемовъ, и ушла. Онъ умеръ. Если бы она не убила его кто знаетъ?—онъ возродилъ бы можетъ быть ее своими молодыми, чистыми стихами, онъ указалъ бы ей цѣлый міръ человѣческихъ отношеній... кто знаетъ, что могла бы еще дать ей жизнь? Что-то смѣлое, прекрасное, большое неожиданно мелькнуло въ ея головѣ, и она рыдала о томъ, что это такъ и пронесется мимо, что навсегда она отброшена навадъ. Она рыдала о томъ, что все могло бы быть иначе, что было когда-то время, когда она могла бы выпрямиться и дышать

свободно, что она сдалась, когда побѣда была такъ легка, что она спряталась отъ того, что было такъ прекрасно и доступно. Она не знала уже больше, отчего она рыдаетъ, она рыдала отъ того, что въ слезахъ ея не было никакой оживляющей силы, отъ того, что во всей душѣ ея ничто не въ силахъ было справиться съ внезапно охватившею тоскою, оттого, что это были ея послѣднія рыданія, послѣднее отчаяніе, блеснувшее въ сознаніи, послѣдняя вспышка тлѣющей жизни, оттого, что впереди было одно лишь доживаніе, безъ права на мечту и вдохновеніе.

Поздній разсвѣтъ зимняго дня засталъ ее въ слезахъ. Она собрала тетради мужа и поѣхала въ городъ. Надо было разыскать этого Виктора.

Среди засыпанныхъ снѣгомъ старенькихъ домовъ Кожурки она разыскала жилище портного Хаима. Это была ея единственная связь съ тѣмъ міромъ, изъ котораго она вырвала мужа.

Ее встрѣтилъ въ сѣняхъ рыжеватый подмастерье Хаима, котораго Хаимъ завелъ себѣ во время общей безработицы вмѣстѣ съ вывѣской и собственной мастерской.

— Хаимъ дома?—спросила Анна Владиміровна.

— Во Франкфуртъ онъ уѣхалъ... Вотъ у того, что застрѣлился... вы знаете? у Нехемова... онъ на безработныхъ набралъ денегъ и уѣхалъ себѣ. А теперь здѣсь ужъ другой хозяинъ командуетъ. Только его дома нѣтъ...—скороговоркою отвѣтилъ онъ.

— А можетъ быть вы знаете, гдѣ можно видѣть Виктора?—спросила она.

— Виктора? что? вы уже тоже знаете, что онъ опять здѣсь?—испуганно спросилъ онъ.

— Да я и не знала, что онъ уѣзжалъ. У меня къ нему дѣло. Нехемовъ былъ мой мужъ.—У нея на глазахъ показались слезы, и слезы эти сразу расположили подмастерье въ ея пользу.

— Знаете? я боялся, что вы какая-нибудь... такъ... чтобы провнухать... Но я не думаю теперь. не думаю, не бойтесь... Пойдемте, я покажу вамъ гдѣ живетъ Викторъ, Только его теперь зовутъ уже не Викторъ, а Калмень... чтобъ вы Боже сохрани, не проговорились! Эй, Юдъ, крикнулъ онъ, обращаясь къ кому-то вглубь комнаты,—когда хозяинъ меня спроситъ, скажи, что я отработаю. Мнѣ нужно идти по важному дѣлу.

— Такъ вы уже тогда знали Виктора?—разспрашивалъ онъ, забѣгая впередъ и заглядывая Аннѣ Владиміровнѣ въ глаза.—Хоть бы я догадался, когда вы ходили къ Хаиму, что вы таковская. Положимъ-таки, что и я тогда былъ безсознательный, довольно-таки безсознательный. А потомъ, послѣ этой безработицы—ого! Сперва мы были-таки большіе дураки, когда все-таки хочется кушать, а потомъ—ой, какъ мы хорошо поняли, кто это не даетъ намъ кушать. Не шутка! Рабоченародъ всегда останется рабоченародомъ.

Анна Владиміровна съежилась, точно услышала игру великаго артиста.

И когда она въ маленькой, низенькой комнатѣ нашла, наконецъ. Виктора и увидала его худое, одухотворенное лицо, ей стало вдругъ страшно.

— Мой покойный мужъ, Нехемовъ...—начала она.

— Такъ это вы его жена?—произнесъ онъ такимъ тономъ, точно нашелъ виновнаго, котораго давно разыскивалъ.—Но, конечно, вы не знаете, почему онъ застрѣлся.

— Вотъ, вы узнаете сами,—робко, точно оправдываясь сказала, Анна Владиміровна, подавая ему тетради.

Викторъ долго перелистывалъ тетради, и, пока онъ читалъ, Анна Владиміровна съ напряженіемъ слѣдила за выраженіемъ его лица и читала безповоротный приговоръ себѣ.

— Ахъ, вѣдь онъ былъ поэтъ!—произнесъ онъ съ выраженіемъ искренняго горя и, точно вспомнивъ, что въ комнатѣ посторонній человѣкъ, круто переѣнилъ тонъ и съ сухой дѣловитостью обратился къ Аннѣ Владиміровнѣ.

— Оставьте эти стихи у меня,—сказалъ онъ.—Я покажу людямъ, народъ ихъ пойметъ. А что можно будетъ печатать здѣсь, то мы пошлемъ въ еврейскія газеты... Можетъ быть, этотъ трудъ вы возьмете на себя.

Анна Владиміровна замялась. Она не могла такъ уйти. Надо было хоть чѣмъ-нибудь показать, что она не такъ ужъ непричастна ко всему его міру, что она чувствуетъ все это, что она тоже можетъ что-нибудь сдѣлать. Наконецъ, она нашлась.

— Послѣ смерти мужа,—начала она, и голосъ ея звучалъ глухо, какъ чужой—послѣ смерти мужа у меня осталось большое состояніе. Конечно, я не въправѣ тратить эти деньги на себя... Онъ, вѣрно, самъ... Такъ, если я могу быть вамъ полезна.

— Конечно, можете... Для насъ это будетъ громадной услугой... Но объ этомъ мы еще поговоримъ... Я зайду къ вамъ самъ или пришлю человѣка... Онъ скажетъ, что отъ Калмена.

Въ тотъ же день Анна Владиміровна наняла свою прежнюю дѣвичью комнату и напечатала объявленіе о томъ, что ищетъ уроковъ музыки и нѣмецкаго языка. Черезъ нѣсколько дней пришелъ къ ней Викторъ, потомъ онъ сталъ посылать за себя товарища и потомъ стали приходить къ ней все разные люди. Они приходили молчаливые, сдержанные, занятые, съ печатью прекраснаго, чуждаго міра, въ который Анна Владиміровна не смѣла заглянуть, и получивъ у нея деньги, они уходили съ холоднымъ поклономъ, и никому изъ нихъ не было дѣла до того, что она живетъ такъ, безъ таланта, безъ идеи, безъ вдохновенія...

С. Р.

Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Крушеніе революціонныхъ попытокъ 1848 года, въ связи съ все усиливавшейся эмиграціей, въ связи съ все растущей смертностью, создало въ Ирландіи пятидесятихъ годовъ глубокую общественную реакцію. Апатія, владѣвшая страной въ пятидесятихъ годахъ до выступленія феніанства, носила гораздо болѣе злокачественный, такъ сказать, характеръ, нежели, напримѣръ, нѣкоторая общественная реакція, наблюдавшаяся въ Ирландіи впослѣдствіи, въ семидесятихъ годахъ до Парнеля, или въ девяностыхъ, послѣ смерти Парнеля. За это десятилѣтіе (1849—1859 гг.) политическій пессимизмъ приводилъ однихъ къ полному, безнадежному равнодушію, другихъ къ

*) Первую часть см. „Міръ Божій“, 1904 г. № 1, 2, 3, 5, 7, 8, 9, 10 и 12.

Кромѣ уже указанной въ примѣчаніяхъ къ главамъ первой части общей исторической литературы по Ирландіи, см. еще слѣд.: *John O'Leary*, „Recollections of fenians and fenianism“, vols I и II (Lond. 1896); *Morley*, „The life of Gladstone“, томы 2 и 3; *Barry o'Brien*, „The life of Parnell“, vols. I и II (Lond. 1899); „Annual Register“ за годы 1866, 1867, 1868, 1869; *Justin Mc. Carthy*, „History of our own times“, vols. II, III, IV; *Lefevre*, „Irish Members and english goalers“ (Lond. 1899); *Bagenal*, „The american Irish and their influence on irish politics“ (Lond. 1882); *Wiss*, „Das irishe Landgesetz von 1881“; *Becker*, „Disturbed Ireland“ (Lond. 1881); *Dillon*, „The Truth about the Mitchelstown massacre“ (Lond. 1887); *Butt*, „Irelands appeal for amnesty“ (Lond. 1870); *Leadam*, „The case against coercion“ (Lond. 1887); *Fox*, „Why Ireland wants home rule“; *Michael Davitt*, „The fall of the Feudalism in Ireland“ (Lond. 1903); *Ferré*, „L'Irlande, la crise agraire et politique, ses causes, ses dangers, sa solution“.

(Мы старались въ этой части дать возможно болѣе краткій очеркъ дѣятельности Парнеля, въ виду того, что названному дѣятелю уже была посвящена нами особая статья, напечатанная въ этомъ же журналѣ въ 1899 году).

Отчеты о процессахъ феніевъ см. особенно „Annual Register“ за 1865 и 1867 гг. О революціонной дѣятельности 80-хъ гг. даетъ любопытныя (хотя мѣстами нѣсколько сбивчивыя) указанія *Tynnan*: „The Irish invincibles and their times“ (Lond. 1893).

отчаянію. На почвѣ этой общественной реакціи оказалась тщетною единственная сдѣланная за эти печальные годы попытка опять возобновить борьбу за лучшее будущее голодающаго народа. Эта попытка была сдѣлана эпигонами разгромленной въ 1848 году «молодой Ирландіи», и отмѣтить ее въ нѣсколькихъ словахъ слѣдуетъ, хотя бы потому, что ея полная неудача также была однимъ изъ психологическихъ моментовъ, на время отвратившихъ ирландскую молодежь отъ всякихъ попытокъ конституціонной, легальной борьбы и толкнувшихъ въ послѣдствіи многихъ на путь феніанской дѣятельности.

Вотъ въ чемъ эта попытка заключалась.

Дэффи, Кроуфордъ, Лэксъ, Муръ и др. рѣшили воспользоваться всегда существовавшими въ разныхъ частяхъ Ирландіи теченіями въ пользу аграрной реформы и основали въ 1852 году «лигу юга и сѣвера», которая имѣла цѣлью добиться у парламента серьезныхъ перемѣнъ въ области арендныхъ отношеній. Конечно, въ виду упадка настроенія подъ влияніемъ обидныхъ воспоминаній о 1848 годѣ, въ виду страшнаго опустошенія страны послѣ голода и непрерывно шедшей эмиграціи,—эта лига надѣялась, главнымъ образомъ, на мирныя средства и на парламентскую дѣятельность. Эпигоны «молодой Ирландіи» видѣли въ этомъ не отказъ отъ бывшихъ своихъ взглядовъ, высказанныхъ въ эпоху борьбы съ О'Коннелемъ, а обусловливаемое временными обстоятельствами обращеніе къ такому средству, которое отвергалось ими и прежде только въ качествѣ *исключительнаго*, какимъ оно должно было быть по воззрѣніямъ О'Коннеля. Установленіе болѣе выгодныхъ для арендаторовъ условій земельного держанія, болѣе опредѣленность и болѣе длительность сроковъ аренды, обезпеченіе арендатора отъ произвола лендлорда, признаніе за арендаторомъ правъ на возмѣщеніе расходовъ по улучшеніямъ въ хозяйствѣ, произведеннымъ имъ на землѣ лендлорда (въ случаѣ, если лендлордъ выселитъ его съ занимаемаго участка)—таковы были главные домогательства новообразованной лиги. Между прочимъ, лига агитировала въ пользу учрежденія въ каждомъ округѣ особой ассоціаціи фермеровъ и сочувствующихъ имъ лицъ, чтобы путемъ моральнаго давленія, угрозой общественной опалы и отлученія (слово «бойкоттъ» еще не существовало) препятствовать кому бы то ни было селиться на участкѣ, откуда несправедливо былъ выгнанъ прежній арендаторъ. Католическое духовенство, послѣ пораженія революціонеровъ болѣе, чѣмъ когда либо, приверженное идеѣ повиновенія англійскому правительству, провалило эту лигу въ простомъ народѣ, а всякіе расчеты на борьбу въ парламентѣ пришлось оставить, послѣ того какъ двое изъ самыхъ способныхъ и многообѣщавшихъ ирландскихъ депутатовъ—Кигъ и Сэдлайеръ—оказались сознательными обманщиками, политическими авантюристами, которые по соображеніямъ личной карьеры измѣнили дѣлу борьбы за аграрную реформу и сое-

динились съ правительствомъ и поддерживаемыми имъ въ данномъ случаѣ католическими епископами, видѣвшими въ Дэффи и его друзьяхъ опасныхъ демагоговъ. Кигъ и Сэдлайеръ внесли глубокую деморализацію въ ряды парламентской ирландской партіи 50-хъ годовъ и окончательно свели къ нулю эту и безъ того слишкомъ слабую группу. Дэффи уѣхалъ вовсе изъ Ирландіи и на долгіе годы въ Австралію, не возвращаясь болѣе къ политической дѣятельности на родинѣ.

Глухая, перемежающаяся изрѣдка крупными аграрными преступленіями борьба арендаторовъ противъ лендлордовъ шла, правда, и въ эту мертвенную эпоху общественной усталости и реакціи пятидесятихъ годовъ, но только къ концу ихъ Ирландію разбудило феніанское движеніе, которому суждено было вписать не одну кровавую страницу въ исторію англо-ирландскихъ отношеній.

II.

Въ «Воспоминаніяхъ» фенія О'Лири, служавшихъ до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ источниковъ для первоначальной исторіи феніанства, мы находимъ цѣлый рядъ данныхъ, которыя позволяютъ намъ возстановить процессъ возникновенія этого движенія.

«Біографически», а быть можетъ и не только біографически, феніанство, безспорно, имѣетъ связь съ движеніемъ «Молодой Ирландіи». О'Лири, Стивенсъ и цѣлая масса другихъ вліятельныхъ феніевъ получили свое первоначальное политическое воспитаніе на литературѣ «молодыхъ ирландцевъ» и отчасти даже принимали участіе въ броженіи 1848 года. О себѣ О'Лири прямо говоритъ, что впервые сильное ирландское національное чувство пробудилось въ немъ подъ вліяніемъ чтенія поэмъ и статей Томаса Дэвиса, главнаго вдохновителя всего движенія «Молодой Ирландіи». О'Лири было тогда (въ 1846 году) шестнадцать лѣтъ отъ роду и онъ сравниваетъ совершившійся въ немъ душевный переворотъ съ религіознымъ обращеніемъ. Чтеніе журнала «Нація» и на него, какъ для всего тогдашняго молодого поколѣнія, дѣйствовало не только воспламеняющимъ образомъ, важно было не только въ смыслѣ поднятія революціоннаго духа: оно давало молодымъ умамъ массу фактовъ изъ прошлаго и настоящаго Ирландіи и этими новыми знаніями, новымъ фактическимъ матеріаломъ укрѣпляло разъ возникшее настроеніе. Агитація Митчеля, броженіе 1848 года, попытка Смита О'Бріена—все это произвело весьма сильное впечатлѣніе на умы даже тѣхъ, кто, по молодости лѣтъ, еще не могъ принять дѣятельнаго участія въ событіяхъ. Конецъ броженія 1848 года и расправа съ его виновниками довершили въ умахъ подростовавшего поколѣнія то глубокое недовѣріе къ «конституціонализму», т.-е. къ возможности легальнѣй продуктивной дѣятельности на пользу родины,

которое стало для феніанства столь характерной чертой. О'Лири, О'Мэ-гони, Стивенсъ приняли даже нѣкоторое непосредственное участіе въ революціонной вспышкѣ 1848 года, и связывали вѣдствіи «Молодую Ирландію» съ первымъ своимъ боевымъ крещеніемъ въ революціонномъ огнѣ. Потянулись глухіе, тусклые, мертвенные пятидесяти-летіе; они прибавили еще одну черту къ слагавшейся психологіи будущихъ феніевъ: нерасположеніе къ духовенству за то, что оно, въ 1848 году посодѣйствовалъ крушенію «Молодой Ирландіи», теперь всячески благопріятствовало разнымъ парламентскимъ авантюристамъ, вродѣ Кига и Сэдлѣйера, прикрывавшимся маскою ирландскаго патріотизма. Аграрная агитація первой половины 50-хъ годовъ, предпринятая Дэффи и нѣкоторыми другими уцѣлѣвшими дѣятелями «Молодой Ирландіи» въ цѣляхъ вынудить у парламента облегченіе участи арендаторовъ, не имѣла успѣха и ко времени крымской кампаніи окончательно замерла. Почему О'Лири и другіе прославившіеся вѣдствіи феніи не захотѣли поддержать эту агитацію? Во-первыхъ, какъ сами они признаются, аграрный вопросъ интересовалъ ихъ гораздо меньше, нежели вопросъ полнаго національнаго освобожденія отъ Англіи; во-вторыхъ, они чувствовали глубокую увѣренность, что аграрный вопросъ никогда до такого освобожденія и не разрѣшится вслѣдствіе сопротивленія англійскаго парламента. Оставляя пока въ сторонѣ вторую изъ указанныхъ причинъ, замѣтимъ относительно первой слѣдующее. Въ этомъ равнодушіи къ экономической сторонѣ ирландскаго вопроса и лежала всегда вѣдствіи роковая причина слабости феніевъ. Политическая партія, равнодушно относящаяся къ аграрному вопросу и вмѣстѣ съ тѣмъ желающая дѣйствовать въ нищей и почти исключительно земледѣльческой странѣ, фатально осуждена на конечную неудачу. А въ данномъ случаѣ это равнодушіе родилось еще до появленія самой партіи: будущіе ея руководители проявили его уже въ началѣ 50-хъ годовъ.

Въ 1857 году Джемсъ Стивенсъ, человѣкъ, принимавшій (правда, второстепенное) участіе въ возстаніи 1848 г., имѣлъ разговоръ съ Джономъ Диллономъ и Джономъ О'Лири. Въ этомъ разговорѣ Стивенсъ заявилъ имъ о своемъ желаніи основать тайное общество для подготовленія въ Ирландіи революціоннаго возстанія противъ англійскаго владычества. Диллонъ отнесся къ проекту вполнѣ отрицательно. О'Лири также не скрылъ своихъ сомнѣній относительно возможности осуществить подобнаго рода намѣренія. Дѣло въ томъ, что и самъ О'Лири, и все передовое ирландское общество еще далеко не освободились отъ той глубокой подавленности духа, которая явилась естественнымъ результатомъ крушенія 1848 года. Но Стивенсъ, кромѣ желѣзной воли, организаторскихъ способностей и спокойной готовности отдать на борьбу съ англичанами свою жизнь, обладалъ еще однимъ свойствомъ: совершенно отказываясь считаться съ общественнымъ на-

строеніемъ, онъ полагалъ, что его долгъ дѣйствовать такъ, какъ велитъ ему его собственное настроеніе, а онъ никогда не утрачивалъ вѣры въ возможность успѣшной революціи. И прямо удивительно, до какой степени ему удавалось побѣждать скептицизмъ и нерѣшительность окружающихъ. По воспоминаніямъ О'Лири, онъ выказывалъ, вообще, много презрѣнія къ людямъ, отличался высокомеріемъ, догматизмомъ и нетерпимостью; «онъ полагалъ, что великій человѣкъ можетъ сдѣлать все, а у него и тѣни сомнѣнія не было въ томъ, что самъ онъ великій человѣкъ». Очень многихъ его натура привлекала и поработчала; съ очень немногими онъ бывалъ вполне сердеченъ и откровененъ; но и тѣхъ и другихъ онъ какъ бы силою заставлялъ вѣрить въ то, во что самъ вѣрилъ.

Собственно, заводя разговоръ о необходимости новой организаціи съ Диллономъ и О'Лири, Стивенсъ уже зналъ, что онъ не совсѣмъ одинокъ: незадолго до того онъ получилъ отъ жившихъ въ Нью-Йоркѣ эмигрантовъ Джона О'Мэгони, Микаэля Догени, Джемса Роча и Оливера Байрона прямую просьбу взять на себя инициативу устройства тайнаго общества. Подобно Стивенсу, они томились слишкомъ затянувшейся общественной реакціей, и подобно Стивенсу же, они полагали, что только онъ одинъ можетъ начать дѣло революціоннаго возрожденія. За этими эмигрантами было прошлое, за ними стояли многочисленные ирландцы, жившіе въ Америкѣ и всегда готовые изъ послѣднихъ крохъ придти на помощь всякому патріотическому начинанію.

Стивенсъ согласился на ихъ предложеніе, требуя только, чтобы никто не вмѣшивался въ его мѣропріятія и чтобы на нужды дѣла ему присылалось по сто фунтовъ стерлинговъ въ мѣсяцъ въ продолженіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ. Эмиграція согласилась на эти условія, и Стивенсъ приступилъ къ дѣлу. Первое ядро новаго общества сформировалось въ 1858 году въ Дублинѣ; оно получило названіе «ирландскаго революціоннаго братства»; но, собственно, лишь съ 1861 г. можно считать совершившимся фактомъ окончательную организацію этого братства. «Финами», «фенами», или «фіанами» назывались въ древности дружины, служившія ирландскимъ королямъ; интересовавшійся древней исторіей ирландскихъ кельтовъ, Джонъ О'Мегони и сталъ называть этимъ старымъ словомъ «феніями» своихъ товарищей по дѣлу, т.-е. лицъ, вербуемыхъ Стивенсомъ въ новое революціонное братство, и постепенно это слово вошло во всеобщій обиходъ. Начались дѣятельные разъѣзды Стивенса, Россса, Люби, Мойнигена и другихъ по странѣ съ цѣлью устройства «кружковъ»,—ячеекъ будущаго возстанія. Этимъ кружкамъ старались придать военную организацію и вмѣстѣ съ тѣмъ соблюсти конспиративныя требованія. Во главѣ кружка стоялъ «центръ» или «А», который выбиралъ себѣ девять непосредственно подчиненныхъ «В»; каждый изъ этихъ «В» выбиралъ себѣ девять «С»; каждый изъ девяти «С» выбиралъ девять «D». Такимъ

образомъ получалась строгая ієрархическая лѣстница, причемъ каждый подчиненный зналъ только своего непосредственного начальника, хотя, конечно, на практикѣ это далеко не всегда соблюдалось; подчиненные обязаны были приказу непосредственного начальника безотлагательно повиноваться.

Къ началу 1859 года и О'Лири вошелъ въ дѣловыя сношенія со Стивенсомъ, и, вскорѣ послѣ поѣздки въ Америку самого Стивенса, отправился туда же съ порученіями. Дѣло въ томъ, что многіе дѣятели 1848 г., проживавшіе въ Америкѣ, холодно относились къ сношеніямъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей со Стивенсомъ и, вообще, къ затѣвавшемуся предпріятію. И постарѣли они, и большую часть изъ нихъ жизнь слишкомъ измучила, и несостоятельность попытки 1848 г. стояла еще слишкомъ живымъ и болѣзненнымъ укоромъ передъ ними, словомъ, многихъ старыхъ и популярныхъ именъ не досчитывался Стивенсъ въ американскихъ кружкахъ формируемой имъ организаціи. Поѣздки какъ Стивенса, такъ и его товарищей по дѣлу въ Америку отчасти, имѣли цѣлю укрѣпить связи между возникавшимъ ирландскимъ движеніемъ и ирландскимъ обществомъ въ Америкѣ, гдѣ, напримѣръ, такіе авторитетные люди, какъ Митчель, упорно сторонились отъ новаго дѣла. Зато молодое поколѣніе, и особенно въ рабочемъ классѣ, живо откликнулось на призывъ феніевъ; не надо забывать, что ирландцевъ въ Америкѣ было нѣсколько сотъ тысячъ, и для всякаго движенія, возникавшаго въ Ирландіи, успѣхъ его въ Америкѣ всегда бывалъ существенно необходимъ, такъ что въ этомъ отношеніи феніи могли считать себя уже въ 1859—1860 гг. удовлетворенными. Нужно сказать, впрочемъ, что вербуя себѣ сторонниковъ въ Америкѣ, феніи всячески старались, чтобы ихъ не смѣшали съ «риббонменами» (лохмотниками), которыхъ очень много было среди эмигрантской бѣдности.

Кто такіе были эти «риббонмены»? Представители все того же несчастнаго арендаторскаго класса, который искони выставлялъ изъ своей среды борцовъ противъ лендлордскаго угнетенія. Прежде, какъ мы знаемъ, они назывались «бѣлыми парнями», теперь, съ конца 30-хъ гг., а особенно въ 40—50-хъ гг., они все чаще и чаще назывались «риббонменами». Сущность явленія оставалась все та же, мѣнялись только названія и подробности тайной организаціи. Но аграрный терроръ «риббонменовъ» чисто-экономическими причинами непосредственно вызывался и къ чисто-экономическимъ результатамъ стремился; феніи же не упускали случая подчеркнуть свой политически-революціонный, чисто-національный, анти-англійскій, а не анти-лендлордскій характеръ. Феніи раздражались страшною трудностью распространенія своихъ идей между «риббонменами»; совершеннѣйшее неумѣніе воспользоваться цѣлесообразно существующимъ классовымъ антагонизмомъ сопрягалось у феніевъ, какъ это всегда въ такихъ

случаяхъ бываетъ, съ тенденціей не то полемизировать съ этимъ нежелательнымъ для нихъ явленіемъ, не то закрыть глаза на самый фактъ его существованія. Городское рабочее населеніе, ремесленники, мелкая и средняя буржуазія—вотъ тѣ общественные слои, изъ которыхъ пополнялись, главнымъ образомъ, кадры возникающаго общества, Хроническій застой въ промышленности и торговлѣ, общій упадокъ всѣхъ производительныхъ силъ страны, полнѣйшее экономическое рабство, въ которомъ томилась Ирландія подъ гнетомъ метрополи,— все это, правда, создавало сильный историческій фундаментъ подъ феніанской идеологіей и придавало политическому сепаратизму въ глазахъ многихъ характеръ незамѣнимой панацеи всѣхъ экономическихъ золъ. Вотъ что, несмотря на ахиллесову пяту феніанства—отсутствіе ясной аграрной программы,—давало ему жизненную силу.

III.

1860—61 гг. были годами подготовительной пропаганды и вербовки. Стивенсъ, Люби и ихъ товарищи путешествовали подъ разными предлогами пѣшкомъ изъ села въ село, изъ города въ городъ, всюду зондируя почву и ища преверженцевъ. Дѣло ихъ шло быстро и успѣшно. Давно знакомое Ирландіи революціонное настроеніе, послѣ десятилѣтней реакціи, пробуждалось все замѣтнѣе. Пропагандисты ставили вопросъ такъ: чтобы попытаться вывести Ирландію изъ ея хронически бѣдственнаго положенія, существуютъ два метода дѣйствій—конституціонный и революціонный. Первымъ способомъ старался пользоваться О'Коннелъ, но ему почти ничего не удалось сдѣлать для реального освобожденія страны отъ гнета. Петиціи, обращаемыя къ парламенту, фатально должны оставаться безуспѣшными, такъ какъ большинство этого парламента всегда выбирается чуждымъ и враждебнымъ Ирландіи народомъ. Мало того, конституціонный образъ дѣйствій, говорили феніи, приводитъ только къ разврату, къ продажности, помогаетъ такимъ мошенникамъ, какъ разные Седлайеры и Киги, хорошенько поторговавшись, продаться англичанамъ за сходную цѣну. Что же касается другого способа дѣйствій, то, правда, исторія показала неоднократно, въ томъ числѣ и на примѣрахъ Вольфа Тона въ 1798 г., Роберта Эммета въ 1803 г., «Молодой Ирландіи» въ 1848 г., что и революціонныя попытки освободить Ирландію отъ англичанъ оказывались безрезультатными. Но по самому существу дѣла съ правилами логики болѣе согласуется мысль объ освобожденіи отъ англичанъ открытою силою, нежели мечта о томъ, что англичане мирнымъ путемъ будутъ приведены къ убѣжденію о необходимости для Ирландіи самостоятельности. А такъ какъ безъ самостоятельности немыслимо радикальное уврачеваніе ни одного изъ главныхъ золъ, угнетающихъ Ирландію, то, слѣдовательно, революціонный способъ по мнѣнію феніевъ

и являлся единственнымъ, допускаемымъ какъ нравственностью, такъ и здравымъ смысломъ. Пропагандируя подобныя мысли, феніи, по словамъ О'Лири, «проповѣдывали уже обращеннымъ», до того идея новой борьбы противъ англичанъ уже стала носиться въ воздухѣ.

Первымъ событіемъ, нарушившимъ многолѣтнюю тишину и оцѣпенѣлость ирландской національной жизни, была та грандіозная демонстрація 10-го ноября 1861 г., на которой феніи впервые испробовали свои силы. Произошла она по слѣдующему поводу. Среди многочисленныхъ жертвъ судебной расправы съ инсургентами 1848 г. былъ также Макъ-Мэнэсъ, сосланный въ каторжныя работы, но впоследствии бѣжавшій изъ ссылки и поселившійся въ Америкѣ, въ Санъ-Франциско. Никогда онъ не игралъ руководящей роли, но его знали, какъ человека стойкаго, непоколебимо преданнаго Ирландіи и убѣжденнаго ненавистника англійскаго владычества. Когда въ августѣ 1861 г. онъ скончался, то ирландская колонія, жившая въ Санъ-Франциско, задумала перевезти его тѣло въ страну, которую онъ такъ любилъ и по которой такъ тосковалъ на чужбинѣ; а когда эта мысль стала извѣстна въ Ирландіи, то сейчасъ же феніи рѣшили устроить по прибытіи тѣла демонстративныя похороны. Стивенсъ, правда, нѣсколько колебался сначала; въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ, что если феніи намѣрены устраивать демонстрацію, то они должны взять въ свои руки безраздѣльное руководство. Въ этомъ смыслѣ представились нѣкоторыя трудности. «Ветераны» «Молодой Ирландіи» вступили съ феніями въ нѣкоторый конфликтъ. Давно ли «молодые ирландцы» горько жаловались на то, что О'Коннелъ не понимаетъ потребностей времени и мѣшаетъ новому поколѣнію жить и мыслить по своему? Теперь имъ самимъ приходилось выслушивать упреки отъ феніевъ. Опять «отцы» и «дѣти» стояли другъ противъ друга, опять взаимное раздраженіе и непониманіе стѣною выросло между ними. «Молодые ирландцы» всецѣло были въ прошломъ, и для нихъ похороны Макъ-Мэнэса были грустной данью минувшему и невозвратному времени. Для феніевъ же Макъ-Мэнэсъ, неукротимый ненавистникъ англичанъ, убѣжденный революціонеръ до конца, являлся представителемъ той вѣковѣчной вражды къ англійскому владычеству, которая никогда не исчезала въ Ирландіи и въ самыя глухія, мрачныя времена укрѣпляла духъ цѣлыхъ поколѣній. По ихъ мысли, вокругъ гроба изгнанника надлежало устроить не только чествованіе его чистой памяти, но и произвести угрожающій смотръ новымъ революціоннымъ силамъ. Послѣ продолжительнаго пути съ долгими остановками въ американскихъ городахъ, тѣло, прибыло, наконецъ въ Дублинъ. Здѣсь ветераны «Молодой Ирландіи» сдѣлали рядъ попытокъ отнять у феніевъ руководящую роль и взять въ свои руки распоряженія похоронами, процессіей и прежде всего заботу о надгробныхъ рѣчахъ. Борьба была очень оживленная и раздраженная; особенно обострилась она за ту недѣлю,

которая протекла между прибытіемъ гроба въ Ирландію и погребеніемъ,—но кончилась полной побѣдой Стивенса и его приверженцевъ.

Наступило, наконецъ, 10-е ноября. Феній Люби, вспоминая объ этомъ днѣ, говорилъ потомъ своему другу, что онъ всталъ въ это утро въ сильной тревогѣ. Дѣло шло о томъ, чтобы убѣдиться не только въ силѣ, или слабости феніанства; этотъ день долженъ былъ выяснить, насколько правы, или неправы, тѣ оптимисты, которые утверждали, что общественная апатія кончилась, и что Ирландія снова близка къ активной борьбѣ за свое будущее. Дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія, столица Ирландіи увидѣла нѣчто такое, отъ чего она давно уже отвыкла. Несмѣтныя массы народа въ траурныхъ одѣяніяхъ, состоявшія не только изъ жителей Дублина, но и изъ пріѣзжихъ, переполнили улицы, по которымъ двигался кортежъ. Феніи руководили процессіей; выбранные ими товарищи, пѣшіе и верховые, поддерживали стройный порядокъ процессіи. Новые и новые колоссальные людскіе потоки приливали къ процессіи отовсюду. По воспоминаніямъ очевидца, зрѣлище было до того необычайно, такъ магнетически дѣйствовала эта неисчислимая толпа, одушевленная однимъ желаніемъ, одною мечтой, что духъ захватывало и хотѣлось плакать. Когда кортежъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда былъ казненъ Робертъ Эмметъ, всѣ обнажили головы. Ядро процессіи состояло приблизительно изъ пятидесяти тысячъ человекъ, общее же количество людей, отовсюду сбѣгавшихся къ кортежу по исчисленію газетъ, увеличивало эту цифру до двухсотъ тысячъ человекъ. Когда добрались до кладбища уже стемнѣло и при свѣтѣ факеловъ, озарявшихъ несмѣтныя толпы, начались надгробныя рѣчи, говорилось о заслугахъ и мученической судьбѣ покойнаго, о постоянствѣ и твердости его революціонныхъ убѣжденій, о томъ, что уже умирая, онъ все спрашивалъ о дѣлахъ на родинѣ: «есть ли какая-нибудь надежда?» Присутствующимъ указывалось, что это грандіозное, демонстративное стеченіе народа къ могилѣ революціонера даетъ твердую увѣренность, что дѣло, которому Макъ-Мэнэсъ отдалъ свою жизнь, будетъ рѣшительно и твердо продолжено. Ораторъ-феній прямо сказалъ, что отношеніе народа къ этимъ похоронамъ должно было дать отвѣтъ на вопросъ: «правда ли, что ирландскій народъ измѣнилъ своей исторіи, своему предназначенію—не только желать свободы, но работать для нея, бороться за нее, страдать изъ-за нея»,—и похороны Макъ-Мэнэса, по мнѣнію оратора, ясно показали, что такой измѣны не было и нѣтъ.

«Мы разсуждали такъ: если ирландскій народъ не почититъ этого человека, мы тогда будемъ смотрѣть на ирландцевъ, какъ на погибшую расу. Если же съ другой стороны они обнаружатъ чувство и мощь, которыя—хотѣлось бы намъ вѣрить—въ нихъ живы, тогда мы съ радостью обратимся къ нашимъ братьямъ, увѣренные въ буду-

щемъ нашей страны, навсегда и на всѣхъ путяхъ связанные съ дѣломъ, за которое умеръ Макъ-Мэнэсъ. И вотъ собственными глазами мы убѣдились, что нынѣшніе ирландцы такъ же вѣрны родинѣ, какъ и ихъ предшественники». Рѣчь кончалась одушевленнымъ увѣреніемъ, что нужно только полагаться на себя и бороться и тогда день, изъ-за котораго было пролито въ прошломъ столько крови, окажется недалекъ.

Полиція весь этотъ день совершенно отсутствовала, и все обошлось безъ столкновений. Первая феніанская демонстрація была вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ явственнымъ признакомъ пробужденія Ирландіи послѣ тринадцатилѣтняго оцѣпенѣнія. Это сразу придало возникающему феніанству характеръ серьезнаго явленія, имѣющаго какъ бы общенациональное значеніе.

IV.

Холодность и глухое недоброжелательство ветерановъ «Молодой Ирландіи» не особенно смущали Стивенса, тѣмъ болѣе, что и мало ихъ было и отъ особенно активнаго выраженія своихъ чувствъ они, обыкновенно, воздерживались. Но открыто враждебныя дѣйствія противъ феніанства предприняло такое многочисленное, и пользовавшееся огромнымъ авторитетомъ, сословіе, какъ духовенство. По мѣрѣ того, какъ еще при О'Коннеллѣ англійское правительство уравнивало въ правахъ католиковъ съ протестантами, лишало англиканскихъ священниковъ многихъ изъ ихъ прежнихъ матеріальныхъ преимуществъ, обнаруживало готовность всячески субсидировать католическое духовное образованіе,—словомъ, по мѣрѣ того, какъ англичане, отказывая въ политической автономіи и аграрной реформѣ, съ тѣмъ большимъ жаромъ принялись подчеркивать свое безпристрастіе и благожелательство во всѣхъ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ,—католическій клиръ въ Ирландіи быстро утрачивалъ свой былой революціонизмъ и превращался въ силу, если и не стоящую во всемъ и всецѣло на сторонѣ Англіи, то во всякомъ случаѣ враждебную какому бы то ни было партіямъ переворота. Divide et impera—это очень глубокій принципъ «реальной» политики; но нужна и высокая степень государственной культуры, чтобы его съ успѣхомъ примѣнять къ дѣлу. Если, на примѣръ, какой-нибудь визирь грубо и нагло насильничаетъ порознь и надъ крестьянствомъ и надъ духовенствомъ и надъ буржуазіей, то это вовсе не значитъ, что онъ ихъ «разъединяетъ»: совершенно напротивъ. Но такъ какъ англійскую политику вели не визири, а настоящіе государственные люди, то и результаты получились съ ихъ точки зрѣнія вполне цѣлесообразные: за сдѣланныя ему, правда, только лишь въ наше время, реальныя уступки ирландскій католицизмъ пересталъ считаться въ числѣ тѣхъ моральныхъ силъ, которыя могли усилить революціонное настроеніе въ обществѣ. Враждебное къ

движенію 1848 г., католическое духовенство оказывалось столь же враждебнымъ и къ феніанству.

Началась кампанія. Феніанская организація была тайною, и на исповѣдяхъ посыпались вопросы о принадлежности къ грѣховному сообществу, причемъ, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, виновному отказывалось въ отпущеніи грѣховъ впредь до раскаянія. Архіепископъ Кэлленъ прямо заявилъ разъ одному лицу, которое призналось ему въ принадлежности къ феніямъ: «вы отлучены». Въ своихъ проповѣдяхъ духовенство также дѣятельно агитировало противъ новаго движенія. За кѣмъ шли высшіе и достаточные круги общества, которые устами своей прессы высказывали рѣшительное неодобреніе революціоннымъ начинаніямъ вообще и феніанству въ частности. Наконецъ, кое-кто принялся уже и за прямые доносы.

Напримѣръ, авторъ одного изъ памфлетовъ, направленныхъ противъ феніевъ, давалъ отчетъ о митингѣ, въ которомъ, какъ онъ провѣдалъ, выступали также феніи: въ спискѣ ораторовъ, приводимомъ въ этомъ памфлетѣ, фамиліи феніевъ были напечатаны курсивомъ.

Несмотря на всѣ эти тернія, въ 1862 г. организація могла уже считать себя упроченной и въ Ирландіи, и въ Америкѣ. Это былъ годъ особенно оживленной и успѣшной пропаганды. При строгомъ централизмѣ, сосредоточивавшемъ всю власть въ рукахъ Стивенса, провинціальнымъ агентамъ были предоставлены достаточно широкія полномочія для быстрой и успѣшной вербовки и образованія новыхъ «кружковъ». Стивенсъ и его ближайшій помощникъ Люби часто разъѣзжали по провинціи для свиданій и переговоровъ съ главами «кружковъ», такъ что въ концѣ концовъ полиція стала къ этимъ двумъ путешественникамъ присматриваться съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Такъ, напримѣръ, однажды въ Киллорнѣ къ Люби рано утромъ пожаловали полицейскіе чины и предложили ему рядъ самыхъ нескромныхъ вопросовъ на темы—откуда, куда, зачѣмъ и проч. Допрашиваемому фенію оскорбиться и вознегодовать страшно мѣшало то обстоятельство, что при немъ находились компрометирующія бумаги. Пришлось начать бесѣду, во время которой Люби незамѣтно запряталъ въ постель, лежавшіе подъ подушкой документы. Къ счастью, поговоривъ, посѣтители удалились, и опасность миновала. Этотъ случай не могъ не заставить молодую организацію постоянно быть насторожѣ.

Кромѣ полиціи, умѣренной прессы, добровольныхъ доносчиковъ и католическаго духовенства, у феніевъ былъ еще одинъ врагъ—безденежье. Деньги притекали въ организацію, главнымъ образомъ изъ Америки—и въ 1861—62 гг. притокъ пожертвованій уменьшился. Стивенсъ отправилъ Люби въ Соединенные Штаты съ цѣлью какъ сбора денегъ, такъ и усиленія пропаганды. Здѣсь между прочимъ Люби посѣтилъ такъ называемый ирландскій легіонъ, отрядъ, состоявшій изъ

ирландцевъ, записавшихся на службу и находившихся въ лагерѣ арміи сѣверянъ. Слѣдуетъ замѣтить, что если нѣкоторые руководители феніанскаго движенія были недовольны отвлеченіемъ части ирландцевъ въ чуждое Ирландіи предпріятіе, въ кровопролитную американскую междоусобную войну, то другіе держались иного воззрѣнія: во первыхъ, это давало многимъ тысячамъ ирландской молодежи военную тренировку, столь необходимую въ дальнѣйшемъ будущемъ для инсургентовъ, а во вторыхъ хорошее жалованье, которое Союзъ платилъ состоявшимъ у него на службѣ войскамъ, позволяло надѣяться на улучшение революціоннаго фонда,—такъ какъ въ ирландскомъ легионѣ было много уже аффилированныхъ феніевъ, которые щедро жертвовали на свою организацію.

Въ американской арміи образовывались даже новые кружки и при случаѣ были возможны феніанскіе митинги: американскаго военнаго начальства это нисколько не касалось и не тревожило.

По возвращеніи Люби изъ Америки, Стивенсъ рѣшилъ, что нужно издавать въ видахъ пропаганды газету.

Главное руководительство новымъ органомъ Стивенсъ ввѣрилъ О'Лири, и первый номеръ газеты «Ирландскій народъ» («Irish people») появился 28 ноября 1863 года.

Конечно, пропаганда феніанства (въ эти годы выражавшагося въ стремленіи подготовить вооруженное возстаніе) велась въ газетѣ самымъ усиленнымъ образомъ, насколько только возможно даже при полной свободѣ печати опубликовывать революціонные призывы. Прежде всего ихъ борьба направилась противъ «парламентарныхъ методовъ», т. е. противъ о'коннелевской традиціи—дѣйствовать посредствомъ парламента и чисто конституціонными путями, традиціи, было погребенной рѣчами и дѣйствіями «Молодой Ирландіи», но воскресшей въ совершенно неприглядномъ видѣ въ 50-хъ гг. Органъ феніевъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. *Легально*—онъ пропагандировалъ весьма широко основную идею феніевъ,—отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи; *нелегально*,—его редакція была однимъ изъ пунктовъ, гдѣ феніанскіе руководители встрѣчались и совѣщались. Во время выборовъ 1865 года феніи въ полномъ согласіи со своими основными принципами пропагандировали мысль, что эти выборы Ирландію интересовать не могутъ, ибо все равно въ парламентѣ англійское большинство всегда возьметъ верхъ, а какая именно партія захватитъ власть, тоже для ирландцевъ не важно, потому что, кромѣ вражды и лицемѣрія, ни одна изъ нихъ по отношенію къ Ирландіи ничего не обнаружитъ. Эта идея феніевъ, впрочемъ, успѣха не имѣла.

Полиція давно уже выслѣживала феніанскую пропаганду; «Times» и другіе вліятельные органы давно уже обращали вниманіе правительства на новую партію, не маскирующую своихъ революціонныхъ цѣлей.

16 сентября 1865 года вышелъ послѣдній номеръ «Irish people», гдѣ между прочимъ, есть такая фраза (въ статьѣ Кикэма): «наша единственная надежда—на революцію». Номеръ посвященъ полемикѣ противъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которые возлагаютъ на себя политическія обязанности: ...«Когда священники обращаютъ алтарь въ платформу; когда провозглашается, что читать «Irish people» составляетъ смертный грѣхъ,—и столь же смертный грѣхъ заключается даже въ *пожеланіи* *), чтобы Ирландія была свободна; когда священники на дѣлѣ приглашаютъ людей обращаться въ доносчиковъ и открыто угрожаютъ навести полицію на слѣды людей, работающихъ для дѣла, для котораго отцы наши такъ часто проливали кровь... то мы полагаемъ, что нашъ долгъ сказать народу, что епископы и священники могутъ быть дурными политиками и еще худшими ирландцами».

Этому номеру суждено было стать послѣднимъ.

Въ редакціи и конторѣ «Irish people» былъ произведенъ обыскъ, было захвачено чрезвычайно много рукописей и всякаго рода документовъ и арестованы тѣ лица, которые были въ моментъ прихода полиціи, а также тѣ, которые являлись во время или вскорѣ послѣ окончанія обыска. Около двѣнадцати человекъ попало въ руки полиціи, и эти аресты вызвали другіе въ Дублинѣ и другихъ городахъ. Стивенсу удалось бѣжать изъ тюрьмы. Онъ былъ такъ важенъ для дальнѣйшаго движенія, что товарищи употребили всѣ усилія для устройства его бѣгства,—и онъ бѣжалъ и продолжалъ усиленную пропаганду, стоя попрежнему во главѣ организаціи.

Онъ бѣжалъ 24 ноября, за три дня до процесса, который, конечно, окончился бы для него (судя по приговорамъ остальнымъ арестованнымъ)—пожизненною или двадцатилѣтнею каторгою.

V.

27-го ноября 1865 года подъ усиленную охрану войскъ и полиціи въ Дублинѣ начался процессъ феніевъ, обвинявшихся въ составленіи заговора съ цѣлью отдѣленія Ирландіи отъ Англіи путемъ вооруженнаго возстанія. Этотъ процессъ ожидался въ Англіи съ большимъ нетерпѣніемъ и интересомъ, ибо англійское общество склонно было смотрѣть съ тревогой на эту «моральную эпидемію», какъ нѣкоторые англійскіе органы называли феніанство. Судоговореніе убѣдило всѣхъ, что феніанскій заговоръ довольно широко развѣтвленъ какъ въ Ирландіи, такъ и въ Америкѣ, и въ Австраліи, среди тамошнихъ ирландцевъ; процессъ Люби кончившійся присужденіемъ его къ двадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ и рядъ процессовъ другихъ лицъ, непрерывной вереницей слѣдовавшій съ конца 1865 года и продол-

*) Курсивъ подлинника (O'Leary, II, стр. 199).

жавшійся въ 1866 году, привелъ англійское правительство къ нѣсколькимъ заключеніямъ: во-первыхъ, что цѣль феніевъ исключительно или преимущественно политическая—образованіе самостоятельной ирландской республики; во-вторыхъ, что ряды феніевъ пополняются, главнымъ образомъ, изъ средняго городского населенія,—ни аристократія, ни крестьянство почти не замѣшаны въ движенія; въ третьихъ, что феніанство отличается отъ предшествующихъ движеній своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ католическому духовенству, не говоря уже, конечно, о духовенствѣ англиканскомъ, которое они считаютъ однимъ изъ столповъ чужеземнаго владычества; въ четвертыхъ, что обильныя денежныя вспомошествованія феніи получаютъ именно изъ Америки; наконецъ, въ пятыхъ, что «святотатственные планы» феніевъ освобожденія отъ Англіи не представляютъ слишкомъ грозной опасности, въ виду равнодушія къ ихъ дѣлу многочислѣннѣйшаго слоя населенія—крестьянъ-арендаторовъ. Профессиональные шпіоны и случайные предатели (напр., изъ числа служившихъ при редакціи «Irish people» посыльныхъ и т. п.) продефилировали предъ судьями во всѣхъ этихъ феніанскихъ процессахъ и давали уличающія показанія; феніи рѣзко подчеркивали на судѣ сущность и правоту своихъ убѣжденій; присяжные неуклонно выносили обвинительные приговоры, а судьи столь же неуклонно постановляли многолѣтніе приговоры въ каторжныя работы. Аресты шли за арестами; своего рода доносительный спортъ свирѣпствовалъ въ Ирландіи. Положеніе феніевъ было тѣмъ труднѣе, что на самомъ дѣлѣ темному крестьянину были непонятны и казались ненужны ихъ цѣли, и уже въ 1866—1867 гг. многіе изъ нихъ начали приходить къ заключенію, что на общее возстаніе во имя сепаратизма политическаго разсчитывать трудно. Выѣстъ съ тѣмъ въ парламентъ, гдѣ изъ года въ годъ ирландскіе члены старались обратить вниманіе на прогрессирующую нищету страны, на эмиграцію (ежегодно) ста двадцати тысячъ человѣкъ, на уменьшающееся народонаселеніе, всѣ подобныя указанія не обращали на себя ни малѣйшаго вниманія. Что же касается до дѣятельной ловли феніевъ и ссылки ихъ въ каторгу на сроки отъ 5 до 20 лѣтъ, иногда только за участіе въ одномъ изъ кружковъ феніанскаго заговора, то парламентъ всецѣло одобрялъ эти дѣйствія. Въ началѣ 1866 года ирландскій депутатъ О'Доногъ убѣждалъ парламентъ не вѣрить вице-королевскимъ писаніямъ, будто начинающееся въ Ирландіи смутное броженіе объясняется феніанствомъ: феніанство есть плодъ раздраженія общества, а не наоборотъ. Онъ убѣждалъ обратить вниманіе на положеніе страны, но изъ этихъ убѣжденій ничего не вышло. Другой депутатъ (Блэкъ) заявилъ въ парламентъ же, что въ каторжныхъ тюрьмахъ съ феніями обходятся возмутительно жестоко. На это онъ получилъ съ правительственной стороны отвѣтъ, что съ феніями обращаются не иначе, нежели съ другими арестантами. Другіе ирландскіе депутаты осуждали

плѣ и средства феніевъ, но указывали правительству на необходимость произвести хоть умѣренные реформы, и прежде всего уничтожить государственнѣй характеръ англиканской церкви въ Ирландіи, ибо это установленіе является оскорбленіемъ для всего народа, почти сплошь католическаго или, въ небольшой своей части, пресвитеріанскаго; а затѣмъ озаботиться ограниченіемъ лендлордовъ въ правѣ изгонять фермеровъ съ ихъ участковъ. Все это также было оставлено парламентомъ безъ уваженія. Зато 16-го февраля лордъ Россель заявилъ, что правительству необходимы еще полномочія для болѣе успѣшной борьбы противъ феніанской агитаціи, и *въ одинъ день*, въ субботу 17-го февраля (1866 г.) билль о приостановкѣ дѣйствія акта Habeas Corpus въ Ирландіи прошелъ чрезъ обѣ палаты, въ воскресенье, 18-го, былъ подписанъ королевою Викторіей и съ понедѣльника уже вице-король на законнѣйшемъ основаніи началъ хватать всѣхъ подозрительныхъ или просто неудобныхъ лицъ, съ уликами и безъ уликъ, всѣхъ половъ и возрастовъ. Движеніе терпѣло сильные удары; личный его составъ былъ ослабленъ, многіе бѣжали въ Америку, многіе сидѣли въ тюрьмахъ, другіе прятались; но все-таки феніи не падали духомъ. Ставшее у власти (со 2-го августа 1866 г.) министерство лорда Дерби дѣятельно продолжало искорененіе феніанскаго заговора. Была назначена награда въ двѣ тысячи фунтовъ всякому, кто предастъ Стивенса, скрывшагося главу феніевъ. Новые полки были посланы въ Ирландію, берега охранялись дозоромъ изъ военныхъ судовъ, такъ какъ боялись высадки феніевъ изъ Америки. Непрерывные обыски открывали среди ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и, вообще, среди городского населенія много припрятаннаго оружія. Обладатели, конечно, засаживались въ тюрьму, но слухи о готовящихся частичныхъ вспышкахъ не переставали циркулировать по Ирландіи. Были арестованы склады оружія, аммуниціи, патроновъ, револьверовъ, шашекъ и т. п. на нѣсколькихъ задержанныхъ и обысканныхъ пароходахъ, шедшихъ изъ Америки. У нѣкоторыхъ арестованныхъ находили большія суммы денегъ, происхожденіе которыхъ они отказывались объяснить. Стивенсъ и его уцѣлѣвшіе друзья проявляли огромную дѣятельность, но работа ихъ становилась все труднѣе. Чѣмъ меньше оставалось надежды на поднятіе всенароднаго возстанія, тѣмъ острѣе становилось ожесточеніе среди нѣкоторыхъ феніанскихъ кружковъ. Аресты непрерывно продолжались.

Въ сентябрѣ (1867 года) манчестерская полиція задержала двухъ лицъ, говорившихъ съ ирландскимъ акцентомъ и проходившихъ по улицѣ въ 3 ч. ночи. При арестѣ они пытались выхватить заряженные револьверы, но это имъ не удалось. Они назвали себя вымышленными именами, но полиція получила основаніе предполагать, что это двое изъ выдающихся феніанскихъ вождей Келли и Дизи. 18-го сентября Келли и Дизи послѣ вторичнаго предварительнаго допроса судьей были

посажены въ арестное помѣщеніе въ зданіи суда,—впредь до прибытія тюремной кареты, которая должна была пріѣхать за ними. Уже когда эта карета подъѣзжала къ зданію суда, полиція замѣтила двухъ подозрительныхъ людей, слѣдившихъ за происходящимъ на улицѣ, и пыталась задержать ихъ. Одинъ полицейскій бросился на одного изъ подозрительныхъ, но тотъ выхватилъ кинжалъ и отбилъ, другой тоже за это время скрылся. Въ виду этого были приняты чрезвычайныя предосторожности, такъ какъ возникло подозрѣніе, что феніи нападутъ на карету съ цѣлью отбить Дизи и Келли. Поэтому Дизи и Келли были закованы въ кандалы и уже скованными посажены въ карету, которая и помчалась въ тюрьму. Карету сопровождало семеро полицейскихъ, не считая кучера, а также за ней ѣхалъ экипажъ еще съ четырьмя полицейскими чиновниками. Когда карета подъѣзжала къ желѣзнодорожному мосту, къ ней бросилось десять или двѣнадцать человѣкъ, причѣмъ у всѣхъ было по револьверу въ рукахъ. Одинъ изъ нихъ, казавшійся предводителемъ, приставивъ револьверъ къ груди кучера приказалъ остановить карету, и почти одновременно грянулъ выстрѣлъ, за которымъ одинъ за другимъ быстро послѣдовали новые и новые выстрѣлы. Нападавшіе вскарабкались на карету, переранили растерявшихся полицейскихъ, большая часть которыхъ бѣжала прочь въ совершенной паникѣ, и стали вышибать ломами двери кареты. Оправившіеся полицейскіе, вспомоцествуемые толпою, которая собралась на шумъ стрѣльбы, бросились на феніевъ, но были ими отброшены назадъ, такъ какъ феніи стрѣляли непрерывно изъ всѣхъ своихъ револьверовъ. Разбивъ одну, вѣшную дверь, феніи ворвались внутрь кареты и потребовали у сержанта Бретта, сидѣвшаго во внутреннемъ корридорчикѣ, ключей отъ отдѣленій кареты. Бреттъ отказался, послѣ чего былъ смертельно раненъ. У него взяли ключи и отперли двери отдѣленія, гдѣ сидѣли Дизи и Келли. Тотчасъ же феніи выскочили съ освобожденными бросились бѣжать съ мѣста происшествія. Кое-кто изъ нападавшихъ былъ арестованъ уже во время этого бѣгства, другіе позже. Аресты шли всю ночь и къ утру слѣдующаго дня въ рукахъ полиціи оказалось 23 арестованныхъ, въ томъ числѣ и вновь захваченные Дизи и Келли.

Это отчаянно-смѣлое нападеніе произвело очень сильное впечатлѣніе и въ Ирландіи, и въ Англіи. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, лишь пять человѣкъ изъ арестованныхъ было предано суду по обвиненію въ убійствѣ, ибо въ свалкѣ и страшной сумятицѣ (при нападеніи на карету) было трудно для свидѣтелей установить степень участія каждаго изъ остальныхъ. Уже чрезъ тридцать пять дней послѣ происшествія въ Манчестерѣ начался судъ надъ пятью феніями, — подсудимыми по самой тяжелой категоріи. Всѣ пятеро были признаны виновными и приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Въ своей послѣдней рѣчи къ суду одинъ изъ обвиненныхъ Элленъ, между прочимъ, ска-

заявляя: «Милорды и джентльмены! Я умру гордо и торжествуя, для защиты республиканскихъ принциповъ и свободы угнетеннаго и поработеннаго народа... Я не боюсь наказанія, къ которому присужденъ... Я горжусь своей страной и своимъ мѣстомъ. Милорды, я кончилъ». Приговоръ для двухъ осужденныхъ былъ смягченъ, а Элленъ, Гульдъ и Ларкинъ были повѣшены 23-го ноября (1867 г.) въ Манчестерѣ, въ присутствіи колоссальной толпы. Были приняты большія предосторожности, потому что феніи въ угрожающихъ письмахъ обѣщали поджечь Манчестеръ. Предъ смертью осужденные хотѣли говорить къ народу, но имъ помѣшали.

Феніанскіе круги были страшно возбуждены этою казнью. Въ Манчестерѣ, Коркѣ, Дублинѣ и другихъ городахъ произошли уличныя демонстраціи и шествія въ честь казненныхъ. Процессія въ Манчестерѣ (около 3.000 чел.) прошла по улицамъ съ пѣніемъ похороннаго марша; полиція не вмѣшивалась. Въ Коркѣ въ демонстраціи приняло участіе отъ 12 до 15 тысячъ человѣкъ. Самая грандіозная уличная манифестація въ память Эллена, Гульда и Ларкина состоялась въ Дублинѣ: по словамъ современныхъ отчетовъ, всякій чужой человѣкъ, попавъ въ день манифестаціи въ Дублинъ, могъ бы подумать, что городъ — въ рукахъ феніевъ. Все это происходило 1-го декабря (1867 г.), спустя недѣлю послѣ казни.

13-го декабря въ началѣ четвертаго часа пополудни въ окрестностяхъ клеркенуальской тюрьмы раздался страшный взрывъ, отъ котораго вылетѣли стекла въ сосѣднихъ домахъ. Обширная часть вѣншей стѣны тюрьмы взлетѣла на воздухъ. Отъ послѣдствій взрыва умерло четверо лицъ, находившихся вблизи, около тридцати шести — сорока человѣкъ получило тяжкія и болѣе легкія пораненія. Слѣдствіе установило, что взрывъ произведенъ былъ феніями и входилъ въ составленный ими планъ освобожденія двухъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ товарищей. Были сгоряча произведены аресты безъ всякихъ основаній; хватали и тотчасъ отпускали арестованныхъ. Была обѣщана денежная награда и полное прощеніе за всякія преступленія—всякому лицу, не участвовавшему непосредственно во взрывѣ,—которое выдастъ виновныхъ. Но результата не получилось. Въ концѣ концовъ было предано суду шесть человѣкъ, причемъ они всѣ отрицали свою вину, а улики противъ нихъ были ничтожны. Всѣ были оправданы присяжными заседателями, кромѣ одного (Баррета), который и былъ присужденъ къ повѣшенію.

Вскорѣ послѣ этого событія, — новое потрясло англійскія власти: близъ Куинстоуна (въ графствѣ Коркъ, въ Ирландіи) феніе напали ночью на одну береговую башню, гдѣ и захватили нѣкоторое количество оружія и боевыхъ припасовъ; сдѣлавъ свое дѣло, они удались и не были розысканы.

Всѣ эти проявленія феніанства вносили серьезное безпокойство въ

настроение правящихъ круговъ Англіи. Вотъ, напр., что сказалъ въ началѣ сессіи 1868 года лордъ Стэнли: «Есть нѣчто такое, что въ настоящее время, какъ я предполагаю, на умѣ у каждаго человѣка, принимающаго участіе въ государственныхъ дѣлахъ: я имѣю въ виду тяжкое, опасное и, по крайней мѣрѣ судя по всей видимости, дискредитирующее насъ положеніе вещей, которое, къ несчастью, продолжаетъ существовать въ Ирландіи». Но консерваторы все-таки ничего не нашли болѣе пѣлесообразнаго, нежели продолжать пріостановку *Naheas Cognus'a* и систему произвола въ борьбѣ съ феніями. И лордъ Дерби, и смѣнившій его съ 26-го февраля (1868 г.) во главѣ того же консервативнаго кабинета Дизраэли одинаково не хотѣли обнаружить не словомъ, а дѣломъ, что они знаютъ о существованіи какихъ-либо иныхъ мѣръ къ успокоенію Ирландіи, кромѣ чисто полицейскихъ. Но 1868 годъ былъ, все равно, уже концомъ консервативнаго правленія; вождь либеральной оппозиціи, Гладстонъ быстро шелъ къ власти, а у него уже была программа дѣйствій, нужныхъ, какъ онъ думалъ, для органическаго внутренняго ослабленія феніанства, для лишенія его той атмосферы и тѣхъ питательныхъ соковъ, безъ которыхъ всякое революціонное дѣло мертво, для лишенія феніанства сочувствія среднихъ круговъ въ настоящемъ, и обще-народнаго сочувствія въ будущемъ.

«Мы рѣдко имѣли реформы безъ предшествовавшаго взрыва», съ горечью сказалъ Макъ-Карти, такъ глубоко изучившій природу англо-ирландскихъ отношеній. То, что не хотѣли сдѣлать консерваторы, сдѣлалъ Гладстонъ.

VI.

Чтобы нейтрализовать угрожающую силу феніанства, чтобы воспрепятствовать ему соединить въ своихъ рядахъ большія общественныя группы, чтобы предупредить возможность для феніанства стать главнымъ выраженіемъ обще-національной борьбы, Гладстонъ сдѣлалъ Ирландіи двѣ уступки, провелъ двѣ мѣры, которыя, собственно, вовсе не стояли у феніевъ въ программѣ требованій, но не имѣя именно вслѣдствіе этого обстоятельства оскорбительнаго для правительства характера вынужденныхъ уступокъ, могли, вмѣстѣ съ тѣмъ, на самомъ дѣлѣ способствовать до извѣстной степени общему пониженію революціоннаго духа въ народѣ и въ образованномъ обществѣ. Одна изъ этихъ мѣръ касалась отдѣленія англиканской церкви отъ государства въ Ирландіи, а другая — являлась нѣкоторою попыткой затруднить проявленія лендлордскаго произвола.

Что касается первой мѣры, то она съ давнихъ поръ диктовалась какъ логикою жизни, такъ и ясно выраженными желаніями ирландскаго общества.

Дѣло въ томъ, что, по удачному выраженію Макъ-Карти, англи-

канская церковь въ Ирландіи, благодаря своему характеру церкви господствующей, государственной, была для ирландцевъ всегда своего рода шляпою Гесслера, символомъ угнетенія. Въ самомъ дѣлѣ: считать въ Ирландіи государственною такую церковь, съ которой ничего не имѣетъ общаго никто, кромѣ небольшой группы населенія, являлось большою странностью и несообразностью, и притомъ унижительною для большинства народа. Но, кромѣ того, англиканская церковь въ Ирландіи владѣла огромными имуществами, ея служители пользовались огромными доходами, несмотря на то, что число ихъ прихожанъ сводилось въ большинствѣ приходоѡ къ ничтожной цифрѣ. Все это сопоставлялось съ весьма скуднымъ и плохо обезпеченнымъ положеніемъ католическаго духовенства и, конечно, усиливало во всѣ эпохи ирландской исторіи анти-британскія чувства. Маннингъ справедливо писалъ Гладстону: «Это (т.-е. государственный характеръ англиканства) усложняетъ горечью каждый другой вопросъ. Даже земельному вопросу это придаетъ характеръ особаго озлобленія. Фатальное преобладаніе одной расы надъ другою отягчается преобладаніемъ одной религіи надъ другою». Правда, со времени уничтоженія сбора десятины съ католическаго населенія въ пользу англиканской церкви *) исчезло то особое революціонное теченіе, которое этимъ сборомъ возбуждалось, но все-таки Маннингъ, писавшій вышеприведенныя слова въ 1868 году, глубоко проникъ въ самую сущность вопроса. Нужно было довершить начатое дѣло, уничтожить эту раздражающую ирландцевъ и *ненужную* англійскому парламенту историческую аномалію. Гладстонъ началъ кампанію въ пользу уничтоженія государственной церкви въ Ирландіи еще до выборовъ 1868 года, т.-е. еще будучи въ оппозиціи, но твердо зная, что власть вскорѣ перейдетъ въ его руки. Въ парламентѣ успѣшно прошли его предложенія, уже явно готовившія задуманную реформу. Со стороны консерваторовъ были сдѣланы попытки воспротивиться, но все было тщетно: большинство въ 330 голосовъ противъ 265 высказалось за Гладстона, и Дизраэли распустилъ парламентъ.

Консервативное правительство не желало допустить столь важной реформы безъ апелляціи къ странѣ. Консерваторы укоряли Гладстона въ томъ, что онъ испугался феніевъ, что, предлагая угодныя ирландцамъ реформы тотчасъ послѣ феніанскихъ дѣйствій, онъ какъ бы «назначаетъ премію» за преступленія и т. д. Но Гладстонъ зналъ хорошо, что онъ дѣлаетъ; разъ выступивъ въ области ирландской политики, онъ уже во всю остальную свою дѣятельность не переставалъ придерживаться принципа всегда, когда дѣло шло объ Ирландіи: давать ирландцамъ сначала то, что легче дать (напр., уничтоженіе государственнаго характера англиканства), затѣмъ то, что труднѣе (аграр-

*) См. 1-ю часть настоящаго очерка.

ныя реформы на все болѣе и болѣе широкихъ основаніяхъ), и, наконецъ, то, что дать труднѣе всего—самоуправленіе. И все это, конечно, лишь тогда, когда дарованіе подобныхъ реформъ станетъ, по его мнѣнію, совершенною необходимостью. По этому плану Гладстонъ, собственно, и дѣйствовалъ или старался дѣйствовать въ теченіе всей своей политической карьеры, начиная съ 1868 года.

Итакъ, состоялись позднѣе осенью того же 1868 года общіе выборы, причемъ платформою либераловъ было уничтоженіе государственной церкви въ Ирландіи. Либералы одержали полную побѣду, и Дизраэли, не ожидая открытія парламента, подалъ въ отставку, а уже 1-го декабря 1868 года королева пригласила Гладстона образовать кабинетъ. «Моя миссія—успокоить Ирландію», сказалъ онъ, узнавши, что генералъ Грей ѣдетъ къ нему съ письмомъ отъ Викторіи. На предполагаемую реформу онъ смотрѣлъ, по собственному признанію, какъ на «условіе необходимое для успѣха всякой мѣры, направленной къ обезпеченію спокойствія и удовлетворенію этой страны», т.-е. Ирландіи, и соотвѣтствующій билль не заставилъ себя долго ждать. Премьеръ быстро работалъ надъ послѣдней отдѣлкою законопроекта, и уже 1-го марта (1869 г.) предложеніе Гладстона было внесено въ палату общинъ. Оно сводилось къ тому, что епископальная протестантская церковь въ Ирландіи объявлялась совершенно отдѣленной, какъ отъ епископальной (государственной) церкви въ Англіи, такъ и отъ правительства Соединеннаго королевства. Изъ принадлежащихъ ирландской епископальной протестантской церкви 16 милліоновъ фунтовъ около половины (отъ 8 до 9 милліоновъ) предназначалось на удовлетвореніе и вознагражденіе лицъ и учреждений, матеріальные интересы которыхъ затрогиваются этою реформою, а остальная сумма отходила въ видѣ фонда на нужды благотворительности, на помощь населенію въ случаѣ тѣхъ или иныхъ неотвратимыхъ бѣдствій и т. п. 24 марта билль прошелъ во второмъ чтеніи большинствомъ 368 голосовъ противъ 250. Страшное возбужденіе и негодованіе доносилось до Гладстона со стороны духовныхъ лицъ епископальной церкви въ Ирландіи. Не матеріальные убытки ихъ страшили, а потеря того престижа, который имъ давало ихъ «господствующее» положеніе. Многіе изъ нихъ называли министерство «кабинетомъ разбойниковъ», другіе намекали на необходимость сопротивляться вооруженною рукою... Ничего не помогло. 31 мая билль побѣдоносно прошелъ въ третьемъ чтеніи, и затѣмъ поступилъ въ палату лордовъ. Здѣсь борьба была труднѣе; лорды отчаялись въ возможности совсѣмъ похоронить билль, но они рѣшили зато насколько мыслимо увеличить матеріальные блага, которыя должны остаться за церковью. Билль возвратился въ палату общинъ послѣ измѣненій, потребованныхъ палатою лордовъ, но Гладстонъ, согласившись на самыя небольшія денежныя прибавки въ пользу церкви, отвергъ главные требованія лордовъ, и палата общинъ

съ нимъ согласилась. При новомъ обсужденіи билля въ палатѣ лордовъ снова вышли затрудненія; палата лордовъ, какъ и всегда, при всякихъ прогрессивныхъ начинаніяхъ, играла роль тормоза. Но были пущены со стороны правительственной партіи и, вообще, либераловъ угрожающіе слухи о назначеніи новыхъ пэровъ королевою по совѣту Гладстона, чтобы набрать въ верхней палатѣ достаточно голосовъ для проведенія реформы, угодной большинству народныхъ представителей, но неугодной кучкѣ наслѣдственныхъ законодателей. Тѣмъ не менѣе, это было даже не опредѣленной угрозой, а именно лишь слухами; до такого мѣропріятія, крайняго изъ всѣхъ конституціонныхъ средствъ, не дошло. Не добившись сколько-нибудь серьезныхъ уступокъ, лорды уступили, и 26 іюля (1869 года) актъ объ уничтоженіи государственнаго характера епископальной церкви въ Ирландіи былъ подписанъ королевою.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ актомъ на католическое духовенство въ Ирландіи, было самымъ отраднымъ; онъ вызвалъ въ этой средѣ чувство, близкое къ энтузіазму. При томъ огромномъ влияніи, которое католическое духовенство имѣло въ ирландскомъ народѣ, Гладстонъ могъ только радоваться непосредственнымъ результатамъ своей политики, тѣмъ болѣе, что и все болѣе образованное городское населеніе Ирландіи также не скрывало своего удовольствія по поводу «закрывшейся раны», заставлявшей страдать національное самолюбіе. Но эта реформа была лишь первымъ шагомъ; вторымъ должна была стать попытка облегчить матеріальное положеніе многочислѣннѣйшаго слоя ирландской націи: крестьянъ-арендаторовъ.

Выступая на дорогу аграрнаго законодательства, Гладстонъ, стремясь къ цѣли умиротворенія Ирландіи, былъ, собственно, піонеромъ, ибо съ самой уніи 1800 года никогда англійскіе правители не проводили и даже не составляли законовъ, которые бы имѣли прямою своею задачею арендаторскіе, а не лендлордскіе интересы. Почти тотчасъ же послѣ окончанія сессіи 1869 года, принесшей отдѣленіе церкви отъ государства въ Ирландіи, Гладстонъ, съ отличавшей его жаждою творческой законодательной работы, принялся за подготовку билля о земельныхъ ирландскихъ отношеніяхъ. За предшествовавшее десятилѣтіе (1861—1870 гг.) сорокъ семь тысячъ семействъ арендаторовъ было выгнано лендлордами вонъ подъ разными предлогами и за разные провинности (главная — неплатежъ или неаккуратный платежъ арендной платы). Гладстонъ хорошо понималъ, что люди, обрекаемые на голодную смерть, несомнѣнно, въ состояніи изъ своей среды сильно пополнить и кадры феніевъ, и ряды «лохмотниковъ», «бѣлыхъ парней» и другихъ аграрно-революціонныхъ организацій. «Предъ нами кризисъ, великій кризисъ», писалъ онъ по поводу ирландскаго земельного билля, подготовлявшагося имъ осенью 1869 года. Старый премьеръ прямо заявлялъ, что феніанизмъ многому его научилъ; вотъ почему

онъ и не остановился на церковной реформѣ, а спѣшилъ приняться за реформу земельную.

Къ началу 1870 года проектъ былъ выработанъ Гладстономъ, и онъ написалъ письмо королевѣ, прося ее немедленно открыть парламентъ, именно, чтобы тотчасъ же заняться ирландскими дѣлами... «Состояніе Ирландіи,—пишетъ онъ между прочимъ, въ этомъ замѣчательномъ письмѣ,—есть (для Англіи) опасность, настолько абсолютно превосходящая всякую иную, что я называю ее единственною реальною опасностью, угрожающею благородной имперіи королевы». Особенной оппозиціи Гладстонъ не нашелъ ни въ прессѣ, ни въ обществѣ, ни въ парламентѣ: общественное мнѣніе довольно ясно понимало необходимость что-нибудь сдѣлать для Ирландіи, тѣмъ болѣе, что и самая реформа радикализмомъ отнюдь не отличалась.

Сущность билля сводилась къ тому, что лендлордъ обязывался, въ случаѣ изгнанія арендатора, вознаграждать изгоняемаго за все, что было сдѣлано арендаторомъ на фермѣ и что способствовало улучшенію фермы; для осуществленія этого права арендаторъ подаетъ заявленіе въ судъ, который и опредѣляетъ, долженъ ли лендлордъ выдать вознагражденіе въ данномъ случаѣ,—и если долженъ, то въ какомъ размѣрѣ; мало того, въ случаѣ, если лендлордъ изгоняетъ арендатора, исправно платящаго ренту и ничѣмъ не нарушающаго условій контракта, то лендлордъ обязанъ, кромѣ платы за улучшенія, заплатить арендатору еще особую сумму, по извѣстной расцѣнкѣ, опредѣляемой статьями билля. Эти дѣла также разсматриваются и рѣшаются судами. Кромѣ того, билль предусматривалъ обязательную помощь со стороны казны тѣмъ арендаторамъ, которые захотѣли бы выкупить землю нѣ собственностью: казна выдавала до $\frac{2}{3}$ стоимости участка, причемъ эта сумма съ процентами выплачивалась затѣмъ арендаторомъ (новымъ собственникомъ).

Этимъ актомъ вводится новый принципъ въ аграрное законодательство: признаніе извѣстныхъ правъ арендаторовъ на собственность лендлорда, именно, на улучшенія, сдѣланныя ими на лендлордовской землѣ. Въ Эльстерѣ это воззрѣніе, правда, давно уже имѣло силу, но актъ 1870 года освятилъ и распространилъ его на всю Ирландію. Вотъ почему Лекки, Морлей, Сэлливанъ и другіе политическіе и литературные критики этого акта склонны признавать за нимъ революціонное значеніе. Но непосредственное практическое значеніе его было какъ сейчасъ увидимъ, слабо. Уже тогда Гладстону предлагали ввести въ его билль правило, чтобы *суды* назначали «справедливую ренту», а не лендлорды по своему произволу, но убѣдить въ этомъ парламентъ 1870 года—Гладстонъ не понадѣялся. «Для этого потребовалось еще десять лѣтъ (ирландской) агитаціи», замѣчаетъ Морлей. Билль Гладстона прошелъ чрезъ обѣ палаты безъ особенно яростныхъ нападеній и сталъ закономъ 1-го августа 1870 года, когда его подписала королева.

VII.

Феніанское движеніе, послѣ судорожныхъ проявленій конца шестидесятихъ годовъ, въ теченіе всего слѣдующаго періода (т.-е. съ начала 70-хъ гг. до начала 80-хъ) какъ бы утихло. Нельзя сказать, чтобы положеніе Ирландіи особенно улучшилось земельный актъ 1870 года уже самъ по себѣ не обезпечивалъ арендатора отъ ненормально высокой ренты, которую лендлордъ имѣлъ всегда возможность установить хотя бы только затѣмъ, чтобы выжить арендатора на «законномъ» основаніи (ибо выгонять безъ объясненія причинъ исправнаго плательщика стало послѣ акта 1870 года слишкомъ убыточно, въ виду установленнаго правила о вознагражденіи въ подобныхъ случаяхъ). Что же касается до обязательнаго при *всякихъ* обстоятельствахъ вознагражденія изгоняемаго арендатора за произведенныя имъ улучшенія на его участкѣ, то вѣдь еще нужно было доказать передъ судомъ, что такія улучшенія сдѣланы арендаторомъ, а не самимъ лендлордомъ; доказывать же это при юридической безпомощности крестьянъ предъ неизмѣнно расположенными въ пользу лендлорда судьями являлось дѣломъ крайне затруднительнымъ. Когда же въ 1874 году палъ Гладстонъ и консервативный кабинетъ сталъ у власти, тогда и высшая, и низшая администрація, почти сплошь враждебная гладстоновскому акту, дѣлала еще и отъ себя все зависящее, чтобы свести постановленія акта къ нулю и оставить фактически власть лендлорда вполнѣ неприкосновенною.

Послѣ 1870 года Ирландія нѣкоторое время перестала о себѣ особенно тревожно напоминать; и ни Гладстонъ (до 1874 г.), ни консерваторы (съ 1874 года) ничего рѣшительно уже въ ея пользу за все это десятилѣтіе не предприняли. Гладстонъ откровенно заявилъ въ такомъ духѣ уже передъ самой своею смертію (въ 1897 г.) О'Брайену, что—нечего грѣха таить—забыли объ Ирландіи въ эти годы. Англійскія внутреннія преобразованія, а особенно выѣшняя политика въ виду событій на Балканскомъ полуостровѣ, начиная отъ возстанія балканскихъ славянъ и кончая берлинскимъ конгрессомъ и ея дальнѣйшими отголосками, поглощали все вниманіе англійскаго правительства. Объ Ирландіи въ 70-хъ гг. забыли потому, что она была относительно спокойна. Нѣсколько сносныхъ урожаевъ (совершенно независимо отъ благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго уступками Гладстона касательно англиканской церкви отъ государства и аграрныхъ отношеній) много этому временному успокоенію способствовали. И опять повторилась обычная картина: парламентская ирландская партія (во главѣ которой сталъ съ начала 70-хъ гг. Исаакъ Бьюттъ) убѣдительно настаивала на необходимости дальнѣйшихъ аграрныхъ и политическихъ реформъ, причемъ однимъ изъ ихъ доводовъ былъ тотъ, что Ирландія уже менѣе волнуется и терпѣливо ждетъ.

Англійское же правительство *именно потому* и не обращало на Исаака Бьютта и его товарищей никакого вниманія, что въ семидесятихъ годахъ Ирландія не волновалась и обнаруживала полное терпѣніе. Выходило трагическое *qui pro quo*, ибо изъ одного и того же факта обѣими спорящими сторонами дѣлались прямо-противоположные выводы. Конечно, англичане не были столь откровенны и непосредственны, чтобы тогда же это заявить въ оправданіе своихъ отказовъ Исааку Бьютту, но отъ этого сущность дѣла нисколько не мѣнялась.

Чего же домогался Исаакъ Бьюттъ и его товарищи — ирландскіе депутаты въ англійскомъ парламентѣ? Сынъ протестантскаго священника, юристъ по профессіи, человѣкъ безспорно честный, искренно всегда болѣвшій душою объ Ирландіи, — Исаакъ Бьюттъ давно уже занимался изученіемъ аграрныхъ отношеній и былъ извѣстенъ на родинѣ. Онъ прославился выступая въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ процессахъ въ качествѣ умѣлаго защитника и талантливаго оратора; онъ защищалъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ въ процессахъ «Молодой Ирландіи» въ 1848 году; онъ же защищалъ на судѣ нѣкоторыхъ феніевъ въ процессахъ 1865 и 1867 гг. Онъ совершенно не надѣялся на успѣхъ конечныхъ цѣлей феніевъ, хотя (въ началѣ, а не въ концѣ 70-хъ годовъ) съ уваженіемъ относился къ ихъ самоотверженію, къ высотѣ и твердости ихъ моральныхъ устоевъ, къ духу безкорыстнаго протеста, одушевлявшаго ихъ. Вотъ что, между прочимъ, сказалъ Исаакъ Бьюттъ о феніяхъ въ одной публичной рѣчи, въ 1873 году: «М-ръ Гладстонъ сказалъ, что феніанизмъ научилъ его тому, какъ интенсивно раздраженіе въ Ирландіи. Меня феніанизмъ научилъ большому и лучшимъ вещамъ. Онъ научилъ меня глубинѣ, широтѣ, искренности той любви къ отечеству, которую дурное управленіе измучило и довело до раздраженія и которой дурное же управленіе, доведя людей до отчаянія, — придало размѣры возмущенія». Но въ методы феніевъ онъ не вѣрилъ, воскрешенія ихъ дѣятельности не желалъ и безуспѣшность своихъ стараній никогда не пытался объяснить недостаточностью своихъ собственныхъ методовъ. Требованія Исаака Бьютта сводились къ слѣдующему: въ области аграрныхъ отношеній ему представлялось необходимымъ, во-первыхъ, обезпечить фактически и на болѣе прочныхъ основаніяхъ арендатора отъ опасности изгнанія съ участка; во-вторыхъ, размѣры ренты должны быть опредѣляемы не лендлордомъ, а судомъ или спеціальными комиссіями, причемъ въ расчетъ должна приниматься стоимость земли *безъ* тѣхъ улучшеній, которыя произведены на ней арендаторами, и такую «справедливую ренту» слѣдуетъ опредѣлять на извѣстный періодъ времени; въ-третьихъ, арендаторъ долженъ получить право, когда угодно и кому угодно продать свое право землепользованія, причемъ всѣ права и обязанности продавца переходятъ къ покупателю. Эта программа «трехъ F» (Fixity of te-

pure, fair rent, free sale) развивалась съ урѣзками или добавленіями въ томъ или иномъ видѣ уже давно,—но Бьюттъ представилъ ее къ систематическомъ видѣ и популяризовалъ въ населеніи. Тѣмъ не менѣе соотвѣтственные биллы, вносимые Бьюттомъ и его партіей въ 70-хъ годахъ неизмѣнно проваливались: парламенту казалось ненужнымъ торопиться съ этою реформою.

Политическимъ идеаломъ Бьютта былъ гомруль, автономія Ирландіи для всѣхъ ея внутреннихъ дѣлъ. Но идея эта, конечно, имѣла еще меньше шансовъ осуществиться, нежели программа «трехъ F»,—и энтузіазма въ эти сѣрые годы ни въ комъ не пробудила. Агитація въ пользу гомруля велась особенно систематически съ 1873 года, а въ 1874 году были сдѣланы Бьюттомъ шаги къ созданію въ парламентѣ изъ находившихся тамъ депутатовъ особой «совершенно независимой ирландской партіи», ибо такой партіи въ точномъ смыслѣ парламентская группа ирландцевъ до сихъ поръ не составляла. Правда, до появленія Парнеля это являлось переименованіемъ только по имени, ибо на дѣлѣ ирландская партія ни въ чемъ своей совершенной независимости не выказала. Вообще, правъ Дэвиттъ, когда онъ пишетъ, что «Исаакъ Бьюттъ будетъ жить въ ирландской политической исторіи не какъ парламентскій дѣятель, но какъ основатель движенія въ пользу гомруля и приверженецъ земельной реформы». Дѣйствительно, послѣ крушенія попытки Дэффи, Лэкэса и ихъ товарищей въ пятидесятыхъ годахъ, идея аграрной реформы въ Ирландіи оставлена была нѣсколько въ тѣни, и, напр., феніи совсѣмъ почти ею не интересовались. Дѣятельность Исаака Бьютта оживила ее и подготовила до извѣстной степени почву для агитаціи «земельной лиги» конца 70-хъ годовъ.

Со второй половины 70-хъ годовъ въ Ирландіи понемногу начало чувствоваться какъ бы снова общественное оживленіе. Въ парламентѣ появился Парнель, замѣчательный ораторъ, первостепенный организаторъ, энергичнѣйшій и талантливый человѣкъ, какого давно уже Ирландія не присылала въ палату общинъ. Весною 1875 года Парнель впервые явился въ палатѣ; выступилъ же болѣе или менѣе активно только съ 1877 года. Между нимъ и Исаакомъ Бьюттомъ сразу установились отношенія холодныя; и по натурѣ, и по возрѣніямъ эти люди слишкомъ между собою расходились. Нужно еще сказать, что къ концу 70-хъ годовъ Бьюттъ и, особенно, его товарищи-депутаты стали къ дѣятельности феніевъ относиться еще отрицательнѣе, чѣмъ прежде: какъ-то исчезъ или ступсывался прежде бывший у нихъ элементъ положительнаго отношенія къ этимъ людямъ. Мы бы даже готовы были назвать это отношеніе къ феніанству иногда прямо враждебнымъ. Что касается Парнеля, то онъ съ самаго начала своей дѣятельности преслѣдовалъ цѣль возможно болѣе широкой кооперации всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ элементовъ въ борьбѣ противъ общаго врага. Парнель и небольшая группа, отда-

лившаяся отъ Бьютта, рѣшили начать активную борьбу съ парламентомъ. Въ 1877 году началась та парламентская обструкція Парнеля, которая положила начало новой эрѣ ирландской борьбы. Онъ всячески тормозилъ сессію и вызвалъ вопли негодованія и въ парламентѣ, и въ англійской прессѣ. Онъ рѣшилъ тормозить и впредь конституціонную жизнь, пока парламентъ будетъ глухъ къ нуждамъ и желаніямъ Ирландіи. Разомъ всѣ заговорили о молодомъ дѣятелѣ. Политика холодной вражды къ Англіи, политика сознательнаго причиненія врагу возможно большаго вреда — сразу какъ бы заставила очнуться и правительство, и Англію, и Ирландію. Но, конечно, это было лишь началомъ; все-таки общество еще только начинало въ Ирландіи пробуждаться послѣ нѣсколькихъ лѣтъ апатіи; все-таки еще должны были быть пережиты неурожаи 1877—1879 гг., чтобы снова всколыхнулся и весь народъ. Но «надвигающіяся событія уже бросали впереди себя тѣнь», наступавшая эпоха борьбы уже давала о себѣ знать, высылая впередъ нужныхъ людей, своихъ героевъ и дѣятелей.

Прежде всего долженъ былъ рѣшиться вопросъ о лидерствѣ. Новое настроеніе, уже слагавшееся въ 1877—1878 гг. требовало и новыхъ лицъ. Парнель своими качествами, своимъ ораторскимъ даромъ, желѣзною волею, умѣньемъ подчинять себѣ людей, холодною самоувѣренностью, всею своею натурою урожденнаго повелителя, и, прежде всего, своимъ боевымъ настроеніемъ, своимъ смѣлымъ планомъ обструкціи, своимъ умѣньемъ импонировать народнымъ массамъ, — въ глазахъ многихъ вполне заслужилъ, несмотря на молодость, занять мѣсто ирландскаго лидера. Борьба между приверженцами стараго Исаака Бьютта и Парнеля была кратковременна: въ 1878 году эта борьба явственно рѣшилась въ пользу Парнеля. Бьюттъ умеръ въ началѣ 1879 года. Новые люди «стали у руля» ирландскаго корабля. Наступала новая эпоха, начатая неурожаями, продолженная кровью и висѣлицами.

Е. Тарле.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МУЖЪ ЧЕСТИ.

Повѣсть.

(Продолженіе *).

XVII.

Только въ семь часовъ, удалившись изъ совѣта, пришелъ Осипъ Матвѣевичъ въ свою квартиру.

Когда онъ вошелъ въ столовую, то увидѣлъ странное зрѣлище: столъ былъ накрытъ, но на немъ были неприкосновенны всѣ приборы. Очевидно, никто не обѣдалъ, хотя обыкновенно въ домѣ обѣдали въ четыре часа и въ тѣхъ случаяхъ, когда служба задерживала его, садились безъ него.

Правда, въ такихъ случаяхъ онъ дѣлалъ распоряженіе, посылалъ курьера домой. Сегодня онъ никакого распоряженія не сдѣлалъ.

Въ квартирѣ было тихо. Только гдѣ-то въ отдаленіи раздавались шаги и чуть-чуть слышныя голоса, какъ будто двое спорили между собой. Голоса были мужскіе.

Но въ квартирѣ, кромѣ него самого, былъ только одинъ мужчина—Матвѣй и никто къ нимъ не ходилъ. Онъ рѣшилъ, что это наверху, въ квартирѣ эконома, помѣщавшейся какъ разъ надъ его квартирой.

Порядочно утомленный, съ значительно растрепанными нервами, онъ не хотѣлъ сейчасъ возвращаться къ главному происшествію дня. Онъ вообще никогда не торопился и зналъ, что все придетъ въ свое время. Онъ хотѣлъ, чтобы и обѣдъ, хотя и сильно запоздавъ, состоялся по обычному порядку. А можетъ быть у него была мысль—посмотрѣть, какія у нихъ теперь лица и сообразить планъ дѣйствій.

Онъ прошелъ въ кабинетъ, положилъ тамъ на столъ свой портфель, перебѣнилъ форменное платье на домашнее, затѣмъ

*) См. „Міръ Божій“, № 6, іюнь 1905 г.

вышелъ въ столовую и обычнымъ громкимъ, внятнымъ голосомъ сказалъ:

— Обѣдать!

Онъ сѣлъ на свое мѣсто, развернулъ салфетку и ждалъ. Ни одна дверь не скрипнула, никто ни откуда не вышелъ. Тогда онъ надавилъ пуговку звонка. Вошла горничная съ чрезвычайно растеряннымъ видомъ.

— Баринъ, прикажете подавать себѣ обѣдъ?—спросила Даша.

— А другіе уже обѣдали?—спросилъ въ свою очередь Осипъ Матвѣевичъ.

— Н-нѣтъ еще... Только они... Наврядъ и будутъ...

— Гм... Почему это наврядъ?

— Такъ... Только наврядъ.

— Гм...—вторично произнесъ Осипъ Матвѣевичъ, слегка нахмутивъ брови.—Подавай.

Даша помчалась въ кухню и съ совершенно исключительной быстротой притащила оттуда супъ. Осипъ Матвѣевичъ непривычной рукой взялъ большую супную ложку и налилъ себѣ супу въ тарелку.

Онъ ѣлъ угрюмо, сосредоточенно съ такимъ видомъ, какъ будто каждая проглоченная ложка супа наносила ему оскорбленіе. Потомъ онъ звонилъ для жаркого и далъ еще звонокъ для сладкаго.

Кончивъ обѣдъ, онъ посидѣлъ съ минуту, барабана пальцами по столу. Среди тишины до него долетали все тѣ же звуки двухъ, какъ бы спорившихъ между собой, мужскихъ голосовъ. Онъ невольно прислушался, но словъ не могъ разобрать.

Однако, на этотъ разъ ему показалось, что звуки раздаются слишкомъ близко. Такъ явственно не могли быть они слышны изъ верхней квартиры.

Онъ внимательнѣе прислушался и у него явилось опредѣленное мнѣніе, что это здѣсь, въ квартирѣ.

И теперь уже онъ понималъ, что звуки идутъ справа.

Вотъ маленькая дверь въ корридоръ, гдѣ помѣщаются комнаты Лизы и Матвѣя—это значитъ, что разговоръ идетъ у Матвѣя. Съ кѣмъ же? Никто у нихъ не бываетъ, изъ товарищей Матвѣя ни одинъ ни разу не заглянулъ къ нему.

И тутъ Осипъ Матвѣевичъ счелъ себя въ правѣ провѣрить и изслѣдовать заинтересовавшій его вопросъ. Онъ поднялся, тихонько, неслышно отворилъ дверь въ корридоръ, и вдругъ голоса начали раздаваться совершенно явственно, точно онъ поднялъ крышку сундука, на днѣ котораго происходилъ разговоръ.

Было два голоса, одинъ онъ сейчасъ же узналъ—это голосъ Матвѣя, но другой, другой...

Что-то очень знакомое, чрезвычайно знакомое, но онъ не знаетъ, не помнить.

Матвѣй, очевидно, ходитъ по комнатѣ, это слышно по голосу, который становится то яснѣе, то тусклѣе. Онъ говоритъ и голосъ его звучитъ какъ-то чрезвычайно энергично, увѣренно.

— Насъ воспитывали, какъ рабовъ,—говоритъ Матвѣй, насъ не учили ни разумно мыслить, ни справедливо желать... А она... Она росла, какъ какой-нибудь котенокъ, безъ всякаго руководства...

«О, вотъ какъ!», мысленно произнесъ Осипъ Матвѣевичъ и съ усиленнымъ вниманіемъ сталъ прислушиваться.

— Да, да,—продолжалъ Матвѣй.—Кто ея занималъ? Отецъ? Онъ только угрожалъ и покорялъ. Этотъ человѣкъ не знаетъ другихъ отношеній, какъ только—онъ, наступившій ногой и другой, лежащій подъ его сапогомъ... Мать? Въ ней давно уже вытравлены имъ всѣ человѣческія стремленія; и за нее некому было заступиться да и за насъ также... А ты... Развѣ ты тянулъ бы эту тяжелую лямку, если бы наша семья была настоящей семьей, а не какой-то каторжной, сахалинской.

Осипъ Матвѣевичъ слышалъ эту рѣчь отъ слова до слова. Онъ стоялъ опершись о косякъ двери, неподвижно, точно окаменѣвшій. Такихъ рѣчей онъ никогда ни отъ кого не слышалъ. И они произносились голосомъ твердымъ съ выраженіемъ глубокой убѣжденности.

А вотъ другой голосъ, о, совсѣмъ другой — другого тембра, другихъ интонацій, въ немъ слышится что-то неувѣренное, робкое, забытое.

— Да... конечно, ты правъ... Но что же дѣлать? Что же дѣлать?... Ужъ теперь надо покориться. Одно только и остается: покориться.

«Чей это голосъ? кто это съ нимъ?» мысленно спрашиваетъ себя Осипъ Матвѣевичъ, но его перебиваетъ голосъ Матвѣя, вдругъ прозвучавшій съ новой энергіей.

— Покориться? Ну, нѣтъ, братъ... Возстать, а не покориться... Возстать всѣми своими духовными силами, возстать и отстоять. Себя отстоять, свою личность, свою волю...

— Ничего ты не сдѣлаешь, сказалъ голосъ неизвѣстнаго. — Съ нимъ ничего нельзя сдѣлать...

«А, а... вдругъ понялъ Осипъ Матвѣевичъ—это голосъ Осипа; онъ здѣсь? какимъ образомъ? У Матвѣя, въ моемъ домѣ... Этотъ отщепенецъ»...

И этотъ голосъ повторилъ:—ничего ты не сдѣлаешь, ничего. Только вредъ принесешь себѣ и сестрѣ и матери... Съ нимъ бороться бесполезно... Это, братъ, гранитная скала... Ну, прощай. У меня сегодня ночное дежурство.

Осипъ Матвѣевичъ попытлся, проскользнулъ обратно въ столовую, затѣмъ на ципочкахъ пробѣжалъ въ кабинетъ и притворилъ дверь.

Онъ слышалъ, какъ въ столовую вошелъ Осипъ и осторожными шагами прошелъ въ кухню. «Значить, онъ ходитъ черезъ кухню... Передъ прислугой... Какая низость!..» подумалъ Осипъ Матвѣевичъ. Все затихло.

Наступилъ темный вечеръ. Въ домѣ была какая-то странная тишина, какъ будто жизнь въ немъ изсякла. Нѣкоторое время еще раздавался отдаленный глухой, равномерный шумъ шаговъ, какъ будто съ пятого этажа. Это Матвѣй шагаль въ своей комнатѣ.

Но затѣмъ и эти звуки затихли.

Осипъ Матвѣевичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. На столѣ горѣли двѣ стеариновыхъ свѣчи. Онъ не любилъ керосиновыхъ лампъ. Мысли его были одиноки, ничѣмъ не стѣснены, свободны. Никто не подслушивалъ ихъ, какъ дѣлалъ это онъ самъ сейчасъ по отношенію къ своимъ сыновьямъ. Онъ имѣлъ полную возможность рѣшить справедливо. И вотъ какъ онъ воспользовался этимъ.

Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ остановился передъ столомъ и подумалъ:

«Гм... Бороться хочеть, со мной бороться... Вредныя идеи... У сына инспектора вредныя идеи... Онъ можетъ заразить всѣхъ гимназистовъ, противъ этого необходимо принять мѣры. Да. Я приму рѣшительныя мѣры».

И это уже было рѣшено, и можно было сказать съ увѣренностью, что инспекторъ Тарановъ для искорененія вредныхъ идей приметъ настоящія, дѣйствительныя мѣры. Онъ объ этомъ больше не думалъ.

Послѣ этого онъ сѣлъ за столъ, пододвинулъ къ себѣ листъ бѣлой бумаги, взялъ перо и началъ писать яснымъ, четкимъ, вразумительнымъ почеркомъ, въ которомъ каждая буква была отчеканена во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ: «Его превосходительству господину директору —ской классической гимназіи.

«Находя несогласнымъ съ основнымъ духомъ и правилами средне-учебнаго заведенія состоявшееся сегодняшняго числа постановленіе педагогическаго совѣта ввѣренной вашему превосходительству гимназіи, по поводу поступка ученика шестого класса Броницына и считая своимъ служебнымъ долгомъ неуклонно заботиться объ искорененіи столь вреднаго направленія, могущаго заразить другихъ воспитанниковъ, я рѣшаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство довести до свѣдѣнія подлежащаго начальства мою настоящую докладную записку.

«Апрѣля... текущаго года, будучи предувѣдомленъ однимъ изъ

служителей о томъ, что ученикъ VI класса Броницынъ, часто въ ночное время покидая свою постель въ общеученической спальнѣ пансіона, проводитъ время въ саду»...

И такъ далѣе—самое точное и подробное описаніе событія и засѣданія педагогическаго совѣта, а въ заключеніе почтительная просьба, обращенная къ подлежащему начальству, произвести безпристрастное разслѣдованіе дѣла и затѣмъ исправить ошибку допущенную педагогическимъ совѣтомъ.

Бумага была написана на-черно, потомъ переписана на-бѣло и подписана. Свершивъ это важное дѣло, Осипъ Матвѣевичъ сложилъ бумагу вчетверо, вложилъ ее въ большой конвертъ, запечаталъ и надписалъ: «Его превосходительству господину директору —ской гимназіи», и, положивъ конвертъ въ ящикъ письменнаго стола, отправился въ гимназію, гдѣ ученики уже собирались на вечернюю молитву.

Здѣсь онъ обошелъ всѣ уголки корридора, какъ дѣлалъ это каждый вечеръ, присутствовалъ при перекличкѣ, отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ нерадивыхъ и только когда ученики послѣ молитвы поднялись наверхъ, въ дортуаръ, онъ вернулся домой, утомленный дѣятельнымъ днемъ, раздѣлся, легъ въ постель и заснулъ крѣпкимъ сномъ человѣка, совершившаго свой священный долгъ.

XVIII.

На другой день Осипъ Матвѣевичъ поднялся въ свой обычный часъ и какъ всегда отправился для исполненія своихъ обязанностей.

Въ одиннадцать часовъ, когда Корнъ обыкновенно сидѣлъ и просматривалъ корреспонденцію въ директорскомъ кабинетѣ, туда вошелъ инспекторъ и, поздоровавшись съ директоромъ, вынулъ изъ бокового кармана большой запечатанный конвертъ и подалъ ему.

— Что это?—спросилъ Корнъ.

— Докладная записка. Прошу ваше превосходительство дать ей законный ходъ,—отвѣтилъ Осипъ Матвѣевичъ, затѣмъ торопливо поклонился и вышелъ.

Корнъ въ первую минуту опѣшилъ. Тарановъ, подающій докладную записку... О чемъ? Неужели объ отставкѣ? Это на него не похоже.

Всякій другой на его мѣстѣ послѣ вчерашнихъ происшествій конечно, сдѣлалъ бы это. Но этотъ человѣкъ всегда и во всемъ считалъ себя правымъ, ему и въ голову не придетъ подобная мысль. Тѣмъ больше интриговало директора содержаніе докладной записки, и онъ распечаталъ конвертъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ бумагу, лицо его краснѣло, а въ глазахъ усиливался блескъ.

«Такъ вотъ что, вотъ что!»

Директоръ Корнъ давно уже не выходилъ изъ себя. Вчерашняя рѣзкость по отношенію къ Таранову была вспышкой, которая очень скоро потухла. Притомъ же это обуславливалось общимъ настроеніемъ.

Но эта бумага продѣлала съ его душой что-то необыкновенное, она разбудила въ ней старое, давно уснувшее молодое чувство негодованія.

Такъ потонувшая лодка долгое время лежитъ на днѣ озера, втянутая иломъ, пока какой-нибудь случайный толчокъ не оторветъ ее отъ дна и она вдругъ появится на поверхности.

Онъ едва дочиталъ послѣднія официальные строки, какъ уже раздался громкій, продолжительный звонъ въ кабинетъ директора. Сторожъ Ананія давно не слышалъ такого звона и, схватившись съ мѣста, стремительно побѣжалъ туда.

— Просить ко мнѣ инспектора!—громко и рѣзко отчеканилъ Корнъ.

— Слушаю.

Ананія выбѣжалъ изъ директорской и ринулся въ учительскую. Тамъ Таранова не оказалась. Тогда онъ побѣжалъ въ гимназическій корридоръ и началъ обшаривать всѣ уголки.

Наконецъ, онъ отыскалъ инспектора въ одномъ изъ классовъ и почтительно доложилъ ему, что директоръ «требуется къ себѣ».

При словѣ «требуется» Тарановъ нахмурилъ брови, но, такъ какъ оно исходило отъ служителя, ничего не сказалъ.

Черезъ минуту онъ явился къ Корну.

— Вы меня требовали?—подчеркнувъ слово, сказалъ Осипъ Матвѣевичъ.

— Да-съ, требовалъ,—къ его удивленію, подтвердилъ Корнъ.— И теперь требую отъ васъ объясненія по поводу вашей бумаги...

— Она ясна, относительно ея не можетъ быть никакихъ недоумѣній!—отвѣтилъ Тарановъ.

— Но неясенъ смыслъ вашего поступка.

— Соблюденіе законности... Только всего.

— Вы, значитъ, обвиняете въ противозаконномъ поступкѣ весь совѣтъ?

— Нѣтъ: въ ошибочномъ постановленіи.

— Не вы, Осипъ Матвѣевичъ, а я отвѣчаю за ошибки, допущенныя въ учебномъ заведеніи, — глядя на него строгимъ взглядомъ, сказалъ директоръ.

— Я и не беру на себя отвѣтственность,—промолвилъ Тарановъ.

— А что же вы берете на себя?

— Долгъ гражданина и служащаго.

Корнъ вскипѣлъ и, несмотря на стараніе, не могъ сдержать себя. Фраза, которую онъ сказалъ послѣ этого, неудержимо вырвалась у него:

— По вашему, долгъ гражданина заключается въ томъ, чтобы доносить на своихъ товарищей?

Тарановъ выпрямился и съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Этого слова я не принимаю отъ васъ. Я оставляю его у васъ... Мнѣ остается только просить ваше превосходительство дать законный ходъ моей запискѣ.

И онъ направился къ двери. У Корна вдругъ явились колебанія. Съ одной стороны, имъ владѣло негодованіе, а съ другой—заговорила и шкура. Онъ очень хорошо зналъ, что такіе «граждане и служащіе» имѣютъ силу. Ему болѣе, чѣмъ кому другому, было это хорошо извѣстно.

Однако, онъ зналъ и то, что начальству не всегда нравятся «исторіи». Часто предпочитаютъ, чтобы исторій не было. У подлежащаго начальства есть тоже свое подлежащее начальство и все зависитъ отъ того, какъ смотрятъ тамъ и здѣсь. Во всякомъ случаѣ, благоразуміе требуетъ сдѣлать попытку обойтись безъ исторій.

— Прошу васъ на минуту,—сказалъ Корнъ, когда Тарановъ былъ уже у самой двери.

Осипъ Матвѣевичъ остановился и стоялъ въ полъ-оборота.

— Вы настаиваете?—спросилъ директоръ.

— Если совѣту угодно будетъ перерѣшить, тогда исчезнетъ надобность,—твердо отвѣтилъ Тарановъ.

— Т.-е. вы желаете, чтобы совѣтъ подчинился одному голосу?

— Голосу законности,—скромно замѣтилъ Осипъ Матвѣевичъ.—Я всегда былъ такой,—прибавилъ онъ,—я всегда одинаковъ, всегда стоялъ за одно. Я не могу перемѣниться.

— Но позвольте, Осипъ Матвѣевичъ... Одну минуту я попрошу васъ быть не только инспекторомъ, но и человѣкомъ,—здѣсь замѣшано имя вашей дочери, то-есть ваше.

— Въ запискѣ этого имени нѣтъ,—отвѣтилъ Тарановъ.

— Да, но оно непременно будетъ названо при разслѣдованіи.

— Что дѣлать... Я долженъ подчиниться и нести послѣдствія. Прежде всего долгъ. Я больше ничего не имѣю

Онъ поклонился и вышелъ, ступая твердо и строго.

«Не человѣкъ, а камень, бездушное животное», мысленно пустилъ ему вслѣдъ Корнъ. Онъ далъ пройти нѣсколькимъ минутамъ, потомъ схватилъ бумагу и побѣжалъ въ учительскую.

Это было необыкновенно. Всегда онъ призывалъ къ себѣ учителей, которые ему были нужны. Его почти никогда не видѣли въ учительской.

Видъ у него былъ растерянный, руки держалъ онъ на отлетѣ и въ нихъ бумагу, на носу какъ-то странно бокомъ лежало пенснэ.

Учителя были въ сборѣ. Они курили, болтали, Роскошный по обыкновенію ораторствовалъ. Всѣ были изумлены появленіемъ Корна и почтительно встали съ мѣстъ. Корнъ не вошелъ, а влетѣлъ и прямо побѣжалъ къ столу, за которымъ сидѣли учителя.

— Господа... Вотъ бумага... Ее подаль мнѣ инспекторъ, прошу васъ познакомиться и высказаться. Одинъ я не могу рѣшить... Это общее дѣло. Это затрогиваетъ интересы учебнаго заведенія. Вотъ, прошу васъ.

Онъ положилъ бумагу на столъ и убѣжалъ.

Роскошный, передъ которымъ онъ положилъ бумагу, взялъ ее въ руки.

— Читать вслухъ?—спросилъ онъ.

Всѣ подтвердили и окружили его. Роскошный началъ читать.

Послѣ первыхъ строкъ часто раздавались замѣчанія: «Ого»... «Однако». «Но это подлость»...

Потомъ замѣчанія становились рѣже и рѣже, и, наконецъ, слушатели совсѣмъ замолчали.

Роскошный окончилъ чтеніе, положилъ бумагу на столъ и съ волненіемъ сталъ ходить по комнатѣ. Всѣ молчали.

— Что же, господа, выскажитесь!—обратился онъ къ товарищамъ.

— По моему,—сказалъ Фуксъ,—онъ не заслуживаетъ чтобы мы ему подавали руку.

— Да онъ въ этомъ не нуждается,—замѣтилъ Роскошный.— Онъ безъ этого отлично обойдется.

— Такъ что-жъ мы можемъ сдѣлать?

— Прежде всего директоръ не долженъ посылать въ округъ эту бумагу.

— Не долженъ?—замѣтилъ Роскошный.—А я вамъ скажу, что онъ не имѣетъ права не послать. Онъ обязанъ послать. А если не пошлетъ, то можетъ пострадать. А мы не можемъ допустить, чтобы онъ пострадалъ одинъ. Въ этой исторіи директоръ ведетъ себя превосходно. Ну, господа, говорите же... Ну, вы, молодые, проявляйте ваше негодованіе,—ядовито прибавилъ Роскошный, замѣтивъ, что именно молодые отошли отъ стола, разсѣялись по разнымъ угламъ комнаты и какъ бы только ждали звонка, чтобы улізнуть.

— Трудно рѣшить,—сказалъ одинъ изъ нихъ.—Какъ вы объ этомъ думаете?

— Я? Я думаю вотъ какъ. Мы должны in cogroge, безъ всякихъ исключеній, подать въ отставку, мотивируя тѣмъ, что съ

такимъ господиномъ, да еще въ званіи инспектора, мы работать не можемъ.

— Что-жъ, это хорошо,—сказалъ кто-то, но не очень увѣреннымъ тономъ.

— Это надо обсудить.

— Надо собраться...

Раздался звонкій звонокъ, призывавшій къ урокамъ.

— Теперь нѣтъ времени, господа,—сказалъ учитель словесности, поспѣшно собирая свой портфель.

— Назначимте собраніе. Въ гимназіи, пожалуй, нельзя. Тарановъ не допустить. Гдѣ же?

— Прошу васъ ко мнѣ, господа,—сказалъ Роскошный,—сегодня въ восемь часовъ вечера.

Пока это говорилось, нѣкоторые уже ушли на уроки, другіе кивали головой и тоже торопились. Остались въ учительской Роскошный и Фуксъ, да еще учитель чистописанія, не принимавшій никакого участія въ обсужденіи.

— Вы придете?—спросилъ Роскошный Фукса.

— Я то приду, но другіе—сомнѣваюсь. Какая подлость, однако! Но мы должны что-нибудь отвѣтить директору. Вы зайдете къ нему?

— Хорошо, я зайду,—отвѣтилъ Роскошный.

Фуксъ ушелъ на урокъ.

Роскошный рѣшилъ немного опоздать на свой урокъ. Онъ зашелъ къ Корну.

— Ну-те, ну-те,—встрѣтилъ его Корнъ съ большой живостью.—Что же вы рѣшили.

— Если можно назвать это рѣшеніемъ... думаемъ собраться сегодня и обсудить.

— Собраться?..—видимо слегка испугавшись, сказалъ Корнъ,—что же именно будутъ рѣшать?

— Предположено, что мы всѣ in согреге подадимъ въ отставку.

Корнъ поблѣднѣлъ.—Въ отставку? In согреге? Это ужасно, господа, что это вы затѣваете! Это произведетъ самое неблагоприятное впечатлѣніе! Вѣдь это дѣйствіе скопомъ, вы знаете, какъ тамъ на это смотреть!

— Да какъ же иначе отвѣтить на доносъ?—сказалъ Роскошный.

— Я не знаю.. Можетъ быть, просто не посылать.

— Вы не имѣете права не послать.

— Я это знаю... Но можетъ быть мнѣ попробовать объяснить... Сопроводить своимъ объясненіемъ.

— Да вы собственно чего боитесь? Неужели вы думаете, что разслѣдованіе, если оно состоится, обвинить насъ? Господи

Тарановъ въ своей самоувѣренности очень заблуждается. Онъ забываетъ, что его дочь, его семья играютъ въ этой исторіи некрасивую роль, если кто потеряетъ, то только онъ. И пусть теряетъ. Наша же отставка только покажетъ, что мы гнушаемся такого образа дѣйствій.

— Какъ хотите, господа, а я вамъ не совѣтую. Я опытиѣ васъ. Я знаю, какъ *тамъ* смотреть... Притомъ же не соберете вы подписи подъ отставкой, и половины не соберете... Въ этомъ отношеніи я тоже опытенъ. А во всякомъ случаѣ больше всѣхъ пострадаю я, ибо все произошло во вѣренной мнѣ гимназіи.

— Такъ что же по вашему намъ дѣлать?

— Подождать отклика *оттуда*... До официального отвѣта будутъ нѣкоторые предварительные признаки. У меня все-таки тамъ есть кой-какія связи... Я позабочусь. И тогда... Тогда можно будетъ сообразить, какъ дѣйствовать. Я прошу васъ... Посоветуйте такъ.

— Нѣтъ,—твердо отвѣтилъ Роскошный.—Я никого убѣждать не буду, но самъ я во всякомъ случаѣ служить съ этимъ господиномъ въ одномъ учебномъ заведеніи не останусь, я одинъ уйду въ отставку.

Корнъ развелъ руками. Это было непріятно. Но уходъ одного Роскошнаго все же не то, что отставка in согреге всѣхъ преподавателей.

Они разстались.

XIX.

Иванъ Арнольдовичъ Роскошный жилъ съ семьей въ своемъ небольшомъ, но все же доходномъ домѣ, помѣщавшемся въ спокойной новой части города, гдѣ было много мѣста для садиновъ и палисадниковъ; онъ выходилъ на широкую улицу, усаженную деревьями.

Въ этотъ день послѣ обѣда онъ попросилъ всѣхъ членовъ своей семьи удалиться каждаго въ свою комнату, а столовую, гостиную и свой кабинетъ приготовилъ для приглашенныхъ товарищей. Къ восьми часамъ были изготовлены бутерброды, шипѣлъ самоваръ, звенѣла чайная посуда. Ровно въ восемь часовъ раздался нерѣшительный звонокъ и вошелъ молоденькій, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ назначенный учитель естественно-научныхъ предметовъ, Славутскій. Онъ былъ чрезвычайно скромнень и застѣнчивъ; днемъ въ гимназіи онъ не выразилъ своего мнѣнія и убѣждалъ на урокъ раньше всѣхъ. На него Иванъ Арнольдовичъ менѣе всего рассчитывалъ... «Что-то анемичное есть въ его характерѣ,—думалъ онъ:—отъ него не жди смѣлости». Поэтому онъ и встрѣтилъ его изумленіемъ.

— Вы даже раньше всѣхъ, тогда какъ я васъ, признаться, совсѣмъ не ждалъ.

— Да, я дѣйствительно... не высказалъ... Но я тогда же рѣшилъ...—замѣтно краснѣя, отвѣтилъ Славутскій.

— Я вдвойнѣ радъ... Но скажите, отчего это вы такой... Какъ будто связанный?

— Да, это вѣрно... Мнѣ самому это доставляетъ страданіе. И я борюсь. Но ничего не могу... Это отъ воспитанія...

— Да мы вѣдь всѣ одинаково безобразно воспитаны, сказалъ Роскошный—дома насъ пугали гимназическимъ начальствомъ, а въ гимназіи—родителями. Мы только и дѣлали, что боялись и тѣхъ и другихъ, поэтому и уважать намъ было некого. И по этой причинѣ мы уважали перваго встрѣчнаго, отъ котораго требовалось только, чтобы онъ не былъ ни родителемъ, ни начальствомъ...

— А я, видите-ли, рано, когда мнѣ было восемь лѣтъ, потерялъ отца. Онъ былъ учитель и меня взяли въ гимназію, въ пансіонъ, на казенный счетъ,—объяснялъ Славутскій: у матери не было никакихъ средствъ, то-есть рѣшительно никакихъ,—ни своего, ни пенсіи. Отецъ женился еще студентомъ, а прослужилъ всего пять лѣтъ; и она ужасно боялась, чтобы меня какъ-нибудь не лишили казеннаго содержанія. Видите-ли, еще сестра младшая была и мать говорила: «Если тебя лишатъ, у насъ больше никакихъ надеждъ нѣтъ. Тогда мы разведемъ угли и угоримъ всѣ трое». Это была ея idée fixe—чтобы меня не лишили казеннаго и я тоже началъ бояться этого больше всего на свѣтѣ. А тутъ еще инспекторъ и директоръ—чуть что, малѣйшая шалость, сейчасъ: не забывай, что ты казеннокоштный... Смотри, какъ бы тебя не лишили казеннаго. Вотъ я и сталъ всего бояться и каждую минуту оглядываться. Я жилъ, какъ стеклянный шаръ, которому каждое мгновеніе грозитъ опасность разбиться. Чтобы не шалить, я не игралъ; чтобы не сказать лишняго, я молчалъ; чтобы не прочитатъ неопозволительнаго, я вовсе ничего, кромѣ учебниковъ, не читалъ; чтобы избѣжать упрека въ компрометирующихъ знакомствахъ, я не имѣлъ никакихъ... Ну, вотъ и получился связанный человѣкъ... Вотъ съ вами вдвоемъ я еще говорю, а чуть войдетъ третій, ужъ я законфужусь... Мнѣ очень трудно въ классѣ. То и дѣло краснѣю...

Кто-то позвонилъ, и черезъ минуту горничная принесла письмо.—Начинаются отказы!—сказалъ Роскошный.

И въ самомъ дѣлѣ, учитель греческаго языка, ссылаясь на мигрень, которая у него бывала всегда послѣ пяти ежедневныхъ уроковъ греческаго языка, извинялся и прибавлялъ, что онъ присоединится «ко всякому благоразумному рѣшенію товарищей».

— Гм...—произнесъ Иванъ Арнольдовичъ:—извольте-ка уго-

дить ему. Мы рѣшимъ благоразумно, а онъ, по-гречески, найдетъ, что это глупо.

— Греки были свободолюбивый народъ,—сказалъ Славутскій.

— Да, но это соображеніе въ программу преподаванія въ средне-учебныхъ заведеній не входитъ.

Опять звонокъ и письмо. У кого-то мать внезапно заболѣла.

— Ахъ, да! я забылъ сказать вамъ, Иванъ Арнольдовичъ,—вспомнилъ Славутскій,—Костенко просилъ передать вамъ, что онъ какъ разъ въ это время даетъ частный урокъ. Если ему удастся освободиться...

— Навѣрное не удастся. Эти благодѣтельные уроки для того и созданы, чтобы избѣжать рискованныхъ предпріятій.

Пришелъ Фуксъ. Посидѣли они втроемъ до половины десятого. Больше никто не пришелъ. Остальные не нашли нужнымъ даже прислать записки.

— Ну, пусть извиняютъ меня товарищи, если я назову ихъ свиньями!—съ досадой сказалъ Роскошный.—Намъ только остается мирно выпить чаю. Пойдемте въ столовую, господа!

Въ столовой имъ было неловко смотрѣть на кучу приготовленныхъ бутербродовъ и сухарей. Фуксъ возобновилъ разговоръ.

— Вотъ вы, Иванъ Арнольдовичъ, говорите: свиньи. Конечно, свиньи,—могли бы извиниться, какъ сдѣлали другіе. Но вѣдь эти другіе выдумали причины—урокъ, внезапная болѣзнь... Налгали. А тѣ не захотѣли лгать. Можетъ быть это и лучше: проще, яснѣй..

— Да. Но что имъ мѣшало придти?

— Запуганы мы очень. Никто не увѣренъ въ своихъ правахъ. Если бы мы знали твердо, что вотъ такіе-то поступки незаконны и за совершеніе ихъ мы можемъ лишиться мѣста, а всѣ остальные законны.. А то вѣдь этого никто не знаетъ. Вполнѣ законный поступокъ сегодня можетъ сдѣлаться преступнымъ завтра...

— Однако-жъ, вотъ мы трое собрались...

— Я старый преподаватель. У меня есть скромныя заслуги... Все-таки надо немного подумать, прежде чѣмъ выгнать. Славутскій—по молодости. Онъ недавно еще былъ студентомъ. А вы, Иванъ Арнольдовичъ, у васъ есть домъ, вы обеспечены, поэтому у васъ совсѣмъ другая точка зрѣнія. Вы извините, но это вѣдь важное обстоятельство.

— А это правда!—согласился Иванъ Арнольдовичъ: вѣдь дома своего я никому не подарю. Это правда.

Поговорили о томъ, да о семъ и къ полуночи разошлись.

Директоръ Корнъ былъ очень обрадованъ извѣстіемъ о томъ, что собраніе преподавателей не состоялось и, такимъ образомъ, такъ напугавшее его прошеніе о выходѣ въ отставку in corpore

застряло въ области благородныхъ порывовъ. Иванъ Арнольдovichъ Роскошный тоже не торопился съ своей отставкой. Онъ ограничивался тѣмъ, что при встрѣчѣ съ инспекторомъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его.

Дня три продержалъ Корнъ знаменитую бумагу въ ящикѣ письменнаго стола въ директорской. Онъ все надѣялся, что Тарановъ одумается. Но такъ какъ со стороны Таранова не проявилось никакихъ признаковъ перемѣны его намѣреній, то Корнъ принужденъ былъ послать бумагу. Онъ, однако, постарался обставить это всѣми смягчающими обстоятельствами. Онъ приложилъ къ ней официальную бумагу, въ которой настаивалъ на недоказанности преступныхъ намѣреній со стороны ученика Броницына, указывалъ на его благонравіе и болѣзненное состояніе, и считая преждевременнымъ разоблачать имъ «особы женскаго пола», участвовавшей въ преступленіи, тѣмъ не менѣе, на всякій случай, втиснувъ своего рода «историческую справку» въ видѣ замѣчанія, что за все время его директорства, до перехода должности инспектора къ Таранову, подобныхъ случаевъ въ гимназіи не бывало.

Но одновременно съ бумагой онъ послалъ частное письмо правителю канцеляріи, съ которымъ у него были старыя пріятныя отношенія. Тутъ онъ ужъ писалъ безъ всякой осторожности, прямо объясняя въ чемъ дѣло и справедливо указывая, что разслѣдованіе дѣла непременно поведетъ къ скандалу для гимназіи, «въ которой инспекторскія дочери являются къ услугамъ взрослыхъ воспитанниковъ».

И послѣ этого гимназія, повидимому, вернулась къ своей обычной жизни.

Прошло недѣли четыре. Въ гимназіи усиленно шли экзамены. На улицѣ стояла невыносимая жара. Ученики ходили блѣдные, изможденные непосильными трудами. Для счастливыхъ, избавленныхъ отъ экзаменовъ, репетиціи играли ту же самую роль. Инспекторъ былъ весь поглощенъ службой и для домашнихъ дѣлъ у него вовсе не оставалось времени. Въ квартирѣ его установился обычай обѣдать безъ него; онъ являлся поздно и мужественно портилъ себѣ желудокъ несвоевременнымъ питаніемъ.

Казалось, онъ забылъ даже о своей бумагѣ. По крайней мѣрѣ, онъ ни разу не освѣдомился у Корна о томъ, полученъ ли на нее отвѣтъ.

И вотъ однажды, въ самый разгаръ работы, когда Осипъ Матвѣвичъ былъ занятъ по горло, въ корридорѣ, на бѣгу, ему пересѣкъ дорогу Ананія.

— Господинъ директоръ покорно просятъ васъ къ себѣ!.. — почтительно сказалъ Ананія.

— Скажи, очень занятъ. Прошу позволенія придти попозже! — отвѣтилъ Тарановъ.

— Они просятъ, чтобы непременно. Важное дѣло имѣютъ! — настаивалъ Ананія, и въ глазахъ его играла усмѣшка, показывавшая, что онъ какимъ-то чудомъ уже пронюхалъ суть важнаго дѣла, и что оно доставляетъ ему удовольствіе. Таранова ненавидѣли служителя за его строгость относительно исполненія обязанностей, и всякая непріятность ему радовала ихъ.

— Хорошо, я сейчасъ приду! — съ досадой сказалъ Тарановъ и. наскоро выполнивъ какую-то служебную обязанность, направился въ директорскую

Здѣсь онъ, кромѣ директора, засталъ еще и Ивана Арнольдовича. На это онъ совсѣмъ не рассчитывалъ. Роскошный, въ такой обстановкѣ, счелъ своимъ долгомъ кивнуть головой по его адресу. Тарановъ тоже отвѣтилъ ему кивкомъ.

Директоръ сидѣлъ за столомъ, а учитель исторіи стоялъ въ отдаленіи у окна. Если бы Осипъ Матвѣевичъ менѣе былъ сосредоточенъ на себѣ самомъ, то могъ бы замѣтить, что у обоихъ на лицахъ было что-то веселое, а Корнъ, который при его появленіи поднялся, даже потиралъ руки.

— Садитесь, пожалуйста, Осипъ Матвѣевичъ! — сказалъ онъ очень привѣтливо, указывая ему на кресло.

— Я тороплюсь... Пожалуйста... Попрошу изложить. въ чемъ дѣло!.. — отвѣтилъ Тарановъ, не воспользовавшійся предложеніемъ.

— Бумагу получилъ я... Отвѣтъ по... извѣстному вамъ дѣлу... Я долженъ прочитать его вамъ...

— Я могу самъ прочитать ее... Послѣ...

— Нѣтъ, я обязанъ довести до вашего свѣдѣнія содержаніе ея... Въ ней именно такъ сказано...

— Значить, вы не рѣшаетесь довѣрить мнѣ эту бумагу!..

— Ахъ, нѣтъ... Зачѣмъ же такъ, Осипъ Матвѣевичъ!.. Я просто хочу точно исполнить указаніе начальства.

— Извольте. Я слушаю! — сказалъ Тарановъ, повидимому, догадавшійся уже о направленіи бумаги.

— Вотъ-съ... — Корнъ вынулъ изъ лежавшаго передъ нимъ портфеля бумагу и прочиталъ: «Вслѣдствіе препровожденнаго вашимъ превосходительствомъ»... Ну, тутъ обычное вступленіе... А... Ну, вотъ... «Полагая, что выясненіе указаннаго происшествія въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ инспекторъ ввѣренной вамъ гимназіи, Осипъ Матвѣевичъ Тарановъ, было бы опаснымъ для репутаціи учебнаго заведенія и могло бы набросить тѣнь на постановку воспитательнаго дѣла въ средней школѣ вообще, его превосходительство, цѣня служебное рвеніе инспектора О. М.

Таранова, предпочитаетъ согласиться съ мнѣніемъ педагогическаго совѣта, постановленіе котораго по сему дѣлу утверждаетъ, о чемъ ваше превосходительство благоволите довести до свѣдѣнія инспектора О. М. Таранова»... Вотъ все!.. Прибавилъ Корнѣй чрезвычайно веселыми глазами посмотрѣлъ на Таранова.

— Благодарю васъ!—сурово промолвилъ Осипъ Матвѣевичъ, наклонилъ голову и быстро вышелъ. Теперь онъ понялъ, для чего директоръ пригласилъ въ ассистенты Роскошнаго. Для вѣщаго торжества. Роскошный призванъ, какъ самый словоохотливый человѣкъ, который, разумѣется, будетъ рассказывать объ этомъ не только среди преподавателей, но и въ городѣ, на всѣхъ перекресткахъ.

Осипъ Матвѣевичъ былъ огорченъ такою «слабостью» вышшаго начальства. Но мнѣніе этого начальства было для него закономъ. Насколько онъ презиралъ мнѣнія товарищей и даже слабого и неавторитетнаго директора, настолько смолкала въ немъ его собственная личность передъ рѣшеніемъ начальства.

Онъ принялъ этотъ отпоръ съ покорностью.

Корнѣй же почерпнулъ въ бумагахъ двойную радость. Съ одной стороны было пріятно посрамленіе Таранова, который былъ слишкомъ самоувѣренъ, съ другой же стороны, онъ убѣдился, что тамъ у него остались еще друзья, на которыхъ можно опираться.

XX.

Это было лѣто, показавшееся страннымъ даже для членовъ семейства Таранова, привыкшихъ къ необычному.

Было давно заведено, что лѣтомъ жили въ подгородной деревнѣ, каждый годъ нанимая домъ все у того же мѣщанина. Но въ этомъ году Осипъ Матвѣевичъ напелъ подобную жизнь неподходящей для званія инспектора и рѣшилъ остаться въ городѣ, въ гимназической квартирѣ. При гимназiи былъ маленькій садикъ и онъ полагалъ, что это вполнѣ замѣняетъ деревню. Къ тому же изъ этого получалась экономія, а Осипъ Матвѣевичъ любилъ не столько самны деньги, сколько экономію.

И вотъ тянулось лѣто въ душномъ и пыльномъ городѣ. Всѣ жильцы гимназическаго дома уѣхали, куда кто могъ. Корнѣй всегда уѣзжалъ въ небольшую деревню своей жены. Младшіе органы—какъ экономъ, письмоводитель и т. п., переселялись въ деревню. Даже курьеры обыкновенно пользовались, по мѣрѣ силъ, лѣтнимъ отдыхомъ. И теперь нѣкоторые изъ нихъ, получивъ приказаніе остаться для нуждъ инспектора, пришли въ негодованіе. Но Осипъ Матвѣевичъ не справлялся объ этомъ. Онъ вообще принималъ въ расчетъ только самого себя и свои желанія.

Самого его въ домѣ почти не видѣли. Онъ вставалъ въ шесть часовъ утра и отправлялся на лодкѣ на рыбную ловлю. Какъ это ни странно, а у него была эта мирная страсть, и онъ лѣтомъ предавался ей вволю. Возвращался онъ домой вечеромъ и его видѣла только прислуга. Что дѣлало его семейство, какъ жило оно и проводило время, онъ совсѣмъ не освѣдомлялся. Казалось, съ окончаніемъ учебнаго сезона, онъ почувствовалъ, что всѣ обязанности временно отлетѣли отъ него, не только инспекторскія, но и семейныя, тѣмъ болѣе, что и въ другое время онъ въ семьѣ былъ инспекторомъ.

Матвѣю, однако, это скоро надоѣло. Однажды онъ просто-на-просто сорвался, захватилъ небольшой узелокъ и собрался въ путь.

— Куда ты?—спросила его мать.

— Возьму да и обойду пѣшкомъ всю губернію! — отвѣтилъ онъ рѣшительно. — Что же тутъ сидѣть въ этой тюрьмѣ... Довольно васъ съ Лизой.

На это оставалось только развести руками. И онъ, дѣйствительно, ушелъ, и въ самомъ дѣлѣ ходилъ пѣшкомъ по деревнямъ, питаясь чѣмъ придется. И Осипъ Матвѣевичъ, не видя его въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, не замѣчалъ его отсутствія. И это только потому, что было лѣто, каникулы для его инспекторскихъ обязанностей.

Въ срединѣ августа Матвѣй пришелъ домой. Видъ у него былъ необыкновенный. Одежда его полиняла и обносилась, сапоги были безъ подошвъ, лицо темное отъ загара и вѣтра, заросло волосами. Въ тотъ день, когда онъ пришелъ, въ гимназіи уже началось движеніе. Появились несчастные, у которыхъ были переекзаменовки. Они являлись раздраженные, съ перекошенными лицами, потому что провели отравленное лѣто. Привели также новичковъ, и въ гимназическомъ корридорѣ опять началась жизнь. Поэтому самъ собою прекратился рыбный спортъ. Осипъ Матвѣевичъ, брившійся лѣтомъ одинъ разъ въ недѣлю, сталъ бриться каждый день, вольготная парусина замѣнилась тѣснымъ и душнымъ вицъ-мундиромъ, а на челѣ появилась инспекторская озабоченная складка.

И когда онъ, выйдя къ обѣду, увидѣлъ Матвѣя, онъ попятился назадъ.

— Что это за видъ?—спросилъ онъ.

— Я пять недѣль пѣшкомъ ходилъ по губерніи!—ясно и просто отвѣтилъ Матвѣй.

— Пѣшкомъ? Кто же это разрѣшилъ?

— Я самъ себя разрѣшилъ.

— Гм... Я не зналъ о существованіи такого начальства: «самъ себѣ».

— Мнѣ необходимо купить мундиръ и сапоги!— сказалъ Матвѣй.

— Очень можетъ быть. Но ты, конечно, сдѣлаешь это «самъ себѣ»...

— У меня нѣтъ для этого средствъ.

— Ты готовъ подчиняться только средствамъ, а не авторитету.

Матвѣй вскипѣлъ. Въ послѣднее время это случалось съ нимъ часто, и онъ не давалъ себѣ труда сдерживаться.

— Авторитетъ занимался рыбной ловлей и въ теченіе пяти недѣль не замѣчалъ моего отсутствія... Впрочемъ, если вы отказываете мнѣ въ сапогахъ и мундирѣ, я отправлюсь къ директору и буду просить пособія для этого.

— Я тебѣ это запрещаю!— строго сказалъ Осипъ Матвѣевичъ.

— Этого запретить нельзя. Если вы мнѣ откажете въ пищѣ, вы не можете запретить мнѣ пойти на улицу и просить подаянія.

— Этотъ разговоръ конченъ!— заявилъ Осипъ Матвѣевичъ, видя, что этого «молодого разбойника», какъ онъ давно уже опредѣлялъ Матвѣя, не переговоришь. «Онъ слишкомъ развился... слишкомъ. Гораздо болѣе, чѣмъ нужно для гимназиста».

Тѣмъ не менѣе Осипъ Матвѣевичъ передъ мыслію о томъ, что Матвѣй пойдетъ къ директору просить на мундиръ и сапоги, спасовалъ и выдалъ для всего этого деньги его матери.

Начался новый учебный годъ. Все въ гимназіи шло обычнымъ порядкомъ. Прошлогодняя исторія, какъ казалось, была забыта. Иванъ Арнольдовичъ Роскошный въ отставку не подалъ. Онъ разсудилъ: «Съ какой стати изъ-за подлости другихъ я буду лишать себя заработка, а дѣтей моихъ лучшаго куса хлѣба. Выходъ въ отставку in corpore имѣлъ бы смыслъ, но выходъ одного—никакого. Притомъ же совѣтъ получилъ удовлетвореніе, и Тарановъ былъ посрамленъ». И онъ остался.

Замѣтная перемѣна произошла въ директорѣ Корнѣ. До исторіи съ Броницынымъ онъ былъ какъ-то придавленъ рѣшительностью Таранова и при малѣйшемъ столкновеніи дрожалъ за свое мѣсто. Ему казалось, что тарановская исполнительность не можетъ встрѣтить тамъ ничего, кромѣ одобренія.

Но поддержанный начальствомъ въ послѣдней исторіи, онъ поднялъ голову, онъ воспрянулъ. Онъ увидѣлъ, что не всякое усердіе поощряется, а главное—онъ убѣдился въ томъ, что *тамъ* у него еще есть поддержка. И это придало ему смѣлости. Теперь нерѣдко онъ вмѣшивался въ инспекторскія распоряженія и случалось, что даже приостанавливалъ ихъ.

Тарановъ въ этихъ случаяхъ только хмурилъ брови. Онъ

считалъ всѣ свои дѣйствія законными, но послѣ исторіи съ Броницынымъ онъ усумнился въ томъ, что законность всегда поощряется. Ему какъ бы напомнили, что въ сферу законности входитъ также и подчиненіе директору. И онъ подчинился, хотя въ душѣ презиралъ этого «человѣка неопредѣленныхъ убѣжденій».

И въ этомъ году гимназистамъ дышалось чуть-чуть полегче. У нихъ была теперь высшая инстанція. Они ходили къ Корну, и директоръ смягчалъ ихъ участь.

И никто не подозрѣвалъ, что именно въ этомъ году гимназическое зданіе хранить въ своихъ стѣнахъ зачатки трагическихъ событій. Менѣе всѣхъ подозрѣвалъ это самъ Осипъ Матвѣевичъ.

XXI.

Лиза провела все лѣто буквально одна. Слабогрудный Броницынъ въ то время, какъ его нѣсколько разъ таскали по начальству и даже заставили говорить передъ совѣтомъ, что уже совершенно превышало его силы, тотчасъ же заболѣлъ, и пріѣхавшій тогда изъ деревни его старшій братъ увезъ его больного домой. Ему пришлось остаться на второй годъ въ томъ же классѣ и Осипъ Матвѣевичъ имѣлъ полное основаніе думать, что сама судьба исправила беззаконіе, допущенное высшимъ начальствомъ.

Передъ его отъѣздомъ въ деревню Лиза его не видѣла. У него былъ жаръ и даже бредъ. Братъ увезъ его со всякими предосторожностями; а въ домѣ инспектора было такое тревожное настроеніе, что даже и думать нечего было справляться о его здоровьи. И Лиза узнала объ его отъѣздѣ только черезъ недѣлю.

Писать ему она не могла: не знала адреса, а если бы и узнала при помощи Матвѣя, то не рѣшилась бы: Богъ знаетъ, какіе у него родные. Можетъ быть они будутъ читать ея письма, а не онъ.

Отъ Броницына она тоже не получила ни строчки. Но, такъ какъ она ни на минуту не переставала думать о немъ хорошо, то объясняла это его страхомъ передъ ея отцомъ.

Иногда же у нея являлась мысль, что онъ серьезно разболѣлся, можетъ быть—умеръ. И странное дѣло—она испытывала тогда только жалость, но не было у нея чувства безнадежной потери и отчаянія.

Всякій разъ, когда она думала о немъ, онъ представлялся ей какимъ-то неопредѣленнымъ явленіемъ—неяснымъ, окутаннымъ ночной темнотой, таинственнымъ. Но какой онъ: добрый или злой,

умный или глупый, честный или подлый,—этого она достоверно не знала.

И вотъ проходили жаркіе, душевные дни. Матвѣй ушелъ, Богъ знаетъ, куда. Въ послѣднее время она чувствовала въ немъ поддержку. Правда, онъ никогда не удостоивалъ ее чести поговорить ясно, а ограничивался двумя тремя словами, но она была увѣрена, что онъ въ трудную минуту поможетъ ей и защититъ ее. А теперь онъ ушелъ и, должно быть, на долго.

Мать, съ тѣхъ поръ, какъ Осипъ Матвѣевичъ властно отиѣнилъ переѣздъ въ деревню, впала въ какую-то неподвижность. Лѣто въ деревнѣ всегда было для нея отдыхомъ. Тамъ она набиралась силъ на всю зиму. Теперь она даже не протестовала, у нея уже не было для этого нравственныхъ силъ. Она просто махнула на все рукой. Гимназическій садъ ей былъ противенъ. Въ немъ было также душно какъ и на улицахъ. И она провела лѣто въ своей комнатѣ, почти не выходя изъ капота; она пролежала его на диванѣ и на кровати.

Въ такой обстановкѣ протекала жизнь Лизы. Это было скучное, томительное, безцѣльное существованіе, но тягость его смягчалась тѣмъ, что въ головѣ у Лизы не рождалось никакихъ сложныхъ тревожныхъ мыслей, а въ душѣ никакихъ запросовъ. Она привыкла къ безцѣльному существованію, другого никогда не знала. Всегда жизнь текла мимо нея, только одинъ разъ она заинтересовалась ею, увлеклась и претерпѣла за это слишкомъ много.

Книгъ она не умѣла читать; никто не научилъ ее. И она съ утра до вечера ходила по аллеямъ гимназическаго сада, какъ растеніе подчиняясь солнцу: вставая, когда оно поднималось на востокъ и отправляясь въ постель, когда оно скрывалось на западѣ.

Но однажды съ Лизой произошло что-то необыкновенное. Уже съ утра она почувствовала невыразимую тревогу. Въ глазахъ ея, обыкновенно выражавшихъ равнодушіе, появилось безпокойство, щеки сдѣлались блѣдными.

Въ саду она въ этотъ день не ходила изъ одного конца его въ другой тихой, лѣнливой, безжизненной походкой; движенія были порывисты; она то садилась на скамейку, то ложилась на траву, то вскакивала и начинала быстро ходить.

Вотъ тутъ-то у нея явилась потребность въ человѣкѣ, которому она могла бы рассказать о своемъ открытіи. И она прежде всего подумала о Матвѣѣ. Онъ, можетъ быть, накричалъ бы на нее, разбранилъ бы, назвалъ бы обиднымъ словомъ, но поддержалъ бы.

Мать, о ней она подумала уже потомъ. Матвѣя не было въ

городѣ, вотъ что было ужаснѣе всего. Есть еще у нея другой братъ Осипъ. Онъ въ городѣ. Онъ даже недавно заходилъ къ нимъ, посидѣлъ полчаса, повздыхалъ и ушелъ. Но отъ него развѣ можно ждать поддержки? Онъ растеряется, разведетъ руками, опуститъ голову...

А сама она была совершенно безпомощна. Она только чувствовала, что бѣда стряслась надъ нею, самая большая бѣда, какую только она могла для себя вообразить. И она металась, безпомощная, лишенная всякой опытности, малѣйшаго пониманія жизни. Съ тоской смотрѣла она на деревья въ саду, на улицу изъ оконъ, на проходившихъ мимо людей. Въ душѣ ея выросталъ ужасъ.

Прошло нѣсколько дней. Въ эти дни она встрѣчалась съ матерью за обѣдомъ и такъ случайно. Но та какъ-то отвыкла наблюдать внѣшній міръ, одичала. Она говорила съ Лизой и не замѣчала въ ней никакой переменъ.

Но, когда прошла недѣля, и Лиза, не спавшая отъ тревоги нѣсколько ночей, стала походить на мертвеца, она наконецъ замѣтила.

— Что это съ тобой? Ты такъ перемѣнилась... Ты на себя не похожа! Ты больна?—спросила она за обѣдомъ.

Лиза нѣкоторое время молча смотрѣла на нее, потомъ ложка выпала изъ ея рукъ, вся она съежилась, сгорбилась, низко опустила голову, хотѣла что-то сказать, но не могла и разрыдалась.

И тогда у бѣдной женщины, утратившей всякій интересъ къ жизни, вдругъ проснулось чувство боли и заботы матери о своемъ ребенкѣ. Мигомъ сошло съ ея лица выраженіе суроваго равнодушія, она вскочила съ мѣста и подбѣжала къ Лизѣ. Сердце, вдругъ забившееся тепло и сильно, подсказало ей, что это не простое разстройство нервовъ, что тутъ есть что-то глубокое. Какъ женщина, она уже смутно почувствовала, въ чемъ дѣло, но страшилась выразить эту мысль.

Она обняла Лизу обѣими руками.

— Бѣдная дѣвочка... Пойдемъ ко мнѣ. Здѣсь прислуга.

И она потащила Лизу къ себѣ. Откуда взялась у нея подвижность, энергія. Яркое проявившееся горе дочери пробудило въ ней дремавшія чувства. Тогда и у Лизы, увидѣвшей, что передъ нею дѣйствительная мать, исчезла отчужденность, она почувствовала довѣріе, она нашла въ ней опору. И она рассказывала ей о своемъ открытіи.

— Боже! это самое ужасное, что могло случиться съ нами!.. Боже мой, какія мы несчастныя съ тобой, моя дорогая дѣвочка!..

Лиза довърчиво прижималась къ ней. Въ ея словахъ не было ничего утѣшительнаго, но она уже не чувствовала страшнаго одиночества послѣднихъ дней.

Она наплакалась и успокоилась. Несмотря на безвыходность своего положенія, которая ничуть не ослабилась, у нея даже явилось какое-то странное ощущеніе счастья. Такъ чувствуетъ человѣкъ, послѣ многолѣтняго одиночества въ тюрьмѣ выпущенный на волю. Солнце, зелень, движеніе людской жизни, свобода заставляютъ его забыть о нажитыхъ въ тюрьмѣ болѣзняхъ, въ концѣ надломившихъ его силъ.

— Что я буду теперь дѣлать? воскликнула Лиза. — Вѣдь, отецъ... Онъ узнаетъ... Это ужасно... Онъ убьетъ!..

— Нѣтъ, онъ не убьетъ... Онъ только выгонитъ изъ дома...

— Выгонитъ! А куда я пойду? Развѣ есть куда?

— До этого нельзя допустить. Надо скрывать... Во что бы то ни стало, до послѣдней возможности...

— Развѣ это можно?

— А развѣ мы дѣлаемъ только то, что можно? Развѣ всякому другому наша жизнь, еслибъ онъ ее зналъ, не показалась бы невозможной? Вотъ мы и будемъ дѣлать невозможное... Нельзя, чтобы этотъ звѣрь узналъ правду... Онъ всѣхъ погубитъ, и тебя. И того... несчастнаго, больнаго... Ахъ, Лиза, Лиза... Зачѣмъ ты была такая глупая?.. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я не упрекаю... Ты не виновата въ этомъ. Ты только бѣдняжка...

И мать ничего не могла придумать для Лизы, какъ только это: скрывать во что бы то ни стало. Лиза, однако, была не настолько же наивна, чтобы не знать всѣхъ послѣдствій. Настанетъ время, когда скрывать не будетъ возможности. Что же тогда? При томъ же у нея было какое-то смутное чувство, подсказывавшее ей, что это надо не такъ. Не скрывать надо, а что-то другое. И знаетъ это только Матвѣй, и когда онъ придетъ, тогда и она узнаетъ.

Она ничего не сказала матери о своихъ надеждахъ на Матвѣя, а просто ждала его съ нетерпѣніемъ.

И вотъ пришелъ Матвѣй. Послѣ обѣда, за которымъ у него произошелъ дикій разговоръ съ отцомъ насчетъ сапогъ и мундира, онъ зашелъ въ комнату матери, гдѣ была и Лиза. Уже за обѣдомъ онъ съ тревогой посматривалъ на сестру, замѣтивъ въ ея лицѣ и въ фигурѣ перемену.

— Что съ Лизой?—спросилъ онъ, обращаясь къ обѣимъ.

— Ничего такого...—нерѣшительно сказала мать, очевидно намѣревшаяся свое скрываніе распространить и на Матвѣя.

Но Лиза думала иначе.

— Матвѣй... произнесла она дрожащимъ голосомъ. — Это не прошло даромъ... Вотъ видишь...—Я... говорила она, каждое мгновенье готовая разрыдаться:—это уже пятый мѣсяцъ...

— Лиза, Лиза... Что—ты! съ ужасомъ остановила ее мать.

— Нѣтъ, Матвѣй долженъ знать... Матвѣй понимаетъ. Онъ все понимаетъ...

— Да... Я понимаю, конечно... Понимаю, что это создаетъ положеніе отвратительное...

— Никто не долженъ знать этого!..—торопливо замѣтила мать.—Мы рѣшили во что бы то ни стало скрыть отъ отца...

Матвѣй покачалъ головой.

—Напрасно! Онъ первый долженъ узнать объ этомъ. Это его близко касается...

— Ты съ ума сошелъ, Матвѣй! Онъ выгонитъ изъ дому и ее, и насъ... Ты не скажешь ему...

— Мама... Полноте! Вы такъ его боитесь. А я давно уже пересталъ бояться его. Пусть выгонитъ. Неужто мы не найдемъ себѣ пристанища. Развѣ есть на свѣтѣ такое мѣсто, гдѣ намъ было бы хуже, чѣмъ здѣсь, въ его домѣ? Но скрывать отъ него ничего не надо. Онъ долженъ знать, до чего онъ довелъ насъ и особенно эту несчастную дѣвочку... Нѣтъ, я это скажу ему сегодня же, завтра, при первой встрѣчѣ. Вѣдь, онъ виноватъ во всемъ этомъ. Ну, такъ я и брошу это ему въ лицо...

И Лиза, несмотря на всю грозившую ей опасность, Богъ знаетъ, какими путями почувствовала, что такъ именно и надо поступить.

И. Потапенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ВЕСЕННЯГО АЛЬБОМА.

* * *

Отъ вешняго солнца проснулся я рано
И вышелъ. Надъ садомъ моимъ
Висѣли лиловыя ткани тумана
И таяли нѣжно, какъ дымъ.
И таялъ по вѣткамъ сверкающій иней,
Гдѣ ярко играли лучи;
И гдѣ-то далеко, въ прозрачности синей,
Толпою шумѣли грачи.
Я долго бродилъ по полянѣ за домомъ.
Тамъ вѣяло нѣгой тепла,
И въ запахѣ свѣжемъ, землистомъ, знакомомъ,
Печаль молодая была,—
Какъ будто бы память о старой молитвѣ,
Какъ нѣжная встрѣча въ быломъ...
И сердце больное, уставшее въ битвѣ,
Молилось, не зная о чемъ.

* * *

Занавѣскою качая,
У открытаго окна,
Шепчетъ бѣлый вечеръ мая,
И тоскуетъ тишина.
Пѣсней пламенной печали,
За досчатою стѣной,
Ропщутъ клавиши рояля,
Плачетъ голосъ молодой.
Тамъ по счастью изнываетъ
Одинокая душа...
Бѣлый вечеръ замираетъ
И внимаетъ, не дыша.
Грустью призрачнаго блеска
Вѣетъ блѣдная весна,
И лепечетъ занавѣска
У открытаго окна.

* * *

О, нѣтъ! Я не всѣ еще звуки
Пропѣлъ моей бѣдной странѣ,—
Остались мятежныя муки,
Остались надежды во мнѣ.
Безъ солнца мечты увядали.
Я жизни и счастья не зналъ,
И плакалъ отъ жгучей печали,
Отъ злобной неволи стоналъ.
Но въ день долгожданной свободы
Волшебное солнце любви
Согрѣетъ увядшіе всходы,
Распустятся грезы мои.
Ужъ буря весенняя мчится
И дышитъ въ темницу мою...
Я скоро воспряну, какъ птица,
И пѣсню свободы спою!

* * *

Въ разсвѣтной нѣгѣ дремали воды.
Цвѣты хранили стыдливый сонъ.
Легли туманы, и въ хороводы
Слетались тѣни со всѣхъ сторонъ.
Но встало утро, и лучъ случайный
Проникъ въ долину, гдѣ мракъ блуждалъ,—
И разбѣжались ночныя тайны
По темнымъ дебрямъ, въ ущелья скалъ.

Дмитрій Ц.

Религіозно-нравственная проблема у Достоевскаго.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Карамазовскій бунтъ, какъ выраженіе трагизма индивидуальнаго страданія.—Раздвоеніе этого бунта.—Любовь къ ближнему и любовь къ дальнему. Критика атеизма, социализма и „католицизма“.—Возможна ли нравственность помимо вѣры въ личное безсмертіе?—Безсмертіе души, какъ моральный постулатъ.—Достоевскій и Кантъ.—Вѣчное возвращеніе у Ницше и личное безсмертіе въ Богѣ у Достоевскаго.

Иванъ Карамазовъ ставитъ свой вопросъ о нравственномъ смыслѣ жизни въ виду необъятной бездны человѣческихъ страданій и слезъ, «которыми пропитана вся земля отъ коры до центра». Въ бесѣдѣ своей съ Алешей въ трактирѣ «Столичный городъ» онъ рисуетъ передъ братомъ краснорѣчивую картину мученій человѣческихъ, находясь «какъ бы въ бреду», какъ бы въ какомъ-то изступленіи. Иванъ рассказываетъ брату о страданіяхъ дѣтей. «Я взялъ однихъ дѣтокъ,—говоритъ онъ,—для того, чтобы вышло очевидно. Объ остальныхъ слезахъ человѣческихъ, которыми пропитана вся земля отъ коры до центра—я уже ни слова не говорю, я тему мою нарочно сѣзигъ» **)... Нѣтъ необходимости пересказывать здѣсь ужасныхъ картинъ, которыми Иванъ истязуетъ чуткую душу брата. Всякій, читавшій когда-либо «Братьевъ Карамазовыхъ» никогда ихъ не забудетъ: помнить онъ и крѣпостного мальчика, на глазахъ у матери затравленнаго генеральскими собаками, помнить и дѣвочку, которая звѣрски высѣченая образованными родителями, «бьетъ себя въ подлѣмъ мѣстѣ, въ темнотѣ и на холодѣ, крошечнымъ своимъ кулаченкомъ въ надорванную грудь и плачетъ, прося «Боженьку» защитить ее» ***)... Всѣ эти ужасы, звѣрства и истязанія не уступаютъ страшной жестокости и утонченному мучительству турокъ надъ болгарями, о которыхъ въ свое время такъ много писалъ Достоевскій въ «Дневникѣ писателя».

*) См. „Міръ Божій“, № 6, іюнь.

**) Томъ VI. „Братья Карамазовы“, стр. 167.

***) Это, конечно, отраженіе впечатлѣній дѣла Кронеберга, защищаемаго Спасовичемъ. См. „Дневникъ писателя“ за 76 г., февраль.

«Я убѣжденъ, какъ младенецъ,—говоритъ Иванъ Карамазовъ,— что страданія заживутъ и сгладятся, что весь обидный комизмъ чело-вѣческихъ противорѣчій исчезнетъ, какъ жалкій миражъ, какъ гнусное измышленіе малосильнаго и маленькаго, какъ атомъ чело-вѣческаго эвклидоваго ума, что, наконецъ, въ міровомъ финалѣ, въ моментъ вѣчной гармоніи, случится и явится нѣчто до того драгоцѣнное, что хватить его на всѣ сердца, на утоленіе всѣхъ негодованій, на искупленіе всѣхъ злодѣйствъ людей, всей пролитой ими ихъ крови, хватить, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось съ людьми,—пусть, пусть это будетъ и явится, но я то этого не принимаю и не хочу принять! Пусть даже параллельныя линіи сойдутся и я это самъ увижу: увижу и скажу, что сошлись, а все-таки не приму. Вотъ моя суть, Алеша, вотъ мой тезисъ» *).

Грядущій въ безконечныхъ вѣкахъ «моментъ высшей гармоніи» есть та высшая цѣнность, которая должна окупить собой всѣ необъятныя муки и страданія исторіи, всѣ жертвы ея, кровныя и безкровныя, всѣ грѣхи ея, винныя и невинныя. Обѣтованная вѣчная гармонія, обѣщанная тамъ въ безконечныхъ вѣкахъ грядущему счастливому чело-вѣчеству, должна искупить собою все, должна оправдать всѣ неотмщенныя обиды, незаслуженныя страданія, безнаказанныя злодѣйства, какъ теперь живущаго, такъ и прошлаго, всякаго, когда-либо жившаго чело-вѣчества. Роскошное зданіе будущаго идеальнаго существованія для грядущихъ, пока еще не существующихъ поколѣній покупается страшное цѣною страданій настоящихъ живыхъ людей, цѣною страданій невинныхъ дѣтей. Всѣ они только исторически необходимыя жертвы грядущаго «момента высшей гармоніи», только строительный матеріалъ, только гѣса для идеальнаго зданія вѣчной гармоніи обѣтованнаго царства всеобщаго благоденствія. «Собой, злодѣйствами и страданіями они должны унавозить кому-то будущую гармонію».

Здѣсь Достоевскій устами Ивана Карамазова дѣлаетъ запросъ отъ имени живого чело-вѣческаго «я». «Слушай: если всѣ должны страдать, чтобы страданіями купить вѣчную гармонію, то при чемъ тутъ дѣти, скажи мнѣ пожалуйста? Совсѣмъ непонятно, для чего должны были страдать и они, и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонію? Для чего они-то тоже попали въ матеріалъ и унавозили собою для кого-то будущую гармонію?» **).

Искупить ли обѣтованная гармонія эти жертвы невинныхъ дѣтскихъ страданій, можетъ ли она нравственно оправдать собою настоящее существованіе чело-вѣка среди всѣхъ ужасовъ дѣйствительности. «Не стоитъ она слезинки, хотя бы одного только того замученнаго ребенка, который билъ себя кулачкомъ въ грудь и молился въ зло-

*) Томъ VI. „Братья Карамазовы“, стр. 162.

**) Тамъ же, стр. 168.

войной конурѣ неискупленными слезами своими «Боженькѣ». Не стоитъ, потому что слезы его остались неискупленными. Онѣ должны быть искуплены, иначе не можетъ быть и гармоніи. Но чѣмъ же ты ихъ искупишь? Развѣ это возможно?» *).

Попранная личность, оскорбленное живое человѣческое «я» *въ индивидуальности своей* не можетъ быть совершенно возстановлено, но можетъ быть совершенно утѣшено. Есть такія оскорбленія и обиды, такія поруганія личности, которыя въ индивидуальных особенностяхъ своихъ такъ ужасны, что замѣнить ихъ нельзя ничѣмъ, ни отищеніемъ, ни успокоеніемъ и воздаяніемъ въ безсмертной жизни; ихъ никогда нельзя простить, ни при какихъ условіяхъ ничѣмъ нельзя оправдать. Тѣмъ болѣе не можетъ искупить ихъ грядущая высшая гармонія. будущаго человѣчества. Человѣческая личность, замученная теперь, въ настоящемъ, и тамъ, въ ужасномъ прошломъ человѣчества, не будетъ участвовать въ этой высшей гармоніи. Оскорбленіе ея, жестокости и надругательства, произведенныя надъ ней жизнью и людьми, такъ и останутся навѣки неутѣшными, вѣчно вопіющими къ небу о справедливости. И справедливость нарушена здѣсь въ лицѣ этихъ жертвъ исторіи, непоправимо, непоправимо поправа и поругана человѣческая личность. И какъ бы ни болѣла, какъ бы мучительно ни напрягалась уязвленная страшными воспоминаніями совѣсть, она бессильна найти какое-нибудь справедливое удовлетвореніе поруганной личности, бессильна отвѣтить на преслѣдующія ее, ужасныя впечатлѣнія. Высшая гармонія не отвѣтъ на неутѣшныя обиды, на неутоленные муки несчастныхъ страдальцевъ.

«Если страданія дѣтей пошли на пополненіе той суммы страданій, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранѣе, что вся истина не стоитъ такой цѣны. Не хочу я, наконецъ, чтобы мать обнималась съ мучителемъ, растерзавшимъ ея сына псами! Не смѣетъ она прощать ему! Если хочетъ, пусть проститъ за себя, пусть проститъ мучителю материнское безмѣрное страданіе свое; но страданія своего растерзаннаго ребенка она не имѣетъ права простить, не смѣетъ простить мучителя, хотя-бы самъ ребенокъ простилъ ихъ ему! А если такъ, если они не смѣютъ простить, гдѣ же гармонія?» **). Какая же идеальная гармонія, если плачетъ дитя ***), если воспоминанія объ издѣвательствахъ надъ личностью не оставляютъ человека?..

Совѣсть не можетъ, не хочетъ забыть ужасовъ прошлаго, ужасныя видѣнія преслѣдуютъ ее, гонятся за ней... Поэтому-то обѣтованная

*) Тамъ же, стр. 168.

**) Т. VI. „Братья Карамазовы“, стр. 168.

***) См. сонъ Дмитрія Карамазова во время слѣдствія въ „Мокромъ“.

Забыть! Забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья....

гармонія не можетъ, какъ говоритъ подпольный человѣкъ, «сохранить намъ самое главное и самое дорогое, то-есть нашу личность и нашу индивидуальность». «Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человечеству не хочу», объявляетъ Иванъ.

Брата Алешу, который съ своей совершенно особенной точки зрѣнія, раздѣляемой, впрочемъ, самимъ Достоевскимъ, называетъ это «бунтомъ», Иванъ спрашиваетъ: «Скажи мнѣ самъ прямо, я зову тебя,—отвѣчай: представь, что ты самъ возводишь зданіе судьбы человеческой съ цѣлью, въ финалѣ, осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданіе, вотъ того самого ребеночка, бившаго себя кулачкомъ въ грудь, и на неоттищенныхъ слезахъ его основать это зданіе, согласился бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ, скажи и не лги!»

«— Нѣтъ не согласился-бы,—тихо проговорилъ Алеша» *).

Въ своей знаменитой пушкинской рѣчи Достоевскій уже отъ собственного своего лица спрашиваетъ о томъ же почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ: «И можете ли вы допустить хоть на минуту идею,—добавляетъ онъ здѣсь,—что люди, для которыхъ выстроили это зданіе, согласились бы сами принять отъ васъ такое счастье, если въ фундаментъ его заложено страданіе, положимъ, хоть и ничтожнаго существа, но безжалостно и несправедливо замученнаго, и, принявъ это счастье, остаться навѣки счастливыми?» **).

И вотъ Иванъ Карамазовъ не принимаетъ міра, т.-е. не вообще отказывается жить, а не принимаетъ его нравственно, не находитъ моральной санкціи для своего существованія. Стихійная жажда жизни, «карамазовская жажда», «неприличнѣйшая, быть можетъ, жажда жизни» остается при немъ.

Не умѣя оправдать жизнь нравственно, онъ любитъ ее стихійно, «любить нутромъ и чревомъ, хотя бы вопреки логики», «любить жизнь больше, чѣмъ смыслъ ея». «Дороги ему клейкіе листочки, распускающіеся весной, дорого голубое небо». «Порази меня хоть всѣ ужасы человеческого разочарованія, а я все-таки захочу жить и ужъ какъ припагъ къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его весь не осию». Только вотъ этотъ кубокъ стихійной жажды жизни, къ которому припагъ «разувѣрившійся въ порядкѣ вещей» Иванъ Карамазовъ, и можетъ еще держать тѣхъ, кто взбунтовался противъ міра, понявъ все сознательное или безсознательное лицемѣріе санкціонированья жизни во имя «момента вѣчной гармоніи». Для ихъ нравственного удовлетворенія остается только бунтъ,—бунтъ, какъ выраженіе трагедіи индивидуальнаго страданія, индивидуальной обиды.

*) Т. VI „Братья Карамазовы“, стр. 169.

**) Т. V, стр. 772.

Въ томъ, что Алеша называетъ «бунтомъ», сложнымъ и пестрымъ переплетомъ яркихъ и сочныхъ мыслей какъ бы заплетены двѣ основныя нити, два строя идей. Съ одной стороны, въ рѣчахъ Ивана намъ слышится убѣжденный протестъ противъ міросозерцанія полагающаго высшую нравственную цѣнность въ всеобщемъ счастьѣ и всеобщемъ благоденствіи, въ обѣтованной гармоніи земного царства будущаго человѣкобога. Это протестъ противъ атеистической морали эвдемонизма, его раздѣляетъ и самъ Достоевскій. Съ другой стороны, Иванъ не хочетъ гармоніи, даже и при допущеніи Бога. И это уже протестъ противъ высшей гармоніи, хотя бы и божественной, противъ небеснаго Богочеловѣка. Его Достоевскій глубоко понимаетъ, иначе не создастъ бы онъ Карамазова, но не раздѣляетъ, не хочетъ раздѣлять, по крайней мѣрѣ. «Принимаю Бога,—говоритъ Иванъ,—и не только съ охотою, но, мало того, принимаю и премудрость Его, и цѣль Его,—намъ уже совершенно неизвѣстныя, вѣрую въ порядокъ, въ смыслъ жизни, вѣрую въ вѣчную гармонію, въ которой мы будто бы всѣ сольемся, вѣрую въ слово, къ которому стремится вселенная и которое само «бѣ къ Богу» и которое есть само Богъ, ну и прочее и прочее и т. д. въ безконечность. Слово то много на этотъ счетъ надѣлано. Кажется, уже я на хорошей дорогѣ,—а? Ну, такъ представь же себѣ, что въ окончательномъ результатѣ я міра-то Божьяго не принимаю, и хоть и знаю, что онъ существуетъ, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю: я міра имъ созданнаго, міра-то Божьяго не принимаю и не могу согласиться принять» *).

Это допущеніе Бога для Ивана Карамазова, конечно, только условное. Онъ не можетъ успокоиться на допущеніи существованія Божьяго, какъ, впрочемъ, еще болѣе не можетъ успокоиться и на атеистическомъ отрицаніи. «Идея эта еще не рѣшена въ вашемъ сердцѣ и мучаетъ его,—проникновенно говоритъ ему старецъ Зосима.—Но и мученикъ любить иногда забавляться своимъ отчаяньемъ, какъ бы тоже отъ отчаянія. Пока съ отчаянія и вы забавляетесь и журнальными статьями, и свѣтскими спорами, сами не вѣруя своей діалектикѣ и съ болью сердца усмѣхаясь ей про себя... Въ васъ этотъ вопросъ не разрѣшенъ, и въ этомъ ваше великое горе, ибо настоятельно требуетъ рѣшенія» **). Но важно отмѣтить, что даже и при допущеніи вѣры міръ съ его неотмщенными оскорбленіями, непримиримыми обидами и неутоимыми страданіями нравственно непріемлемъ для Ивана Карамазова, но не для самого Достоевскаго. *Здѣсь бунтъ какъ бы раздваивается, міръ не принимается не только безъ Бога, но даже и съ Богъ...* Въ настоящемъ изложеніи удобнѣе будетъ отвлечься отъ второго бунта, бунта при допущеніи Бога, который только и есть въ

*) Т. VI, стр. 162.

**) Тамъ же 52 стр.

точномъ смыслѣ «бунтъ» съ точки зрѣнія самого Достоевскаго. Бунтъ же противъ грядущей высшей гармоніи земного царства человѣкобога, гармоніи, которая сама себя оправдываетъ и себѣ довѣдетъ, Достоевскій считаетъ скорѣе подвигомъ, протестомъ противъ нравственного идолопоклонства во имя неприкосновенности самой высшей святости «нашей личности и нашей индивидуальности»; это прямое продолженіе возмущенія противъ каменной стѣны невозможнаго въ дѣйствительности существованія человѣка, какъ «цѣли въ себѣ самомъ», подслушаннаго еще въ подпольѣ. Взятый въ этомъ видѣ «бунтъ» Карамазова всецѣло обрушивается на міросозерпаніе, полагающее высшій смыслъ жизни въ гармоніи всеобщаго благоденствія. Атеистъ и аморалистъ Карамазовъ отвергаетъ мораль счастья «изъ-за любви къ человѣчеству», изъ глубочайшаго уваженія къ личности всякаго живого человѣка. Ему кажется, что гармонія счастья человѣческаго, купленная цѣною жертвъ всей исторіи, унижаетъ человѣка, святиню его моральнаго достоинства, а потому не можетъ быть принята. Ту же мысль, только въ болѣе острой и крайней формѣ, проводитъ и Ницше, когда онъ говоритъ о благоденствіи «послѣднихъ людей», которые воздвигнутъ свое счастливое царство на костяхъ и мукахъ исторіи.

«Смотрите, — говоритъ Заратустра: — я покажу вамъ послѣдняго человѣка. «Что такое—любовь? Что такое творчество? Тоска? Что такое звѣзда?» Такъ спрашиваетъ послѣдній человѣкъ и моргаетъ при этомъ.

Малою стала земля, а по ней скачетъ послѣдній человѣкъ, который все умѣетъ умалить. Его родъ неистребимъ, подобно земляной блохѣ; послѣдній человѣкъ—самый изъ всѣхъ долговѣчный.

«Счастіе найдено нами», говорятъ послѣдніе люди и моргаютъ».

Правда, мотивы критики у Ницше и у Ивана Карамазова различны, но не такъ существенно различны, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Карамазовъ не хочетъ гармоніи всеобщаго благоденствія, воздвигаемаго на унавоженной мученическою кровью исторической почвѣ «изъ-за любви къ человѣчеству», Заратустра же осмѣиваетъ работу прогресса человѣчества, изобрѣтающаго «счастье» «послѣднихъ людей», родъ которыхъ расплодится, «какъ земляная блоха», изъ-за презрѣнія къ человѣку, изъ-за любви къ сверхчеловѣку. «Я учу васъ сверхчеловѣку; человѣкъ есть нѣчто такое, что должно быть превзойдено». Но вѣдь горделивыя мечты Ницше о сверхчеловѣкѣ въ конечномъ счетѣ подсказаны также любовью къ человѣку, къ живой индивидуальности. Человѣкомъ же вдохновился Ницше, созидая свой идеалъ сверхчеловѣка. Глубоко любя человѣка и чтя его свободное достоинство, какъ высшую, самую дорогую святиню, Ницше сталъ, наконецъ, презирать этого любимаго имъ, но не оправдывающаго его уваженія человѣка. Онъ взялъ нѣчто отъ обожасмой имъ человѣческой личности и поставилъ это нѣчто, какъ высшее, надъ самой лич-

ностью. Изъ живой человѣческой личности онъ сдѣлалъ подножіе для гармонически развивающейся индивидуальности.

Любовь къ ближнему здѣсь незамѣтно для самой себя переходитъ въ *любовь къ дальнему*, трансформируясь или въ крайній утонченный индивидуализмъ, или въ отвлеченный гуманизмъ. Достоевскій пристально всматривался въ психологію любви къ дальнему, и въ его произведеніяхъ, особенно въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», очень много интересныхъ замѣчаній на этотъ счетъ.

«Я никогда не могъ понять,—жалуется Иванъ Карамазовъ Алешѣ все въ той же бесѣдѣ ихъ въ «Столичномъ городѣ»,—какъ можно любить своихъ ближнихъ. Именно ближнихъ—то, по-моему, и невозможно любить, но развѣ лишь дальнихъ. Я читалъ вотъ какъ-то и гдѣ-то про «Іоанна Милостиваго» (одного святого), что онъ, когда къ нему пришелъ голодный и обмерзшій прохожій и попросилъ согрѣть его, легъ съ нимъ вмѣстѣ въ постель, обнялъ его и началъ дышать ему въ гноящійся и зловонный отъ какой-то ужасной болѣзни, ротъ его. Я убѣжденъ, что онъ это сдѣлалъ съ надрывомъ, надрывомъ жи, изъ-за заказанной долгомъ любви, изъ-за натащенной на себѣ эпитеміи. Чтобы любить человѣка, надо, чтобы онъ спрятался, а чуть лишь покажетъ лицо свое—пропала любовь.

«—Объ этомъ не разъ говорилъ старецъ Зосима,—замѣтилъ Алеша,—онъ тоже говорилъ, что лицо человѣка часто многимъ, еще неопытнымъ въ любви людямъ мѣшаетъ любить»*)...

Зосима рассказываетъ г-жѣ Хохлаковой объ одномъ докторѣ.

«Человѣкъ былъ уже пожилой и безспорно умный... Я, говорить, люблю человѣчество, но дивлюсь на самого себя: чѣмъ больше я люблю человѣчество вообще, тѣмъ меньше я люблю людей въ частности, то-есть порознь, какъ отдѣльныхъ лицъ. Въ мечтахъ я нерѣдко, говорить, доходилъ до страстныхъ помысловъ служенія человѣчеству, можетъ быть, дѣйствительно, пошелъ бы на крестъ за людей, если бы это вдругъ какъ-нибудь потребовалось, а между тѣмъ я двухъ дней не въ состояніи прожить ни съ кѣмъ въ одной комнатѣ, о чемъ знаю изъ опыта. Чуть онъ близко отъ меня, и вотъ уже его личность давить мое самолюбіе и стѣсняетъ мою свободу. Въ одніи сутки я могъ бы даже лучшаго человѣка возненавидѣть: одного за то, что онъ долго ѣстъ за обѣдомъ, другого за то, что у него насморкъ, и онъ безпрестанно сморкается. Я, говорить, становлюсь врагомъ людей чуть-чуть лишь тѣ ко мнѣ прикасаются. За то всегда такъ происходило, что чѣмъ болѣе ненавиждѣлъ людей въ частности, тѣмъ пламеннѣе становилась любовь моя къ человѣчеству вообще»**).

Сложная психологическая амальгама любви и презрѣнія, входя-

*) Томъ VI, стр. 162—3.

**) Тамъ же 43 стр.

щаго до безгливости, очень интересуется Достоевскаго. «Любить своего ближняго и не презирать его,—говорит Версиловъ въ «Подросткѣ»,—невозможно. По моему человѣкъ созданъ съ физическою невозможностью любить своего ближняго. Тутъ какая-то ошибка въ словахъ, съ самаго начала, и «любовь къ человѣчеству» надо понимать лишь къ тому человѣчеству, которое ты же самъ и создалъ въ душѣ своей,—(другими словами, себя самого создалъ и къ себѣ самому любовь),—и котораго, поэтому, никогда не будетъ на самомъ дѣлѣ» *).

Достоевскій, въ противоположность Ницше, не хочетъ помириться на любви къ дальнему. Съ его точки зрѣнія также, какъ съ точки зрѣнія Ивана Карамазова, никакая высшая гармонія грядущаго человечества не можетъ искупить мукъ, страданій, а, главное, оскорбленій и униженій настоящей живой человѣческой личности.

Чтобы выставить мотивы своего отказа принять міръ ради грядущаго земного царства человѣкобога во всей ихъ дѣйствительной серьезности и глубинѣ, Достоевскій долженъ былъ изъ всѣхъ силъ стараться не умалять своего противника, не скрывать его богатствъ, отдать ему все, что онъ имѣетъ, и уже въ такомъ видѣ отвергнуть его. Для того, чтобы побѣдить врага, а не чучелу, наряженную въ костюмъ противника, или его случайныхъ, не стоящихъ его союзниковъ, Достоевскій долженъ былъ взять противника въ самыхъ неприступныхъ крѣпостяхъ, въ самыхъ высшихъ проявленіяхъ его. Только тогда карамазовскій запросъ о непоправимомъ поруганіи личности въ рѣи и имѣетъ значеніе, если онъ предлагается не грубымъ или даже вымышленнымъ представителямъ... эвдемонизма и отвлеченнаго гуманизма, а лучшимъ его представителямъ. Противникъ долженъ быть представленъ во всей силѣ своей, со всею пышностью своего яркаго, блестящаго, можетъ быть, даже волшебнаго обаянія... Достоевскій понималъ это. Упомянувъ въ записной книжкѣ объ «инквизиторѣ и главѣ о дѣтяхъ», которыхъ онъ справедливо считалъ выраженіемъ противныхъ идей, Достоевскій говоритъ: «И въ Европѣ такой силы атеистическихъ выраженій нѣтъ и не было». И, дѣйствительно, нѣкоторыми мѣстами своихъ произведеній, вскрывающихъ психологію атеизма, онъ далъ «такую силу атеистическихъ выраженій», что косвенно предвосхитилъ систему ницшеанскаго человѣкобога.

Но далеко, впрочемъ, не всегда и не вездѣ онъ находится на высотѣ своей задачи. Въ частныхъ случаяхъ онъ никакъ не можетъ быть освобожденъ отъ упрека въ искусственномъ огрубленіи противныхъ ему идей въ пылу спора.

Вообще уровень пониманія противныхъ ученій у Достоевскаго очень неровенъ. Постоянно колеблясь, то поднимается до высочайшей точки, то спускается до низинъ такихъ ученій эвдемонизма, въ которыхъ

*) IV т. „Подростокъ“, стр. 125.

принципъ личности нарушается самымъ грубымъ образомъ, и выше живой личности ставится не только уже отвлеченная личность, но даже только счастье ея. Нѣчто человѣческое ставится выше самого человѣка, выше его человѣческаго достоинства. Высшая нравственная цѣнность здѣсь уже не человѣческая личность, даже не грядущее абстрактное человѣчество, а счастье, благоденствіе людей. Человѣчество уже «не свято въ нашемъ лицѣ», какъ хотѣлъ того Кантъ, оно не «цѣль въ себѣ самомъ», а средство благоденствія, хотя бы и своего собственнаго. Выразительную и художественную критику этого унижительнаго подчиненія свободнаго человѣческаго достоинства условіямъ его счастья и благоденствія Достоевскій далъ въ поэмѣ «Великій Инквизиторъ». Но не только унижающее человѣка блаженство, устраиваемое великимъ инквизиторомъ, но даже и система человѣкобога, по мнѣнію Достоевскаго, бессильна разрѣшить карамазовскій вопросъ, бессильна передъ мучительными столами совѣсти, болѣющей о невинныхъ страданіяхъ дѣтей.

Какимъ бы прекраснымъ и увлекательнымъ ни представлялось волшебное царство будущихъ людей, оно—плохой отвѣтъ на настоящія индивидуальныя обиды и униженія человѣка. «Онѣ должны быть искуплены, иначе не можетъ быть и гармоніи. Но чѣмъ же ты ихъ искупишь? Развѣ это возможно?»

Существуетъ два развѣтвленія человѣкобожества, существенно различныхъ другъ отъ друга. Человѣкобогъ грезился всѣмъ великимъ гуманистамъ, потому что человѣкъ былъ ихъ богомъ; о человѣкобогѣ же мечталъ въ своихъ философскихъ грезахъ и Ницше. Гуманистическая система человѣкобога есть явная или скрытая моральная предпосылка почти всѣхъ социалистическихъ доктринъ, она же заложена въ основанія этики научнаго социализма Маркса. Ницшеанскій же человѣкобогъ родился изъ обостреннаго до послѣдней степени культа индивидуальнаго содержанія личности, онъ прямое отраженіе трагедіи болѣзненно развившейся индивидуальности. Для него не существуетъ вовсе карамазовскаго вопроса.

Надъ человѣкомъ поставлена здѣсь нѣкоторая высшая, чѣмъ онъ, цѣнность. И на алтарѣ этого сверхчеловѣческаго кумира могутъ быть принесены даже и человѣческія жертвы, за одну мечту о сверхчеловѣкѣ могутъ быть отданы какія угодно гекатомбы... Конечно, эта точка зрѣнія нравственно неприемлема для Достоевскаго, какъ онъ показалъ критикой предвосхищеннаго имъ ницшеанскаго аморальнаго человѣкобожества въ образахъ Раскольникова въ «Преступленіи и наказаніи», Ипполита въ «Идіотѣ», Кириллова въ «Бѣсахъ», Ивана Карамазова, а также въ «Приговорѣ» «Дневника Писателя» *).

Изъ мучительнаго безсилія идеи человѣкобога въ рѣшеніи карама-

*) „Дневникъ писателя“ 1876 года октябрь, I глава, IV.

зовскаго вопроса объ искупленіи индивидуальнаго страданія Достоевскій выводилъ косвеннымъ образомъ необходимость признанія Бога и личнаго безсмертія.

Именно здѣсь ища фундамента моральной санкціи для зданія, онъ ставитъ моральную проблему о человѣческой личности, какъ высшей нравственной цѣнности, въ прямую зависимость отъ разрѣшенія религіознаго вопроса о Богѣ, здѣсь этическая проблема становится религіозной, человѣкобогъ встрѣчается съ Богочеловѣкомъ, человѣкъ съ Христомъ. «Вѣра въ человѣка, — какъ говоритъ Вл. Соловьевъ, — переходитъ въ вѣру въ Бога». Стремясь какъ можно прочнѣе укрѣпиться въ своихъ исканіяхъ на этой позиціи, Достоевскій нападаетъ съ нея на атеизмъ, социализмъ и католицизмъ, понимая послѣдній, какъ нѣкоторый отвлеченно-философскій типъ. Въ основѣ всѣхъ этихъ ученій Достоевскій видитъ идеалъ земнаго царства человѣка, отрицающаго Бога, не нуждающагося въ немъ, а на его мѣсто выдвигающаго, какъ высшую цѣнность, въ лучшемъ случаѣ человѣческую личность, въ худшемъ только счастье человѣка, всеобщее благоденствіе «послѣднихъ людей».

Къ социализму Достоевскій подходитъ прежде всего съ точки зрѣнія нравственныхъ и религіозныхъ предпосылокъ этого ученія. Здѣсь для него «все тѣ же вопросы, только съ друго конца» *). Социализмъ интересовалъ Достоевскаго въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ отрицательно соприкасается съ религіей, преломляясь въ атеизмъ **), въ томъ

*) VI т., стр. 161.

**) Для Достоевскаго между социализмомъ и атеизмомъ существовала какая-то нерушимая связь, своего рода предустановленная гармонія. Между социализмомъ и христіанствомъ лежала съ его точки зрѣнія непроходимая пропасть. Рассказывая объ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ христіанству, какъ онъ ихъ понималъ, Достоевскій говоритъ: „какъ социалисту, ему прежде всего слѣдовало изложить христіанство“ „Дневникъ Писателя 150 стр.“. Социализмъ въ его глазахъ не исторически только, а логически тѣсно связанъ съ атеизмомъ. Онъ никакъ не хотѣлъ допустить, что высокій подъемъ религіознаго увлеченія возможенъ въ очень различныхъ социальныхъ доктринахъ, что для социализма возможны и иныя сочетанія... Оканчивая свой „Дневникъ“ за 1873 годъ, онъ высказываетъ искреннее удивленіе по поводу возраженій, сдѣланныхъ на этотъ счетъ Н. К. Михайловскимъ. „Писать и доказывать, что социализмъ не атеистиченъ, что социализмъ вовсе не формула атеизма, а атеизмъ вовсе не главная, не основная сущность его это чрезвычайно поразило меня въ писателѣ, который, повидимому, такъ много занимается этими темами“ („Дневн. Писат.“ 245 стр.). Достоевскій собирался возразить, но возразить какъ-то не пришлось, а вопросъ о возможности сочетанія социализма съ иными религіозно-философскими воззрѣніями остался открытымъ... Впрочемъ минутами онъ и самъ склоненъ былъ видѣть эти сочетанія съ иными, неатеистическими элементами. Въ іюнѣскомъ № „Дневника Писателя“ по поводу смерти Жоржъ-Сандъ, поминая искренно любимую имъ писательницу хорошимъ словомъ, Достоевскій писалъ: „Она основывала свой социализмъ, свои убѣжденія, надежды и идеалы на нрав-

пунктъ, гдѣ челоѣкобогъ соціализма сталкивается съ Богочелоѣкомъ христіанства.

Протестъ противъ этическихъ и религіозныхъ основъ соціализма проходитъ красною нитью сквозь всѣ произведенія Достоевскаго начиная съ «Записокъ изъ подполья». Слѣдуетъ замѣтить, что онъ влагается авторомъ въ уста очень различныхъ по своему характеру и убѣжденіямъ дѣйствующихъ лицъ.

Въ «Преступленіи и наказаніи» Раскольниковъ говоритъ о соціалистахъ. «Трудолюбивый народъ и торговый; «общимъ счастіемъ занимаются *). Нѣтъ, мнѣ жизнь однажды дается и никогда ея больше не будетъ: я не хочу дожидаться «всеобщаго счастья». Я и самъ хочу жить, а то лучше уже и не жить. Что-жъ? Я только не хотѣлъ проходить мимо голодной матери, зажимая въ рукѣ свой рубль, въ ожиданіи «всеобщаго счастья». «Несу, дескать, кирпичикъ на всеобщее счастье и ощущаю спокойствіе сердца». Ха-ха! Что же вы меня-то пропустили. Я вѣдь всего однажды живу, я вѣдь тоже хочу» **)...

Въ «Идіотъ» нѣкій Лебедевъ, который «въ толкованіи Апокалипсиса силенъ и толкуетъ его пятнадцатый годъ», не безъ сочувствія автора разсуждаетъ о замутненіи «источниковъ жизни» направленіемъ современной цивилизаціи съ ея техническимъ прогрессомъ, стремленіемъ къ «всеобщему счастью» и развитіемъ желѣзныхъ дорогъ... Собственно однѣ желѣзныя дороги не замутятъ источниковъ жизни, а все это въ цѣломъ-съ проклято, все это настроеніе нашихъ послѣднихъ вѣковъ, въ его общемъ цѣломъ, научномъ и практическомъ, можетъ быть, и дѣйствительно проклято-съ» ***). Источники жизни ослабѣли не съ усиленіемъ желѣзныхъ дорогъ, какъ легкомысленно хотятъ понимать Лебедева его слушатели, а «всего того направленія, которому желѣзныя дороги могутъ послужить, такъ сказать, картиной, выраженіемъ художественнымъ. Спѣшать, гремятъ, стучать и торопятся для счастья, говорятъ, челоѣчества! «Слишкомъ шумно и промышленно становится въ челоѣчествѣ, мало спокойствія духовнаго», жалуется одинъ удалившійся мыслитель. «Пусть, но стукъ телегъ, подвозящихъ хлѣбъ голодному челоѣчеству, можетъ быть, лучше спокойствія духовнаго», отвѣчаетъ ему побѣдительно другой, разѣзжающій повсемѣстно мыслитель, и уходитъ отъ него съ тщеславіемъ. Не вѣрю я, гнусный Лебедевъ, телегамъ, подвозящимъ хлѣбъ челоѣчеству! Ибо телеги и

ственномъ чувствѣ челоѣка“ (378 стр.). Она вѣрила въ личность челоѣческую безусловно (даже до безсмертія ея)... и тѣмъ самымъ совпадала и мыслью и чувствомъ своимъ съ одною изъ самыхъ основныхъ идей христіанства, т.-е. съ признаніемъ челоѣческой личности и свободы ея (а, стало быть, и ея отвѣтственности)” (стр. 379).

*) Курсивъ мой.

**) „Преступленіе и наказаніе“, т. III, стр. 150.

***) „Идіотъ“, т. III, стр. 222.

подвозящія хлѣбъ всему человѣчеству, *безъ нравственнаго основанія поступку* *), могутъ прехладнокровно исключить изъ наслажденія подвозимымъ значительную часть человѣчества, что уже и было **). Въ экспансивныхъ рѣчахъ Лебедева, любителя Апокалипсиса, «телѣги, подвозящія хлѣбъ человѣчеству», очевидно, символизируютъ «всеобщее счастье» и «всеобщее благоденствіе» въ «соціалистическомъ Іерусалимѣ», или въ буржуазной гармоніи лицемѣрно выставляющей тоже знамя «всеобщаго благоденствія». Веселая, подвыпившая ватага слушателей не схватываетъ въ безсвязныхъ разглагольствованіяхъ Лебедева основной мысли автора, которую Достоевскій, несомнѣнно, вложилъ въ нихъ. «Я васъ всѣхъ вызываю теперь, всѣхъ атеистовъ: чѣмъ вы спасаете міръ и нормальную дорогу ему въ чемъ отыскиали,—вы, люди науки, промышленности, ассоціацій, платы заработной и прочаго? Чѣмъ? Кредитомъ? Къ чему приведетъ вашъ кредитъ?

— Да хоть къ всеобщей солидарности и равновѣсію интересовъ приведетъ,—замѣтилъ Птицынъ.

— И только, и только! Не принимая никакого нравственнаго основанія, кромѣ удовлетворенія личнаго эгоизма и матерьяльной необходимости? Всеобщій міръ, *всеобщее счастье—изъ необходимости!*...» ***).

Начало атеистическаго эвдемонизма, мораль самодовлѣющаго человѣка, человѣкобога и его земного царства всеобщаго счастья, не удовлетворяетъ Достоевскаго. «Всеобщій міръ и всеобщее счастье—изъ необходимости» не гарантируетъ неприкосновенности человѣческой личности, этой высшей святости Достоевскаго. Апологія «человѣческаго я, безусловнаго въ возможности», вынуждаетъ его привести моральныя начала въ близкую связь съ религіей, вѣра въ человѣка все тѣснѣе и тѣснѣе соединяется съ вѣрой въ Бога. Прочное основаніе своей вѣры въ человѣка онъ все настойчивѣе и рѣшительнѣе ищетъ въ Богѣ и безсмертіи. Человѣчеству нельзя оставаться одному, безъ Бога оно безсильно укрѣпить свое нравственное значеніе, беспомощно передъ карамазовскимъ вопросомъ о неотмщенномъ индивидуальномъ страданіи, о страданіи невинныхъ дѣтей.

«Я не могъ представить себѣ временами,—говоритъ Версильовъ въ «Подросткѣ»,—какъ будетъ жить человѣкъ безъ Бога и возможно ли это когда-нибудь. Сердце—мое рѣшало всегда, что невозможно; но нѣкоторый періодъ, пожалуй, возможенъ»...

«Я представляю себѣ, мой милый,—продолжаетъ онъ исповѣдываться Подростку,—что бой уже кончился и борьба улеглась. Послѣ проклятій, комьевъ грязи и свистковъ, настало затишье, и люди остались *одни*, какъ желали: великая прежняя идея оставила ихъ; великій

*) Курсивъ мой.

**) „Идіотъ“, т. III стр. 223.

***) Тамъ же 222 стр. Курсивъ мой.

источникъ силъ, до сихъ поръ питавшій и грѣвшій ихъ, отходилъ, какъ то величавое зовущее солнце въ картинѣ Клода Лоррена, но это былъ уже какъ бы послѣдній день человѣчества. И люди вдругъ поняли, что они остались совсѣмъ одни, и разомъ почувствовали великое сиротство. Милый мой мальчикъ, я никогда не могъ вообразить себѣ людей неблагодарными и оглутившими. Осиротѣвшіе люди тотчасъ же стали бы прижиматься другъ къ другу тѣснѣе и любовнѣе; они потомъ схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляютъ все другъ для друга. Исчезла бы великая идея безсмертія, и приходилось бы замѣнить ее; и весь великій избытокъ прежней любви къ *Тому, который и былъ Безсмертіе*, обратился бы у всѣхъ на природу, на міръ, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и въ той мѣрѣ, въ какой постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность, и уже особенно, уже не прежнею любовью *). Они стали бы замѣчать и открыли бы въ природѣ такія явленія и тайны, какихъ не предполагали прежде, ибо смотрѣли бы на природу новыми глазами, взглядомъ любовника на возлюбленную. Они просыпались бы и спѣшили бы цаловать другъ друга, торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это—все, что у нихъ остается. Они работали бы другъ на друга, и каждый отдавалъ бы всѣмъ все свое состояніе и тѣмъ однимъ былъ бы счастливъ. Каждый ребенокъ зналъ бы и чувствовалъ, что всякій на землѣ—ему какъ отецъ и мать. «Пусть—завтра послѣдній день мой, думалъ бы каждый, смотря на заходящее солнце; но все равно, я умру, но останутся всѣ они, а послѣ нихъ дѣти ихъ»—и эта мысль, что они останутся, все такъ же любя и трепеща другъ за друга, замѣнила бы мысль о загробной встрѣчѣ. О, они торопились бы любить, чтобы затушить великую грусть въ своихъ сердцахъ. Они были бы горды и смѣлы за себя, но сдѣлались бы робкими другъ за друга; каждый трепеталъ бы за жизнь и за счастье каждаго. Они стали бы нѣжны другъ къ другу и не стыдились бы того, какъ теперь, и ласкали бы другъ друга, какъ дѣти. Встрѣчаясь, смотрѣли бы другъ на друга глубокимъ и осмысленнымъ взглядомъ, и во взглядахъ ихъ была бы любовь и грусть... Все это фантазія, даже самая невѣроятная; но я слишкомъ ужъ часто представлялъ ее себѣ, потому что всю жизнь мою не могъ жить безъ этого и не думать объ этомъ. Я не про вѣру мою говорю: вѣра моя велика, я—деистъ, философскій деистъ, какъ вся

*) Здѣсь „переходимость и конечность“, вытѣснившія вѣчность безсмертія приводятъ уже не къ безнравственности, доходящей до антропофагіи, даже не къ самоубійству, какъ утверждаетъ это почти повсюду Достоевскій, а напротивъ, къ любви и добродѣтельной жизни. Не самоубійствомъ кончается здѣсь потеря вѣры въ безсмертіе, а жизнью для будущихъ поколѣній... Это одна изъ многихъ непослѣдовательностей Достоевскаго. Даже самая излюбленная идея не всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ развиваются имъ...

наша тысяча, такъ я полагаю, но... но замѣчательно, что я всегда кончалъ картинку мою видѣніемъ, какъ у Гейне, «Христа на Балтійскомъ морѣ». Я не могъ обойтись безъ Него, не могъ не вообразить Его, наконецъ, посреди осиротѣвшихъ людей. Онъ приходилъ къ нимъ, простиралъ къ нимъ руки и говорилъ: «Какъ могли вы забыть Его?» И тутъ какъ бы пелена упала съ глазъ всѣхъ и раздавался бы великій восторженный гимнъ новаго и послѣдняго воскресенія *)...

То же недовѣрчивое, чисто желчное, обиженное отношеніе къ «всеобщему счастью», недовѣріе къ «тебѣгамъ, подвозящимъ хлѣбъ человѣчеству», та же мысль о невозможности для человѣка остаться безъ Бога слышится повсюду въ «Дневникѣ Писателя» **).

Идея человѣкобога, или, вѣрнѣе, только идеалъ всеобщаго благоденствія здѣсь на землѣ объединяетъ, какъ думалъ Достоевскій, атеистическій социализмъ съ католицизмомъ, мечтающимъ о царствѣ міра сего. И социализмъ и католицизмъ одинаково пекутся только о земномъ, одинаково забываютъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ. И тотъ и другой, по самому существу своему, атеистичны. Идеалъ ихъ, какимъ бы широкимъ ни казался онъ со всякихъ другихъ точекъ зрѣнія, въ виду «пресвѣтлаго лика Богочеловѣка, его нравственной недостижимости, его чудесной и чудотворной красоты», только «соціальный муравейникъ», царство всеобщей прямой и равной сытости.

Пусть сытость эта такъ широка и всеобъемлюща, что обнимаетъ собой не только удовлетвореніе матеріальныхъ благъ, но и духовныхъ во всемъ ихъ разнообразіи, утонченности и очаровательномъ великолѣпіи, пусть она есть торжество всесторонне развитой, самодовлѣющей личности (отъ чего идея католицизма, конечно, слишкомъ далека, социализмъ же въ лучшихъ его проявленіяхъ именно къ этому-то и стремится), во всякомъ случаѣ всеобщая сытость не можетъ себѣ добыть самодовлѣющей моральной санкціи у Достоевскаго, передъ карамазовскимъ вопросомъ она все-таки бессильна. Если Достоевскій отвергъ высшую гармонію свободнаго царства человѣкобога, указывая на слезы «одного только замученнаго ребенка» то еще болѣе, конечно, долженъ онъ былъ отвергнуть всеобщее блаженство, уготовляемое католицизмомъ подъ деспотическимъ авторитетомъ атеиста-іезуита.

Сближеніе католицизма съ социализмомъ и атеизмомъ проходить

*) Т. IV, „Подростокъ“, стр. 272.

**) Надо, впрочемъ, оговориться, что Достоевскій далеко не всегда является послѣдовательнымъ противникомъ эвдемонистическаго идеала всеобщаго благоденствія и довольства. Онъ самъ не былъ совершенно свободенъ отъ власти этого идеала. Нѣкоторые его собственныя идеальныя грезы окрашены въ ярко эвдемонистическій цвѣтъ. Таковъ, напримѣръ, „Сонъ смѣшного человѣка“, помѣщенный въ „Дневникѣ писателя“ 1877 г. за октябрь (особенно IV глава), хотя въ другихъ мѣстахъ онъ настойчиво подчеркиваетъ, что „счастье не въ счастья, а въ его достиженіи“ („Дневн. Писателя“, стр. 282).

черезъ весь «Дневникъ Писателя», начиная съ первыхъ его страницъ. Эту свою излюбленную идею, какъ и вообще всѣ свои основныя мысли и художественные образы, Достоевскій постоянно повторяетъ на всемъ протяженіи своей литературной работы второго періода, и въ романахъ, и въ «Дневникѣ Писателя». Слѣдуетъ отмѣтить, что его своеобразное пониманіе идеи католицизма стремится не столько уяснить дѣйствительное значеніе историческаго католицизма, сколько, главнымъ образомъ, истолковать, его, какъ отвлеченный философскій типъ, какъ формулу опредѣленнаго міросозерцанія, какъ нѣкоторую моральную систему. Католицизмъ представляется Достоевскому, также какъ социализмъ и атеизмъ, какъ попытка «устроиться внѣ Бога и внѣ Христа». Лучшимъ выраженіемъ этой идеи является поэма о великомъ Инквизиторѣ. И великій инквизиторъ, конечно, тоже не представитель историческаго католичества, онъ идеальный его представитель, отвлеченно-философскій типъ его, художественная абстракція; «одна фантазія» — какъ говорить Алеша.

Старикомъ инквизиторомъ въ его поведеніи руководитъ не «одно только желаніе власти для однихъ только матеріальныхъ, скверныхъ благъ», даже совѣтъ не оно. Это искренній «страдалецъ, мучимый великою скорбью и любящій человѣчество». Онъ «самъ ѣлъ корни въ пустынѣ, и бѣсновался, побѣждая плоть свою, чтобы сдѣлать себя свободнымъ и совершеннымъ» *). «Но онъ всю жизнь свою любилъ человѣчество и вдругъ прозрѣлъ и увидѣлъ, что невелико нравственное блаженство достигнуть совершенства воли съ тѣмъ, чтобы въ то же время убѣдиться, что милліоны остальныхъ существъ Божіихъ остались устроенными лишь въ насмѣшку, что никогда не въ силахъ будутъ они справиться съ своей свободой, что изъ жалкихъ бунтовщиковъ никогда не выйдетъ великановъ для завершенія башни» *)... Такимъ образомъ инквизиторъ этотъ въ нѣкоторомъ родѣ, дѣйствительно, великій, онъ не лишенъ ни гуманности, ни идеализма, ни глубокомыслія, его затѣя — достойное выраженіе не только уже католической идеи земного блаженства, но и нѣкоторыхъ сторонниковъ идеи «всеобщаго счастья», будущей гармоніи, грубо формулирующихъ свой идеалъ всеобщаго счастья въ нѣкоторомъ пренебреженіи къ живой человѣческой личности. Лучшіе же представители эвдемонистической теоріи прогресса не согласятся на деспотически-благожелательное иго гуманнаго идеализма инквизитора, но только не ради Богочеловѣка, а ради человѣкобога... Поэтому великій инквизиторъ не является выразителемъ идеи человѣкобога, а только морали всеобщаго счастья. Въ немъ Достоевскій нападаетъ на своего врага не во всѣхъ его крѣпостяхъ, и даже не въ самыхъ главныхъ. Атеизмъ человѣкобога сильнѣе атеизма эвдемонистической морали счастья. Въ инквизиторѣ Достоевскій не достигъ «такой силы атеистическихъ выраже-

*) Т. VI 179 стр.

ній», которую впоследствии оказалъ въ Европѣ Ницше своей аморальной и атеистической системой сверхчеловѣка. Но мотивы морали всеобщаго благоденствія поэма о великомъ инквизиторѣ все же задѣваетъ глубоко.

Считая человѣчество безсильнымъ, оставаясь наединѣ съ собой, выдержать свободу своей совѣсти и создать царство моральной неприкосновенности личности, считая его неспособнымъ строить вавилонскую башню человѣкобога, и въ то же время не вѣруя и въ Бога-Христа, къ творческой мощи котораго можно было бы прибѣгнуть въ апологін нравственного достоинства человѣка, великій инквизиторъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, благоденствія и счастья человѣка и добываетъ его жалостливой деспотіей, уничтожающей въ людяхъ свободу ихъ личности и ихъ индивидуальности.

Представители идеи человѣкобога также возстанутъ противъ идеи великаго инквизитора, но не во имя Христа, а во имя поправленной личности и свободного человѣческаго достоинства. Самъ Достоевскій въ лицѣ Алеши отвергаетъ исправленный инквизиторомъ подвигъ Христа, отвергаетъ во имя истиннаго Христа. Ахиллеса пята деспотическаго гуманизма инквизитора съ точки зрѣнія Достоевскаго не только поправленіе личности въ человѣкѣ. Ахиллеса пята человѣколюбія старика-инквизитора въ атеизмъ его, въ его антихристіанствѣ, которыя онъ тоже раздѣляетъ со всѣми, даже самыми высшими адептами земного царства человѣка.

Великій инквизиторъ отвергъ Христа, но не имя его; его именемъ умный старикъ создалъ счастливое царство земного блаженства. Считая людей бунтовщиками, онъ вытравилъ въ нихъ всякое личное самоопредѣленіе, сдѣлалъ ихъ рабами собственнаго благополучія. Онъ творилъ все это именемъ Христа, который мечталъ создать свое царство Божіе, царство не отъ міра сего, свободными людьми, добровольно приходящими къ нему. Защищая свое дѣло, инквизиторъ говоритъ Христу: «Суди насъ, если можешь. Знай, что я не боюсь Тебя. Знай, что и я былъ въ пустынѣ, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлялъ свободу, которую Ты благословилъ людей, и я готовился встать въ число избранниковъ Твоихъ, въ число могучихъ и сильныхъ съ жаждою «восполнить число». Но я очнулся и не захотѣлъ служить безумію. Я воротился и примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые *исправили подвигъ Твой* *). Я ушелъ отъ гордыхъ и воротился къ смиреннымъ для счастья этихъ смиренныхъ. То, что я говорилъ Тебѣ сбудется и царство наше соиздается» **).

Убѣжденные апологеты личности,—именно личности, а не благоденствія ея и спокойствія,—съ негодованіемъ отвергнутъ идеалы великаго инквизитора. Они сказали бы ему, пусть лучше человѣкъ оста-

*) Курсивъ Достоевскаго.

**) Т. VI, стр. 178—179.

нется бунтовщикомъ и несчастнымъ въ своемъ бунтѣ, но на свободѣ личнаго самоопредѣленія, въ полномъ и безконтрольномъ обладаніи свободой своей совѣсти, этимъ высшимъ своимъ сокровищемъ, печатью челоуѣкобога. Они лучше предпочтутъ остаться съ личностью, нежели съ счастьемъ ея и благоденствіемъ... и счастье отдадутъ за свободу личности... Достоевскій же въ отвѣтъ и великому инквизитору, и этимъ апологетамъ личности указалъ бы на «пресвѣтлый ликъ Богочелоуѣка», на Христа. На него онъ указываетъ устами Алеши въ отвѣтъ на карамазовскій запросъ объ индивидуальности страданій, о мученіяхъ невинныхъ дѣтокъ... «Есть въ мірѣ существо, которое могло бы и имѣло бы право простить... Оно можетъ все простить, всѣхъ и вся *и за все* *), потому что Само отдало невинную кровь свою за всѣхъ и за все. Это Единный безгрѣшный и Его кровь!..» Онъ отвѣчаетъ на слово и дѣло инквизитора поцѣлуемъ любви и всепрощенія. Достоевскій предпочелъ бы остаться съ нимъ, а не съ всеобщимъ счастьемъ, не съ самодовлѣющей въ безбожіи своемъ личностью, не съ какой-либо другой «истиной», потому что теперь уже для страстно ищущаго религіозной святости Достоевскаго нѣтъ ничего выше Его... Здѣсь въ своемъ подчиненіи нравственности религіи, Достоевскій ушелъ уже такъ далеко, что готовъ, пожалуй, поступиться самой челоуѣческой личностью для Божественнаго начала. Онъ готовъ уже принести челоуѣческую жертву, какъ Авраамъ принесъ въ жертву Богу сына своего Исаака, если бы жертва эта отъ него потребовалась. Страстно ища вѣры въ Бога для вѣры въ челоуѣка, религіи, какъ прочной опоры нравственной цѣнности челоуѣческой личности, Достоевскій теперь уже подчиняетъ эту нравственную цѣнность вѣрѣ въ Бога, религіозное начало получаетъ теперь у него совершенно самостоятельное значеніе и самостоятельный интересъ.

«Не вы ли говорили мнѣ,—говорить Шатовъ Ставрогину въ «Бѣсахъ»,—что если бы математически доказали вамъ, что истина внѣ Христа, то вы согласились бы лучше остаться съ Христомъ, нежели съ истиной?» **). Не ради челоуѣческаго счастья, не ради блаженства «послѣднихъ людей» въ «соціалистическомъ муравейникѣ», ни даже ради самой личности, свободы ея совѣсти, въ челоуѣкобогѣ, сверхчелоуѣкѣ или «послѣднихъ людяхъ»—все равно—Достоевскій не согласится «исправить подвигъ Его», онъ не отдастъ своего Христа ни за тридцать серебрянниковъ «всеобщаго благоденствія», ни за какую другую цѣну, онъ не вѣритъ въ возможность «устроиться внѣ Бога и внѣ Христа», хотя бы эти попытки и поддѣлки совершались во имя Его, какъ созиданіе земного блаженства смиренныхъ у челоуѣколюбиваго деспота-инквизитора.

Въ «Дневникѣ Писателя» за мартъ 1876 года мы встрѣчаемъ какъ

*) Курсивъ Достоевскаго.

**) „Бѣсы“, т. II, стр. 135.

разъ тѣ мысли, изъ которыхъ впоследствии сложилась поэма «Великій Инквизиторъ». Въ главѣ V-ой, «Сила мертвая и грядущая», Достоевскій пишетъ о католичествѣ: «Разъ, когда надо было, оно, не задумавшись, продало Христа за земное владѣніе, провозгласивъ, какъ догматъ, «что христіанство на землѣ удержаться не можетъ безъ земного владѣнія папы», оно тѣмъ самымъ провозгласило Христа новаго, на прежняго не похожаго, прельстившагося на третье дьяволово искушеніе, на царства земныя: «Все сіе отдамъ тебѣ, поклонися мнѣ» *)».

Свои мысли о глубокомъ идейномъ родствѣ католицизма съ социализмомъ въ атеизмѣ Достоевскій особенно часто повторяетъ и развиваетъ въ «Дневникѣ» 1877 года **). Иногда онъ говоритъ въ тонѣ прямо пророческомъ. Въ ноябрьскомъ номерѣ «Дневника» за 77 годъ, въ главѣ, озаглавленной «Надо ловить моментъ», онъ пишетъ: «Католичество потеряетъ свой мечъ и въ первый разъ обратится къ народу, котораго оно презирало столько вѣковъ, заискивая у королей и императоровъ земныхъ. Но теперь оно обратится къ народу, ибо некуда идти ему больше, обратится именно къ предводителямъ наиболѣе подвижнаго и подымчиваго элемента въ народѣ, социалистамъ. Народу оно скажетъ, что все, что проповѣдуютъ имъ социалисты, проповѣдывалъ и Христосъ. Оно исказитъ и продастъ имъ Христа еще разъ, какъ продавало прежде столько разъ за земное владѣніе, отстаивая права инквизиціи, мучившей людей за свободу совѣсти во имя любящаго Христа,—Христа, дорожащаго лишь свободно пришедшимъ ученикомъ, а не купленнымъ или напуганнымъ. Оно продавало Христа, благословляя іезуитовъ и одобряя праведность «всякаго средства для Христова дѣла». Все Христово же дѣло оно искони обратило лишь въ заботу о земномъ владѣніи своемъ и будущемъ государственномъ обладаніи всѣмъ міромъ» ***).

Какъ въ католицизмѣ, такъ и въ социализмѣ Достоевскій усматриваетъ религіозную безпочвенность, голую идею земного блаженства, беспомощную попытку «создать нѣчто въ родѣ человѣческаго безшибочнаго муравейника», «не имѣя инстинкта муравья». На этой попыткѣ «устроиться внѣ Бога и внѣ Христа» «идея Рима» встрѣчается съ «женевскими идеями» социализма.

«Женевскія идеи, — говоритъ Версиловъ въ «Подросткѣ», — это добродѣтель безъ Христа, теперешнія идеи, или, лучше сказать, идеи всей теперешней цивилизаціи». Во всемъ этомъ, какъ вообще во всемъ прогрессѣ человѣчества, основанномъ только на культѣ довольства и блага, хотя бы самаго утонченнаго и совершеннаго включительно до наукъ, искусствъ, философіи и проч., лежитъ, какъ бы печать, если не антихриста, то антихристіанства и безбожія». «Все это въ цѣломъ проклято, — говоритъ Лебедевъ, въ «Идіотѣ», — все это настроеніе на-

*) Т. V. „Дневникъ Писателя“, стр. 320, см. также стр. 282 и др.

**) См. январь 1877 года, т. V, стр. 540. А также май—іюнь, стр. 621.

*** „Дневникъ Писателя“, стр. 730.

шихъ послѣднихъ вѣковъ, въ его общемъ цѣломъ, научномъ и практическомъ, можетъ быть, и дѣйствительно проклято» *). Нѣтъ во всемъ этомъ той «связующей, направляющей сердце и оплодотворяющей источники жизни мысли», о которой скорбитъ толкователь апокалипсиса Лебедевъ. Нужна идея, которая объединяла бы человѣчество не только извнѣ, какъ идеи «римскія» или «женевскія», не только на почвѣ «чуда, тайны и авторитета», какъ хотѣлъ того Великій инквизиторъ, не только на почвѣ всеобщаго благоденствія, «устроеннаго виѣ Бога и виѣ Христа», но родила изнутри бы какии-нибудь религиознымъ, нравственнымъ началомъ. Искыли «источники жизни» и чтобы обновить ихъ, чтобы наполнить «водою живою», прежде всего необходимы прочныя нравственныя основанія, необходима прежде всего нравственность. Но вотъ какіе вопросы являются здѣсь для пониманія Достоевскаго опредѣляющими.

Возможна ли вообще нравственность при атеизмѣ, возможна ли «добродѣтель безъ Бога», существуетъ ли добродѣтель, если нѣтъ безсмертія? Мыслима ли истинная нравственность тамъ, гдѣ высшая гармонія покупается безчисленными страданіями, «которыми вся земля пропитана отъ коры до центра», страданіями невинныхъ младенцевъ, гдѣ безконечно растущая цѣна прогресса окупаетъ только земное царство абстрактныхъ «послѣднихъ людей», гдѣ «соціалистическій муравейникъ» создается въ родовыхъ мукахъ, на костяхъ мученичества и мучительства, гдѣ Вавилонская башня челоѣкобога воздвигается на кровавомъ алтарѣ челоѣческихъ жертвъ?.. Возможна ли настоящая гармонія безъ торжества каждой челоѣческой личности, возможно ли это торжество безъ безсмертія души, возможно ли безсмертіе безъ Христа и его Воскресенія, возможно ли это воскресеніе Христово безъ мощнаго Бога-творца, возможна ли идея челоѣчества безъ Богочелоѣчества? Вотъ какими вопросами болѣлъ и мучился Достоевскій, вступивъ на путь религиознаго разрѣшенія нравственной проблемы.

На всѣ эти вопросы Достоевскій, въ концѣ концовъ, отвѣчаетъ отрицательно.

Богъ и личное безсмертіе души заключали для него послѣднее рѣшеніе карамазовскаго вопроса. Идея личнаго безсмертія была самымъ основнымъ религиознымъ догматомъ Достоевскаго, тѣмъ спорнымъ пунктомъ его вѣры въ челоѣка, къ которому сводилось рѣшеніе всѣхъ мучившихъ его вопросовъ, на ней держалось для него все. «Высшая идея на землѣ *лишь одна* *) и именно идея о безсмертіи души челоѣческой, ибо всѣ остальные «вышія» идеи жизни, которыми можетъ быть живъ челоѣкъ, *лишь изъ нея одной вытекаютъ* **). И вѣра въ Бога нужна Достоевскому прежде всего для вѣры въ без-

*) Т. III. „Идіотъ“, стр. 222.

**) Курсивъ Достоевскаго.

***) V т. „Дневникъ писателя“, стр. 498.

смертіе души. Для тоскующаго по вѣрѣ въ Бога Версилова—*Богъ и есть безсмертіе* *). Религіозная вѣра въ Бога болѣе ищущая, тревожная, чѣмъ успокоенная и просвѣтленная вытекаетъ у Достоевскаго изъ мучительной жажды найти нравственную санкцію акту принятія міра, которая, по его глубокому убѣжденію, невозможна безъ признанія безсмертія. Необходимо «такое существо, которое могло бы и имѣло бы право простить все, всѣхъ и вся и за все», это «просвѣтленный ликъ Богочеловѣка». Необходимо Христово воскресеніе и его Божественное всепрощеніе, прощеніе всего того, что съ точки зрѣнія «добродѣтели безъ Христа»—непростимо. «Если Христосъ не воскресъ, суетна наша вѣра». Только допущеніе Бога, возлюбившаго человѣка и Сына своего возлюбленнаго пославшаго пострадать за него и тѣмъ утвердившаго божественную цѣнность его человѣческой личности, дѣлаетъ возможнымъ нравственную неприкосновенность личности. Невозможное для человѣка, возможно для Бога; то что не можетъ быть искуплено въ земномъ царствѣ человѣкобога, то искупится въ небесномъ царствѣ Богочеловѣка, то, что не разрѣшится въ мірѣ смертнаго, то объявится въ безсмертномъ, ибо тамъ «не убо явился что будетъ». То, что жестоко и бессмысленно ради человѣкобога, даже сверхчеловѣка, то пріобрѣтаетъ особый смыслъ во Христѣ-Богочеловѣкѣ. Если же нѣтъ вѣры въ Бога и безсмертіе, если нравственность отдѣлена отъ религіи, если на мѣсто «пресвѣтлаго лика Богочеловѣка, его нравственной недостижимости, его чудесной и чудотворной красоты» поставленъ гордый собой человѣкобогъ съ его самодовлѣющей добродѣтелью внѣ Христа и безъ вѣры въ безсмертіе, съ его слишкомъ человѣческой и слишкомъ естественной красотой, то тогда лучше и искреннѣе совсѣмъ не искать нравственнаго смысла жизни, а просто жить въ силу того, что хочется нутромъ и чревомъ хочется жить, прежде логики... Есть такая сила, которая властно приковываетъ къ жизни, несмотря на бессмысленность этой жизни,—это какъ называетъ ее Иванъ—«сила низости Карамазовской». «Какъ припалъ къ кубку, такъ и не оторвусь отъ него пока его весь не осилю». Такъ живетъ Феодоръ Павловичъ Карамазовъ, который, по мѣткому выраженію Ивана,—дѣйствительно «сталъ на сладоустрасіи своемъ, будто на камнѣ». На пути этого второго исхода стояли очень многія дѣйствующія лица произведеній Достоевскаго, они принимаютъ міръ, прежде чѣмъ нравственный смыслъ его, и даже безъ всякаго смысла, живутъ безъ высшей идеи; страшная сила, которая удерживаетъ ихъ въ жизни,—«сила низости карамазовской». Или мораль, основанная на религіозной вѣрѣ въ «Того, который и есть безсмертіе», или уже полная безнравственность, приводящая въ концѣ концовъ къ самоубійству: средняго пути нѣтъ. «Самоубійство при потери идеи о безсмертіи становится совершенною и

*) IV т. „Подростокъ“, стр. 271.

неизбѣжною даже необходимостью для всякаго человѣка, чуть чуть поднявшагося въ своемъ развитіи надъ скотами» *¹). «Нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія души», «нѣтъ добродѣтели безъ Бога». Въ подтвержденіе этихъ идей въ октябрьскомъ номерѣ «Дневника писателя» 1876 года Достоевскій написалъ «Приговоръ», предсмертную исповѣдь потерявшаго нравственный смыслъ жизни атеиста, самоубійцы «отъ скуки». *²) Этотъ «документъ» какъ бы прообразъ Ивана Карамазова, позднѣе въ переработанномъ видѣ онъ послужилъ матеріаломъ для воспроизведенія психологіи Ивана. Тѣ же черты много ранѣе можно найти въ образѣ Ипполита въ «Идіотѣ», въ Раскольниковѣ, отчасти въ «Бѣсахъ» и «Подросткѣ».

Разъясняя въ декабрьскомъ номерѣ «Дневника» смыслъ «Приговора» и увлекшись своей постановкой вопроса, Достоевскій, какъ часто съ нимъ бывало, доводитъ свою мысль до крайней, до очевидности гиперболической точки. Атеистъ-самоубійца сознаетъ, что «по животному жить отвратительно, ненормально и недостаточно для человѣка». Но «что же можетъ въ такомъ случаѣ удержать его на землѣ?» Въ Бога и безсмертіе онъ не вѣритъ, а вѣѣ этой вѣѣ нѣтъ нравственныхъ началъ для жизни. Остается «сила низости Карамазовской», животный страхъ смерти или животная жажда жизни, а если и это не держитъ—самоубійство неизбѣжно. «Неотразимое убѣжденіе въ томъ, что жизнь человѣчества, въ сущности, такой же мигъ, какъ и его собственная, и что на завтра же, по достиженіи «гармоніи» (если только вѣѣ, что мечтаэ та достижима) человѣчество обратится въ тотъ же нуль *³), какъ и онъ, силою косныхъ законовъ природы, да еще послѣ столькихъ страданій, вынесенныхъ въ достиженіи этой мечты,—эта мысль возмущаетъ его духъ окончательно, именно изъ-за любви къ человечеству возмущаетъ *⁴), оскорбляетъ его за все человѣчество, и по «закону отраженія идей убиваетъ въ немъ даже самую любовь къ человечеству» *⁵). Достоевскій утверждаетъ здѣсь, что, какъ онъ самъ замѣчаетъ, «пока бездоказательно», «любовь къ человечеству—даже совѣсть немислима, непонятна и совѣсть невозможна безъ совѣстной вѣѣ въ безсмертіе души человеческой *⁶). Далѣе, подчеркивая отсутствіе промежуточныхъ путей между религіозной вѣѣй и безнравственностью, Достоевскій прибавляетъ: «я даже утверждаю и осмѣливаюсь высказать, что любовь къ человечеству вообще *⁷) есть, какъ идея *⁸), одна изъ самыхъ непостижимыхъ идей, для человѣческаго ума. Именно

*¹) V т. „Дневникъ писателя“, декабрь, 499.

*²) Тамъ же, октябрь, стр. 456—457.

*³) Курсивъ Достоевскаго.

*⁴) Курсивъ мой.

*⁵) Тамъ же, стр. 498.

*⁶) Курсивъ Достоевскаго.

*⁷) Курсивъ Достоевскаго.

*⁸) Курсивъ Достоевскаго. Тамъ же, стр. 499.

какъ идея. Ее можно оправдать лишь какъ чувство. Но чувство это возможно именно лишь при совмѣстномъ убѣжденіи въ безсмертіи души человѣческой (и опять голословно)» *).

Такъ это утвержденіе и осталось у Достоевскаго совсѣмъ «бездоказательнымъ» и «голословнымъ», хотя и раньше, и послѣ этого **) очень часто встрѣчается въ его произведеніяхъ. Оговорки же, что любовь къ человѣчеству, «какъ идея», недопустима безъ безсмертія указываетъ, по крайней мѣрѣ, что онъ не самый фактъ любви и чело-вѣчности у атеиста отрицаетъ, а только считаетъ его нелогичнымъ.

Въ той же главѣ «Голословныя утвержденія», въ которой разъясняются мотивы «Приговора», Достоевскій дѣлаетъ заключеніе, бросающее нѣкоторый свѣтъ на тѣ разумныя основанія, по которымъ онъ принималъ свою вѣру въ безсмертіе. «Безъ убѣжденія въ своемъ безсмертіи, связи чело-вѣка съ землею порываются, становятся тоньше, гни-лѣе, а потеря высшаго смысла жизни (ощущаемой хотя бы лишь въ видѣ безсознательной тоски), несомнѣнно ведетъ за собой самоубійство. Отсюда обратно и нравоученіе моей октябрьской статьи: *«Если убѣжденіе въ безсмертіи такъ необходимо для бытія чело-вѣческаго, то, стало быть оно есть ***)* нормальное состояніе чело-вѣчества, а коли такъ, то и самое безсмертіе души чело-вѣческой *существуетъ несомнѣнное ****)*. Разумное основаніе, указанное здѣсь Достоевскимъ, для допущенія безсмертія всецѣло коренится въ нашемъ нравственномъ сознаніи, въ моральной необходимости этого допущенія. Здѣсь Достоевскій, какъ и во многихъ другихъ своихъ выводахъ, очень близко и скорѣе всего совершенно безсознательно сходится съ Кантомъ. Для Канта догматъ безсмертія души неразрывно соединенъ съ моральнымъ закономъ; онъ разсматривается у Канта, какъ постулатъ чистаго практическаго разума. Для Достоевскаго безсмертіе тоже постулатъ практическаго разума, вытекающій изъ моральныхъ требованій. Только этотъ отвлеченный и безкровный тезисъ кантовой философіи у Достоевскаго облеченъ въ плоть и кровь сочной художественной мысли...

Въ догматѣ безсмертія души, въ идеѣ вѣчности Достоевскій находилъ нѣчто въ высшей степени успокоительное для себя, окончательное разрѣшеніе мучившихъ его нравственныхъ вопросовъ. Личное безсмертіе обезпечиваетъ полное торжество личности, всякая чело-вѣческая личность, когда-либо оскорбленная и униженная, найдетъ здѣсь для себя удовлетвореніе. Правда, обида и поруганіе личности, какъ индивидуальныя факты, неизгладимы. Не хочетъ Иванъ Карамазовъ, чтобы мать помирилась съ злодѣемъ, растерзавшимъ ея ребенка, не можетъ она простить мучителю, «хотя бы самъ ребенокъ простилъ

*) Тамъ же, стр. 499.

**) Намъ уже приходилось выше указывать въ „Подросткѣ“, въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, въ „Бѣсахъ“, въ „Записной книжкѣ“ и т. д.

***) Курсивъ мой.

****) Курсивъ Достоевскаго. Тамъ же, стр. 499.

его»... Есть ужасы, съ которыми никогда не может помириться пережившій ихъ страдалецъ, а если и помирится, то не забудетъ ихъ. Если такъ, то карамазовскій бунтъ простирается и въ сферу вѣчной жизни, онъ возможенъ и для безсмертной души, не разрѣшенъ и карамазовскій вопросъ о цѣнѣ и смыслѣ гармоніи этого безсмертія.

Это самый страшный, самый грозный элементъ въ бунтующемъ настроеніи Ивана. Это бунтъ не противъ земного царства благоденствія, царства человѣка, это *бунтъ противъ небеснаго царства вѣчности, царства Бога*. Но «можно ли жить бунтомъ?», какъ справедливо сомнѣвается Иванъ Карамазовъ; хотя и хочетъ имъ жить и живетъ фактически до катастрофы. Достоевскій не хочетъ «жить бунтомъ», онъ стремится унять его вѣрой въ «существо», которое могло бы и имѣло право простить.

Божественное всемогущество одно только можетъ устранить то, что кажется неустранимымъ въ безсмертіи. Оно одно только можетъ дать забвеніе и только тогда не стыдно будетъ это забвеніе взять. Поэтому-то Достоевскому для утоленія его нравственныхъ исканій недостаточно было допустить одно только безсмертіе, ему необходимо нужно было добыть и Бога. Чтобы возратить раздавленному историческимъ процессомъ человѣку его нравственныя права, необходима чудесная и чудотворная мощь Божественнаго начала, нужно всеисцѣляющее безсмертіе души въ Богѣ.

Идея вѣчности возможна и въ атеизмѣ. И тамъ она тоже способна давать моральное удовлетвореніе, но это вовсе не такое всеразрѣшающее Божественное безсмертіе, которое нужно было Достоевскому. Ницше тоже вдохновлялся идеей вѣчности, онъ находилъ въ ней большое нравственное удовлетвореніе. Что-то необычайно радостное, обаятельное видѣлось Ницше въ его идеѣ вѣчности. Только вѣчность Ницше по своему содержанію не имѣетъ ничего общаго съ вѣчностью Достоевскаго. Вѣчное возвращеніе уже существующаго, вѣчное повтореніе всего случившагося и пережитаго, вотъ какъ представлялъ себѣ Ницше вѣчность *). «Каждое состояніе, въ какомъ только возможно очутиться міру, уже должно было имѣть мѣсто въ прошедшемъ, и не разъ, а неисчислимое количество разъ. Вотъ и настоящее мгновеніе: оно уже когда-нибудь приходило, и много разъ, и опять возвратится совершенно такое же, при совершенно томъ же распредѣленіи силъ, какое имѣется теперь; и также было съ мгновеніемъ, которое породило настоящее мгновеніе, и такъ же будетъ съ тѣмъ, которое родится отъ настоящаго. Человѣкъ! жизнь твоя, вся цѣликомъ, вѣчно будетъ, подобно песочнымъ часамъ, перевергиваться на прежнее

*) Изъ критиковъ Ницше подробно останавливается на этой идеѣ Лихтенберже. Въ его книгѣ „Философія Ницше“, изданной на русскомъ языкѣ въ переводѣ г. Невѣдомскаго, читатель найдетъ особое „приложеніе“, посвященное мысли Ницше о „вѣчномъ возвращеніи“, гдѣ Лихтенберже сопоставляетъ Ницше съ двумя французскими писателями, развивавшими эту же теорію,—Бланки и Густавомъ Лебономъ.—Вышеприведенное мѣсто изъ Ницше мы цитируемъ по переводу г. Невѣдомскаго.

положеніе и затѣмъ снова истекать, черезъ промежутокъ времени въ огромную минуту на прежнее положеніе и затѣмъ снова истекать, черезъ промежутокъ времени въ огромную минуту, въ теченіе которой всѣ породившія тебя условія опять успѣютъ собраться воедино въ круговоротъ мірового движенія. И тогда ты опять найдешь каждую свою боль и каждую свою радость, и каждого друга и каждого врага, и каждую надежду и каждое заблужденіе, и каждую былинку и каждый солнечный лучъ, и совокупность всего вообще. Блескъ этого кольца, одну изъ точекъ котораго ты собою представляешь, вѣчно повторяется. И въ каждомъ колечкѣ жизни человѣчества всегда приходитъ такой часъ, когда съ особенной силой всплываетъ, сначала въ какомъ-нибудь одномъ, затѣмъ во многихъ и наконецъ во всѣхъ, одна мысль—мысль о вѣчномъ возвращеніи всего на свѣтъ: и для человѣчества это каждый разъ часъ полудня». «До какой же степени надо быть довольнымъ и самимъ собой и вообще жизнью, чтобы уже ничего не желать, кромѣ такого окончательнаго признанія и закрѣпленія на вѣки вѣчныя?»

Богатѣйшая философская фантазія Достоевскаго не миновала и этой идеи, идея «вѣчнаго возвращенія» мелькала въ его воображеніи, но не привлекла къ себѣ сколько-нибудь пристальнаго вниманія со стороны Достоевскаго; она скорѣе только разсмѣшила, чѣмъ утѣшила его. Являвшійся къ Ивану Карамазову чортъ въ своихъ бесѣдахъ вскользь развертываетъ картинку подобную «вѣчному возвращенію», долго впрочемъ, на ней не останавливаясь. «Скучища неприличнѣйшая» признается онъ откровенно *). И, конечно, Достоевскаго, такая вѣчность не могла удовлетворить, какъ не удовлетворяла бы его долгая и даже, если надо, вѣчная благополучная жизнь «послѣднихъ людей». Личность, погрязшая въ ужасномъ прошломъ человѣчества, личность изъ обидъ и страданій которой создавались жертвенныя гетакомбы историческаго прогресса, не можетъ быть возстановлена въ своихъ правахъ вѣчнымъ возвращеніемъ Ницше. Достоевскій хочетъ личнаго безсмертія, въ которомъ «весь обидный комизмъ человѣческихъ противорѣчій исчезъ бы, какъ жалкій миражъ», въ которомъ разрѣшились бы всѣ мучительные моральные вопросы настоящаго, не осталось бы мѣста никакому бунту, а вѣчность, закрѣпляющая дѣйствительность во всѣмъ ея ужасѣ, способна только усугубить нравственную боль. Именно эта неизгладимость ужаса пережитаго, неистребимость мрачныхъ видѣній прошлаго изъ воспоминаній больше всего и пугаетъ Достоевскаго.

„Онъ имѣлъ одно видѣнье
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему“.

Волжскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) VI томъ, стр. 431.

ЦѢННОЮ ЖИЗНИ.

Джованни Чѣна.

Переводъ съ итальянскаго Е. Лазаревской.

(Продолженіе *).

V.

Горячка продолжалась шесть дней. Докторъ казался озабоченнымъ, а синьорина Лавріано, которая тоже нѣсколько разъ навѣщала больного, серьезно опасалась за его разсудокъ. Онъ весь страшно изсохъ, и тѣло его стало какъ-то особенно безжизненно. Однажды мнѣ до такой степени ясно бросилась въ глаза форма его черепа, обрисовавшаяся сквозь рѣдкую бородку, что я испыталъ на мгновеніе чувство положительнаго отвращенія.

Онъ сталъ однако мало-по-малу поправляться. Казалось, что онъ все забылъ; и въ блаженный періодъ выздоровленія мой бѣдный другъ явился передо мною въ новомъ образѣ, какимъ то неожиданнымъ, наивнымъ мальчикомъ, далекимъ отъ всякаго горя, даже лишеннымъ мысли, какъ растеніе, какъ существо, испытывающее только ощущенія.

Потомъ онъ началъ понемногу, отдѣльными внезапными проясненіями мысли вспоминать прошлое; но воспоминанія эти вызывали въ немъ лишь тихую печаль. Дѣятельность его мозга, внезапно возродившаяся съ новой силой, постоянно, по поводу почти каждого частнаго случая побуждала его переходить къ обобщеніямъ, къ широкимъ идеямъ о жизни; онъ говорилъ, что послѣ того, какъ ему пришлось быть на волосокъ отъ смерти, онъ уже не причислялъ самого себя къ живущимъ и страдающимъ, но онъ думалъ о другихъ страдающихъ, о возможности устранить ихъ страданія, находя, что это въ концѣ концовъ очень просто,—до такой степени онъ былъ далекъ отъ земли.

Я бывалъ у него по два раза въ день. Онъ страшно ослабъ, такъ что прошло болѣе мѣсяца, прежде чѣмъ я могъ повести его на воздухъ.

По мѣрѣ того, какъ весна создавала въ воздухѣ и на землѣ живыя краски, и лицо моего друга тоже понемногу оживлялось и свѣтлѣло

*) См. „Міръ Божій“ № 6, іюнь 1905 г.

Мы прожили такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ самой нѣжной близости; я любилъ этого гениальнаго мальчика, какъ можно любить только самыхъ близкихъ, жену или ребенка. Меня очаровывала красота этого существа, превосходившая самую мою способность восхищаться и часто переполнявшая меня изумленіемъ и благоговѣніемъ, словно передъ какимъ то проявившимся въ немъ чудомъ. Я никогда не забуду дивнаго выраженія, которое приобрѣтало его лицо, когда онъ бывалъ погруженъ въ созерцаніе какого нибудь вѣчно прекраснаго явленія природы или человѣчества.

Онъ водилъ меня осматривать галлерей, гдѣ поражалъ меня своими знаніями, своимъ разумнымъ и природно чуткимъ восхищеніемъ великими произведеніями человѣческаго гениа. Музей египетскихъ древностей погружалъ его въ очарованіе; онъ проводилъ тамъ цѣлые часы, мечтая въ обществѣ мумій и другихъ странныхъ, но полныхъ жизни памятниковъ этого таинственнаго народа. Онъ говорилъ, что Египтяне должны были, вѣроятно, походить на большихъ птицъ и на большіе водяные цвѣты, на существа, находящіяся на линіи горизонта, съ безконечнымъ небомъ надъ ними и отраженіемъ этого безконечнаго неба внизу; ничего крутомъ, кромѣ неба; оттого они были астрономами, математиками и, вѣроятно, музыкантами...

Живая природа вліяла на него такъ сильно, что совершенно преобразовала его. Когда онъ глядѣлъ на нее, глаза его расширялись и начинали свѣтиться, какъ бы сосредоточивая въ себѣ всѣ видимыя ими краски и весь свѣтъ. Подолгу, бывало, смотрѣли мы при закатѣ на громадное небо, повторенное зеркаломъ. По, обрамленнымъ густыми купами тополей. Вначалѣ у него срывались рѣдкія односложныя замѣчанія,—онъ еще помнилъ о моемъ присутствіи. Потомъ онъ совершенно забывалъ обо мнѣ; онъ расправлялъ свои исхудалыя плечи, приподнималъ грудь, словно сбрасывая съ себя какой то гнетъ, и глубокими глотками впивалъ воздухъ; къ сознанію моего присутствія онъ возвращался лишь тогда, когда окрестныя очертанія начинали покрываться мракомъ; и тогда, съ трудомъ произнося рѣдкія, отрывистыя фразы, онъ принимался повторять мнѣ свои обычные печали, говорилъ о своей неспособности создать что нибудь великое, о смерти, все настойчивѣе призывавшей его.

Сильно и быстро дѣйствовали на него иногда мелкія житейскія событія. Бродя по городу, онъ всегда бывалъ погруженъ или въ размышленія, или въ сочиненіе какого нибудь сонета. Обычныя движенія и поступки прохожихъ совершенно не затрогивали его вниманія; но каждый малѣйшій не совсѣмъ обычный случай останавливалъ на себѣ его мысль; и такъ какъ онъ какъ бы просыпался тогда изъ міра своихъ сновъ, то каждое подобное обстоятельство приобрѣтало для него глубокій смыслъ и тотчасъ же давало ему поводъ для перехода къ идеямъ общаго характера, къ широкимъ взглядамъ на судьбы

человѣчества, и все это такъ и хватало его за горло (я употребляю здѣсь, конечно, уродуя ихъ, его выраженія). Помню, какъ однажды, встрѣтивъ его на Корсо Витторіо погруженнымъ въ свои думы, я не постѣснился отвлечь его отъ нихъ, поздоровался и пошелъ съ нимъ вѣстѣ. Но ему, видимо, трудно было удерживать себя со мною въ мірѣ дѣйствительности. Внезапно изъ за угла перекрестной улицы появился хоръ музыки, а вслѣдъ за нимъ нѣсколько стройныхъ рядовъ мальчиковъ подростковъ.

Музыканты весело и молодцовато надували надъ трубами свои розовыя щеки; остальные шли серьезно, но тоже весело и молодцовато, словно проникнутые важностью того, что совершали и что было проявленіемъ солидарности и гармоніи, и вѣры въ будущее. Крастино долго, внимательно, блестящими глазами слѣдилъ за ними; потомъ онъ вдругъ заволновался и, приоткрывъ губы, сталъ усиленно дышать, чтобы не заплакать, наконецъ, два, три раза всхлипнувъ, успокоился и, помолчавъ минуту, заговорилъ:—Это сыновья наши... племянники!.. Какъ они прекрасны и какъ здоровы! А другіе.—наши братья! Въ мансардахъ, въ подвалахъ и въ другихъ норахъ... Наши братья! Но міръ идетъ впередъ, другъ мой Станга, завтра онъ будетъ продолжать свой путь, какъ эти дѣти... въ то время какъ мы уже будемъ подъ землей!

Однажды вечеромъ онъ во что бы то ни стало захотѣлъ повести меня на «Фауста». Это послужило для насъ обоихъ источникомъ величайшаго волненія. Крастино плакалъ съ начала до конца. Я держалъ его за руку, то и дѣло сильно сжимая ее, чтобы онъ громко не разрыдался; но онъ плакалъ спокойно. Мы были въ галлерей; онъ сидѣлъ, опустивъ голову на парапетъ, и совсѣмъ не смотрѣлъ на сцену; и я съ невыразимымъ волненіемъ чувствовалъ, что онъ все время представляетъ себѣ другое: онъ слушалъ исторію своей сестры.

Я же, между тѣмъ, будучи до тѣхъ поръ знакомъ только съ церковными обрядовыми представленіями и съ музыкой органовъ и церковныхъ хоровъ, предавался горькимъ размышленіямъ. «Вотъ любимыя зрѣлища публики,—думалъ я:—раскрашенные куклы, каррикатуры на человѣка, двигаясь, точно на шарнирахъ, ходятъ большими шагами, обращаются къ публикѣ, когда должны говорить съ предметомъ своей любви, во время дуэтовъ двое любящихся продѣлываютъ даже полукругъ одинъ около другого, какъ группы въ музеяхъ, стоящія на вертящихся подставкахъ»...

Мой другъ былъ совершенно захваченъ дѣйствіемъ, или, вѣрнѣе, музыкой и своей собственной фантазіей. Я думалъ о Маргаритѣ. Вотъ чѣмъ является въ настоящее время женщина! Дьяволъ тянетъ ее въ свою сторону за длинныя волосы, а Богъ, спасая ее въ концѣ концовъ для удовольствія зрителей, спасаетъ съ ней заодно и другую, веселую жертву дьявола, Фауста. Сама по себѣ Маргарита не суще-

ствуешь; подчиняется страданіямъ, убиваетъ своего ребенка... Какъ ужасна и какъ смѣшна въ то же время эта сцена около дверей церкви! Рядомъ съ нами сидѣли дѣвушки, которымъ положительно было страшно... Развѣ довольно того, что правда въ концѣ концовъ торжествуетъ, если дьяволъ мучалъ человѣка въ продолженіи четырехъ съ половиною актовъ, то-есть почти всю жизнь!..

Съ теченіемъ времени Виджи становился все болѣе неровнымъ и безпокойнымъ. Мое общество болѣе не удовлетворяло его. Онъ часто забывалъ обо мнѣ, когда мы были вмѣстѣ, сосредоточивался въ себѣ и молчалъ, не отвѣчая и на вопросы; онъ ихъ, вѣроятно, большею частью и не слышалъ. Ему, должно быть, скучно было со мной, и когда я вспоминалъ умоляющій взоръ его сестры, меня охватывало глубокое, мучительное безпокойство. Я чувствовалъ себя безсильнымъ мизернымъ, ничтожнымъ; бывали минуты, что я готовъ былъ броситься ему подъ ноги, быть попираемымъ имъ, только бы онъ меня замѣтилъ.

Но иногда онъ внезапно начиналъ говорить, и его фразы являлись продолженіемъ какой то внутренней работы мысли, возстановить которую я не былъ въ состояніи. И преобладающей мыслью его была любовь.

Что же такое была эта любовь, изъ за которой его сестра такъ много и такъ молчаливо страдала, изъ за которой съ такой ясной покорностью умерла?

Любовь! Я никогда не думалъ о ней. Или, вѣрнѣе сказать, я очень много думалъ о женщинѣ, но при этомъ никогда не могъ даже представить себѣ, чтобы какая нибудь женщина стала моею, чтобы у меня была моя семья. Всѣ мои сверстники, всѣ товарищи по работѣ женаты; но имъ приходится такъ тяжело биться за жизнь, бороться со столькими трудностями, что возможность посидѣть иногда съ женою за городомъ подъ винограднымъ навѣсомъ какой-нибудь остеріи, подкидывая у себя на колѣняхъ младшаго ребенка и глядя, какъ старшіе играютъ на травѣ, является для нихъ слишкомъ скуднымъ вознагражденіемъ за всю тяготу. Другіе не хотятъ имѣть дѣтей, и эти наиболѣе замкнуты и суровы, они улыбаются чаще другихъ, но такой обезкураживающей, насмѣшливой улыбкой; на душѣ у нихъ, очевидно, очень грустно. Какая возможность говорить о любви и о семьѣ въ обществѣ, которое даетъ одинаковыя доли хлѣба и тому, кто одинокъ, и тому, у кого есть жена и дѣти?

Но все это не удержало бы меня отъ женитьбы. Въ душѣ моей живетъ такая громадная тоска по женской ласкѣ, сколько помню, никогда мною не испытанной. Быть можетъ, когда я появился на свѣтъ, мать моя успѣла еще прижать меня къ груди и поцѣловать меня? Я этого не знаю. Но мнѣ кажется, что женщина, которая любила бы меня, какъ я имѣлъ въ томъ потребность (теперь я уже старъ, мнѣ

тридцать лѣтъ), была бы для меня отчасти и матерью; если бы это было, если бы я почувствовалъ, что она моя, что я, я составляю для нея все, какъ бы я плакалъ тогда, какъ бы хотѣлъ выплакать у нея на груди всѣ слезы, накопившіяся невыплаканными за тридцать лѣтъ, излить всю ту громадную печаль, которая росла во мнѣ изо дня въ день, въ холодные и голодные дни моего младенчества, въ отроческіе годы замкнутой пріютской жизни, во времена юношества, когда я каждый вечеръ возвращался въ свою темную, холодную, пустую мансарду.

Во мнѣ есть сила, приобретѣнная долгими годами борьбы съ давившей меня земляной глыбой: развѣ не пробился я изъ моей глиняной могилы, какъ ростокъ посреди тропинки? Не *отрекся* ли я отъ того, что имѣютъ многіе другіе, отъ легкой жизни, приготовленной для нихъ, какъ накрытый столъ? И отрекся потому, что сумѣлъ заставить себя *не желать*, хотя и чувствовалъ, что имѣю на это такое же право, какъ и они. И въ то же время во мнѣ есть какая-то органическая слабость, созданная во мнѣ, можетъ быть, несознанными страданіями дѣтскихъ лѣтъ, можетъ быть, этимъ страшнымъ отреченіемъ. Женщина, которая стала бы мнѣ близка, удовлетворила бы этой моей двойной потребности и оказывать, и получать поддержку.

Но женщина эта не появилась. Я же ждалъ ее и не искалъ. Я не смѣлъ ее искать: робость моя передъ женщинами была безгранична, потому что я еще мальчикомъ зналъ, насколько печальна и невзрачна моя наружность. Я высокъ, тощъ, желтъ, торсъ у меня слабый, руки и ноги слишкомъ длинны; я помню, въ шестнадцать лѣтъ у меня былъ періодъ волчьего голода; когда этотъ періодъ прекратился, оказалось, что я выросъ на тридцать сантиметровъ. Я уже нѣсколько лѣтъ не смотрю больше на себя въ стекла оконъ, и если мой взглядъ случайно падаетъ на отраженіе моей особы, это не мало забавляетъ меня; но прежде я былъ болѣзненно чувствителенъ въ этомъ отношеніи. Слухъ мой отличался необыкновенной способностью улавливать каждый смѣхъ, каждую шутку, вызывавшіеся моей наружностью въ проходившихъ мимо меня дѣвушкахъ, а отъ взора моего, кажущагося безжизненнымъ и ровнымъ, не ускользало ни малѣйшее измѣненіе на лицахъ встрѣчныхъ. Не разъ, бывало, хотѣлось мнѣ выдрать за уши иного мальчугана. Но я сдерживался; я ревниво скрывалъ всѣ эти булавочные уколы. Думаю, что у меня было лицо истиннаго дипломата, такъ хорошо умѣлъ я притворяться. Теперь, наоборотъ, говорятъ, что у меня лицо «доброе, какъ теплый хлѣбъ». Суть въ томъ, что я вижу, отъ сколькихъ мелочей страдаютъ люди, и поэтому такъ снисходителенъ къ самому себѣ, какимъ былъ тогда, что меня до странности трогаетъ видъ cadaго мелкаго страданія, съ которымъ приходится сталкиваться, и молчаливаго, и изливающагося въ жалобахъ.

Да и времени у меня было немного для того, чтобы искать ее..

Надо было, чтобы я случайно встрѣтилъ женщину, которая взглянула бы на меня, нашла бы меня симпатичнымъ, заговорила со мной и меня узнала; узнавъ меня, она бы меня, быть можетъ, полюбила, потому что, Боже милостивый! право, мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы было иначе. Въ душѣ каждого изъ насъ найдется, чѣмъ сдѣлать счастливымъ другое существо. Но вотъ, гдѣ оно, это другое существо? Въ этомъ все дѣло. Быть можетъ, она была гдѣ нибудь далеко, а я сидѣлъ въ своей корректорской комнатѣ... А можетъ быть, она была и въ двухъ шагахъ отъ меня; можетъ быть, видѣла меня и даже со мной разговаривала... но не узнала меня, такъ же, какъ и я ее.

Итакъ, я надписываю здѣсь, какъ на могильномъ камнѣ: «Я НЕ ЛЮБИЛЪ».

Всѣ эти размышленія и сожалѣнія зашевелились во мнѣ, благодаря близости съ Крастино. Онъ жилъ такой напряженной внутренней жизнью, что его слова, на мгновение, подобно молніи, обнаруживавшіе иногда предо мною эту жизнь, тотчасъ же вызывали во мнѣ мысли и о моей жизни, и это переворачивало мнѣ всю душу. Однажды какъ то мы выходили съ нимъ изъ церкви, куда зашли послушать пѣніе. Былъ чудный солнечный день.

— Я никогда,—заговорилъ Крастино,—никогда въ дѣйствительности не вѣрилъ въ другую жизнь, въ другую мою индивидуальную жизнь, кромѣ настоящей; не вѣрилъ, а между тѣмъ жилъ такъ, какъ если бы вѣрилъ; иначе говоря, имѣя въ виду другую жизнь, я никогда не жилъ этой...

«Правда», подумалъ я. И сейчасъ же подумалъ о себѣ: вѣдь и я такъ же; и я въ моей скромной жизни могъ бы завоевать себѣ немного счастья, еслибы желалъ его всѣми своими силами. Я думаю, что въ настоящее время такихъ, какъ я, много; передѣлать же себя не такъ то легко. Но я вижу, что наши дѣти рождаются уже другими: они съ большимъ довѣріемъ глядятъ на солнце. *Солнце*—это единственное наше дѣйствительное благо; другого, большаго сейчасъ у насъ нѣтъ. Пусть же наслаждаются имъ наши дѣти.

Замѣчаніе Крастино имѣло, быть можетъ, своимъ основаніемъ мои мысли, высказанныя какъ то раньше, возникшія во мнѣ и оформившіяся почти цѣликомъ, если можно такъ выразиться, на его глазахъ: мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ я высказалъ ихъ, онѣ пріобрѣтали стройность, становились болѣе убѣдительными и обоснованными также и для меня самого. Я имѣлъ, значитъ, вліяніе на его мышленіе; боюсь, увы, что имѣлъ его и на его жизнь, или лучше сказать, на его смерть. Но совѣсть не упрекаетъ меня.

Профессоръ Лавріано досталъ ему мѣсто въ таможенѣ и убѣждалъ его продержаться тамъ хотя бы мѣсяцъ, въ то время, какъ онъ искалъ бы чего-нибудь болѣе подходящаго ему по характеру. Крастино охотно принялся за дѣло. Возвращаясь домой, онъ рассказывалъ мнѣ

о живописныхъ рядахъ телѣгъ, спускавшихся съ Альпъ и въѣзжавшихъ черезъ французскую заставу, объ удивительныхъ уловкахъ, къ которымъ прибѣгали возчики для того, чтобы скрыть нѣсколько фунтовъ колбасы или нѣсколько литровъ вина. Но счетоводство и бухгалтерія скоро надѣли ему, стали его раздражать, и, спустя мѣсяць, онъ бросилъ мѣсто.

Тогда профессоръ взялъ его въ редакцію одного журнала по социологіи, поручивъ ему составленіе номеровъ, такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ специальныхъ знаній по вопросу. Но и это занятіе не слишкомъ ему нравилось. Однако, онъ тамъ нѣсколько времени продержался.

Однажды,—шелъ частый, сплошной и словно лѣтний дождь,—я пришелъ противъ моего обыкновенія послѣ полудня домой и собирався идти обратно въ типографію, какъ вдругъ до меня донеслись со двора какіе-то громкіе вопли. Мнѣ послышался, между прочимъ, голосъ маленькаго хромого, Ноту. Дѣйствительно, посмотрѣвъ въ окно, я увидѣлъ его на крышѣ противоположной стороны дома; онъ цѣплялся вспухнувшими руками за кровельныя черепицы. Въ мансардѣ, сосѣдней съ моею, высунувшись изъ окошка и грозя мальчику сапогомъ, вопилъ Пьяница. Мальчикъ поминутно оборачивался къ нему побагровѣвшимъ лицомъ, плакалъ и въ то же время строилъ ему гримасы. Затѣмъ онъ туда забрался? Блондинка, открывъ свое окно, звала его къ себѣ и осыпала бранью Пьяницу. Мальчуганъ находился въ данную минуту у вершины крыши, рядомъ съ выступомъ окошка Крастино. Онъ опять обернулся въ нашу сторону, и вдругъ въ это время руки его сорвались, ноги скользнули...

Раздались крики ужаса. Мальчикъ покатился по крышѣ ничкомъ, ногами впередъ, цѣпляясь руками за черепицы. Жолобъ водосточной трубы на мгновеніе задержалъ его. Въ это время распахнулось окошко Крастино, и появившаяся въ немъ Блондинка схватила ребенка за руку. Онъ былъ спасенъ.

Я перевелъ духъ. Въ моемъ воображеніи мелькнуло на мгновеніе зрѣлище маленькаго комочка лохмотьевъ, разлетѣвшагося по мостовой двора. Въ это время я услышалъ, что сосѣдняя дверь отворилась, и Пьяница вышелъ изъ своей комнаты. Я послѣдовалъ за нимъ, не сомнѣваясь, что онъ шелъ продолжать скандалъ въ комнатѣ Крастино... Но, войдя туда, онъ схватилъ мальчика на руки и, громко плача, прижалъ его къ груди. Мы смотрѣли на него и возмущенные, и растроганные.

Мнѣ надо было сейчасъ же бѣжать на работу. Между Крастино и Блондинкой началась съ этого дня дружба, которой суждено было въ скоромъ времени обратиться въ любовь, и которая навсегда лишила меня отрадной близости съ другомъ, ставшей для меня между тѣмъ насущной потребностью.

VI.

Между тѣмъ у насъ наверху, въ нашихъ мансардахъ, появилась большая новость. Въ двадцать седьмомъ номерѣ поселился одинъ молодой человѣкъ, художникъ. По началу онъ рѣдко ночевалъ тамъ,— у него было еще какое-то другое жилище. Онъ былъ замѣчательно хорошъ собой, прямо идеальный образчикъ человѣчества: высокаго роста, пропорціональный, гибкій; его чертамъ, пожалуй, слишкомъ тонкимъ, придавали много мужественности густые усы и большая борода, закрывавшіе всю нижнюю часть его лица волнистымъ шелкомъ бронзоваго цвѣта, а также густая шевелюра, поверхъ которой онъ носилъ маленькую круглую шапочку. Громадный голосъ его, звучный, какъ мѣдъ, такимъ эхомъ отдавался въ его широкой груди, что, слыша его въ корридорѣ на нѣкоторомъ разстояніи, я не могъ различать словъ, иногда казалось, что это какой то гулъ органа. А слышно его бывало часто, такъ какъ, придя со службы домой (онъ былъ рисовальщикомъ въ словолитнѣ Небіоло), онъ тотчасъ же всегда принимался заговаривать со всѣми мансардными обитателями, смѣшивъ ихъ своими остротами, произносившимися съ невозмутимымъ видомъ, привлекая къ себѣ всѣхъ ребятишекъ, которые такъ и ходили за нимъ по пятамъ, и среди которыхъ онъ вызывалъ оживленные свалки и смѣхъ до упаду, бросая имъ по корридору яблоки и орѣхи, за которыми они кидались гурьбой. Не знаю, когда онъ спалъ; въ мансардѣ у него всегда былъ свѣтъ, и онъ очень много работалъ по ночамъ, постоянно зазывая къ себѣ натурщиковъ; одинъ за другимъ у него перебивали всѣ маленькіе сорванцы «аерополиса».

«Аерополисъ» было имя, которое онъ далъ нашему чердаку, самому, по его словамъ, обширному и самому населенному въ Туринѣ; и такъ же намѣревался онъ назвать задуманный имъ альбомъ офортонъ, который хотѣлъ послать во Францію къ одному своему другу, художнику, пользовавшемуся тамъ успѣхомъ и обѣщавшему создать ему извѣстность и въ скоромъ времени выписать его туда. Онъ работалъ надъ этимъ альбомомъ по ночамъ и въ праздники. Онъ сразу познакомился со всѣми жителями нашего маленькаго городка и съ cadaго сдѣлалъ по эскизу. Съ Крастино же, съ меня и съ Блондики онъ пожелалъ написать настоящіе портреты.

Я никогда не думалъ, чтобы въ моемъ лицѣ было что-нибудь интересное. Въ настоящее время моя наружность совершенно для меня безразлична. Но Куибио (вотъ странное имя! иные называли его еще Кробио) былъ просто волшебникъ. Портретъ Крастино дивно хорошъ; онъ прекрасенъ на немъ, какъ бывалъ въ тѣ минуты, когда его лицо преображалось подъ вліяніемъ вдохновенія; когда ему будетъ отдано должное, и его стихотворенія будутъ признаны значительнѣйшими изъ всѣхъ, какія были даны итальянской поэзіей за послѣдніе

двадцать лѣтъ, тогда портретъ этотъ окажется въ высшей степени драгоценнымъ документомъ. Пока же это только одинъ изъ наиболѣе интересныхъ типовъ одного «аерополиса».

Мой портретъ очень страненъ и я не помню, чтобы видѣлъ у себя когда нибудь такое выраженіе; но всѣ черты, безъ сомнѣнія, въ точности мои. Все лицо какъ то удивительно напряжено; особенно поражаетъ блѣдность и выраженіе какого то ужаса въ глазахъ. Это случилось, можетъ быть, оттого, въ какой моментъ онъ меня рисовалъ; момента этого мнѣ никогда не забыть.

Но буду продолжать по порядку.

Куибіо былъ чудеснѣйшаго права въ мірѣ, хотя придверница, бывшая женой полицейскаго, и относилась къ нему съ нѣкоторой подозрительностью. Управляющій же былъ гордъ, что у него поселился такой жилецъ, и обращался къ нему даже разъ за совѣтомъ по поводу какихъ-то олеографій, которыя хотѣлъ купить для хозяина дома ко дню его серебряной свадьбы, за что Куибіо обозвалъ его филистеромъ, и еще хуже того. Но уваженіе управляющаго и подозрительность придверницы вызывались приходившими къ нему раздущенными письмами, а еще болѣе тѣмъ необыкновеннымъ фактомъ, что къ нему въ мастерскую нѣсколько разъ поднимались для осмотра ея прѣѣзжавшія въ каретахъ дамы (а, можетъ быть, это все была и одна и та же).

Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я проводилъ все свое свободное время съ Куибіо, такъ какъ Виджи явственно отдалился отъ меня и былъ теперь всегда одинъ или съ Блондинкой, противъ которой я не могъ поэтому не испытывать нѣкоторого чувства досады. Проживъ столько лѣтъ въ полномъ одиночествѣ, даже не зная самъ себя, я стремился наверстать упущенное, во что бы то ни стало ища такого общенія, которое показывало мнѣ, что я существую, живу и что, въ сущности, достоинъ жизни.

Однажды въ воскресенье Куибіо постучалъ ко мнѣ и вошелъ сіяющій.

— Двѣ новости, Martino,—заговорилъ онъ своимъ мощнымъ голосомъ:—первая, я получилъ премію на римскомъ конкурсѣ гравировальнаго искусства, вторая... жители Марса дѣлаютъ Землѣ знаки.

— И обѣ эти новости одинаково дотовѣрны?—спросилъ я.

— Да,—продолжалъ онъ.—Вотъ извѣстіе конкурса, и вотъ утренній номеръ «Ророло» *) съ телеграммою о Марсѣ. Ну, пока жму тебѣ одной рукой руку, а другою иду захватить Виджи, и затѣмъ отправляемся кутить въ «Вальсаличе».

Возражать было невозможно. Пока я одѣвался, онъ пошелъ къ Крастино сообщать ему двойную новость.

Я слышалъ объ одномъ очень странномъ англійскомъ романѣ, въ

*) „Ророло“: „Народъ“—названіе одной итальянской газеты.

которомъ изображается нашествіе на землю жителей Марса. Теперь меня сильно поразило газетное сообщеніе о томъ, что на ближайшей къ намъ планетѣ были замѣчены свѣтящіяся точки, вызывающія предположеніе, что онѣ движимы разумной силой. Мой мозгъ, можетъ быть, вслѣдствіе недостатка въ немъ правильно развитой научной основы, всегда сразу готовъ къ воспріятію самыхъ странныхъ вещей. Мысль объ услышанномъ вызвала во мнѣ какое то странное ощущеніе какъ бы дурноты, словно я, дѣйствительно, *чувствовалъ* себя несущимся съ землею. Я думаю, что когда подобныя мысли глубоко въ насъ проникнуть, мы будемъ болѣе способны ощущать головокруглительность обособленности въ безконечномъ пространствѣ. О какомъ-то французскомъ поэтѣ говорятъ, что онъ нашелъ «un frisson poétique». Мнѣ вотъ это казалось бы новымъ трепетомъ чувства.

Мои спутники вышли изъ корридора и ждали меня съ минуту на площадкѣ лѣстницы. Мы спустились внизъ. Куибіо находился въ свойственномъ ему состояніи шумной веселости и смѣялся, сверкая сквозь темную, густую бороду всѣми своими чудными зубами. Крастино, наоборотъ, казался какъ будто не совсѣмъ довольнымъ. За послѣднее время я совсѣмъ не видался съ нимъ; онъ бросилъ службу и проводилъ время, запершись въ своей мансардѣ; можетъ быть, работалъ? У него теперь было какое-то прозрачное лицо, и на лицѣ этомъ горящіе глаза въ темныхъ кругахъ, трепетно подвижныя ноздри, нервныя губы. Меня очень беспокоило его здоровье, теперь же его видъ еще увеличилъ мою тревогу.

Несмотря на веселость художника, съ которымъ я старался держаться въ тонъ, Виджи молчалъ, впрочемъ, сохраняя наружно ясный и немного углубленный въ себя видъ. Куибіо былъ такъ счастливъ, что и я чувствовалъ себя отъ этого вполне радостнымъ; у него временами прерывался голосъ, когда онъ говорилъ,—радость сдавливала ему горло. Что за наслажденіе слушать такой смѣхъ! Есть люди, которые родятся счастливыми, какъ властелины.

«Вальсаличе» было полно народа; во всѣхъ рестораникахъ раздавались звуки шарманокъ, и они были переполнены мелкими горожанами и празднично одѣтыми рабочими. Видъ веселящагося за городомъ народа доставлялъ Куибіо громадное наслажденіе; меня тоже живительно радуетъ всегда это неподдѣльное, широкое и здоровое веселье. Мы сѣли подъ однимъ изъ обвитыхъ виноградомъ навѣсовъ; художникъ спросилъ себѣ какого-то легкаго терпкаго вина и пилъ его, прищелкивая языкомъ и все болѣе возбуждаясь. Крастино попробовалъ одинъ глотокъ и сдѣлалъ гримасу; я не пью.

— А! милые мои!—воскликнулъ Куибіо.—Какъ было бы чудно, если бы земля производила побольше винограда и поменьше пушечнаго металла. Какъ вамъ кажется? Въ виноградѣ скрыта тайна все-

общаго мира. Смотрите, стоитъ двумъ людямъ немного выпить, чтобы они начали цѣловаться. Такъ, вѣдь, милѣйшая?—окликнулъ онъ толстую, раскрасившуюся хозяйку рестораника, хлопотливо разносившую стаканы.

Во дворъ въ это время вошелъ шарманщикъ и началъ играть. Куибіо тотчасъ вскочилъ и, схвативъ за руки трактирщицу, завертѣлся съ ней; она тяжело закружилась, смѣясь и едва сохраняя равновѣсіе. Но онъ вдругъ отпустилъ ее, увидавъ входившую въ эту минуту дѣвушку въ большой шляпѣ съ пѣтушьими перьями.

— О! принцесса аерополиса!—воскликнулъ онъ.—Протанцуемъ?

Это была Саламандра. Не давъ ей опомниться, онъ увлекъ ее въ головокружительномъ вальсѣ. Пыль и мелкіе камешки брызгами летѣли изъ подъ его подбитыхъ гвоздями башмаковъ. Запыхавшись наконецъ и довертѣвшись до головокруженія, онъ остановился и подвелъ дѣвушку къ нашему столу.

Она сѣла, вопросительно и въ то же время небрежно поглядѣвъ на насъ; потомъ залпомъ выпила поданный Куибіо стаканъ.

Я почувствовалъ, какъ у меня сильнѣе забилося сердце, что всегда бываетъ со мной въ присутствіи каждой женщины и происходитъ отчасти отъ застѣнчивости, отчасти отъ досады на эту застѣнчивость.

— Ну что, какъ здоровье?—улыбаясь, спросилъ Куибіо.

— Я всегда здорова,—отвѣчала дѣвушка, словно обидясь.

— Сколько тебѣ лѣтъ? двадцать? да?

— Двадцать одинъ.

Куибіо шумно засмѣялся; она слегка ударила его вѣеромъ по головѣ. У нея были свѣтло бѣлокурые рѣдкіе волосы, подкрасенные по угламъ глаза, неровная, поблекшая кожа на лицѣ; довольно красивый ротъ принималъ въ то время, какъ она говорила, какое-то нечистое выраженіе. Возможно, что ей и было именно столько лѣтъ, сколько она сказала, но могло быть и за тридцать.

— Что ты будешь дѣлать, когда состарѣешься?

— Я состарѣюсь?—засмѣялась она, и мнѣ померещилось, что тѣнь безпокойства мелькнула на мгновеніе на ея лицѣ.

— Буду держать комнаты для такихъ дѣвушекъ, какъ я.

— Недурно! Это въ отместку тѣмъ, кто заставляетъ тебя вести эту жизнь? Будешь вознаграждать себя на такихъ же несчастныхъ, какъ сама; теперь твоя хозяйка дѣлаетъ то же самое, и такъ этой пѣпи конца не будетъ,—полусерьезно, полуиронически сказалъ Куибіо.

Она часто посматривала на Крастино, какъ бы разглядывая его; внезапно она спросила меня вполголоса, но такъ, что онъ слышалъ:

— Гдѣ его сестра?

— Умерла,—поспѣшилъ я отвѣтить ей шопотомъ.

Крастино взглянулъ на насъ обоихъ съ грустнымъ укоромъ въ

глазахъ. Она вздохнула и понурила голову; потомъ сильно ударила художника по плечу:

— Пойдемъ танцевать, блондинъ.

— Нѣтъ, благодарю. Паркетъ слишкомъ скользокъ, и въ тебѣ слишкомъ много вѣсу, моя милая, и потомъ... я не хочу быть ничѣмъ соперникомъ...

И онъ показавъ головой на молодого человѣка, который сидѣлъ невдалекѣ отъ насъ одинъ передъ стаканомъ пива и упорно смотрѣлъ на нашу группу. Саламандра исподтишка взглянула на него и вспыхнула.

— Этотъ... знаете вы, кто онъ такой? Если бы я вамъ только сказала!

— Бррр!—произнесъ Куибіо. — Король сутенеровъ, вѣроятно, — и увидавъ проходившую мимо трактирщицу, онъ заказалъ ей еще полъ литра вина.

— Это графченокъ Раффи; денегъ у него мало, но много наглости, и половина хулигановъ въ предѣстьяхъ къ его услугамъ, — сказала, Саламандра.

Она повернулась къ молодому человѣку и посмотрѣла на него въ упоръ, придавъ своему лицу неопредѣленное выраженіе презрѣнія, потомъ встала, внимательно посмотрѣла кругомъ и, успокоившись, опять сѣла.

— Хотите прогуляться со мной, синьоръ Крастино? Я могла бы вамъ разсказать хорошенькія вещи... А Блондинка не пришла?

Крастино покраснѣлъ, нервно засмѣявшись, поднесъ къ губамъ стаканъ и съ гримасой выпилъ его.

— Запрещаю тебѣ соблазнять поэта! — загремѣлъ Куибіо. — Онъ весь взбудораженъ извѣстіемъ, что Марсъ дѣлаетъ знаки Венерѣ, то есть Землѣ... и нельзя нарушать его размышленій...

— Ну, ну, пусть себѣ размышляетъ. Вотъ что значить витать въ облакахъ.—Вдругъ ея лицо сдѣлалось серьезно.—Да вашъ другъ боленъ, вы развѣ не видите?—сказала она.

Дѣйствительно, онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, но рѣшительно запротестовалъ.

Подошла хозяйка и поставила на столъ вино съ легкой гримасой по адресу дѣвушки, которая, ударивъ Куибіо вѣромъ, встала со своего мѣста.

— Вотъ образецъ честной и безжалостной женщины, — сказалъ мнѣ тиховько Куибіо, кивая на хозяйку.

«Правда», подумалъ я, провожая глазами Саламандру.

Тотъ молодой человѣкъ, который сидѣлъ одинъ и смотрѣлъ на насъ, тотчасъ двинулся съ мѣста, чтобы подойти къ ней. Но она бросила на него взглядъ, который приковалъ его къ скамейкѣ, и подошла къ другому столу, за которымъ сидѣло и пило нѣсколько человѣкъ; одинъ изъ нихъ, пьяный, распѣвалъ во всю мочь своихъ лег-

кихъ:

„Cruce delissia,
Cruce delissia,
Delissia al cor“ *).

Саламандра сѣла среди нихъ рядомъ съ однимъ худенькимъ юношей. Когда она указала ему на графчика, оба взглянули другъ на друга, и лицо худощаваго юноши освѣтилось на мгновение такой злой, тонкой и энергичной улыбкой, что я почувствовалъ себя потрясеннымъ. У него были быстрые, измѣнчивые глаза, которые мгновениями сверкали, словно сталь изъ ноженъ, и тотчасъ же опять прятались подъ вѣками. Я подумалъ, что и кинжалъ его долженъ былъ такимъ же образомъ часто появляться и исчезать.

Лицо его не было мнѣ ново. Эти глаза навѣрное уже когда-то раньше смотрѣли на меня...

Существуетъ, стало быть, во мракѣ подъ нами, словно подъ землей, какое-то особое общество, въ которомъ также проявляются насиліе, борьба и солидарность, невѣдомыя другому обществу, но не менѣе напряженныя, чѣмъ въ немъ. Отъ времени до времени какое-нибудь волненіе выкидываетъ трупъ на поверхность... И все это жило рядомъ со мной; мнѣ приходилось иногда слышать бѣненіе этой жизни, когда я возвращался домой поздно вечеромъ, и изъ переулковъ, мимо которыхъ я проходилъ, до меня доносился шопотъ или звуки драки нѣсколько разъ случалось ловить во мракѣ около себя слова, заставлявшія меня содрогнуться отъ ужаса, но вслѣдъ затѣмъ довѣрчиво и даже какъ бы доброжелательно раздавалось: «Нѣтъ, это Станга». Стало быть, меня знали; у нихъ тоже была своя полиція; и я былъ видимо въ спискѣ безвредныхъ и безразличныхъ... И все это во мракѣ. При свѣтѣ дня не было ничего замѣтно, иногда вотъ только сверкалъ взглядъ, полный ненависти, торжества и вызова, подобный тому, который блеснулъ на мгновение на лицѣ худощаваго юноши...

Между тѣмъ меня преслѣдовало еще смутное воспоминаніе: какъ будто я уже гдѣ-то видѣлъ этого графа.

Смеркалось. Дворъ ресторана все болѣе заполнялся. Цѣлыя семейства съ ребятишками входили, усаживались за столиками и заказывали ѣду. Мы тоже ѣли среди окружавшихъ насъ шума и суеты, но были всѣ трое молчаливы; и у художника пропала его веселость.

Мы встали и направились къ выходу. Вдругъ я почувствовалъ, что до меня кто-то дотронулся. Это былъ худощавый юноша, улыбавшійся мнѣ своими пронзительными глазами.

— На одно слово.

— Говорите,—сказалъ я, смутившись.

*) „Страданіе сладость,
Страданіе сладость,
Сладость для сердца“.

«мнѣ возжѣ», № 7. июль. отд. 1.

Онъ съ мгновеніе помолчалъ, потомъ кивнулъ вглубь двора, на графчика.

— Сестра вашего друга... Такъ вотъ это онъ самый!.. Впрочемъ, предоставьте все мнѣ. Больше ничего... будьте покойны, монсу *) Станга.

И онъ исчезъ среди тѣснившейся въ воротахъ толпы. Мы направились къ городу.

По бѣлой отъ пыли большой дорогѣ спускалось много народу. Усталыя женщины тяжело опирались на руки мужчинъ, дѣти спотыкались; на всѣхъ лицахъ видна была усталость и какъ бы растерянность, естественныя у людей, постоянно живущихъ въ рабочихъ помѣщеніяхъ и въ темныхъ домахъ и проведенныхъ теперь день на солнцѣ, на открытомъ воздухѣ.

Въ одномъ мѣстѣ Куибіо свернулъ на боковую дорожку.

— Тутъ будетъ немного дальше, но зато покойнѣе,—замѣтилъ онъ.

Дорожка эта шла среди виноградниковъ; кое-гдѣ вдоль нея тянулась изгородь или заборъ изъ сложенныхъ безъ скрѣпы камней. Виноградъ былъ уже собранъ, и листья лозъ начинали краснѣть.

Небо было все заполнено неровными облачками, среди которыхъ свѣтились разлитыя солнцемъ краски.

— Мнѣ кажется, что видъ природы мѣняется,—заговорилъ Куибіо,—или это я мѣняюсь? мѣняемся всѣ мы? Я, напримѣръ, теперь просто не знаю, какимъ образомъ можно изобразить небо; нынче это гораздо труднѣе, потому что надо писать такъ, чтобы можно было видѣть еще что то позади него.

— Правда,—согласился я,—художники рисуютъ слой голубого воздуха, или то, или другое движеніе облаковъ. А это не небо, это только атмосфера.

— Ну, конечно!—возразилъ, смѣясь, Куибіо.—Не будешь же ты требовать, чтобы мы писали внѣ атмосферы? Хотя кто знаетъ? Мой другъ Кёдда прислалъ мнѣ изъ Парижа фотографіи нѣкоего Рэдона, по которымъ можно предчувствовать, что могъ бы сдѣлать человѣкъ, который зналъ бы небо такъ, какъ говоришь ты, Станга.

— Первые шаги должна сдѣлать литература!—воскликнулъ Крастино, выходя на короткое время изъ своей разсѣянности.

— Правда,—подтвердилъ я.—Я очень мало знакомъ съ литературой, но то немногое, что мнѣ пришлось просмотрѣть, совершенно для меня не интересно. Такъ долго говоривъ о самомъ себѣ, человѣкъ все еще продолжаетъ стоять на томъ же; и при этомъ все таки говорить зря, такъ какъ мало самого себя видить; видить же мало, потому что совершенно уже не видить всего остального,—землю, небо. Я имѣю въ виду людей литературныхъ... Дѣйствительно, кто знаетъ,

*) Monssu—извращенное monsieur.

что такое человѣкъ? Человѣкъ, это ни что иное, какъ воплощеніе земного самосознанія,—это земля, самое себя ощущающая... Что такое земля? Точка. Дочь солнца, нѣсколько большей точки... Солнце ее создало... Солнце нагрѣваетъ воздухъ, вызываетъ теченіе атмосферы отъ полюсовъ къ экватору и создаетъ вѣтры; солнце создаетъ морскія теченія, поглощаетъ пары, кристаллизуетъ ихъ на горныхъ высотахъ въ ледники и образуетъ текущія изъ ледниковъ рѣки; солнце заставляетъ море вздыматься, какъ дышащая грудь. Быть можетъ, солнце вздымаетъ и сердце земли, пластичное ядро, трепещущее въ глубинѣ коры, и влечетъ его къ себѣ, и заставитъ его когда-нибудь взорваться. Мы дѣти солнца.

— Браво!—громко воскликнулъ Кунбіо.—А ты дитя книгъ. Какая была послѣдняя книга, которую ты читалъ?

— Правда: то, что я говорю, это только извлеченіе изъ послѣдней мною правленной книги,—«Общей геологіи». Но что изъ того? Въ этомъ вся поэзія.

— Да. Это новая поэзія!—сдавленнымъ звукомъ произнесъ Крастино.

Въ его голосѣ слышались слезы. Я взглянулъ на него: свѣтъ заката освѣщалъ блѣдность его лба; на щекахъ горѣли словно горячечныя пятна.

— Кто-то создастъ ее?—прибавилъ онъ.

Мы помолчали. Небо все больше заволакивалось; облака погустѣли, сближивъ свои сѣрыя ядра, между которыми блестѣли какъ бы серебряныя лагуны.

— Газета предполагаетъ,—заговорилъ я снова,—что извѣстіе о сигналахъ съ Марса не болѣе, какъ результатъ воображенія какого-нибудь астронома-поэта. Возможно. Но что же изъ этого? Гипотеза о томъ, что все небо полно жизни, вѣдь уже насъ нынче не удивляетъ, хотя мы и не знаемъ ничего объ этомъ. Почему это такъ? Не существуетъ ли между мірами какого-нибудь общенія, которое психологи назвали бы сверхъ сознательнымъ, и которое завтра, быть можетъ, проникнетъ въ сознаніе. Обращали ли вы вниманіе на то, съ какой замѣчательной легкостью принимаются самыя изумительныя открытія?

Тутъ я замѣтилъ, что мои товарищи не слѣдили болѣе за моей рѣчью. Оба они были погружены въ самихъ себя, въ личную свою жизнь. Я почувствовалъ это, когда Крастино произнесъ, словно заканчивая какое-то свое мысленное разсужденіе, а въ то же время какъ будто и мою рѣчь.

— И въ концѣ всего смерть.

— Нѣтъ,—страстно возразилъ я.—Цѣль жизни связана, быть можетъ съ самою вѣчностью. Мы—только одинъ мигъ, и для насъ она не имѣетъ ни начала, ни конца. Умираетъ тотъ, кто не жилъ, кто не

творилъ. Надо создать какую нибудь кѣточку, идею, движеніе... и тогда не умрешь!

— Умремъ, умремъ,—повторилъ онъ съ тоской и словно съ тревогой.

— Несомнѣнно, какъ это ни жаль, милый Станга!—подтвердилъ Куибю.—Но все же это меня ни мало не заботитъ! Мы съ Крастино посмотримъ на жизнь одинаково, на нашу личную то есть; только онъ думаетъ о концѣ, а я думаю о сегодняшнемъ днѣ. Вотъ въ чемъ разница. Ну, а ты живешь въ облакахъ и въ книгахъ, или, если хочешь, за облаками. Счастливый человѣкъ!

Они, дѣйствительно, думали каждый о своей личной жизни. Сумерки настраивали ихъ нѣжнымъ образомъ, и каждый изъ нихъ мысленно созерцалъ образъ своей любви. На мгновеніе я остро почувствовалъ тоску по такой спутницѣ, по близкомъ женскомъ существѣ, которымъ должно дополняться по велѣніямъ природы существо каждого человѣка.

И я ощутилъ въ себѣ въ эту минуту присутствіе какого-то внутренняго страданія подобнаго тѣмъ быстро и прямо нанесеннымъ ранамъ, которыя не чувствуются сразу, но обнаруживаются потомъ ощущеніемъ жгучей боли.

«Сестра вашего друга... такъ вотъ это онъ самый!» Да понялъ ли я это? Эти слова звучали у меня въ ухахъ... И теперь услышанное встало въ моемъ сознаниіи во всемъ своемъ ужасѣ и во всей глубинѣ своей печальной дѣйствительности.

Мнѣ захотѣлось какъ можно скорѣе остаться одному, чтобы разобратъ въ своихъ чувствахъ и мысляхъ. Придя домой, я тотчасъ легъ, погасилъ огонь и погрузился во внутренний свой міръ.

Смутное и мучительное волненіе кипѣло у меня въ груди и въ мозгу; они пылали; я переполненъ былъ горечью, я задыхался. Потомъ, понемногу, я почувствовалъ себя до странности яснымъ и спокойнымъ, какъ будто кровь моя стихла и уюмкла, и только разумъ сіялъ, какъ свѣтъ, и освѣщалъ мое прошлое и мою горькую судьбу, и горькую судьбу всѣхъ мнѣ подобныхъ.

Любить, любить! чувствовать себя живымъ, и цѣльнымъ, и совершеннымъ въ любви другого, необходимо нужнаго мнѣ существа, чувствовать полное единеніе, ведущее къ болѣе богатой и полной чело-вѣчности и общности съ людьми. Идеалъ стоялъ передо мною такой простой и ясный, и такой для меня далекій, безвозвратный,—погибшій, быть можетъ, съ этой бѣдной умершей, улыбнувшейся мнѣ при агоніи. Бѣдное созданіе! Она невинно послѣдовала инстинкту счастья, вѣроломство и смерть хищнически погубили ее.

И во мнѣ разсѣялись желчная радость и мучительное волненіе, вызванныя обнаруженіемъ обманувшаго ее негодая. Могъ ли я мстить ему? Что онъ былъ такое? Можетъ быть, ничто; можетъ быть, существо, еще не появившееся на томъ уровнѣ, гдѣ живутъ существа

сознательныя. Онъ слѣдовалъ своему инстинкту, извращенному наслѣдственностью ряда поколѣній угнетателей и творцовъ зла. Люди, рождающіеся безъ обязанностей, но со всѣми правами, что могутъ они дѣлать, какъ не пользоваться этимъ?

Надо имъ противодѣйствовать! Противодѣйствовать силою свѣта!

Но злые сами уничтожаютъ другъ друга. Этотъ былъ въ хорошихъ рукахъ, и я хотѣлъ бы быть въ состояніи пожелать ему, чтобы наказаніе не было для него роковымъ и не лишило его возврата къ истинной его человѣческой природѣ.

Но я человѣкъ и рожденъ людьми.

Мнѣ хочется вѣрить въ существованіе непреложнаго закона: причинявшій страданіе долженъ страдать...

Я рѣшилъ ничего не говорить объ этомъ Виджи. Зачѣмъ?

VII.

Тѣми немногими минутами послѣднихъ лѣтъ, въ которыя я чувствовалъ себя хорошо и отводилъ душу, я обязанъ Куибио. Благодаря ему же я испыталъ также нѣкоторое удовлетвореніе своего самолюбія: сначала онъ обращалъ на меня мало вниманія, и подчасъ въ немъ проглядывало нѣкоторое пренебреженіе ко мнѣ, какъ къ человѣку наивному и недалекому; но потомъ онъ измѣнилъ свое представленіе обо мнѣ и дошелъ при этомъ даже до противоположной крайности.

Въ Куибио былъ такой избытокъ темперамента, что онъ постоянно долженъ былъ давать ему исходъ самой разнообразной дѣятельностью, почти всегда направленной на пользу другимъ и совершенно безвозмездно, хотя онъ и утверждалъ, что ему очень мало дѣла до ближнихъ.

Между прочимъ, однажды онъ предложилъ написать панно въ концертной залѣ одного общества любителей хорового пѣнія. Въ день открытія онъ повелъ меня туда.

Я считаю, что музыка является великимъ элементомъ умиротворенія и духовнаго подъема, въ особенности же пѣніе: въ своемъ стремленіи за предѣлы земли человѣчество не можетъ дать ничего болѣе глубоко трогательнаго, чѣмъ эта быстро отлетающая и въ то же время длительная мольба.

Помню я первый день моего поступленія въ пріютъ. Угрюмый, дикій, забился я въ глубину двора, съ отчаяніемъ чувствуя себя на всю жизнь заключеннымъ словно какъ бы въ тюрьму. Родная рѣка, зелень луговъ и деревьевъ, небо—были далеко, далеко, казались навсегда для меня исчезнувшими. И вдругъ раздался какой-то голосъ. Онъ пѣлъ непонятныя слова: «ге, сол, ла, зі»... Вслѣдъ за нимъ пошелъ другой, и нагналъ его; потомъ еще, еще голоса; они сливались, неслись вмѣстѣ, расходились, переплетались, приостанавливались, снова

подхватывали... и все тѣ же самыя непонятныя слова раздавались стройными звуками. И сердце мое смягчалось, рыданія становились рѣже, спокойныя слезы потекли изъ моихъ глазъ. И каждый день я забивался въ часть пѣнія куда-нибудь въ уголокъ и слушалъ «Молитву Моисея» Россини.

Потомъ я тоже былъ взятъ въ хоръ. У меня былъ небольшой дискантъ, скоро пропавшій вслѣдствіе ряда простудъ.

Помѣщеніе общества любителей хороваго пѣнія находилось за городомъ, въ мѣстности, гдѣ танцевальныя клубы чередуются съ дѣтскими садами, монастыри съ ресторанами. Осенній вѣтеръ крутилъ порывѣлыя листья, но холодъ еще не давалъ себя чувствовать. Мы по обыкновенію болтали, такъ какъ я сдѣлался упорнымъ говоруномъ, а Куибіо умѣлъ поддерживать меня въ болтливомъ настроеніи. Мнѣ казалось, что и онъ становился доступнымъ «волненію мышленія». Меня же мысли опьяняли, какъ вино. Съ Куибіо я преодолевалъ свою неумѣлость и медлительность въ изложеніи мыслей, съ нимъ я становился краснорѣчивымъ и неистощимымъ. Сознаю, что я немного приготавливался къ этимъ разговорамъ...

По дорогѣ у насъ возникъ горячій споръ по поводу одного представившагося намъ зрѣлища. Намъ встрѣтились ученики одной клерикальной гимназіи, шедшіе съ ружьями на плечахъ, съ маленькимъ оркестромъ трубачей и барабанщиковъ впереди. Сопровождавшій ихъ молодой патеръ старался соразмѣрить шагъ съ ихъ маленькими шагами.

— Вотъ твоя любимая музыка,—замѣтилъ Куибіо.

— Именно,—быстро возразилъ я.—Почему бы нѣтъ? Я люблю музыку не самое по себѣ, такъ же какъ и живопись, съ твоего позволенія. Я все искусство вообще люблю не какъ украшеніе существующаго міра, а какъ его показатель, мѣрило, какъ то, что отбиваетъ тактъ его движенія... Я убѣжденъ, что мнѣ понравится твоя живопись, потому что она навѣрное соотвѣтствуетъ залѣ и ея назначенію... И, конечно, видъ дѣтей, идущихъ подъ музыку размѣреннымъ шагомъ, восхищаетъ меня; они учатся дружно идти вмѣстѣ; ты думаешь, это мало? Научаются согласовывать въ зависимости отъ другихъ и въ направленіи къ одной общей цѣли свое дыханіе, движеніе своихъ мускуловъ, каждый жестъ.

— Такъ что по твоему, доктринеръ ты эдакій, искусство—это капельмейстеръ, который даетъ согласный ходъ всему существующему и отбиваетъ тактъ?

— Именно.

— А ружья,—возразилъ онъ тотчасъ же,—ружья тоже должны стрѣлять въ тактъ?

Ружья, надо надѣяться, станутъ въ ближайшемъ времени игрушками, какъ нынче алебарды въ процессіяхъ. Они будутъ только

меньше стоять, и чѣмъ будутъ древнѣе, тѣмъ большимъ будутъ пользоваться почетомъ...

Мы собирались въ эту минуту свернуть съ проѣзжей дороги въ долину, какъ вдругъ невдалекѣ появился громадный автомобиль, изъ подъ котораго вырывались, клубясь, огромныя бѣлыя облака пара. Мы едва успѣли отскочить въ канаву.

— Чтобъ вамъ ноги сломать!—рявкнулъ Куибіо, въ то время какъ я, зажмуривъ глаза и задыхаясь, откашливался.

Я успѣлъ только увидѣть подъ «балдахиномъ», трепыхавшимся, словно какая-то громадная мрачная птица, двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ.

— Вотъ проповѣдуй мнѣ теперь миръ!—воскликнулъ, дрожа отъ гнѣва, художникъ.—Въ то время, какъ аристократы стараются прятать когти, чтобы не раздражать тебя, являются буржуазные выскочки и даютъ тебѣ по физиономіи въ собственномъ твоёмъ домѣ. Да, потому что дороги принадлежатъ мужикамъ, бѣднякамъ!.. Знаешь!.. Взягъ бы вотъ въ каждый кулакъ по одному изъ этихъ уродовъ, да стукнулъ бы ихъ хорошенько другъ объ друга въ присутствіи этихъ двухъ гримасницъ въ очкахъ и ватерпруфахъ!

Туча пыли минутъ десять стояла надъ дорогой. Мы свернули въ долину и погрузились въ зелень и въ чистый воздухъ.

Я вспомнилъ прогулку съ Крастино мѣсяць тому назадъ. Ни Куибіо, ни я совсѣмъ не видали его съ тѣхъ поръ. Вѣроятно, онъ цѣлые дни проводилъ у себя въ мансардѣ. Можетъ быть, работалъ?

— Я думаю, что онъ работаетъ,—сказалъ Куибіо.—Но полагаю также, что и всяческимъ образомъ истощаетъ себя. Онъ изъ тѣхъ нервныхъ натуръ, которыя долго держатся, а потомъ слабеваютъ сразу.

Я вспомнилъ, какъ Крастино повѣрялъ мнѣ свои любовныя мечты, имѣвшія предметомъ простые легендарные образы. Очевидно, онъ сильно измѣнился. И я подумалъ о томъ, какъ часто жизнь подшучиваетъ надъ самыми нашими любимыми мечтами.

Мы дошли до перекрестка и взглянули, приостановившись, вдаль, на извивавшіяся передъ нами дорожки. Вправо тянулся рядъ большихъ сосновыхъ столбовъ, предназначенныхъ для укрѣпленія электрическихъ проводовъ. Съ лѣвой стороны видѣлся невдалекѣ флагъ, развѣвавшійся надъ крышей старой мызы.

— Вотъ тамъ наше помѣщеніе,—сказалъ Куибіо.

— Посмотри,—указалъ я художнику въ то время, какъ мы поднимались въ гору,—вотъ сила, которая въ ближайшемъ будущемъ будетъ служить средствомъ особенно быстрого совершенія убійства... Да, что меня касается, я считаю безусловно необходимымъ, чтобы люди перестали убивать другъ друга.

— Тебя могли бы упрекнуть въ трусости.

— Были бы неправы,—возразилъ я, задѣтый его быстрымъ взглядомъ, брошеннымъ на мою фигуру.—Я думаю, что желаніе всеобщаго мира не является признакомъ подлости, а есть показатель повышенія человѣческаго типа. Тяжеловѣсный кулакъ свойственъ челоуѣку-обезьянѣ...

Мы подошли къ старой мызѣ, окруженной огородами и садами, полными разноцвѣтныхъ мохнатыхъ хризантемъ, и обнесенной стѣной, полузаросшей ежевикой; по кирпичамъ стѣны, мѣстами осыпавшимся, изрытымъ и источеннымъ воробьями, съ поразительной быстротой носились ящерицы. Куибио остановился передъ калиткой.

— Вотъ что, будемъ говорить ясно,—сказалъ онъ, все еще весь дрожа отъ только что испытаннаго раздраженія.—Ты хотѣлъ бы сдѣлать меня своимъ послѣдователемъ. Не возражай: бесполезно; хотя ты, повидимому, и предоставляешь другимъ свободу, но въ то же время навязываешь свои идеи. Если говорить самую суть,—ты хочешь, чтобы я отказался отъ чего либо, и отъ многого въ пользу другихъ...

— Да не ты,—прервалъ я его,—не ты, такой же бѣднякъ, какъ и я!

— Нѣтъ, именно я!—возразилъ онъ съ возбужденнымъ лицомъ и несвойственнымъ ему рѣзкимъ тономъ.—Я, вѣдь, тоже хочу завоевать себѣ все, что есть въ жизни. Если я буду заботиться о томъ, чтобы не вредить другимъ (а эти другіе, которыхъ я имѣю въ виду, просто мошенники), я долженъ отказаться отъ слишкомъ многого, отъ всего, что мнѣ необходимо, и что находится въ настоящее время въ рукахъ этихъ другихъ... Во имя чего же это я буду отказываться? во имя чести? или родины? или во имя породы? О породѣ пусть говорятъ тѣ, у кого есть предки. У насъ ихъ нѣтъ, у насъ есть только жалость къ тѣмъ несчастнымъ существамъ, которымъ выпало на долю произвести насъ на свѣтъ; у насъ нѣтъ предковъ, какъ нѣтъ ихъ у куръ, или у лягушекъ, или вотъ у этихъ ящерицъ...

Говоря это, онъ сильно ударилъ палкой по кусту крапивы, откуда раздался въ отвѣтъ громкій торопливый шелестъ.

— Прекрасно, — сказалъ я примирительнымъ тономъ, стремясь успокоить добродушнаго великана.—Да развѣ я сопротивляюсь тому, чтобы ты завоевалъ себѣ жизнь? Я не знаю, что это, то, что тебѣ необходимо и что принадлежитъ другимъ. Дѣло въ томъ, что, можетъ быть, это никому не принадлежитъ...

— Ты правъ, — задумчиво согласился онъ и сильно дернулъ колокольчикъ.—Отчего ты не напишешь всего этого? Ты говоришь такія вещи, которыхъ я никогда не слыхалъ...

Изъ двери въ глубинѣ двора появился челоуѣкъ, быстро опять вернулся въ домъ, и тотчасъ же оттуда высыпала толпа, въ которой выдѣлялись свѣтлыя одежды женщинъ.

— Скорѣе,—закричалъ, подбѣгая къ намъ, смуглый, худощавый молодой челоуѣкъ,—скорѣе, только тебя и ждали.

Куибио представилъ меня и назвалъ мнѣ его: Пикадэй. Я съ любопытствомъ и почтеніемъ взглянулъ на него. Это былъ знаменитый каррикатуристъ журнала «Rasquino» *). Мнѣ еще никогда не приходилось его видѣть, хотя онъ былъ хорошо извѣстенъ всему Турину, отъ молоденькихъ швеекъ до городского головы включительно.

Вслѣдъ за нимъ подошелъ дирижеръ хора и, обнявъ художника, увлекъ его въ залъ среди оживленной болтовни окружившихъ ихъ дамъ. Я оказался отрѣзаннымъ отъ нихъ и, покоровившись своей участи, остановился у входа. Меня смущали всѣ эти женщины.

Зала была набита биткомъ. По счастью, я могъ все видѣть, благодаря своему высокому росту. Раздался шестой переворачиваемыхъ нотъ, и все смолкло; хоръ запѣлъ «Più» **) Мартини; я даже затрепеталъ весь отъ удовольствія, — уже столько лѣтъ не слышалъ я этой веселой музыки. О дѣтство, прекрасное... благодаря своей отдаленности, дѣтство.

Потомъ на эстраду вскочилъ Пикадэй и произнесъ нѣсколько шутовскимъ языкомъ оригинальную рѣчь-импровизацію, блестящую которой часто приходили мнѣ потомъ на память, какъ какая-то странная музыка.

Онъ говорилъ, что, услыша впервые свой собственный голосъ, человѣкъ долженъ былъ до ужаса испугаться, не будучи въ состояніи сообразить, что этотъ голосъ выходитъ изъ его груди, — представить себѣ изумленіе контрабаса, который вдругъ услышалъ бы самого себя! Потомъ это должно было показаться человѣку забавнымъ и обрадовать его...

Я привожу, конечно, только въ обрывкахъ, и притомъ обезцвѣчивая ихъ, тѣ мысли, которыя излагалъ каррикатуристъ съ острымъ лицомъ сатира.

Что дѣлаетъ крестьянка въ полѣ въ полдень и въ сумерки, когда палящее солнце или спускающійся мракъ наполняютъ ужасомъ ея душу? Она поетъ. Она только маленькое, потерянное существо, но ея голосъ, ея тревога, ея дерзновеніе наполняютъ всю окрестность. Человѣкъ среди слишкомъ для него громаднаго неба дѣлаетъ то же, что и эта крестьяночка. Она поетъ.

«А когда не хватаетъ болѣе голоса, являются инструменты. Разнообразное множество звуковъ соединяется потомъ въ храниль, и получается, наконецъ, самый удивительный изъ всѣхъ инструментовъ, — куполь».

Можно ли найти, говорилъ онъ дальше, можно ли найти болѣе привлекательный образецъ общества, чѣмъ какой даетъ намъ хоръ голосовъ? Можетъ ли быть болѣе строгая и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе

*) Юмористическій журналъ.

**) „Смѣхъ“.

свободная связь между людьми, чѣмъ та, которая существуетъ при исполненіи наприимѣръ какого-нибудь гимна Палестрины? Среди смѣны всевозможныхъ степеней различныхъ чувствъ всѣ участвующіе сохраняютъ при полномъ между собою единеніи свою индивидуальность, которая то скрывается, то вновь выступаетъ... Дирижеръ является только выразителемъ общей воли, символомъ единства, центромъ... И наступаетъ моментъ, когда уже не онъ руководитъ, не хоръ подчиняется ему, но получается нѣчто цѣлое, въ чемъ дирижеръ служитъ только нагляднымъ выраженіемъ ритма... И личность дирижера, то есть то, что является олицетвореніемъ правила, закона, ступшевыается, смолкаетъ, такъ какъ уже всѣ пронились закономъ, законъ слился съ самымъ движеніемъ жизни.

«И этотъ внутренній законъ есть не что иное, какъ біеніе пульса маленькой планеты, которой мы созданы, соотвѣтствующее біенію пульса міровъ, біенію пульса бытія. Когда мы вполнѣ пронижемся этимъ закономъ, когда онъ будетъ свободно управлять нами, тогда не будетъ больше надобности ни въ писанныхъ законахъ, ни въ правительствахъ».

Послѣ рѣчи хоръ опять исполнилъ нѣсколько вещей. Слушая его, я разсматривалъ орнаменты Куибио на потолкѣ и по верхамъ стѣнъ, и всѣ листья и завитки этихъ орнаментовъ казались мнѣ полными той же гармоніи, что и музыка. Не являются ли всѣ искусства проявленіемъ одного и того же желанія, одного и того же стремленія человѣка къ безконечности?

Изъ присутствовавшихъ, вѣроятно, лишь немногіе поняли рѣчь каррикатуриста, остальные должны были схватить изъ нея только остроты и неожиданныя сръвененія. Это была необычная смѣсь людей. Среди рабочихъ и приказчиковъ стояли артисты, профессора университета, одинъ знаменитый скульпторъ, нѣмецъ книгоиздатель: музыка спланила воедино всѣхъ этихъ людей, жившихъ такъ далеко другъ отъ друга и такъ различно; какое то общее взаимное доброжелательство наполняло атмосферу теплотой и ясностью и въ промежуткахъ между пѣніемъ.

Когда мы вышли, солнце спускалось къ горизонту. Долина была вся испещрена и оживлена свѣтлыми одеждами и разноцвѣтными зонтиками, словно и не чувствовалось въ воздухѣ холоднаго дыханія близкой зимы. Пикадэй шелъ подъ руку съ Куибио, я слѣдовалъ за ними, чувствуя себя нѣсколько одинокимъ, но всей душой желая не быть чуждымъ среди этой толпы, спускавшейся теперь по извилистой дорожкѣ. Кучка людей, среди которой преобладали женщины, нагнала обонхъ, шедшихъ передо мною, и окружила ихъ; они, между тѣмъ, остановились посмотрѣть на начатыя вдоль дороги работы по устройству электрическихъ проводовъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи ви-

день былъ въ туманѣ городъ; нѣсколько ближе, среди тополей, По; въ двухъ шагахъ отъ насъ бѣлая, пыльная дорога въ Монкальери.

Шла рѣчь о телеграфѣ Маркони.

— Ничто въ мірѣ не пропадаетъ,—говорилъ Пикадэй.—Все, что окружаетъ насъ, всѣ вещи и люди производятъ на насъ свое воздѣйствіе, такъ что мы являемся пріемниками, конденсаторами, проводниками... Можетъ быть, тѣ вещи, которыя мы называемъ мертвыми, на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе полны жизни, чѣмъ въ то время, когда мы ихъ считали живыми. Можно сказать, что дома, комнаты, мебель бываютъ живыми только тогда, когда среди нихъ кто нибудь умеръ; они скопляютъ въ себѣ, можетъ быть, энергію бывшихъ жизней, переходящую отъ нихъ на насъ при всякомъ соприкосновеніи. Весь міръ, отъ нашего сердца и до солнца, не что иное, какъ волны и пульсаціи.

Мнѣ вспомнилась иллюстрація, видѣнная мною въ какомъ-то журналѣ: все только щупальцы, какія бываютъ у насѣкомыхъ, и больше ничего. Человѣкъ нашепъ у себя щупальцы, и они трогаютъ воздухъ. И такимъ образомъ земля оказывается окруженной душой человечества, простирающейся за предѣлы атмосферы, за предѣлы планетъ, все шире и шире.

— Кто сумѣетъ сказать мнѣ,—продолжалъ Пикадэй, улыбаясь и теребя свою бородку,—почему человѣкъ ходитъ на двухъ ногахъ, то есть параллельно лучу земли и лучу солнца? Потому что онъ есть истинный лучъ земной, посредствомъ него ея субстанція изливается въ безконечность.

Я испытывалъ удивительное чувство. Вѣдь это были тѣ идеи, съ которыми я носился уже годы, и тотъ фактъ, что ихъ высказывалъ другой человѣкъ, производилъ на меня странное впечатлѣніе какъ бы доказательства реальности ихъ существованія.

И казалось, что этотъ человѣкъ извлекалъ ихъ готовыми и ясными изъ глубины моего смутнаго мышленія, какъ золото изъ рудной жилы.

Смеркалось, женщины смѣялись.

— Вотъ фантазіи!—говорили онѣ каррикатуристу.

Дѣйствительно, какъ мы еще далеки отъ всего этого. Фантазіи!...

И меня охватило вдругъ чувство страшнаго одиночества, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда, убѣжавъ слишкомъ далеко впередъ по тропинкѣ, я вдругъ схватывался и, прислушиваясь, не слышалъ больше за собою прихрамывающаго шага моего отца.

Мы подошли къ большой дорогѣ, и въ эту минуту мимо насъ проѣхало нѣсколько велосипедистовъ. За ними ровно, покойно прокатился маленькій автомобиль; сзади слѣдовали еще велосипедисты.

— Король,—сказали нѣсколько человѣкъ.

Онъ проѣхалъ въ разстояніи всего только нѣсколькихъ шаговъ.

И въ мгновеніе передо мною возникла, охватила и поглотила меня картина нашего безпорядочнаго, разбросаннаго, безформеннаго общественнаго строя. Какая насмѣшка! Какое внезапное паденіе изъ гармоничныхъ грезъ Пикадэя! Но развѣ не было бы довольно захотѣть? Нѣтъ, надо знать сначала, а прежде, чѣмъ знать, надо жить...

— О чемъ замечтался, Martino, — спросилъ Куибио, дотрогиваясь до моего плеча.

Мои мысли неслись вслѣдъ уже далекому автомобилю.

— Все о томъ же, другъ мой! Прежде всего нужно, чтобы всѣмъ было, чѣмъ жить...

— Старая исторія!

— Да, но никто не начинаетъ, никто не дѣйствуетъ; каждый думаетъ только о себѣ, и никто не думаетъ обо всѣхъ...

Въ это мгновеніе одна мысль, какъ молнія, сверкнула у меня въ мозгу.

Придя домой, я взялъ тетрадь и написалъ на ней:

СТОНЪ НАРОДА.

Потомъ я долго сидѣлъ, держа въ рукахъ перо и пристально глядя на огонь лампы. Волненіе сдавливало мнѣ грудь, мнѣ казалось, что я приступаю съ великому дѣлу, что окажусь, конечно, ниже своей задачи, но вложу въ нее такую силу вѣры, которая способна будетъ перевергнуть горы. Я долго безрезультатно ломалъ голову; но не отъ недостатка мыслей: онѣ бушевали, какъ рѣка, не находящая выхода. Скоро голова моя отяжелѣла, въ глазахъ потемнѣло. Я долженъ былъ лечь.

Когда первое волненіе улеглось во мнѣ, я сталъ понемногу яснѣе видѣть и разбираться въ своихъ мысляхъ. Необходима, думаю я, величайшая краткость, величайшая ясность, много страстности. Вѣдь рассказываютъ, что нѣкоторые святые обладали такой силой убѣжденія, что побѣждали сердца самихъ тирановъ... Нужно вступленіе, которое должно явиться цѣлымъ откровеніемъ, изложеніе должно быть уравнивлено и расчленено, слова заключенія должны жечь какъ пламя. Первая и послѣдняя части могутъ быть импровизованы, послѣ того, какъ будетъ отдѣлана средняя, самая трудная.

Я останавливался поочереды на многихъ планахъ и отбрасывалъ ихъ одинъ за другимъ. Изобразить недостатки различныхъ классовъ и проповѣдывать необходимость ихъ саянія воедино? Но я знакомъ только съ однимъ классомъ... Взяться опять за никогда еще не бывшую приведенной въ исполненіе программу: свобода, равенство и братство? Но это слова, уже вышедшія изъ употребленія... Распредѣлить содержаніе соотвѣтственно различнымъ министерствамъ королевства?..

И я почувствовалъ себя вдругъ жалкимъ, глупымъ, ничтожнымъ. Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ погружался я во всѣ источники знанія,

но въ качествѣ эгоиста, исключительно съ цѣлью удовлетворить громадную свою жажду. И изъ всей массы собранныхъ свѣдѣній я не могъ вывести простого правила жизни ни для себя, ни для другихъ... Мнѣ захотѣлось скорѣе заснуть, уединиться, уйти отъ всего того, что давило меня со всѣхъ сторонъ и что требовало отъ меня чего то, чего я не видѣлъ и не зналъ, что налагало на меня какую-то слишкомъ тяжелую задачу... О, еслибъ я могъ заснуть. Есть много людей, которымъ нельзя спать. Я же одинъ, одинъ, безъ души близкой. У меня ни передъ кѣмъ нѣтъ обязанностей.

Но я не могъ заснуть.

Въ одномъ только я былъ увѣренъ, что сумѣю это сдѣлать. Сумѣю описать людей, которые страдаютъ и умираютъ. Многое умираетъ вмѣстѣ съ ними: любовь, довѣріе къ справедливости на землѣ, вѣра въ справедливость въ грядущемъ. У многихъ не остается ничего кромѣ отчаянія, и ихъ не поддерживаетъ при этомъ даже мысль о томъ, что осужденіе всеобщее. Каждый знаетъ, умирая, что имѣлъ право на жизнь, что имѣлъ бы и возможность жить, если бы другой человекъ, если бы нѣкоторая коалиція людей не лишила его этой возможности... Такъ что критика современнаго общественнаго строя была бы мнѣ легка; а эта критика и должна была быть первой частью моей программы; вторая часть должна была состоять въ построеніяхъ.

Я мало былъ знакомъ съ различными видами социализма; но меня особенно не удовлетворяло въ нихъ чрезмѣрное значеніе, придаваемое деньгамъ, всему тому, что хотя и является условіемъ *sine qua non* существованія, но чего одного далеко еще не достаточно.

Наконецъ я остановился на одномъ планѣ, который хотя и казался мнѣ менѣе строго опредѣленнымъ, но всего успокоительнѣе подействовалъ на мой умъ. Я всталъ и тотчасъ же набросалъ его. Вотъ онъ. Нѣкій король, представляющій себѣ картину болѣе высокаго состоянія общественнаго строя, хочетъ системой своего управления привести къ этому своихъ подданныхъ, намѣреваясь и отречься отъ престола, когда почувствуетъ, что они дѣйствительно стали свободными. Главное орудіе его: врачи и учителя. Свобода и дѣятельность. Предоставленіе свободы даже заблужденіямъ, но безграничное поощреніе свѣту и дѣйствительное ему содѣйствіе. Стремленіе къ уничтоженію всѣхъ оковъ, отъ физическихъ по отношенію къ преступникамъ и сумасшедшимъ, до моральныхъ по отношенію ко всѣмъ людямъ. Постепенное уничтоженіе наслѣдственной собственности: каждому рожденному отъ человѣка дается въ достаточномъ размѣрѣ необходимое, а то, что онъ приобрѣлъ при жизни, переходитъ послѣ его смерти въ общественный фондъ. Юридическая свобода личности женщины, равенство половъ въ стремленіи къ приобретенію личности, свободы, счастья. Свобода стремленій каждаго къ личной жизни, къ личной любви. Защита рожденія и воспитанія человѣка. Обезпеченіе ста-

рости. Постоянный надзоръ за состояніемъ здоровья всего населенія, ведущій къ уничтоженію болѣзней. Усиленное покровительство промышленности, торговли, наукъ, поощряющее человѣка къ покоренію самого себя, земли, неба. Вѣра въ прогрессъ человѣчества, какъ если-бы оно не должно было, да и дѣйствительно не должно умереть съ землею. Культъ жизни...

И я заснулъ, умиленный проникнувшей въ меня великой надеждой.

VIII.

Стоялъ мартъ мѣсяцъ. На улицахъ дулъ сильный вѣтеръ. Въ мансардѣ Куибіо, подъ большой лампой, разливавшей бѣлый и ровный свѣтъ, царилъ мирный покой. Я сидѣлъ спиной къ окну, по желанію Куибіо, который хотѣлъ, чтобы оно служило фономъ, и края оконнаго выступа являлись какъ бы рамой. Онъ быстро рисовалъ; движеніе его головы и взгляда отъ бумаги ко мнѣ и обратно создавало во мнѣ какое то чувство безпокойства.

— Думай о чемъ нибудь и старайся не двигаться,—сказалъ онъ мнѣ.—Думай, напримѣръ, о чемъ нибудь отвлеченномъ; рѣшай какую нибудь геометрическую задачу, что ли... или вопросъ астрономіи. Ты, вѣдь, астрономъ, правда?.. А если я заговорю, ты мнѣ не отвѣчай. Сосредоточься на какой нибудь мысли и не отвѣчай.

Я старался сосредоточиться, какъ онъ говорилъ, но это не удавалось мнѣ. Я сталъ думать о своей запискѣ, за которую уже нѣсколько разъ принимался заново. Прошло четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я ее задумалъ. Мнѣ извѣстна была исторія туманныхъ пятенъ и земли, и организмовъ, но я не зналъ простой исторіи человѣка, homo sapiens. Принявшись изучать ее, я увидѣлъ, что все то, что я представлялъ себѣ идеаломъ общественнаго устройства, уже такъ или иначе существовало въ исторіи человѣчества. Прогрессъ отдѣльныхъ народовъ долженъ только со временемъ замѣниться прогрессомъ всего человѣчества. А затѣмъ? Затѣмъ благоденствіе и упадокъ. Нація наслаждается, увеличеніе народонаселенія останавливается, варвары подавляютъ націю. Когда все человѣчество будетъ счастливо, человѣчеству настанетъ конецъ... Да и что за важность въ сущности? Вся исторія лишь маленькая точка въ безконечности.

— У тебя усталое лицо,—сказалъ Куибіо...—Это не годится. Отдохни минутку.

Я всталъ, а онъ принялся прикрѣплять восковой бортникъ къ мѣдной гравировальной дощечкѣ, которую собирался на другой день залить кислотой; слѣдующій день былъ праздникъ,—онъ въ продолженіи недѣли обыкновенно рисовалъ, а по воскресеньямъ работалъ надъ досками.

Я оглядѣлъ комнату. Куибіо часто мѣнялъ расположеніе множества

разнообразныхъ и необычныхъ предметовъ, лежавшихъ повсюду въ его комнатѣ и развѣшанныхъ по стѣнамъ. Посреди одной изъ стѣнъ мнѣ бросилось въ глаза изображеніе дамы въ бѣломъ; лицо ея было нарисовано въ профиль, на фонѣ деревьевъ; фигурка была поразительно граціозна и, казалось, двигалась.

Кунио взглянулъ на меня и улыбнулся.

— Что скажешь?

— Очень хороша!

— Она лучше...

Онъ смолкъ, улыбаясь какой-то внутренней улыбкой.

— Что это за арфа?—спросилъ я, разглядывая какую-то странную карикатуру, прикрѣпленную на стѣнѣ.

На ней былъ изображенъ въ профиль необыкновенно длинный человѣкъ; его туловище, ноги и одна рука, вытянутая настолько далеко, что кончики пальцевъ касались ногъ, образовывали собою треугольникъ, или арфу; другая рука трогала струны, натянутыя между туловищемъ и ногами.

— Не узнаешь?—отвѣтилъ онъ, усмѣхаясь.—Это нашъ городской голова, въ моментъ приѣма государей, музыкальная карикатура Пикадэя. Какъ тебѣ нравится Пикадэй?

— Очень мнѣ симпатиченъ!

— Онъ страшный книгоѣдъ, какъ и ты. Я думаю, вы поняли бы другъ друга. Я расскажу тебѣ одну маленькую исторію, только ты, пожалуйста, держи ее въ тайнѣ. Мы были съ нимъ товарищами въ школѣ ремесла и искусства. Потомъ я его потерялъ изъ виду. Но пять лѣтъ назадъ вдругъ натыкаюсь на него. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на себя въ зеркальное стекло магазина, и что у него былъ за видъ! Я становлюсь рядомъ съ нимъ и кланяюсь его тощей фізіономіи, отражающейся среди развѣшанныхъ за стекломъ дамскихъ шляпокъ. «Эй, Пика!»—«Кунио!» Выпустивъ его изъ своихъ крѣпкихъ объятій, вижу, что онъ шатается и блѣднѣетъ. «Пика, что съ тобой?»—«Я три дня не ѣлъ!» Я свелъ его въ ресторанъ и самъ ѣлъ съ нимъ изъ вѣжливости. Когда мы кончили, онъ осыпалъ меня бранью и ушелъ. И только въ прошломъ году я опять увидѣлъ его совершенно уже возродившимся; и, милый мой, онъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ, какъ ребенокъ.

Кунио, между тѣмъ, кончилъ свою дощечку и сказалъ, чтобы я опять сядилъ позировать. Я сѣлъ.

— Знаешь новость?—заговорилъ онъ опять.

— Какую?

— Не видишь тамъ портретъ Чимизина? Все никакъ не могъ его залучить. Теперь вотъ, наконецъ... Бѣдняга! Впрочемъ, ты, конечно, вѣдь, ничего не знаешь: въ облакахъ живешь!.. Вѣдь, съ нимъ что было!.. Говорятъ, что за всѣ десять лѣтъ, что онъ здѣсь живетъ,

онъ ни разу не затворялъ своихъ дверей изъ боязни, что ихъ тогда выломаетъ какой-нибудь кузнецъ франмасонъ. Вдругъ вчера утромъ видать,—дверь заперта. Можешь себѣ представить... На дверяхъ клочокъ бумажки съ надписью: «Закрѣно» вслѣдствіе кончины нанимателя. Написано его рукой. Тогда пришелъ управляющій и послалъ за полиціей. Открыли и нашли бѣднаго старика на кровати, совсѣмъ больнымъ. Рядомъ на полу стояла жаровня съ угольями, но съ погасшими. Бѣдняга напился пьянъ для храбрости, замѣтъ, онъ никогда не пилъ... легъ на кровать. Но ему стало худо отъ вина, сдѣлалась рвота, вино назадъ и частью на жаровню...

— Что за судьба!—воскликнулъ я.— Я думалъ, что хоть онъ-то, по крайней мѣрѣ, счастливъ.

— Да, подробность: кѣтка оказалась пустою. Должно быть, онъ выпустилъ на свободу своего скворца съ гимномъ...

Куибіо помолчалъ немного, потомъ опять заговорилъ, стараясь, можетъ быть, занять меня; я чувствовалъ, какъ меня охватывала тоска.

— Ты знаешь про стачку въ Лоани? Четверо человѣкъ рабочихъ убито. Кричали: «да здравствуетъ король», а передъ тѣмъ подожгли ратушу... Какъ мы отстали. Все это еще понятія моего дѣда Шольце, который, поссорившись съ членомъ городской управы, хотѣлъ идти къ королю, чтобы онъ ихъ разсудилъ.

— А ты не думаешь,—возразилъ я,—что король могъ бы измѣнить все положеніе дѣла въ данной странѣ, особенно чувствуя эту поддержку въ душѣ народа?

— Да ты реакціонеръ, другъ мой!—отвѣтилъ онъ, смѣясь.—Берегись! У насъ есть конституція и парламентъ; ты можешь предполагать, что они оба плохи, но ихъ пожелала верховная воля народа. Размышлять о томъ, кто былъ этотъ народъ, изъяснившій тогда свою волю, конечно, нечего: все тотъ же, что и теперь... За нимъ стоялъ другой? Но тотъ не имѣетъ значенія, мой милый: онъ не видитъ вблизи отъ себя никакой помощи и ищетъ ея поэтому очень далеко, ищетъ ея у Провидѣнія, земнымъ представителемъ котораго является для него король... Этимъ объясняются прошенія, подбрасываемыя въ залъ парламента. Вѣдь, это прелесть!—И насмѣшливость Куибіо все возрастала.—Но эти прошенія бросаютъ уже люди обуржуазившіеся... Настоящій же народъ, тотъ идетъ прямо къ королю... Что ты не пойдешь къ нему? Скажи ему рѣчь...

Шутка его внезапно ошеломила меня, какъ будто меня вдругъ поймали на недостойной или очень глупой мысли. Я промолчалъ, внутренно протестуя.

— Видѣлъ ты эти дни Крастино?—спросилъ онъ, мѣняя тонъ и какъ бы прося этимъ извиненія.

— Видѣлъ въ прошлое воскресенье. Онъ шелъ отъ французской

заставы и выглядѣлъ страшно усталымъ; она шла съ нимъ подѣ руку, и казалось, что она его поддерживаетъ...

— Скоро ему конецъ!—серьезно произнесъ Куибио.

Меня точно ударили по сердцу, и трепетъ ужаса пробѣжалъ по мнѣ. Мнѣ никогда не приходилось присутствовать ни при чьей смерти. Когда умиралъ мой отецъ, я былъ, должно быть, съ нимъ, но одна сосѣдка увела меня изъ комнаты, и потомъ уже я больше не видалъ его. Впрочемъ, я представляю себѣ смерть не иначе, какъ переходъ, или переломъ. Что потомъ? Я не знаю. Но смерть, какъ конецъ, не существуетъ.

— Что ты такое въ смыслѣ политики?—заговорилъ Куибио, все продолжая рисовать.—Я одно время былъ анархистомъ, но анархистомъ аморфическимъ. Ты же, мнѣ кажется, одинъ изъ этихъ утопическихъ анархистовъ, которые были для насъ какъ бы дымомъ въ глазахъ,—Реклю, Бакунинъ, Толстой, Ибсенъ... «Люди, вы рождены добрыми, отчего же не обнять вамъ другъ друга?» Но тогда, видишь ли, я голодалъ, и у меня была чахоточная жена... Я, вѣдь, вдовецъ, ты этого не зналъ? Я чувствовалъ топтавшія меня ноги и кусался... То есть меня укусили, такъ какъ меня, вотъ такого, какъ ты видишь, несмотря на то, что я никакой мухъ не сдѣлалъ зла, посадили въ каменный футляръ Пьяченцы на Капри, и я высидѣлъ тамъ годъ. А жена, замѣть, дождалась меня, чтобы умереть у меня на рукахъ. Ей было двадцать лѣтъ.

Онъ смолкъ и скрипнулъ челюстями.

Потомъ онъ выпрямился, расправилъ грудь, сильно вздохнулъ и опять нагнулся надъ рисункомъ.

— Ты не отбывалъ воинской повинности?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я оказался негоднымъ, слишкомъ длиннымъ и тощимъ...

— Сколько по твоему мнѣ лѣтъ?—продолжалъ онъ.—По крайней мѣрѣ, тридцать? А мнѣ двадцать пять... Что я теперь по части политики? Просто добрый малый, который хочетъ жить и изображать въ офортахъ трепещущую вокругъ меня жизнь,—и только. Но я хочу имѣть свободу думать, свободу работать, свободу любить... Есть страны, гдѣ это не до такой степени запрещено; и всего привлекательнѣе изъ нихъ Парижъ. Не правда ли? А! Свобода, искусство, жизнь!

Онъ вдругъ замолкъ и внимательно посмотрѣлъ на меня принужденными глазами.

— Вотъ такъ хорошо. Потерпи минутку, потомъ отпущу тебя...

И онъ погрузился въ работу. Я плохо слушалъ послѣднія его слова. Я размышлялъ. Я знаю одного человѣка, не занимающаго никакой общественной должности, пріятеля директора нашей типографіи; онъ филантропъ; не имѣя никакой религіи, которая являлась бы для него основой, онъ выросилъ и воспиталъ сотни дѣтей, накормилъ и одѣлъ множество нищихъ, облегчилъ безчисленное количество невѣ-

домыхъ страданій. Предположимъ, что подобный апостолъ былъ бы депутатомъ, министромъ... Я невѣжда въ политикѣ... «Спихнули бы его». Но почему же? Если очевидно, что онъ дѣлаетъ много добра? Но такой человѣкъ долженъ былъ бы всегда быть полонъ одной только мыслью, однимъ желаніемъ, и это желаніе должно было бы быть сутью его жизни. Предположимъ, что этотъ человѣкъ обладалъ бы наибольшей степенью власти, какою только можетъ обладать человѣкъ въ какой-либо націи...

Если, напротивъ того, человѣкъ, облеченный такой властью, ничего не дѣлаетъ для того, чтобы былъ положенъ конецъ невыносимому положенію вещей... Изъ этого съ очевидностью слѣдуетъ заключить, что онъ этого положенія вещей не знаетъ. Такъ какъ я чувствую, напримѣръ, что сдѣлалъ бы чудеса, будь я такимъ человѣкомъ; а если бы мнѣ ничего не удалось... э! что я, несчастный, могу знать о томъ, чѣмъ бы я былъ!.. Такъ, стало быть, онъ не знаетъ. Его окружающіе толпятся около него, чтобы онъ не видѣлъ; окружающіе создаютъ по обѣимъ сторонамъ его пути ограду изъ благоденствующихъ фізіономій, чтобы онъ и подозрѣвать не могъ о существованіи нищеты, голода, смерти...

Надо найти человѣка, который сумѣлъ бы призвать его, сумѣлъ бы свести его за руку въ обреченный проклятію подпочвенный слой общества.

Художникъ все взглядывалъ на меня и работалъ съ какой-то лихорадочной поспѣшностью. Я чувствовалъ, какъ во мнѣ словно движется что-то съ какой то медлительной тревогой, словно что то готовилось вскрыться въ моемъ мозгу, какая то мысль, какое то просвѣтленіе.

И еще мнѣ чудился внутри меня словно стонъ, шедшій изъ неведомой мнѣ глубины моего существа, и беспокойство росло, и росло чувство какой то тревожной муки, постепенно все больше и больше наполняя меня, подступая мнѣ къ горлу; какой то ужасъ завладѣвалъ мною, разрывалъ мнѣ голову. И при этомъ тишина!

Беззвучныя движенія художника казались мнѣ странными и страшными; настала минута, когда взглядъ его глазъ сдѣлался для меня невыносимымъ. И вдругъ прозвучалъ пронзительный крикъ, точно вырвавшійся изъ глубины моего существа.

Художникъ вскочилъ на ноги, распахнулъ окно и высунулся въ темноту.

— Тамъ! у Крастино!..

Мы бросились оба въ корридоръ. Кто то открылъ какъ разъ въ эту минуту дверь Крастино, и на противоположной стѣнѣ вырисовался прямоугольникъ свѣта съ тѣнью посрединѣ. Прежде чѣмъ дверь закрылась, мы подбѣжали и вошли, не стуча. Передъ нами вошла жена пьяницы; открывшая ей Блондинка, полуодѣтая, съ распущенными во-

лосами и искаженнымъ лицомъ, съ глубокимъ стономъ раненаго животнаго бросилась поперекъ кровати. На подушкѣ, казалось, улыбалось неподвижное, застывшее лицо Крастино.

— Мертвъ!—сказалъ художникъ, положивъ ему на грудь руку.

Я бросился къ бѣдному моему другу, схватилъ обѣими руками его голову, позвавъ его тихонько, но со всей страстной силой моего желанія. Голова была тяжела и безжизненна.

Дѣвушка лежала ничкомъ поперекъ колѣнъ умершаго, вцѣпившись руками въ простыню, почти вся закрытая своими волосами, и не переставала стонать, стономъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго. Минка дотронулась до нея, попробовала ее поднять,—она порывисто обернулась къ ней лицомъ; лицо это было страшно. Видимо, она хотѣла, чтобы это ея бѣдное дитя цѣликомъ принадлежало ей и послѣ смерти.

— Надо что-нибудь сдѣлать,—сказалъ Кунбіо.

— Да,—подтвердилъ я.—Но прежде всего доктора.

— Безполезно. Впрочемъ, можно попытаться. Хоть бы узнать отъ нея что-нибудь!

— Она здѣсь часа съ полтора,—сказала Минка.—Я ее позвала. Я проходила и слышала, что онъ стонетъ, спросила, не надо ли ему чегонибудь. Тогда она пришла, вся встревоженная, и я оставила ихъ однихъ.

Я бросился за участковымъ врачомъ.

Онъ жилъ близко и сейчасъ же пришелъ.

Онъ подошелъ къ постели, потрогалъ, послушалъ и понурилъ голову. Затѣмъ спросилъ у насъ разъясненій; мы указали ему на дѣвушку; она тѣмъ временемъ встала, но лицо ея было все такъ же замкнуто и ужасно.

— Какъ это случилось?—рѣшительнымъ тономъ спросилъ докторъ.

Лицо ея судорожно исказилось; она разрыдалась.

— Не знаю,—заговорила она сквозь рыданія.—Онъ казался спокойнымъ, я думала, что усыпила его. Какъ вдругъ онъ сжалъ мнѣ руки такъ сильно, до боли... поднялся сразу, сѣлъ, прохрипѣлъ и упалъ навзничъ.

Докторъ сжалъ губы.

— Такъ. Это должно было случиться... Теперь надо подумать о живыхъ. Вы мужчины,—обратился онъ къ намъ.—У бѣднаго юноши была чахотка и болѣзнь сердца. Подумайте... И пока что, уведите этихъ женщинъ. Больше здѣсь дѣлать нечего. Покойной ночи!

И онъ ушелъ.

Дѣвушка медленно поправила одѣяло, отогнула на него простыню. Прекрасная голова умершаго запала въ подушки; она подняла волосы съ чистаго, высокаго лба. На лицѣ не было ни одной морщинки, смерть дала покой мускуламъ, создававшимъ на немъ смѣну напря-

женныхъ выраженій; неподвижныя вѣки большихъ глазъ были сомкнуты навѣки; только неопредѣленный изгибъ рта оживлялъ мраморное лицо далекимъ напoминаніемъ о жизни, невыразимымъ, печальнымъ и трогательнымъ напoминаніемъ, на которое нельзя было смотрѣть безъ острой боли умиленія, такимъ оно казалось далекимъ и въ то же время такимъ близкимъ, видимое живымъ, но запечатлѣнное печатью вѣчности.

Тѣмъ же ощущеніемъ величественной тайны были, видимо, также полны художникъ и Минка; они не отрывали глазъ отъ умершаго, и я чувствовалъ, что они углублены были въ созерпаніе его и, затая дыханіе, вслушивались въ молчаніе вѣчности, пріостановившей на мгновеніе надъ нашими головами теченіе времени и жизни.

Сколько времени простоялъ я такъ въ самозабвеніи?

Я опомнился, почувствовавъ сильный холодъ въ ногахъ и въ спинѣ, которою прислонился къ стѣнѣ; въ комнатѣ уже не было никого, кромѣ дѣвушки, неподвижно сидѣвшей на полу около кровати, прижавшись лицомъ къ одеялу. Можетъ быть, она спала? Свѣтъ лампы былъ блѣденъ, такъ какъ уже бѣлѣло сквозь голыя стекла небо; и воздухъ казался мнѣ смертельно холоднымъ, словно отъ того, что было когда то моимъ бѣднымъ другомъ, распространялась смерть, цѣлко проникая въ мои члены.

Наступившій наутро день былъ дивно хорошъ. Солнце наполняло дворъ своимъ сверканіемъ. Окна въ домѣ открылись рано; на балконахъ нижнихъ этажей появились женщины въ утреннихъ платьяхъ, еще сонныя, улыбающіяся. Извѣстіе о томъ, что въ мансардахъ кто то умеръ, не уменьшило оживленія во внутреннихъ корридорахъ; дѣти гонялись тамъ другъ за другомъ и перекликались. Только въ мансардахъ было безмолвно и угрюмо, такъ какъ даже пѣсни и стукъ молотка Чимизина тамъ прекратились. Съ ранняго утра всѣ жильцы, не исключая и дѣтей, перебивали въ мансардѣ у Крастино, потомъ разошлись по своимъ угламъ, или покинули печальныя кельи, уйдя на улицы. Въ Аерополисѣ, такимъ образомъ, ежегодно нѣсколько разъ бывалъ трауръ.

Я сходилъ въ муниципалитетъ, потомъ занялся устройствомъ похоронъ къ слѣдующему утру. Представлялся случай нѣсколько облегчить мой кошелекъ. Написалъ докторшѣ, чтобы извѣстить ее; написалъ издателю, хотя и чувствовалъ съ гнѣвной досадой, что эта смерть принесетъ ему не мало выгоды, что и память поэта дастъ ему доходъ.

Я вернулся около полудня; дѣвушка была одна около умершаго; она одѣла его при помощи Минки въ послѣднія одежды; онъ могъ теперь отправляться въ путь. Я безуспѣшно попытался убѣдить ее поѣсть, мрачная и рѣшительная, она, повидимому, съ трудомъ выно-

сила, что другіе занимались ею и ея бѣднымъ другомъ; иногда, впрочемъ, она взглядывала на меня, какъ бы извиняясь.

Ночью пришелъ художникъ съ углемъ и картономъ. Дѣвушка сначала вышла изъ себя при видѣ этого; но потомъ смирилась,—очень ужъ она была утомлена. Двѣ свѣчи, одна въ изголовьи, другая въ отдаленіи, озаряли мраморное лицо мягкимъ и спокойнымъ золотистымъ свѣтомъ... Но царапанье угля по бумагѣ дѣйствовало мнѣ на нервы. Хотя я и вполне понималъ непреодолимое желаніе артиста, но все же не могъ освободиться отъ чувства, будто совершается какое-то кощунство. Но какъ много на свѣтѣ такихъ поступковъ, которые настолько намъ привычны, что не останавливаютъ на себѣ нашего вниманія, но кажутся кощунствомъ передъ лицомъ смерти! А самыя похороны, устроенныя мною въ похоронномъ бюро? О, какъ мы жалки! Поступокъ добрейшаго художника былъ, можетъ быть, самой искренней и самой цѣнной данью, выпавшей на долю бѣдному поэту.

Такъ размышлялъ я, выйдя въ корридоръ и стоя, прислонившись къ рѣшеткѣ балкона, выходившаго во дворъ. Въ нижнихъ этажахъ были кое-гдѣ освѣщены окна; что происходило тамъ? Бѣглыя, смутныя картины любви, материнства промелькнули въ моемъ воображеніи. Я взглянулъ на небо. Оно было темно и мрачно, безъ единой звѣзды. Гдѣ же были эти міры, которые мы представляемъ себѣ заселенными родственными намъ жизнями, и которые смерть, это непонятное отдѣленіе идеальнаго существа отъ тѣнной оболочки, дѣлаетъ болѣе для насъ близкими, усиливая сознаніе дѣйствительности ихъ существованія? Тамъ, за этой завѣсой черныхъ облаковъ. То, чѣмъ мы были и чѣмъ будемъ вѣдь этого маленькаго пространства, которое занимали здѣсь, существуетъ, можетъ быть, на одномъ изъ этихъ свѣтилъ, смотрящихъ на насъ, словно глаза дорогаго намъ существа... Можетъ быть, въ глубинѣ моихъ глазъ сохранился запечатлѣннымъ взглядъ моей матери?

Жизнь—это вздохъ; въ глубинѣ воды рождается воздушный пузырьрекъ, вздымается на поверхность, лопается. Существа умираютъ и оставляютъ намъ послѣ себя свой взглядъ... Я бы хотѣлъ оставить улыбку...

* * *

Утромъ я купилъ газету. Въ ней былъ коротенькій некрологъ Крастино, вѣроятно, составленный издателемъ. Онъ, дѣйствительно, явился въ мансарду, приглядѣлъ за работой гробовщиковъ, заколачивавшихъ гробъ; приказалъ снести его внизъ; и все это съ видомъ какъ бы собственника. Онъ былъ малъ ростомъ, съ желтой лысой головой, съ нездоровымъ лицомъ, окаймленнымъ баками соломеннаго цвѣта. Глаза его такъ и искали по сторонамъ,—въ ящикѣ стола, на покосившихся полкахъ; его, видимо, смущало мое присутствіе. Скоро послѣ него при-

шла докторша, какъ всегда, ясная, словно дитя,—болѣзнь и смерть были привычными для нея зрѣлищами; она оглядѣла комнату.

— Это все куда пойдеть?—спросила она.

— И правда, я объ этомъ и не подумалъ,—отвѣчалъ я.—Кто же возьметъ эти вещи? Да, впрочемъ, немного и брать-то: нѣсколько книгъ вотъ, немного одежды, желѣзная кровать...

— Если никто не потребуеъ, я возьму ее,—замѣтила она.—Кровать мнѣ пригодится. Я увѣрена, что бѣдный Крастино одобрилъ бы меня. Что вы скажете?

— Я тоже такъ думаю,—отвѣтилъ я, дивясь практичности этой заботливой хозяйки бѣдняковъ.—Но, впрочемъ, слѣдовало бы также поговорить съ Блондинкой.

Она вынула, между тѣмъ, двѣ газеты.

— Вы навѣрное не видали еще статьи моего отца въ «Ророло»? А здѣсь вотъ, въ «La Stampa», въ литературной хроникѣ, тоже о немъ; потомъ прочтете. Знаете, а бумаги его вамъ бы, я думаю, лучше сейчасъ же взять. Посмотримъ потомъ, что съ ними дѣлать. Не дайте только издателю завладѣть ими.

Издатель въ это время какъ разъ опять поднимался, установивъ гробъ внизу на лѣстницѣ. Онъ почтительно поклонился докторшѣ.

— Вы, какъ фея, повсюду!—сказалъ онъ своимъ скрипящимъ голосомъ.

— Да, но мы всегда являемся слишкомъ поздно, не правда ли?—просто отвѣтила она. Затѣмъ поклонилась и ушла.

Старикъ испытующе поглядѣлъ на меня.

— Вы, вѣдь, были его другомъ, не правда ли?

— Я его родственникъ, синьоръ,—отвѣтилъ я, сказавъ такъ въ видахъ противодѣйствія алчнымъ надеждамъ старика.

— А, поздравляю васъ. Родственникъ вашъ былъ, дѣйствительно, гениаленъ... Если бы только онъ сумѣлъ пробиться... Во всякомъ случаѣ, я попрошу васъ помнить обо мнѣ. Вамъ извѣстны его рукописи?

И онъ оглядывался по сторонамъ, но, совершенно противъ обыкновенія моего друга, на виду не лежало ничего, и это обстоятельство начинало меня нѣсколько беспокоить.

Онъ ушелъ, долгимъ пожатіемъ пожавъ мнѣ руку.

Въ головѣ у меня мелькнула мысль: не могъ ли бы онъ издать мою «Записку»? Но я выбранилъ себя глупцомъ. Какой-то корректоръ, и туда же! Да и потомъ, какъ бы она достигла тогда своего назначенія? Я затворилъ дверь, открылъ ящикъ стола,—ничего; порылся на этажеркѣ, перелисталъ нѣсколько книгъ. Очевидно, Крастино самъ позаботился о рукописяхъ и кому-нибудь ихъ передалъ. Не Блондинкѣ ли? Но она словно въ оцѣпенѣніи лежала у себя на постели, только минутами внезапно приходя въ сознаніе; при ней была жена пьяницы, старавшаяся въ эти минуты успокоить ее.

Было восемь часовъ. Я спустился внизъ. Въ дверяхъ стояла большая толпа, все больше молодежь, повидимому, студенты. На гробу лежалъ роскошный вѣнокъ изъ розъ; я вопросительно взглянулъ на докторшу. Она улынулась.

— Онъ такъ любилъ цвѣты!

Вошелъ съ улицы Куибіо.

— Пойди посмотри́ть, Martino. Умершій другъ уже не принадлежитъ намъ больше. Вся улица полна народа.

Двое молодыхъ людей принесли еще большой вѣнокъ съ ярко-красной лентой, на которой было написано: «Будущность».

Потомъ одинъ за другимъ принесли еще четыре вѣнка, послѣдній огромный. Одинъ былъ отъ издателя, остальные отъ неизвестныхъ; изъ нихъ одинъ, замѣчательно густой, весь изъ фіалокъ. На немъ была надпись изъ стиховъ умершаго:

«Fior moribondi sopra un morto cuore» *).

Подѣхала заказанная мною скромная колесница. Книгоиздатель бросился въ подѣздъ съ подписнымъ листомъ, который онъ только что ходилъ покупать; за нимъ тотчасъ послѣдовали еще три, четыре человека и подписали слѣдомъ за его подписью свои имена. Мы съ художникомъ негодующе переглянулись. Куибіо сдѣлалъ было движеніе, чтобы броситься взять листъ, но его остановилъ взглядъ докторши, которая сказала, улынувшись:

— Не все ли равно? Это не помѣшаетъ тому, что похороны будутъ совершенно особенными. Увидите.

Дѣйствительно, входъ и улица были до такой степени тѣсно полны народомъ, что полицейскимъ пришлось вмѣшаться для того, чтобы дать возможность пронести гробъ и дать колесницѣ тронуться съ мѣста. Она медленно двинулась, и вокругъ нея и всѣмъ за ней двинулась, дѣйствительно, громадная толпа. Группы юношей, многіе съ красными цвѣтами въ петлицахъ; кое-гдѣ сѣдые и бѣлые бороды, лица бывшихъ солдатъ, мечтающихъ теперь о землѣ обѣтованной; черная карета, въ которой видѣлась женская фигура; молодыя дѣвушки, повидимому, студентки, съ благородными, спокойными лицами, и, наконецъ, печальная кучка жалкихъ обитателей «аерополиса», дѣйствительныхъ сотоварищей умершаго, чувствовавшихъ роковую свою солидарность съ нимъ, соединившую ихъ въ жизни и теперь увлекшую ихъ всѣхъ за его гробомъ.

За исключеніемъ этой послѣдней группы, вся эта толпа не имѣла вида, соответствующаго печальному моменту: надъ ней стоялъ гулъ сдержанныхъ голосовъ; живая мысль, рѣшимость и надежда дѣлали ясными эти лица, болѣе заняты созерцаніемъ проблесковъ грядущаго, чѣмъ ясностью прелестнаго мартовскаго дня. Шли разговоры, раз-

*) «Умирающіе цвѣты на мертвомъ сердцѣ».

спросы; общее всѣмъ сожалѣніе сразу создавало связь между тѣми, которые оказались вблизи другъ отъ друга, повышало ихъ настроеніе, вызывало общія мысли и пожеланія. Объявленіе въ одной изъ газетъ и призывъ сердечнаго человѣка собрали за погребальной колесницей заброшеннаго при жизни человѣка всѣхъ тѣхъ, чьи сердца не могли мириться съ нищетой и несправедливостью.

— Бѣдняга Крастино!—промолвилъ Кунбіо. Я замѣтилъ, что онъ бросалъ отъ времени до времени быстрые взгляды на карету, въ нѣ-которомъ разстояніи слѣдовавшую за шествіемъ.

— Да, грустно!—отвѣтилъ я. Но у меня сильно забилося сердце, и я подумалъ о Кунбіо съ чувствомъ какой-то умиленности, какъ это бываетъ со мной, когда на меня находитъ смутное предчувствіе какого-то невѣдомаго блага, ожидающаго человѣка, который мнѣ дорогъ.

Потомъ я погрузился въ размышленія о своей «Запискѣ».

Человѣчество—одно мгновеніе! Какъ мнѣ стали привычны эти отвлеченности! Но вотъ мое вниманіе снова привлекла дѣйствительность: солнце, человѣческія лица, горе, смерть... И ужасъ овладѣлъ мною. Какъ могъ я ломать себѣ голову надъ отвлеченнымъ построеніемъ окончательной формы общественнаго строя, когда все человѣчество, какъ море, волновалось кругомъ меня? Вотъ, съ одной стороны, «аерополисъ», осужденные — детерминизмъ соціологіи! Съ другой стороны, идеализмъ, тѣ, кто живутъ утопіями. Съ одной стороны, угнетенные, съ другой мученики: *отверженные* какъ тѣ, такъ и другіе... А вокругъ этого маленькаго ядра—пустота, враждебная пустота, то есть безличная толпа, громадный муравейникъ, въ которомъ маленькія существа расталкиваютъ, кусаютъ, давятъ, душатъ другъ друга въ безконечной и беспорядочной борьбѣ за жизнь, за свѣтъ, за счастье.

Что же можетъ сдѣлать личная воля одного человѣка? Произвести порывъ безумія, вырвать камни изъ мостовой, брызнуть человѣческой кровью въ лица тупоумной толпы; это пожалуй... Но поддержать, излечить, просвѣтить, сдѣлать счастливыми?...

Шествіе, постепенно все увеличиваясь, увлекая за собою все новыхъ участниковъ и любопытныхъ необычностью составлявшихъ его людей, достигло кладбища. Гробъ былъ опущенъ на краю могилы въ части, отведенной для бѣдныхъ, среди низкихъ и заржавленныхъ крестовъ.

Въ толпѣ пронесся сдержанный говоръ. Ждали. Могильщики опустили гробъ. Цвѣты, оторванные отъ вѣнковъ, посыпались на голыя его доски. Синьорина Ева встала на холмикъ земли, образовавшійся у края могилы, и, приподнявъ руку, въ которой держала нѣсколько розъ, заговорила. Привожу ея слова, которыя были потомъ напечатаны въ «Popolo»:

«На одномъ изъ принесенныхъ вѣнковъ приведена строчка изъ стихотворенія Крастино:

„Fior moribondi sopra un morto cuore“.

«Отъ кого этотъ вѣнокъ? Намъ этого знать не надо. Это дань братьевъ тому, кто выразилъ ихъ тревогу и ихъ горе, ихъ борьбу и надежду, ихъ стремленіе къ свѣту и гармоніи. Онъ былъ соловьемъ, рожденнымъ для того, чтобы наслаждаться свободой на землѣ и въ небѣ. Чудовищная машина, которой является современное наше общество, сломала ему крылья и убила его. Онъ былъ свободой, красотой, онъ былъ тѣмъ счастьемъ, которое поетъ у васъ въ сердцѣ, о братья! о его братья! онъ былъ любовью. Мы положимъ эти умирающіе цвѣты на его бѣдную изнуренную грудь, на его умершее отъ истощенія сердце. Но мы, не вѣрящіе въ смерть, мы бросимъ ему также полными пригоршнями и самые живые наши цвѣты, — наши надежды, нашу работу, которую посвятимъ подготовленію лучшаго будущаго, о братья, и счастье и благодарность будущихъ поколѣній!»

IX.

Ему не было мѣста въ современномъ обществѣ. Отъ двухъ изданий тома своихъ стиховъ онъ получилъ всего только шестьсотъ лиръ, да и изъ нихъ половину оставилъ у книгоиздателя, такъ какъ постоянно покупалъ книги. Для него нуженъ былъ бы такой издатель, какіе существовали, какъ я гдѣ-то читалъ, во Франціи, во времена Парнаса и позже, которые давали поэтамъ деньги подъ будущія произведенія или ассигновывали имъ какое нибудь мѣсячное содержаніе. Я убѣжденъ, что восемьдесятъ или сто лиръ вѣрной ежемѣсячной полочки сдѣлали бы его счастливымъ и дали бы ему возможность безъ затрудненій и безъ угрызений совѣсти получать ежедневныя двѣ чашки кофе, бывшія ему, по его словамъ, необходимыми, какъ воздухъ. Но онъ, бѣдняга, и воздухъ то получалъ сквернѣйшаго качества и въ недостаточномъ количествѣ.

Онъ много говорилъ мнѣ о поэзіи, и мнѣ очень хотѣлось бы собрать воедино всѣ его драгоценныя, какъ перлы, мысли, постоянно высказывавшіяся имъ по тому или другому поводу, еслибы, къ сожалѣнію, я не былъ совершеннымъ невѣждой даже въ просодіи.

Онъ былъ также глубокимъ любителемъ музыки. Но музыка, о которой онъ говорилъ всего болѣе и прирожденнымъ любителемъ которой себя называлъ, это была гармонія вселенной, это было небо, безчисленное единство неба; только онъ уже слишкомъ сильно любилъ его и изъ за самой незначительной звѣзды, изъ за малѣйшей ноты этой громадной гармоніи онъ забывалъ, что надо существовать. Ради того, чтобы мыслить, онъ отказывался отъ жизни, отъ любви (то есть

дополненія самого себя, отъ любви къ самому себѣ); онъ убивалъ свое тѣло ради того, чтобы жить мыслью, разрушая въ самомъ себѣ ту музыку, которую онъ обожалъ во вселенной.

Правда, что само тѣло не располагало его любить существованіе. Если онъ ощущалъ это свое тѣло, то только какъ тяжесть или страданіе: нищета и медленное истощеніе, болѣе опасное, чѣмъ самый голодъ, такъ какъ оно мало замѣчается и не вызываетъ сопротивленія, все болѣе и болѣе ослабляя органы животныхъ чувствъ и обостряя чувствованія высшаго порядка, сдѣлали его равнодушнымъ къ требованіямъ тѣла, и онъ уже ихъ не чувствовалъ. И, наконецъ, какое-то лихорадочное состояніе, какъ бы какое-то постоянное опьяненіе, переполнявшее его странной иллюзіей счастья и радости, окончательно истощило его.

На другой день послѣ похоронъ всѣ газеты Сѣверной Італіи, сообщая о смерти молодого поэта и отзываясь о немъ съ величайшими похвалами, приводили отрывки изъ его стиховъ, прослѣживая въ нихъ жалобы на тоску жизни и призывы смерти, и указывали на это, какъ на признаки болѣзни и на предчувствіе конца. Одинъ изъ писавшихъ говорилъ о необходимости учредить убѣжище для мыслителей и артистовъ, съ горечью указывая на печальныя условія общества, въ которомъ люди, высоко одаренные умственно, принуждены посвящать большую часть своей дѣятельности на заработокъ для пропитанія, высшій же свой даръ, дѣлающій ихъ царями вселенной, могутъ проявлять чуть ли только не исподтишка, украдкой, если не хотятъ умирать отъ лишеній.

Помню, какъ онъ рассказывалъ мнѣ, что, пославъ однажды свои стихи въ нѣсколько журналовъ съ передовымъ направленіемъ, получилъ въ отвѣтъ, что поэзія бесполезна для общества и есть только игрушка бездѣльных людей.

— Видишь ли,—говорилъ онъ,—мое несчастіе, что я могу читать только соціалистическіе журналы и газеты. Въ другихъ больше культурности, изящества и разнообразія, но они пользуются всѣмъ этимъ для защиты и украшенія эгоистическихъ и низкихъ цѣлей. Это афинскіе софисты. Соціалистическіе же органы—это единственные, въ которыхъ я не нахожу личныхъ оскорбленій тебѣ, себѣ и всѣмъ тѣмъ, кто намъ всего ближе, всѣмъ бѣднякамъ. Но они меня отвергаютъ, по слѣпости, разумѣется, потому что не узнаютъ меня; не знаютъ, что я имъ другъ, и что я имъ нуженъ. Меня любить будутъ, но слишкомъ поздно, конечно...

Такимъ образомъ, его отвергали и буржуазные слои, и соціалистическіе, однимъ словомъ, все современное общество, въ которомъ онъ на свое несчастіе родился. Однажды онъ послалъ три сонета въ еженедельный журналъ «Domenica Italiana», прося за нихъ десять лиръ. Стихи были тотчасъ же напечатаны, но деньги присланы не были.

Современное общество не имѣетъ потребности въ искусствѣ, вѣрнѣе, оно требуетъ нѣкотораго особаго искусства, искусства фокусниковъ, обманщиковъ и лжецовъ.

— Отчего ты не опишешь всего этого?—сказалъ я ему однажды.— Въ переживаемый нами моментъ развитія общества жизнь многихъ людей является извѣстнымъ показателемъ и поученіемъ. Нѣкоторыя автобіографіи, будучи написаны съ правдивостью и страстностью, могли бы содѣйствовать тому, чтобы эта невыносимая каторга, какою является для большинства современныхъ людей жизнь, измѣнилась какъ можно скорѣе, онѣ могли бы пробудить въ однихъ чувство справедливости, въ другихъ чувство протеста...

Но онъ считалъ это все бесполезнымъ:

— Люди страдаютъ? Зачѣмъ живутъ? Надо умирать!

И онъ исчезъ. Ужели же подобное явленіе незамѣченнымъ промелькнуло на землѣ?

Нѣтъ. Сильная личность надолго оставляетъ за собою широко расходящійся слѣдъ. Люди и вещи, среди которыхъ она протекала, сами того не зная, воспримутъ въ себя нѣчто отъ этой жизни...

И мнѣ подумалось, что только моя жизнь лишена всякой поучительности: я ничего не сдѣлалъ, и никогда со мной ничего не случалось... Тѣмъ не менѣе во мнѣ зарождалось какое то предчувствіе какъ бы того, что и мнѣ также готовить что то судьба. И желаніе, чтобы такъ было, все росло во мнѣ.

Въ это время я совершенно погруженъ былъ въ мою «Записку». Меня воодушевляла странная энергія. Мыслительная способность моя приобрѣла какую-то особенную свободу, такъ что въ самые неподходящіе моменты, во время работы или даже во время ѣды, уносила въ пространство, и, возвращаясь къ дѣйствительности, я часто ощущалъ какъ бы содроганіе въ мозгу, почти незамѣтное, но своеобразное и вызывавшее во мнѣ на мгновеніе боязнь безумія.

За это время я со страшной поспѣшностью исписалъ много страницъ, которыя потомъ напрасно старался привести въ порядокъ; нѣкоторыя я потомъ даже не могъ разобрать. Говорятъ, что такъ бывало съ Ницше,—сравненіе довольно нескромное. Опыненіе мыслями создаетъ состояніе какъ бы бреда, который потомъ легко забывается. Я приведу здѣсь нѣсколько изъ этихъ мыслей, спасая ихъ отъ гибели моей «Записки» (я потомъ скажу, почему ее бросилъ).

* * *

Суждено ли это рокомъ, чтобы мы постоянно терзались надъ созданіемъ законовъ, зная, что наши дѣти должны будутъ проливать кровавый потъ въ стремленіи разбить ихъ? Мы оставляемъ послѣ себя во сто разъ умноженное нами наслѣдство горя.

* * *

Прочелъ, что человѣческая жизнь удлинняется. Новость эта не можетъ обрадовать того, кто видитъ, какъ человѣкъ дѣлаетъ четыре шага впередъ до достиженія зрѣлости, а затѣмъ, прежде чѣмъ умереть, возвращается на три шага назадъ. Понятія движутся впередъ; наука бѣжитъ съ головокружительной быстротой; человѣкъ, животное, подчиненное привычкамъ, идетъ невообразимо медленными шагами, такъ что въ большинствѣ случаевъ мы являемся варварами, употребляющими телефонъ и беспроводный телеграфъ. Надо бы было, чтобы жизнь человѣческая состояла изъ нѣсколькихъ различныхъ жизней, и чтобы мы могли мѣнять не только отдѣльные понятія, но и всю совокупность ихъ, какъ единое цѣлое.

Да это и не было бы такъ трудно, если бы наше обученіе не было до странности бессмысленнымъ. Наши отцы и наши учителя, вмѣсто того, чтобы давать намъ идти впередъ отъ той точки, до которой они достигли, считаютъ необходимымъ заставлять насъ продѣлывать не только ихъ путь, но и путь нашихъ прапрадѣдовъ, я готовъ даже сказать,—всю лѣстницу животнаго развитія. Они заставляютъ насъ вѣрить во всѣ заблужденія, черезъ которыя прошло человѣчество, начиная отъ обожанія идоловъ и до религій ужаса включительно. Въ двадцать лѣтъ юноши обнаруживаютъ, что вѣрили въ иллюзію, которую потомъ оставляли для другой, другую для новой, и такъ далѣе. И тогда имъ твердятъ: «Ищите, учитесь». А какъ имъ сбросить этотъ грузъ? Съ этими иллюзіями связаны мечты дѣтства и юности объ идеалахъ; отбросивъ заблужденія, надо отнять отъ себя и эти мечты, отнять всю поэзію пламеннаго возраста.

А потомъ имъ говорятъ: «Вѣрьте!..» Да развѣ есть еще у нихъ сила вѣрить? Намъ говорятъ о человѣческихъ заблужденіяхъ только по сравненію ихъ съ современной истиной.

* *

Врачи и учителя. Первые продолжаютъ дѣло вторыхъ. Всѣ явленія жизни связаны между собою, дополняютъ другъ друга: гигиена даетъ морали поддержку твердыми основами и страшными приговорами, и виновный казнить себя въ себѣ и своихъ дѣтяхъ. Болѣзнь и нищета это результаты личныхъ и общественныхъ ошибокъ, и воздаяніе за нихъ несутъ всѣ отвѣтственные, такъ какъ чахотка, испорченность, преступность почти преимущественно поражаютъ утонченные отпрыски притѣснителей и эксплуататоровъ.

* *

Меня называютъ идеологомъ, фантазеромъ, мономаномъ. Последнимъ эпитетомъ меня наградила одинъ товарищъ, видя, что я постоянно вычитываю въ газетахъ случаи бѣдствій и смерти, созданные протестомъ противъ нищеты или бѣгствомъ отъ нея вонъ изъ жизни. Да, боюсь даже, не жестокость ли это во мнѣ. Случаи изъ хроники

происшествій обладаютъ для меня притягательной силой, особенно самоубійства: я съ жадностью читаю ихъ, ища въ нихъ постоянного напоминанія. Иллюстрированные журналы должны были бы преимущественно выбирать для изображенія такіе факты, которые побуждаютъ къ добротѣ, къ размышленію объ общественныхъ язвахъ, къ желанію помочь имъ. Кровь всегда плодотворна; это, пожалуй, единственное, что встряхиваетъ неподвижное общество, заботящееся только о личномъ своемъ физическомъ благополучіи. Она портитъ пищевареніе, и тотъ, кому хочется, чтобы его желудокъ хорошо варилъ, долженъ искать средства для помощи. Каждая такая встряска съ силою дергаетъ за цѣпь, которой многіе не чувствуютъ на своихъ ногахъ, такъ какъ у нихъ подъ нею вата и бархатъ... Мы всѣ связаны одни съ другими; такова была воля природы. При каждой сильной встряскѣ легкій ушибъ испытываютъ также и самые упитанные и благоденствующие.

О если бы всѣ безъ исключенія рождались на свѣтъ нагими, а не укутанными, какъ нѣкоторые теперь, и всѣ чувствовали бы, какъ разѣдаетъ желѣзо! Тогда всѣ вмѣстѣ общими усиліями стремились бы къ тому, чтобы цѣпь обратилась въ гирлянду цвѣтовъ.

* * *

О эта борьба со словами! Неужели я такъ таки никогда не достигну умѣнья выражать свои мысли.

Что я такое? Соціалистъ? Индивидуалистъ? Не знаю. Я—я. Это заявленіе скромное и вовсе не направленное къ преувеличенію моего мѣста среди человѣчества и среди вселенной.

Вотъ суть моей мысли:

Человѣчество развивается въ направленіи къ увеличенію общности. Личность каждаго отдѣльнаго индивидуума развивается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ въ большей степени онъ участвуетъ въ жизни другихъ. У того, кто заключенъ въ свою узкую личную оболочку, жизнь бѣдна и ничтожна; наоборотъ, тотъ, кто чувствуетъ свои нервы и артеріи сплетающимися и соединяющимися съ нервами и артеріями ближняго и дальняго человѣчества, тотъ, чье существо, въ свою очередь, распространяется во вѣкъ какъ бы лучеиспусканіемъ, тотъ живетъ такой сильной жизнью, какую только онъ способенъ выѣстить. Кто больше даетъ изъ себя, тотъ больше и получаетъ. Путемъ этого взаимнаго общенія, этого взаимнаго проникновенія, индивидуумы сливаются въ семейства, государства въ союзы. Лишь тогда, когда человѣчество станетъ *единымъ*, оно будетъ въ состояніи позаботиться о себѣ и устремить взоры туда, куда теперь смотрятъ только астрономы...

* * *

Прочелъ въ «La Stampa» отъ 15-го января 19** г. Дѣвушка мать, не находя возможности прокормить свое дитя, положила его въ церкви

и побѣжала въ полицію донести на себя, что его бросила. Наканунѣ вечеромъ она была найдена, съ ребенкомъ на улицѣ и ночевала въ полиціи. Можетъ быть, это какой-нибудь сердобольный полицейскій научилъ ее единственному способу достичь того, чтобы современное общество позволило жить ей ребенку? Дитя было снесено въ воспитательный домъ. Но не смѣшно ли? женщина была осуждена и посажена въ тюрьму.

Общественный строй, въ которомъ возможно подобное противорѣчіе, не заслуживаетъ уже больше поддержки со стороны современнаго сознанія.

* * *

Если бы я могъ признать, что существуетъ *человѣкъ*, который во всемъ этомъ виновенъ, и обнаружилъ бы его... я былъ бы негодяемъ, еслибы не убилъ его, заплативъ за то своею жизнью. Но я знаю, что такого *человѣка не существуетъ*. И это осложняетъ дѣло гораздо болѣе, чѣмъ то думаютъ анархисты. На самомъ дѣлѣ существуютъ различныя, большія и малыя дозы зла, которыя причиняетъ или испытываетъ *каждый изъ насъ*, и существуютъ люди, которые могутъ, сообразно своимъ силамъ, дѣлать другимъ добро, иные хотя бы ничтожное, другіе — громадное...

* * *

Примѣчаніе къ Запискѣ. У меня часто звучитъ въ ухахъ, словно какой-то неотвязный мотивъ? «Причинявшій страданіе долженъ страдать». Откуда это? Атавизмъ? Инстинктъ дикихъ предковъ! Эта фраза преслѣдуетъ меня въ скверныя минуты, особенно когда у меня болятъ зубы. Нѣкоторыя изъ этихъ страницъ были написаны во время ужаснѣйшей зубной боли.

Есть ли страданіе глупѣе этого? И все изъ-за несноснаго занятія наполненія машины! Да, ѣда сомнительное наслажденіе для всѣхъ кормящихся кукурузой и гнѣющихся въ низовьяхъ По.

Въ челюсти ваши проникаетъ микробъ и незамѣтно грызетъ ихъ. Челюсти, виски, весь черепъ воспаляется; это пытка, лишающая сознанія времени, упорная какъ безуміе, заставляющая думать о самоубійствѣ... Страданіе это такъ низко и презираемо, что даже никогда не удостоивалось чести попасть въ литературу. Помню видѣнную мною когда-то карикатуру льва съ челюстями, подвязанными платкомъ...

Съ зубной болью связано также одно изъ самыхъ ужасныхъ моихъ воспоминаній. Образъ моего отца оставилъ въ моей памяти мало представлений. Большею частью вижу его разбивающимъ ломомъ глину, съ непокрытой головой и ногами въ водѣ. Но иногда онъ вспоминается мнѣ въ ужасномъ видѣ. Онъ стоитъ на колѣняхъ на соломенномъ матрацѣ, на который я ложился подлѣ него каждый вечеръ; глаза его безумно расширены, онъ сжимаетъ обѣими руками щеки, изъ открытаго рта вырываются сдавленные стоны, прерывающіеся только

отъ времени до времени возгласомъ: «requiemeterna, requiemeterna!...» *); я же плача отъ ужаса, прижимаюсь къ его колѣнямъ...

* * *

Молекулы каждаго, даже самаго твердаго металла, имѣютъ, по словамъ физиковъ, величайшую свободу личныхъ движеній. Такъ и мы, люди, встрѣчаемся, скрещиваемся, удаляемся другъ отъ друга, но тщетно пытаемся освободиться отъ единства человѣчества. И свобода состоитъ въ томъ, чтобы сознать эту истину и содѣйствовать ей вмѣсто того, чтобы напрасно ей противиться...

* * *

Крастино находилъ, что душевный міръ Данте былъ богаче нашего... Правда ли это? Конечно, міръ, центромъ котораго является человѣкъ, создающій землю и небо, Бога и демоновъ по своему подобію, кажется грандіознымъ. Но тогдашній человѣкъ, облакавшій невещественный міръ въ формы на основаніи доступныхъ ему образовъ, былъ рабомъ созданій, рожденныхъ его воображеніемъ; теперь онъ свободенъ и является царемъ въ этомъ маленькомъ уголкѣ вселенной, который призналъ своимъ.

* * *

Нѣкоторые представляютъ себѣ общество въ видѣ зданія, похожаго на современные громадныя наемныя дома съ безчисленнымъ количествомъ комнатъ, съ безчисленнымъ количествомъ одинаковыхъ окошекъ, монотонныя, однообразно - просверленные параллелепипеды. На самомъ дѣлѣ это должно было бы быть смѣлое, сложное, нервное зданіе собора съ мощными контрафорсами и стройными, легкими отдѣльными частями, въ которомъ каждая капитель—это личность, все вмѣстѣ гармонія, а съ купола сіяетъ къ небу геній. Что же теперь представляетъ изъ себя общество? Тяжеловѣсную пирамиду, въ которой грубые, простые камни вѣками напрягаются въ усиліи поддержать верхніе и самый послѣдній, — камни, лишенные личныхъ стремленій, лишенные порывовъ, рабы одного только закона: тяжести, угнетенія.

* * *

Существуютъ другія мѣры во вселенной... Имѣютъ ли тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ къ нашей солнечной системѣ, какое - нибудь сродство съ землей? Имѣетъ ли тамъ жизнь соотвѣтственныя проявленія, которыя можно было бы сравнить со здѣшними? Юпитеръ, напримеръ, находится въ настоящее время въ періодѣ формаци; быть можетъ, тамъ рождаются теперь первыя клѣточки въ первомъ успокоеніи борьбы между элементами. Неужели же его высшая жизнь, то, что можно было бы назвать человѣчествомъ Юпитера, тоже должна будетъ пройти черезъ такую же кровавую эволюцію, что и наша, и и наши тяжелые опыты ничѣмъ ей не послужать?

*) Requiem eterno: вѣчный покой.

Моя вѣра въ прогрессъ рѣшительно говоритъ мнѣ: — нѣтъ. Не знаю, какъ, но во всеобщемъ стремленіи къ гармоніи между жизнями планетъ должна существовать постоянная связь посредствомъ какихъ либо невѣдомыхъ намъ токовъ, которые современемъ, можетъ быть, и перестанутъ быть для насъ тайной. Можемъ ли мы, напримѣръ, объяснить на основаніи представленій, почерпнутыхъ изъ насъ самихъ, или изъ того, что насъ окружаетъ, понятіе идеи? Нѣтъ, идеи даже считали самостоятельными сущностями; не являются ли онѣ связью между сознательными интеллектуальными жизнями звѣзднаго міра. Идея содержится внутри насъ, и въ то же время приходитъ извнѣ; это самая сущность наша, изъ насъ исходящая и являющаяся частью единаго цѣлаго вмѣстѣ съ сущностью другихъ существъ, невѣдомыхъ нашему сознанію, но смутно ощущаемыхъ нашимъ инстинктомъ.

Не знаю, высказывалъ ли уже кто-нибудь эту истину; можетъ быть, это воспоминаніе, незамѣтно для меня оставшееся во мнѣ отъ моихъ корректуръ. Но въ сущности мнѣ кажется, что профессора вовсе не говорятъ объ этихъ вещахъ. Они слишкомъ боязливы въ выводахъ. Напримѣръ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы существовало схематически набросанное изображеніе внутренней эволюціи человѣчества, чтобы это было почти отвлеченное изображеніе съ безусловнымъ устраненіемъ Александра Македонскаго, Муція Сцевола, Карла V, Марата и всѣхъ подобныхъ индивидуумовъ, которые, если и не повредили развитію человѣчества, то безъ сомнѣнія искажаютъ исторію, писаную профессорами.

Послѣдніе, если прочтутъ это мое писанье, возымѣютъ ко мнѣ, конечно, чувство жалости и отнесутъ меня къ числу неосторожныхъ, для которыхъ наука оказывается свѣточемъ, опаляющимъ ихъ крылья. Но мнѣ годится и моя наука, которую я нахваталъ урывками, какъ могъ, или, лучше сказать, которую воровалъ, или подбиралъ, какъ моя мать подбирала зерна на господскихъ поляхъ послѣ жатвы,—это то, чѣмъ я живу, это кровь моего сердца. Они также живутъ ею, да...

Долой тѣхъ мудрецовъ, тѣхъ пророковъ, которые держатъ руки въ карманахъ въ то время, какъ ихъ братья уничтожаютъ другъ друга, не вѣдая, что творять.

* * *

Сквозь притворенныя ставни на мою постель падаетъ полосой солнечный свѣтъ. Какимъ живымъ, яснымъ, бодрымъ чувствую я себя при появленіи солнца.

И въ этомъ маленькомъ лучѣ носятся міріады пылинокъ. Въ тѣни ихъ не видно, онѣ не существуютъ для насъ; но вотъ солнце озаряетъ ихъ и обнаруживаетъ намъ ихъ присутствіе. Такъ и небо полно невидимыми въ тѣни или освѣщенными мірами, полно пылинками. Во вселенной все сходственно въ извѣстныхъ пропорціяхъ: въ моей комнатѣ и въ безконечномъ пространствѣ—все *пыль*. Церковь говоритъ:

помни, отъ праха ты взятъ, и въ прахъ возвратишься... Она права, но вотъ въ чемъ ошибка: прахъ, пыль не есть смерть,—и въ моей комнаткѣ, и въ безконечномъ пространствѣ она *живетъ*.

Однажды одна такая пылинка оторвалась на мгновеніе отъ болѣе крупнаго ядрышка съ тѣмъ, чтобы послѣ этого мгновенія снова вернуться къ нему.

И вотъ, въ продолженіе этого мгновенія эта пылинка, Земля, какъ дитя, переставшее принадлежать нѣдрамъ своей матери, приобретаетъ свою собственную жизнь: остовъ ея твердѣетъ; развиваются органы: кристаллы, растенія, животныя и, наконецъ, мозгъ, то-есть человѣкъ, образованный изъ безконечнаго... Все остальное—это организмъ Земли, специально ей свойственный; интеллектъ, разумъ—это то, что соединяетъ ее съ прочими гигантскими организмами пространства. Поэтому разумъ стремится прочь отъ Земли.

И вотъ, въ то время, какъ Земля движется въ пространствѣ, разумъ трепещетъ на ея поверхности. Сначала онъ стремится *сознать себя*. Осуществившись въ человѣкѣ, духъ земли прорывається на востокъ и на западъ. Цивилизаціи, различныя по климатамъ и по расамъ, зарождаются, приобретаютъ жизненность, распространяются, завладѣваютъ всей поверхностью Земли.

И вотъ, этотъ разумъ проникаетъ вглубь Земли, познаетъ ея тайны, глядитъ сквозь слои цивилизаціи, сквозь слои, накопившіеся во времена младенчества жизни, видитъ самыя нѣдра Земли, вплоть до пламеннаго ядра,—части субстанціи солнца.

И Земля познаетъ себя, начинаетъ обладать собою. Потомъ она будетъ посылать свои лучи въ безконечность.

Первобытныя эпохи, исторія человѣчества, возвращеніе въ нѣдра отца-солнца—*мгновеніе*. И вихрь звѣздной пыли въ безконечномъ пространствѣ ни на мало не измѣнился.

Такъ думалъ однимъ солнечнымъ утромъ типографскій корректоръ, никогда не испытывавшій чувства униженія отъ сознанія себя безконечно малымъ,—пылинкой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛОЖЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ ВЪ РЯДУ НАУКЪ.

(Окончаніе *).

ГЛАВА III.

Особенности психическихъ явленій и ихъ отличіе отъ физическаго міра.

Для пониманія психическихъ явленій весьма важно уяснить себѣ, чѣмъ отличается міръ духовный отъ физическаго, въ чемъ заключаются специфическія особенности сознанія; имѣются ли въ психикѣ какія-либо особыя начала и свойства, которыя не встрѣчаются или не проявляются въ мірѣ матеріальномъ?

Первое, что бросается въ глаза при сравненіи психическаго міра съ матеріальнымъ, это то, что каждое психическое явленіе имѣетъ характеръ исключительный, личный, т.-е. неразрывно связанный съ тѣмъ лицомъ, которое сознаетъ въ себѣ это явленіе.

Если, напр., я созерцаю какой-нибудь предметъ, то представленіе или умственный образъ этого предмета есть моя собственность или состояніе одного моего сознанія.

Можно себѣ представить, что въ данный моментъ я единственное существо, обладающее способностью сознать окружающее, и что существующій въ моемъ сознаніи образъ—единственное психическое явленіе, вызванное даннымъ внѣшнимъ предметомъ. Но даже при наличности многихъ существъ, обладающихъ одинаковой способностью воспринимать въ своемъ сознаніи образы отъ окружающихъ предметовъ, каждое проявленіе сознанія, въ отдѣльности взятое, каждый образъ представляютъ собою вполне изолированное явленіе, которое, во-первыхъ, не можетъ прямо и непосредственно сообщиться другому, во-вторыхъ, неразрывно связано съ существованіемъ того индивида, той личности, которая его сознаетъ.

О каждомъ предметѣ въ природѣ мы можемъ думать, какъ о чемъ-то такомъ, которое существуетъ вполне самостоятельно, независимо отъ насъ; о любомъ же состояніи нашего сознанія, напримѣръ, о томъ же образѣ этого предмета въ тотъ моментъ, когда мы его

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май, 1906 г.

сознаемъ, мы не можемъ думать иначе, какъ о нашемъ сознаниі, какъ о моментѣ нашей личности. Вслѣдствіе этого сознание, или, вѣрнѣе, каждый его моментъ всегда сложнѣе любого явленія природы въ томъ смыслѣ, что каждое явленіе сознанія имѣетъ всегда двойственное свойство, такъ какъ въ него входитъ, кромѣ содержанія сознанія, еще факторъ нашей личности.

Особенно рѣзко эта особенность психическихъ явленій выражена въ классѣ чувствованій и воли. Пріятное и непріятное, горе, радость, надежда, страхъ и т. п. чувства, всѣ наши желанія, стремленія, планы, цѣли, симпатіи и антипатіи суть различныя состоянія нашего внутреннего собственнаго духовнаго существа, нашей личности. Мы считаемъ эти состоянія какъ бы замкнутыми внутри насъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти чувства вызываются въ насъ внѣшними причинами, на примѣръ, музыкой, мы явственно различаемъ въ нашемъ сознаниі двѣ стороны психическаго акта—нѣчто, относящееся къ внѣшней причинѣ, на примѣръ, характеръ музыки, и нѣчто, принадлежащее нашему «я»—наше настроеніе.

Когда наше вниманіе останавливается на какомъ-либо образѣ, мы, хотя и знаемъ, что эти образы и ощущенія вызваны предметами или вообще причиной, принадлежащей внѣшнему міру, но при этомъ мы сознаемъ, что эти образы, какъ состояніе сознанія, принадлежатъ кому-то, кто воспринимаетъ, т.-е. испытываетъ это ощущеніе, и этотъ кто-то есть опять-таки наше внутреннее психическое «я». Одинъ разъ наше «я» воспринимаетъ то, что творится въ сознаніи, другой разъ оно, это «я», есть тотъ объектъ, на которомъ разыгрывается психическая жизнь. Неразрывная связь между сознаніемъ и нашимъ «я» и есть основа того, что составляетъ субъективность психическаго міра. Эта субъективность проявляется столь многообразно и влечетъ за собою столь важныя послѣдствія для всей нашей духовной жизни, что обязываетъ насъ остановиться нѣсколько подробнѣе на этой особенности психики.

Субъективный, личный характеръ духовнаго міра проявляется, прежде всего, въ томъ, что, въ противоположность міру физическому, психическія явленія не имѣютъ самостоятельнаго, независимаго отъ человѣка существованія.

Каждое психическое явленіе, каждое ощущеніе, образъ, мысль или чувство, вообще каждое проявленіе сознанія существуетъ только для лица, въ которомъ оно зародилось. Моя мысль, какъ явленіе сознанія не существуетъ ни для кого, кромѣ меня одного. Внѣ меня мое сознание не существуетъ.

Матеріальныя явленія внѣшняго міра, напротивъ того, именно тѣмъ и характеризуются, что ихъ существованіе не зависитъ ни отъ моего личнаго сознанія, ни отъ сознанія другихъ людей. Умираютъ цѣлыя поколѣнія людей, смѣняются новыми, а внѣшніе предметы

остаются. Въ этой независимости внѣшнихъ предметовъ отъ нашего сознанія и заключается объективность и реальность физическаго міра.

Источникомъ всѣхъ нашихъ свѣдѣній о внѣшнемъ мірѣ служатъ наши впечатлѣнія, т.-е. ощущенія, образы и представленія, словомъ, различныя состоянія нашего сознанія. Можетъ казаться поэтому, что и самое существованіе предметовъ внѣшняго міра неразрывно связано съ нашимъ сознаніемъ, съ нашимъ «я». Въ дѣйствительности эта, связь, однако-жъ, не такъ прочна. Во-первыхъ, повторное наблюденіе внѣшнихъ предметовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы всегда находимъ эти предметы налицо, что во многихъ случаяхъ они даже не измѣнились за то время, которое мы ихъ наблюдали.

Сверхъ того, мы еще знаемъ изъ показаній другихъ людей, что предметы продолжали существовать все то время, которое мы ихъ не наблюдали, для этихъ другихъ людей. Отсюда въ концѣ концовъ для насъ складывается убѣжденіе, что предметы окружающаго насъ міра хотя и существуютъ для насъ лишь посредствомъ нашихъ ощущеній, но что они сами по себѣ существуютъ вполне независимо отъ нашего человѣческаго сознанія.

Быть можетъ, если бы существовалъ лишь одинъ воспринимающій индивидъ или если бы предметы непрерывно мѣняли свои свойства, въ этомъ индивидѣ не могло бы сформироваться убѣжденіе въ независимости и реальности внѣшняго міра.

Одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей сознанія состоитъ въ томъ, что явленія сознанія не тянутся непрерывной линіей, не сливаются одно съ другимъ, а разрознены одно отъ другого. Духовная жизнь наша идетъ какъ бы скачками, между однимъ явленіемъ сознанія и другимъ всегда имѣется пустой промежутокъ. Всего виднѣе это въ области мысли, гдѣ неустойчивость и прерывистость выступаютъ весьма рельефно; даже человѣкъ съ самымъ дрессированнымъ умомъ не въ состояніи удерживать, фиксировать въ своемъ сознаніи дольше извѣстнаго, весьма короткаго, времени любую мысль. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одна и та же мысль упорно и настойчиво занимаетъ нашъ умъ, она въ сущности имѣетъ лишь кажущуюся устойчивость, она то исчезаетъ, то вновь возникаетъ въ нашемъ сознаніи—она имѣетъ періодическое существованіе въ нашемъ сознаніи. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда неотвязчивая мысль овладѣваетъ умомъ человѣка, мы усматриваемъ въ этомъ нѣчто ненормальное и говоримъ объ *idée fixe*. То же относится и къ чувствамъ, и къ нашимъ стремленіямъ, и хотѣніямъ.

Единственная область психики, гдѣ какъ будто имѣется значительная устойчивость сознанія—это сфера нашихъ впечатлѣній, т.-е. ощущеній и образовъ.

Когда передъ нами находится-какой либо предметъ, притомъ же остающійся извѣстное время въ покоѣ и не мѣняющій своихъ свойствъ,

образъ этого предмета и ощущенія, имъ вызванна, нѣкоторое время фиксируются въ нашемъ сознаниі; мы получаемъ непрерывное состояніе сознания. Но и тутъ обнаруживается та коренная особенность нашей психики, что даже при самыхъ благопріятныхъ для фиксаціи сознания условіяхъ, когда оно, это сознание, непрерывно возбуждается и поддерживается внѣшними предметами, все же оно можетъ оставаться ненадежнымъ и устойчивымъ лишь весьма короткое время. Тщательныя наблюденія показали, что даже при самомъ напряженномъ сосредоточеніи нашего вниманія на какомъ-нибудь внѣшнемъ предметѣ или явленіи мы по временамъ и притомъ черезъ правильные періоды времени теряемъ нить впечатлѣній. Когда, напримѣръ, музыкальный инструментъ производитъ вблизи насъ постоянный звукъ опредѣленной высоты и силы, мы черезъ правильные промежутки времени перестаемъ на мигъ слышать этотъ звукъ. Объясняется ли этотъ перерывъ утомленіемъ нашего органа вниманія, или же эти перерывы обусловлены органической неспособностью психики къ непрерывной работѣ; одно несомнѣнно, что сознание наше не можетъ быть непрерывнымъ, что оно имѣетъ періодическій характеръ.

Теченіе нашего сознания, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, имѣетъ характеръ цѣпи, въ которой періодически выпадаетъ звено. Этой особенностью сознания обусловливается то, что оно не можетъ достигнуть слитности и цѣльности и что оно роковымъ образомъ обречено представляться намъ въ видѣ безсвязной массы чередующихся явленій.

Конечно, въ непосредственномъ нашемъ сознаниі внѣшніе предметы и явленія должны также казаться разорванными, но уже въ силу вышеупомянутаго контроля со стороны коллективнаго сознания устанавливается въ насъ вѣра въ постоянство внѣшняго міра и отдѣльных его явленій.

Еще одно обстоятельство способствуетъ выработкѣ у насъ слитнаго, систематическаго воззрѣнія на внѣшній міръ—это частая и притомъ правильная повторяемость многихъ крупныхъ явленій внѣшней природы. Таковы: движенія небесныхъ свѣтилъ, правильное повтореніе дня и ночи, время года и многихъ явленій природы. Такая правильная періодичность связываетъ въ нашемъ умѣ разрозненныя въ нашемъ сознаниі отдѣльныя звенья великой цѣпи явленій природы и сплетаетъ въ одно цѣлое и неразрывное весь окружающій насъ міръ. Для явленій же нашего внутренняго міра эти условія сцѣпленія складываются далеко не столь благопріятно.

Правда, многія впечатлѣнія повторяются въ нашемъ сознаниі съ той же правильностью, какъ и тѣ внѣшнія явленія, которыя ихъ вызываютъ, но мы инстинктивно совершенно правильно приписываемъ это постоянство повторяющихся психическихъ явленій тѣмъ внѣшнимъ 'причинамъ, которыя ихъ обусловливаютъ. Мы относимъ эту

правильность и постоянство къ природѣ, но не къ нашему личному сознанію.

Есть, впрочемъ, одинъ классъ психическихъ явленій, которыя въ насъ возникаютъ правильно и какъ будто безъ воздѣйствія на насъ окружающей природы, какъ бы независимо отъ послѣдней — это сознаніе нашего тѣла, наши чувства, желанія, стремленія, дѣйствія и все это относится къ нашей личности, нашему «я». Подъ вліяніемъ этой повторяющейся группы явленій сознанія, въ насъ складывается убѣжденіе, вѣрнѣе вѣра въ существованіе внутри насъ чего-то постоянного, независимаго отъ внѣшней природы, нашего духовнаго «я».

Сравнивая людей между собою, мы видимъ, какъ рѣзко различаются они одинъ отъ другого по степени продолжительной фиксаціи и той устойчивости, которою обладаютъ въ ихъ сознаніи образы, мысли, стремленія, чувствованія и т. п. Упражненіе повышаетъ эту способность, утомленіе и болѣзнь понижаютъ ее. Дѣти и старики обладаютъ въ меньшей мѣрѣ этой способностью, нежели люди въ цвѣтущей періодъ жизни. Женщины часто обнаруживаютъ весьма слабую степень фиксаціи и устойчивости своихъ состояній сознанія. Даровитость и гениальность характеризуются безспорно высокой способностью фиксировать свои состоянія сознанія.

Нужно ли смотрѣть на эту ограниченность фиксаціи сознанія, какъ на нѣчто фатальное, неизмѣнное, или же можно надѣяться, что эволюція человѣческой расы приведетъ насъ къ увеличенію этой психической способности, къ расширенію предѣловъ и размѣровъ этой способности?

Уже вышеуказанныя индивидуальныя колебанія этой способности дѣлаютъ вѣроятнымъ послѣднее предположеніе. Опытъ показываетъ, что вниманіе, т.-е. способность фиксировать извѣстное явленіе сознанія, способно въ замѣтной степени развиваться подъ вліяніемъ систематическаго и повторнаго упражненія. Путемъ унаслѣдованія это усиленіе вниманія можетъ передаваться потомству и прогрессировать въ ряду поколѣній. Не будетъ поэтому химерой выразить надежду, что въ далекомъ будущемъ люди будутъ обладать въ гораздо большей степени устойчивостью своихъ психическихъ явленій. И, быть можетъ, подъ вліяніемъ большей фиксаціи нашихъ впечатлѣній мы получимъ способность представлять себѣ и мысленно нашъ духовный міръ болѣе цѣльнымъ, слитнымъ, нежели мы можемъ это теперь дѣлать. Тогда, быть можетъ, исчезнетъ одно изъ самыхъ крупныхъ различій между міромъ духовнымъ и физическимъ, рушится еще одна преграда, мѣшающая намъ въ настоящее время уловить аналогію между явленіями сознанія и физическаго міра.

Пока же неустойчивость и слабая фиксація явленій сознанія препятствуетъ синтезу этихъ явленій въ ихъ теченіи и разрываетъ ихъ связь во времени. Другимъ, не менѣе серьезнымъ препятствіемъ для

синтеза психическихъ явленій, служить то, знакомое каждому изъ личнаго опыта, обстоятельство, что мы не въ состояніи въ каждый данный моментъ удержать въ нашемъ полѣ сознанія въ лучшемъ случаѣ трехъ-четырехъ ясныхъ впечатлѣній. Когда мы рассматриваемъ находящуюся передъ нами картину, на которой изображено нѣсколько лицъ, или фигуръ, или предметовъ, мы можемъ съ наибольшей ясностью и отчетливостью видѣть только одно лицо, одну фигуру. И чѣмъ больше мы сосредоточиваемъ наше вниманіе на одной какой-либо части картины, напр., на глазахъ какого-либо лица, т.-е. чѣмъ яснѣе и сознательнѣе мы воспринимаемъ какую-либо часть картины, тѣмъ ограниченнѣе объемъ впечатлѣнія, тѣмъ меньше объемъ нашего сознанія въ данный моментъ.

Эта ограниченность объема поля сознанія, или круга доступныхъ намъ въ одинъ моментъ времени впечатлѣній, извѣстна въ психологіи подъ именемъ закона единства сознанія.

Слушая музыку, большинство людей улавливаютъ въ каждый моментъ то одни звуки, то другіе и только немногія лица путемъ долговѣтнаго упражненія достигаютъ умѣнія схватывать одновременно, или, вѣрнѣе, въ очень короткій промежутокъ времени, всѣ основные звуки, издаваемые разными инструментами и всю совокупность мотива, складывающагося изъ отдѣльных звуковъ.

Но даже при обладаніи очень опытнымъ и музыкальнымъ ухомъ стоитъ лишь сосредоточить свое вниманіе съ особенной силой на одной какой-либо нотѣ или звукѣ одного инструмента, какъ тотчасъ же изъ поля сознанія исчезаютъ всѣ остальные звуки.

Повседневная жизнь cadaго изъ насъ богата примѣрами того, какъ при сосредоточеніи нашего вниманія на какой-либо мысли мы перестаемъ замѣчать совершающееся вокругъ насъ—не видимъ, не слышимъ. Смыслъ этихъ явленій очевидно тотъ, что въ полѣ нашего сознанія нѣтъ мѣста для нѣсколькихъ одновременныхъ ясныхъ представлений, и что, разъ сознаніе занято, или, какъ выражаются, поглощено какимъ-либо образомъ, или мыслью, другіе образы не могутъ возникнуть въ сознаніи.

Такая ограниченность объема нашего сознанія создаетъ, очевидно, еще одно препятствіе къ образованію большихъ группъ явленій сознанія, мѣшаетъ слитности отдѣльных моментовъ послѣдняго. Этимъ опять-таки поддерживается разрозненность явленій психическаго міра. При помощи уже раньше указанныхъ пріемовъ эта разрозненность воспринимаемыхъ явленій исправляется по отношенію къ внѣшнему міру; въ мірѣ же психическомъ разрозненность остается господствующимъ началомъ.

Повидимому, существуетъ тѣсная связь между только что указанной особенностью психики—ограниченностью объема нашего сознанія и раньше указанной неустойчивостью отдѣльных явленій сознанія. Во-

первыхъ, ограниченность объема сознанія несомнѣнно связана, также какъ и неустойчивость, съ фізіологическими условіями мозговой работы. По крайней мѣрѣ для сферы впечатлѣній зрительныхъ и слуховыхъ, по мнѣнію выдающихся фізіологовъ, ограниченность поля сознанія обусловлена тѣмъ, что, подъ вліяніемъ сосредоточенія вниманія, возбуждаются опредѣленные мѣста въ нервныхъ центрахъ и въ органахъ чувствъ, какъ, напр., различные части сѣтчатки.

Объемъ сознанія также представляетъ значительныя индивидуальныя колебанія у разныхъ лицъ, а также при различныхъ фізіологическихъ условіяхъ. Упражненіе оказываетъ и здѣсь весьма значительное вліяніе; у лицъ, постоянно упражняющихъ свое вниманіе въ извѣстномъ направленіи, значительно расширяется объемъ сознанія, напр.: музыканты въ состояніи уловить одновременно весьма сложную мелодію и подмѣтить малѣйшее отклоненіе въ качествѣ каждаго изъ множества звуковъ.

Яркимъ примѣромъ такого расширенія объема сознанія въ сферѣ зрительныхъ образовъ могутъ служить выдающіеся шахматисты, искусство которыхъ несомнѣнно основано прежде всего на синтетической способности фиксировать въ умственномъ полѣ зрѣнія сложную диспозицію и удерживать эту группу въ памяти.

Путемъ наслѣдственности эта эволюція объема сознанія можетъ передаваться потомству и фиксироваться въ расахъ. Такое расширеніе объема сознанія, въ свою очередь, должно обуславливать значительное усовершенствованіе всего умственного аппарата и стать источникомъ высокой даровитости.

Попытаемся свести оба основныхъ свойства сознанія—его неустойчивость и ограниченность его объема къ одному началу.

Неустойчивость каждаго отдѣльнаго явленія сознанія можетъ зависѣть только отъ существованія борьбы, хотя и скрытой, между отдѣльными элементами психической жизни, стремящимися каждый проникнуть въ поле сознанія.

Существованіе такой борьбы подтверждается массой фактовъ изъ области самонаблюденія. Нерѣдко болѣе слабое впечатлѣніе, вытиснутое изъ поля сознанія болѣе сильнымъ представленіемъ, получивъ случайно въ окружающей средѣ подкрѣпленіе, усиливается до такой степени, что беретъ снова верхъ надъ своими антагонистами, занимающими поле сознанія, вытѣсняетъ его въ свою очередь изъ послѣдняго и само занимаетъ его мѣсто.

Но не трудно замѣтить, что и ограниченность объема сознанія также указываетъ на борьбу между различными психическими продуктами, стремящимися овладѣть полемъ сознанія. Уже древніе наблюдатели подмѣтили тотъ фактъ, что, разъ вступивъ въ сознаніе, представленіе или ощущеніе стремятся вытѣснить изъ сознанія все то, что въ немъ было раньше и тормозитъ вступленіе въ поле сознанія другихъ впечатлѣній.

Эта борьба представленій въ сознаніи и взаимно тормозящее дѣйствіе однихъ на другія прекрасно было описано Гербартомъ, который даже пытался установить законы и формулы для этого взаимодействія.

Изученіе вниманія и фізіологическихъ его свойствъ раскрыло въ немъ ту его особенность, что всякій актъ вниманія состоитъ изъ двухъ противоположныхъ моментовъ: съ одной стороны вниманіе, сосредоточенное на какомъ-либо психическомъ актѣ, будь то впечатлѣніе, мысль или волевое стремленіе, тянетъ этотъ актъ въ поле сознанія; съ другой стороны оно же, вниманіе, подавляетъ, ослабляетъ всѣ другіе нервныя и психическія акты, задерживаетъ ихъ вступленіе въ сознаніе и ослабляетъ степень сознательности тѣхъ впечатлѣній, которыя уже раньше находились въ сознаніи. Итакъ, борьба между психическими явленіями за вступленіе въ поле сознанія, борьба между тѣми, которыя уже вступили въ сознаніе, составляетъ причину неустойчивости сознанія, ограниченности его объема.

Борьба за обладаніе сознаніемъ—вотъ то специфическое начало, которое характеризуетъ всю область явленій сознанія.

Сдѣлаемъ еще одинъ шагъ въ нашемъ сознаніи.

Въ сущности все, что говорилось въ предыдущемъ анализѣ о сознаніи, относится къ самосознанію, т.-е. къ сознанію своей личности. И хотя фізіологія еще не раскрыла механизма самосознанія, но имѣется не мало оснований думать, что вся вышеупомянутая борьба состоитъ въ борьбѣ за «самосознаніе», другими словами: полное сліяніе какого-либо представленія съ «я» представляетъ собою состояніе въ высокой степени неустойчивое, для котораго необходимо особое сочетаніе какихъ-то неизвѣстныхъ фізіологическихъ условій. Вслѣдствіе этой неустойчивости только одно или нѣсколько представленій могутъ, и то лишь на короткое время, удержаться въ нашемъ сознаніи. Отсюда эта непрерывная смѣна и чередованіе представленій, временно сливающихся съ «я», проникающихъ благодаря этому въ сознаніе; отсюда же постоянная борьба между различными представленіями за самосознаніе.

Нашъ анализъ привелъ насъ къ совершенно неожиданному выводу, что цѣлый рядъ специфическихъ особенностей сознанія, какъ его неустойчивость, ограниченность его объема, начало борьбы, сводятся въ концѣ концовъ къ одному источнику—къ неразрывной связи всякаго сознательнаго явленія съ нашей личностью, нашимъ «я». Индивидуальность и субъективность—такова альфа и омега всего міра сознанія въ цѣломъ и въ каждомъ отдѣльномъ явленіи этого міра.

Субъективный и индивидуальный характеръ сознанія обуславливаетъ цѣлый рядъ важныхъ особенностей, которыми сознаніе отличается отъ міра физическаго.

Міръ физической природы представляется уму человѣка даже на

раннихъ ступеняхъ культуры царствомъ закона и строгой взаимной связи между отдѣльными явленіями. Это неизбѣжно вытекаетъ изъ того, что внѣшній міръ представляется намъ связнымъ, непрерывнымъ цѣлымъ, гдѣ одно переходитъ въ другое, гдѣ каждое явленіе есть какъ бы звено великой цѣпи и частица великаго цѣлаго. Отсутствіе перерывовъ и пустыхъ мѣстъ между отдѣльными предметами и явленіями роковымъ образомъ ведетъ человѣческій умъ къ заключенію, что во внѣшней природѣ все взаимно связано—одно явленіе обуславливаетъ другое и само зависитъ или даже происходитъ отъ другого. Отсюда вѣра въ господство причинной связи и закона.

Не то въ мірѣ нашего сознанія. Разорванность отдѣльныхъ элементовъ сознанія, ихъ изолированность, отсутствіе переходовъ, неустойчивость, ихъ внезапное появленіе въ сознаніи, куда они нерѣдко всплываютъ изъ глубины воспоминанія безъ внѣшняго повода, столь же внезапное исчезновеніе ихъ изъ поля сознанія, отсутствіе осязательной для насъ связности какъ въ данный моментъ, такъ и въ ихъ теченіи во времени, отсутствіе увѣренности въ возможности вновь вызвать ихъ по произволу, наконецъ, ихъ неразрывная связь съ нашей индивидуальностью—все это дѣлаетъ область сознанія ареной игры какихъ-то непостижимыхъ пока для насъ силъ.

Вмѣсто закона и причинной связи мы склонны видѣть здѣсь игру «случая», «произвола», выражающій не что иное, какъ отрицаніе закона и причинной связи.

Умъ человѣческій не можетъ, разумѣется, успокоиться на такомъ отрицательномъ рѣшеніи; имѣя постоянно передъ собою окружающую насъ природу, гдѣ каждый новый шагъ открываетъ намъ новые факты и доказательства господства закона и причинной связи, человѣкъ ищетъ и находитъ слѣды аналогичной законности и причинности и въ своемъ внутреннемъ мірѣ сознанія. Найдя эти слѣды въ непосредственной полостѣ своего самосознанія, человѣкъ пытается и здѣсь подойти къ истинѣ окольнымъ путемъ, изучая внѣшнія проявленія человѣческой души, продукты человѣческаго духа. И здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ пунктахъ, гдѣ голосъ индивидуальнаго сознанія недостаточенъ для уразумѣнія истины, человѣкъ прибѣгаетъ къ самому могущественному орудію постиженія психическихъ явленій—къ наблюденію коллективной психики другихъ людей.

Наблюдая разнообразныя проявленія въ сознаніи другихъ людей, мы въ значительной степени эмансипируемся отъ сбивчивыхъ и обманчивыхъ показаній нашего собственнаго сознанія, и здѣсь передъ нами выступаютъ слѣды господства тѣхъ же началъ закона и причинной связи, какія мы встрѣчаемъ въ физической природѣ.

Путь этотъ медленный и трудный. Вся исторія умственнаго развитія человѣчества иллюстрируетъ эту борьбу двухъ тенденцій—одной, исходящей изъ голоса непосредственнаго самосознанія и другой, со-

ставляющей продуктъ объективнаго наблюденія надъ сознательной жизнью и духовной работой другихъ людей. Первая тенденція даетъ начало цѣлому ряду иллюзій, играющихъ огромную роль въ социальной жизни человѣка—такова великая, быть можетъ, вѣчная иллюзія «свободы воли», иллюзія, прикрывающая собою тотъ фактъ, что наше непосредственное самонаблюденіе не открываетъ въ собственномъ сознаніи слѣдовъ причинной связи между нашими импульсами и хотѣніями съ какими-либо внѣ насъ лежащими явленіями, т.-е. причинами.

Правда, болѣе, чѣмъ когда-либо, современное человѣчество переживаетъ эпоху выработки новыхъ, болѣе объективныхъ воззрѣній на этотъ вопросъ; съ каждымъ днемъ субъективная иллюзорность уступаетъ мѣсто болѣе объективному воззрѣнію. Вѣра въ произволъ, именуемый свободой воли, уступаетъ убѣжденію въ господство закона и причинной связи въ области нашихъ рѣшеній и стремленій. Все же нельзя скрывать отъ себя, что въ этой области большинство человѣчества еще стоитъ на примитивной ступени и не доросло до идеи, что міръ психическій управляется столь же опредѣленными и неизмѣнными законами, какъ и міръ физическій.

Руководясь эволюціонной точкой зрѣнія, усматривая въ духовной природѣ человѣческой расы такое же неуклонное совершенствованіе, какъ и въ физическомъ мірѣ, мы можемъ питать надежду, что и способность человѣка проникать въ свой собственный духовный міръ, его умѣніе уловить внутреннюю связь между различными явленіями и моментами сознанія, также будетъ постепенно и непрерывно расти и развиваться слѣдуя хотя, и медленно, за успѣхами человѣка въ его возрастающей способности проникать въ окружающую насъ природу.

Пока же слѣдуетъ считаться съ тѣмъ безспорнымъ обстоятельствомъ, что, въ силу многихъ фізіологическихъ и психологическихъ особенностей, міръ психическій, рассматриваемый въ нашемъ непосредственномъ сознаніи, оказываетъ большое сопротивленіе попыткамъ прижѣнить къ нему основное начало всякой науки—законъ причинной связи.

Всѣ предметы и явленія окружающаго насъ міра мы представляемъ себѣ расположенными и совершающимися въ пространствѣ и времени; предметы измѣняютъ свое положеніе и формы—это значитъ: измѣняются ихъ разстоянія, измѣняются ихъ линіи. Событія отдалены одно отъ другого извѣстнымъ промежуткомъ времени. Весь внѣшній міръ для насъ есть пространство, наполненное линіями предметовъ и линіями ихъ движенія. Мы можемъ однакожь представить себѣ внѣшній міръ безъ времени—міръ, взятый въ каждый данный мигъ, нуждается для нашего пониманія лишь въ одномъ пространствѣ безъ котораго мы не можемъ себѣ представить существованіе гдѣ то внѣ насъ какого либо предмета, а тѣмъ болѣе множества предметовъ.

Даже движеніе можно допустить безъ времени. Если бы всѣ явле-

Мы знаемъ однако-жъ, что въ нашихъ представленіяхъ о внѣшнемъ мірѣ, кромѣ пространства, участвуетъ и факторъ времени. Когда мы видимъ совершающееся передъ нами движеніе или когда мы сами производимъ движеніе, понятіе о времени неизмѣнно присутствуетъ въ нашихъ представленіяхъ этого движенія, такъ и въ разсужденіяхъ о немъ, въ нашей мысли. Въ механикѣ, наукѣ, изучающей движеніе въ пространствѣ, нельзя сдѣлать ни одного шага безъ понятія о скорости, т.-е. о времени, въ теченіе котораго совершается единица движенія и проходитъ единица пространства.

Когда мы думаемъ о событіяхъ, совершающихся въ окружающей природѣ, о временахъ года, о ростѣ плодовъ и знаковъ, объ историческихъ событіяхъ, о перемѣнахъ въ нашей собственной жизни, мы ни на одно мгновение не можемъ обойтись безъ представленія о времени, которое оказывается для насъ, для нашего сознанія такимъ же безусловно необходимымъ факторамъ природы, какъ и пространство.

Чтобы разобратъся въ этомъ вопросѣ, нужно имѣть въ виду, что всѣ сужденія, какія мы имѣемъ относительно окружающей насъ природы, суть не что иное, какъ выводы изъ нашихъ же впечатлѣній и ощущений, т.-е. изъ элементовъ нашего сознанія.

Единственный источникъ нашихъ свѣдѣній о природѣ заключается въ ощущеніяхъ, какія вызываются внѣшними предметами въ нашихъ органахъ чувствъ. Это не значитъ, конечно, какъ то утверждаютъ крайніе идеалисты, что мы въ сущности ничего не знаемъ о самой природѣ, что мы знаемъ лишь состояніе нашего сознанія. Такой взглядъ одностороненъ. Наши ощущенія служатъ тѣмъ матеріаломъ, тѣми послылками, изъ которыхъ мы дѣлаемъ заключенія о свойствахъ внѣшней природы. И если наши сужденія о природѣ и не могутъ заключать въ себѣ ничего такого, что не вытекало бы изъ свойствъ ощущенія, то это не означаетъ, однако-жъ, чтобы наше пониманіе природы было лишь однимъ простымъ отраженіемъ того, что содержится въ сознаніи. И хотя терминъ отраженіе получилъ уже право гражданства, правильнѣе было бы говорить о процессѣ преломленія нашихъ ощущений. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ процессѣ выработки нашихъ представленій о внѣшней природѣ, свойства нашихъ ощущений играютъ весьма важную роль.

Вотъ почему насъ не должно удивлять, что въ составъ нашихъ представленій о природѣ входятъ элементы сознанія и въ числѣ этихъ элементовъ весьма видное мѣсто занимаетъ время, *которое переносится нами во внѣшній міръ и въ такой степени тѣсно сливается съ представленіями о природѣ, что мы совершенно забываемъ субъективное происхожденіе этого фактора и привыкаемъ видѣть въ немъ одно изъ неотъемлемыхъ свойствъ физическаго міра.* Такое перенесеніе свойствъ сознанія во внѣшній міръ составляетъ въ данномъ случаѣ лишь одно изъ проявленій болѣе общаго процесса, въ силу

котораго мы безсознательно переносимъ (проэцируемъ) содержаніе сознанія въ наши представленія о внѣшнемъ мірѣ.

Остановимся нѣсколько на этомъ процессѣ проэкции. Изученіе явленій сознанія въ разныхъ стадіяхъ—у дѣтей, у животныхъ—приводитъ къ заключенію, что существуетъ цѣлая скала ступеней сознательности—отъ первыхъ зачатковъ сознанія до высшихъ его проявленій у взрослого и нормальнаго человѣка.

На низшей ступени, у дѣтей, мы застаемъ сознаніе въ той стадіи, когда въ немъ еще нѣтъ расчлененія на «я» и «не я», еще не различается свое, личное сознаніе отъ того, что относится къ внѣшнему міру. Когда передъ глазами новорожденнаго мелькаетъ движущійся предметъ, ребенокъ видитъ предметъ, т.-е. въ сознаніи его имѣется образъ, но этотъ образъ еще не отнесенъ куда-либо, не получилъ опредѣленнаго направленія. Въ это время еще не имѣется самого представленія о своемъ «я».

Дифференцированіе сознанія на свое «я» и «внѣ я» лежащее еще не совершилось. По наблюденіямъ надъ дѣтьми, у нихъ иногда лишь въ возрастѣ четырехъ лѣтъ рѣзко обособляется въ сознаніи субъективное, индивидуальное отъ внѣшняго, объективнаго. То, что въ человѣческой жизни совершается въ четыре года, въ эволюціи животной психики занимаетъ многіе вѣка. Самое расчлененіе сознанія на два обособленныхъ отдѣла—субъективный и объективный, на «я» и «внѣ я» лежащее есть, очевидно, лишь заключительная ступень весьма длительнаго и сложнаго процесса постепеннаго проэцированія содержанія сознанія. По мѣрѣ накопленія опыта, въ каждомъ актѣ сознанія, будь то ощущеніе, чувствованіе или стремленіе къ движенію, все рѣзче и яснѣе выступаютъ тѣ признаки, которыми отличается субъективное отъ объективнаго. Наибольшей дифференцировки достигаетъ область ощущеній и представленій, т.-е. тѣхъ состояній сознанія, которыя всегда связаны съ воздѣйствіемъ на насъ окружающихъ предметовъ. Здѣсь-то, въ этой области обнаруживается та основная, непостижимая способность нашей психики отодвинуть, выдѣлать изъ себя, проэцировать всѣ предполагаемые источники и причины ощущеній, откуда возникаетъ представленіе о внѣшнемъ мірѣ. Повторяемъ, извѣстныя ощущенія или впечатлѣнія дѣлаются представленіями о внѣшнемъ мірѣ лишь съ того момента, когда они выдвигаются и сознаются на извѣстномъ разстояніи отъ нашего «я».

До этого момента, пока они сознаются слитно съ нашимъ сознаніемъ и не относятся нами куда-то внѣ насъ, они еще не суть представленія о внѣшнемъ мірѣ.

Трудно ожидать, чтобы мы въ ближайшемъ будущемъ сумѣли проникнуть за кулисы этого таинственнаго процесса проэкции, механизмъ котораго лежитъ гдѣ-то внѣ сознанія, хотя результаты его обнаруживаются въ сознаніи. Мы должны пока довольствоваться

тѣмъ, что мы имѣемъ, благодаря наблюденіямъ надъ эволюціей сознанія, доказательства, что такой процессъ совершается.

Зная существованіе такого процесса, мы не будемъ удивляться, найдя въ нашихъ представленіяхъ о природѣ присутствіе фактора времени, т.-е. одного изъ свойствъ сознанія.

Впрочемъ, такой переносъ представленія времени въ явленія внѣшняго міра поддерживается еще однимъ специальнымъ источникомъ, а именно: явленіемъ движенія внѣшнихъ предметовъ.

Когда какой-либо предметъ, напр., небесное свѣтило, движется въ пространствѣ, мы получаемъ послѣдовательный рядъ ощущеній, которыя тянутся въ нашемъ сознаніи и двигаются по линіи времени. Правильное движеніе небесныхъ свѣтилъ, особенно солнца, уже на первыхъ ступеняхъ умственнаго развитія человѣка, установило тѣсную связь между внѣшнимъ движеніемъ въ пространствѣ и внутреннимъ движеніемъ нашихъ впечатлѣній въ формѣ времени. Выработалась даже увѣренность въ соизмѣримости внѣшнихъ единицъ пространства и соотвѣтственныхъ единицъ времени. Время и пространство становятся какъ бы соотвѣтственными величинами, способными замѣнить одно другое; мѣра пространства и мѣра времени становятся взаимными, однородными величинами, мало-по-малу забывается то обстоятельство, что въ самомъ внѣшнемъ движеніи никакого времени нѣтъ, что время есть лишь соотвѣтствующій внутренній фактъ, сопровождающій въ сознаніи измѣненія въ пространствѣ, внѣ сознанія.

Совершенно незамѣтно совершается сліяніе сознанія съ физическимъ явленіемъ и время переносится по закону проекціи во внѣшній міръ и становится параллельно съ пространствомъ.

Зато въ сферѣ сознанія время царитъ безраздѣльно, такъ какъ нельзя даже себѣ представить возможность переноса пространства въ область психическихъ явленій.

Окидывая однимъ взглядомъ все сказанное о различіи между міромъ сознанія и физической природой, мы убѣждаемся, что всѣ многообразныя на первый взглядъ различія имѣютъ своимъ корнемъ и первоисточникомъ одно фундаментальное свойство сознанія—его субъективность. Всего полнѣе и осязательнѣе эта субъективность проявляется въ абсолютной замкнутости сознанія въ предѣлахъ того индивида, въ которомъ оно зарождается и проявляется. Эта полная изолированность составляетъ настоящую основу того, что называютъ индивидуальностью сознанія. Мое сознаніе существуетъ только для меня и ни для кого другого. При самомъ страстномъ желаніи сообщить мое сознаніе другимъ людямъ и при самыхъ упорныхъ усиліяхъ мы не можемъ открыть нашъ внутренній міръ даже самымъ близкимъ намъ людямъ. Мы обходимъ до нѣкоторой степени это затрудненіе, стремясь вызвать путемъ выраженій и вообще съ помощью разнообразныхъ движеній, словъ, поступковъ и т. д. въ сознаніи

другихъ людей догадку о томъ, что творится въ нашей душѣ. Мы пытаемся вызвать аналогичное нашему сознанию состояніе въ душѣ другихъ людей. Всѣ наши сужденія о сознаниі и вообще о духовной жизни другихъ людей, имѣють, однако-жъ лишь характеръ гадательный, гипотетическій и посредственный, такъ какъ въ концѣ концовъ міръ сознания остается замкнутымъ, непроницаемымъ царствомъ, доступнымъ лишь внутреннему взору одного индивида — собственника этого міра.

Необходимость сознания имѣеть чрезвычайно важныя послѣдствія для всего строя жизни людей и составляетъ одно изъ наиболѣе трудно преодолимыхъ препятствій на пути изученія внутренняго міра человѣческаго сознания.

Нѣтъ надобности настаивать на томъ значеніи, какое имѣеть коллективный трудъ и коллективная жизнь вообще въ развитіи человѣчества и какимъ огромнымъ препятствіемъ на пути этой коллективности служила несообщаемость, непередаваемость индивидуальнаго сознания на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія.

Вся исторія человѣчества отъ его дикаго состоянія до нашихъ дней можетъ быть въ извѣстномъ смыслѣ разсматриваема, какъ исторія постепеннаго развитія и усовершенствованія способовъ обмѣна мыслей, чувствъ и желаній между людьми. И рѣчь, и письмо, и искусство, и мимика, пѣніе, танцы и т. п., все это являетъ собою орудія и способы проникновенія одного человѣка въ духовный міръ своего ближняго. Процессъ этого сближенія и проникновенія еще далеко не завершился по сіе время—рядъ новѣйшихъ открытій, какъ телеграфъ, телефонъ, фонографъ, служатъ этому доказательствомъ.

ГЛАВА IV.

Изученіе психическихъ явленій.

Обратимся къ другой сторонѣ вопроса, посмотримъ, какую роль играетъ замкнутость сознания, какъ тормазъ для пониманія явленій сознания, для научнаго ихъ изученія и анализа.

Когда мы знакомимся съ какимъ-нибудь внѣшнимъ предметомъ, мы можемъ это дѣлать одновременно съ другими лицами коллективно. Тысячи людей могутъ одновременно воспринимать, видѣть солнечное затменіе, любоваться радугою, внимать бурѣ, слышать громъ и т. д. И хотя мы не имѣемъ прямыхъ доказательствъ того, что всѣ наблюдающіе испытываютъ одинаково всѣ ощущенія, но они имѣють возможность констатировать тождество впечатлѣній съ ранѣ испытаннымъ подобнымъ же впечатлѣніемъ. Уже одна возможность одновременнаго наблюденія и коллективности впечатлѣній значительно помогаетъ людямъ установить болѣе объективное пониманіе природы.

Сверхъ того, одно и то же явленіе иногда послѣдовательно наблюдается разными лицами, причемъ данное явленіе, какъ только исчезнетъ изъ поля наблюденія одного лица, попадаетъ въ поле наблюденія другого. Такъ, охотники, разсѣянные въ лѣсу, видятъ одинъ за другимъ пробѣгающаго мимо нихъ звѣря. Здѣсь опять-таки благодаря коллективности наблюденія, хотя и не одновременно, устанавливается косвеннымъ образомъ коллективное сужденіе, т.-е. опять-таки болѣе объективное, нежели сужденіе одного лица.

Возможность коллективныхъ наблюденій надъ природой служить, въ свою очередь, тѣмъ источникомъ, въ которомъ люди черпаютъ убѣжденіе въ реальности явленій природы, въ ихъ постоянствѣ, въ ихъ объективной независимости отъ сознанія каждаго человѣка въ отдѣльности.

Въ то же время возможность одновременнаго или послѣдовательнаго наблюденія одного и того же предмета различными индивидами, при различныхъ условіяхъ, расширяетъ самый процессъ наблюденія, дѣлаетъ его болѣе разностороннимъ, болѣе полнымъ и тѣмъ самымъ путемъ косвеннаго обмѣна мыслей между всѣми наблюдателями опять-таки создаютъ условія для полнаго, менѣе субъективнаго, индивидуальнаго пониманія и воспріятія нами свойствъ окружающаго міра.

Всѣ эти благопріятныя для наблюденія условія совершенно отсутствуютъ при самонаблюденіи; тогда какъ любое явленіе физической природы доступно всѣмъ людямъ и даже высшимъ животнымъ, обладающимъ одинаковыми съ человѣкомъ органами чувствъ, явленія сознанія составляютъ неотъемлемую собственность владѣльца. Даже то косвенное проявленіе своего сознанія посредствомъ движеній, выраженія, словъ и т. д., съ помощью которыхъ человѣкъ, хотя отчасти, дѣлится своимъ сознаніемъ съ другими людьми, находится въ его личной власти. Стоитъ человѣку не захотѣть открыть своего сознанія, или скрыть отъ другихъ свои ощущенія, мысли, чувства, желанія, и онъ обладаетъ огромной властью въ этомъ отношеніи. Онъ можетъ не только скрыть свое сознаніе отъ своихъ ближнихъ, но умѣетъ вводить ихъ въ заблужденіе, давая имъ совершенно ложныя показанія о томъ, что творится въ его душѣ.

Міръ духовный обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи одну особенность, неизвѣстную физическому міру. Ложь совершенно незнакома физической природѣ: воздухъ не можетъ показать высокую t^0 , когда на дворѣ морозъ, барометръ не можетъ показывать хорошую погоду, когда идетъ дождь и т. д.

Печальное проявленіе лжи составляетъ достояніе лишь психическаго міра и растетъ параллельно съ развитіемъ способовъ проявленія сознанія и общенія человѣка съ его братьями. Человѣкъ всегда, въ весьма широкихъ предѣлахъ, остается господиномъ того аппарата, который служитъ ему для сообщенія окружающимъ того, что творится въ его духовномъ мірѣ.

Далѣе, даже при самомъ напряженномъ желаніи и усилии со стороны одного человѣка подѣлиться своимъ сознаніемъ съ окружающими, ему весьма рѣдко удается это сдѣлать для многихъ. Большею частью онъ вступаетъ въ общеніе лишь съ однимъ или нѣсколькими лицами, такъ что даже посредственное и чисто условное проникновеніе людей въ сознаніе другого невозможно *en masse*, для многихъ лицъ, тогда какъ наблюденіе надъ явленіями окружающаго насъ физическаго міра возможно одновременно для массы людей. Поэтому наблюденія надъ внѣшними проявленіями сознанія не имѣютъ большого матеріала для сравненія, а между тѣмъ такое сравненіе массовыхъ наблюденій есть основа всѣхъ нашихъ сужденій о внѣшнемъ мірѣ.

Здѣсь умѣстно указать на одно весьма распространенное заблужденіе относительно характера нашихъ представленій о природѣ. Обыкновенно говорятъ о нашихъ ощущеніяхъ, впечатлѣніяхъ, представленіяхъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто всѣ эти психическіе акты составляютъ исключительную нашу личную собственность и продуктъ усилій и работы нашего индивидуальнаго сознанія. Въ этомъ, однако-жъ, кроется весьма серьезное заблужденіе. Нашъ личный опытъ и наше индивидуальное сознаніе доставляютъ намъ непосредственно лишь одинъ сырой матеріалъ; правда, первоначальная переработка этого матеріала есть дѣло нашего личнаго, безсознательнаго психическаго труда. Но окончательная выработка ясныхъ представленій совершается нами уже при помощи сознанія другихъ людей. Такъ, даже самый элементарный психическій актъ, а именно установленіе тождества двухъ однородныхъ ощущеній и впечатлѣній, напр., тождества цвѣта двухъ листьевъ не есть, какъ намъ кажется, дѣло исключительно одного нашего субъективнаго сужденія.

Даже при этомъ простѣйшемъ психическомъ актѣ, мы отчасти опираемся на контрольные опыты другихъ людей, на признаніе этого тождества другими. Яркой иллюстраціей этого контрольнаго процесса можетъ служить такъ называемое явленіе дальтонизма, когда у субъекта недостаетъ въ сознаніи нѣкоторыхъ ощущеній, когда онъ, напримѣръ, не видитъ зеленаго цвѣта, или, вѣрнѣе, видитъ два цвѣта одинаково.

Эти лица, несмотря на такой дефектъ въ ихъ индивидуальномъ сознаніи, тѣмъ не менѣе, однако-жъ, различаютъ объективно всѣ цвѣта, узнаютъ или въ окружающихъ предметахъ; среди такихъ лицъ встрѣчаются иногда художники, составляющіе правильно краски, которые они субъективно плохо различаютъ.

Какъ это достигается? Очевидно, у лицъ, страдающихъ дальтонизмомъ, недостатокъ указаній ихъ индивидуальнаго сознанія восполняется показаніями другихъ людей. Отсутствіе ясныхъ различій въ характерѣ ощущеній, производимыхъ въ ихъ сознаніи двумя различными цвѣтами, восполняется контрольной психической работой, без-

сознательнымъ логическимъ процессомъ, который устанавливаетъ въ сознании этихъ лицъ какіе-то новые признаки и мѣтки для этихъ прямо ими не различаемыхъ цвѣтовъ. Дальтониисты говорятъ: я не вижу, чтобы этотъ цвѣтъ (лиственъ) былъ особенный—то, что другіе называютъ зеленымъ, но я знаю, что онъ таковъ, и я его почему-то узнаю всюду, гдѣ я ожидаю, что онъ долженъ находиться.

Нужно сознаться, что до сихъ поръ еще мало изслѣдовано, насколько сознание обязано своимъ развитіемъ такому воспитательному содѣйствію другихъ людей. Это задача будущаго расчленивъ содержаніе нашего сознания на элементы первичные, индивидуальныя и на факторъ вторичный, вспомогательный, благодаря которому и получается настоящее «со-знаніе», т.-е. знаніе, принадлежащее не психикѣ одного человѣка, а коллективной психикѣ многихъ.

Но не выходя еще изъ предѣловъ личнаго сознания, человѣкъ встрѣчаетъ въ нѣкоторыхъ свойствахъ этого сознания серьезныя препятствія для ознакомленія съ природой тѣхъ явленій, изъ которыхъ состоитъ нашъ внутренній міръ. Выше были указаны двѣ особенности всѣхъ явленій сознания ихъ неустойчивость, летучесть и ограниченность нашей способности сливать ихъ въ одинъ одновременный комплексъ, ограниченность объема сознания, или такъ называемое единство сознания.

Трудно сказать, которое изъ этихъ двухъ свойствъ больше мѣшаетъ нашему самонаблюденію и лежитъ большимъ препятствіемъ на пути нашего самопониманія и самопознанія. Всего очевиднѣе роль неустойчивости сознания, наша неспособность фиксировать какое-либо состояніе сознания; вѣдь для того, чтобы мы могли себѣ дать ясный отчетъ въ свойствахъ какого-либо продукта нашего сознания, намъ необходимо, конечно, умѣть фиксировать это представленіе во времени продлить процессъ самонаблюденія. Мы обладаемъ этой возможностью въ высокой степени въ отношеніи къ предметамъ внѣшняго міра. Желая ознакомиться съ свойствами какого-либо физическаго явленія или предмета, мы можемъ произвольно долгое время разсматривать эти явленія, если оно само длится долго. Мы можемъ возвращаться къ нему и повторять прерванное наблюденіе—ничего подобнаго мы не можемъ дѣлать съ нашими состояніями сознания.

Мы имѣемъ, впрочемъ, косвенный способъ нѣсколько увеличить фиксацію, во-первыхъ, посредствомъ удлиненія времени наблюденія, т.-е. экспозиціи внѣшнихъ предметовъ, и, во-вторыхъ, мы прибѣгаемъ къ произвольному повторенію этихъ впечатлѣній. Хотя, какъ мы говорили выше, внутренняя фиксація образа въ сознаниі далеко не соотвѣтствуетъ внѣшней экспозиціи предмета или причины, хотя первое всегда прерывисто, тѣмъ не менѣе мы все же этимъ способомъ приобрѣтаемъ нѣкоторый коррективъ противъ крайней летучести и неустойчивости сознания. Быть можетъ по этой причинѣ этотъ классъ

психическихъ явленій, ощущеній и образовъ предметовъ и достижъ, въ сравненіи съ другими, наибольшаго развитія и мы обладаемъ наибольшей интенсивной силой въ области ощущеній и представленій.

Тамъ же, гдѣ мы лишены и этой слабой помощи, мы поставлены въ весьма неблагоприятныя условія при опредѣленіи свойствъ нашихъ психическихъ состояній, откуда обычно происходятъ ошибки и иллюзіи, крайняя неполнота и неясность многихъ нашихъ образовъ и ложность основанныхъ на нихъ заключеній.

Другое, не менѣе серьезное препятствіе для самонаблюденія имѣется въ ограниченномъ объемѣ сознанія, въ его «единствѣ».

Наблюдая явленія и предметы окружающаго насъ міра, мы имѣемъ возможность одновременно или почти одновременно охватить множество какъ однородныхъ, такъ и разнородныхъ явленій. Сопоставляя и сравнивая ихъ между собою, мы значительно облегчаемъ себѣ процессъ изученія этихъ явленій; путемъ сравненія раскрываются ихъ отличительные пункты и общія черты сходства.

Имѣя возможность одновременно или въ быстромъ чередованіи наблюдать сходныя явленія, мы доходимъ до созиданія обобщеній, т. е. улавливаемъ то, что свойственно и обще всѣмъ этимъ явленіямъ.

Не то въ мірѣ сознанія. Здѣсь въ силу ограниченности объема сознанія почти невозможно сопоставить или сравнить между собою одновременно нѣсколько психическихъ продуктовъ, нѣсколько представленій или ощущеній.

Это затрудненіе увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что самый процессъ сосредоточенія нашего вниманія на содержаніи нашего сознанія влечетъ за собою еще большее суженіе поля сознанія, и стоитъ намъ лишь заинтересоваться какимъ-либо представленіемъ или ощущеніемъ, находящимся въ полѣ сознанія, и на немъ же сконцентрировать свое вниманіе, какъ все остальное, находящееся въ данный моментъ въ сознаніи, исчезнетъ изъ поля послѣдняго.

Мало того, лишь только мы направимъ наше вниманіе на одно изъ свойствъ этого ощущенія, напр. на тембръ или высоту слышаннаго нами звука, какъ, въ силу этой концентраціи, остальные свойства этого ощущенія также какъ бы устраняются изъ сознанія. Такимъ образомъ основное условіе самонаблюденія, сосредоточенное самовниманіе исключаетъ возможность прямого непосредственнаго сравненія и синтетическаго сужденія о явленіяхъ сознанія.

Это обстоятельство должно было бы служить непреодолимой помѣхой для синтетическаго самонаблюденія; къ счастью объемъ нашего сознанія допускаетъ нѣкоторое растяженіе, въ особенности для нѣкоторыхъ группъ ощущеній, напр. для пространственныхъ и для звуковыхъ. Въ той же группѣ ощущеній возможна и большая устойчивость во времени, т. е. большая длительность этихъ ощущеній, вслѣдствіе чего еще больше улучшаются условія самонаблюденія. Въ дру-

гихъ же группахъ ощущеній, также въ области отвлеченнаго мышленія, чувства, хотѣній, хотя сосредоточенное вниманіе влечетъ за собою сильную концентрацію, но зато на помощь самонаблюденію является большая фиксація этихъ актовъ во времени, что особенно относится къ логическимъ актамъ. Быть можетъ въ этомъ слѣдуетъ видѣть причину наибольшаго успѣха самонаблюденія и самоанализа въ этой сферѣ духовной жизни.

При этомъ же здѣсь, въ чисто умственныхъ актахъ на помощь фиксаціи во времени является еще особая склонность всякаго логическаго акта, напр. идеи, вызывать по аналогіи (ассоціація) сродныя идеи или тѣсно связанныя съ даннымъ представленіемъ и сужденіемъ. Благодаря этому возникаетъ новое условіе болѣе успѣшнаго самоанализа этихъ психическихъ явленій.

Въ числѣ препятствій, встрѣчаемыхъ самонаблюденіемъ, слѣдуетъ еще упомянуть то немаловажное обстоятельство, что наша власть надъ явленіями нашего собственнаго духовнаго міра несравненно слабѣе, нежели наше вліяніе надъ окружающимъ насъ физическимъ міромъ.

Огромное количество предметовъ и явленій насъ окружающихъ находится всегда къ нашимъ услугамъ и можетъ намъ служить матеріаломъ для наблюденій каждый разъ, какъ мы это пожелаемъ. Другіе являются въ наше распоряженіе въ опредѣленное время, которое мы можемъ заранѣе предвидѣть. Къ третьимъ, находящимся отъ насъ на извѣстномъ разстояніи, мы можемъ приблизиться, или же мы можемъ ихъ приблизить къ себѣ.

Въ сущности уже одно то, что предметы и явленія внѣшняго міра допускаютъ большую ихъ фиксацію во времени и пространствѣ даетъ человѣку громадную власть надъ этими явленіями въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ съ большимъ удобствомъ и свободой выбора наблюдать и изучать ихъ. Власть эта усиливается въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что отъ воли человѣка зависитъ выборъ момента, а иногда мѣста и условій, появленія того или другого предмета, который мы желаемъ наблюдать.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится человѣкъ, какъ наблюдатель, по отношенію къ своему духовному міру и къ внутреннимъ явленіямъ своего сознанія.

Правда, власть надъ предметами даетъ въ то же время и до извѣстной степени господство надъ своими ощущеніями и представленіями, такъ какъ, умѣя по произволу установить наблюденіе надъ желаемыми предметами и явленіями, мы тѣмъ самымъ оказываемся въ состояніи вызвать по нашему желанію тѣ или другіе ощущенія и образы. Но, по причинамъ выше указаннымъ, эта способность даетъ гораздо больше плодовъ и результатовъ для наблюденія природы, нежели для самонаблюденія. Сверхъ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду,

что такая возможность произвольнаго самоанализа, такая относительно косвенная подчиненность самонаблюдения нашей волѣ относится лишь къ нѣкоторымъ видамъ ощущеній. Зато въ болѣе сложныхъ представленіяхъ, въ мірѣ мысли, чувствъ, волевыхъ актовъ, въ настроеніи и т. д., словомъ, въ сферѣ самой интимной и цѣнной области сознанія вліяніе воли надъ самонаблюденіемъ равно нулю.

Этотъ контрастъ между сравнительной зависимостью наблюденія природы отъ воли человѣка и почти полнымъ отсутствіемъ такого вліянія воли на чистое самонаблюденіе получаетъ особый интересъ въ виду того, что человѣкъ склоненъ къ совершенно обратной иллюзіи т. е. склоненъ вѣрить въ могущество своей воли надъ своимъ духовнымъ царствомъ.

Нужно ли напоминать, что зависимость наблюденія отъ нашей воли есть существенное условіе возможности опыта—этого первоисточника истинной науки, и что независимость самоанализа и самонаблюдения отъ нашей воли составляетъ крупное препятствіе къ возникновенію и примѣненію эксперимента въ психологіи?

Перечень условій неблагоприятныхъ для самонаблюдения и для изученія психическаго міра былъ бы неполонъ, если бы мы не упомянули въ заключеніе еще объ одной особенноти сознанія—о крайнемъ смѣшеніи и переплетеніи всѣхъ элементовъ сознанія.

Наблюдая окружающую насъ физическую природу, мы почти всегда въ состояніи выдѣлить изъ сложнаго комплекса ея явленій то именно явленіе и любую его часть и даже любой моментъ, которые мы по произволу можемъ выбрать для нашего наблюденія. Этотъ анализъ, которому физика и естествознаніе обязаны своими блестящими успѣхами, достигается съ помощью тысячи аппаратовъ и приспособленій, которыми обладаетъ современная научная техника.

Въ мірѣ сознанія, вслѣдствіе взаимнаго сплетенія всѣхъ элементовъ его, такое выдѣленіе единичнаго элемента и такой анализъ въ высокой степени затруднительный, подчасъ становятся почти совершенно невозможными.

Предположимъ, что намъ предстоитъ анализъ какого либо акта нашей воли; мы тотчасъ же убѣждаемся, что то специфическое, что мы предполагаемъ въ этомъ актѣ, а именно моментъ выбора или рѣшенія или усиліе, не выдѣляется въ сознаніи. Въ актѣ воли мы при анализѣ находимъ весьма богатое и сложное содержаніе—и представленіе цѣли, и скрытые мотивы, и сознаніе предстоящихъ препятствій и чувство, притомъ разнороднаго характера, какъ за, такъ и противъ даннаго рѣшенія.

Словомъ, мы вмѣсто простого, какъ мы ожидали, и элементарнаго акта, наталкиваемся на сложный механизмъ и комплексъ психическихъ факторовъ.

Тоже относится къ чувствамъ, къ мыслямъ; въ послѣднихъ ана-

лизъ иногда открываетъ въ скрытомъ видѣ массу ассоціацій, направленіе которыхъ въ свою очередь зависитъ въ каждый моментъ не отъ одного логическаго механизма, но также и отъ настроенія, самочувствія и т. д.

Казалось бы, что въ сферѣ элементарныхъ познавательныхъ процессовъ, въ воспріятіи впечатлѣній условія для самонаблюденія болѣе благоприятны; здѣсь какъ будто исключенъ элементъ чувства и влияние нашей личности, незамѣтно участіе ассоціаціи, и весь актъ образованія ощущеній и представленій какъ будто доведенъ до наибольшей элементарности и простоты. Однакожъ, несмотря на то, что механизмъ здѣсь дѣйствительно значительно упрощенъ, все же онъ не такъ простъ, какъ это кажется при непосредственномъ самонаблюденіи.

Анализъ процесса образованія представленій открываетъ и здѣсь участіе одного фактора, иногда скрытаго, иногда выступающаго явно, а именно—вниманія. Его роль въ возникновеніи и формированіи представленій, его влияние на ихъ интенсивность, ясность и устойчивость громадна.

Этотъ факторъ, въ одно и тоже время и психическій и фізіологическій, самъ по себѣ оказывается не столь простымъ и элементарнымъ, какъ прежде думали. Онъ содержитъ въ себѣ и двигательный элементъ—проявленіе воли и чувственную окраску—оттѣнокъ удовольствія и неудовольствія, зародышъ желанія; вниманіе само находится въ тѣсной связи съ сложнымъ психическимъ механизмомъ нашей личности, нашего «я».

Наконецъ и самый механизмъ выработки простѣйшихъ ощущеній оказывается сложнымъ психическимъ актомъ. Благодаря гениальнымъ изслѣдованіямъ Гельмгольца стало извѣстно, что даже образованіе наипростѣйшаго и какъ бы неразложимаго элемента сознанія, напр., ощущеніе извѣстнаго цвѣта, положимъ, краснаго, есть продуктъ безсознательнаго умозаключенія, т.-е. акта, въ свою очередь составленнаго изъ нѣсколькихъ составныхъ моментовъ.

На этомъ примѣрѣ можно видѣть, какова сложность психическихъ процессовъ и какія трудности встрѣчаетъ непосредственное самонаблюденіе.

Въ мірѣ психическомъ, особенно въ сознаніи, всѣ нити переплетаются взаимно, всѣ линіи движенія взаимно и многократно перекрещиваются, всѣ основные элементы, если только таковые существуютъ въ дѣйствительности, нагромождены одни на другіе, какъ бы взаимно проникають другъ друга въ противоположность непроницаемости матеріальныхъ явленій. Въ общемъ итогъ весь міръ сознанія оказывается какимъ-то неразматывающимся клубкомъ, въ которомъ нѣтъ ни начала, ни конца и гдѣ почти невозможно прослѣдить ходъ какой-либо отдѣльной нити и выдѣлить какой-либо отдѣльный факторъ.

Въ свою очередь, это взаимное сплетеніе психическихъ элементовъ

въ сознаніи есть безспорно результатъ нерасчлененности, необъективности сознательныхъ явленій, ихъ наустойчивости и ограниченности объема сознанія, что въ концѣ концовъ сводится опять-таки къ субъективности сознанія.

Субъективность психическаго міра оказывается, такимъ образомъ, по своимъ прямымъ и косвеннымъ послѣдствіямъ весьма серьезнымъ тормазомъ на пути самонаблюденія и изученія психическаго міра. Этимъ вполне объясняется отсталость психологіи, какъ науки, по сравненію съ успѣхами, которые сдѣлала физика и естествовѣдѣніе.

И самое осязательное проявленіе этой отсталости психологіи нужно безспорно видѣть въ томъ, что въ наукѣ о сознаніи нѣтъ мѣры, нѣтъ измѣренія психическихъ явленій, а безъ измѣренія нѣтъ науки.

Измѣреніе является спеціальной и болѣе зрѣлой формой сравненія нѣсколькихъ явленій какъ между собою, такъ и съ нѣкою третьей постоянной величиной.

Въ мірѣ физическомъ есть и постоянныя величины, могущія служить единицами сравненія и мѣры, а стало быть имѣются и условія для сравненія и измѣренія.

Въ царствѣ сознанія нѣтъ постоянныхъ величинъ, т.-е. нѣтъ единицъ, да если бы даже и были, то самонаблюденіе не въ состояніи ихъ уловить и фиксировать. Нѣтъ въ сознаніи и условій для точнаго, поддающагося объективному контролю, сравненія и измѣренія.

Въ этомъ пунктѣ сходятся всѣ нити, всѣ условія, неблагоприятныя для точнаго самонаблюденія и для развитія психологіи.

Слѣдуетъ ли, однако-жъ, полагать, что все это остается всегда въ нынѣшнемъ положеніи?

Примемъ то основное положеніе, что неблагоприятныя для самонаблюденія условія въ томъ видѣ, какъ мы ихъ находимъ въ настоящую минуту, суть результатъ опредѣленныхъ физиологическихъ свойствъ мозговой и нервно психической функціи. Этимъ самымъ мы получимъ право допустить, что, какъ сами свойства сознанія, такъ и условія самонаблюденія подчинены общимъ законамъ эволюціи и прогресса.

Сознаніе взрослого человѣка неизмѣримо выше дѣтскаго сознанія, духовная жизнь европейца гораздо богаче узкаго мірка дикаря, сознаніе крупнаго мыслителя, поэта или художника во много разъ превосходитъ и въ богатствѣ, и въ силѣ, и въ ясности сознаніе средняго человѣка.

Все это даетъ право рассчитывать, что актъ сознанія и его механизмъ, какъ въ его цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ его формахъ, можетъ и даже долженъ въ будущемъ, по общему ходу эволюціи значительно педвинуться впередъ по сравненію съ нынѣшнимъ его состояніемъ. Все это настолько очевидно, что почти не требуетъ доказательствъ.

Есть, однако-жъ, одинъ пунктъ, на который слѣдуетъ здѣсь указать, какъ на базисъ вѣры въ будущее психологіи. Всѣ охотно допускаютъ существованіе прогресса въ мірѣ психическомъ, въ сознаніи человѣчества, но спросите любого психолога въ чемъ заключается этотъ прогрессъ и вамъ укажутъ на наростаніе суммы нашего духовнаго богатства, наростаніе сложности сознанія, размѣра ассоціацій, въ развитіи нашего вниманія и другихъ общихъ свойствъ сознанія. При этомъ игнорируется столь же, если даже не болѣе важная сторона дѣла психики—возможность чисто фізіологическаго прогресса въ самой technikѣ сознанія, возможность наростанія способности фиксаціи во времени, расширенія объема сознанія, усиленія вліянія воли и вниманія на отдѣльныя психическія явленія.

На нашъ взглядъ эти фізіологическія основы всей психической жизни, этотъ скрытый безсознательный механизмъ нарожденія самого сознанія составляетъ фундаментъ всей нашей духовной жизни.

Весьма вѣроятно, что то, что мы обозначаемъ неопредѣленнымъ выраженіемъ:—психологическій талантъ, даръ глубокаго анализа, способность проникать въ духовный міръ ближняго, все это, быть можетъ, есть не что иное, какъ проявленіе и послѣдствіе большой способности фиксировать и расширять свое поле сознанія, большой силы произвольнаго воспоминанія и фиксаціи воспоминаемыхъ состояній.

Быть можетъ, достаточно самаго незначительнаго повышенія этихъ элементарныхъ психическихъ, вѣрнѣе психофізіологическихъ способностей, чтобы дать въ результатъ совершенно новые горизонты въ области самонаблюденія.

Постепенное наростаніе и развитіе этихъ способностей у культурнаго человѣка не только значительно подымаетъ механизмъ самонаблюденія и самопознанія, но въ то же время приближаетъ изученіе психическихъ явленій къ идеальнымъ условіямъ всякой истинной науки—къ объективности и измѣренію.

Въ ожиданіи того далекаго будущаго, когда по естественному ходу соціальной и духовной эволюціи человѣка онъ окажется болѣе сильнымъ въ борьбѣ съ тайнами своего собственнаго духа, современному человѣчеству предстоитъ трудная, но весьма благодарная работа усовершенствованія методовъ самонаблюденія и коллективнаго наблюденія.

Въ этомъ именно и заключается задача современной научной, точнѣе говоря, естественно-научной психологіи.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить значительное расширеніе сферы наблюденія, которое въ современной психологіи выходитъ далеко за предѣлы человѣческой психики, а включаетъ въ кругъ изученія психическую жизнь животныхъ. Цѣлый рядъ изслѣдованій психики низшихъ животныхъ, особенно же животныхъ соціальныхъ и работоспособныхъ, какъ-то муравьевъ, пчелъ, заставило въ многомъ измѣнить

раньше господствовавшее понятіе объ ихъ умѣ и инстинктѣ и значительно расширило наше представленіе о механизмѣ психическихъ явленій вообще. Въ послѣднее время натуралисты - психологи раздвинули область изученія психической жизни до ея крайнихъ предѣловъ, до самыхъ низшихъ, одноклѣточныхъ существъ, гдѣ наврядъ ли уже можетъ быть рѣчь о сознаніи въ нашемъ человѣческомъ смыслѣ и гдѣ, по всей вѣроятности, имѣется чисто нервная дѣятельность, которая обнаруживаетъ однако-жъ въ своемъ механизмѣ много чертъ, сходныхъ съ сознательной жизнью.

Сфера наблюденія надъ людьми также сдѣлалась гораздо шире и разностороннѣе прежняго. Изученіе душевной жизни дикарей, дѣтей, слѣпыхъ, нѣмыхъ; изслѣдованіе психо-патологическихъ явленій, гипнотическихъ и спиритическихъ уже доставили не мало цѣннаго матеріала для науки о душѣ человѣка.

Самымъ крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ изученія психическихъ явленій слѣдуетъ конечно признать зародившуюся во 2-й половинѣ XIX-го вѣка, со времени Вебера, Гельмгольца и Фехнера, экспериментальную психологію, основанную на примѣненіи физическихъ методовъ къ анализу явленій сознанія.

Характерныя особенности и основы этой фізіологической школы психологи сводятъ къ слѣдующему.

Во-первыхъ, изучается связь психическихъ явленій съ физическимъ состояніемъ нашего организма. Такъ, въ ученіи о чувствѣ и такъ называемыхъ аффектахъ, сильныхъ колебаніяхъ чувствъ, выдвинута на первый планъ связь этихъ состояній нашей души съ работой мышцъ, дѣятельностью сердца и другихъ органовъ тѣла. Точно также изучается и обратное воздѣйствіе этихъ же и другихъ фізіологическихъ моментовъ на психику вообще, въ особенности же на наши чувствованія.

Изученіе явленій такъ называемаго чтенія мыслей пролило новый свѣтъ на механизмъ автоматической безсознательной «работы мысли» и ея вліянія на движеніе нашего тѣла.

Это фізіологическое направленіе проявилось въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій надъ утомленіемъ, вниманіемъ, истощеніемъ, сномъ; въ наблюденіяхъ надъ дѣйствіемъ алкоголя, опія и многихъ другихъ возбуждающихъ и токсическихъ веществъ.

Центральнымъ пунктомъ метода фізіологической психологіи является лабораторная обстановка самаблюденія. Въ каждомъ лабораторномъ наблюденіи принимаютъ участіе нѣсколько человѣкъ, между которыми распределены различные моменты производимаго наблюденія. Выводъ изъ такихъ наблюденій всегда является коллективной работой нѣсколькихъ лицъ, нѣсколькихъ источниковъ сознанія, если позволено такъ выразиться. Наблюденія эти обыкновенно производятся взаимно каждымъ изъ участвующихъ въ опытѣ надъ другимъ. При томъ же

умовіємъ солиднаго изслѣдованія ставится повтореніе опыта на цѣлой серіи лицъ и на каждомъ изъ нихъ многократно. Результатъ наблюденія поэтому всегда есть продуктъ не только коллективной работы, но имѣетъ притомъ же сравнительный характеръ и представляетъ собою средній выводъ изъ серіи единичныхъ наблюденій.

Самымъ существеннымъ моментомъ лабораторныхъ изслѣдованій и краеугольнымъ камнемъ всей фізіологической психологіи слѣдуетъ признать безъ сомнѣнія примѣненія различныхъ физическихъ и особенно измѣрительныхъ приборовъ къ изслѣдованію психическихъ явленій.

Благодаря этому методу удалось измѣрить время, которое требуется для зарожденія различныхъ психическихъ актовъ, ощущеній, сужденій волевыхъ рѣшеній и т. д., а также опредѣлить продолжительность, т. е. протяженіе различныхъ психическихъ актовъ во времени.

Изъ опытовъ первой группы удалось извлечь тотъ весьма важный выводъ, что время потребное для возникновенія какого-либо психическаго акта въ сознаніи тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сложнѣе этотъ актъ. Уже одинъ этотъ фактъ наглядно показываетъ, какая тѣсная связь существуетъ между актами нашего сознанія и матеріальными процессами въ мозгу. До извѣстной степени также оказалось возможнымъ и измѣрить сравнительную интенсивность сознанія и установить, въ какой мѣрѣ нарастаетъ интенсивность ощущеній, когда сила внѣшнихъ раздражителей, вызывающихъ эти ощущенія, увеличивается извѣстнымъ образомъ. Насколько первые опыты важны, какъ доказательство связи сознанія съ нервными процессами, настолько же послѣднія данныя (законъ Фехнера) убѣдительно доказываютъ, что наше сознаніе, по крайней мѣрѣ въ области познаванія внѣшнихъ предметовъ, зависитъ количественно отъ дѣйствующихъ на наши органы чувствъ силъ природы.

Въ наше время примѣненіе физическихъ приборовъ оказываетъ огромную услугу самонаблюденію, во-первыхъ, способствуя большей фиксаціи, изучаемыхъ явленій сознанія, во-вторыхъ, тѣмъ, что благодаря этимъ приборамъ, достигается анализъ и расчлененіе сложныхъ состояній сознанія на составныя части и отдѣльные элементы.

Когда мы съ помощью призмъ разлагаемъ солнечный свѣтъ на его составныя части, на спектральные цвѣта, мы вѣдь въ тоже время разлагаемъ и сложные ощущенія бѣлаго цвѣта на ряды свѣтовыхъ ощущеній—фізическій анализъ внѣшняго матеріальнаго явленія влечетъ въ то же время за собою и анализъ нашего сознанія.

Когда мы съ помощью графическаго аппарата разлагаемъ сложные движенія нашей руки или мышечныя движенія лица на отдѣльныя движенія отдѣльныхъ мышцъ, мы этимъ самымъ совершаемъ разложеніе нашего волевого акта на его составныя части.

Когда мы съ помощью сиренъ и резонаторовъ обнаруживаемъ присутствіе въ сложномъ звукѣ волны опредѣленной высоты, когда

мы этимъ же способомъ раскрываемъ составъ сложнаго тембра и открываемъ его строеніе изъ обертоновъ, мы одновременно совершаемъ два параллельныхъ дѣйствія — анализъ физическаго явленія и расчлененіе нашихъ ощущеній и представленій.

Въ примѣненіи физическихъ приборовъ къ изслѣдованію психическихъ явленій мы находимъ способъ бороться до извѣстной степени съ однимъ изъ главныхъ препятствій до сихъ поръ мѣшавшихъ успѣху непосредственнаго самонаблюденія, — слитностью и нерасчлененностью нашего сознанія.

Не менѣе важнымъ моментомъ въ лабораторной психологіи является созданіе эксперимента въ изученіи психики. Какъ извѣстно въ естествознаніи экспериментъ, ставя изслѣдуемое явленіе въ искусственныя условія, не только даетъ возможность выдѣлять это явленіе изъ другихъ, съ которыми оно слито, но также создаетъ условія для синтеза, такъ какъ благодаря введенію желаемыхъ и произвольно созданныхъ условій является возможность выяснить связь этого явленія съ разными другими моментами.

Экспериментъ психологическій при помощи измѣрительныхъ и аналитическихъ приборовъ дѣлаетъ то же самое для психическаго міра. И здѣсь предварительный анализъ сложныхъ состояній сознанія на ихъ составныя части открываетъ пути для дальнѣйшаго синтеза этихъ частей, для искусственныхъ построеній болѣе сложныхъ психическихъ, состояній.

Какъ на примѣръ такого экспериментальнаго синтеза въ области психическихъ явленій можно указать на попытки послѣдняго времени строить съ помощью аппаратовъ сложныя ассоціаціи представленій и изучать составъ и направленіе ассоціаціи идей.

Заканчивая этотъ очеркъ, не лишнимъ считаемъ въ заключеніе указать на то, что экспериментальный методъ обѣщаетъ оказать косвеннымъ образомъ еще одну крупную услугу изученію психическихъ явленій тѣмъ, что лабораторное изслѣдованіе сознанія при искусственныхъ условіяхъ должно неминуемо повлечь за собою изощреніе и усовершенствованіе самой индивидуальной техники самоанализа, т.-е. самонаблюденія. Усовершенствованіе физической техники должно повести къ выработкѣ большей тонкости, точности нашей интроскціи и большей власти нашей надъ нашимъ собственнымъ внутреннимъ міромъ.

Проф. И. Оршанскій.

АМЕРИКАНСКІЯ РАБОТНИЦЫ.

Въ европейской литературѣ за послѣднія десятилѣтія возростъ интересъ къ народу, къ рабочимъ классамъ, и многіе писатели занялись преимущественно изученіемъ быта рабочихъ, стараясь постигнуть душу народа, узнать, что ему нужно и какими средствами можно помочь ему въ его нуждѣ, облегчить его бремя и дать ему счастье. Разумѣется, чтобы узнать душу народа, его потребности, надо приблизиться къ нему, войти въ его среду, страдать его страданіями, радоваться его радостями и, вообще, испытать на себѣ то же бремя нужды и работъ, которое онъ несетъ на своихъ плечахъ. Это задача нелегкая, и лишь немногіе изъ современныхъ европейскихъ писателей и дѣятелей рѣшались, да и то на короткое время, ассимилировать себя съ народомъ и жить его жизнью, полною лишений. Къ числу такихъ мужественныхъ людей принадлежитъ, между прочимъ, пастора Гере *), вступившій въ ряды германской социаль-демократической партіи, который проработалъ три мѣсяца на фабрикѣ, въ качествѣ простого рабочаго, ради изученія того класса, о нуждахъ и міровоззрѣніи котораго онъ могъ имѣть только теоретическое понятіе.

Аналогичный же подвигъ совершили и двѣ американки, г-жи Ванъ-Ворстъ, издавшія очерки жизни фабричныхъ работницъ въ Америкѣ. Придя къ убѣжденію, что нельзя наши предразсудки и принципы возводить въ дѣйствительность, онѣ рѣшили на опытъ изучить тѣ условія жизни и тѣ страданія и зло, противъ которыхъ надлежало бороться. Эти двѣ свѣтскія женщины, одна замужняя романистка, другая дѣвушка-поэтесса, привыкшія къ роскоши, къ изысканной, утонченной жизни, къ поклоненію, добровольно сняли съ себя свои нарядныя платья и превратились въ простыхъ работницъ. Блистая еще наканунѣ въ салонахъ Бостона и Парижа, онѣ сразу превратились, одѣвшись въ костюмы работницъ, въ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ общество или унижаетъ своею опекою, или же раздавливаетъ своимъ презрѣніемъ. Не пугаясь ни грязи, ни зловонія рабочихъ кварталовъ, онѣ мужественно

*) См. „Мірѣ Божій“ 1897 г., ноябрь, ст. М. Рафандова. „Пасторъ Гере и евангелическое движеніе въ Германіи“.

проводили ночи въ самыхъ убогихъ ночлежныхъ пріютахъ и питались чѣмъ попало. Онѣ стегали ботинки, закупоривали банки съ пикулями, разматывали мотки въ прядильныхъ мастерскихъ, мыли посуду въ столовыхъ для рабочихъ въ Питтсбургѣ, нашивали мишурныя украшенія въ мастерскихъ готовыхъ вещей въ Чикаго. Онѣ познали на опытѣ, что означаетъ урочная работа, по тринадцати часовъ въ день. Онѣ узнали, что значитъ такое физическое утомленіе, которое почти равняется страданію, которое лишаетъ способности думать, уничтожаетъ аппетитъ и гонитъ сонъ. Онѣ жили жизнью тѣхъ существъ, которыя массами приносятся въ жертву ради удовольствія нѣсколькихъ. Онѣ видѣли, собственными глазами, какъ гибнетъ добродѣтель, умъ, семейный очагъ въ этомъ омутѣ промышленности, и, конечно, теперь онѣ имѣютъ право воскликнуть: «Мы тоже народъ».

Въ своей вступительной главѣ къ очеркамъ жизни фабричныхъ работницъ въ Америкѣ г-жа Ванъ-Ворстъ говоритъ: «Я поставила себѣ задачей дать вѣрное описаніе того, что существуетъ на фабрикѣ и внѣ ея, и указать зло, которое мнѣ кажется дѣйствительнымъ. Не изученіемъ политической экономіи или только одною благотворительностью можемъ мы придти къ развитію соціальной проблемы. Мое желаніе было послужить работницамъ посредницей, которая могла бы передать міру крикъ о помощи. Я поставила себѣ задачей изучить качества работницы, ея потребности, способность переносить страданія и радоваться имъ, вообще, свойства характера, обусловливаемые той обстановкой, въ которой родилась и выросла работница и тѣ особенности, которыя являются продуктомъ соціальныхъ условій и законовъ. Я хотѣла опредѣлить, что составляетъ ея силу и въ чемъ заключается ея слабость по сравненію съ женщинами зажиточныхъ классовъ, и изучить тенденціи нарождающагося новаго общества по тѣмъ проявленіямъ, которыя обнаруживаются у работницъ. Я надѣюсь, что мои вѣрные описанія дѣйствительности, быть можетъ, внушатъ тѣмъ, кто прочтетъ ихъ, нѣкоторыя идеи о способахъ личной и общей помощи классу, который, вслѣдствіе убожества и грязи окружающей его матеріальной обстановки, вслѣдствіе ограниченія возможности выйти изъ нея, осужденъ на медленную умственную, нравственную и физическую смерть».

Г-жа Ванъ-Ворстъ рѣшила начать свои первые опыты фабричной жизни въ Питтсбургѣ, такъ какъ это промышленный центръ, характеръ котораго опредѣляется его рабочимъ населеніемъ. Изъ 321.616 жителей этого города 100.000 работаютъ на фабрикахъ, и къ этому надо еще прибавить множество женщинъ и дѣвушекъ, работающихъ въ мастерскихъ готоваго платья. «Наша страна, которую мы привыкли называть демократической,—замѣчаетъ г-жа Ванъ-Ворстъ,—въ дѣйствительности состоитъ изъ безчисленнаго множества королевствъ, деспотическими правителями которыхъ являются работодатели, архи-

милліонеры, а крѣпостными—рабочіе мужчины и женщины. Эти правители обладаютъ властью и могуществомъ, пожалуй, ни меньшими, чѣмъ нѣкогда феодальные бароны и др., съ тою только разницей, что тогда тысячи рабовъ повиновались только одному властителю, тогда какъ теперь у стальныхъ королей существуютъ тысячи посредниковъ, которыми они пользуются для достиженія своихъ цѣлей и сношеній со своими подданными... Итакъ, я направила въ Питтсбургъ свои стопы, но, прежде чѣмъ покинуть Нью-Йоркъ, я должна была переодѣться. Въ парижскихъ платьяхъ, которыя я привыкла носить, я не отличалась ничѣмъ отъ остальныхъ свѣтскихъ женщинъ. При помощи же простого шерстяного платья изъ грубой матеріи, поношенной фетровой матросской шляпки, дешеваго мѣха, бумажнаго платка и перчатокъ я сразу превратилась въ работницу самаго обыкновеннаго типа. Я родилась и выросла въ мірѣ счастливыхъ, теперь я иду въ міръ несчастныхъ. Я буду дѣлить съ ними ихъ тягости, вести такую же жизнь, какъ онѣ, и буду свидѣтельницей, не какъ посторонняя, а какъ одна изъ ихъ же среды, ихъ радостей и печалей, ихъ надеждъ и честолюбивыхъ стремленій».

Дѣйствительно, съ первыхъ же шаговъ г-жа Ванъ-Ворстъ могла убѣдиться, что, скинувъ съ себя хорошее платье, она сразу попала въ разрядъ тѣхъ, которыя считаются нуждающимися въ опекѣ и совершенно несвѣдущими во всемъ остальномъ, за исключеніемъ своей профессіи. Безъ всякаго вопроса съ ея стороны желѣзнодорожный сторожъ, стоящій у входа, сталъ подробно объяснять ей, что она должна дѣлать, увѣренный въ ея полномъ невѣжествѣ и отсутствіи опытности, тогда какъ людямъ, хорошо одѣтымъ, онъ лишь почтительно указывалъ: «Направо!» «Налѣво!», полагаясь, очевидно, на ихъ достаточную образованность въ этомъ отношеніи.

Питтсбургъ, куда пріѣхала г-жа Ванъ-Ворстъ съ поѣздомъ, опоздавшимъ на три часа, показался ей настоящимъ базаромъ, куда собираются всѣ націи, но не для того, чтобы покупать, а чтобы получить работу. Мимо нея проходили люди самаго разнообразнаго типа и одѣнія, темные восточные жители въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, красивыя итальянки въ яркихъ костюмахъ, блѣдые, свѣтловолосые шведы, нѣмцы, венгерцы и т. д., однимъ словомъ, это была настоящая космополитская процессія, которая двигалась по улицамъ города, представляющаго нѣчто вродѣ гигантскаго рабочаго бюро, куда собираются всѣ національности на свѣтѣ, объединенныя общою надеждой и общимъ стремленіемъ и породнившіяся въ одномъ общемъ усиліи достигнуть благополучія.

Г-жа Ванъ-Ворстъ прямо отправилась въ центральное бюро «христіанской ассоціаціи молодыхъ женщинъ». Тамъ очень занятая секретарша быстро допросила ее:

— Что вамъ угодно?

- Мнѣ нужно помѣщеніе и работа на фабрикѣ.
- Вы работали когда-нибудь на фабрикѣ?
- Нѣтъ.
- Работали ли вы когда-нибудь на дому?
- Да.
- Сколько вы зарабатывали?
- Двѣнадцать долларовъ въ мѣсяцъ.
- Я могу доставить вамъ мѣсто въ домѣ, гдѣ вы будете получать четырнадцать долларовъ въ мѣсяцъ. Хотите?
- Нѣтъ.
- Вы что-нибудь дѣлаете теперь?
- Ничего.
- Можете вы заплатить за помѣщеніе?
- Да, потому что я надѣюсь скоро найти работу.

Послѣ этого допроса секретарша дала г-жѣ Ванъ-Ворстъ адресъ дома, который служить одновременно и убѣжищемъ для одинокихъ и пріютомъ для покинутыхъ дѣтей. Г-жа Ванъ-Ворстъ долго искала этотъ домъ и бродила по улицамъ города, покрытымъ снѣгомъ. Наконецъ, цѣль была достигнута. Въ домѣ ее встрѣтила хозяйка, которая сразу произвела на нее отталкивающее впечатлѣніе своими грубыми, инквизиторскими манерами человѣка, ничего не дѣлающего, но облеченнаго властью и своими фальшивыми волосами, фальшивыми зубами и фальшивыми драгоценностями. Хозяйка сидѣла на корточкахъ у газовой печки и грѣлась, а изъ другихъ комнатъ доносился дѣтскій плачь и крикъ. Г-жа Ванъ-Ворстъ озябла и была голодна и внезапно у нея явилось желаніе бѣжать изъ этого дома туда, гдѣ она могла найти и хорошую пищу и подходящую обстановку, и отказаться отъ дальнѣйшаго опыта, радуясь, что родилась среди бальной судьбы. Но какой-то внутренней голосъ говорилъ ей: «Мужайся!» и она, повинаясь ему, наняла комнату за три доллара въ недѣлю и, оставивъ въ ней свои вещи, отправилась, несмотря на то, что ноги у нея ныли отъ холода, разыскивать фабрику пикулей, указанную ей хозяйкой.

По словамъ г-жи Ванъ-Ворстъ, она никогда еще не чувствовала себя до такой степени смѣлой, какъ въ тотъ моментъ, когда она переступала порогъ двери, на которой большими буквами было написано: «Women Employers».

- Не нужно ли вамъ работницы?—спросила она, подходя къ маленькому окошечку, у котораго сидѣлъ какой-то человѣкъ, и стараясь не выдавать своего волненія.
- Работали на фабрикѣ?—послѣдовалъ вопросъ.
- Нѣтъ, сэръ, но я очень ловкая.
- Что же вы дѣлали раньше?
- Домашнюю работу,—смѣло отвѣтила г-жа Ванъ-Ворстъ.
- Хорошо,—сказалъ онъ.—Тамъ нужны работницы, въ отдѣленіи

закупорки. Но я не знаю, согласитесь ли вы на такую цѣну. Они платятъ не больше 60—70 центовъ въ день.

— Я ужасно нуждаюсь въ работѣ. Можетъ быть я могла бы начать съ такой цѣны, и потомъ получать больше?

— Конечно; тутъ можно выдвинуться хорошей работницѣ. Приходите завтра утромъ, безъ четверти семь. Вы можете попробовать и не должны отчаиваться. Тутъ работа для хорошихъ работниковъ всегда есть.

Съ легкимъ сердцемъ вернулась г-жа Ванъ-Ворстъ въ свою квартиру. Она пришла не даромъ и получила работу! Въ комнатѣ, гдѣ находилась хозяйка, теперь были девять ребятишекъ, которые окружали газовую печку. Они были одѣты въ нѣчто вродѣ форменныхъ передниковъ и въ изношенные башмаки, вѣроятно полученные послѣ богатыхъ дѣтей. Свѣже-вымытыя личики дѣтей смотрѣли утрюмо.

— У большинства изъ нихъ нѣтъ родителей, и ни у одного нѣтъ дома,—объяснила хозяйка г-жѣ Ванъ-Ворстъ.

Не легко было избалованной женщинѣ встать на другой день въ половинѣ шестого утра, когда все кругомъ было погружено въ темноту. Хозяйка наканунѣ предупредила ее, что она должна умыться съ вечера. Воды въ комнатѣ у нея нѣтъ, а утромъ, когда она встаетъ, еще будутъ всѣ спать.

Вытеревъ лицо мокрою губкой, вмѣсто всякаго умыванія г-жа Ванъ-Ворстъ отправилась на фабрику. Было еще темно и улицы города имѣли совершенно пустынный видъ. Лишь изрѣдка попадались ей навстрѣчу такія же бѣдно одѣтыя женщины, какъ она, съ бумажнымъ сверткомъ подъ мышкой, въ которомъ заключался ихъ завтракъ. Такой же свертокъ былъ и у г-жи Ванъ-Ворстъ. Она пошла черезъ мостъ. Въ сумеркахъ начинающагося разсвѣта замерзшая рѣка казалась совсѣмъ темной, а по ея берегамъ возвышались безчисленныя фабричныя трубы, извергавшія клубы дыма, пара и пламени,—символъ затраченной энергіи и безчисленнаго множества загубленныхъ жизней...

Чѣмъ ближе подходила г-жа Ванъ-Ворстъ къ фабрикѣ, тѣмъ становилось люднѣе и, наконецъ, она попала въ потокъ рабочихъ, стремящихся туда же, куда и она направляла свои стопы. Человѣкъ у окошечка ласково встрѣтилъ ее и еще разъ посовѣтовалъ ей не отчаиваться, напомнимъ, что серьезный работникъ всегда выбивается на дорогу.

Фабрика, на которой работала г-жа Ванъ-Ворстъ, была снабжена всѣми усовершенствованіями и построена согласно современнымъ санитарнымъ требованіямъ. Работа была не трудная; она состояла въ закупоркѣ жестяныхъ банокъ съ пикулями и г-жа Ванъ-Ворстъ дѣлала это очень ловко.

Надзирательница была хорошенькая двадцатилѣтняя дѣвушка,—

разсказывала г-жа Ванъ-Ворстъ.—Я ее боялась и мнѣ хотѣлось ей поправиться. Впрочемъ, я была увѣрена, что когда меня послали за пробками въ складъ, то она сказала другимъ: «Какъ хорошо работаетъ эта «новенькая»!»

«Работа была настолько механическая, что допускала возможность разговаривать. Одна изъ моихъ сосѣдокъ, молоденькая дѣвушка, сказала своей подругѣ: «Я вчера была на балу и легла очень поздно. Но я все-таки встала сегодня во-время».

— Это ничего,—замѣтила другая.—У насъ почти не проходитъ вечера безъ того, чтобы не было гостей, музыки или чего-нибудь подобнаго. Я никогда не отдыхаю какъ слѣдуетъ.

«Блѣдная, худая дѣвушка, стоящая возлѣ меня, сказала: «Я въ глубокомъ траурѣ. Моя мать умерла прошлую пятницу. Я такъ ужасно одинока безъ нея. Кажется, будто я никогда не примирюсь со своей потерей. Я такъ глубоко чувствую ея отсутствіе. Можетъ быть, постепенно я привыкну...

— О, никогда,—послышался отвѣтъ.—Никогда вы не привыкните. Моя мать умерла восемь лѣтъ тому назадъ, но я все время думаю о ней и вижу ее во снѣ. Я не могу ее забыть!

Въ двѣнадцать часовъ раздается свистокъ и моментально прекращается работа. Всѣ торопятся въ огромную столовую, вмѣщающую 500 работницъ, и занимаютъ свои мѣста. Начинается развертываніе завтраковъ, меню которыхъ разнообразятся весьма мало: хлѣбъ, кусочекъ холоднаго мяса и сыра, иногда кусокъ кекса и т. п. Въ десять минутъ завтракъ съѣденъ, и остальные двадцать минутъ до свистка работницы проводятъ въ разговорахъ, поютъ и танцуютъ. Раздается свистокъ, и всѣ возвращаются въ мастерскую. Съ непривычки у г-жи Ванъ-Ворстъ начинаютъ сильно ныть плечи, руки нѣмѣютъ, а пальцы горятъ точно обожженные. Энтузіазмъ, который она испытывала въ началѣ работы, уступилъ мѣсто какому-то оцѣпенѣнію, соединенному съ сильнѣйшимъ утомленіемъ. Она съ удивленіемъ смотрѣла на другихъ работницъ: какъ онѣ могутъ такъ увѣренно и спокойно продолжать работу, точно не чувствуя усталости? Ящики опоражниютъ и наполняютъ снова, на бутылки наклеиваютъ ярлыки, затѣмъ онѣ запечатываютъ и отправляютъ ихъ дальше, банки моютъ, осушаютъ и тоже переправляютъ дальше, опять появляются новые ящики, новые банки, новые бутылки, и такъ безъ конца! О эта ужасная монотонная нескончаемая работа, которую постоянно надо начинать сызнова! Единственнымъ разнообразіемъ является, если кто-нибудь обрѣжетъ или занозитъ себѣ палецъ или сломается машина для горчицы, а работа все идетъ да идетъ! Новыя работницы, работавшія вначалѣ очень усердно, начинаютъ отставать. Руки у нихъ краснѣютъ отъ постоянного погруженія въ горячую грязную воду. И у всѣхъ одна мысль: когда же, наконецъ, раздастся свистокъ? На мгновеніе г-жа Ванъ-

Ворстѣ почувствовала себя дурно, голова загудѣла и въ ухахъ раздался звонъ. Вдругъ чей-то голосъ шепнулъ ей: «Не стойте такъ, ничего не дѣлая. Если она замѣтитъ, то вы немедленно получите рассчетъ».

Надо продолжать! Г-жа Ванъ-Ворстѣ съ ужасомъ подумала, что такъ должны работать изо дня въ день тысячи ей подобныхъ, всю жизнь, отдыхая только тогда, когда сонъ смежитъ ихъ очи и усталое тѣло перестанетъ болѣзненно ныть. Снаружи заходящее солнце окрасило пурпурнымъ свѣтомъ верхушки трубъ, снѣжныя поля и замерзшую рѣку, а работа все не прекращается! Чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе становилась работа; казалось, каждая наполненная корзинка, каждая бутылочка прибавлялась въ вѣсѣ! Однако, отъ времени до времени къ ней являлась на помощь сострадательная рука.

— Устали? Это вашъ первый день работы, не правда ли?—

Бѣдкій запахъ уксуса и горчицы проникалъ всюду. У г-жи Ванъ-Ворстѣ ныли всѣ суставы. О если бѣ можно было присѣсть хоть на минуту!

— Облокотитесь на столъ,—шепчетъ ей кто-то.—Скоро конецъ, и мы отправимся домой».

Домой! При этомъ словѣ у г-жи Ванъ-Ворстѣ возникаетъ воспоминаніе о неуютной, грязной холодной комнатѣ, о запахѣ подогрѣтаго кушанья, мрачномъ видѣ кухни, гдѣ приготовленъ для нея ужинъ, обо всѣхъ печальныхъ, унылыхъ картинахъ, которыя ей пришлось наблюдать въ первый день своего пріѣзда..

Наконецъ, раздался свистокъ. Работницы толпою устремились къ выходу, въ холодный ночной воздухъ. Г-жа Ванъ-Ворстѣ подвела итогъ своему дню: она простояла на ногахъ десять часовъ, закупила 1.300 бутылокъ, завязала и нагрузила 4.000 банокъ и заработала 70 центовъ!

Два слѣдующихъ дня, послѣ этого перваго опыта, г-жа Ванъ-Ворстѣ не въ состояніи была приняться за работу. Всѣ кости и суставы у нея болѣли и она чувствовала себя совершенно разслабленной. Но зато эти два дня она провела въ посѣщеніи другихъ фабрикъ и въ отыскиваніи другого помѣщенія поближе къ фабрикѣ пикулей, гдѣ она рѣшила остаться. На другихъ фабрикахъ или не брали работницъ или условія были хуже, поэтому она и вернулась на прежнее мѣсто.

Послѣ долгихъ поисковъ, г-жѣ Ванъ-Ворстѣ удалось, наконецъ, найти хозяйку, принимающую жильцовъ. Это была молодая женщина, которая съ первыхъ же словъ рассказала ей свою исторію. «Мой мужъ, сказала она, былъ убитъ на желѣзной дорогѣ, на прошлой недѣлѣ. Онъ прожилъ всего три часа. Они отнесли его въ госпиталь; мальчикъ прибѣжалъ сказать мнѣ объ этомъ. Я торопилась, насколько могла и все-таки пришла слишкомъ поздно. Онъ не произнесъ болѣе ни одного слова. Онъ былъ такой добрый, такой добрый ко мнѣ»...

Натуралистъ Сетонъ говоритъ въ своей книгѣ, что ни одно изъ дикихъ животныхъ не умираетъ естественною смертію. Человѣческая же жизнь, за исключеніемъ острыхъ заболѣваній, удлиняется благодаря наукѣ, но это только относится къ привилегированнымъ классамъ. Рабочій же постоянно находится подъ угрозою насильственной смерти. Если онъ вступаетъ въ борьбу невооруженный знаніемъ физическихъ законовъ, то его спасаетъ только единственно его присутствіе духа и его находчивость. Насильственная смерть, несчастныя случайности и болѣзни, жертвою которыхъ онъ такъ часто становится, могли бы быть предупреждены соотвѣтствующими мѣрами, а также осторожностью и знаніемъ, но именно недостатокъ этого знанія, также какъ недостатокъ мѣръ предосторожности и неопытность дѣлаютъ такимъ незащитнымъ рабочій классъ.

Отдохнувъ два дня, г-жа Ванъ-Ворстъ снова почувствовала желаніе вернуться на фабрику. Фабрика, какъ она выражается, магнетически притягивала ее. Ее тянуло въ шумную мастерскую, гдѣ кипѣла дѣятельность и два дня, проведенные въ праздности, безъ всякихъ ресурсовъ и развлеченій заставили ее понять ту притягательную силу, которую оказываетъ фабричная жизнь своею общественностью и свободой отъ всякихъ личныхъ запросовъ. Для тѣхъ у кого нѣтъ ни умственныхъ занятій, ни денегъ для траты на удовольствія, фабрика можетъ служить развлеченіемъ и притомъ, во многихъ случаяхъ, гораздо легче бываетъ подчиняться одному общему закону, одинаковому для всѣхъ на фабрикѣ, нежели покоряться домашнему произволу. Это обстоятельство, по мнѣнію г-жи Ванъ-Ворстъ гонитъ на фабрику многихъ молодыхъ дѣвушекъ, живущихъ въ семьяхъ.

Придя на фабрику, г-жа Ванъ-Ворстъ быстро нарядилась въ свой синій передникъ и колпачокъ и отправилась къ главной надзирательницѣ.

«— Мы думали, вы ушли совсѣмъ,—сказала она.—Много дѣвушекъ уходятъ отсюда на другой же день, особенно въ субботу. Сегодня у насъ день чистки.—Она улыбнулась при этомъ.—Сколько положили вамъ въ день?»

«— Шестьдесятъ или семьдесятъ.

«— Мы вамъ дадимъ семьдесятъ. Мы умѣемъ судить по наружности и мы видимъ, что вы выше средняго уровня».

Надзирательница ласково притронулась къ рукѣ г-жи Ванъ-Ворстъ и, поглядѣвъ на нее своими усталыми голубыми глазами, прибавила:

«— Вы еще только начинаете. Ваша юность и силы находятся еще въ полномъ расцвѣтѣ. Но эти силы будутъ высасываться изъ васъ капля за каплей, чтобы увеличить собою тотъ великій потокъ человѣческихъ усилій, который служитъ для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей міра. Вы приобретете опытность, но вы заплатите за нее своею жизнью».

Въ мастерской г-жа Ванъ-Ворстъ принялась за знакомую уже ей

работу закупорки и мытья банокъ; рядомъ съ нею молодая, красивая дѣвушка наполняла рѣзанными пикулями бутылки. Она работала очень ловко и проворно. На вопросъ г-жи Ванъ-Ворстъ она объяснила, что работаетъ уже пять мѣсяцевъ и зарабатываетъ отъ 90 центовъ до 1,05 доллара въ день. Она работаетъ поштучно: 70 центовъ за восемь дюжинокъ готовыхъ бутылокъ. Когда она поступила на фабрику, то работала подневно три первыхъ недѣли.

Дѣвушка эта заинтересовала г-жу Ванъ-Ворстъ. На дальнѣйшіе разспросы она отвѣтила, что живетъ въ семьѣ; отецъ и братья ее содержать и она ничего не платитъ, такъ что ей, собственно, не нужно было бы работать изъ-за куска хлѣба. «Но,—прибавила она и при этомъ лукаво подмигнула,—они не могутъ давать мнѣ денегъ на наряды и я бы не могла одѣваться, еслибъ не работала. Всѣ заработанные деньги я трачу на себя».

Г-жу Ванъ-Ворстъ поражала безпечная веселость этихъ молодыхъ работницъ. Онѣ жаловались на усталость, на холодъ, но ни разу она не замѣтила, чтобы онѣ были въ дурномъ настроеніи духа. Угрюмость ихъ тотчасъ же проходила, какъ только надзирательница поворачивала къ нимъ спину. Товарищество служило для нихъ стимуломъ. По мнѣнію г-жи Ванъ-Ворстъ, тутъ дѣйствовалъ примѣръ, социальное увлеченіе, и безъ этого врядъ ли была бы возможна такая работа.

Послѣ завтрака началась чистка и мытье мастерской въ теченіе четырехъ часовъ. Свистокъ въ субботу раздается часомъ раньше и къ этому времени все должно быть кончено. Г-жѣ Ванъ-Ворстъ также были даны ведро горячей воды, скребокъ и грязная тряпка, къ которой она прикоснулась съ явною неохотой. Но пришлось побѣдить себя и приняться за дѣло, такъ какъ надзирательница не спускала съ нея глазъ. Очевидно, г-жа Ванъ-Ворстъ неумѣло принялась за работу, потому что надзирательница подошла къ ней и довольно рѣзко спросила ее, дѣлала ли она когда-нибудь такую работу?

Работницы всѣ были недовольны, что ихъ заставляютъ исполнять такое дѣло; онѣ находили это несправедливымъ, но ни одна изъ нихъ не осмѣливалась громко высказывать протестъ и онѣ только шопотомъ выражали свое негодованіе. Г-жу Ванъ Ворстъ заинтересовалъ вопросъ, неужели и въ мужскомъ отдѣленіи происходитъ то же самое по субботамъ и рабочіе стоятъ на колѣняхъ въ потокахъ грязной воды. Она никакъ не могла представить себѣ такую картину. Какъ разъ въ это время ее послали за новымъ запасомъ жидкаго мыла и ей пришлось проходить мимо мужского отдѣленія. Она увидала, что одинъ рабочій поливаетъ полъ водой изъ резинового рукава, а другіе въ это время, вооруженные длинными швабрами и резиновыми щетками усердно моютъ и скребутъ полъ.

— Вы хорошо устроились,—замѣтила г-жа Ванъ-Ворстъ мастеру.

— Я бы и совсѣмъ не сталъ этимъ заниматься, — воскликнуть

онъ.—Въ первый же день, когда они захотѣли заставить меня стать на четвереньки и мыть полъ, то я воспротивился и сказалъ: «отдайте мнѣ мою плату и я уйду домой». Зачѣмъ я буду дѣлать руками то, что можно сдѣлать шваброй! Женщинъ тоже не стали бы заставлять, еслибъ у нихъ хватило духу заявить протестъ.

Работницы оказываются болѣе покорными. Г-жа Ванъ-Ворстъ, заинтересованная вопросомъ, отчего работницы не такъ отстаиваютъ свои права, какъ рабочіе, старалась уловить въ ихъ разговорахъ что-нибудь такое, что могло бы дать ей ключъ къ ихъ характеру, взглядамъ, стремленіямъ и мечтамъ. Разговоры дѣвушекъ, которые ей приходилось слышать, вращались обыкновенно около баловъ, нарядовъ, увеселительныхъ прогулокъ, флирта и т. п. Почти всѣ работницы непремѣнно носили какія-нибудь дешевыя украшенія изъ фальшивыхъ драгоценностей и вообще г-жа Ванъ-Ворстъ видѣла у нихъ довольно ясно выраженное желаніе прифрантиться.

Кромѣ взрослыхъ, въ мастерской работали и дѣвочки, отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ и эта работа мало-по-малу оказывала свое пагубное вліяніе на ихъ хрупкое тѣло, останавливая его развитіе, заставляя сгибаться молодыя спины и вдавливая грудь, которая никогда уже больше не могла выпрямиться. Рядомъ съ г-жою Ванъ Ворстъ, за столомъ, работала пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Она наклеивала ярлыки на банки съ горчицей и получала задѣльную плату.

— Когда я начала здѣсь работать, — рассказала она г-жѣ Ванъ Ворстъ, то у меня такъ болѣли ноги отъ постоянного стоянія, что я, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, плакала каждую ночь. Теперь я уже привыкла и не чувствую себя особенно усталою, когда ухожу отсюда.

Эта дѣвочка также объяснила г-жѣ Ванъ Ворстъ, что она работаетъ для того, чтобы одѣваться. Родители только кормятъ ее, но не могутъ ее одѣвать.

Другая четырнадцатилѣтняя дѣвочка, высокая, лицо которой и шея были покрыты мелкими морщинами, такъ что она выглядѣла гораздо старше своихъ лѣтъ, заявила, что ей нравится фабрика и она работаетъ для собственнаго удовольствія.

— Какъ бы я была рада, еслибъ могла сказать это, — вмѣшалась третья, недавно поступившая на фабрику. — Мы три дѣвочки должны поддерживать свою мать и содержать домъ. Надо платить 13 долларовъ ренты, да еще за уголь и за всякіе припасы, каждый мѣсяцъ. Увѣряю васъ, что это невесело!

Наблюдая своихъ подругъ по ремеслу, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ, шуткамъ, жалобамъ, г-жа Ванъ Ворстъ все болѣе и болѣе поражалась ихъ бессодержательностью, отсутствіемъ какихъ бы то ни было идеаловъ, какой бы то ни было отвлеченной идеи, стремленія. Все, что онѣ говорили, не могло быть интересно никому за предѣлами ихъ тѣснаго круга. «Идеаль не играетъ никакой роли въ этой

странѣ свободы, — говорятъ г-жа Ванъ-Ворстъ. — Имѣетъ значеніе только суровая дѣйствительность и поэтому судить о характерѣ этого прогрессивнаго, практическаго и независимаго народа надо по его поступкамъ, а не по его рѣчамъ».

«Я начинаю понимать, почему скудный завтракъ, состоящій изъ сухихъ сэндвичей и пикулей болѣе чѣмъ удовлетворяетъ работницъ, которыхъ я готова была уже обвинить въ томъ, что онѣ тратятъ свои деньги на побрякушки, вмѣсто того, чтобы тратить ихъ на пищу. Усталость отнимаетъ всякій аппетитъ. Я не ощущаю никакого вкуса и кусокъ застрѣваетъ у меня въ горлѣ и также какъ остальные, я предпочитаю питательной пищѣ острые пикули, сладости, кэксы, вообще все то, что дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на вкусовые ощущенія».

Три недѣли, проведенныя на фабрикѣ въ Питтсбургѣ, измѣнили, какъ сознается г-жа Ванъ-Ворстъ, очень многое въ ея взглядахъ на фабричную среду работницъ. Въ другихъ странахъ женскій фабричный трудъ всегда обусловливается необходимостью; въ Америкѣ это бываетъ не всегда. Очень часто американская дѣвушка поступаетъ на фабрику не вслѣдствіе необходимости и не ради помощи своей семьѣ. Она желаетъ быть самостоятельной, имѣть собственныя деньги, чтобы тратить ихъ на то, что ей нравится, безъ всякаго контроля. Она любитъ блескъ и мишура привлекаетъ ее, какъ настоящее золото. Она даже не замѣчаетъ притупляющаго однообразія своей работы, ея стремленія къ общественности удовлетворяются фабричною жизнью, гдѣ она чувствуетъ себя членомъ огромной общины, объединенной общими страданіями и общимъ усиліемъ. Казалось, тутъ всякій работаетъ только самъ за себя, ни обращая вниманія на другихъ, но пусть съ кѣмъ-нибудь случится несчастье, хотя бы это былъ незначительный порѣзъ руки, какъ тотчасъ же чувство солидарности вырывается наружу. Также точно и малѣйшая несправедливость, оказанная какому-нибудь изъ членовъ общины, одинаково ощущается всѣми. Тутъ всѣ за одного и одинъ за всѣхъ.

Изъ Питтсбурга г-жа Ванъ-Ворстъ отправилась въ маленькій городокъ Перри, исключительно состоящій изъ однихъ только заводовъ. Изъ 3.346 жителей этого города 1.000 работаютъ на вязальной фабрикѣ, 300 на ножевомъ заводѣ, а остальные въ маслобойняхъ, мукомольняхъ, на бочарныхъ заводахъ и т. д. Это все пришлое населеніе, явившееся въ Перри изъ разныхъ штатовъ. Дѣти почти не встрѣчаются въ городѣ, семейныхъ очень мало и почти нѣтъ стариковъ. Это городъ молодыхъ людей, проникнутыхъ общимъ американскимъ стремленіемъ къ независимости и приключеніямъ и связанныхъ этимъ общимъ стремленіемъ, которое накладываетъ на нихъ одинаковый отпечатокъ. Живя среди этого смѣшаннаго общества молодыхъ женщинъ и молодыхъ мужчинъ, объединенныхъ общою работой, г-жа Ванъ-Ворстъ приходитъ къ заключенію, что разница между фабричною дѣ-

вушкою въ Перри и дѣвушкою изъ общества въ Нью-Йоркѣ обусловливается не тѣмъ, что ихъ отдѣляютъ цѣлыя поколѣнія, а лишь нѣсколькими годами культуры и воспитанія. Если пересадить молодую фабричную работницу изъ Перри въ совершенно инныя условія и дать ей возможность развиваться, подобно дѣвушкѣ изъ нью-іорскаго общества, то разница эта исчезнетъ очень быстро, хотя за дѣвушкою изъ общества стоятъ нѣсколько культурныхъ поколѣній, чего нѣтъ у фабричной работницы.

Однообразная, механическая работа, въ которой мысль совершенно отсутствовала, должна была, однако, накладывать свой отпечатокъ. На вязальной фабрикѣ, куда поступила г-жа Ванъ-Ворстъ, коллективная дѣятельность толпы работницъ не прекращалась ни на мгновеніе въ теченіе рабочихъ часовъ и каждая работала изъ всѣхъ силъ ради общей силы. Машины гудѣли и стучали, тонкая пыль наполняла воздухъ мастерской и отъ тренія тысячъ рукъ, прикасающихся къ безформенному матеріалу, изъ котораго должны были выйти потомъ части одежды, поднимались цѣлыя облака мельчайшихъ шерстяныхъ и бумажныхъ частицъ. 7.000 дюжинъ рубашекъ, прежде чѣмъ выйти готовыми изъ мастерской, должны были пройти черезъ безчисленное количество рукъ. Безчисленное количество человѣческихъ существъ, обладающихъ разными вкусами, стремленіями, способностями, было занято приготовленіемъ этихъ 7.000 дюжинъ рубашекъ, похожихъ одна на другую и ничѣмъ не обнаруживающихъ, что надъ ними трудились столько различныхъ мужчинъ и женщинъ, работающихъ ежедневно съ семи утра до шести вечера, совершенно игнорируя свою собственную индивидуальность, а только стремящихся достигнуть наивозможно одинаковыхъ результатовъ и превращающихся въ настоящія машины.

Однако, несмотря на стукъ машинъ, наполняющихъ мастерскую, дѣвушки весело окликаютъ другъ друга, смѣются, болтаютъ, рассказываютъ другъ другу исторіи. Г-жа Ванъ-Ворстъ прислушалась къ ихъ разговорамъ; онѣ говорили обо всемъ, за исключеніемъ домашнихъ заботъ. Г-жа Ванъ-Ворстъ ни разу не слышала, чтобы которая-нибудь изъ этихъ дѣвушекъ заговорила о хозяйствѣ, о стряпнѣ, о домѣ и домашнихъ дѣлахъ. Нѣтъ, онѣ разговаривали только о платьяхъ, да о мужчинахъ. Какъ-то двѣ дѣвушки въ мастерской поссорились изъ-за одного красиваго парня, который плѣнилъ обѣихъ. Сначала онѣ обмѣнивались только ѣдкими замѣчаніями, но когда ссора приняла болѣе острый характеръ, то приглашенъ былъ мастеръ. Но онъ не сталъ разбирать, въ чемъ дѣло, а просто пригласилъ ихъ выйти и свезти свои счеты за стѣнами фабрики, такъ какъ фабрика вовсе не намѣрена платить имъ за то время, которое онѣ проводятъ въ ссорахъ. Обѣ дѣвушки послушались и черезъ часъ вернулись къ своей работѣ, совершенно успокоенныя.

Характерными чертами молодыхъ американскихъ работницъ, кото-

рыхъ наблюдала г-жа Ванъ-Ворстъ, были: ихъ стремленіе къ независимости, страсть къ украшеніямъ и рѣзко выраженный индивидуализмъ. Въ пять часовъ, въ субботу, по прекращеніи работы, улицы представляли необыкновенно оживленный видъ: это была настоящая ярмарка, и лавки были переполнены покупателями; многія изъ работниковъ оставляли въ этихъ лавчонкахъ большую часть денегъ, заработанныхъ ими за недѣлю.

— «Я не для того работаю, чтобы откладывать; я работаю для собственного удовольствія», таковъ былъ лозунгъ каждой изъ нихъ.

Съ одной изъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ у г-жи Ванъ Ворстъ произошелъ слѣдующій разговоръ. Эта дѣвушка собиралась перебраться на другую квартиру и позвала г-жу Ванъ-Ворстъ помочь ей укладываться. У нея оказалось множество платьевъ, тонкаго бѣлья, отдѣланнаго кружевами и другихъ хорошихъ вещей. Дно чемодана было наполнено письмами отъ ея поклонника и всѣ знали, что она ожидаетъ почту всегда съ большимъ нетерпѣніемъ. Въ этотъ вечеръ она также получила письмо, надъ которымъ она много смѣялась.

«— Вы кажется получили сегодня письмо?—спросила ее г-жа Ванъ Ворстъ.—Было ли это то, которое вы ожидали?

«— О да,—отвѣчала она вынимая кучу писемъ изъ чемодана.— Это все отъ одного и того же лица. Мы съ нимъ сошлись уже три года. Я встрѣтила его на виноградникахъ, куда я отправилась во время сбора. Это хорошая работа: вы получаете полное содержаніе и можете заработать отъ 27 до 30 долларовъ при благоприятныхъ условіяхъ. Онъ тотчасъ же началъ увиваться за мной, какъ только увидалъ, что я стою твердо на своихъ ногахъ. Теперь онъ желаетъ на мнѣ жениться. Онъ зарабатываетъ три доллара въ день и у него есть ферма, повозка и лошадь. Недавно онъ купилъ своей сестрѣ фортепiano, за которое заплатилъ 300 долларовъ.

«— Ну такъ что-жъ?—спросила г-жа Ванъ-Ворстъ съ любопытствомъ.—Вы, конечно, примите его предложеніе?»

Дѣвушка поглядѣла на нее слегка удивленно и сконфуженно и сказала:

«— О нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу еще выходить замужъ.

«— Но почему? Развѣ вы не думаете, что это неблагоприятно съ вашей стороны? Это хорошая партія для васъ и вы сами говорите, что три года водитесь съ нимъ?

«— Да, я знаю, но я еще не хочу выходить замужъ за него. Въ двадцать пять лѣтъ будетъ время выйти замужъ, а мнѣ еще только 23 года. Я хочу, до этого, распоряжаться своимъ временемъ. Онъ вѣдь не захочетъ отпускать меня на работу, также какъ и мои родители, которые ни за что не хотѣли отпустить меня сюда. Я думала даже, что отецъ мой не перенесетъ этого. Онъ чуть не заболѣлъ въ тотъ день, когда я уѣхала, но онъ отпустилъ меня, потому что понималъ,

что я не буду удовлетворена до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаюсь независимой.

Развлеченіемъ для фабричнаго населенія Перри служило посѣщеніе церквей, которыхъ было семь, принадлежащихъ къ различнымъ культамъ, въ этомъ небольшомъ городкѣ съ 3.000 жителей. Церкви замѣняли жителямъ общественныя собранія, клубы. Бывали дни, когда всѣ обязательно должны были являться въ церковь въ самомъ изношенномъ одѣяніи, а если у кого-нибудь найдена была какая-нибудь часть одежды въ приличномъ видѣ, то его заставляли платить штрафъ въ пользу церкви. Въ другой разъ всѣ, передъ входомъ въ церковь, подвергались взвѣшиванію, и тотъ, чей вѣсъ оказывался больше положеннаго, платилъ по одному центу за каждый лишній фунтъ, тоже въ пользу церкви.

Но самымъ популярнымъ развлеченіемъ служилъ такъ называемый аукціонъ. Каждая изъ работницъ наполняла импровизированнымъ завтракомъ коробку, и затѣмъ всѣ коробки вмѣстѣ складывались въ кучу на длинномъ столѣ, и фабричная молодежь раскупала ихъ. Коробку г-жи Ванъ-Ворстъ купилъ высокій, красивый рабочій, и она вмѣстѣ съ нимъ усѣлась въ углу, чтобы съѣсть завтракъ, который былъ приготовленъ на двоихъ, и побесѣдовать. Ея случайный собесѣдникъ разсказалъ ей, что началъ свою дѣятельность на бумагопрядильномъ заводѣ въ ночныхъ рабочихъ, работая по тринадцати часовъ подрядъ. Когда г-жа Ванъ-Ворстъ выразила ему удивленіе, то онъ замѣтилъ ей на это:

«— Я всегда дѣлаю охотно то, что дѣлаю. Мнѣ кажется, это единственный способъ существованія... Но скажите,—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—поправилось ли бы вамъ занимать мѣсто умершаго?»

Г-жа Ванъ-Ворстъ, пораженная этимъ вопросомъ, попросила у него объясненій.

«— Видите ли,—сказалъ онъ,—одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей работалъ тамъ же, гдѣ и я. Я подозрѣваю, что ему сдѣлалось дурно и онъ прислонился къ огромному передаточному ремню, приводящему въ движеніе весь механизмъ. Въ одно мгновеніе онъ былъ вздернутъ на воздухъ и разорванъ на куски. Мастеръ пришелъ и его первый вопросъ былъ: «А что машина не испортилась?». Не прошло и десяти минутъ, какъ уже другой человѣкъ былъ поставленъ на мѣсто убитаго и исполнялъ его обязанность».

Разумѣется, такой разсказъ не могъ возбудить веселость и рабочій, замѣтивъ это, тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ. Онъ началъ говорить о театрѣ и посоветовалъ г-жѣ Ванъ-Ворстъ непременно пойти посмотреть «Венеціанскаго купца» и «Юлія Цезаря», если представится случай. Поговоривъ о Шекспирѣ, г-жа Ванъ-Ворстъ спросила его, нравятся ли ему въ Перри?

«— Я здѣсь только недавно, всего мѣсяцъ,—отвѣчалъ онъ,—но мнѣ кажется, что тутъ много всякихъ формальностей. Мнѣ кажется, что работая изо дня въ день рядомъ съ какою-нибудь дѣвушкой, имѣешь право заговорить съ нею, не будучи ей представленъ, между тѣмъ здѣсь этого нельзя. Я никогда не видалъ другого такого перемѣнаго мѣста, какъ Перри».

Послѣ пяти дней работы на машинѣ г-жа Ванъ-Ворстъ нѣсколько попривыкла и перестала ощущать такую сильную боль въ лопаткахъ, какъ въ первые дни. Работницы относились къ ней очень сочувственно, какъ ко всякой «новенькой», помогали и одобряли ее. Одна изъ работницъ подошла къ ней, когда она сидѣла согнувшись надъ машиной, чувствуя такую невыносимую боль между лопатками, какъ будто ей всадили туда кинжалъ.

— Я знаю, какъ вамъ больно,—сказала она.—Я какъ будто сама чувствую эту боль, когда вижу, какъ вы согнулись, и знаю, какъ вы страшно устали».

Ничто такъ не утомляло, какъ этотъ постоянный стукъ машинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мастерской, у машинъ, продѣлывающихъ дырки и отверстія для пуговицъ, нельзя было иначе говорить со своей сосѣдкой, какъ крича изо всей силы. Старшая работница, поучавшая г-жу Ванъ-Ворстъ, сказала ей:

— Ужасно сидѣть такъ одной цѣлый день и цѣлый день дѣлать одно и то же отъ утра до вечера и думать про себя и чувствовать страшную усталость. Много дѣвушекъ страдаютъ нервами отъ этого. У моей сестры разстроены нервы и мнѣ кажется со мною начинается тоже нѣчто подобное. Я слышу шумъ всю ночь напролетъ. У очень многихъ здѣсь дѣлается чахотка отъ вдыханія этой пыли, наполненной мельчайшими частицами шерсти и бумаги.

Очень многія изъ молодыхъ дѣвушекъ и молодыхъ мужчинъ въ свободное отъ фабричной работы время посѣщали курсы корреспонденціи, бухгалтеріи, стенографіи, рисованія и т. п. Очевидно, чисто-механическая работа на фабрикѣ не могла ихъ удовлетворить.

Одна изъ дѣвушекъ, работавшая въ томъ же отдѣлѣ, гдѣ была г-жа Ванъ-Ворстъ, пришла утромъ, какъ всегда и принялась за работу. Но въ полдень, во время завтрака, она ушла, оставивъ на своей машинкѣ записку, что она больше не вернется. Она рѣшила отправиться на озеро и утопиться и ее не должны искать. Но, разумѣется, тотчасъ же нѣсколько работницъ бросились на поиски и дѣйствительно нашли ее, сидящей на берегу и горько плачущей. Она не говорила ни слова и никому не объяснила своего поступка.

— Мы поговорили объ этомъ въ свободныя минуты,—прибавляетъ г-жа Ванъ-Ворстъ,—но случай этотъ не внесъ никакого перерыва въ нашу работу.

Ея поступокъ объяснялся различнымъ образомъ: говорили, что она

потеряла голову, что работа привела ее въ угнетенное состояніе духа и разстроила ей нервы. Но никто не сдѣлалъ даже намека на то, что поводомъ къ такому отчаянному поступку могла быть несчастная любовь и ни одного слова не было сказано, которое могло бы набросить тѣнь на ея репутацію. Я также не осмѣлилась высказать предположенія, которое, однако, казалось мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ.

Вообще большинство дѣвушекъ въ Перри были преисполнены собственнаго достоинства. Желаніе нравиться преобладало у нихъ надъ всѣмъ остальнымъ и отражалось на ихъ наружности и разговорѣ. Онѣ были мечтательны, сентиментальны, но въ то же время холодны и безстрастны. Семейная жизнь не прельщала ихъ и онѣ не торопились мѣнять на нее свободу и независимость. Но, разумѣется, въ Перри была и другая категорія работницъ, одержимыхъ жаждою удовольствій и ведущихъ довольно предосудительный образъ жизни. Однако, дѣвушки съ такою репутаціею не могли долго оставаться на фабрикахъ.

Пробывъ въ Перри нѣкоторое время, г-жа Ванъ-Ворстъ отправилась оттуда въ Чикаго, причемъ она рѣшила испробовать сначала, каково тѣмъ, кто начинается поиски работы, не имѣя никакого запаса на случай неудачи.

Въ Чикаго, какъ и въ другихъ мѣстахъ, прежде всего начались поиски квартиры. Это было не легко, такъ какъ нужно было найти дешевое помѣщеніе и притомъ такое, гдѣ хозяйка не требовала бы уплаты впередъ, а только по полученіи работы. Послѣ долгаго хожденія и посѣщенія содержательницъ квартиръ, гдѣ отдавались комнаты работницамъ, г-жа Ванъ-Ворстъ нашла, наконецъ, подходящую комнату, но безъ содержанія; обѣдать она вынуждена была въ другомъ мѣстѣ. На другой день начались поиски работы и г-жа Ванъ-Ворстъ на опытъ узнала, что значить очутиться въ городѣ, не имѣя ни души знакомыхъ и не зная, куда обратиться за работой. Но ей все-таки повезло. Въ утренней газетѣ она увидѣла краткое объявленіе: «Нужны швеи для ручной работы». Разспросивъ полицейскаго о мѣстѣ, указанномъ въ объявленіи, она узнала, что мастерская находится на другомъ концѣ города и ей пришлось истратить послѣдніе десять центовъ, чтобы доѣхать туда.

Владѣлецъ мастерской мистеръ Ф. встрѣтилъ ее довольно привѣтливо.

— Я видѣла ваше объявленіе въ утренней газетѣ,—сказала г-жа Ванъ-Ворстъ.

— Да,—отвѣчалъ онъ ласково.—Вы портниха?

— Нѣтъ, сэръ; я работала только съ машиной.

— Хорошо. У насъ тутъ есть и машины.

— Но,—поторопилась прибавить г-жа Ванъ-Ворстъ, опасаясь, что вся ея опытность, прибрѣтенная ею въ Перри, ограничивается лишь умѣньемъ работать съ электрическою машиной Зингера,—я бы предпочла работать руками. Я люблю ручную работу.

Мистеръ Ф. окинулъ испытующимъ взоромъ г-жу Ванъ-Ворстъ.

— Если вы будете работать руками, то вашъ умъ долженъ быть поглощенъ работой. Много дѣвушекъ являются сюда, воображая, что онѣ могутъ думать о чемъ угодно во время работы. Между тѣмъ ручная работа требуетъ большого вниманія; ее нельзя исполнять механически.

— Я понимаю, сэръ,—отвѣчала г-жа Ванъ-Ворстъ, и спросила:— сколько вы платите?

— Я дамъ вамъ шесть долларовъ въ недѣлю, пока вы не научитесь.

Г-жа Ванъ-Ворстъ едва сдержала движеніе радости. Она не ожидала такой удачи. Одинъ долларъ въ день? И притомъ во время ученія.

— Но я хотѣла бы спросить, когда вы расплачиваетесь?

Она сдѣлала этотъ новый вопросъ нерѣшительнымъ тономъ.

— Обыкновенно не раньше конца второй недѣли, но если вы нуждаетесь въ деньгахъ, то мы можемъ устроить такъ, чтобы вы получили свою плату въ концѣ первой недѣли.

— Когда я должна придти?

— Приходите сегодня въ половинѣ перваго, если вы готовы.

— Я готова, но я не принесла съ собою завтрака, а идти за нимъ домой далеко. Я не успѣю вернуться.

Мистеръ Ф. опустилъ руку въ карманъ и вынувъ оттуда монету въ 50 центовъ предложилъ ее г-жѣ Ванъ-Ворстъ въ счетъ ея заработной платы.

— Возьмите,—сказалъ онъ ей любезно.—Позавтракайте гдѣ-нибудь по сосѣдству и возвращайтесь въ половинѣ перваго.

Г-жа Ванъ-Ворстъ пошла въ ближайшій ресторанъ. Это была огромная булочная, кліентами которой были рабочіе и работницы, приходившіе сюда въ промежутокъ, полагающійся для отдыха. На длинномъ прилавкѣ разставлены были готовые кушанья, которыя можно было быстро проглотить, не теряя времени. Тутъ же дымились чашки съ кофе, чаемъ или шоколадомъ. Мужчины ѣли стоя у прилавка, внизу, женщины же отправлялись группами въ верхній этажъ. Комната наполнилась шуршаніемъ шелковыхъ юбокъ и г-жѣ Ванъ-Ворстъ бросилось въ глаза, что всѣ эти работницы были нарядно одѣты и притомъ по послѣдней модѣ, въ вышитыхъ блузкахъ, красивыхъ шляпкахъ, украшенныхъ цвѣтами и кружевами, въ лайковыхъ перчаткахъ. Все это были самостоятельныя, независимыя дѣвушки, которыя могли тратить свои деньги, какъ хотѣли. Г-жа Ванъ-Ворстъ была возмущена тѣмъ, что никто изъ нихъ не потребовалъ ничего особенно питательнаго и онѣ довольствовались чаемъ или шоколадомъ, нѣкоторыя ѣли кремъ или яблочный пирогъ. Всѣ страшно торопились, такъ какъ хотѣли еще успѣть зайти въ лавки, прежде чѣмъ вернуться на работу и притомъ каждая изъ нихъ провела не менѣе пяти минутъ передъ зеркаломъ, прилаживая свою шляпку.

Въ мастерской, куда поступила г-жа Ванъ-Ворстъ, было больше иностранокъ, нежели американонокъ. Американки не уживались съ главною мастерицей, нѣмкой, которая терроризовала всѣхъ, даже мистера Ф., владѣльца мастерской, который ее боялся, такъ что, несмотря на его доброту и снисходительность, составъ мастерицъ постоянно мѣнялся.

— Я здѣсь только на время, — сказала молоденькая американка г-жѣ Ванъ-Ворстъ во время завтрака. — Я ни за что не останусь подѣе командой, даже если бы мнѣ очень хорошо платили.

— Вы счастливы что можете поступать такъ независимо, — замѣтила ей другая нѣмка, всегда очень молчаливая. — А я радуюсь, что могу здѣсь что-нибудь заработать. Я встаю каждое утро въ пять часовъ и еще работаю на продажу. Насъ трое, моя мать, моя маленькая дѣвочка и я, и у насъ нѣтъ ни одного цента, кромѣ тѣхъ, которые я зарабатываю. Мой мужъ боленъ; онъ въ Аризони.

Она была молода, но это не было замѣтно по ея лицу; лишенія, тяжелый трудъ, заботы наложили на нее свою тяжелую руку и согнали всѣ признаки молодости съ ея лица, на которомъ не было замѣтно ни луча надежды. Она не возмущалась противъ судьбы, но все, что она знала о жизни, было написано на ея грустномъ, поблекшемъ лицѣ, въ ея потухшихъ усталыхъ глазахъ и печальное выраженіе ея лица еще усиливалось, когда она улыбалась.

Видя какъ главная мастерица придиралась и преслѣдовала всѣхъ, г-жа Ванъ Ворстъ ждала и своей очереди, и конечно, этотъ моментъ не замедлилъ наступить. Но она не могла съ такою же покорностью выносить грубости главной мастерицы, какъ выносили ее другія и въ этотъ моментъ она почувствовала, болѣе чѣмъ когда-либо, свое привилегированное положеніе.

Уйдя изъ мастерской готоваго платья и театральныхъ костюмовъ, г-жа Ванъ-Ворстъ очень скоро нашла себѣ работу на фабрикѣ рамокъ для картинъ. Тамъ условія работы оказались очень хорошими и въ мастерской господствовало постоянное веселье и оживленіе. Работницы были все молодыя дѣвушки, между четырнадцатью и 24-мя годами, и мучительныя заботы, вмѣстѣ съ физическою усталостью, еще не наложили на нихъ своего отпечатка. Г-жа Ванъ-Ворстъ пришла къ заключенію, что условія работы въ этой мастерской настолько хороши, что оставаться въ ней неинтересно для ея цѣлей, поэтому она ушла и опять начала поиски новой работы въ болѣе трудныхъ условіяхъ. Ей хотѣлось напоследокъ попробовать поработать въ скоропечатняхъ и послѣ долгихъ поисковъ, она нашла работу въ мастерской, гдѣ изготовлялись коробки и ярлыки. Ее поставили у пресса и она должна была «питать» его. Это было самое подходящее выраженіе, говоритъ г-жа Ванъ-Ворстъ. Желѣзные челюсти машины жадно хватаютъ пищу; онѣ поглощаютъ въ одно мгновеніе все, что

и имъ подсовываю и если я случайно замѣшкаюсь, то онѣ хватаютъ меня за пальцы и если бы холодное прикосновеніе стали не заставляло меня быстро отдергивать руку, то вѣроятно пальцамъ пришлось бы плохо. Это работа, требующая большого напряженія нервовъ. Каждый листокъ, который надо напечатать, приходится пропускать два раза черезъ прессъ, а послѣ обѣда надо напечатать 5.000 экземпляровъ, и слѣдовательно, надо 10.000 разъ приводить въ движеніе машину. Работать приходится двумя руками, правой подкладывать листки, лѣвой принимать ихъ. Машина, приводимая въ движеніе паромъ, производитъ страшный шумъ и не даетъ ни минуты передышки и ни на мгновение нельзя отвлечь вниманія. Всѣ дѣвушки, работающія у машинъ блѣдны и плохого сложенія».

«Мы находимся подъ управленіемъ двухъ мастеровъ,—разсказываетъ далѣ Ванъ - Ворстъ. — Тотъ, который указываетъ мнѣ, очень добръ, но на другого жалуются, говорятъ, что онъ слишкомъ строгъ. Оба молоды и оба жуютъ табакъ и выплевываютъ на полъ. Пока приносили новый шрифтъ я заговорила съ мастеромъ, про котораго шла дурная слава. У него было честное серьезное лицо, а, глаза его очевидно, привыкли смотрѣть испытующе и не довѣрять ближнимъ. Но онъ оказался разговорчивымъ.

— Вамъ нравится ваша работа?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчала я.

— Они платятъ мало. Я извѣстилъ на прошлой недѣлѣ, что не останусь здѣсь.

— Куда же вы отправитесь?

— Домой. Я не былъ дома семь лѣтъ. Я бѣжалъ изъ дому, когда мнѣ было тринадцать лѣтъ и съ той поры живу самостоятельно, зарабатывая такъ или иначе свой хлѣбъ. Мои родители живутъ въ Калифорніи. Я же все время странствовалъ, прошелъ всю страну отъ одного берега до другого и долженъ вамъ сказать, что буду чувствовать себя очень счастливымъ, когда вернусь домой.

— Вы никогда не были больны.

— Былъ. Два раза. Это невесело. Сколько бы ни получалъ мальчикъ потасовокъ, ему все-таки не слѣдуетъ оставлять домъ! Въ первый годъ это не чувствуется такъ сильно, но когда вы пробьете два-три года среди чужихъ, когда вы постоянно были одиноки, и здоровый и больной, то въ концѣ концовъ вы должны непремѣнно почувствовать сильное желаніе вернуться къ своимъ.

— Вы что-нибудь скопили?

Онъ кивнулъ головой и, сплюнувъ табачный сокъ, прибавилъ:

— Я въ состояніи буду ухъать отсюда въ августѣ, въ Омаха. Въ три мѣсяца я накоплю достаточно, чтобы добратъся до Соленого озера, а еще черезъ три мѣсяца у меня будетъ уже достаточно, чтобы ѣхать въ Санъ-Франциско. Говорю вамъ,—прибавилъ онъ, воз-

вращаясь къ своей работѣ,—никто не долженъ покидать своего родного дома».

Ему оставалось еще девять мѣсяцевъ труда и лишеній, прежде чѣмъ онъ достигнетъ цѣли, къ которой стремится въ теченіе столькихъ лѣтъ!

Работа въ скоропечатнѣ была послѣднимъ этапомъ, который намѣтила себѣ г-жа Ванъ-Ворстъ. Послѣ этого она вернулась домой, въ свою привычную обстановку. Свои впечатлѣнія она резюмируетъ слѣдующимъ образомъ въ заключительной главѣ: «Я задумала свою экскурсію не изъ одного любопытства, не ради того, чтобы собрать матеріалъ для повѣсти или проложить дорогу для новыхъ филантропическихъ ассоціацій, а также и не для пополненія отчетовъ о фабричномъ трудѣ. Моею цѣлью было найти способъ придти на помощь фабричной работницѣ нравственно, умственно и матеріально.

«Я думала не о временномъ пособіи бѣднякамъ, а объ улучшеніи естественныхъ условій ихъ жизни. У меня не было никакого опредѣленнаго плана и я не знала, какъ приступить къ этому, а потому и рѣшила испытать на себѣ эти условія жизни, чтобы знать, съ чѣмъ надо бороться и что можно исправить въ этихъ условіяхъ. Въ первыя три недѣли моей фабричной жизни всѣ мои сотоварищи представлялись мнѣ однимъ обширнымъ классомъ рабовъ, несчастными труженниками, обреченными на невзрачное существованіе, на переутомленіе, отъ самаго рожденія до смерти. Мои собственные физическія страданія были очень сильны. Мое сердце разрывалось отъ жалости. Я возмущалась противъ общества, матеріальныя потребности котораго могутъ быть удовлетворены только цѣною гибели столькихъ душъ и тѣлъ. Трудъ представлялся мнѣ чудовищемъ, которое питается человѣческими жизнями, и каждое новое впечатлѣніе вызывало у меня самое искреннее состраданіе. Когда я достаточно привыкла къ работѣ, такъ что могла, послѣ десятичасового пребыванія на фабрикѣ, идти гулять, и такъ насытилась специфическимъ запахомъ помѣщенія, въ которомъ жила, что перестала его ощущать, когда всякая кровать стала казаться мнѣ хорошей послѣ работы и всякая пища пригодной для утоленія голода, то я только тогда начала приглядываться къ окружающей средѣ и увидала, что этотъ великій, невѣдомый мнѣ классъ работницъ распадается на множество отдѣльныхъ категорій, которыя, если исключить общую для всѣхъ невзрачную обстановку и интеллектуальную бездѣятельность, требуемую самымъ характеромъ работы, не всѣ одинаково заслуживаютъ состраданія. Условія жизни многихъ мѣшаютъ имъ развивать свой умъ и эстетическій вкусъ, и душа ихъ поэтому не страдаетъ отъ того, что имъ приходится работать въ грязи и жить неопрятно. Но именно среди этого класса я постоянно встрѣчала самые великодушные порывы и самую безкорыстную доброту и готовность самопожертвованія, такую лояльность и

стойкость, которая трудно было бы предполагать съ перваго взгляда у этихъ несчастныхъ созданій.

«Мои наблюденія ограничивались только женщинами, и относительно мужчинъ я могу сдѣлать лишь слѣдующее замѣчаніе: всѣ они работали ради куска хлѣба и всѣ нуждались въ заработной платѣ, чтобы жить; они поддерживали своимъ трудомъ женщину, жену или мать, которая, обыкновенно, сама не работала на фабрикѣ. Женщины же работницы раздѣлялись на два класса: на тѣхъ, которые работали, потому что должны были заработать себѣ средства къ жизни, и тѣхъ, которые шли на фабрику, чтобы жить болѣе независимыми, чѣмъ онѣ были дома.

Ближайшее знакомство съ фабричными работницами убѣдило г-жу Ванъ-Ворстъ въ безусловной необходимости раздѣлить другъ отъ друга оба класса американскихъ работницъ и направить энергію и силы дѣвушекъ, идущихъ на фабрики ради независимости, развлечения и денегъ на предметы роскоши, въ другую сторону. Американская фабричная работница этой категоріи отличается большимъ честолюбіемъ. Она жаждетъ знанія, стремится къ усовершенствованію своихъ способностей и къ завоеванію положенія въ свѣтѣ. Нужно только дать исходъ ея силамъ, ея честолюбивымъ стремленіямъ и указать ей путь къ достиженію ею цѣлей другими способами, а не притупляющимъ фабричнымъ трудомъ, дающимъ ей возможность тратить деньги на свои наряды и удовлетворять своему тщеславію. Въ освобожденіи фабричнаго элемента отъ этого класса работницъ, являющихся для него только обузой и мѣшающихъ ему, г-жа Ванъ-Ворстъ видитъ нѣкоторый шагъ къ разрѣшенію великой проблемы труда въ Америкѣ.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе выносить изъ своего опыта миссъ Мери Ванъ-Ворстъ. Она также сняла свое нарядное платье, надѣла простой костюмъ работницы и поступила на фабрику, сначала въ Линни, на башмачную фабрику, а затѣмъ въ южной Каролинѣ, на самый большой бумагопрядильный заводъ, на которомъ работаютъ 104.000 станковъ. Миссъ Мери ни разу не сталкивалась, во время своей фабричной жизни съ веселыми, безпечными дѣвушками, добровольно идущими на фабрику и тратящими заработанные деньги на наряды и бездѣлушки, Миссъ Мери рисуетъ самыя безотрадные картины: «Ни одна изъ работницъ, съ которыми мнѣ пришлось сталкиваться, не была счастлива, говоритъ она.—Работницы эти были мужественныя, честныя созданія, но только тѣ изъ нихъ не впадали въ тупое отчаяніе, которые сохраняли способность возмущаться, мечтать о чемъ-нибудь лучшемъ и стремиться къ этому лучшему. Но обыкновенно онѣ не имѣютъ времени думать объ этомъ и въ тѣ немногіе свободные часы, которые остаются у нихъ отъ работы, онѣ стремятся къ отдыху и развлеченію. Онѣ не нуждаются въ чтеніи, въ ученіи, онѣ слишкомъ утомлены и не въ состояніи сосредоточить на чемъ-нибудь свое вниманіе. Да и

можно ли требовать это отъ нихъ? Я слышала, какъ одинъ заводчикъ говорилъ: «Мы устраиваемъ для нашихъ рабочихъ разныя учрежденія, которыя могли бы возвысить ихъ умственный уровень, читальню, библіотеку и т. д., но все это остается безъ употребленія». Я спрашиваю теперь его, какіе часы они могли бы проводить въ читальнѣ? Они встанутъ въ четыре часа и безъ четверти шесть начинаютъ работу. День зимою еще не начинается, когда они приступаютъ къ работѣ, а когда они кончаютъ работу, то давно уже наступила ночь. Лѣтомъ они работаютъ до поздняго вечера. Онѣ говорили мнѣ, что такъ устаютъ, что не могутъ ѣсть. Единственное ихъ желаніе — это поскорѣе растянуться на своемъ убогомъ тюфякѣ, дать отдыхъ своимъ ноющимъ костямъ и спать до тѣхъ поръ, пока не раздастся съ фабрики призывъ къ работѣ и не разбудить ихъ. Волей-неволей они сами рѣшаютъ собственные вопросы и возвращаются къ единственному развлеченію, которое для нихъ доступно, къ примитивнымъ наслажденіямъ. Между ними однако очень развиты взаимныя сношенія и товарищество. Въ сущности онѣ такія же животныя, какъ и тѣ, кто говоритъ о необходимости ихъ исправленія, но имъ это простибельнѣе. На заводѣ бракъ представляетъ не болѣе, какъ фарсъ, хотя они и называютъ свои связи браками. Многія женщины были женами нѣсколько разъ, въ одномъ и томъ же городѣ, а иногда даже въ одномъ и томъ же домѣ. Поселеніе буквально кишитъ незаконными дѣтьми. Рядомъ со мною работали двѣ молоденькія дѣвушки лѣтъ семнадцати и у обѣихъ уже есть дѣти».

На бумагопрядильной фабрикѣ много работало дѣтей и не мало работницъ провели все свое дѣтство и юность на этой работѣ. Одна изъ работницъ, очень миленькая молодая дѣвушка восемнадцати лѣтъ рассказала миссъ Мери, что она поступила на фабрику восьми лѣтъ и безъ перерыва работаетъ десять лѣтъ. Миссъ Мери спросила ее, о чемъ она думаетъ, сидя цѣлый день у станка и разматывая катушки.

О, о многомъ,—отвѣчала она.—Я не могу даже рассказать всѣхъ моихъ мыслей. Думаю и о книгахъ. Вы любите читать?

— Да,—отвѣчала миссъ Мери.

— Я бы любила, еслибъ такъ сильно не уставала.

— Вы часто такъ устаете?

Дѣвушка посмотрѣла съ удивленіемъ на спрашивавшую.

— Часто? Я всегда чувствую себя усталой, всегда!.. Я очень люблю путешествія, но мнѣ не представляется случая путешествовать... Я ненавижу фабрику!—прибавила она.

Эту ненависть къ фабрикѣ, къ своей работѣ, неизмѣнно выражали всѣ, съ кѣмъ приходилось разговаривать миссъ Мери, и молодыя, и пожилыя, если онѣ не дошли еще до состоянія полного отупѣнія. Тотъ типъ американской работницы, который изображенъ въ первыхъ очеркахъ, безпечной и независимой, совершенно новый и чуждый намъ;

онъ не встрѣчается нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Но тѣ безотрадныя картины фабричной жизни, которыя рисуетъ миссъ Мери, знакомы всѣмъ; ея работницы не имѣютъ спеціального американскаго характера; это международный типъ; встрѣчающійся вездѣ, гдѣ существуетъ такая же эксплуатація рабочихъ силъ, гдѣ число рабочихъ часовъ не устанавливается никакими правилами и можетъ быть растянуто до послѣднихъ предѣловъ возможности и гдѣ человѣческая жизнь безъ колебаній приносится въ жертву страшному промышленному Молоху. Жизнь работницы проходитъ среди оглушающаго шума машинъ и вызываемаго ими постоянного сотрясенія почвы; она вдыхаетъ зараженный, пропитанный мельчайшими частицами хлопка, воздухъ, насыщенный вредными испареніями. Она не знаетъ ничего, кромѣ своей однообразной работы, не видитъ кругомъ себя никого, кромѣ отупѣвшихъ отъ этой работы и умственно неразвитыхъ людей. Дѣтство ей представляется въ образѣ босыхъ, грязныхъ и чахлахъ дѣтей, загоняемыхъ на фабрику, гдѣ они исполняютъ разныя, доступныя ихъ дѣтскимъ силамъ, работы. Любовь является ей въ видѣ временныхъ, случайныхъ связей, такъ называемаго «заводскаго брака», не связывающаго мужчину ничѣмъ, но оставляющаго женщинѣ дѣтей, которыя потомъ, въ свою очередь, достигнувъ извѣстнаго возраста, будутъ отправлены на фабрику. На заводѣ, на которомъ работала миссъ Мери, было 200 такихъ малолѣтнихъ работниковъ и работницъ, одинъ видъ которыхъ долженъ былъ бы заставить содрогнуться сердце самаго зачерствѣлаго человѣка. «Воображеніе отказывается представить себѣ болѣе несчастныя созданія, чѣмъ эти дѣти,—говоритъ миссъ Мери.

— Они мрутъ, буквально, какъ мухи, въ извѣстныя времена года и умираютъ не отъ болѣзней, присущихъ ихъ возрасту, а отъ тѣхъ, которыя вызываются условіями ихъ существованія. Ихъ безрадостное дѣтство является сплошнымъ мученичествомъ и на ихъ лицахъ ясно написана ихъ трагическая судьба и проклятіе тѣмъ, кто ради выгоды приносить въ жертву ихъ начинающуюся жизнь. Эта жизнь такъ ужасна, что смерть, пожалуй, является для нихъ избавленіемъ. Но не всѣ умираютъ. Есть такіе крѣпкіе организмы между ними, которые переживаютъ всѣ ужасы своего существованія. Мнѣ случилось работать и въ Массачусетсѣ, и въ южной Каролинѣ съ женщинами, поступившими на фабрику въ восьмилѣтнемъ возрастѣ. Одна изъ нихъ была еще молода, сильна и сохранила свои иллюзіи. Проведя безвыходно двѣнадцать лѣтъ въ атмосферѣ фабрики, она все-таки еще не лишилась способности надѣяться, мечтать, стремиться и молиться «о чемъ-нибудь, что не было бы фабрикой!» Означаетъ ли это довольство своимъ положеніемъ прирожденныхъ бѣлыхъ рабовъ, или то, что въ такихъ работницахъ есть что-то, что спасаетъ ихъ и отъ самоубійства, и отъ идиотизма, и отъ полного паденія и что громко говоритъ въ ихъ

пользу? Другая женщина, которой было сорокъ лѣтъ, уже не имѣла иллюзій, но не забудьте, что она работала на фабрикѣ съ восьмилѣтняго возраста. Тридцать два года! Пожалуй, можно сказать, что она уже дошла до идиотскаго состоянія и ни о чемъ не могла разговаривать, кромѣ того, что непосредственно касалось ея работы».

Миссъ Мери вернулась въ свою прежнюю среду, но впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ пребыванія на фабрикѣ, не прошли даромъ. Она начала горячо агитировать въ пользу урегулированія фабричнаго труда, она возвысила свой голосъ въ защиту маленькихъ работниковъ, она требовала запрещенія дѣтскаго фабричнаго труда. Ея рѣчь была тѣмъ убѣдительнѣе, что то, о чемъ она говорила, она видѣла собственными глазами, она испытала на себѣ тяжесть фабричной работы и весь ужасъ той обстановки, въ которой проводитъ жизнь фабричная работница. И подвигъ миссъ Мери, на который многіе изъ ея знакомыхъ взглянули, какъ на причуду богатой американки, не прошелъ безслѣдно. Ея очерки и потрясающія картины жизни на фабрикѣ вызвали настолько большую сенсацію въ американскомъ обществѣ, что результатомъ явились законы о дѣтскомъ трудѣ въ южной Каролинѣ, воспреещающіе эксплуатацію маленькихъ рабочихъ, и Миссъ Мери можетъ сказать, что она не даромъ переодѣвалась въ платье работницы и жила ея жизнью въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Э. Пименова.

НОВЫЙ ПРОРОКЪ.

Р а з с к а з ъ .

1.

Грѣшная улица, тамъ гдѣ поднималась въ гору, упиралась въ старый вокзалъ. Сама она лежала въ балкѣ и какъ сонная змѣя, вся въ изломахъ ползла между двумя рядами каменныхъ домовъ-мѣшковъ съ красными фонарями. Наверху по обѣимъ сторонамъ балки раскинулась слобода ремесленная и рабочая, съ широкими, немощенными улицами, тоненькими деревцами, низенькими домами, съ дворами-пустырями, съ утра до ночи какъ бы сторожила грѣшную улицу, чтобы она не ушла и жадно заглядывала внизъ своими воспаленными и сердитыми глазами.

Днемъ въ балкѣ было всегда тихо,—развѣ пріѣдетъ изъ города хозяинъ «дома» на пролеткѣ и дѣвушки на мигъ облѣпятъ окна, развѣ случайно одинокій прохожій завернетъ... И то сожмется, одурѣетъ отъ этой тишины и поспѣшитъ незамѣтно выбраться наверхъ... Появится дѣвушка закутанная въ шаль, взглянетъ на вокзалъ, на небо, вздохнетъ и исчезнетъ. И снова одуряющая тишина, нездоровая прохлада отъ тѣней и странный желтоватый цвѣтъ солнечныхъ лучей, которыхъ здѣсь совсѣмъ мало. Всюду чисто. Ни соринки, ни камешка не валяется на мощенной улицѣ, на мощенномъ тротуарѣ и нельзя понять почему здѣсь такой порядокъ? Окна домовъ задернуты красными занавѣсками и такъ скучно здѣсь отъ этой чистоты, отъ красныхъ фонарей и красныхъ занавѣсокъ, что кажется все остановилось въ полувѣвотѣ и сейчасъ повалится отъ нездоровой тоски. Ничего не доходило сюда: шумъ жизни наверху, вокзальный шумъ съ криками его паровозовъ, ревомъ цѣпей и жужжаніемъ, суета черныхъ людей и суета свободныхъ людей, все рвалось вверхъ, вверхъ къ голубому клочку городского неба.

Но ночью грѣшная улица мѣнялась. Спускалась жизнь сверху внизъ робко и смѣлѣе, балка расцвѣчивалась манящими красными фонарями отъ одного конца до другого и вездѣ пѣли и играли.

Въ каждомъ уголкѣ становилось весело... неизвѣстно съ чего, отъ первой ли звѣзды на небѣ, отъ перваго ли женскаго голоса? Приходили люди съ радостными лицами прекрасные въ своемъ нетерпѣнн, прекрасные въ свѣтѣ малиновыхъ фонарей, прїѣзжали люди, возлежа на дрожкахъ, и пьяные среди нихъ были похожи на трезвыхъ, а трезвые на пьяныхъ. У воротъ же домовъ показывались женщины, красивыя и некрасивыя, молодыя и пожившія, всѣ прекрасныя, въ коротенькихъ юбкахъ съ широкими вырѣзами на груди и казалось у нихъ было одно желаніе: бросить въ сѣрую жизнь красоту и свободу. Какъ въ сказкѣ стояли онѣ въ окнахъ, — необычныя, какъ въ сказкѣ дѣвушки радости, дѣвушки забвенія съ оголенными руками, — а въ залѣ въ пляскѣ кружились точно сестры, точно дѣти...

И тогда слобода угрюмо затихала: уходили внизъ рабочіе, мастеровые, подростки. Мертвыми громадами стояли фабрики, мастерскія, а дома во тьмѣ какъ бы сдвигались... отъ горя.

По угламъ же надъ балкой, какъ куклы неподвижныя, стояли работницы, уставшія работницы и большими глазами смотрѣли внизъ. Сквозь мглу и мракъ поднимались вверхъ яростные звуки веселья, и онѣ, спрятанныя въ крыльяхъ ночи слушали потрясенныя.

— Вотъ если бы, — носились вздохи...

Можетъ быть смерть? Можетъ быть крикъ сираведливаго гнѣва? Можетъ быть призывъ къ высшему суду?

Ночной же день внизу блисталъ малиновыми огнями, торжествовалъ и какъ бы готовился къ блаженству, котораго люди еще не знали. И словно въ ожиданіи этого часа всѣ здѣсь плясали неистово. Казалось что наверху городъ помѣшался отъ власти и насилія и самыхъ буйныхъ, буйно-веселыхъ помѣшанныхъ отправилъ сюда и женщинъ приготовилъ для нихъ такихъ же буйныхъ, буйно-веселыхъ помѣшанныхъ. Въ полномъ помраченіи скакали мужчины, неразговорчивые и тяжелые и дико кричали, — задыхаясь скакали женщины, нѣжныя и гибкія и дико кричали, — съ яростью скакали и звуки, и съ ними въ пляскѣ, забвеніи и ликованіи скакали дома и стѣны...

И такъ шло до утра.

2.

Въ балкѣ веселились...

Былъ часъ ночи, весенней полутемной, въ которой чувствовался гдѣ-то прозрачно серебристый, нѣжный свѣтъ луны, иногда какъ солнце-золотившей сѣрые камни веселыхъ домовъ и грустно убиравшей свое золото, когда на нее набѣгали тучки. Темныя

угрюмныя стѣны и ярко-красныя стекла въ окнахъ не сливались... какъ нарочно пламенно играла музыка въ залѣ и было грустно,—а въ верхнихъ этажахъ дѣвушки крѣпкими голосами пѣли пѣсни. За городомъ май былъ въ полномъ разгарѣ, зеленѣла трава и хорошо росла, высохли дороги, вездѣ пѣли птицы передъ разсвѣтомъ и только внизу грѣшная улица не принимала мая ни утромъ, ни вечеромъ. Ничего здѣсь не чувствовалось ни отъ природы, ни отъ неба, и претворялась прекрасная бодрость весны въ пряность, въ проклятый смрадъ каменныхъ мѣшковъ, гдѣ женщины весело томились и весело страдали. Приходила весна и уходила весна и опять приходила,—жизнь оставалась такою же: веселой и проклятой. И подъ солнцемъ, и подъ милымъ небомъ неустанно весело томились женщины, весело страдали женщины и никто не зналъ конца этому: когда начнутъ страдать отъ страданія, кричать отъ томленія...

Былъ май въ полномъ разгарѣ... И въ эту ночь беременная проститутка дѣвушка Элька опять сидѣла у порога своей комнаты, которую ей отвела хозяйка до родовъ,—опять сидѣла въ ожиданіи тапера Вельштейна, и со строгимъ лицомъ слушала пѣніе дѣвушки Линнъ, гулявшей съ моряками въ угловой комнаткѣ верхняго флигеля. Каждую ночь она, уже тридцать дней не ходившая съ гостями, проводила во дворѣ. Ничто ее не трогало, ничему не удивлялась, и только объ одномъ неистово думала: о себѣ. Только о себѣ!

Сама она была жестокая, но съ робкими манерами, — столь робкими, что «измывались» надъ нею всѣ: хозяйка и дѣвушки и гости. Робость у нея не прошла и за годъ жизни здѣсь, хотя и всѣ старались объ этомъ. Съ каждымъ соглашалась дѣвушка Элька и никто не подозрѣвалъ ее въ жестокости. Каждому уступала: хозяйкѣ, дѣвушкѣ, гостю, какъ будто кланялась, благодарила, но про себя ненавидѣла и ихъ и жизнь. Лицо у нея было нѣжное какъ у барышни, съ слабымъ румянцемъ на щекахъ, — пальцы на рукахъ длинныя, худыя, какъ бы созданныя для того, чтобы ихъ ломать въ горѣ... Ходила, какъ ходятъ страдающіе люди, чуть сгорбившись, отчего ея высокая грудь казалась впалой, а брови у нея были роскошныя: черныя, дугой, но не шли къ ней.

Случилось такъ, что на второмъ мѣсяцѣ своей жизни въ «домѣ», она забеременѣла.. неизвѣстно отъ кого; отъ пьянаго ли матроса, который ночевалъ у нея, отъ стройнаго ли студента, съ нѣжнымъ пушкомъ на подбородкѣ и щекахъ, отъ рябого ли рабочаго, который долго не отпускалъ ее, или еще отъ кого-нибудь изъ среды этихъ людей, посѣтившихъ ее за недѣлю, пьяныхъ, наглыхъ, а

иногда прекрасныхъ? Въ тайну нельзя было проникнуть, но какъ только беременность дѣвушки Эльки открылась, жизнь ея стала совсѣмъ нелѣпой и загадочной.

Прежде бывало такъ. Къ вечеру она надѣвала черное платье съ высокими воротникомъ, причесывалась гладко, съ проборомъ посрединѣ, и покорно спускалась въ залъ. Тамъ въ ожиданіи дѣвушка Элька сидѣла одинокая въ уголку на старомъ диванѣ, съ полинявшимъ малиновымъ бархатомъ... И никто не зналъ, зачѣмъ здѣсь на диванѣ сидитъ тихій человѣкъ, скромный человѣкъ? Всѣ ее презирали. Она не умѣла пѣть, не умѣла кричать, голосъ у нея былъ тоненькій, жалкій!.. Гости издѣвались надъ нею пьяные и трезвые, какъ бы на зло щипали ее на виду у всѣхъ, обжигали горящими папиросами, заставляли танцевать и учили нагло выбрасывать ногами, нагло пристукивать ими, а она покорялась... жалкимъ голосомъ своимъ просила пощады. Иногда хозяйка подзывала ее, шипѣла ей на ухо что-то грозное, и всѣ видѣли, какъ она блѣднѣла. Тогда она внимательно оглядывала дѣвушекъ, подходила къ какой-нибудь, самой некрасивой, самой забитой, обнимала ее рукой за спину, и обѣ, какъ ученицы, шли по залу взадъ и впередъ. Таперъ Вельштейнъ тихо перебиралъ пальцами на фортепіано, и выходила любимая пѣснь грѣшной улицы о котѣ Мишѣ, который уже разлюбилъ дѣвушку, попавшую за кражу въ тюрьму, но громче и страстнѣе рассказывалъ о томъ, что дѣвушка по выходѣ ихъ тюрьмы обольетъ кислотой измѣнника, кота Мишу. Всѣ дѣвушки подпѣвали, выходило грустно, а Элька изподлобья глядѣла на Вельштейна... изъ подлобья глядѣла. Даже когда гость уводилъ ее и она шла за нимъ покорными шагами, становилось чего-то жалко и всѣ спрашивали себя: къ чему это? Точно въ душу входила дѣвушка въ черномъ, съ робкими манерами, и, какъ воспоминаніе о печали, будила старыя печали: свѣтлый залъ становился чернымъ, и женщины въ этой тѣмѣ находили свои пораненныя сердца, о которыхъ забыли и... страдали. И всѣ дрожали, всѣ дрожали... А гости шли толпой, толпа гостей напирала, до утра разбирала дѣвушекъ, находила снова Эльку въ уголкѣ на диванѣ, перебрасывала ее въ вонючую конуру проститутки и опять тащила въ залъ, гдѣ плясала какъ потерянная.

Ночь росла, а таперъ Вельштейнъ, торжественно одѣтый, вытянувъ свою блѣлую мягкую шею, вперивъ въ окно загадочный взоръ, тихо игралъ, громко игралъ, и все кружилось, кружилось... Улыбались женщины глубокой ночи, кланялись ей, какъ бы звали къ себѣ старую и вѣчную, а амурь на потолкахъ и жирныя голыя дамы въ рамахъ, красныя, сочныя, какъ пузыри съ кровью,

и электрическіе рожки, и даже хмурая хозяйка, тощая, длинная, какъ смерть, злая,—всѣ уже улыбались, всѣ радовались.

Но съ беременностью жизнь Эльки совершенно измѣнилась. Какъ будто чудо сдѣлала, на нее оглянулись люди. Беременная Элька! Беременная Элька! Хозяйка отвела ей лучшую комнату съ темнымъ рисункомъ на золотой бумагѣ и въ бѣлой блузѣ она, дѣвушка Элька, выдѣлялась здѣсь, какъ ангелъ, кого-то охраняющій. Беременна! Она ложилась и думала: «беременна!» Трогала животъ свой, мягкій и такой обыкновенный, трогала грудь, взвѣшивала ее на рукахъ и ожесточенно думала: беременна, «беременна!» И не плакала!

Дѣвушки ее полюбили... Онѣ ласкали ее и плакали надъ ней, а она все ожесточалась. Онѣ забѣгали къ ней непричесанныя, неумытыя, въ однихъ сорочкахъ, иногда въ одиночку иногда въ кампаніи, осматривали ее съ любопытствомъ и испуганно щупали ея мягкій животъ, разсматривали груди и говорили: «ну что, Элька, какъ Элька?» Какъ новорожденный котенокъ она нравилась имъ теперь и онѣ развлекали ее. Пѣли пѣсни онаглѣвшими голосами, пѣсни, которымъ, казалось, конца не было, все о любовникахъ-котахъ, объ обиженной дѣвушкѣ, пѣли пѣсни, страшныя и циничныя, какъ хлысты шелкавшіе, пѣли неизвѣстно для чего о «Поповнѣ» и всѣ съ включенными волосами и желтыми тѣлами своими походили на стаю обезумѣвшихъ собакъ, присѣвшихъ на корточки вѣтъ надъ могилой.

Иногда приходила хозяйка, тоже сидѣла у нея и спрашивала: «ну что Элька, какъ Элька?» Она сдѣлала ей пару новыхъ платьевъ, скромныхъ, приличныхъ и перестала пускать въ залъ съ дѣвушками. Выдавала ее за честную женщину изъ города, беременную замушницу, и когда приходили богатые гости, то за большіе деньги предлагала имъ Эльку. И это было нелѣпо и мучительно. Проклинающимъ голосомъ, запинаясь, Элька плела гостямъ, что мужъ ея служилъ въ конторѣ, что отъ бѣдности принуждена беременная отдаваться за деньги... и плакала горячими слезами, точно въ самомъ дѣлѣ въ городѣ у нея осталось что-то дорогое и близкое, которое она обижала каждую ночь...

Въ концѣ восьмого мѣсяца она уже не могла ходить съ гостями, и нелѣпый кошмаръ кончился. Хозяйка перевела ее въ маленькую, крошечную комнатку въ углу каменнаго мѣшка и здѣсь она должна была провести время до родовъ. Всѣ ее оставили. По цѣлымъ днямъ она лежала въ маленькой кроваткѣ, гдѣ ей было неудобно, лежала въ ожиданіи ночи, только ночи, когда приходилъ Вельштейнъ. Тогда она оживала, тогда ея сердце начинало биться. И оба они радовались: онъ о своемъ и она о своемъ.

3.

Таперъ Вельштейнъ, тридцативосьми-лѣтній блондинъ, съ мягкими волосами, игралъ въ «домахъ» пятнадцать лѣтъ. У него было интеллигентное лицо и близкорукіе глаза разсѣяннаго человѣка, задумчивые и пріятные, бѣлыя, очень бѣлыя руки и нѣжный голосъ съ гортаннымъ звукомъ. Одѣвался онъ изысканно; носилъ глаженую рубашку съ цвѣтнымъ воротничкомъ, черный сюртукъ и казался смѣшно-торжественнымъ. Онъ не пилъ, не курилъ, держался въ сторонѣ отъ гостей, а съ дѣвушками отношенія у него были странныя: говорилъ онъ съ ними о возвышенныхъ матеріяхъ, а онѣ считали его чудачкомъ. Когда случалось залъ пустовалъ, онѣ подходили къ нему и требовали властно:

— Вельштейнъ, сыграйте «Зець»!

И онъ игралъ «Зець», а онѣ разсыпались по залу, какъ бабочки, шли стройными рядами пара за парой, заманчивыя въ своихъ костюмахъ, и славно постукивали каблучками: зець, зець, зець! Онъ вытягивалъ свою бѣлую мягкую шею, заглядывался по привычкѣ на окно и играя громко говорилъ:

— Міръ ждетъ новаго пророка. Когда же онъ придетъ, дѣвушки? Когда же онъ придетъ?

— Вельштейнъ, Вельштейнъ! Играйте «Послѣ плакать».

И онъ игралъ «Послѣ плакать»—такую странную, печальную пѣснь, которая какъ бы заливала залъ чѣмъ-то чужими, дорогими слезами, а дѣвушки пристукивали каблучками и были уже эти стуки, какъ вздохи... кругомъ же сгущалась печаль. И онъ говорилъ, говорилъ, а онѣ шли парами, какъ въ балетѣ...

Съ дѣвушкой Элькой, потому ли, что у нея было лицо барышни, потому ли что она танцевала неумѣло и пѣла неумѣло, у него съ перваго дня установились инныя отношенія. Она не смѣялась надъ нимъ и серьезно слушала его, иногда даже искала, и онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же: серьезно разговаривалъ съ ней и искалъ ее, когда не игралъ. Всегда онъ думалъ о ней, и дома у себя, и здѣсь... Казалось ему, что зачѣмъ-то она послана сюда, и чѣмъ больше привыкалъ къ ея лицу, какъ бы узнавалъ ее и росла увѣренность, что это именно она, проститутка Элька, которую давно ждали на землѣ. И онъ намекнулъ ей объ этомъ, когда рассказалъ о свсѣй жизни. Она сидѣла подлѣ него. Онъ игралъ, въ залѣ танцовали и голосъ его ей казался ужаснымъ, такъ странно было то, о чемъ онъ говорилъ и что происходило кругомъ нея.

— Вотъ видишь,—произнесъ онъ, заглядѣвши на окно, у

меня жена и четверо дѣтей, а я, Элька, ихъ не люблю. Нѣтъ люблю,—но не люблю. Да Элька да! У меня три комнаты. Въ одной я живу, а въ другихъ жена и дѣти. Старшій уже кончаетъ реальное училище, младшій учится въ рисовальной школѣ и уже пишетъ этюдики, да Элька, этюдики, а къ чему это?.. Днемъ же сижу, запершись у себя въ комнатѣ, обѣдаю одинъ, читаю книги и думаю...

— О чемъ,—прошептала Элька?

— Вотъ старшій кончаетъ училище, а младшій пишетъ этюдики. Хорошо, но кому это нужно? Заведеніе останется заведеніемъ, я буду по ночамъ играть, днемъ и ночью люди все будутъ плакать, все будутъ плакать, все будутъ плакать... Къ чему же это?

Онъ замолчалъ, посмотрѣлъ на желтыя клавиши фортепіано, и какъ будто ему нужно было ихъ разсматривать, голова его долго оставалась опущенной. И Элька склонилась на бокъ строгая и печальная. Пальцы Вельштейна механически бѣгали по клавиатурѣ, шли солидно, и взлетали и съ силой падали назадъ и опять шли, а иногда какъ бы плыли. Подошелъ смуглый рабочій съ разстегнутымъ воротомъ и заказалъ вальсъ. Вельштейнъ кивнулъ головой и долго игралъ вальсъ.

— Теперь «Послѣ плакать»,—опять заказалъ смуглый рабочій и перехватилъ дѣвушку за талію.

— Вотъ видишь, Элька,—сказалъ Вельштейнъ, играя «Послѣ плакать» и заглядывая на окно...

— Я не понимаю,—растерянно выговорила Элька...

— Вотъ видишь,—повторилъ Вельштейнъ,—я играю, а они веселятся. Понимаешь? Я размышляю, а они не знаютъ объ этомъ... О чемъ? О томъ, Элька, что для веселья нужна водка, музыка и дѣвушки? Если бы люди придумали какъ иначе веселиться—я бы работалъ что-нибудь хорошее, настоящее, нужное, дѣвушки были бы матерями и сейчасъ можетъ быть кормили дѣтей своихъ. А кто знаетъ, какія бы это были дѣти?

Онъ вытянулъ шею и глаза его такъ нѣжно прищурились, словно прекрасное и изумительное увидѣлъ онъ.

— А какія бы это были дѣти, Элька? Кто знаетъ? Можетъ быть пророки? Можетъ быть среди нихъ нашелся бы одинъ пророкъ-строитель, пророкъ съ молніей, который сжегъ бы весь соръ жизни и всѣ слезы! И я говорю: жалкіе люди!

— Правда,—поддержала Элька, вспыхнувъ,—жалкіе люди!

Ей давно хотѣлось заплакать отъ его словъ и она не знала почему. Сливалось въ одно и обвѣвало ее печалью его серьезный голосъ и плясавшія дѣвушки подъ музыку, и маленькія розовыя

дѣти, съ свѣтлыми волосиками, которые могли бы быть, но не будутъ и не увидать никогда свѣтлаго солнца.

— Люди живутъ тысячелѣтія на землѣ,—говорилъ Вельштейнъ, а что они принесли кромѣ горя? Чему они выучились и что создали лучшаго чѣмъ было тысячелѣтія назадъ? Жалкіе люди!

— И я тоже объ этомъ подумала,—прошептала Элька.

— Правда? Что у насъ хорошаго? Фабрики, лавки и «дома», а кругомъ слезы, слезы, слезы! Что же они придумали за тысячелѣтія труда? Ничего и ничего! И мнѣ страшно, да Элька, мнѣ страшно оттого, что старшій сынъ кончаетъ реальное училище, а младшій уже пишетъ этюдики. Проклятые люди, проклятые рабы!

— Я хочу знать,—потребовала Элька.

— И я лежу весь день у себя въ комнатѣ или хожу и думаю. Вотъ если бы родился одинъ человѣкъ изъ всѣхъ этихъ миллионновъ проклятыхъ рабовъ, одинъ строитель!.. Я жду его,—серьезно сказалъ онъ,—замученные ждутъ его и онъ долженъ родиться. Это одна надежда. У насъ былъ Моисей и Иисусъ Христосъ былъ нашъ...

— Да, Иисусъ Христосъ былъ нашъ,—съ трепетомъ согласилась она.

— Но придетъ другой пророкъ, новый пророкъ. Онъ все сдѣластъ.

— А какъ онъ придетъ, Вельштейнъ?

Онъ сказалъ. Она не поняла и переспросила. Онъ отвѣтилъ:

— Да, Элька, да, да!

Она какъ бы обожглась, задушила крикъ и замерла. Да, Элька, да! Все время она какъ бы что-то угадывала, что-то предчувствовала и съ каждымъ его словомъ становилась недовольнѣе. Новый пророкъ, да, Элька, да! Новый пророкъ!.. Она чувствовала, что бродить вокругъ чего-то страшно важнаго, вокругъ чего-то ослѣпительнаго и добраго, какого еще не было, но уже не соглашалась внутренней душой. Все въ ней упрямялось, и не хотѣлось и уже протестовала противъ надеждъ людей съ жестокой досадой въ сердцѣ, протестовала всѣми годами своихъ скорбей, своихъ страданій, изуродованной жизнью, которой не желала простить, не могла забыть.

По залу въ забвеніи кружился смуглый рабочій и казалось, что онъ сейчасъ упадетъ и разобьется вдребезги. Подошелъ матросъ и заказалъ «Болгарскую». Пьяный и усталый взглядъ его остановился на Элькѣ, нерѣшительно вспыхнулъ, погасъ и перешелъ на другую. Тогда онъ подхватилъ ее и пошелъ съ ней, трагически прижавъ дѣвушку къ себѣ съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, словно собирался вонзить ей ножъ въ спину. Вельштейнъ

началъ играть и, не глядя на клавиши, тяжелымъ шопотомъ торжественно повторилъ:

— Да, Элька, да! Это въ тебѣ...

4.

Пятаго августа дѣвушка Элька уже была беременна. Всѣ дни она какъ бы поджидала этого и съ ужасомъ принимала гостей, недоувѣрчиво принимала гостей, гнушаясь ихъ, какъ нечистыхъ звѣрей, посланныхъ добить ее послѣднимъ камнемъ. Судорожно билась на кровати, когда они уходили и вопила въ подушку съ такимъ отчаяніемъ, точно весь міръ уже умеръ вокругъ нея и она единственная осталась на землѣ, среди вѣчнаго молчанія и развалинъ пораженная безсмертіемъ. И все же это случилось: пятого августа она уже была беременна...

Вельштейнъ подстерегалъ ее и въ залѣ и во дворѣ, когда она возвращалась послѣ ухода гостя, вездѣ онъ ее находилъ, задерживалъ равнодушнымъ жестомъ, не спрашивалъ, не старался читать на ея лицѣ и говорилъ, словно приказывалъ... Какъ будто она уже была нездѣшней и не могла его выдать, онъ раскрывалъ ей свои тайны, а она слушала его, иногда пламенѣя, иногда презирая его за страсть къ людямъ, за бѣшеную любовь къ тѣмъ, которые были, и къ тѣмъ которые будутъ.

— Люди, Вельштейнъ, люди! Я люблю камни Вельштейнъ, каждому камню я отдаю свое сердце. Люблю землю, Вельштейнъ: она молчитъ, и люблю смерть. Смерть наша мать!..

Но... радовалась его словамъ,—о своемъ мечтая, радовалась! Безотчетно устанавливалась въ душѣ твердыня, и знала она, что уже не погибнетъ постыдной смертью отъ послѣдняго отчаянія. Не погибнетъ!

Ему первому она и призналась въ беременности. Разказала объ этомъ, какъ мужу, съ трепетомъ и нѣжно и нѣсколько дней оба гадали: отъ кого? Онъ потребовалъ и хозяйка отвела Элькѣ чистую комнатку. И въ этой чистой комнатѣ она беременная, уже сидѣла точно истинная мать, о своемъ мечтая, и лепеча заученныя слова.

Все чаще прибѣгалъ къ ней Вельштейнъ. Тамъ, въ залѣ онъ сидѣлъ за фортепіано, торжественный и скромный. Но надъ плясавшими людьми, надъ грѣшными людьми, надъ городомъ, сидѣвшимъ въ холодномъ равнодушіи у балки, онъ видѣлъ образъ, какъ солнце лучезарный, и былъ этотъ образъ столь прекрасный, что въ нетерпѣніи бѣгали пальцы его по клавишамъ и какъ бы умоляли на разные лады: когда же, когда? А у Эльки онъ сидѣлъ

молчаливый, уничтоженный и несмѣло смотрѣлъ на дѣвушку, носившую въ себѣ счастье всего міра. Не говорилъ, умиленный, и мечталъ о ней: прекрасная! Иногда прорывался въ радости и говорилъ много о людяхъ, только о людяхъ, говорилъ о будущихъ и на яву ему снилась новая жизнь... Такъ серьезно говорилъ онъ о новомъ пророкѣ, чье дыханіе, чьи шаги уже слышали люди, такъ говорилъ о его дѣлахъ!

— Новый пророкъ! Да, Элька, да! Но Моисей былъ подкидышемъ! Непонятно было рожденіе пророковъ! Чье сѣмя носить въ себѣ пророка? Мое или его, или ихъ? Кто знаетъ? Но послѣдней женщиной должна быть его мать. Да, Элька, да! И всѣ матери, да, Элька, да, всѣ матери на землѣ давно зовутъ его. Пусть придетъ, пусть придетъ...

Онъ рисовался ему и въ мечтахъ, въ сновидѣніяхъ и на яву видѣлъ его, прекраснаго, съ головой какъ солнце; съ царственнымъ челомъ онъ видѣлъ его. Онъ приходилъ къ нему въ каждыя часы дня и оповѣщалъ: «Я въ ней и иду уже. Скажи людямъ и тѣмъ, что изнываютъ отъ горя, и тѣмъ что не изнываютъ отъ горя, я иду уже!..

Такъ страшно ему было оставаться съ собой съ глазу на глазъ, такъ безумно ненужными уже казались ему люди и дѣла ихъ, что со страданіемъ молилъ: «Когда же прекрасный, когда?» Съ нетерпѣніемъ ходилъ по улицамъ города и, какъ разрушитель, осматривалъ крѣпкіе дома съ запорами, которые завтра обратятся въ пыль, съ печалью ступалъ по землѣ залитой кровью и мечталъ: «Прекрасный, когда же?»

— Слышишь, Элька! Придетъ онъ къ намъ гнѣвный, съ головой какъ солнце, съ молніей придетъ онъ и сожжетъ все проклятое, все старое... Сказалъ я: послѣдней женщиной должна быть мать пророка... А кто ниже тебя среди людей? Призовемъ предпослѣднихъ и спросимъ. Всѣ скажутъ: ты! И кто истинно скорбь человѣческую почувствовалъ и горьчайшую чашу испилъ? Камни скажутъ: ты! И кто презрѣннѣе тебя среди людей? Призовемъ послѣднихъ и спросимъ. Всѣ скажутъ: ты!

Они придвигались другъ къ другу такъ близко, что лбы ихъ касались и въ зрачкахъ видѣли свои маленькія лица, странныя лица безумныхъ людей.

— Да, Элька, да! Да, Элька, да!

5.

Наступилъ канунъ родовъ. Опять сидѣла Элька тяжелая, безсильная у дверей своей комнаты и коротала ночь, послѣднюю

ночь. Сидѣла мрачная, подперевъ распухшія щеки руками, о своемъ мечтая, и была она вся какъ серебряная отъ луннаго свѣта. Прямо противъ нея въ комнатѣ гуляли моряки, пили пиво, а среди нихъ въ одной рубашкѣ и въ голубыхъ чулкахъ вертѣлась дѣвушка Ольга и пѣла. Она пѣла о «Поповнѣ». Въ рукахъ держала стаканъ пива, и густымъ звучнымъ голосомъ, какъ бы проклинала кого-то. Она пересаживалась просто, развязно съ однихъ колѣнъ на другія, много разъ начинала: «настрою я лиру»... И когда кончала, шесть черныхъ, мозолистыхъ рукъ обвивали ея тѣло страстно. И она все держала стаканъ съ пивомъ высоко надъ головой и пѣла...

Элька подняла голову и стала слушать. Въ залѣ, какъ по лѣстницѣ поднимаясь забѣгали звуки. Вельштейнъ игралъ. Дѣвушка Лина, литовская еврейка, худая и остроносая въ венгерскѣ и шароварахъ, въ крошечныхъ сапогахъ съ лакированными голенищами, обнявъ подругу шла въ пляскѣ.

«Онъ до Пасхи былъ подлецъ
Зець, зець, зець,
А на Пасху окна билъ онъ,
Зець, зець, зець».

Въ боковомъ флигелѣ на лѣстницѣ слышались шаги. Элька обернулась. Показалась и попала въ полосу свѣта полная женщина въ бѣломъ и пропустила уходившаго гостя впередъ...

— Вотъ и ты,—съ тоской проговорила Элька и мрачно попросила:—посиди со мной.

— Не могу,—испуганно отвѣтила женщина,—и такъ грекъ засидѣлся.

Это была тихая и невеселая. Когда она пѣла съ дѣвучками, лицо ея и глаза ея, казалось, плакали, плечи судорожно передергивались, и оттого ее никто не любилъ. Только одни пожилые греки льнули къ ней и ради нихъ хозяйка держала ее въ «домѣ». Она же ненавидѣла ихъ яростной ненавистью, всѣ силы ея уходили на ненависть, но терпѣла... покоренная терпѣла. Они приходили толстые, оливковые, съ огромными усами, молчаливые люди, невыносимо страстные, и словно о тайнѣ спрашивали шопотомъ: «Гдѣ Цонька»? Несло отъ нихъ селедкой, пенькой, смоленнымъ канатомъ, привили этотъ запахъ Сонѣ и дѣвучки въ насмѣшку прозвали ее «соленой». Они развращали ее утонченной страстью, не разговаривали, а она боялась ихъ, боялась сверкавшихъ зрачковъ, огромныхъ усовъ, таинственнаго молчанія и отъ страха, какъ потерянная дѣлала все, что они хотѣли.

Сейчасъ она возвращалась въ залъ, обезсиленная. Посѣтилъ ее грекъ, корявый, съ серьгой въ ухѣ, полюбившій ее. И онъ ее замучилъ. Онъ держалъ ее два часа, прижавъ къ своей груди,

дышалъ на нее воздухомъ чеснока и вина, рассказывалъ тихимъ шопотомъ, отъ котораго ее тошнило, объ Аѳинахъ и все чего-то требовалъ, сердито ругаясь по-гречески...

— Бѣдная жизнь,—проговорила она, удаляясь отъ Эльки,—бѣдная жизнь!

— «Послѣ плакать»,—хотѣлось Элькѣ бросить ей въ догонку, но удержалась и посмотрѣла на небо.

Вельштейнъ игралъ, а дѣвушка Лина все еще танцевала. Наверху дрожалъ густой голосъ Ольги, а звѣзды на небѣ были столь чистыя, что душа не принимала ихъ.

«Раньше «Зець», а потомъ «Послѣ плакать», сурово подумала Элька.

Складка легла у нея между бровями. Дохнуло тепломъ, сухимъ, перегорѣвшимъ. Повернувшись въ гнѣздѣ подъ крышей, чирикнулъ воробей. Къ подъѣзду съ грохотомъ подкатили дрожки.

«Гости прѣехали», подумала Элька.

Въ корридорѣ суетливо забѣгалъ служитель съ озабоченнымъ лицомъ. На лѣстницѣ слышались шаги. Въ освѣщенномъ окнѣ показалась Ольга и стала такъ, какъ будто выглядывала и прислушивалась. Музыка прекратилась. Пять дѣвушекъ молча пошли по корридору.

— Ты здѣсь?—услышала подлѣ себя Элька голосъ Вельштейна: «Бѣдная жизнь!» хотѣлось ей шепнуть...

Онъ стоялъ передъ ней чуть уставшій отъ долгаго сидѣнія, отъ игры и былъ, какъ всегда, тотъ же, торжественно одѣтый, въ накрахмаленной сорочкѣ и цвѣтномъ воротникѣ; сюртукъ дѣлалъ его смѣшнымъ. Но что-то спрашивающее было въ его склоненной на бокъ фигурѣ.

— Ну, что же,—произнесъ онъ, выговаривая пріятно,—пойдемъ въ комнату. Вотъ весна, вотъ луна,—прибавилъ онъ, мечтательно поглядѣвъ на небо.—Да, Элька, да!..

— Вотъ весна, вотъ луна,—тихо повторила она за нимъ загадочно и съ трудомъ поднялась.

Они зашли, она первая, онъ сзади нея, тайнственно улыбаясь. И тутъ они усѣлись рядомъ, какъ родные близкіе, какъ родные далекіе. Онъ отвернулъ полы сюртука, спряталъ руки въ карманахъ и остался такъ, а она опустила голову, опершись ладонями рукъ о желѣзные перила кровати.

— Завтра потемнѣетъ солнце,—проронилъ онъ и замолчалъ.

Они сидѣли долго въ молчаніи и казалось имъ вокругъ долго рѣяли и звучали эти слова: «Завтра потемнѣетъ солнце!»

— Слышишь, Элька,—произнесъ онъ и хотѣлъ прибавить: «прекрасная!»—Вслушайся! Завтра... да, Элька, да?

Она кивнула головой, но побѣжденная, повторила:

— Да, завтра... да, завтра!

— Вслушайся, Элька!.. Когда онъ окрѣпнеть, съ великою скорбью пойдетъ по міру, одинъ, въ святой бронѣ своей ненависти...

Онъ сомкнулъ вѣки и сталъ подобенъ спящему, который поетъ о своихъ надеждахъ.

— Онъ придетъ сюда и спроситъ: «Почему эта улица лежитъ въ долину, и нѣтъ здѣсь ни солнца, ни тепла, ни радости?» Онъ удивится, Элька! И скажетъ, качая головой: «Эту улицу нужно убрать... не должно быть такой улицы у людей!..» Отсюда пойдетъ онъ въ «дома». Да, Элька, да! Увидитъ дѣвушекъ! Удивится и спроситъ: «А кто эти дѣвушки, на дѣвушекъ не похожія, съ заспанными лицами?» И ему скажутъ. «Такъ это онѣ поютъ по ночамъ и слезы ихъ гнѣсъ доходятъ вверхъ»? Сожмется его сердце отъ гнѣва, сомкнутся уста отъ гнѣва и помолчатъ въ раздумьи... И скажетъ просто: «Пусть не будетъ такихъ дѣвушекъ среди людей!.. А эти пусть уйдутъ домой. Человѣкомъ должна быть женщина».

— А я не хочу,—вдругъ упрямо и жестоко прервала его Элька.

— И къ намъ онъ подойдетъ, да, Элька, да! Вглянетъ и спроситъ: «Почему эти мужи не у своихъ очаговъ? Непорядокъ это! Почему вѣки глазъ ихъ красные и печальны они? Почему ихъ лица блѣдныя? Молчаливы они!» Скажутъ ему... И сердце его сожмется отъ усталости и уста сомкнутся... Подумаетъ и промолвитъ: «Строителями бы они были, а вотъ чѣмъ занимаются!» Прикажетъ онъ: «И этихъ пусть не будетъ»!

Она еще разъ повторила страшное:

— А я не хочу!

— Да, Элька, да! И такъ снизу вверхъ, изъ долины на гору, съ горы на равнину пойдетъ онъ по міру, обойдетъ онъ города, всѣ улицы и вездѣ остановится... Да, Элька, да! Въ состраданіи своемъ и въ святой бронѣ своей ненависти и въ скорби великой всѣхъ спроситъ: и скупого и насильника, кто хуже скупого, и разбойника и раба, кто хуже разбойника, и нищаго и покорнаго, кто хуже нищаго, и того, кто въ страданіи добываетъ хлѣбъ свой, и того, кто безъ страданія добываетъ его, и того, кто отнимаетъ его у вдовы и сироты. Да, Элька, да! Передъ всѣми остановится, всѣхъ съ удивленіемъ разспроситъ и осудитъ, осудитъ... Скажетъ: «Строителями бы они были, а они вотъ какіе!» Прикажетъ онъ: «И этихъ пусть не будетъ»! И тогда, Элька, тогда изречетъ, созидая: «Новые, живите иначе! Вотъ такъ живите!» И заживутъ, да, Элька, да...

Такъ закончилъ Вельштейнъ, страстно тоскуя о прекрасной

жизни, такъ говорилъ онъ передъ Элькой и она нехотя слушала его. Спросила она, и, какъ звѣри, рычали въ ней всѣ обиды, всѣ скорби.

— Почему же онъ раньше не пришелъ, много раньше? Какъ вернуть онъ мнѣ стыдливость мою и невинность мою? Какъ сдѣлать, чтобы слезы мои и боли мои какъ бы не были? И всѣ со мной на землѣ спросятъ: Какъ? Не скажемъ ли мы ему: Съ нами, съ нами, что будетъ? И что отвѣтитъ онъ?

— Мы всѣ служимъ завтрешнему, — съ радостью отвѣтилъ онъ.

«А если я не хочу? Я, Вельштейнъ! И кто хочет? Не желаемъ мы служить завтрешнему! Если мы страдали,—пусть и всѣ страдаютъ, сколько народятся. Съ радостью будемъ страдать! Закроемъ глаза, стиснемъ зубы и будемъ страдать. Придетъ онъ въ святой бронѣ своей ненависти, — залюемъ его! Почему онъ не пришелъ раньше, много раньше? Теперь же не нуженъ онъ намъ! Ибо что скажутъ люди, въ землѣ погребенные? Вотъ вы веселитесь, скажутъ, вы радуетесь, а мы, а мы? Что отвѣтимъ? Въ горѣ заложимъ руки?.. Будемъ страдать, страдать...

Сидѣлъ Вельштейнъ сморщивъ лицо отъ боли и думалъ... И Элька молчала... Но преступныя звѣзды, но преступное небо такъ высоко, высоко висѣли надъ ними.

6.

Въ эту ночь Элька умерла. Она убила себя и никто не узналъ почему. Никто не узналъ!

Когда снова стемнѣло, явился Вельштейнъ, спокойный и блѣдный, въ скюртукѣ и цвѣтномъ воротникѣ, смѣшно-торжественный. Хозяйка, какъ смерть злая, и дѣвушки окружили его. Сказали онѣ безъ печали:

«Элька умерла»:

И онъ ничего не отвѣтилъ имъ. Молча повернулъ изъ долины вверхъ, гдѣ уже стояли работницы, черныя отъ труда и усталыя отъ труда, и, глядя на нихъ, съ жгучей болью въ сердцѣ своемъ думалъ:

«Да, Элька, да»...

И онѣ посмѣялись надъ нимъ. Молча прошелъ онъ среди нихъ, повернулъ къ городу, суетливому и шумному, и страшному ночью, и побѣжденный думалъ:

«Да, Элька, да, не придетъ пророкъ!»

И ночные звѣри-люди смѣялись надъ нимъ. Изъ улицы въ улицу, отъ площади къ площади, среди громадъ домовъ, такой маленькій, среди тысячъ людей, такой ничтожный, шелъ онъ и

бурной болью пронизывала его мысль, что не придет новый пророкъ. И плакалъ... И плакалъ. Песчинка передъ городомъ, песчинка передъ людьми, отъ гнѣва плакалъ онъ объ ихъ несчастіи, а ночные звѣри-люди смѣялись надъ нимъ. Смѣялись отъ веселья и торжества и никто не хотѣлъ выслушать, что едва рожденный, уже умеръ новый пророкъ.

«Умеръ новый пророкъ!»

И снова громко и снова нагло смѣялись надъ нимъ. Зачѣмъ имъ новый пророкъ, какъ бы спрашивали они смѣхомъ своимъ? И камни отъ мостовой удивленно грохотали: «Зачѣмъ намъ новый пророкъ?»

Все шелъ Вельштейнъ и веселья тѣни потѣшавшихся людей росли вокругъ него какъ лѣсъ. Плясали они и, смѣясь, кивали головами, а онъ все звалъ ихъ и громко кричалъ:

«Знаете, умеръ новый пророкъ. Вслушайтесь, вѣдь умеръ новый пророкъ!»

Но они отбѣгали отъ него въ веселомъ удивленіи, поджидали на перекресткахъ, и, окруживъ, опять смѣялись, смѣялись, смѣялись... Шелъ онъ дальше упрямо впередъ и съ жгучей болью въ сердцѣ своемъ думалъ:

«Смѣхъ заражаетъ... Вотъ и я засмѣюсь, да, Элька, да. Я улыбнулся, Элька! Вотъ насильникъ бьетъ слабого... Я улыбнулся, Элька! И будетъ такъ. И рабовъ ведетъ господинъ. Да, Элька, да. И будетъ такъ. Но покорные, Элька, хотятъ быть покорными. Они хотятъ ими быть... Я смѣюсь, ибо умеръ новый пророкъ и будетъ такъ, и будетъ такъ...

И шелъ, изнемогая отъ усталости, изнемогая отъ смѣха...

Семенъ Юшкевичъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Петръ и Алексѣй“, ром. г. Мережковского.—Конѣцъ трилогіи „Христось и Антихристъ“.—Неясность основной мысли трилогіи.—Интересъ послѣдняго романа для современнаго читателя.—Ворьба Петра съ духовенствомъ.—Духовный Регламентъ.—Современныя настроенія въ духовной средѣ.—„Страна отцовъ“ г. Гусева-Оренбургскаго.—Общая смута въ „странѣ отцовъ“.—Различное отношеніе къ ней среди духовныхъ.—Возможная будущая роль духовенства.

Закончивъ свою громоздкую трилогію «Христось и Антихристъ», врядъ ли г. Мережковский могъ сказать съ чувствомъ полного удовлетворенія: «нынѣ отпушаеши». Не думаемъ, чтобы авторъ остался доволенъ своимъ трудомъ, и потому такъ, что, начавъ эту большую работу при одномъ настроеніи, онъ завершилъ ее при другомъ. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ рѣзче чувствуется эта разница. Если въ «Отверженномъ» преобладаетъ туманная и тѣмъ не менѣе горячая мѣстами мистическая струя, то уже въ «Воскресшихъ богахъ» ее мало-по-малу вытѣсняетъ холодное изслѣдованіе ученаго, а въ «Петрѣ и Алексѣѣ» мистика окончательно перешла въ холодный рассказъ, отъ котораго вѣетъ «пылью вѣковъ». Именно тѣ мѣста этого романа, гдѣ авторъ желаетъ разогрѣть себя религіозными порываніями своего героя въ міръ надзѣшній, меньше всего увлекають читателя. Таковы всѣ сцены, гдѣ дѣйствуютъ сектанты, а «взыскующій града» Тихонъ самая неудавшаяся фигура романа. Для созданія Тихона авторъ не имѣлъ руководства въ видѣ многочисленныхъ хроникъ, его приходилось творить, а для творчества необходимо самому горѣть огнемъ и мучиться муками своего героя. Намъ уже неоднократно приходилось, говоря о художественной работѣ г. Мережковского, отмѣтить холодность его темперамента, преобладаніе въ немъ разсудочности надъ сердцемъ, изслѣдованія надъ творчествомъ. Мистическаго нѣтъ ни капли въ натурѣ автора, онъ типичный резонеръ и его работа напоминаетъ скорѣе рѣшеніе шахматной задачи, а не проповѣдь или восторженное влеченіе въ міръ неяснаго и неопредѣленнаго, куда г. Мережковский хочетъ насильственно проникнуть. Въ сущности, о чемъ бы ни повѣствовалъ г. Мережковский, онъ остается холоденъ, и чувствуется, что ему рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до своихъ героевъ. Но они ему нужны, какъ элементы для поставленной имъ себѣ задачи—доказать, что аскетическое начало христіанства и древнее оргіастическое, которое отлилось въ культъ Діониса, сливаются въ нѣкоторой «по-ту-

сторонней» точки. Поставивъ себѣ такую задачу—объединить Христа и Антихриста, г. Мережковский беретъ три эпохи, особенно яркія по столкновенію этихъ началъ, и путемъ тщательнаго изслѣдованія источниковъ силится воссоздать это сліяніе Христа и Діониса, и какъ только доходитъ до этого пункта, терпитъ настоящій крахъ. Такъ было съ «Отверженными», такъ случилось съ «Леонардо да Винчи», такъ вышло и съ Тихономъ, который и есть главный герой послѣдняго романа «Петръ и Алексѣй».

Не увлекаясь самъ, авторъ не можетъ увлечь за собой и читателя въ манящія его «бездны внизу и вверху», и всѣ эти «оргіастическія», «по-стороннія» порыванія отдають самой обычной скукой, которую читатель пробѣгаетъ какъ бесплодныя пустыни, торопясь къ тѣмъ главамъ, гдѣ рассказъ оживляется всегда интересными выписками изъ хроникъ. Въ послѣднемъ романѣ это особенно замѣтно. Авторъ почти не далъ себѣ труда переработать сырой историческій матеріалъ и, право, за это можно быть ему только благодарнымъ. Личности Петра, Алексѣя и другихъ главныхъ дѣятелей этой знаменитой эпохи такъ значительны, что даже простой рассказъ по хроникамъ глубоко интересенъ. Положимъ, характеры Петра и Алексѣя очерчены шаблонно, какъ мы привыкли видѣть ихъ со временъ Костомарова, которому г. Мережковский слѣдуетъ довольно-таки рабски, не принося почти ничего отъ себя. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ характеристикахъ—императрицы Екатерины, Меньшикова, Толстого, «дѣвки» Афросиньи, Докукина, Елкина и прочихъ героев трагедіи, разыгравшейся при русскомъ дворѣ.

Среди этихъ давно знакомыхъ каждому фигуръ одна въ особенности привлекаетъ къ себѣ вниманіе читателя, сближая его съ современными настроеніями. Это Теофанъ Прокоповичъ, правая рука Петра въ его борьбѣ съ духовенствомъ. Надъ этой фигурой авторъ, видимо, поработалъ, и дѣйствительно личность ловкаго монаха, сумѣвшаго закабалить русское духовенство на два вѣка, вышла, какъ живая. Съ перваго момента появленія его на страницахъ романа онъ почти заслоняетъ все остальное и невольно сосредоточивается на себѣ весь интересъ послѣднихъ частей романа.

«Родомъ черкасѣ-малороссѣ, лѣтъ тридцати восьми, полнокровный, съ лоснящимся лицомъ, лоснящейся черной бородой и большими лоснящимися черными усами, онъ походилъ на огромнаго чернаго паука. Усмѣхаясь шевелилъ усами, какъ жукъ. По одной этой усмѣшкѣ видно было, что онъ любить скоромныя латинскія шуточки-фацетіи Поджіо не менѣе, чѣмъ жирныя галушки, и острую діалектику не менѣе, чѣмъ добрую горилку. Несмотря на святительскую важность, въ каждой черточкѣ лица его такъ и дрожало, такъ и бѣгало, какъ живчикъ, что-то слишкомъ веселое, точно пьяное: онъ былъ пьянъ собственнымъ умомъ своимъ, этотъ румянорожій Силанъ въ архіерейской рясѣ. «О, главо, главо, разума упившись, куда ся преклонишь?» говаривалъ онъ въ минуту откровенности.

«И царевичъ дивился удивленіемъ великимъ, какъ сказано въ Апокалипсисѣ, думая о томъ, что этотъ бродяга, бѣглый уніатъ, римскаго костела присягатель, ученикъ сперва іезуитовъ, а потомъ протестантовъ и безбожныхъ

философовъ, можетъ быть и самъ безбожникъ, сочиняетъ Духовный Регламентъ, отъ котораго зависятъ судьбы русской церкви».

Петръ умѣлъ выбирать людей. Онъ не цѣнилъ убѣжденности, честности, гордости, вѣрности. Онъ даже не долюбивалъ эти качества и боялся ихъ, зато дорожилъ умомъ и той продажною душою, которая позволяетъ человѣку сегодня поклоняться тому, что сжигалъ вчера, и сжигать то, чему поклонялся. Таковы его главные сотрудники, которымъ за это ихъ качество онъ прощалъ и воровство, и ложь, и самыя дикія преступленія. Но среди всѣхъ его излюбленныхъ сотрудниковъ не было другого, который превзошелъ бы Теофана въ изворотливости, беззаастѣнчивости, въ готовности перевернуть вверхъ ногами самыя установившіеся догматы, передѣлать самое Евангеліе, подогнать его подъ любое, въ данный моментъ нужное Петру правило. Вѣрилъ ли Петръ, это большой вопросъ. По крайней мѣрѣ, онъ былъ глубоко равнодушенъ къ вопросамъ вѣры, пока они не задѣвали его лично. Но что Теофанъ не вѣрилъ ни во что, это несомнѣнно. Для него вопросы вѣры были просто игра ума, такая же, какъ и всякая другая, предметы для діалектики, пожалуй, особенно пикантной—и только. Только такой «святитель» и могъ создать знаменитый Духовный Регламентъ, въ которомъ, между прочимъ, утверждалось такое, единственное въ своемъ родѣ, правило:

«Ежели кто на исповѣди духовному отцу своему нѣкое злое и нераскайное умышленіе на честь и здравіе государево, наипаче же на бунтъ или измѣну объявить, то долженъ духовникъ донести вскорѣ о томъ гдѣ надлежитъ, въ Преображенскій приказъ или Тайную канцелярію. Ибо симъ объявленіемъ не порокуется исповѣдь и духовникъ не преступаетъ правилъ евангельскихъ, но еще исполняетъ ученіе Христа: обличь брата, аще же не послушаетъ, повѣждай церкви. Когда уже такъ о братнемъ согрѣшеніи Господь повелѣваетъ, то колыми паче о злодѣйственномъ на государя умышленіи» (стр. 159, янв. «Вопросы Жизни»).

Это правило было примѣнено въ дѣлѣ царевича Алексѣя. «Алексѣй понималъ, что о. Варлаамъ нарушилъ тайну исповѣди,—и вспомнилъ слова св. Дмитрія Ростовскаго: «Если бы какой государь или судъ гражданскій повелѣлъ и силой понуждалъ іерея открыть грѣхъ духовнаго сына и если бы мукой и смертію грозилъ,—іерей долженъ умереть паче и мученическимъ вѣнцомъ вѣнчаться, нежели печать исповѣди отрѣшить».

Съ тѣхъ поръ это знаменитое правило Регламента такъ и осталось, въ противность ученію церкви о святости таинства исповѣди. Но Теофанъ пошелъ въ своемъ усердіи еще дальше, доказывая, что «всѣ люди Россійскаго царства, не только мірскіе, но и духовные, да имѣютъ нима самодержца своего, благочестивѣйшаго государя Петра Алексѣевича, яко главы своей и отца отечества, и Христа Господня». Дальше идти было нельзя даже и такой «главѣ разумной», какъ Теофанъ. Онъ надолго начерталъ путь, по которому духовенство шло до сего дня и продолжаетъ идти. «И какъ одно дѣло — воинству, другое гражданству, и врачамъ, и купцамъ, и мастерамъ различнымъ, такъ и пастырю, и всѣ духовные имѣютъ собственное дѣло

свое — быть служителями божіими, однако же покорены суть властямъ державнымъ».

Въ романѣ г. Мережковского прекрасно обрисована некрасивая роль, какую при Петрѣ играло высшее духовенство въ его борьбѣ съ расколомъ. Освящая своимъ авторитетомъ всѣ ужасныя мѣры того времени, Теофанъ создалъ и тотъ лицемерный языкъ, какой установился тогда официально. «Съ противниками церкви поступать надлежитъ съ кротостью и разумомъ, а не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ», что въ переводѣ на языкъ дѣйствительности означало — предаіе упорствующихъ въ руки властей держащихъ, «по многому убѣжденію съ кротостью и смиреніемъ». Для примѣненія этого правила жизнь предоставляла широкое поле, и лучшія страницы романа полны описаніями самосожженій и странныхъ то изувѣрныхъ, то мистическихъ сектъ, куда устремлялись тогда всѣ не мирившіеся съ хитроумными циркулярами Теофана и только-что народившагося синода.

Два почти вѣка отдѣляютъ насъ отъ той знаменательной эпохи, но какъ все это свѣжо и отдастъ современностью! Только на дняхъ указъ 17 апрѣля поставилъ предѣлъ, отъ котораго начинается новая эра для русской церкви и русскаго народа въ его исканіи «истиннаго благочестія». Читателямъ извѣстна, конечно, любопытная книга г. Пругавина «Монастырскія тюрьмы». Она можетъ служить превосходнымъ комментариемъ къ Духовному Регламенту и той удивительной прочности, съ которой Петръ и его слуга Теофанъ сковали русское духовенство, превративъ его «въ особый чинъ», по остроумно-насмѣшливому опредѣленію лукаваго Теофана, какъ «и всякое другое мастерство». За эти два вѣка мы почти не видимъ борьбы. Духовенство не только примирилось со своимъ «чиновнымъ» положеніемъ, но очень удобно устроилось въ немъ. Взять хотя-бы упомянутыя монастырскія тюрьмы, только на самыхъ послѣднихъ дняхъ раскрывшія по указу 17 апрѣля. Въ какой странѣ, на протяженіи всего міра, можно было бы указать подходящій примѣръ — духовенство въ роли тюремщиковъ въ двадцатомъ вѣкѣ? Нигдѣ въ мірѣ наше время не знаетъ ничего подобнаго. Такой фактъ, возмущающій даже невѣрующихъ и тѣмъ болѣе оскорбительный для искреннихъ и религіозныхъ людей, сталъ вездѣ давно уже предаіемъ старины глубокой, однимъ изъ проклятій, тяготящихъ на средневѣковы. Но въ Россіи онъ былъ самой реальной дѣйствительностью до 17 апрѣля 1905 г. Еще не дальше года тому назадъ, когда отрывки изъ книги г. Пругавина печатались въ журналѣ «Право», мы лишены были возможности познакомить съ ними читателей, а статья о послѣднемъ гетманѣ запорожскомъ Кальнишевскомъ, протомившемся въ застѣвкѣ Соловецкой тюрьмы свыше тридцати лѣтъ, такъ и не могла появиться на страницахъ нашего журнала. И теперь, когда «кротко-смирненное» обращеніе съ противниками предписано духовенству указомъ 17 апрѣля, невольно возникаетъ сомнѣніе, можетъ-ли оно разомъ отвыкнуть отъ двухсотлѣтней практики? Слишкомъ русское духовенство привыкло къ «чиновной» роли, отвыкло отъ «пастырской» и мало подготовлено къ новому положенію, при которомъ ему придется полагаться только на себя. Правда, «новыя вѣянія» коснулись и

его, что и выразилось въ странномъ увлеченіи идеей патріаршества. Но увы! «нѣтъ дорогъ къ невозвратному!» Патріаршество не мыслимо безъ большой экономической силы, какую представляли громадныя церковныя и монастырскія имущества семнадцатаго вѣка. Только опираясь на эти имуществы, представляло патріаршество извѣстную политическую величину и могло тягаться съ государствомъ, отстаивая свои прерогативы. Такой экономической силы духовенство теперь не имѣетъ и никогда больше имѣть не будетъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ государство отняло у него его огромныя земли и капиталы и превратило его въ «служилое» сословіе, каковымъ и является теперь духовенство. Свободное духовенство возможно только тамъ, гдѣ оно материально независимо. И потому то мечты о патріархѣ никогда не выйдутъ у насъ изъ области мечтаній, къ счастью для мірянъ, для которыхъ много удобнѣе имѣть дѣло съ «служилымъ» духовенствомъ, чѣмъ съ независимымъ, какъ показываетъ примѣръ хотя бы Германіи. Даже «железный канцлеръ» въ самый расцвѣтъ своего могущества вынужденъ былъ положить оружіе передъ рясою и смиренно идти въ Каноссу, а партія центра до сихъ поръ самая могущественная и всѣмъ приходится считаться съ нею.

Петръ зналъ, что дѣлалъ, когда унижалъ духовенство, сначала вышучивая его въ своемъ «всепьяннѣйшемъ соборѣ», а потомъ создавъ при содѣйствіи лукаваго «черкаса» свой Железный Регламентъ, пошравшій всѣ каноны и постановленія отцовъ церкви въ угоду «власти предержащей». Онъ преслѣдовалъ, конечно, свои интересы, ни мало не заботясь о мірянахъ, но польза для послѣднихъ явилась сама собою, и Россія нынѣ свободна отъ борьбы съ воинствующей церковью, съ которой борется и Германія и Франція. Благодаря Петру, церковь въ Россіи такъ ослабла, что клерикализмъ и связанная съ нимъ опасность у насъ не мыслимы. Каковъ-бы ни былъ будущій строй Россіи, духовенство будетъ покорно примѣняться къ нему, приспособляясь по тому или иному регламенту. Въ теченіе двухсотлѣтія бюрократическаго режима оно смиренно несло обязанности чиновника у алтаря, выполняющаго требы, стерегущаго по тюрьмамъ еретиковъ, поддерживающаго все, что прикажутъ.

Романъ г. Мережковскаго имѣетъ, поэтому, для насъ немалое общественное значеніе именно этой своей стороною, выясняющей паденіе духовенства подъ могучими ударами Петра. Несмотря на отдаленность эпохи, это сближаетъ его произведеніе съ современностью. Насколько читатель остается глухъ къ мистическимъ порывамъ автора, настолько же живо воспринимаетъ онъ превосходно написанную картину упадка духовенства при Петрѣ и самъ уже дорисовываетъ аналогію съ тѣмъ, что видитъ теперь. Историческая картина въ романѣ поясняетъ ему настоящее. Безъ Теофана было бы непонятно многое въ наши дни, хотя бы, напр., подтвержденіе лущенной въ оборотѣ латинско-русскимъ агентствомъ Черепъ-Свиридовича сплетни о японскомъ подкупѣ рабочихъ... Надо было пройти хорошую школу есофановскаго лицемѣрія, чтобы такъ спокойно относиться къ той роли, которую исполняетъ въ такихъ случаяхъ «духовный чинъ въ народѣ», какъ опредѣлялъ Теофанъ значеніе духовенства (стр. 169, «Вопросы Жизни», 1).

Новыя вѣянiя, однако, такъ или иначе все же коснулись и «духовнаго чина», несмотря на всѣ загородки, которыми этотъ чинъ старался отгородить себя отъ жизни. Какъ ни велика кастовая замкнутость духовенства, но жизнь, конечно, оказалась и здѣсь сильнѣе и мало-по-малу расшатывала устой еофановскаго регламента, не давая «отцамъ» успокоиться въ блаженномъ ничего невѣдѣнiи того, что творится вокругъ. «Страна отцовъ» зашевелилась въ безпокойномъ ожиданiи грядущаго дня, о которомъ одно можно сказать, что онъ не будетъ похожъ на вчерашній. Двухсотлѣтнее мирное житiе подъ охраной бюрократiи кончилось, и «отцы» привлекаются къ отвѣту.

Въ повѣсти г. Гусева-Оренбургскаго «Страна отцовъ» читатели присутствуютъ при началѣ того волненiя, которое понемногу охватываетъ и духовную касту. Это волненiе пришло извнѣ и застигло духовныхъ отцовъ внезапно, хотя признаки его были и раньше, и литература робко, но все же отмѣчала ихъ. Въ числѣ бытописателей духовенства можно указать на трехъ художниковъ, которые въ своихъ произведенiяхъ указывали на постепенную перемѣну. У г. Потапенки мы встрѣчаемъ по большей части благодушныхъ батюшекъ, исполняющихъ свои обязанности, не мудрствуя лукаво, но болѣе или менѣе близко принимающихъ къ сердцу бѣды и радости мирянъ. Чувствуется хотя и неглубокая, но несомнѣнная живая связь между приходомъ и причтомъ. Въ лучшемъ произведенiи г. Потапенки «На дѣйствительной службѣ» выведенъ даже идеальный типъ сельскаго священника, который пренебрегъ блестящей духовной карьерой ради служенiя народу. И типъ этотъ, при всей его идеализаціи, не производилъ впечатлѣнiя фальши въ то время, когда появилась эта повѣсть. Затѣмъ онъ уже больше не появляется въ литературѣ. У другого духовнаго бытописателя, болѣе поздняго, г. Клеонскаго, мы уже не видимъ благодушныхъ представителей клира. Мѣсто ихъ заняли сухіе «стяжатели», вѣчно занятые мелкими ссорами между собой и непрекращающейся наступательной и оборонительной войной съ приходомъ. Связи между клиромъ и приходомъ нѣтъ, ихъ соединяють, или лучше сказать, разъединяють сухіа чисто формальныя отношенiя, въ которыхъ нѣтъ мѣста взаимному пониманiю. А между тѣмъ авторъ беретъ свои типы именно того времени, когда особенно много стали говорить о роли и значенiи духовенства, когда возникли церковно-приходскія школы, началась усиленная миссіонерская дѣятельность и духовное сословіе, бывшее всегда въ нѣкоторомъ загонѣ у бюрократiи, стало усиленно выдвигаться ею на почетное мѣсто естественнаго хранителя «исконныхъ» устоевъ и нарочитаго «народнаго» духа. Наконецъ, у г. Гусева-Оренбургскаго, еще болѣе поздняго бытописателя, такъ сказать писателя послѣднихъ дней, мы уже видимъ вполне оформившійся типъ священника-бюрократа, типъ воинствующій и ничѣмъ не напоминающій мирныхъ и благодушныхъ батюшекъ г. Потапенка.

Въ послѣдней повѣсти «Страна отцовъ» г. Гусевъ-Оренбургскій пытается дать очень широкую картину тѣхъ измѣненiй, какія происходятъ вообще въ народной средѣ и соприкасающихся съ нею областяхъ. Современныя настроенiя и народной крестьянской массы, и отчасти рабочей, и духовной среды, и

администраціи—все это авторъ затрогиваетъ, но какъ-то мимоходомъ, не давая общей картины, даже какого-либо общаго фона. Главное, почти исключительное вниманіе читателя приковано все же къ духовной средѣ. Экскурсы автора въ сторону, съ цѣлью расширить горизонтъ повѣсти, по большей части мало удачны, хотя и даютъ кое-какія данныя для сужденія о тревожномъ настроеніи, охватывающемъ всю «страну отцовъ». Публицистъ здѣсь вытѣсняетъ художника, который не можетъ изъ разрозненныхъ обрывковъ дать картину, цѣльную и яркую, какую въ его изображеніи представляетъ болѣе узкая «страна отцовъ» не вообще, а «отцовъ» духовныхъ.

Деревня обнищала и опустѣла. Когда-то богатая хлѣбомъ поволжская сторона бьется теперь въ рукахъ крупныхъ кулаковъ-капиталистовъ, сумѣвшихъ выжать изъ земли всѣ соки и такъ скрутить деревню, что ей «податься некуда», нечѣмъ и защититься отъ все нарастающихъ требованій. Хлѣбъ, когда-то «мужицкій», сталъ теперь «купецкимъ» и «арендательскимъ». Явились элеваторы, искусно переправляющіе этотъ хлѣбъ въ «заморскія страны», а на мѣстѣ стала все больше и продолжительнѣе утверждаться хроническая голодовка, временами переходящая въ настоящій, даже официально признаваемый голодъ. И по мѣрѣ обнищанія деревни росъ капиталъ въ лицѣ «новоявленныхъ лэндлордовъ—Шаповаловыхъ, Стрижиозиныхъ, Широкозадовыхъ», которые изъ мелкихъ скупщиковъ выросли въ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ. Авторъ рисуетъ одного изъ нихъ, Широкозадова, какъ типичнаго представителя недавно народившейся силы. «Онъ нутромъ повялъ тактику земельного хищенія, умѣлъ использовать каждый недочетъ мужицкаго хозяйства, умѣлъ выбрать моментъ, чтобы придти и закабалить. Наступали у мужиковъ сроки платежей въ земельный банкъ, онъ умѣлъ дать деньги на такихъ условіяхъ, что земли въ концѣ концовъ переходили къ нему. Была нехватка у мужиковъ въ посѣвномъ хлѣбѣ, онъ гостепріимно раскрывалъ амбары, урожай же переходилъ къ нему. А неурожай отдавалъ мужиковъ въ его полную власть, и, разоренные, часто они совсѣмъ безъ борьбы уступали ему земли, чтобы потомъ голоднымъ потокомъ наполнить житницкіе пригороды и слободки. Позади него, гдѣ онъ прошелъ, слышались стоны и проклятія закабаленныхъ, а онъ шелъ дальше и дальше по уѣзду, тая планы захвата, пугавшіе даже крупныхъ землевладѣльцевъ своей тонко-придуманной неожиданностью. Точно сытый, но жадный коршунъ медленно кружилъ онъ по уѣзду, и участки за участкомъ оставались въ его рукахъ. При этомъ онъ не останавливался даже передъ мошенничествомъ, если оно было легально обставлено, дѣлая этимъ только шагъ впередъ по скользкой, развращающей почвѣ изжившаго закона» (стр. 113, «Страна отцовъ»).

Этотъ процессъ покоренія деревни капиталомъ давно уже и неоднократно былъ описанъ въ литературѣ. Намъ интересуется въ данномъ случаѣ отношеніе духовенства къ новой силѣ и то разложеніе, какое и въ его среду, какъ оказывается, вноситъ тотъ же Широкозадовъ и К°. Съ одной стороны авторъ даетъ типичныхъ представителей поклонниковъ успѣха и всякой силы, въ лицѣ о. Матвѣя, напр., о. Рудометова и другихъ. Они и свои дѣла устриваютъ, и

даже подыскиваютъ подходящія тексты изъ писанія для возвеличенія дѣятельности Широкозадовыхъ. Въ то же время они хотятъ и себя представить строгими ревнителями чистоты церкви. Такъ, о. Рудометовъ, крупный пайщикъ акціонернаго предпріятія, первый подымастъ на духовномъ съѣздѣ вопросъ объ отобраніи дѣтей у сектантовъ.

«—Отцы и братіе!—гремѣлъ онъ на весь съѣздъ: — если мы заключаемъ вора въ темницу, разбойника посылаемъ на каторгу, прокаженного—въ больницу, то какъ же подобало бы поступить съ сектантомъ, который есть воръ, ибо отъемлетъ у ребенка благодать крещенія, разбойникъ, ибо убиваетъ его душу, прокаженный, ибо заражаетъ срадомъ грѣха младенца! Но мы милосерды, какъ милосердъ Христосъ: оставляемъ на свободѣ преступника, ожидая его раскаянія, и лишь спасаемъ жертву его, ищищая изъ безднъ грѣха родительскаго и прародительскаго.

«Борода его трепетала на груди, и глаза горѣли».—Мы не полицейскіе—замѣтилъ кто-то изъ молодыхъ батюшекъ. Но Рудометовъ не сдался.

«— Мы—полицейскіе Бога вышняго!—сказалъ онъ: —ибо стражи храма его и охранители стада его!»

Отецъ Матвѣй, молодой батюшка изъ академиковъ, типъ воинствующаго «отца», мечтающаго ни болѣе ни менѣе, какъ о «еократіи». Когда разносится слухъ, «что внѣ школы, волею правительства, отойдутъ въ духовное вѣдомство», онъ даже забываетъ личныя огорченія и ликуетъ: — Да вы поймите: это мечта! Это возвратъ къ великому прошлому! Прошедшее становится будущимъ! Это первый шагъ въ царствѣ еократіи!..

«О. Матвѣй вскочилъ на любимаго конька и теперь несся на немъ безъ удержу, скакалъ, жестикулируя, по пустынямъ безбожья, среди развалинъ вѣры, но скакалъ самоувѣренно, безъ страха и сомнѣнія, въ широко-распахнутыя ворота, за которыми видѣлись ему строгія очертанія «царства еократіи». Наступало, по его словамъ, время «изжененія плевелъ», всеожженія сорныхъ травъ, заглушавшихъ «ниву Божью».

«— Вотъ во Франціи духовенство гонять. Конечно, то черная католическая рать. А все же сказывается и въ семь безумная дерзость интеллигентовъ и невѣровъ... Но то въ чужой полуязыческой державѣ творится. А что же наши суетумцы? Тотчасъ отеликаются! Возвышаютъ главы свои, воздвигаютъ гоненіе на церковную школу: слышали, какъ тверское земство отличилось? Да и оно ли одно! Но... съ Богомъ шутки плохи! И тверское земство испытало это на себѣ... И Франція испытаетъ...

«О. Матвѣй, поощряемый вниманіемъ слушателей, уже докапывался до самыхъ основаній, взрывалъ фундаменты и скакалъ на головокружительныя высоты, съ фанатическимъ блескомъ глазъ вскидывая руки, точно вызывая на борьбу какого-то ненавистнаго.

«— Православіе! самодержавіе! народность! Вотъ три краеугольныхъ камня нашей жизни. И изъ нихъ первый—православіе! Ибо кто собралъ Русь во едино стадо и создалъ самодержавіе? Оно! Кто совокупилъ разнообразныя племена во едину народность? Оно! Русь всегда была Русью православной цер-

ковности, и въ этомъ ея сила, ея слава, ея святость, ея превосходство передъ другими народами! Непоколебима и крѣпка была она для враговъ внутреннихъ и вѣншихъ, пока монастыри были ея свѣтильниками, пока горѣли въ ней солнца вѣры такія, какъ патріархи! Всегда заря истиннаго образованія, источника вѣры и силы, исходила изъ школъ церковныхъ. И вотъ повторяю... привѣтствую я это намѣреніе высшаго правительства передать намъ школы! Онѣ принадлежать намъ по историческому праву. Не только низшія школы... гимназіи и университеты слѣдовало бы отдать въ наши руки, подъ нашъ надзоръ»... (стр. 244—248)...

Воинственный тонъ о. Матвѣя звучитъ, повидимому, вполне согласно тому, что до послѣдняго времени стало все явственнѣе пробиваться въ застывшей отъ вѣкового гнета средѣ духовенства. Борьба за церковную школу, миссіонерское рвеніе, сказавшееся на извѣстномъ казанскомъ съѣздѣ, гдѣ былъ поднятъ вопросъ объ отбираніи дѣтей у раскольниковъ,—это все факты вчерашняго дня. Но даже при всемъ могуществѣ поддержки бюрократіи, эти факты не имѣли и тогда сколько-нибудь прочнаго основанія не только въ жизни, но и въ средѣ самого духовенства, которое въ общей массѣ оставалось холодно и неподвижно. Правда, то тутъ, то тамъ проявлялись отдѣльныя личности, въ особенности изъ молодыхъ обученныхъ честолюбивыми стремленіями батюшекъ, которые охотно отъликнулись на призывъ бюрократіи помочь ей въ борьбѣ съ новыми запросами жизни. Общая масса духовныхъ, однако, увидѣла въ церковныхъ школахъ, напр., лишнюю обузу, неблагодарный трудъ, къ тому же плохо оплачиваемый, къ которому стали присосѣживаться только неудачники изъ духовныхъ дѣтей, псаломщики, заштатные дьячки и въ особенности дѣвицы-епархіалки до выхода замужъ. Лучшіе священники откровенно отрицали церковную школу, не скрывая ея недостатковъ и отказываясь сами поддерживать ее личнымъ трудомъ.

Вполнѣ вѣрно поэтому авторъ заставляетъ на пылеую рѣчь о. Матвѣя возразить юношу-студента, сына благочиннаго: «Вы отъ лица духовенства говорите или отъ себя? Если отъ лица духовенства, то я увѣренъ, что духовенство въ лучшей части своей само откажется отъ вашихъ словъ; если за себя, то такія рѣчи возмутительны въ устахъ священника! Вы порочите лучшихъ людей страны, вы пытаетесь отнять у нихъ то, что они добыли потомъ и кровью, что они въ тяжелой борьбѣ создавали въ то время, какъ вы собирали казачи и шкурки съ тѣхъ бѣдныхъ рабовъ, которыхъ сами же величаете овцами... Вы самозванцы, вы обманщики! Для чего вы протягиваете ваши рабскія руки къ школамъ? Чему вы можете учить народъ? Цѣни умственнаго рабства вы называете небесной истиной, вѣчную подлую ложь жизни—высшей правдой»..

Эта горячая реплика сочувственно подхватывается окружающею толпою духовныхъ, которые не могутъ не признать правды въ словахъ студента. «Мы дѣлаемъ свое дѣло, а свѣтскіе люди свое! Мы сами оттолкнули отъ себя интеллигенцію нетерпимостью»...

И опять-таки авторъ совершенно правъ. Теперь вопросъ о церковной школѣ

бурной болью пронизывала его мысль, что не придет новый пророкъ. И плакалъ... И плакалъ. Песчинка передъ городомъ, песчинка передъ людьми, отъ гнѣва плакалъ онъ объ ихъ несчастіи, а ночные звѣри-люди смѣялись надъ нимъ. Смѣялись отъ веселья и торжества и никто не хотѣлъ выслушать, что едва рожденный, уже умеръ новый пророкъ.

«Умеръ новый пророкъ!»

И снова громко и снова нагло смѣялись надъ нимъ. Зачѣмъ имъ новый пророкъ, какъ бы спрашивали они смѣхомъ своимъ? И камни отъ мостовой удивленно грохотали: «Зачѣмъ намъ новый пророкъ?»

Все шелъ Вельштейнъ и веселія тѣни потѣшавшихся людей росли вокругъ него какъ лѣсъ. Плясали они и, смѣясь, кивали головами, а онъ все звалъ ихъ и громко кричалъ:

«Знаете, умеръ новый пророкъ. Вслушайтесь, вѣдь умеръ новый пророкъ!»

Но они отбѣгали отъ него въ веселомъ удивленіи, поджидали на перекресткахъ, и, окруживъ, опять смѣялись, смѣялись, смѣялись... Шелъ онъ дальше упрямо впередъ и съ жгучей болью въ сердцѣ своемъ думалъ:

«Смѣхъ заражаетъ... Вотъ и я засмѣюсь, да, Элька, да. Я улыбнулся, Элька! Вотъ насильникъ бьетъ слабого... Я улыбнулся, Элька! И будетъ такъ. И рабовъ ведетъ господинъ. Да, Элька, да. И будетъ такъ. Но покорные, Элька, хотятъ быть покорными. Они хотятъ ими быть... Я смѣюсь, ибо умеръ новый пророкъ и будетъ такъ, и будетъ такъ...

И шелъ, изнемогая отъ усталости, изнемогая отъ смѣха...

Семенъ Юшкевичъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Петръ и Алексѣй“, ром. г. Мережковского.—Конецъ трилогіи „Христосъ и Антихристъ“.—Неясность основной мысли трилогіи.—Интересъ послѣдняго романа для современнаго читателя.—Борьба Петра съ духовенствомъ.—Духовный Регламентъ.—Современныя настроенія въ духовной средѣ.—„Страна отцовъ“ г. Гусева-Оренбургскаго.—Общая смута въ „странѣ отцовъ“.—Различное отношеніе къ ней среди духовныхъ.—Возможная будущая роль духовенства.

Закончивъ свою громоздкую трилогію «Христосъ и Антихристъ», врядъ ли г. Мережковский могъ сказать съ чувствомъ полного удовлетворенія: «нынѣ отпускаешя». Не думаемъ, чтобы авторъ остался доволенъ своимъ трудомъ, и потому такъ, что, начавъ эту большую работу при одномъ настроеніи, онъ завершилъ ее при другомъ. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ рѣже чувствуется эта разница. Если въ «Отверженномъ» преобладаетъ туманная и тѣмъ не менѣ горячая мѣстами мистическая струя, то уже въ «Воскресшихъ богахъ» ее мало-по-малу вытѣсняетъ холодное изслѣдованіе ученаго, а въ «Петръ и Алексѣй» мистика окончательно перешла въ холодный рассказъ, отъ котораго вѣетъ «пылью вѣковъ». Именно тѣ мѣста этого романа, гдѣ авторъ желаетъ разогрѣть себя религіозными порываніями своего героя въ міръ надзѣшній, меньше всего увлекаютъ читателя. Таковы всѣ сцены, гдѣ дѣйствуютъ сектанты, а «взыскующій града» Тихонъ самая неудавшаяся фигура романа. Для созданія Тихона авторъ не имѣлъ руководства въ видѣ многочисленныхъ хроникъ, его приходилось творить, а для творчества необходимо самому горѣть огнемъ и мучиться муками своего героя. Намъ уже неоднократно приходилось, говоря о художественной работѣ г. Мережковского, отмѣтить холодность его темперамента, преобладаніе въ немъ разсудочности надъ сердцемъ, изслѣдованія надъ творчествомъ. Мистическаго нѣтъ ни капли въ натурѣ автора, онъ типичный резонеръ и его работа напоминаетъ скорѣе рѣшеніе шахматной задачи, а не проповѣдь или восторженное влеченіе въ міръ неяснаго и неопредѣленнаго, куда г. Мережковский хочетъ насильственно проникнуть. Въ сущности, о чемъ бы ни повѣствовалъ г. Мережковский, онъ остается холоденъ, и чувствуется, что ему рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до своихъ героевъ. Но они ему нужны, какъ элементы для поставленной имъ себѣ задачи—доказать, что аскетическое начало христіанства и древнее оргіастическое, которое отлилось въ культъ Діониса, сливаются въ нѣкоторой «по-ту-

имѣть уже историческій интересъ. Жизнь взяла свое, и, стоя наканунѣ общаго переустройства русскаго строя, можно смѣло утверждать, что въ вопросѣ о школѣ бюрократія потерпѣла самое чувствительное пораженіе именно потому, что духовенство не поддержало ее. Невольно опять напрашивается сравненіе съ Западомъ, гдѣ духовенство боролось съ государствомъ изъ-за школы и въ значительной степени одержало побѣду. У насъ государство толкало школу въ объятія духовенства, но послѣднее съ большой неохотой шло навстрѣчу. Официально казалось полное согласіе. Печатались широковъщательные отчеты, въ которыхъ церковныя школы насчитывались тысячами, говорились громкія рѣчи, воинственныя по духу,—на дѣлѣ же не было ни школъ, ни охоты заниматься ими. Нѣтъ дѣла болѣе отвѣтственнаго, какъ просвѣщеніе народа. Оно требуетъ прежде всего любви и преданности, доходящей до самопожертвованія, требуетъ проникновеннаго сознанія важности его, увлеченія, творческой работы, словомъ того «духа живаго», который со временъ Теофана Прокоповича былъ систематически вытравляемъ изъ духовной среды. И когда бюрократія обратилась къ духовенству за содѣйствіемъ въ борьбѣ съ живыми силами страны, она встрѣтила угодливость и лукавство раба: официально духовенство возликовало, на дѣлѣ—оказалось лѣниво и неспособно, къ счастью для русскаго просвѣщенія.

Барьеристы и стяжатели, какъ о. Матвѣй и о. Рудометовъ, не исключенія, конечно. Они достаточно окрасили собой за послѣдніе годы всю среду не только какъ наиболѣе яркіе цвѣты въ общемъ безцвѣтномъ букетѣ. Они придали ей особый «душокъ» нетерпимости и воинственности. Ихъ голоса были достаточно многочисленны и сильны, чтобы придать нѣчто внушительное общему хору. И тѣмъ не менѣе, они не составляютъ силы, сколько-нибудь опасной и серьезной. Сила заключается въ убѣжденіи, вѣрѣ, въ талантахъ. А какія же убѣжденія, вѣра и таланты у отцовъ Матвѣевъ и Рудометовыхъ, когда съ одной стороны они мечтаютъ о поворотѣ къ давно прошедшему, съ другой—всеми корнями жадно тянутся къ настоящему въ видѣ многихъ матеріальныхъ выгодъ, даваемыхъ этимъ послѣднимъ? Одинъ—членъ акціонернаго общества, весь въ рукахъ Широкозадовыхъ и ему подобныхъ, другой забираетъ по приходу, что только можетъ, юлитъ передъ земскимъ начальникомъ, котораго и самъ считаетъ великимъ развратникомъ, и смотритъ на свою службу, какъ на доходное мѣсто. Сухой формализмъ вмѣсто вѣры, рабское преклоненіе предъ волею начальства вмѣсто убѣжденія и жадность—вотъ его таланты.

Все, что есть дѣйствительно сильнаго и талантливаго, убѣжденнаго и вѣрующаго, уходитъ изъ духовной среды, не уживается и ищетъ простора, какъ о. Иванъ въ повѣсти, какъ жена о. Матвѣя, какъ другіе молодые еще, но уже подающіе надежды сыновья о. Рудометова, благочиннаго и прочія лица изъ духовной среды, выводимыя авторомъ. При всемъ разнообразіи характеровъ, настроеній и мотивовъ, ихъ объединяетъ одно—сознаніе, что въ мертвой средѣ нѣтъ мѣсто живому духу. Среди нихъ особый интересъ вызываетъ о. Иванъ, въ которомъ безсознательно и долго идетъ внутренняя борьба привитыхъ съ

дѣтства и развитыхъ воспитаніемъ привычекъ показного смиренія, стяжательства и подчиненія чужой волѣ—съ здоровой, сильной и увлекающейся натурой честнаго и благороднаго человѣка, способнаго на высокій подвигъ самопожертвованія. Онъ любитъ тяжелый трудъ, отличный хозяинъ, веселаго жизнерадостнаго характера, открытая душа, чуждая лицемерія и лжи. «Зачѣмъ я пошелъ въ попы?» недоумѣваетъ онъ самъ, чувствуя, что не можетъ уложить себя въ отведенныя ему рамки «служенія требъ». Его тянетъ къ мужику, котораго онъ сгоряча ругаетъ и тутъ же возражаетъ о. Матвѣю, что «мужики, хотя какіе они ни на есть, а народъ теплый... По моему, лучше мужика и человѣка нѣтъ!» Въ сущности онъ и самъ недалеко ушелъ отъ крестьянскаго міра, и то, что ему навязало семинарское воспитаніе, только тяготитъ его, не давая развернуться его природнымъ силамъ и способностямъ. Семинарія вспоминается ему «громаднымъ ящикомъ, въ которомъ смутно гудѣло населеніе звѣрьковъ, милыхъ и невинныхъ, съ покорностью невѣдѣнія склонявшихъ головы подъ вѣковымъ педагогическимъ молотомъ, высѣкавшимъ въ умахъ и сердцахъ ихъ священныя надписи могильныхъ плитъ, подъ которыми будетъ судорожно задыхаться грудь ихъ всегда, всегда»... Жизнерадостная натура юноши трепетала, слыша постоянную проповѣдь порядка прежде всего, порядка, въ которомъ Богъ выступалъ «карателемъ, посылающимъ съ незримаго престола только глады, моры, потопы, землетрясенія и всякія несчастія». Его боялись, и «съ этимъ страхомъ шли въ жизнь и распространяли его». А наряду съ этимъ стояло съ дѣтства усвоенное представленіе о служеніи, какъ «о золотомъ полѣ, по которому бродятъ мужички и разносятъ золотыхъ телушечекъ. Поборы рисовались въ поэтическомъ ореолѣ, всѣмъ хотѣлось поскорѣе туда, на эти золотыя поля»... «И съ этимъ сномъ, съ этимъ бредомъ шли въ жизнь. И на всѣ явленія ея смотрѣли сквозь сумбуръ могильныхъ надписей и во всѣхъ страшныхъ драмахъ ея не могли разобраться. Натуры нѣжныя таяли и гибли въ мукахъ раздвоенности между тѣмъ, что знали и что видѣли, натуры сухія и черствыя ожесточались, натуры гордыя—отчаявались и кончали наглымъ презрѣніемъ къ себѣ, къ людямъ, ко всему святому».

Отецъ Иванъ не очерствѣлъ, не отчаялся и не погибъ. Его спасла здоровая, сильная натура и любовь, указавшая на выходъ изъ духовнаго званія, какъ на единственный путь спасенія. Тяготѣніе къ мужику, къ землѣ, къ физическому труду не дало ему очерствѣть и отдаться бреду «о золотомъ полѣ поборовъ». А любовь пробудила дремавшія умственныя и нравственныя силы, извлекла ихъ изъ-подъ «могильной плиты». Какъ и всѣхъ, его женили для полученія мѣста, безъ сердечнаго влеченія, безъ знакомства даже съ будущей женой, и чувство любви долго не просыпалось, пока не было вызвано страстнымъ призовомъ женщины, тоже подавленной, но протестующей и борющейся. Жена о. Матвѣя, которая не могла выдержать ежедневнаго лицемерія своего супруга, увлекается искренностью, простотой и силой, бьющей ключомъ въ душѣ о. Ивана, и, порывая сама съ «могильными плитами», увлекаетъ за собой и о. Ивана.

Окончательный разрывъ проявляется въ немъ бурно, неистово подѣ влияніемъ

тяжелыхъ условій жизни гибнущей, разореной Широкозадовыми и К^о деревни, при равнодушномъ попустительствѣ духовенства, лѣтливо ухаживающаго за побѣдоноснымъ кулакомъ.

«— Я рѣшилъ! Твердо рѣшилъ, безповоротно! Ухожу, довольно.

«— Что съ вами?!—волновались рясы и подрясники и колебались въ воздухѣ широкіе рукава.— Откуда это? Почему?

«— Потому что я пересталъ бояться думать! Прозябалъ, какъ червь! Ползъ во мракѣ! Жилъ, какъ приказано, а не такъ, какъ должно жить... Довольно! Я и вамъ говорю: довольно! Развѣ вы не видите, что такъ жить нельзя больше... Позорно! Жизнь уходитъ отъ насъ въ сіяющую даль, а мы стоимъ на мѣстѣ окаменѣлые, черною стѣною... Сами не идемъ и мѣшаемъ идти другимъ! Накинули на жизнь цѣлую сѣть текстовъ, оправдываемъ произволъ тѣхъ, кто уродуетъ жизнь, проповѣдуемъ терпѣніе тѣмъ, кто и безъ того достаточно терпѣлъ. Всѣ вокругъ насъ ищутъ рая правды, рая справедливости, страстно борются за смой идалъ... А мы?! Довольно!

«— Да онъ съ ума сошелъ!—тихо сказалъ о. Сильвестръ.

«О. Иванъ быстро обернулъ къ нему возбужденное лицо.

«— Мы всѣ безумцы! Живемъ безсознательно, мыслимъ навязанными мыслями, мыслими рабовъ!.. Мы съ дѣтства обмануты, съ дѣтства ранены... Въ умъ и въ сердце ранены! И эта рана превратилась въ постоянную язву, угнетающую духъ! Нѣтъ, нѣтъ! Вся жизнь должна измѣниться! Я хочу быть свободнымъ человѣкомъ, служить свободному Богу!» (стр. 318).

И отецъ Иванъ не одинъ. На это указываетъ все растущее среди духовенства желаніе расширить свой кругозоръ, измѣнить семинарское воспитаніе, которое при всѣхъ реформахъ русской жизни оставалось почти неизмѣнно. Иначе и быть не можетъ. Вѣдь русское духовенство это одинъ изъ лучшихъ элементовъ русскаго народа. Оно самая чистая русская раса, здоровая физически и духовно. Подсчитайте, сколько оно дало превосходныхъ работниковъ на всѣхъ поприщахъ русской жизни... кромѣ духовнаго. Какая масса врачей, учителей, адвокатовъ, профессоровъ, ученыхъ, писателей, государственныхъ дѣятелей вышла изъ духовной среды! Значить есть тамъ и силы, и таланты, и если только въ своей специальной области оно словно замерло и навѣки застыло, то причины надо искать въ специфическихъ особенностяхъ этой области. Духовенство было подавлено бюрократіей, а раскрѣпощеніе русской жизни оживить и въ немъ дремлющія, не находившія выхода силы.

Больше всѣхъ, быть можетъ, выиграетъ при обновленіи русскаго строя именно духовенство, такъ какъ оно поставлено въ исключительно благоприятныя условія. Никто не стоитъ ближе его къ народу, этому источнику всѣхъ силъ. Оно знаетъ его, и народъ его знаетъ. Ихъ пока раздѣляла бюрократическая стѣна, не допускавшая сближенія и единенія, которое такъ естественно на почвѣ общихъ нуждъ и интересовъ. Въ громадной части своей духовенство тѣ же земледѣльцы. И вотъ когда оно внесетъ въ деревню истинное знаніе, свободу и свѣтъ настоящаго просвѣщенія, евангельскій духъ любви, воодушевленіе и энергію истинной вѣры—кто можетъ сдѣлать больше, чѣмъ оно? Те-

перь его лучшія силы уходятъ на сторону, не находя себѣ примѣненія въ духовной области, опутанной сѣтью бюрократическихъ циркуляровъ. Тогда эти силы останутся здѣсь, на мѣстѣ, упорствуя, волнуясь и спѣша восполнить то, что было упущено вѣками. И какъ изъ среды духовенства выходили не разъ «учителя жизни», въ родѣ Чернышевскаго, Добролюбова, Елисѣева, такъ появляются въ немъ и истинные «пастыри добрые», которые подымутъ значеніе этого сословія на ту высоту, на какой оно должно и можетъ стоять...

А. Б.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Метерлиниъ и Чеховъ въ исполненіи артистовъ московскаго художественнаго театра.

(Окончаніе *).

II.

Драма Чехова „Ивановъ“.—Ея общественное и историко-литературное значеніе.

Съ именемъ Чехова тѣснѣйшимъ образомъ связаны первые успѣхи московскаго художественнаго театра, которыми опредѣлилась и слава Чехова, какъ драматурга. Мы не можемъ и не должны забывать, что именно благодаря гг. Станиславскому и Вл. Немировичу-Данченко пьесы Чехова получили широкое признаніе въ обществѣ, что артисты художественнаго театра первыми угадали новыя требованія для постановки пьесъ Чехова и научили ихъ цѣнить и понимать. Несомнѣнной датой въ исторіи нашего театра нужно считать тотъ день, когда, послѣ провала «Чайки» въ Петербургѣ, на Александринской сценѣ, несмотря на участіе В. О. Коммисаржевской, та же пьеса явилась какъ бы новымъ произведеніемъ въ исполненіи артистовъ московской художественной труппы и встрѣтила вполне заслуженный успѣхъ. «Дядя Ваня» поставленъ былъ у нихъ же безукоризненно. Наконецъ, когда «Три сестры», напечатанныя сперва въ книжкѣ журнала («Русская Мысль»), вызвали первоначально лишь недоумѣніе среди читателей и полное непониманіе,—опять-таки москвичи показали, что значить поставить произведеніе искусства на надлежащее мѣсто, съ котораго только оно и становится общепонятнымъ. Эта исторія съ предварительнымъ напечатаніемъ текста и затѣмъ оцѣнкой пьесы послѣ постановки доказываетъ, на нашъ взглядъ, и то, въ какой мѣрѣ Чеховъ былъ настоящимъ драматургомъ, наперекоръ даже мнѣнію Л. Н. Толстого: данное его произведеніе именно должно было быть разыграно, а не просто прочтено; сцена представляется его естественной рамкой. Излишне напоминать объ успѣхахъ постановки «Вишневаго сада», о которомъ къ тому же намъ приходилось уже особо писать на страницахъ этого журнала.

*) См. „Міръ Божій“, № 6, іюнь. 1905 г.

Однако, именно по поводу «Вишневаго сада» раздались въ печати первые упреки артистамъ московскаго художественнаго театра въ томъ, что они кое-что «переигрываютъ», впадаютъ въ шаржъ, допускаютъ излишнее подчеркиваніе. И этотъ упрекъ былъ отчасти заслуженъ. При всѣхъ качествахъ московскаго художественнаго театра его главнымъ недочетомъ является переигрываніе въ деталяхъ и недоигрываніе въ главныхъ роляхъ. Боязнь впасть въ приподнятость, ходульность, въ «актерство» имѣетъ и свою обратную сторону, а въ результатъ получается нарушеніе художественной перспективы.

«Иванова» въ московскомъ художественномъ театрѣ не ставили при жизни Чехова. Его возобновленіе непосредственно послѣ кончины Антона Павловича имѣло характеръ поминковъ. Заговорили объ автобіографическомъ значеніи заглавной роли въ этой драмѣ: больной, умирающій Ивановъ долженъ былъ служить напominаніемъ о только что понесенной утратѣ. Собственно другихъ сближеній между героемъ пьесы и авторомъ дѣлать не приходится, и автобіографическаго въ пьесѣ ничего нѣтъ *). Изображая конецъ выдающагося дѣятеля, сломленнаго недугомъ и разочарованнаго въ своихъ силахъ, драма въ то же время воскрешала въ памяти и первое выступленіе Чехова съ крупнымъ произведеніемъ на подмостки театра. Болѣе раннія свои пьески онъ самъ называлъ пренебрежительно «водевилями». Но «Ивановъ», какъ извѣстно, написанъ еще въ «старомъ стилѣ»: новая манера чеховскихъ пьесъ опредѣлилась лишь съ «Чайки». Артисты московскаго художественнаго театра не считались съ этой разницей и отнеслись къ постановкѣ «Иванова», какъ къ позднѣйшимъ произведеніямъ Чехова-драматурга. Они только урѣзали нѣсколько монологовъ (что было замѣчено еще раньше, по поводу спектакля въ Москвѣ, см. «Сынъ От.») и развили обстановочную часть. Несмотря на мастерство отдѣльныхъ сценъ, впечатлѣніе получилось не вполне удовлетворявшее, но нѣчто новое спектакль все же далъ и въ положительномъ смыслѣ. Объ этомъ мы и хотимъ сказать, набрасывая эти строки наканунѣ годовщины смерти все еще не вполне разгаданнаго «несравненнаго» художника.

Что хотѣлъ выразить Чеховъ въ своемъ «Ивановѣ»? Много было объ этомъ споровъ и съ самаго начала рѣзко раздѣлились два мнѣнія въ оцѣнкѣ пьесы и въ опредѣленіи ея значенія. Она не отвѣчала настроенію старшаго поколѣнія критиковъ, не отвѣчала чувствамъ тѣхъ, которые тогда, т.-е. во второй половинѣ 80-хъ годовъ, стремились удержать боевую позицію подъ прежнимъ флагомъ. Наоборотъ, она была встрѣчена съ особымъ сочувствіемъ поколѣніемъ

*) Скорѣе въ „Ивановѣ“, написанномъ Чеховымъ почти непосредственно послѣ смерти Всеволода Гаршина (1888 г.), можно найти отголоски настроенія автора, вызваннаго этой кончиной. Чеховъ, какъ извѣстно, былъ очень близокъ съ Гаршинымъ, который въ большей мѣрѣ чѣмъ Чеховъ, представлялъ изъ себя прошлое Иванова. „Принадокъ“ Чехова, по его собственному признанію, былъ вдохновленъ Гаршинымъ. Быть можетъ и выборъ имени въ драмѣ обусловилъ „записками рядового Иванова“. Импульсъ къ созданію типа надорвашагося героя, очень возможно, явился послѣ трагической кончины Гаршина, но типъ, конечно, переработанъ.

сверстниковъ Чехова, которые считали, что діагнозъ поставленъ вѣрно *). Ивановъ—жертва безвременья, продуктъ переутомленія, больной герой больного поколѣнія. Ивановъ, по другому толкованію, показатель реакціи противъ идеаловъ «отцовъ и дѣдовъ», преклоненія передъ дѣйствительностью. Удивительно, что Н. К. Михайловскій, высказавшій это «осужденіе» пьесѣ, основанное на явномъ непониманіи, могъ,—со всѣмъ своимъ умомъ и несомнѣннымъ критическимъ чутьемъ, когда онъ судилъ безпартійно,—такъ близоруко заключать о Чеховѣ, чтобы заподозрить его даже въ стремленіи къ «идеализаціи сѣрой жизни въ «Ивановѣ»—въ «пропагандѣ тусклаго, сѣраго, умѣреннаго и аккуратнаго житія» («Соч.», т. VI, 778), т.-е. какъ разъ того, противъ чего Чеховъ реагировалъ всей своей литературной дѣятельностью. Къ счастью, это мнѣніе не нуждается уже въ опроверженіи, хотя бы послѣ статей того же Н. К. Михайловскаго, современемъ понявшаго обличительныя намѣренія автора. Въ гораздо большей степени насъ удивляетъ «новѣйшее» сужденіе о пьесѣ въ статьѣ г. Шестова, — «Творчество изъ ничего», — помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Вопросовъ Жизни» (правда, съ оговоркой редакціи). Невѣроятнымъ парадоксомъ звучитъ общее заключеніе критика о Чеховѣ, какъ о «пѣвцѣ безнадежности», рѣшительно отворачивавшемся отъ всякихъ идей. «Даже у Толстого, — пишетъ г. Шестовъ, — тоже не слишкомъ цѣнившаго философскія системы, вы не встрѣтите такого рѣзко выраженаго отвращенія къ мировоззрѣніямъ и идеямъ, какъ у Чехова» (стр. 108). Протестъ противъ шаблона противъ пассивнаго подчиненія чужой указкѣ, противъ того, чтобы воспринимать готовое, чужимъ умомъ выработанное мировоззрѣніе вмѣсто того, чтобы самому добиваться уразумѣнія правды жизни и создавать собственные идеалы никоимъ образомъ не можетъ быть принятъ за «отвращеніе» къ идеямъ, вообще. Мы знаемъ, что Чеховъ, прежде всего какъ художникъ, горячо отстаивалъ самостоятельность мысли. Въ недавно опубликованныхъ его письмахъ къ А. Н. Плещееву онъ очень опредѣленно высказывается о своемъ призваніи: «Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ и только... Я ненавижу ложь и насилие во всѣхъ его видахъ... Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ; я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи... Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святая святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода, свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ». И какъ на самомъ дѣлѣ «большой худож-

*) Перечень главнѣйшихъ статей о Чеховѣ и краткій ихъ пересказъ предложенъ въ только что вышедшей книжкѣ г. И. П. Лыкова: А. П. Чеховъ въ пониманіи критики. Москва. 1905. Сводъ этотъ весьма полезенъ для справокъ, и избавляетъ насъ отъ многихъ цитатъ и ссылокъ. Но такъ какъ статьи переданы составителемъ своими словами, конспективно, то это не совсѣмъ отвѣчаетъ болѣе цѣлесообразному приему французскихъ изданій „pages choisies“ (избранныхъ страницъ), и для провѣрки положеній все же приходится обращаться къ самимъ статьямъ.

никъ», Чеховъ держался своей программы и въ значительной мѣрѣ ее выполнилъ.

Интересны признанія Чехова и по отношенію къ поборникамъ идей 60-хъ годовъ,—что можетъ быть примѣнено въ частности къ тѣмъ изъ его дѣйствующихъ лицъ, которые усвоили себѣ готовое міросозерцаніе и съ близорукой прямолинейностью относятся къ явленіямъ жизни, произнося оцѣнки и приговоры на основаніи двухъ-трехъ прописныхъ истинъ. «Шестидесятые годы—это святое время, писалъ Антонъ Павловичъ,—и позволять глупымъ сусликамъ узурпировать его значить опошлять его». Кто же эти «глупые суслики»?—«Это, говоритъ нѣсколько раньше Чеховъ,—полинявшая недѣятельная бездарность, узурпирующая 60-ые годы; въ V-мъ классѣ гимназіи она поймала 5—6 чужихъ мыслей, застыла на нихъ и будетъ упрямо бормотать ихъ до самой смерти. Это не шарлатанъ, а дурачекъ, который вѣруеть въ то, что бормочетъ, но мало или совсѣмъ не понимаетъ того, о чемъ бормочетъ. Онъ глупъ, глухъ, безсердеченъ. Вы бы послушали, какъ онъ во имя 60-хъ годовъ, которыхъ не понимаетъ, брюзжитъ на настоящее, котораго не видитъ; онъ скученъ, какъ яма, и вреденъ для тѣхъ, кто ему вѣритъ, какъ суслики». «Когда я изображаю подобныхъ субъектовъ,—пишетъ Чеховъ въ заключеніи,—или говорю о нихъ, то не думаю ни о консерватизмѣ, ни о либерализмѣ, а объ ихъ глупости и претензіяхъ». Не подходитъ ли эта характеристика къ опредѣленію отношенія автора къ д-ру Львову въ «Ивановѣ»? Это именно «сусликъ», выросшій на русской почвѣ и особенно распространенный въ обществѣ 80-хъ годовъ. Порою Львовъ изрекаетъ несомнѣнныя истины, однако, въ силу своей ограниченности, чрезмѣрной прямолинейности и шорности, онъ дѣлаетъ это всегда какъ-то невпопадъ, некстати, не улаживая, а осложняя отношенія, доводя дѣло до катастрофы.

Приведемъ еще одну цитату изъ писемъ Антона Павловича: онъ сообщаетъ Плещееву о своемъ намѣреніи написать романъ (вѣроятно, рѣчь идетъ о «Дуэли»: письмо не датировано), въ которомъ задается цѣлью—убить сразу двухъ зайцевъ: «правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. *Норма мнѣ неизвестна, какъ неизвестна никому изъ насъ* (курсивъ нашъ). Всѣ мы знаемъ, что такое безчестный ностунокъ, но что такое честь—мы не знаемъ. Буду держаться той рамки, которая ближе къ сердцу и уже испытана людьми посильнѣе и умнѣе меня. Рамка эта—абсолютная свобода человѣка, свобода отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, чорта, свобода отъ страстей и проч.». Эта основная тема многихъ произведеній Чехова проходитъ и черезъ драму «Иванова». Нѣсколько позже, въ «Дядѣ Ванѣ», авторъ заставляетъ Войницкаго (дядю Ваню) также сокрушаться о томъ, что въ своей жизни онъ уклонился отъ «нормы» и оттого «пропала жизнь»: «я талантливъ, уменъ, смѣлъ... *Если бы я жилъ нормально*, то изъ меня могъ бы выйти Шопенгауеръ, Достоевскій... «Я за-рапортовался, я съ ума схожу»,—вполнѣ кстати спохватывается Войницкій, такъ какъ именно всего рискованнѣе было говорить о *нормальности* жизни Достоевскихъ и Шопенгауеровъ. Но вопросъ не въ этомъ: Войницкій отдалъ

свою жизнь на что-то, оказавшееся ненужнымъ, лишнимъ, даже смѣшнымъ. Онъ разочарованъ въ человѣкѣ, передъ которымъ раньше преклонялся. Онъ понялъ безцѣльность приносимыхъ имъ жертвъ. Любовь къ Еленѣ Андреевнѣ, эта поздно охватившая его безумная страсть открыла ему глаза на всего себя и на свое прошлое. Его время не ушло безвозвратно для жизни, такъ какъ Войницкому 47 лѣтъ, но воли нѣтъ, нѣтъ умѣнья перевернуть жизнь, вступить на другой путь, и онъ срываетъ свою досаду бессмысленнымъ выстрѣломъ въ профессора, выстрѣломъ, повтореннымъ имъ дважды, но такъ, что онъ самъ не отдаетъ себѣ отчета, куда онъ цѣлится, въ кого стрѣляетъ—въ какой-то фантомъ, который символизируетъ ему всѣ прежнія его иллюзіи, заставившія его отступить отъ *нормальной* жизни, которая доставила бы поприще проявленію и развитію его духовныхъ силъ. Это въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ выстрѣлъ въ воздухъ. Войницкій захотѣлъ свободы,—свободы отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, страстей,—но самъ подчинился страсти. Она открыла передъ нимъ новые горизонты, но она же лишила его воли и вернула къ прежней жизни, несравненно болѣе тягостной, томительной, нудной, такъ какъ пробудилось сознание ея полной неудовлетворительности. И остается ему только прислушиваться къ убажкивающимъ грезамъ Сони: «будемъ трудиться для другихъ и теперь и въ старости, не зная покоя, а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, что мы плавали, что намъ было горько» и т. д... «Мы отдохнемъ!.. Мы отдохнемъ!..» Никто, конечно, не заподозритъ Чехова въ желаніи идеализировать въ «Дядѣ Ванѣ»—«сѣрой жизни» и въ пропагандѣ «умѣреннаго и аккуратнаго житія». Вся пьеса—живой протестъ противъ «этой сѣрой жизни» и если нѣтъ героя-побѣдителя, то есть жертва, или даже жертвы, есть во всякомъ случаѣ рельефное изображеніе несовершенствъ жизни и ясно выраженный порывъ къ свободѣ.

И въ «Ивановѣ» мы имѣемъ прежде всего изобличительную картину сѣрой, безпросвѣтной жизни въ глухой провинціи, мертвящей скуки и отсутствія какихъ-либо живыхъ интересовъ кромѣ наживы и ублаженія чрева. Человѣческая искра шевелится въ Лебедевѣ, предсѣдатель земской управы, но это чуть теплѣйшій огонекъ, который придавленъ густымъ покровомъ инертности жизни, невозможностью развернуть свои силы, и домашней тираніей, которая тѣмъ больше приобретаетъ значенія, чѣмъ связаннѣе общественная дѣятельность и, вообще, самостоятельная роль «предсѣдателя управы», въ тѣ реакціонныя времена, когда русская общественная жизнь усиленно затиралась, насильственно вгонялась въ рамки тупой подчиненности бюрократическому режиму. Намъ не зачѣмъ настаивать теперь на выясненіи значенія этой картины, когда въ душную атмосферу все же просочились струйки свѣжаго воздуха, и она отодвинулась для насъ въ перспективѣ историческаго прошлаго. Всѣ второстепенныя дѣйствующія лица бѣгло, но настолько мѣтко и выразительно очерчены, что комментаріи къ нимъ излишни. Московскіе артисты удачно подчеркнули намъ это «прошлое» нашей жизни внѣшними чертами: костюмы, прически, нѣкоторые аксессуары—носятъ явные слѣды архаизма,

переноса насъ ко времени начала 80-хъ годовъ (слѣдовало бы, впрочемъ, держаться ближе именно къ половинѣ 80-хъ годовъ, 86—88 гг.). Лебедевъ—еще «шестидесятникъ», безъ пошлости, но опустившійся, обрюзгшій, медленно умирающій. Шабельскій—полинявшій, тургеневскій «дворянинъ», тоже составившійся и опустившійся (г. Станиславскій дѣлаетъ его слишкомъ дряхлымъ и дряблымъ, какимъ не долженъ былъ быть и по замыслу автора, этотъ ровесникъ тургеневскихъ «отцовъ», даже нѣсколько ихъ моложе), но сохранившій искру чести въ достаточной мѣрѣ лишь для того, чтобы дать отпоръ Боркину, этому, какъ говорится, изъ молодыхъ да ранній. Львовъ—молодой врачъ, но объ немъ мы уже говорили: въ немъ изобличается глупость и тупоуміе, проявляющіяся «фирмой и ярлыкомъ».

Свободнымъ человѣкомъ въ пьесѣ является лишь Ивановъ, но надломленнымъ, больнымъ, изнѣрившимся въ свои силы. По замѣчанію г. Шестова, Ивановъ настолько поконченный человѣкъ, что художнику оставалось только «прилично похоронить его, т. е.—похвалить его прошлое, пожалѣть о настоящемъ, и затѣмъ, чтобы смягчить впечатлѣніе, производимое смертью, пригласить на похороны общую идею». Последнее безусловно не вѣрно: если Чеховъ, дѣйствительно, хоронилъ человѣка въ Ивановѣ, то съ тѣмъ, чтобы уготовить мѣсто новымъ людямъ быть носителями идеи и борцами за нее. Прояснимъ нашу мысль: эта пьеса, помимо ея художественныхъ достоинствъ, поучительная страница въ исторіи нашей общественной жизни, идей и идеаловъ за послѣднюю четверть вѣка.

По сообщенію г. Сергѣенко въ его воспоминаніяхъ о Чеховѣ (прилож. къ «Нивѣ», 1904 г., X), Антонъ Павловичъ давалъ чисто случайное объясненіе того, какъ онъ написалъ «Иванова»: «Какъ-то былъ я въ театрѣ Корша, рассказывалъ Чеховъ. Шла новая пьеса. Вычурная, препротивная. Ни складу, ни ладу. Я и началъ, что называется, разносить пьесу. А Коршъ ехидно и говорить:

«А вотъ вы вмѣсто того, чтобы критиковать, лучше взяли бы да сами написали пьесу». Я и говорю: «хорошо, и напишу». Такъ и произошелъ «Ивановъ».

— И долго ты работалъ надъ нимъ?—спросилъ г. Сергѣенко.

— Не особенно. Недѣли двѣ съ чѣмъ-то. Да и не стоитъ, братъ, писать большихъ пьесъ. То ли дѣло водевилъ. Посидѣлъ вечеръ и готово»...

Такихъ авторскихъ признаній, конечно, нельзя принимать на вѣру въ буквальномъ смыслѣ *). Если же что подобное и было съ Чеховымъ, то, разумѣется, замѣчаніе Корша не могло бы послужить причиною написанія драмы, не будь элементы ея заранѣе въ душѣ художника, для котораго достаточно было случайнаго внѣшняго толчка, чтобы воплотить въ литературную форму образы, носившіеся передъ его воображеніемъ. Онъ далъ правдивую картину того, что есть, и отгѣнилъ—«насколько эта жизнь уклоняется отъ

*) Припомнимъ аналогичный рассказъ о происхожденіи «Свадьбы Крепчинскаго», написанной якобы на пари Сухово-Кобылинымъ.

нормы». Однако, мы видѣли, что Чеховъ отказывался опредѣлить что такое норма и даже прибавлялъ, что она «неизвѣстна никому изъ насъ». Но въ то же время онъ назвалъ своею «святою святыхъ»—человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ и т. д. и въ особенности—абсолютнѣйшую свободу отъ силы и лжи». Примемъ этотъ идеалъ Чехова за «норму»—по отношенію къ Иванову: отклоненія отъ нея сказываются на первый взглядъ лишь въ отношеніи «тѣла и здоровья», такъ какъ умъ, талантъ и все прочее въ Ивановѣ есть; другое отклоненіе—подавленность воли и отсутствіе не только «абсолютнѣйшей», но даже относительной свободы, при несомнѣнномъ стремленіи къ ней.

Художникъ изображаетъ,—не выраженію г. Шестова,—«поконченнаго человѣка, котораго осталось лишь похоронить». Частный ли это случай, или явленіе въ данный моментъ общее, типическое для цѣлаго поколѣнія? Понятно, что лишь во второмъ случаѣ оно будетъ законнымъ въ произведеніи искусства. Чеховъ говоритъ намъ, что это явленіе не единичное и въ другомъ своемъ произведеніи—«Рассказъ неизвѣстнаго человѣка»—ставитъ вопросъ—отчего это происходитъ? «Отчего мы утомились?»—спрашиваетъ себя тотъ неизвѣстный человѣкъ, который передъ этимъ только что созналъ, что въ немъ произошла перемѣна, что онъ сталъ другимъ.—«Отчего мы вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30—35 годамъ становимся уже полными банкротами? Отчего одинъ чахнетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водкѣ» и т. д., и т. д. «Отчего мы, упавши разъ, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, не ищемъ другого? Отчего?» Неизвѣстный человѣкъ, въ послѣдствіи названный Владиміромъ Ивановичемъ, не находитъ рѣшенія вопроса, но говоритъ о другомъ проснувшемся въ немъ чувствѣ—о страстномъ желаніи жить, жить такъ, «чтобы наша жизнь была свята, высока и торжественна, какъ сводъ небесный»... Это, конечно, не отвѣтъ на вопросъ. Перемѣна, происшедшая въ неизвѣстномъ человѣкѣ, совсѣмъ иная, чѣмъ въ Ивановѣ: типы отнюдь не однородны и различны мотивы ихъ дѣйствій. Неизвѣстный человѣкъ не совершилъ того, что ему было предназначено для дѣла мести, потому что старикъ, котораго онъ долженъ былъ убить, оказался ему жалкимъ и ничтожнымъ по сравненію съ тѣмъ моремъ пошлости, низости, скверны, которое онъ открылъ за время своего пребыванія въ должности лакея у Орлова. И эту пошлость не искоренить отдѣльнымъ отстраненіемъ единичнаго хотя бы и вреднаго для общества лица. И орудіе противъ нея должно быть инымъ: въ тотъ же вечеръ, когда приходилъ къ Орлову Кукушкинъ, и, выпустивъ его на улицу, «неизвѣстный человѣкъ» нагоняетъ его: «та ненависть, которой такъ недоставало мнѣ въ полдень, когда приходилъ старикъ,—говоритъ онъ,—теперь овладѣла мной». Онъ бьетъ по лицу Кукушкина бумажнымъ сверткомъ. Онъ можетъ только унижить его, оскорбить, показать свое презрѣніе, но даже не въ силахъ раздавить, ибо знаетъ, что за этимъ Кукушкинымъ сотни другихъ, такихъ же, какъ онъ, что всѣхъ не передушить и бороться съ этимъ зломъ людской пошлости надо инымъ орудіемъ. Ивановъ не питалъ ни прежнихъ замысловъ Владиміра Ивановича,

и не могъ пережить той же перемены. Однако, и онъ, вначалѣ смѣлый, вѣрующій, благородный—усталъ отъ жизни, надорвался и къ 35-ти годамъ сталъ полнымъ банкротомъ. Отчего? Припомнимъ, что и Орловъ—этотъ сытый, здоровый человѣкъ, также подъ конецъ впадаетъ въ самообличенія, получивъ письмо Владиміра Ивановича: «Да, моя жизнь ненормальна, испорчена, не годится ни къ чему,—говоритъ онъ,—а начать новую жизнь мнѣ мѣшаетъ трусость». Дѣло, однако, не только въ трусости. «Надо смотрѣть въ корень и искать въ каждомъ явленіи причину всѣхъ причинъ,—продолжаетъ нѣсколько далѣе Орловъ.—Мы ослабѣли, опустились, пали, наконецъ, наше поколѣніе всплошную состоитъ изъ неврастениковъ и нытиковъ, мы только и знаемъ, что толкуемъ объ усталости и переутомленіи, но виноваты въ этомъ не вы и не я; мы слишкомъ мелки, чтобы отъ нашего произвола могла зависѣть судьба цѣлаго поколѣнія. Тутъ, надо думать, причины болѣе общія, имѣющія съ точки зрѣнія биологической свой солидный *raison d'être*. Мы неврастеники, кисляи, отступники, но, быть можетъ, это нужно и полезно для тѣхъ поколѣній, которыя будутъ жить послѣ насъ»... Все это слишкомъ умно и глубоко для Орлова, устами котораго несомнѣнно здѣсь говоритъ авторъ. Итакъ, причины, отчего народилось цѣлое поколѣніе «неврастениковъ»—болѣе общаго свойства: ихъ нужно искать въ условіяхъ русской жизни въ данный моментъ, и можетъ быть еще дальше, шире, въ какихъ-нибудь законахъ мировой эволюціи. Моментъ этотъ уже пройденъ, пережить новыми поколѣніями, народившимися послѣ Ивановыхъ, Орловыхъ, Владиміровъ Ивановичей и т. д. Мы можемъ теперь объективнѣе къ нему отнестись и учесть его значеніе, изучая каждое явленіе въ отдѣльности и отыскивая въ немъ «причину всѣхъ причинъ».

Самъ Ивановъ, конечно, не могъ поставить діагноза своей болѣзни; онъ чувствуетъ только, что онъ надорвался; онъ вспоминаетъ, что жилъ особой, напряженной, идейной жизнью, не такъ, какъ «всѣ»: «вѣровалъ не такъ, какъ всѣ, женился не такъ какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои, самъ знаешь, бросалъ направо и налево, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто въ уѣздѣ»... «Чѣмъ, чѣмъ ты объясняешь такую утомляемость?—спрашиваетъ онъ далѣе Лебедева. Впрочемъ, это можетъ быть не то... не то, не то!..» И на замѣчаніе Лебедева—«тебя, братъ, среда заѣла»—Ивановъ съ полнымъ основаніемъ отвѣчаетъ: «Глупо, Паша, и старо». Конечно, для Иванова суть не въ средѣ, которой онъ стоитъ гораздо выше и давно сумѣлъ поставить себя въ независимое къ ней отношеніе. Ивановъ—недюжинная, выдающаяся личность, обладающая достаточнымъ сознаніемъ именно личной независимости. Причина не въ средѣ, а въ чемъ-то иномъ, болѣе глубокомъ, заключающемся въ немъ самомъ и въ выработанномъ и усвоенномъ имъ мировоззрѣніи.

Отмѣтимъ сперва, что отличительными свойствами его натуры являются прямота, ненависть къ компромиссамъ, неумѣнье лгать. Пять лѣтъ прожилъ онъ дружно съ женой: теперь настроеніе его переѣнилось, чувство прошло или измѣнилось—онъ не ощущаетъ къ женѣ «ни любви, ни жалости, а кабую-то пустоту и утомленіе». И онъ не умѣетъ, не можетъ скрыть прояс-

шедшей въ немъ перемѣны. Этого Львовъ никакъ не можетъ понять: Ивановъ неспособенъ къ жалости въ той области, гдѣ жалость, конечно, убійственна. И онъ откровенно говоритъ женѣ, сознавая, что это жестоко съ его стороны, несправедливо, все что угодно, но онъ не можетъ иначе: «когда меня мучаетъ тоска, то... я начинаю тебя не любить». Послѣ такого аргумента Анна Петровна, конечно, не настаиваетъ дольше. Мало того; послѣ отъѣзда Николая, когда докторъ начинаетъ нападать на него, она первая его останавливаетъ: «Вы говорите, что Николай то да се, пятое, десятое. Откуда вы его знаете? Развѣ за полгода можно узнать человѣка? Это, докторъ, замѣчательный человѣкъ, и я жалѣю, что вы не знали его два, три года тому назадъ»... Она полюбила его съ перваго раза и вся отдалась ему, перемѣнивъ вѣру, рассорившись съ родными.

Саша тоже полюбила его сразу, узнала его преимущество надъ другими, и первая открылась ему въ своей любви. Ивановъ не устоялъ передъ обаяніемъ свѣжаго, молодого чувства. Любовь притягива и трудно чувство заковать. Однако, можно бороться съ чувствомъ и побѣждать его, когда осуждаешь его, когда рѣшишь, что не слѣдуетъ ему поддаваться. Ивановъ почти не боролся со своимъ чувствомъ къ Сашѣ и шелъ ему навстрѣчу, быть можетъ, полусознательно даже вызывая его. Что оттолкнуло его отъ Анны Петровны, бывшей Сарры Абрамсонъ? Страдала гордость Иванова: Сарра, выходя за него замужъ, принесла рядъ жертвъ: «ради меня она перемѣнила вѣру, говоритъ Николай въ I дѣйствіи, бросила отца и мать, ушла отъ богатства, и еслибы я потребовалъ еще сотню жертвъ, она принесла бы ихъ, не моргнувъ глазомъ. Ну съ, а я ничѣмъ не замѣчательнъ и ничѣмъ не жертвовалъ»... Что «ничѣмъ не жертвовалъ»—это возможно и вѣроятно, но что онъ недюжинный человѣкъ,—это Ивановъ наперекоръ своимъ словамъ все же сознавалъ. Принятые жертвы его тяготили; онѣ шли въ разрѣзъ съ свободой и непроизвольностью чувства. Ему нужно было, чтобы его любили просто ради него самого, безъ жертвъ, безъ угнетанія личности.

Саша, полюбивъ Иванова, освобождалось отъ предрассудковъ и привязей къ средѣ. Это возвышеніе личности нравилось Иванову. Онъ почувствовалъ себя на мгновенье тоже свободнымъ; онъ захотѣлъ сбросить съ себя путы. Но его останавливала жалость передъ умирающей: не слѣдовало ли, какъ совѣтовали другіе, немного переждать, немного терпѣнія и онъ былъ бы свободенъ? Дюжинный человѣкъ на это пошелъ бы. Но для этого надо было притворяться, выказывать къ женѣ ту самую жалость, которая его такъ давила, когда онъ вспоминаетъ жертвы, принесенныя ему Саррой. И вотъ неосторожная вспышка со стороны жены, нѣсколько язвительныхъ замѣчаній, гордость Иванова была задѣта и ужъ онъ не помнить себя, бросаетъ въ лицо оскорбленіе женѣ, ускоряя ея смерть.

Послѣ этого, разумеется, и онъ конченный человѣкъ: онъ уже не могъ питать къ Сашѣ свободное чувство; она еще раньше говорила о немъ, какъ о больномъ человѣкѣ, неудачникѣ, къ которому ее влечетъ, чтобы выказать «дѣятельную любовь». «Дѣятельная любовь,—повторяетъ Николай ея слова—

гм... Порча это, дѣвичья философія, или, можетъ, такъ оно и должно быть... Чортъ его знаетъ». Онъ сразу не разобрался, но потомъ почувствовалъ: вѣдь это опять жертва, въ иной формѣ, чѣмъ у первой жены, но все-таки жертва, какое-то жалѣніе, снисходительность. А, вѣдь, онъ виноватъ, хоть отчасти, въ ускореніи смерти Сарры, которая столько жертвъ для него принесла. Его совѣсть совѣмъ запутывается, его гордость еще болѣе уязвлена. «Послушай, говоритъ онъ Сашѣ въ послѣднемъ актѣ,—я рѣзокъ, свирѣпъ, но, прости, злота душить меня и иначе говорить я не могу. Никогда я не глалъ, не клеветалъ на жизнь, но, ставши брюзгой, я противъ воли, самъ того не замѣчая, клевету на нее, ропщу на судьбу, жалуюсь, и всякій, слушая меня, заражается отвращеніемъ къ жизни и тоже начинаетъ клеветать». Николай твердитъ, что онъ погибъ безвозвратно, а отъ Саши его опять отталкиваетъ гордость, нежеланіе принять отъ нея жертвы: «ты молода, чиста, у тебя впереди жизнь, а я»... Иванову, дѣйствительно, оставалось только покончить съ собой и онъ бы это исполнилъ даже безъ вызова Львова, брошенное оскорбленіе котораго его почти не задѣваетъ, такъ какъ онъ самъ произнесъ надъ собой судъ.

На почвѣ любовныхъ перепетій авторъ раскрылъ намъ съ поразительной ясностью всѣ душевныя свойства Иванова: объ его прежней дѣятельности, объ его идеяхъ и идеалахъ не дѣлается конкретныхъ указаній, но мы знаемъ, что это за человѣкъ и можемъ сами вывести, что его одушевляло и двигало.

Когда онъ говоритъ доктору, въ I д., тономъ брюзжащаго человѣка: «не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ... вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше» и т. д., онъ явно иронизируетъ надъ собой и надъ докторомъ съ его «ярлыками и фирмой» (г. Качаловъ не передалъ этого отбѣика ироніи). Стремленіе къ свободѣ, конечно, было и остается основнымъ стимуломъ жизни Иванова и не ему было бояться исключительнаго положенія. Однако, это исключительность, дѣйствительно стала тяготить его. Отчего? Здѣсь умѣстно привести одно замѣчаніе г. Шестова о самомъ Чеховѣ, которое намъ представляется вполне вѣрнымъ: «Онъ не хотѣлъ оригинальности, онъ дѣлалъ нечеловѣческія напряженія, чтобы быть какъ всѣ, но отъ судьбы не уйдешь»—и Чеховъ «противъ воли сталъ своеобразенъ». Это свойство многое поясняетъ намъ и въ судьбѣ Иванова.

Свобода свободой, но и Ивановъ, какъ и нѣкоторые другіе персонажи у Чехова не могутъ, какъ мы видѣли, отдѣлаться отъ представленія о какой-то нормѣ, подъ которую они не подходятъ. Чеховъ отъ себя (въ приведенномъ частномъ письмѣ) сообщаетъ намъ, что онъ не знаетъ, что такое норма и что никому она неизвѣстна; однако, вѣдь, она формулировалась другими и отчасти самъ Чеховъ въ жизни, а главнымъ образомъ его дѣйствующія лица находятся подъ впечатлѣніемъ завѣщанныхъ формулъ и не могутъ освободиться отъ ихъ давленія.

Мы должны припомнить, что въ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ и нѣсколько позже параллельно стремленію къ признанію личности и отвоевыванію ея

правъ, создались весьма опредѣленные представленія о нѣкой «средней личности», которая признавалась за норму. Если Тургеневъ еще задавался вопросомъ о томъ что такое «необыкновенный человѣкъ» и пытался дать ему конкретное выраженіе («Андрей Колосовъ») и, вообще, склоненъ былъ создавать исключительныя натуры, съ выдающимися свойствами (Базаровъ, Рудинъ, Инсаровъ и т. д.), если Толстой изображалъ сознательнаго индивидуалиста въ цѣломъ рядѣ однородныхъ образовъ (Пьеръ Безуховъ, Левинъ), если, наконецъ, Достоевскій рѣшительно сталъ во второмъ періодѣ своей литературной дѣятельности, начиная съ Раскольникова, изображателемъ совершенно исключительныхъ, изъ ряда выходящихъ, сложныхъ психическихъ организмовъ, въ которыхъ можно усматривать даже крайній индивидуализмъ,—то въ нашей литературѣ было и другое теченіе, которое приводитъ насъ къ «Мѣщанскому счастью» Помяловскаго, къ типу Молотова, съ его чувствомъ усталости и разсудочностью, съ его стремленіемъ отдохнуть и «честно наслаждаться жизнью». Припомнимъ идеалы типовъ романа «Что дѣлать?» и все движеніе народнической литературы, которая звала, такъ сказать, сверху внизъ и, отстаивая съ полнымъ основаніемъ принципы справедливости и уравниенія правъ, интересовалась болѣе элементарной средней личностью, съ установленіемъ лишь ея наиболѣе основныхъ, естественныхъ свойствъ. Теорія «уравнительства» неизбѣжно требовала и нормировки человѣческихъ потребностей. Развѣнчиваніе героевъ и героическаго, первенствующаго значенія, придаваемое народнымъ массамъ, культъ простолюдина—все это не прошло и не могло пройти безслѣдно на представленіяхъ объ идеальной нормѣ человѣка, вызвало ограниченіе понятія индивидуальности и ставило требованіемъ для мыслящихъ людей, воспримчивыхъ къ идеямъ общественности, подчиняться извѣстной нормѣ, «быть какъ всѣ». Но норма оказалась слишкомъ тѣсной. Дѣйствительно выдающіеся люди не подходили подъ нее. Понятія о нормальномъ и ненормальномъ спутались. Чеховъ въ рядѣ отрицательныхъ явленій словно хочетъ намъ показать, что человѣкъ не долженъ бояться быть самимъ собою, какъ можно полнѣе и всестороннѣе, не долженъ кивать на какія-то нормальныя условія, отъ которыхъ онъ уклонился, которыя не выполнялъ: онъ самъ создаетъ свою норму.

Пока онъ не дойдетъ до этого сознанія, онъ не можетъ быть вполне свободнымъ человѣкомъ. Ивановъ остановился на полъ-пути: его заѣдалъ червь быть человѣкомъ «какъ всѣ», «средней личностью», тогда какъ онъ не могъ быть ею, не могъ по натурѣ, выдающейся изъ рамокъ дюжинности. Пьеса «Ивановъ» знаменуетъ переходный моментъ отъ понятія личности къ понятію индивидуальности.

Личность это то, чѣмъ надлежитъ по праву каждому быть, что приходилось въ свое время отбрасывать и теперь еще, къ сожалѣнію, не за всѣми признается. Личность—это элементарныя права и свойства человѣческой природы; это минимумъ требованій, который отнюдь не можетъ быть возведенъ въ норму представленія о человѣкѣ. Индивидуальность есть личность плюсъ нѣчто большее, что составляетъ пока удѣлъ меньшинства человѣческаго рода, но въ то же

время служить двигателемъ и для большинства. Каждый можетъ и долженъ быть личностью, но не каждый способенъ стать индивидуальностью. Если же природныя свойства выделяютъ человѣка изъ типа «средней личности», то онъ долженъ мужественно нести «свой крестъ», не боясь уклоненій отъ нормы, ибо понятіе человѣка шире и глубже извѣданныхъ нормъ, таинственнѣе и загадочнѣе уравновѣшенной средней личности, и предѣлы индивидуальнаго развитія, какъ и вообще понятія индивидуальности далеко не установлены. Чеховъ впослѣдствіи развилъ эту мысль въ «Черномъ монахѣ»: грань между нормой и тѣмъ, что представляется за предѣлами нормы, едва уловима. «Здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди, — говоритъ черный монахъ. Соображенія на счетъ нервнаго вѣка, переутомленія, вырожденія и т. п. могутъ серьезно волновать только тѣхъ, кто цѣль жизни видитъ въ настоящемъ, то-есть стадныхъ людей». Ковринъ дѣйствительно психически-больной человѣкъ, онъ видитъ галлюцинаціи и на грани помѣшательства. Но, побѣдивъ болѣзнь и вернувшись къ обыденнымъ занятіямъ, онъ чувствуетъ, что превратится въ «посредственность»; предъ нимъ перспектива—«быть обыкновеннымъ профессоромъ, излагать вялымъ, скучнымъ, тяжелымъ языкомъ обыкновенныя и при томъ чужія мысли». И вотъ въ послѣдній разъ промелькнула передъ нимъ фигура чернаго монаха, который «съ укоризной, глядя ласково на Коврина», спрашиваетъ его: «Отчего ты не повѣрилъ мнѣ?» И все-таки, на протяженіи этого разсказа, мы остаемся подъ впечатлѣніемъ, что идеальная норма человѣка въ нѣкоторомъ смыслѣ «ненормальна», по несоотвѣстствію принятымъ шаблонамъ.

Итакъ, внутренняя драма Иванова заключается въ томъ, что, не будучи «человѣкомъ, какъ всѣ», онъ тяготился своей исключительностью и противъ воли переступалъ шаблоны, былъ своеобразенъ, самъ того не желая, но не достаточно силенъ, чтобы признать за собой право самому создавать свою норму. Болѣзнь воли—естественный результатъ недостатка самосознанія индивидуальности. Она наглядно обрисована въ пьесѣ. Физическая болѣзнь—усталость, надорванность, неврастенія и т. п.—показатель общаго у насъ неумѣнія расходовать свои силы въ молодые годы, вслѣдствіе чего къ тому періоду времени, которое еще Данте опредѣлялъ лишь половиною нашей сознательной жизни,—35 лѣтъ: *nel mezzo del camin di nostra vita*,—которое на западѣ, вообще считается еще эпохой юности, у насъ многіе, дѣйствительно, чувствуютъ себя уже надломленными, неспособными къ тому, чтобы начать новую жизнь, если обстоятельства указываютъ на эту необходимость. Для нѣкоторыхъ, впрочемъ, это лишь болѣзненный кризисъ, который переживается и природныя силы одерживаютъ надъ нимъ верхъ. Могло это случиться и съ Ивановымъ, если бы не моральный гнетъ больной воли.

Чехова провозгласили по преимуществу изобразителемъ обыкновенныхъ, дюжинныхъ людей, сѣренькой дѣйствительности, пѣвцомъ безнадежности и т. п. Но эта «безнадежность» ограничена предѣлами подчиненія этой самой дѣйствительности, которой Чеховъ былъ безпошаднымъ изобличителемъ. Самъ онъ не только вѣрилъ въ лучшее будущее, которое въ послѣднихъ своихъ произведе-

нихъ неимѣнно возвѣщалъ, что заставило говорить о пресловутыхъ «просвѣтахъ» въ его творествѣ, но былъ глубоко убѣжденъ, что оно наступитъ въ силу закономѣрныхъ, мировыхъ процессовъ. Интересовался онъ и общественными явленіями въ гораздо большей степени, чѣмъ это принято было думать. Вотъ, напримѣръ, цитата изъ частнаго письма къ намъ Чехова отъ 23 января 1898 года, изъ Ниццы, гдѣ онъ въ ту пору находился:

«У насъ только и разговоровъ, что о Зола и Дрейфусъ. Громадное большинство интеллигенціи на сторонѣ Зола и вѣритъ въ невинность Дрейфуса. Зола выросъ на цѣлыхъ три аршина; отъ его протестующихъ писемъ точно свѣжимъ вѣтромъ повѣяло и каждый французъ почувствовалъ, что, слава Богу, есть еще справедливость на свѣтѣ и что, если осудятъ невиннаго, есть кому вступить съ. Французскія газеты чрезвычайно интересны, а русскія хоть брось. «Новое Время» просто отвратительно».

Двумя годами позже, отвѣчая на мое письмо по одному литературному дѣлу, причѣмъ я мимоходомъ упомянулъ о настроеніи данной минуты, Чеховъ отвѣтилъ длиннымъ письмомъ, гдѣ между прочимъ высказалъ слѣдующее:

«Вы пишете—не знаешь откуда чайтъ движенія воды. А вы чаєте? Движеніе есть, но оно, какъ движеніе земли вокругъ солнца, невидимо для насъ» (письмо отъ 24 января 1904 г.).

Всячески, стало быть, движеніе есть и ни о какой-либо, абсолютной или относительной, безнадежности не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ того: есть твердое, неуклонное убѣжденіе и въ существованіи справедливости на свѣтѣ, и въ незамѣтномъ для глаза, но неукоснительномъ движеніи человѣчества впередъ. Только близорукая критика могла возвести «нытье» Чехова въ коренное свойство его творчества и не разглядѣть за его изобличительными картинами смѣлаго порыва автора къ свободѣ и къ свѣту.

Мы видѣли, что устами Орлова въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка» Чеховъ ссылается на значеніе какого-то общаго біологическаго процесса, въ силу котораго было «нужно и полезно» поколѣніе неврастениковъ и нытиковъ для «тѣхъ поколѣній, которыя будутъ жить послѣ нихъ». Въ чемъ же выразилась реакція послѣдующихъ поколѣній, выступившихъ на смѣну Ивановымъ?

На нашихъ глазахъ поднялась волна сознательнаго индивидуализма. Послѣдующее поколѣніе отвѣтило на стремленіе удержаться въ предѣлахъ «средней личности» смѣлымъ призывомъ къ признанію полной автономіи личности, надъ которой уже не тяготѣютъ условныя и традиціонныя нормы. Культъ своего я перешелъ даже, какъ извѣстно, въ крайность и законныя права индивидуальности были смѣшиваемы съ одностороннимъ индивидуализмомъ, порывающимъ привязи единицъ съ обществомъ, части съ цѣлымъ. Важно, однако, лишь провозглашеніе болѣе широкаго пониманія индивидуальныхъ запросовъ, ихъ законность, отрицаніе шаблоновъ для нормировки предѣловъ личности, признаніе неразгаданности человѣка во всемъ объемѣ его духовныхъ

свойствъ и невозможности ставить предѣлы индивидуальному развитію и индивидуальнымъ особенностямъ.

Чеховъ отнюдь не былъ противникомъ общихъ идей, теорій и даже «философскихъ системъ». Но идеи никоимъ образомъ не должны обращаться въ «ярлыки и фирмы», теоріи и системы не должны давить своей возможной неполнотой и ограниченностью свободный человѣческій духъ. Въ этомъ отношеніи, т.-е. сохраненія права за каждымъ человѣкомъ испытывать свою совѣсть и самому изслѣдовать правду жизни, Чеховъ приходилъ не разъ къ выводу, сформулированному другимъ, во многомъ близкомъ ему, несмотря на различіе художественнаго темперамента, выдающимся нашимъ писателемъ—Вл. Г. Короленко,—что «жизнь шире и глубже всякихъ теорій». И что возразить на это?...

Но человѣкъ не можетъ обходиться не только безъ идеи, которая является болѣе или менѣе отдаленнымъ, умозрительнымъ синтезомъ наблюденій, опыта, и мыслей о жизни, но безъ болѣе непосредственныхъ принциповъ, руководящихъ правилъ, теорій или того, что въ наукѣ называется «рабочими гипотезами». Все это полезно и нужно, если не опускать изъ виду относительности всякихъ подобныхъ «системъ». Правила жизни подлежатъ постоянной провѣркѣ и не нужно бояться возможныхъ перемѣнъ въ воззрѣніяхъ, подвергая анализу усвоенные принципы или воспринятыя идеи, или, наконецъ, болѣе или менѣе пассивное подчиненіе личному настроенію, обстоятельствамъ момента или преподааннымъ девизамъ. Но чтобы выйти побѣдителемъ изъ такого кризиса нужно стать индивидуальностью, не только стремиться къ свободной жизни, но уметь оберегать свою свободу.

По отношенію къ этой темѣ дѣйствующія лица въ названныхъ произведеніяхъ Чехова представляются намъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: Войничкій въ «Дядѣ Ванѣ» отдалъ свою жизнь на ненужную жертву; онъ дѣйствовалъ въ силу благородности своей натуры, но и по ослѣпленію въ чрезмѣрномъ возвеличеніи человѣка (профессоръ Серебряковъ), въ которомъ окончательно разочаровался. Его собственная жизнь кончена и разбита тогда, какъ онъ могъ и долженъ былъ бы начать новую жизнь. Онъ не сумѣлъ своевременно отнестись критически къ избранному имъ «девизу жизни», не сумѣлъ своевременно «разглядѣть» Елену Андреевну, когда ей было всего 17 лѣтъ и она была свободна, не сумѣлъ самъ управлять своею жизнью, стать независимымъ человѣкомъ вмѣсто того, чтобы подчиняться либо обстоятельствамъ, либо заботамъ о другихъ, либо, наконецъ, порабощенію себя постороннимъ вліяніемъ и вотъ теперь—«когда нѣтъ настоящей жизни, то живешь миражами». Астровъ цѣлнѣе: этотъ умный, красивый, выдающійся человѣкъ проходитъ какъ тѣнь мимо Дяди Вани, уничтожая его своей противоположностью, но самъ онъ замкнулся въ горделивомъ одиночествѣ и пропускаетъ мимо себя Елену Андреевну, какъ, быть можетъ, и многое иное въ жизни, для какого-то своего дѣла, испугавшись, что, подчинись онъ чувству къ Серебряковой—«и я бы погибъ, да и вамъ бы не одобровать. Ну, уѣзжайте. *Finita la comedia*».

Въ иномъ смыслѣ «ошибся» Владиміръ Ивановичъ (рассказъ неизвѣстнаго

человѣка) въ своихъ прежнихъ дѣлахъ, въ поставленной себѣ задачѣ: въ немъ произошла перемѣна, которая, конечно, обусловлена не только болѣзью, утомленностью, чрезмѣрнымъ напряженіемъ въ расходѣ силъ, наконецъ, любовью. Идеѣ онъ остался вѣренъ, но она представилась ему въ иномъ освѣщеніи, шире и глубже, отъ столкновенія съ непосредственной жизнью и возникъ роковой вопросъ—не призываетъ ли это открытіе къ новымъ формамъ борьбы и какъ къ этому подойти? Въ Ивановѣ никакой перемѣны въ этомъ смыслѣ не произошло: онъ не испыталъ разочарованій, не сдѣлалъ новыхъ открытій, и его дѣло или «дѣла», о которыхъ весьма смутныя указанія даются въ пьесѣ, по всей вѣроятности, пошли бы въ томъ же направленіи, какъ и прежде, завершившись благополучно его новый «романъ». Но прежнія задачи его все-таки уже не вдохновляли; онъ жаждалъ новаго, а воля его ослабѣла; сознаніе своей исключительности, при желаніи быть зауряднымъ работникомъ, его тяготило, и на этой почвѣ разыгралась вся драма, которая завершилась его гибелью.

Каждый изъ указанныхъ кризисовъ могъ разрѣшиться въ личной жизни названныхъ персонажей и привести къ тому, что называется «перерожденіемъ» человѣка, съ тѣмъ, чтобы начать жить по новому, послѣ того, какъ извѣстное душевное состояніе и процессъ мыслей—завершатъ свой кругъ, когда человѣкъ перестрадаетъ, передумаетъ, переживетъ все то, что приводитъ къ мучительно добытому сознанію своей индивидуальности. Но Чеховъ предпочелъ распределить работу между разными поколѣніями: одни доходятъ отрицательнымъ путемъ до сознанія того, чего имъ не доставало; другимъ поколѣніямъ оставалось лишь это воспринять и быть «новыми». Такъ въ жизни оно, отчасти, и произошло, и упрочилось представленіе о «переходномъ поколѣніи» въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія: Ивановъ есть, конечно, уже прошлое для тѣхъ, кто «началъ жить» въ 90-хъ годахъ.

Историческую роль героя рассматриваемой пьесы Чехова мы бы прояснили при помощи слѣдующаго сравненія.

Въ капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ хранится знаменитый мраморъ пергамской эпохи греческаго искусства: это, какъ полагаютъ, позднѣйшій снимокъ со статуи, исполненной еще въ III в. до Р. Х., и теперь, спустя около двухъ тысячъ лѣтъ, возбуждающій справедливое удивленіе передъ мастерствомъ неизвѣстнаго намъ художника. Изображенъ умирающій галлъ. Съ поникшей головой, припавъ на руку, опирающуюся на ненужный болѣе щитъ, другой рукой охвативъ колѣно согнутой ноги, которая босильно имъ подобрана, въ то время какъ другая нога медленно вытягивается, этотъ сраженный воинъ—олицетворенное благородство и мужество, на которыя медленно надвигается опѣпѣніе смерти. Онъ еще не умеръ, но застылъ въ предсмертной позѣ, загубленный, надорванный, приговоренный, все же прекрасный въ этотъ мигъ расставанія съ жизнью, въ которой ему уже не выступать бойцомъ. Искусство невѣдомаго намъ скульптора выразилось въ особенности въ правдѣ и жизненности образа, въ превосходствѣ передачи анатоміи тѣла, чуждой прикрасъ и преувеличеній, въ характеристикѣ типическихъ чертъ лица, благодаря которымъ удалось возстановить значеніе неизвѣстнаго раньше изображе-

нія; фигура сама за себя говоритъ, открылась намъ черезъ много вѣковъ и остается единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ перваго нашествія галловъ и столкновенія ихъ съ бывшими властителями міра. Въ этомъ первомъ сраженіи съ греками галлы были побѣждены. Но обстоятельства потомъ перемѣнились и галлы все же побѣдили Римъ...

Этотъ образъ «умирающаго галла» напоминаетъ намъ и Чеховскій Ивановъ: тѣ же качества художественнаго воплощенія образа, та же тема—погибающаго борца, сраженнаго, ослабѣвшаго, не имѣющаго болѣе силъ, чтобы поднять свой стягъ и укрыться за щитомъ. Быть можетъ, поражение было необходимо и неизбежно, какъ и для горсти галловъ, выступившихъ передовыми бойцами въ авангардѣ идущихъ за ними полчищъ «варваровъ». Но когда двинулись эти полчища, римская имперія дрогнула и на ея развалинахъ возникли новыя государства, въ составѣ новыхъ народностей. Судьба поколѣній зависитъ отъ общихъ, «большихъ причинъ»,—какъ выразился Чеховъ,—и можетъ быть действительно онѣ имѣютъ «съ точки зрѣнія биологической свой солидный *raison d'être*»...

Намъ хотѣлось бы отвѣтить еще на одно возраженіе, по поводу роли Сарры, сдѣланное рецензентомъ «Русскаго Богатства» (1889 г., мартъ, «Обо всемъ» Соверцателя) и кажущееся на первый взглядъ не лишеннымъ убѣдительности. Авторъ статьи объ «Ивановѣ» рассматриваетъ вопросъ, на какой почвѣ могли возникнуть семейныя недоразумѣнія у Иванова съ женой и, между прочимъ, ставить какъ бы въ упоръ Чехову, что онъ взялъ исключительный случай, заставивъ Сарру страдать чахоткой. Въ художественномъ произведеніи, конечно, всякая «случайность» должна по возможности быть исключена и стоять въ томъ или другомъ подчиненіи замыслу автора. Но нельзя требовать и того, чтобы жизнь и въ произведеніи искусства была расписана по какой-то трафаретѣ и чтобы задачи художественнаго творчества рѣшались, какъ уравненія въ n -степеней. Сарра могла бы и не быть больной чахоткой, и не быть еврейкой, и обладать какими угодно качествами преданной до самозабвенія женщины, и все-таки Николай могъ къ ней охладѣть и полюбить другую дѣвушку: такіе психическіе процессы не подлежатъ математическому учету. Но въ тоже время, какъ было указано, онъ могъ такъ или иначе справиться со своимъ чувствомъ или, наоборотъ, открыто порвать съ женой, развѣхаться, развестись и жениться на Сашѣ. *Больная* Сарра осложняла этотъ рѣшительный шагъ, такъ какъ ея жизнь до нѣкоторой степени зависѣла отъ отношенія къ ней Николая, который зналъ это. Зналъ и тяготился. Это лишніе пути его порыву къ свободной жизни. Будь Сарра вполне здоровый человекъ, не приноси она никакихъ жертвъ, когда выходила замужъ за Николая, не чувствуя онъ себя въ извѣстномъ смыслѣ обязаннымъ ухаживать за ней, ублажать, и въ тоже время про себя ждать ея смерти, авторъ не раскрылъ бы намъ многихъ свойствъ натуры Николая. Кромѣ того, Сарра—это прошлое Николая, то прошлое, когда онъ кипѣлъ, куда-то рвался, на что-то отдавалъ свои силы, боролся и поникъ въ безсиліи одиночества, а теперь ему рисуется на мигъ новая жизнь безъ жертвъ, безъ напрасныхъ терзаній, бодрая и смѣ-

лая, только бы хватило силъ. Сарра должна была отойти, какъ эмблема прошлаго (возможно, что Ивановъ, хотя въ этомъ и не признается, считалъ и для себя нѣкоторымъ «подвигомъ», что онъ, потомокъ князей Шабельскихъ, женился на еврейкѣ: было такое время): ея физическая немощь отбѣняетъ душевный разладъ въ Ивановѣ, для котораго, будь Сарра здоровой и вполне уравновѣшенной натурой, задача не представилась бы столь сложной, а соотвѣтственно авторъ не могъ бы намъ раскрыть изображаемый типъ во всѣхъ изгибахъ и излучинахъ его душевной организаціи: цѣль его не была бы достигнута.

Мы совсѣмъ отошли отъ оцѣнки исполненія «Иванова» въ его возобновленномъ видѣ въ московскомъ художественномъ театрѣ. Но добавить къ сказанному въ самомъ началѣ этой статьи осталось намъ немного. г. Качаловъ въ роли Иванова былъ слишкомъ однотоненъ и одноцвѣтенъ: онъ далъ, какъ говорится, хорошую «маску» умирающаго человѣка, но въ его исполненіи не чувствовалось подъема, не было вспышекъ, порывовъ нервности. Когда Ивановъ говоритъ Сашѣ—«я рѣзокъ, свирѣпъ», «злота душишь меня»,—можно было думать, что это говорится про какое-нибудь совершенно постороннее лицо. Въ роли Сарры г-жа Книперъ была очень трогательна и изящна въ первыхъ дѣйствіяхъ. Она волею судьбы упала въ обморокъ въ сценѣ второго дѣйствія, у Лебедевыхъ. Но въ капитальной сценѣ объясненія съ Ивановымъ въ третьемъ актѣ не чувствовалось надлежащаго трагизма. Изображать гнѣвъ и раздраженіе, быть одновременно жалкой и уязвляющей, произносить «злые слова» съ плачемъ въ душѣ—все это оказалось не въ средствахъ талантливой артистки, которая не изгладилась у насъ въ памяти прежнихъ исполнительницъ этой роли (въ особенности г-жу Стрепетову). Безупреченъ былъ г. Москвинъ въ роли Львова. Удивительно разнообразно дарованіе этого вылающагося артиста. Интересенъ былъ г. Станиславскій въ роли князя Шабельскаго, но, какъ указано, въ сожалѣнію впадалъ въ шаржъ. Шаржировали и другія дѣйствующія лица (кромѣ г. Леонидова, оказавшагося весьма хорошимъ Борянымъ), шаржъ былъ и въ постановкѣ, и все это наводитъ на мысль, что артисты, выдвинувшіе принципъ «художественнаго исполненія» должны были бережнѣе ограждать его, ибо подчеркиваніе есть по существу явленіе антихудожественное.

Объ исполненіи «миніатюръ» Чехова, т.-е. представленія въ лицахъ нѣкоторыхъ его рассказовъ, не приходится говорить, такъ какъ это нѣсколько насильственное приспособленіе другого рода литературы къ несоотвѣтствующей ему обстановкѣ. Въ небольшомъ кружкѣ, при исключительныхъ обстоятельствахъ, такія представленія, конечно, могутъ имѣть мѣсто въ видѣ проверки чрезвычайной мѣткости и характерности языка діалоговъ Чехова: въ цѣломъ же смыслъ разсказа, урѣзанный до діалога, теряется и получается порой впечатлѣніе, обратное тому, которое имѣлъ въ виду авторъ, такъ какъ смѣшная situatіa, отдѣльныя смѣшныя словески, заслоняютъ его настоящій умыселъ («Хирургія», «Злоумышленникъ»). И здѣсь обстановка, чересчуръ детальная, слишкомъ добросовѣстно воспроизводимая во всѣхъ мелочахъ, положительно мѣшала впечатлѣнію, не соотвѣтствуя эскизности самихъ сценъ.

Мы не можемъ, въ заключеніе, не припомнить еще одного отзыва Антона Павловича въ письмѣ къ намъ отъ 6-го ноября 1902 года изъ Москвы по поводу возобновленія «Власти Тьмы» въ художественномъ театрѣ. Пьеса прошла не безъ успѣха, писалъ Чеховъ. Не выдвигая отдѣльныхъ исполнителей, онъ отмѣчалъ только, что... «въ постановкѣ чувствуется много добросовѣстности и любви къ дѣлу». Это, конечно, весьма «солидная», по его же выраженію, качества; только есть опасность, отъ которой мы желали бы искренне предостеречь поборниковъ настоящаго искусства, опасность доводить добросовѣстность до недобросовѣстности, т.-е. главное заслонять частностями и деталями придавать чрезмѣрное значеніе въ ущербъ тому, что составляетъ самое цѣнное въ художественномъ произведеніи и его воспроизведеніи: рельефной передачѣ идеи автора въ выразительныхъ образахъ.

Ө. Батюшковъ.

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ ГИБЕЛИ РУССКИХЪ ТИХООКЕАНСКИХЪ ЭСКАДРЪ.

43. Нѣтъ добраго дерева, которое приносило бы худой плодъ, и нѣтъ худого дерева, которое приносило бы плодъ добрый.

44. Ибо всякое дерево познается по плоду своему, потому что не собираютъ смоквъ съ терновика и не снимаютъ винограда съ кустарника.

Отъ Луки, гл. VI.

Событія дней 14-го и 15-го мая 1905 года вписали черную страницу въ книгу русской исторіи: въ эти дни погибла наша эскадра, отправленіе которой на Дальній Востокъ Государь Императоръ въ телеграммѣ на имя адмирала Рожественскаго, напутствовалъ словами: «Вся Россія съ вѣрою и крѣпкою надеждой взираетъ на васъ» *). Теперь эта эскадра потеряна, а вмѣстѣ съ нею утрачена и теплившаяся въ сердцахъ сторонниковъ продолженія войны надежда на приобрѣтеніе господства на морѣ, которое одно только, по мнѣнію военныхъ авторитетовъ всѣхъ націй, могло бы обѣщать Россіи вѣрный успѣхъ ея военныхъ операцій въ Манчжуріи.

До 14-го мая мы потеряли въ войнѣ съ Японіей 6 броненосцевъ, 9 крейсеровъ, 6 канонерскихъ лодокъ, 2 минныхъ транспорта и 13 истребителей миноносцевъ **).

14-го и 15-го мая къ длинному списку этихъ «мертвецовъ», поскольку выяснилось до сихъ поръ, присоединились еще 7 броненосцевъ, 5 крейсеровъ и нѣсколько вспомогательныхъ крейсеровъ и болѣе мелкихъ судовъ (миноносцевъ и истребителей миноносцевъ). Наконецъ, 15-мая перешли въ руки непріятеля сданные ему по сигналу съ адмиральскаго судна 4 броненосца...

*) „Новое Время“, № 10295.

**) По даннымъ „Морского Сборника“. 1905 г., № 4, стр. 146.

Грустный перечень еще не конченъ, читатель: въ нейтральныхъ портахъ стоять «парализованными», т.-е. разоруженными и не имѣющими права вернуться въ Россію до окончанія войны: 1 броненосецъ, 5 крейсеровъ, 1 канонерская лодка, 1 транспортъ и болѣе десятка миноносцевъ и истребителей миноносцевъ.

Остатки флота, которыми располагаетъ теперь наше отечество, такъ слабы, что роль его въ эту войну надо считать оконченной... Не признать этого факта нельзя, мириться съ нимъ надо. Но нельзя въ то же время отрѣшиться отъ мучительнаго желанія скорѣйшаго отвѣта на вопросы: почему это такъ случилось? Гдѣ кроются причины столь фатальныхъ результатовъ и что надо сдѣлать для устраненія возможности повторенія въ грядущемъ того, что мы переживаемъ въ настоящемъ?

Каковъ бы ни былъ истинный отвѣтъ на эти вопросы, искать его, конечно, надо въ разсмотрѣніи главныхъ факторовъ, влияющихъ на результаты военныхъ операцій флота, во всей ихъ совокупности. Эти факторы суть: 1) стратегическія условія театра войны; 2) качества матеріальнаго состава флота и 3) качества личнаго состава флота.

I.

О стратегическихъ условіяхъ театра войны.

Очертанія береговой линіи японскихъ острововъ и гористый характеръ береговой мѣстности создали для операцій японскаго флота необыкновенно благопріятное стратегическое положеніе. Заливы Токійскій и Нагасаекскій, также какъ и всѣ другіе доступны къ обильнымъ внутреннимъ водамъ Японіи, представляютъ превосходныя портовые убѣжища, около которыхъ и находятся наиболѣе богатые города и которыя легко могутъ быть заграждены минами и приведены въ безопасное положеніе отъ нападеній непріятельскаго флота.

Главную операціонную базу для японскаго флота составляли три превосходно укрѣпленные портовые пункта: Сасебо на сѣверо-западномъ берегу острова Кіу-Сіу; Симоносеки (западный выходъ изъ внутренняго воднаго бассейна) и Такешики—отличная гавань на островѣ Цусима, лежащемъ въ Корейскомъ проливѣ. Въ дополненіе къ этимъ тремъ пунктамъ Японія также подготовляла, еще задолго до войны, овладѣніе лежащимъ напротивъ Цусимы корейскимъ портомъ Мозампо и солидное укрѣпленіе его,—что и выполнила съ самаго начала войны. Флотъ, расположенный въ названныхъ четырехъ близкихъ между собою портахъ, могъ контролировать движеніе русскаго флота съ трехъ сторонъ,—отъ Портъ-Артура, Владивостока и Сингапура,—и на каждую его часть, идущую съ какой-либо изъ этихъ сторонъ, сдѣлать нападеніе цѣлымъ своимъ флотомъ. При этомъ à priori была очевидна возможность,—которая и обратилась въ совершившійся фактъ въ злополучной для насъ цусимской битвѣ,—атаки нашихъ судовъ, при проходѣ ихъ чрезъ Корейскій проливъ флотиліей миноносцевъ. При такихъ условіяхъ тотъ же районъ водъ даетъ хорошо охраняемый путь для переправы на морскихъ транспортахъ японской арміи въ Корею—аванпостъ сухопутныхъ операцій въ Манчжуріи.

Каково же было, до начала войны, положеніе Россіи на театрѣ морскихъ операцій? У нея имѣлся, какъ имѣется и теперь, обширный, хорошо защищенный отъ природы, морской портъ во Владивостокѣ, съ судовыми доками, арсеналомъ и всѣми необходимыми оборудованіями для содержанія и вооруженія флота. Но онъ имѣетъ и серьезное неудобство—замерзаемость среди зимы, когда суда могутъ выходить изъ него въ море только по каналу, продѣланному при помощи ледокола... Не это ли обстоятельство и было причиной того, что еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1903 года, когда для властей нашихъ и дипломатическихъ представителей на Дальнемъ Востокѣ было ясно, что «война виситъ надъ головой», большая часть Тихоокеанскаго русскаго флота была переведена въ Портъ-Артуръ, гдѣ онъ и нашелъ свою могилу!

Стратегическое положеніе Портъ-Артура ни русскіе, ни иностранные авторитеты военнаго дѣла никогда не признавали выгоднымъ, и не только по теоретическимъ соображеніямъ, но и на основаніи опыта японо-китайской войны 1894—1895 года. Выдающаяся въ Желтое море оконечность Ляодунскаго полуострова, на которой, какъ мы знаемъ, расположенъ этотъ портъ, соединяется съ твердой землею чрезвычайно узкимъ перешейкомъ, съ глубоко вдавшимся въ него съ востока заливомъ Талиенванъ. «Этотъ послѣдній,—писалъ еще въ самомъ началѣ войны одинъ изъ австрійскихъ журналовъ *), сдѣлавшійся пророкомъ вмѣстѣ со многими другими,—«даетъ возможность непріятельскому флоту дѣйствовать одновременно съ сухопутными войсками, которыя легко могутъ занять на упомянутомъ перешейкѣ укрѣпленную позицію и, при помощи флота, совершенно отрѣзать портъ отъ содѣйствія русской арміи». Итакъ, стратегическое положеніе Портъ-Артура не отвѣчаетъ требованіямъ, предъявляемымъ отъ военнаго порта, главное назначеніе котораго—служить охраной своему флоту. При этомъ рассматриваемый портъ представляетъ огромныя неудобства и какъ убѣжище для современныхъ судовъ, такъ какъ глубина его очень неудобна для стоянки послѣднихъ. Его западный портовый бассейнъ такъ мелководенъ, что при отливѣ большая часть его остается на сушѣ, а притомъ еще главный входъ его съ моря въ гавань такъ извилистъ и тѣсенъ, что большія военныя суда могутъ проходить по немъ только въ высокую воду, но и тогда лишь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ... «Все это превращаетъ портъ какъ бы въ мышеловку для вошедшихъ туда судовъ».

Русское правительство, видимо, сознавало всѣ охарактеризованныя сейчасъ невыгоды Портъ-Артура, и немедленно по занятіи послѣдняго въ 1896 году приступило къ работамъ по укрѣпленію его съ моря (что, повидимому, и успѣло исполнить до начала войны) и съ суши (что не было закончено до войны), а также проектировало углубить въ бассейнѣ порта надлежащее пространство для удобнаго и закрытаго убѣжища военнаго флота и расширить и углубить упомянутый узкій проходъ въ общую портовую бухту... Однако, изъ этого проекта было исполнено только немного, «по недостатку отпускавшихся на

*) „Mitheilungen aus dem Gebiete des Seewesens“, 1904, Vol. XXXII, № IV. Цитирую по „Морскому Сборнику“, 1904 г., мартъ, стр. 169.

то изъ года въ годъ средствъ», говорили портъ-артурцы. А рядомъ съ этимъ огромныя суммы тратились на устройство въ Талиенванской бухтѣ города Дальняго, съ его обширнымъ морскимъ портомъ, который предназначался быть главнымъ «посредникомъ» въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Дальнимъ Востокомъ.

Въ задачу этой статьи не входитъ разсмотрѣніе того, какими соображеніями оправдывались надежды на возможность такого значенія Дальняго; но несомнѣнно одно, что всѣ военные авторитеты, и морскіе и сухопутные, смотрѣли на возникновеніе этого порта возлѣ Портъ-Артура съ большимъ недоумѣніемъ и опасеніемъ, такъ какъ имъ было ясно, что, по условіямъ мѣстности, Дальній не могъ быть укрѣпленъ ни съ моря, ни съ суши такъ, чтобы сдѣлать его недоступнымъ для непріятеля; «въ случаѣ же занятія его послѣднимъ,—говорили они,—торговый портъ этотъ будетъ тѣмъ болѣе цѣннымъ опорнымъ пунктомъ осадныхъ операцій противъ Портъ-Артура, чѣмъ лучше будетъ оборудованъ для той цѣли, для которой предназначался». Помню, съ какимъ недоумѣніемъ и тяжелымъ чувствомъ слушалъ я эти,—увы, оправдавшіяся,—опасенія портъ-артурскихъ моряковъ и артиллеристовъ, когда мнѣ пришлось быть въ тѣхъ мѣстахъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1903 года... Разговоры о возможномъ вредѣ для Россіи порта Дальняго были тогда, можно сказать, «злобою дня».

Невольно напрашивается вопросъ: если стремленія русскаго правительства въ 1896 году устроить военный портъ на берегу Тихаго Океана, для упроченія вліянія Россіи на Дальнемъ Востоцѣ, и можно было признать основательными, то по какимъ соображеніямъ былъ избранъ именно Портъ-Артуръ? И если уже такая ошибка была сдѣлана, то почему стратегическія невыгоды положенія послѣдняго усиливались постройкою возлѣ него порта Дальняго?..

II.

О качествахъ матеріальнаго состава флота.

Съ занятіемъ Россіей Портъ-Артура было, какъ это много разъ говорилось уже и въ русской повременной печати, предрѣшено военное столкновеніе между сѣвернымъ колоссомъ и Японіей; это сознавали обѣ стороны и непрерывно увеличивали военныя средства въ надлежащихъ мѣстахъ. Японія, какъ островное государство, должна была выступить прежде всего на водѣ, и потому дѣятельно занялась сооруженіемъ сильнаго флота по новѣйшимъ образцамъ. Русское правительство, въ свою очередь, сознавая, что вѣрный успѣхъ можетъ дать только господство на морѣ, рѣшилось, повидимому, слѣдя за увеличеніемъ японскаго флота, дополнять постоянно въ уровень съ нимъ свою восточную эскадру. Этимъ и объясняется въ значительной мѣрѣ увеличеніе морского бюджета въ послѣдніе годы, который съ 65 мил. рублей въ 1895 году выросъ до 115,6 мил. рублей въ 1903 году. И независимо отъ этого въ 1896 году состоялось чрезвычайное ассигнованіе въ 90 мил. рублей на нужды судостроенія, съ распределеніемъ этой суммы на 7 лѣтъ. Тогда же были сдѣланы усиленные

заказы на постройку броненосцевъ и крейсеровъ различныхъ типовъ на русскихъ и иностранныхъ верфяхъ... Но достаточно ли энергично преслѣдовалось исполненіе этихъ заказовъ? Въ сожалѣнію, поразительная медленность постройки судовъ на нашихъ верфяхъ заставляетъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. «До послѣдняго времени въ Англіи суда обыкновенно строились на нѣсколько мѣсяцевъ, и даже на годъ, скорѣе, чѣмъ во Франціи; Россія же въ этомъ отношеніи отставала отъ Англіи (за немногими и замѣчательными исключеніями, примѣромъ которыхъ можетъ служить постройка крейсера «Россія») на два, на три или даже на четыре года». Это замѣчаніе компетентнаго автора *) подтверждается точными данными, изъ которыхъ видимъ, напримѣръ, что броненосецъ «Ослябя», заложенный въ ноябрѣ 1895 года, былъ вполне законченъ только въ августѣ мѣсяцѣ 1903 года, т.-е. на постройку его потребовалось 7 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, вмѣсто 2—3 лѣтъ на постройку подобныхъ кораблей въ Англіи!

Медленность нашего судостроенія, являющаяся только однимъ изъ многихъ примѣровъ вялости преслѣдованія поставленной цѣли, была одною изъ видныхъ причинъ, почему японскій флотъ, при выполненіи намѣченной имъ судостроительной программы 1902 года и усиленія его покупкой въ Генуѣ передъ самымъ началомъ войны двухъ аргентинскихъ крейсеровъ (переименованныхъ въ «Ниссинъ» и «Касуга»), получилъ въ 1903 году преобладающую силу передъ русскимъ флотомъ на Дальнемъ Востокѣ; а это обстоятельство, какъ извѣстно, и дало японцамъ рѣшимость начать войну.

Но можетъ быть медленность нашего судостроенія вознаграждается лучшими результатами его сравнительно съ иностранными? Увы, и на этотъ вопросъ приходится отвѣтить самымъ рѣшительнымъ «нѣтъ», такъ какъ русскія военныя суда, именно по конструктивнымъ своимъ недостаткамъ, не обладаютъ въ надежной степени ни основными мореходными, ни боевыми качествами.

Это утвержденіе, почерпнутое нами изъ вполне компетентныхъ, какъ докажемъ это ниже, данныхъ, столь серьезно по существу, что мы должны обосновать здѣсь его возможно яснѣе... Попросимъ, поэтому, извиненія у читателя за употребленіе въ слѣдующемъ изложеніи нѣкоторыхъ спеціальныхъ кораблестроительныхъ терминовъ, несложное значеніе которыхъ, впрочемъ, мы сейчасъ же и разъясняемъ.

Прежде всего наши суда, по окончаніи вооруженія ихъ, обазываются *перегруженными*, т. е. садятся въ воду глубже, чѣмъ на это рассчитывается по чертежамъ ихъ. Въ «Морскомъ Сборникѣ» за февраль мѣсяцъ текущаго года, на первой страницѣ статьи г. Л. К. «О перегрузкѣ военныхъ судовъ», написанной, очевидно, корабельнымъ инженеромъ послѣ ухода эскадры адмирала Рожественскаго, читаемъ:

«За послѣднее время перегрузка военныхъ судовъ стала явленіемъ до-

*) *Fred. J. Tane*. „The Imperial Russian Navy“. 1904 г. См. рецензію этой книги въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1904 г. № 7; отдѣлъ бібліографіи.

вольно частымъ, какъ при постройкѣ казенными средствами, такъ и на судахъ, построенныхъ частными заводами.

«Бываютъ случаи, что на большихъ судахъ перегрузка достигаетъ 10—20% отъ проектированнаго водоизмѣщенія *), а на мелкихъ, какъ напримѣръ, на канонерскихъ лодкахъ и миноносцахъ, до 20 и болѣе процентовъ, что, конечно, не можетъ не отразиться на различныхъ боевыхъ и морскихъ качествахъ *жорабля*... Дѣйствительно перегрузка въ указанныхъ выше предѣлахъ не только «вызываетъ уменьшеніе скорости большихъ судовъ на 1—2 узла, а на миноносцахъ до 3 узловъ,—что уже само по себѣ огромный минусъ, сослужившій въ текущую войну большую службу нашему противнику»,—а также,—что еще хуже,—вредно вліяетъ и на другія, и при томъ самыя существенныя мореходныя и боевыя качества судна, изъ которыхъ, наряду съ *остойчивостью*, объясняемою нами ниже, важнѣйшимъ является *непотопляемость* или *живучесть*... Читатель догадывается, конечно, что подъ терминомъ этимъ разумѣется способность судна держаться на водѣ возможно долѣе при какомъ-либо разрушеніи различныхъ частей его, напримѣръ, артиллерійскими снарядами, главную защиту отъ которыхъ на всякомъ броненосцѣ составляетъ броневой поясъ, идущій такъ, что одна часть его (обыкновенно около 3 футовъ) должна находиться надъ водою, а другая—нѣсколько болѣе, —подъ водою. Такъ вотъ при перегрузкѣ судна, верхняя кромка этого пояса оказывается иногда или подъ водою, или такъ близко къ водѣ, что при самой незначительной качкѣ судна, уходитъ подъ поверхность ея вмѣстѣ съ пробойнами, которыя могутъ быть сдѣланы въ бортѣ судна близко къ линіи воды... И въ томъ и въ другомъ случаяхъ броневой поясъ дѣлается бесполезнымъ,—и даже вреднымъ, такъ какъ увеличиваетъ напрасно вѣсъ судна.

Далѣе, подъ вышеупомянутымъ уже терминомъ *остойчивость* понимается способность судна сопротивляться опрокидывающимъ его усиліямъ,—т. е. быстро выпрямляться при полученіи имъ, по какимъ-либо причинамъ, наклоненія на одинъ бортъ (крена). Въ той же статьѣ спеціалиста, которую мы сейчасъ только цитировали, указывается на то, что перегрузка судна уменьшаетъ также и *остойчивость*.

Но на нашихъ боевыхъ судахъ, какъ *остойчивость*, такъ и *живучесть*,—т. е. два важнѣйшія, какъ уже было сказано, мореходныя качества,—уменьшаются до гибельной степени противъ тѣхъ, какими должны были быть по проектамъ судовъ, не только перегрузкой, а еще и другими систематическими недостатками техники,—или, можетъ быть вѣрнѣе сказать, «организациі»—русскаго кораблестроенія. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы приведемъ уже появлявшіяся въ печати свидѣтельства А. Н. Крылова, котораго нельзя не признать компетентнымъ судьей не только потому, что онъ состоитъ во главѣ такъ называемаго «Опытоваго бассейна» въ морскомъ министерствѣ—учрежденія, предназначеннаго для опредѣленія мореходныхъ качествъ судовъ

*) Вѣсъ корпуса судна вмѣстѣ со всѣмъ находящимся на немъ нормальнымъ грузомъ.

по моделямъ ихъ,—но также (и даже еще болѣе) и потому, что научныя изысканія его по вопросамъ кораблестроенія давно уже обратили на себя вниманіе кораблестроителей иностранныхъ морскихъ державъ *).

Чтобы читателю были ясны послѣдующія строки, мы напомнимъ, что современное боевое судно подраздѣляется системою переборокъ на множество отдѣльныхъ отсековъ, что позволяетъ не только удержать его на водѣ, при открытіи течи въ какомъ-либо изъ нихъ, но даже и сохранить возможность управляться судномъ: для этой послѣдней цѣли надо только, нарочно впуская воду въ тотъ или другой изъ неповрежденныхъ отсековъ, выравнивать корабль, не допуская излишняго крена. И вотъ, въ ходѣ работъ, непосредственно связанныхъ съ этимъ вопросомъ и начатыхъ еще въ 1901 году г. Крыловъ пришелъ къ заключенію, что **) «діаметральная (т. е. идущая посрединѣ суда, вдоль его) переборка»,—имѣющаяся на нѣсколькихъ нашихъ броненосцахъ и крейсерахъ въ подводной части, «есть вѣрнѣйшій залогъ ихъ гибели», такъ какъ такія суда, по полученіи ими сколько-нибудь значительной подводной пробоины, «опрокидываются». Поэтому, онъ, подтвердивъ свои изысканія опытами надъ моделью броненосца «Петропавловскъ», настаивалъ на томъ (въ докладѣ своему морскому техническому комитету ***) въ концѣ марта 1903 г.), что сколько бы ни оспаривались детали его работъ и исполнимость его предположеній,—«одно неоспоримо и одну мѣру надо бы принять по телеграфу [по отношенію къ плававшимъ тогда въ водахъ Дальняго Востока судамъ] это—продѣлать дверь въ діаметральной переборкѣ кормового кочегарнаго отдѣленія, ибо неизвѣстно, когда «Петропавловскъ» протаранитъ «Севастополь» и наоборотъ»...

Тогда же, въ объяснительной запискѣ къ докладу, г. Крыловъ доказывалъ, что вслѣдствіе нецѣлесообразнаго раздѣленія надводной части (которою обеспечивается плавучесть корабля) на нашихъ судахъ, они лишены въ значительной степени живучести; «и это не потому, что эти нераціональныя устройства вызываются необходимостью, а просто потому, что у насъ живучесть не признается въ числѣ основныхъ качествъ корабля, и этого качества у насъ не требуется подтверждать расчетами при составленіи проектовъ», въ которыхъ довольствуются, слѣдовательно, только «общими разсужденіями»...

Замѣтимъ теперь, что хотя выясненіе обстоятельствъ гибели Петропавловска, случившейся, какъ извѣстно, 31-го марта 1904 года, показало, что при по-

*) Въ 1897 году г. Крылову была присуждена медаль лондонскаго института корабельныхъ инженеровъ, выдающаяся за ученые труды, способствующіе успѣхамъ кораблестроенія.

**) Всѣ слова г. Крылова, поставленныя въ статьѣ нашей въ кавычки, перепечатаны изъ официальныхъ рапортовъ его, опубликованныхъ въ рядѣ статей подъ заголовкомъ „Наше кораблестроеніе“, которыя печатались, за его подписью, въ №№ 62, 67 и 69 газеты „Русь“ (мартъ, 1905 г.).

***) Морской техническій комитетъ есть учрежденіе, которое завѣдуетъ, главнымъ образомъ, технической стороною кораблестроенія, механики, артиллеріи, миннаго искусства.

лученных этимъ броненосцемъ поврежденіяхъ погибъ бы всякій корабль, и этой гибели не предотвратили бы никакія двери въ діаметральной переборкѣ и никакія другія мѣры, но тѣмъ не менѣе это не колеблетъ вѣрности утвержденія г. Крылова, что «Петропавловскъ» неизбѣжно погибъ бы и при полученіи имъ подводной пробоины сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ. Не потеряли также значенія, и послѣ такого выясненія, слова другого доклада г. Крылова тому же техническому комитету (7-го апрѣля 1904 года), въ которыхъ онъ говоритъ, что послѣ гибели «Петропавловска» остались еще въ русскомъ военномъ флотѣ суда, несущія, подобно ему, въ нецѣлесообразномъ устройствѣ ихъ «залогъ своей гибели».

Для лицъ, знакомыхъ съ вышеизложенными фактами, не неожиданными явились, поэтому, слѣдующія строки, напечатанныя въ «Морскихъ замѣткахъ» г. Клаго *): «Остойчивость броненосцевъ типа «Суворовъ» оказалась очень ненадежной. Какъ разъ наканунѣ ухода второй эскадры изъ Либавы была прислана адмиралу Рождественскому, съ особымъ курьеромъ, бумага изъ министерства, въ которой значилось, что вслѣдствіе различныхъ причинъ остойчивость этихъ броненосцевъ оказалась гораздо меньшей, чѣмъ ей слѣдовало быть, а потому рекомендовалось принимать всевозможныя мѣры, чтобы уменьшить количество груза, расположеннаго надъ водой. Рекомендуемыя мѣры при этомъ доходили до такой мелочности, что предлагалось, напримѣръ, спускать реи (поперечныя бревна на мачтахъ, служащія для подъема сигналовъ), вѣсь которыхъ прямо ничтоженъ. Это уже показывало, что хватаются за соломенку, и служило характеристикой серьезности опасеній. Содержаніе этой бумаги, конечно, не сообщалось на эскадрѣ во всеобщее свѣдѣніе, такъ какъ могло на многихъ повліять удручающимъ образомъ». (Еще бы!).

Перегрузка и недостатокъ остойчивости нашихъ судовъ сказались очень рельефно во время такъ называемаго гульскаго инцидента: «Волна собственно была небольшая,—продолжаетъ тотъ же авторъ-очевидецъ **);—но броненосцы порядочно качало—до 5° въ ту и другую стороны; притомъ, вслѣдствіе перегрузки, 3-дюймовыя пушки, наиболѣе дѣйствительныя для отраженія миноносцевъ, оказались такъ низко надъ водой, что волны свободно вкатывались внутрь чрезъ амбразуры, и люди у орудій стояли въ водѣ. На броненосцѣ «Орелъ» одно изъ орудій черпнуло своимъ дуломъ верхушку волны, и произведенный вслѣдъ за этимъ выстрѣлъ разорвалъ пушку. На нѣкоторыхъ изъ броненосцевъ совсѣмъ не открывали амбразуръ этихъ пушекъ, т.-е. отказывались отъ стрѣльбы изъ нихъ только изъ опасенія, что амбразуры эти будутъ заливаться водой». Суда строятся однако для боя, въ которомъ и пришлось имъ участвовать въ Корейскомъ проливѣ,—при значительномъ, какъ сообщали очевидцы, волненіи. Полученныя тогда судами пробоины отъ артиллерійскихъ снарядовъ могли, вслѣдствіе перегрузки этихъ судовъ, оказаться очень близко

*) „Новое Время“, V—25.

**) Напомнимъ читателямъ, что г. Клаго былъ тогда въ штабѣ адмирала Рождественскаго.

въ линіи воды, такъ же какъ и амбразуры 3-дюймовыхъ орудій, которыя, «можетъ быть было нельзя не открыть, чтобы пустить послѣднія въ дѣло». А тогда внутрь корабля легко могло попасть значительное количество воды, которое и лишило его остойчивости, и безъ того, какъ мы видѣли, недостаточной...

Только такими соображеніями и объясняютъ моряки фактъ поразительно быстрого переворачиванія и потопленія нашихъ броненосцевъ въ злополучной битвѣ 14-го мая.

Русское общество только *post factum* узнало о томъ, что суда наши, идя въ бой, несли въ самихъ себѣ «залогъ гибели». Но тотъ, кто велъ ихъ, т.-е. адмиралъ Рожественскій, зналъ объ этомъ еще въ Либавѣ, какъ мы видѣли, и, слѣдовательно, находился подъ гнетомъ этого «залога» все время долгаго и труднаго плаванія ввѣренной ему эскадры... Судите сами, читатель, могъ ли способствовать такой гнетъ увѣренности одержать побѣду надъ сильнымъ и искуснымъ противникомъ?

Но можетъ быть, въ возмѣщеніе разсмотрѣнныхъ недостатковъ, наши суда лучше защищаются броней, чѣмъ заграничныя. Опять приходится отвѣтить рѣшительнымъ «нѣтъ», и неизбежность такого отвѣта легко можетъ проверить каждый, кто возьметъ на себя трудъ внимательно разсмотрѣть «Морскую справочную книжку В. К. А. М.» *).

Не будемъ приводить здѣсь подробныхъ данныхъ по этому предмету, но замѣтимъ только, что вопреки тому, что принято во всѣхъ государствахъ (позже другихъ въ Англіи, хотя и то уже съ 1897 года, т.-е. восемь лѣтъ назадъ), почти всѣ наши броненосцы, погибшіе въ Портъ-Артурѣ, и многіе броненосцы въ эскадрѣ адмирала Рожественскаго имѣли весьма малую и слабую защиту по линіи воды въ носовой и кормовой частяхъ своего корпуса. То же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ броненоснымъ крейсерамъ, оставшимся во Владивостокѣ. Въ противоположность этому, всѣ японскіе броненосцы, участвовавшіе въ бою въ корейскомъ проливѣ, за исключеніемъ «Фуджи»,—такъ же, какъ и всѣ шесть броненосныхъ крейсеровъ ихъ, имѣютъ надежную защиту по линіи воды.

Также невыгоднымъ для насъ оказалось бы и сравненіе защиты отъ боевыхъ поврежденій рулевыхъ приводовъ и многихъ существенныхъ аппаратовъ на нашихъ судахъ съ защитой ихъ на судахъ иностранныхъ.

Не могу не привести по этому поводу слѣдующихъ строкъ изъ книги уже называвшагося нами автора **), такъ какъ онѣ выражаютъ то, что давно уже «болѣло» на душѣ многихъ морскихъ офицеровъ, слѣдившихъ за развитіемъ современнаго судостроенія: «За много лѣтъ до этой войны было признано, что

*) «Военные флоты и Морская Справочная книжка на 1901 годъ В. К. А. М. С.-Петербургъ, типографія Эдуарда Гоппе».

**) «Н. Л. Кладо (Прибой). „Послѣ ухода второй эскадры Тихаго Океана“ С.-Петербургъ, 1904 годъ, стр. 92.

броня играетъ огромную роль въ современномъ морскомъ бою, что наилучшіе типы судовъ для морской войны, это—хорошо забронированные эскадренные броненосцы и броненосные крейсера, къ которымъ должно быть придано известное количество эскадренныхъ (т.-е. большихъ) миноносцевъ. Всѣ европейскія государства, Соединенные Штаты, Японія давно уже строили крейсера почти исключительно большіе и броненосные,—и мы только одни строили почти исключительно крейсера неброненосные и средняго водоизмѣщенія. Судите сами: мы выстроили въ послѣднее время только *одинъ* броненосный крейсеръ — «Баянъ» *) и массу неброненосныхъ: «Диану», «Палладу», «Аврору», «Богатырь», «Олегъ», «Очаковъ», «Кагуль», «Аскольдъ», «Варягъ» «Бояринъ», «Алмазъ», «Жемчугъ», «Изумрудъ», «Новикъ»...

«И произошло это»,—читаемъ мы далѣе тамъ же—«только вслѣдствіе отсутствія настоящаго *военнаго* образованія нашего личнаго состава. Мы, вѣдь, и теперь не хотимъ знать никакихъ коэффициентовъ историческихъ изслѣдованій, изученія морской тактики, стратегіи, вообще чего-нибудь, что пахло бы... наукой. И безчисленныя комиссіи, во многихъ изъ которыхъ я и самъ принималъ участіе и грызъ кулаки отъ озлобленія и невозможности что-либо сдѣлать, прозѣвали переворотъ въ кораблестроеніи, совершившійся на Западѣ, въ сторону усиленія брони: они жили еще тѣмъ, что считали необходимымъ дѣлать на Западѣ двадцать лѣтъ тому назадъ».

А что сказать о нашей морской артиллеріи? Въ началѣ войны многіе моряки возлагали надежды на большія разрушительную силу и мѣткость ея не сомнѣваясь, что въ этомъ отношеніи мы сильнѣе противника. Не знаемъ данныхъ, на которыхъ эти надежды были основаны, но теперь уже установленъ фактъ, что онѣ не оправдались ни въ одномъ столкновеніи нашихъ судовъ съ японскими, которыя всегда стрѣляли лучше нашихъ. Такъ напримѣръ, по поводу боя порть-артурской эскадры съ японской 28-го іюля прошлаго года въ специальномъ нашемъ морскомъ органѣ читаемъ **):

«О стрѣльбѣ японцевъ русскіе офицеры отзывались съ нескрываемымъ удивленіемъ»; по мнѣнію послѣднихъ, успѣхъ ея былъ обусловленъ «употребленіемъ въ японскомъ флотѣ оптическихъ прицѣловъ»... А на нашихъ судахъ, прибавимъ мы отъ себя, въ томъ бою такихъ прицѣловъ не было, хотя о снабженіи ими судовыхъ орудій шла рѣчь еще задолго до войны. Мы успѣли ихъ приготовить только ко времени выхода изъ Либавы эскадры адмирала Рожественскаго, на судахъ котораго они и были дѣйствительны... Но было ли время и могъ ли быть данъ случай орудійнымъ комендорамъ напрактиковаться въ употребленіи ихъ послѣ выхода эскадры изъ Либавы?

**) И этотъ, бывшій сильнѣйшимъ изъ нашихъ крейсеровъ не выдержалъ бы, по мнѣнію Джэна, боя съ крейсеромъ типа „Ниссингъ“ или „Кассуга“ (см. объ этомъ „Морской Сборникъ“, 1904 г., № 11, отдѣлъ библіографіи, стр.

**) „Морской Сборникъ“, 1904 г.; № 12, стран. 154.

III.

О личномъ составѣ флота.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о степени подготовленности къ войнѣ личнаго состава нашего флота; при этомъ, для большей рельефности, мы будемъ приводить, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и оцѣнку такого же состава флота японскаго со словъ авторитетныхъ критиковъ его.

«Личный составъ японскаго флота, повидимому, имѣлъ за собою преимущества. Такъ какъ, по иностраннымъ извѣстіямъ, еще до перваго столѣновенія на морѣ, японцы имѣли очень большую практику въ плаваніи; а за командами русскаго флота не признавалось большого знанія маневрированія своими судами. Мы знаемъ также, что нѣкоторые изъ русскихъ броненосцевъ только очень недавно находятся въ употребленіи, тогда какъ для военныхъ дѣйствій очень важно, чтобы судовая команда могла хорошо познакомиться на практикѣ съ устройствомъ артиллеріи и всякихъ механизмовъ на своемъ новомъ кораблѣ» *).

«Морской Сборникъ», цитируя эти строки специальной нѣмецкой брошюры **), вышедшей въ февралѣ мѣсяцѣ 1904 года, и слѣдовательно написанной по даннымъ мирнаго времени, не дѣлаетъ никакихъ къ нимъ комментариевъ. Да по нашему мнѣнію, если бы и можно было сдѣлать послѣднія, то не иначе, какъ въ смыслѣ полнаго соглашенія съ авторомъ брошюры. Подписались бы подъ приведенными строками, мы увѣрены, и многіе русскіе морскіе офицеры, съ которыми намъ пришлось бесѣдовать въ Портѣ-Артурѣ въ августѣ 1903 г., т.-е. всего за пять мѣсяцевъ до войны. Сущность того, что говорили они, приходилось резюмировать (какъ я записалъ тогда же въ своемъ дневникѣ) такими словами: «Ни по снабженію и вооруженію судовъ, ни по обученію личнаго состава, не будемъ мы готовы встрѣтить противника, если загорится война»... И больно мнѣ было узнать по приѣздѣ въ Японію, черезъ мѣсяцъ послѣ того, что такъ же отзывались о нашемъ флотѣ и туземныя газеты, иронизируя надъ «спокойствіемъ» начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ нашей эскадры, которое будто бы ясно свидѣтельствовало объ ихъ убѣжденіи или въ томъ, что война невозможна, или въ томъ, что русскій флотъ безусловно готовъ къ послѣдней. Однако, въ этомъ заключеніи японцы ошибались: не только наши молодые офицеры, но и адмиралы считали войну вѣроятной и считали, что флотъ нашъ не на высотѣ требованій, какія могутъ быть отъ него предъявлены... Такъ почему же они только признавали этотъ фактъ пассивно, а не напрягали всѣхъ силъ своихъ на исправленіе недочетовъ? Или, можетъ быть, они думали, что всѣ усилія ихъ будутъ напрасны, такъ какъ настоящее есть результатъ многихъ годовъ прошедшаго? отвѣтить на это съ увѣренностью не беремся, но во всякомъ случаѣ не можемъ не подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми по этому поводу соображеніями.

*) „Морской Сборникъ“ 1904 г., мартъ, стр. 179.

**) Erstes Beiheft zur „Marine-Rundschau“. Der Russisch-Japanische Krie. Berlin 1904.

Со средою морскихъ офицеровъ,—по моимъ впечатлѣніямъ, образованною, развитою и симпатичною,—мнѣ часто и близко приходится сталкиваться уже давно, лѣтъ около 30. И вотъ, въ послѣдніе приблизительно двадцать лѣтъ меня грустно поражаетъ не только равнодушіе ихъ къ своему дѣлу, но какъ будто даже полное отсутствіе интереса къ нему. Прежде, чѣмъ продолжать, я попрошу извиненія у живыхъ, и заранее дѣлаю исключеніе для тѣхъ изъ погибшихъ, героевъ нашей войны, которые обнаружили не только личную доблесть, но и личную подготовку къ исполненію своихъ обязанностей... Я знаю ихъ, какъ знаетъ имена ихъ вся Россія, и низко передъ ними преклоняюсь; но отъ этого не мѣняются мои выводы, потому что какъ «отдѣльные ласточки не дѣлаютъ весны», такъ и отдѣльные герои не всегда характеризуютъ корпорацію, къ которой принадлежатъ, и часто погибаютъ бесполезными жертвами обстановки, въ недостаткахъ которой неповинны.

Что русскіе офицеры не увлекаются своей службой,—это фактъ, разбравшійся неоднократно въ русской повременной печати вообще, и въ частности на страницахъ «Морского Сборника». Такъ, не далѣе, какъ въ іюньской книжкѣ этого журнала за 1904 годъ, въ статьѣ «О личномъ составѣ флота»—увы, погибшаго теперь автора—лейтенанта *В. П. Зотова*, читаемъ:

«Съ 1898 г. по 1903 г., за пять лѣтъ, Морской корпусъ выпустилъ 539 мичмановъ, не считая юнкеровъ. За это время произведено было въ капитаны 2-го ранга 138 лейтенантовъ. Общее же число оберъ-офицеровъ за эти пять лѣтъ увеличилось только на 247 человекъ. Слѣдовательно, около 150 человекъ молодыхъ оберъ-офицеровъ за пять лѣтъ покинули флотъ, едва только начавъ службу въ немъ. По этимъ даннымъ ежегодный уходъ оберъ-офицеровъ можно считать около 30 человекъ».

«Молодежь, положимъ, нерѣдко и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ государственной машины Россіи мѣняетъ теперь родъ службы, выбранной для нея зачастую родителями, — продолжаетъ тотъ же авторъ,—но это неизбѣжный и небольшой процентъ. И только во флотъ это уже не $\frac{0}{100}$, гдѣ послѣ цифры стоятъ два маленькіе нуля, раздѣленные чертой, а процентъ, гдѣ два большіе нуля стоятъ рядомъ съ цифрой вправо и чертой не раздѣлены».

Обратимся теперь къ вѣроятному объясненію причинъ такого «бѣгства» морскихъ офицеровъ со службы въ молодыхъ годахъ и, какъ я настаиваю на томъ, ихъ «вялаго» и по меньшей мѣрѣ равнодушнаго отношенія къ своей безспорно трудной и требующей большого напряженія умственныхъ и физическихъ силъ профессіи.

Сами офицеры объясняютъ эти причины, во-первыхъ, «морскимъ цензомъ» опредѣляющимъ условія прохожденія ими службы, а во-вторыхъ, условіями комплектованія ученическаго состава морского кадетскаго корпуса—единственнаго расадника офицерскаго состава флота.

Многочисленныхъ «узаконеній» морского ценза мы приводить здѣсь, конечно, не будемъ; достаточно сказать только, что онъ обусловливаетъ, и въ то же время обезпечиваетъ, движеніе по службѣ числомъ дней плаванія (на практикѣ, не въ видѣ исключенія, фиктивныхъ), совершенныхъ офицеромъ въ

опредѣленныхъ должностяхъ и на судахъ опредѣленныхъ ранговъ. Это «табличное» условіе прежде всего «нивелируетъ» въ дѣлѣ прохожденія службы способности морскихъ офицеровъ, оскорбительно и скучно для людей талантливыхъ и энергичныхъ, удобно и выгодно для «невыспреннихъ» и равнодушныхъ... Дни-то, вѣдь, идутъ да идутъ впередъ, если ихъ считать «заурядъ», для всѣхъ одинаково.

Отсутствіе у русскихъ морскихъ офицеровъ вѣры въ силу родного флота часто выражается очень ярко *) и замѣчалось неоднократно и иностранными наблюдателями. Такъ, англичанинъ Джэнъ въ своемъ многостороннемъ и обстоятельномъ изслѣдованіи «Россійскій Императорскій флотъ» **), основанномъ въ значительной мѣрѣ столько же на личныхъ наблюденіяхъ его, сколько и на изученіи исторіи, въ главѣ о характеристикѣ нашихъ морскихъ офицеровъ, замѣчаетъ, что они въ бесѣдахъ о возможныхъ столкновеніяхъ съ ихъ вѣроятными противниками на морѣ хотя и высказываютъ рѣшимость не отдать побѣды врагу даромъ, но не высказываютъ большой *вѣры въ успѣхъ*.

Интересно сопоставить здѣсь съ тѣмъ, что только что изложено нами, сущность характеристики, даваемой тѣмъ же авторомъ японскимъ морскимъ офицерамъ ***):

«Будетъ ли японскій офицеръ атеистъ или синтоистъ, христіанинъ или буддистъ, въ сущности его единственная религія есть религія *морской силы*, видимое воплощеніе которой онъ обоготворяетъ». «Единственный Богъ, котораго онъ признаетъ, это—флотъ его отечества». «Въ каждомъ флотѣ есть люди, работающіе по своей профессіи, и люди, не работающіе. Японскій флотъ, конечно, не составляетъ исключенія изъ этого правила; но все-таки относительное число офицеровъ второй категоріи въ немъ весьма мало. Кромѣ того, выраженіе *работать по своей профессіи*, въ примѣненіи къ японскому морскому

*) Какъ разъ когда мы читали корректуру этой статьи, намъ прислали № 10517 „Новаго Времени“ (вторникъ, 14-го іюня 1905 г.), въ фельетонѣ котораго напечатано „Письмо къ издателю о флотѣ“ князя Гр. Гагарина. Авторъ воспроизводитъ въ немъ сущность рѣчи командира броненосца „Императоръ Александръ III“, капитана 1 ранга Бухвостова, сказанной въ августѣ прошлаго года въ Кронштадтѣ, передъ уходомъ эскадры адмирала Рожественскаго на Дальній Востокъ, въ отвѣтъ на всеобщія пожеланія счастливаго пути и побѣды. Бухвостовъ говоритъ, что „Россія совсѣмъ не морская держава, что *русскіе никакого влеченія къ морю не имѣютъ*, никогда не были настоящими моряками и *никогда не будутъ*, что постройка этихъ громадъ (броненосцевъ) только *разореніе казны и нажива строителямъ и къ добру она никогда не поведетъ*“... „Вы смотрите и думаете: какъ тутъ все хорошо устроено. А я вамъ скажу, что тутъ *совсѣмъ не все хорошо*. Вы желаете намъ побѣды. Нечего и говорить, какъ мы ее желаемъ. Но *побѣды не будетъ*! Я боюсь, что мы растеряемъ половину эскадры по пути, а если этого не случится, то *намъ разобьютъ японцы*...“ Какой грустной, но яркой иллюстраціей вѣрности нашихъ утвержденій служить эта рѣчь!

Н. П. А.

**) „The Imperial Russian Navy“, London, 1904.

***) „The Imperial Japanese Navy“, 1904. См. рецензію объ этомъ трудѣ въ „Морскомъ Сборникѣ“, № 11, 1904 г., отд. библіографіи.

офицеру, имѣть совершенно особенное значеніе: оно предполагает абсолютное игнорированіе всего остального». Японскій офицеръ по преимуществу—практикъ, и въ этомъ отношеніи онъ считаетъ себя ученикомъ британскихъ моряковъ. Однако, морскія стратегія и тактика японцевъ гораздо менѣе опираются на опытъ и труды Европы по этимъ предметамъ, чѣмъ мы думаемъ... Но методы Нельсона усвоены японскими офицерами хорошо». «Долгъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понимается въ британскомъ или русскомъ военномъ флотахъ, не является главнымъ мотивомъ дѣйствій японскихъ морскихъ офицеровъ. Религія войны, интересъ къ своей профессіи, жажда подвергнуть теорію дальнѣйшимъ практическимъ испытаніямъ,—вотъ, что составляетъ пружину движущей силы въ ихъ дѣятельности»...

Рядомъ съ «морскимъ цензомъ» невыгодно вліяетъ на качества офицерскаго состава нашего флота и основной принципъ комплектованія ученическаго состава «колыбели» его, т.-е. морского кадетскаго корпуса. Этотъ принципъ—«кастовое» начало: въ корпусъ принимаются только дѣти потомственныхъ дворянъ и морскихъ офицеровъ. Вредъ кастоваго комплектованія какой бы то ни было профессиональной корпораціи слишкомъ очевиденъ для того, чтобы его надо было доказывать здѣсь; но замѣтимъ только что оно особенно вредно по отношенію къ такимъ профессіямъ, какъ морская, требующая отъ человѣка совершенно специальныхъ наклонностей и способностей. Отъ него давно, давно отказались даже въ Англіи, гдѣ каждый чуть не родится около моря и гдѣ флотъ—учрежденіе конечно гораздо болѣе «аристократическое», чѣмъ у насъ.

Однимъ изъ печальныхъ для русскаго флота результатовъ кастоваго начала является фактъ, что число кандидатовъ, желающихъ держать экзамены въ корпусъ, незначительно, и пріемъ туда не можетъ быть поэтому очень разборчивъ въ смыслѣ оцѣнки знаній и способностей... Усиливаетъ это еще фактъ, что будущіе моряки принимаются въ корпусъ въ возрастѣ отъ 13 лѣтъ, т.-е. въ столь раннемъ, когда они, какъ живущіе въ странѣ по преимуществу «сухопутной», а не морской, не только не видѣли моря, но даже и «по наслышкѣ» не представляютъ себѣ дѣйствительныхъ требованій избранной для нихъ профессіи...

Интересна слѣдующая параллель.

У насъ въ 1903 году было принято въ морской корпусъ, изъ числа 226 экзаменовавшихся, 166 человѣкъ (изъ нихъ 30 не выдержавшихъ экзамена); а въ японскомъ флотѣ въ томъ же году заявили желаніе поступить въ морское училище 1.995 человѣкъ, отъ 16 до 20 лѣтняго возраста. Изъ нихъ числа удовлетворили условіямъ медицинскаго осмотра около 1.400 человѣкъ; затѣмъ, выдержали вступительные экзамены по всѣмъ предметамъ 400 человѣкъ, и, наконецъ, были приняты въ училище только 180 человѣкъ, т.-е. менѣе 10% числа заявившихъ желаніе и менѣе 50% выдержавшихъ экзаменъ *). Сравненіе приведенныхъ чиселъ говорить само за себя.

*) „Морской Сборникъ“ 1904 г., № 3. Статья „Морское образованіе въ Японіи“.

Осталось сказать еще о судовой командѣ, т.-е. о нижнихъ чинахъ. Извѣстно, что въ нашѣмъ флотѣ составъ ея комплектуется прямо «отъ сохи», не обязательно изъ приморского населенія (чаще даже изъ внутреннихъ губерній, иногда изъ такихъ мѣстъ, жители которыхъ видятъ воду только въ колодцахъ), и, конечно, безъ всякаго соображенія со «склонностями» вербуемыхъ. Что же касается Японіи, то тамъ сравнительно немногіе матросы въ императорскомъ военномъ флотѣ поступаютъ туда по набору: огромное большинство зачисляются волонтерами въ болѣе молодомъ возрастѣ (отъ 17 до 21 года) и со дня совершеннолѣтія зачисляются на шестилѣтнюю службу. Знаменательно также, что всѣ кандидаты подвергаются, кромѣ физическаго освидѣтельствованія, также и экзамену въ письмѣ, чтеніи и началахъ ариметики и не принимаются, если этого экзамена не выдерживаютъ... А у насъ, читатель, вѣдь приходится зачислять до 70% безграмотныхъ и немалый процентъ плохо говорящихъ по русски и иногда даже плохо понимающихъ русскую рѣчь (инородцы)!..

Заключеніе.

Прочтя заглавіе нашей статьи, читатель, быть можетъ, ожидалъ найти въ ней «осужденія» дѣйствій знакомыхъ ему флотоводцевъ: адмирала Старка, подъ флагомъ котораго первая тихоокеанская эскадра наша подверглась неожиданному нападенію на портъ-артурскомъ рейдѣ, открывшему начало войны; адмирала князя Ухтомскаго, вернувшаго уцѣлѣвшую часть эскадры, послѣ боя 28-го іюля 1904 года, въ Портъ-Артуръ, гдѣ она и нашла себѣ могилу; или, наконецъ, адмирала Рожественскаго, который будто бы напрасно повелъ свои силы Корейскимъ проливомъ въ день 14-го мая, а не направилъ ихъ по восточную сторону Японіи... Нѣтъ, отъ осужденій отдѣльныхъ лицъ мы рѣшительно воздерживаемся,—и не только потому, что не имѣемъ еще твердо установленныхъ данныхъ относительно обстановки ихъ дѣйствій, а и потому особенно, что убѣждены въ слѣдующемъ: если бы даже какая-либо часть высказывавшихся уже въ печати «обвиненій» того или другого изъ упомянутыхъ лицъ и оказалась основательной, не ихъ ошибки были истинными причинами нашихъ неудачъ на морѣ; неудачи эти были подготовлены до войны, совокупностью тѣхъ факторовъ, которые мы старались охарактеризовать въ предыдущемъ изложеніи; онѣ, эти неудачи—только плодъ дерева, возрожденнаго въ мирное время, а «нѣтъ худого дерева, которое приносило бы плодъ добрый», и «не собираютъ смоквъ съ терновника и не снимаютъ винограда съ кустарника».

Не останавливались мы въ своей статьѣ и на фактъ сдачи непріятелю четырехъ броненосныхъ судовъ эскадры адмирала Небогатова. Да и что можно сказать теперь объ этомъ позорномъ для Россіи событіи, вписавшемъ самыя черныя строки на черномъ флдѣ страницъ 14-го и 15-го мая?.. Вѣдь не знаемъ пока, кто виновники: адмиралъ ли Небогатовъ? Офицеры ли? Команда ли?.. Въ одномъ увѣрены мы: истинная причина этого печальнаго факта кроется въ подгнившихъ корняхъ «худого дерева» нашего флота...

Черныя страницы, вписанныя въ исторію жизни какого-либо государства,

остаются въ ней навсегда. Но отъ дальнѣйшаго развитія его зависить, будутъ ли граждане его, читая ихъ, безнадежно краснѣть передъ тѣнями прошлаго и уныло пугаться призраковъ будущаго, или, отогнавъ эти тѣни, будутъ говорить съ бодростью: «Это все было, но, слава Богу, этого не можетъ быть теперь!», и съ крѣпкой вѣрой смотрѣть на ясную зарю грядущаго яркаго свѣта...

12-го іюня 1905 года.

Н. П. А.

НОВОЕ О ПРОШЛОМЪ.

1. Грибоѣдовъ и декабристы.

П. Е. Щеголевъ. „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы“ (по архивнымъ матеріаламъ). Съ приложеніемъ факсимиле дѣла о Грибоѣдовѣ, хранящагося въ государственномъ архивѣ.

П. Е. Щеголевъ, молодой и талантливый историкъ, пѣнныя изслѣдованія котораго заняли уже видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ, выпустилъ на-дняхъ въ свѣтъ новую чрезвычайно интересную работу, проливающую новый свѣтъ на наименѣе извѣстную страницу изъ жизни А. С. Грибоѣдова — на обстоятельства, повлекшія за собою арестъ въ 1826 году знаменитаго писателя и, вообще, привлеченіе его къ дѣлу декабристовъ. Работая въ государственномъ архивѣ, П. Е. Щеголевъ имѣлъ возможность ознакомиться съ подлиннымъ «дѣломъ» Грибоѣдова, которое онъ не только использовалъ съ исчерпывающею полнотою, но и приложилъ къ своему изслѣдованію факсимиле самого «дѣла», благодаря чему читатель самъ можетъ нынѣ ознакомиться съ этими историческими документами по первоисточникамъ, взглянувъ вмѣстѣ съ тѣмъ на автографы самого Грибоѣдова, князя Одоевскаго, князя Оболенскаго, Рылѣева, князя Трубецкаго, А. А. Бестужева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина, князя Волконскаго, Пестеля, Давыдова, князя Барятинскаго и другихъ историческихъ дѣятелей.

Поводомъ къ аресту Грибоѣдова послужило показаніе князя Оболенскаго, назвавшаго Грибоѣдова, какъ члена тайнаго общества, принятаго въ него Рылѣевымъ. Были, впрочемъ, и нѣкоторые другія, хотя крайне неопредѣленные указанія, въ томъ же смыслѣ. На основаніи этихъ указаній 27-го декабря 1825 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ арестѣ Грибоѣдова, которое было сообщено черезъ военнаго министра А. П. Ермолову въ такой бумагѣ:

«По волѣ Государя Императора, покорнѣйше прошу Ваше Высочайшее соудительство приказать немедленно взять подъ арестъ служащаго при васъ чиновника Грибоѣдова со всѣми принадлежащими ему бумагами, употребивъ осторожность, чтобы онъ не имѣлъ времени къ истребленію ихъ, и прислать какъ оныя, такъ и его самого подъ благонадежнымъ присмотромъ въ Петербургъ, прямо къ Его Императорскому Величеству».

Фельдъегерь Уклонскій прискакалъ съ этой бумагой по назначенію 22-го января 1826 года и доставилъ ее Ермолову въ тотъ моментъ, когда въ числѣ

окужавшихъ его лицъ былъ и Грибоѣдовъ. Біографъ Грибоѣдова Д. А. Смирновъ, со словъ С. Н. Бѣльева, рассказываетъ, что «куррьеръ, прискакавшій за Грибоѣдовымъ въ Екатериноградскую станицу, засталъ Ермолова за ужиномъ съ обычнымъ его обществомъ. Получивъ депешу, Ермоловъ вышелъ въ другую комнату прочитатъ ее и сейчасъ позвалъ туда Грибоѣдова: «ступай домой и сожги все, что можетъ тебя компрометировать,—сказалъ онъ. За тобой прислали и я могу тебѣ дать только часъ времени». Грибоѣдовъ ушелъ и, послѣ назначеннаго срока, Ермоловъ пришелъ арестовать его со всей толпой—съ начальникомъ штаба и адъютантами. Часть бумагъ Грибоѣдова была въ крѣпости Грозной, Ермоловъ далъ предписаніе коменданту взять ихъ и вручить куррьеру». Этотъ фактъ можно считать совершенно установленнымъ. Въ подтвержденіе его г. Щеголевъ ссылается также на свидѣтельство извѣстнаго Ден. Вас. Давыдова, но не приводитъ, къ сожалѣнію, полностью то мѣсто изъ «Записокъ» Давыдова, которое не оставляетъ никакого сомнѣнія въ подлинности указаннаго факта, что Ермоловъ, дѣйствительно, вопреки предписанію изъ Петербурга, принялъ мѣры какъ разъ къ обратному, какъ разъ къ тому, чтобы выпутать Грибоѣдова изъ бѣды. Денисъ Давыдовъ рассказываетъ объ этомъ такъ: «послѣ событія 14-го декабря Ермоловъ получилъ Высочайшее повелѣніе арестовать Грибоѣдова и, захвативъ всѣ его бумаги, доставить съ куррьеромъ въ Петербургъ. Это повелѣніе настигло Ермолова во время слѣдованія его изъ Червленной въ Грозную. Ермоловъ, желая спасти Грибоѣдова, далъ ему время и возможность уничтожить многое, что могло болѣе или менѣе подвергнуть его бѣдѣ. Грибоѣдовъ, предупрежденный обо всемъ адъютантомъ Ермолова Талызинымъ, сжегъ всѣ бумаги подозрительнаго содержанія. Спустя нѣсколько часовъ посланъ былъ въ его квартиру подполковникъ Мищенко для производства обыска и ареста, но онъ, исполняя это, нашелъ лишь груду золы, свидѣтельствовавшей о томъ, что Грибоѣдовъ принялъ всѣ необходимыя для своего спасенія мѣры». При этомъ Денисъ Давыдовъ добавляетъ: «всѣ эти подробности были мнѣ сообщены Талызинымъ, Мищенко, самимъ фельдшеремъ и другими *). Къ этому можно прибавить еще и рассказъ князя П. В. Долгорукова, писавшаго, что, «когда получено было повелѣніе объ арестѣ Грибоѣдова, Ермоловъ предупредилъ его и тѣмъ далъ время уничтожить компрометирующія бумаги» **). Впрочемъ, Долгорукій идетъ въ своемъ рассказѣ слишкомъ далеко, утверждая, что А. П. Ермоловъ предупредилъ Грибоѣдова объ арестѣ не просто по чувству добраго къ нему расположенія, а потому, что онъ самъ былъ «неизвѣстнымъ для большинства участниковъ членомъ тайнаго общества и сносился съ нимъ черезъ Грибоѣдова и Фонъ-Визина, подобно Сперанскому, сносившемуся черезъ Батенкова, и Мордвинову черезъ Рылѣева» ***).

*) „Записки Д. В. Давыдова“, 1863 г., стр. 44—45.

**) Некрологъ Г. С. Батенкова. Листокъ, издаваемый кн. Долгорукимъ, Парижъ, 1863 г., № 22.

***) Ibid.

Такія утвержденія должны быть отнесены, конечно, къ области вымысловъ.

11-го февраля 1826 года Грибоѣдовъ былъ доставленъ въ Петербургъ и посаженъ подъ арестъ въ главной гауптвахтѣ при зданіи главнаго штаба. Первый допросъ, который былъ съ него снятъ Левашовымъ, не обнаружилъ рѣшительно ничего, что могло бы дать какія-нибудь основанія для дальнѣйшаго содержанія Грибоѣдова подъ арестомъ, но, тѣмъ не менѣе, освобожденъ онъ не былъ. 15-го февраля Грибоѣдовъ обратился поэтому къ императору Николаю со слѣдующимъ письмомъ:

«Всемилюбивѣйшій Государь! По неосновательному подозрѣнію, силою величайшей несправедливости, я былъ вырванъ отъ друзей, отъ начальника мною любимаго изъ крѣпости Грозной на Суножѣ, черезъ три тысячи верстъ въ самую суровую стужу притащенъ сюда на перекладныхъ, здѣсь посаженъ подъ крѣпкій караулъ, потомъ былъ вызванъ къ генералу Левашову. Онъ обошелся со мною вѣжливо, я съ нимъ совершенно откровенно, отъ него отправленъ съ обѣщаніемъ скораго освобожденія. Между тѣмъ дни проходятъ, а я запертъ. Государь! Я не знаю за собою никакой вины. Въ пріѣздъ мой изъ Кавказа сюда я тщательно скрывалъ свое имя, чтобы слухъ о печальной моей участи не достигъ до моей матери, которая могла бы оттого ума лишиться. Но ежели продлится мое заточеніе, то, конечно, и отъ нея не укроется. Ваше Императорское Величество сами питаете благоговѣйное чувство къ Вашей Августѣйшей родительницѣ. Благоволите даровать мнѣ свободу, которой лишиться я моимъ поведеніемъ никогда не заслуживалъ или послать меня предъ Тайный Комитетъ лицомъ къ лицу съ моими обвинителями, чтобы я могъ обличить ихъ во лжи и клеветѣ».

На письмѣ этомъ рукою Дибича сдѣлана помѣтка: «объявить, что такимъ тономъ не пишутъ Государю и что онъ будетъ допрошенъ».

Письмо не произвело на императора Николая того впечатлѣнія, на которое, повидимому разсчитывалъ Грибоѣдовъ и заключенному пришлось отложить попеченіе о скоромъ освобожденіи. Онъ нашелъ способъ завязать тайную переписку съ Булгаринымъ, которому писалъ: «меня здѣсь заперли и я погибаю отъ скуки и невинности. Я писалъ Государю... ничего не отвѣчаетъ». Въ другой записочкѣ Грибоѣдовъ сообщалъ о своемъ положеніи такъ: «кажется, что мнѣ воли еще долго не видать и вѣроятно буду отправленъ съ фельдъегеремъ».

Между тѣмъ, слѣдственные власти допросили объ отношеніяхъ Грибоѣдова къ тайному обществу почти всѣхъ выдающихся декабристовъ.

Отвѣты получены отрицательные, но съ нѣкоторыми оговорками. Кн. Одоевскій просто написалъ, что, зная хорошо Грибоѣдова, онъ «честь имѣетъ донести совершенно положительно, что (Грибоѣдовъ) ни къ какому не принадлежалъ обществу». Рылѣевъ же отвѣтилъ, что онъ «имѣлъ нѣсколько общихъ разговоровъ съ Грибоѣдовымъ о положеніи Россіи и дѣлалъ ему намеки о существованіи общества, имѣющаго цѣлью перемѣнить образъ правленія въ Россіи и ввести конституціонную монархію, но когда онъ полагалъ Россію къ тому еще неготовую и къ тому же неохотно входилъ въ сужденіе о семъ предметѣ, то я и оставилъ его». Рылѣевъ ссылается на кн. Трубецкого, по

словамъ котораго и членамъ южнаго общества не удалось включить въ свою среду Грибоѣдова; однако изъ показанія самого Трубецкого выходитъ, что, хотя Грибоѣдовъ дѣйствительно не поддавался убѣжденіямъ членовъ южнаго общества примкнуть къ нимъ, Трубецкой составилъ себѣ мнѣніе, что все-таки Грибоѣдовъ былъ принятъ въ общество Рылѣвымъ. Бестужевъ - Рюминъ отрицаетъ участіе Грибоѣдова въ тайномъ обществѣ; А. А. Бестужевъ, также отвергая принадлежность Грибоѣдова къ тайному обществу, все же называетъ его членомъ «свободомыслящимъ», съ которымъ онъ «нерѣдко мечталъ о преобразованіи Россіи». Впрочемъ, по замѣчанію А. А. Бестужева, Грибоѣдовъ, — «какъ поэтъ, желалъ этого для свободы книгопечатанья и русскаго платья». Болѣе категоричны, въ отрицательномъ смыслѣ, отвѣты Сергія Муравьева-Апостола, кн. Волконскаго, кн. Барятинскаго, Давыдова и Пестеля.

Такой рядъ свидѣтельствъ самыхъ крупныхъ дѣятелей заговора о непринадлежности Грибоѣдова къ тайному обществу долженъ былъ бы служить достаточнымъ противовѣсомъ показанію Оболенскаго, который заявилъ, что «слышалъ о принятіи Грибоѣдова отъ принявшаго его Рылѣва и болѣе совершенно никакихъ подробностей его не слыхалъ», но Грибоѣдова, тѣмъ не менѣе, не оставили въ покоѣ. Причиною этого служило, по весьма вѣрному соображенію г. Щеголева, го обстоятельство, что Грибоѣдовъ служилъ при Ермоловѣ, а знаменитому-то кавказцу императоръ Николай, по его собственнымъ словамъ, «всего менѣе довѣрялъ» и онъ надѣялся добыть какія-нибудь указанія на причастность къ декабръскому движенію самого Ермолова. Самъ слѣдственный комитетъ составилъ на основаніи всѣхъ приведенныхъ показаній постановленіе объ освобожденіи Грибоѣдова изъ заключенія, но постановленіе это императоромъ Николаемъ утверждено не было. Пошла снова слѣдственная волокита. Грибоѣдову былъ заданъ рядъ вопросовъ самаго придирчиво-мелочнаго характера, вродѣ слѣдующаго: «въ какомъ смыслѣ и съ какою цѣлью вы между прочимъ въ бесѣдахъ съ Бестужевымъ неравнодушно желали русскаго платья?»

На этотъ удивительный вопросъ Грибоѣдовъ отвѣчалъ такъ:

«Русскаго платья желалъ я потому, что оно красивѣе и покойнѣе фраговъ и мундировъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что оно бы снова сблизило насъ съ простою отечественныхъ нравовъ, сердцу моему чрезвычайно любимыхъ».

Наконецъ, Грибоѣдову задали почему-то вопросъ, знакомъ ли онъ съ нѣкимъ Сухачевымъ, на что Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что «съ Сухачевымъ не знакомъ и никогда не слыхалъ объ его существованіи».

Г. Щеголевъ знакомитъ насъ въ своемъ изслѣдованіи и съ «дѣломъ» этого самаго Сухачева, которое совершенно неизвѣстно въ нашей литературѣ. Онъ излекъ его цѣликомъ изъ государственнаго архива. Дѣло это, какъ справедливо замѣчаетъ г. Щеголевъ, «представляетъ собою интересъ и бытовой и общественный» и потому остановимся мы тутъ же немного и на немъ.

«Во время путешествія Александра Павловича по югу Россіи,—пишетъ г. Щеголевъ,—въ Ростовѣ появился нѣкій Василій Сухачевъ, служившій въ

Грузин по гражданской части. Образъ его жизни въ Ростовѣ показался тамошнему городничему весьма подозрительнымъ: Сухачевъ велъ жизнь самую уединенную, никого къ себѣ не принималъ, занимался письмомъ и чтеніемъ и имѣлъ бібліотеку въ 600 томовъ. Этихъ данныхъ оказалось достаточно для того, чтобы арестовать Сухачева и отправить его къ таганрогскому градоначальнику Дунаеву. Дунаевъ разыскалъ въ вещахъ и бумагахъ Сухачева кинжалъ, пару пистолетовъ, ружье, саблю, злодѣйское клятвенное обѣщаніе, алфавитъ для тайной переписки, полученный имъ изъ Одессы и нѣсколько писемъ, писанныхъ шифромъ».

Разумѣется, съ Сухачева былъ снятъ допросъ, на которомъ онъ изложилъ между прочимъ слѣдующее:

«Клятва мною извлечена по точнымъ словамъ изъ книги театра сочинителя Августа фонъ-Бюцебу для одного любопытства. Ремарка на другихъ листахъ о страданіи человѣчества написана изъ бумагъ, но какихъ, не помню; она извлечена для соображеній, на случай встрѣтиться могущихъ при перепискѣ съ пріятелями. Письмо, писанное мною къ коллежскому секретарю Григорію Степановичу Радулову, служащему верховнаго грузинскаго правительства по исполнительной экспедиціи въ должности секретаря, который есть мнѣ искренній другъ и съ которымъ дружество тѣсное веду я до отъѣзда его изъ Одессы въ Грузію; составлено изъ литеръ греческихъ, еврейскихъ, арабскихъ, турецкихъ, китайскихъ, латинскихъ, русскихъ и другихъ, выдуманныхъ мною, сказанныхъ другомъ моимъ Радуловымъ и третьимъ нашимъ другомъ же Михаиломъ Константиновичемъ Арестовымъ, уволеннымъ изъ одесскаго купческаго общества и прибывшимъ изъ Одессы въ Грузію вмѣстѣ со мною; въ немъ заключающіяся слова, какъ то, что началась уже общая наша независимая переписка, относились къ признательности моей къ нему за скорый успѣхъ въ познаніи сего новаго, нами составленнаго, іероглифа, а совѣтовалъ я ему, чтобы не жалѣлъ водки, вина и угольевъ подогрѣвать самоваръ для насыщенія лакомой утробы подъячихъ по резону тому, что онъ жаловался мнѣ письмомъ, которое должно быть въ другихъ моихъ или его бумагахъ, на притѣсненія, ему дѣлаемыя въ какомъ то присутственномъ мѣстѣ проволокою совершеніемъ по довѣрію крѣпостнаго акта на домъ одесскаго купца Катле». Всѣ дальнѣйшія показанія Сухачева написаны въ томъ же тонѣ. Изъ нихъ совершенно ясно слѣдуетъ, что «политики» тутъ и слѣда не было и, тѣмъ не менѣе, «дѣло» Сухачева было направлено въ Петербургъ, доложено государю и затѣмъ по высочайшему повелѣнію отослано «для дальнѣйшаго разслѣдованія» графу Воронцову. Графъ Воронцовъ не нашелъ въ дѣяніяхъ Сухачева доказательствъ «злого умысла», но какова затѣмъ была дальнѣйшая судьба «тайнаго человѣка»—это, по свидѣтельству г. Щеголева,—неизвѣстно.

Такъ вотъ слѣдственный комитетъ и доискивался, не состоятъ ли въ какихъ-нибудь отношеніяхъ съ этимъ Сухачевымъ Грибоѣдовъ?.. Убѣдившись же, что и тутъ къ Грибоѣдову прицѣпиться никакъ нельзя, слѣдственный комитетъ вторично сдѣлалъ представленіе объ освобожденіи заключеннаго изъ-подъ

стражи. На этотъ разъ на представленіе комитета была положена резолюція: «выпустить съ очистительнымъ аттестатомъ».

Это и было исполнено.

Свое изслѣдованіе г. Щеголевъ заключаетъ такими словами:

«Приведенными свѣдѣніями исчерпываются официальные данныя объ участіи Грибоѣдова въ заговорѣ 1825 года. Въ матеріалахъ, извлекаемымъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, нужно относиться съ большою осторожностью; каждое слово въ нихъ требуетъ критической провѣрки. Даже послѣ тѣхъ немногочисленныхъ комментариевъ, которые мы дали, напрашивается выводъ, какъ разъ противоположный сдѣланному комитетомъ. Надо думать, что Грибоѣдовъ не только идейно былъ близокъ къ декабристамъ, но и былъ избранъ ими въ члены тайнаго общества. За краткостью времени, онъ не могъ проявить дѣятельнаго участія, но, соображая складъ его міросозерцанія, свойства его характера, можно допустить, что участіе его въ обществѣ было бы не зауряднымъ: навѣрно онъ былъ бы не рядовымъ членомъ, а вождемъ. Но вопросъ о томъ, былъ ли принятъ Грибоѣдовъ въ члены тайнаго общества, исполнилъ ли онъ нѣкоторыя тайныя порученія или нѣтъ, могъ интересовать слѣдователей-современниковъ, а въ настоящее время представляетъ интересъ для біографовъ Грибоѣдова, но для изслѣдователей-историковъ русской общественной и литературной жизни—онъ не имѣетъ большого значенія. Намъ важно отмѣтить идейное вліяніе декабристовъ на жизнь и творчество Грибоѣдова. Пусть будетъ достовѣрнѣйшимъ образомъ доказано, что Грибоѣдовъ не былъ членомъ тайнаго общества, но мы все-таки не измѣнимъ нашего представленія о томъ, что Грибоѣдова можно считать представителемъ общественнаго движенія 20-хъ годовъ и близкимъ сторонникомъ декабристовъ, раздѣлявшимъ во многомъ ихъ теоретическія убѣжденія».

Таково содержаніе новаго въ высшей степени интереснаго труда г. Щеголева, съ которымъ мы рекомендуемъ ознакомиться всѣмъ интересующимся судьбами нашей литературы и нашего освободительнаго движенія.

В. Богучарскій.

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи).

Россія, какъ „тылъ арміи“.—Просыпающаяся деревня и не проснувшаяся деревня.—Педагогическій „строй“.—Лиги охранителей.—Переписка подольскихъ помѣщиковъ съ подольскимъ губернаторомъ.—„Древніе греческіе философы“ Холмскаго уѣзда.—Еще двѣ поэмы.—Общій выводъ.

«Московскія Вѣдомости» придумали вѣрное средство для окончательнаго усовершенствованія государственнаго порядка,—военную диктатуру. Фельдфебель «въ Вольтерахъ», аракеевскія военныя поселенія крестьянъ, смѣлые проекты генерала Дитятина и прочія воинственныя преобразованія ужъ не удовлетворяютъ этотъ печатный органъ, вслѣдствіе ихъ частичности. Между тѣмъ, въ

устройствѣ нуждается вся русская земля. Но что есть вся Россія? Вся Россія есть «тылъ арміи», быстро отвѣчаютъ штыкъ-публицисты и заурядъ-патріоты «Московскихъ Вѣдомостей». И этотъ тылъ арміи, вся Азіатская и вся Европейская Россія, есть «громадный очагъ революціоннаго броженія, простиравшаго свои дѣйствія не только на коммуникаціонные пути нашихъ войскъ, но и на самое наше воинство». Не слѣдуетъ ли теперь догадаться, что устроить русскую землю можно только тѣмъ, что выстроить ее въ ранжиръ и скомандовать «смирно»? Конечно. «Намъ необходимо обезопасить тылъ нашей арміи отъ враждебныхъ дѣйствій японскихъ союзниковъ, а тыломъ ея является, какъ мы сказали, вся Россія. Въ виду этого, всю Россію со всѣми ея окранными, необходимо объявить теперь же на военномъ, а гдѣ нужно—на осадномъ положеніи, которое прекратится лишь тогда, когда исчезнетъ вся наша внутренняя смута, какъ въ печати, такъ и во всѣхъ общественныхъ и государственныхъ сферахъ, и когда Россія получитъ возможность сосредоточить всѣ свои помыслы исключительно на одной лишь войнѣ, дабы довести ее до славнаго побѣдоноснаго окончанія».

Итакъ, все усовершенствованіе отечественнаго режима является простымъ превращеніемъ государственнаго и общественнаго строя въ военный строй примѣнительно къ командѣ «смирно». Но штыкъ-публицисты этимъ еще не довольствуются. Въ этомъ строю не только нельзя дышать, но команднымъ словамъ должны подчиняться и всѣ помыслы, которые по проектируемому уставу слѣдуетъ сосредоточить исключительно на одной лишь войнѣ. Всероссійское равненіе, которому подчиняются даже тайные помыслы,—этой картинѣ нельзя отказать въ величіи и соблазнительности. Самое развращенное воображеніе врядъ ли можетъ придумать что-нибудь грандіознѣе. Но это то обстоятельство и дѣлаетъ весь проектъ утопичнымъ. Какъ, можетъ быть, «Московскія Вѣдомости» на собственномъ примѣрѣ замѣтили, мысль человѣческая отличается такой суетностью, что замереть по командѣ ей рѣшительно не по силамъ. А это качество дѣлаетъ и осадное положеніе паллиативомъ. Поэтому мы ждемъ отъ московской газеты самаго окончательнаго устройства Россіи, когда въ послѣднемъ словѣ она потребуетъ нѣсколько милліоновъ головъ.

Что внѣшнюю войну слѣдуетъ вести внутри Россіи,—это не новое открытіе нашихъ охранителей. Несмотря на кажущуюся стратегическую негѣпость этого плана, онъ скрываетъ въ себѣ очень характерные и важные симптомы современнаго состоянія Россіи, онъ намѣчаетъ также и весьма вѣроятные пути ближайшаго будущаго развитія страны. Но эта внутренняя война во имя или въ укоръ внѣшней сейчасъ не занимаетъ насъ во всей ея полнотѣ. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ фактахъ, рисующихъ равненіе мыслей и настроеній и предварительные шаги въ замѣнѣ общественнаго порядка воинскимъ однообразнымъ строемъ.

* * *

Чрезвычайно характерную попытку въ этомъ направленіи выдержали крестьяне села Хотомли, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Какъ сообщаетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», крестьяне этого села, на основаніи

*

Высочайшаго указа правительствующему сенату 18-го февраля, рѣшили подать заявленіе о своихъ нуждахъ въ комитетъ министровъ. Обратившись за разъясненіями по поводу указа къ мѣстнымъ, сельскимъ и волостнымъ властямъ, крестьяне услышали въ отвѣтъ, что низшая администрація «ничего не знаетъ и ничего не слыхала». Подобный же отвѣтъ крестьяне получили и отъ земскаго начальника. «Однако же, послѣ настоятельныхъ требованій со стороны крестьянъ огласить на сходѣ Высочайшій указъ, земскій начальникъ велѣлъ принести газету и прочиталъ на сходѣ не указъ, а Высочайшій манифестъ отъ того же числа, сдѣлавъ соответствующія разъясненія по поводу «смуты» и «красоты». Такой приемъ тѣмъ не менѣе не заставилъ крестьянъ сохранить прежній «строй» косности, а напротивъ, вызвалъ ропотъ и разговоры, что мѣстное начальство желаетъ скрыть отъ народа царскій указъ. «Въ концѣ концовъ земскій начальникъ вынужденъ былъ прочитать указъ, но читалъ такъ, что, по словамъ присутствовавшихъ на сходѣ, ничего разобрать нельзя было, читалъ «еле шевеля губами» и «не отдѣляя слова отъ слова». Окончивъ чтеніе, земскій начальникъ заявилъ, что этотъ указъ данъ только правительствующему сенату и до «крестьянъ не касается».

Но и «шевеленіе губами» не помогло. Крестьяне выбрали уполномоченныхъ для предварительнаго обсужденія деревенскихъ «непорядковъ» и составленія проекта заявленія о своихъ нуждахъ. Тогда выступила новая мѣстная власть, блюдущая равеніе умовъ, становой приставъ Сбитневъ. Онъ «сталъ вызывать къ себѣ «по одиночкѣ» уполномоченныхъ, разспрашивалъ объ ихъ намѣреніяхъ и, протоколируя ихъ отвѣты, убѣждалъ бросить затѣянное». Но линія деревенскаго фронта явно ломалась, и заявленіе все же было составлено. «Заявленіе это по содержанію носило очень умѣренный характеръ,—въ немъ не затрогивался земельный вопросъ, не упоминались даже народные представители. Иллюстрируя свое положеніе примѣрами изъ текущей сельской жизни, крестьяне въ заявленіи указывали, что одной изъ причинъ ихъ нищеты, безправія и невѣжественности является налицая опека со стороны администраціи и духовенства, просили установить въ уѣздѣ три раздѣльныхъ самостоятельныхъ власти: хозяйственную, судебную и полицейскую, ввести институтъ выборныхъ мировыхъ судей, предоставить крестьянамъ свободный доступъ къ просвѣщенію, сравнять въ правахъ крестьянское сословіе съ другими сословіями, назначить священнослужителямъ отъ казны опредѣленное жалованье, дать свободу печатнаго слова и т. д.».

Несмотря на столь невинное отклоненіе крестьянскихъ помысловъ отъ одобреннаго начальствомъ образца, земскій начальникъ еще разъ попытался вернуть убѣжденія уполномоченныхъ въ общій «строй» и доказывалъ имъ «преимущество земскихъ начальниковъ передъ мировыми судьями, пользу исключительныхъ законовъ для крестьянскаго сословія, ненужность высшаго образованія, вредъ, происходящій отъ свободы печати и пр.».

Все было напрасно. 15-го мая въ Хотомлѣ собрался сельскій сходъ для окончательнаго принятія составленнаго заявленія. Здѣсь выступилъ еще одинъ офицеръ общественнаго строя, мѣстный урядникъ. Онъ убѣждалъ крестьянъ,

«что они затѣяли пустяки, что никакого указа, дающаго право крестьянамъ дѣлать представленія о своихъ нуждахъ, нѣтъ, «и что все это выдумка штунды», т.-е. мѣстныхъ сектантовъ. Въ то же время лица, «приближенныя къ властямъ и духовенству», пытались запугать присутствовавшихъ на сходѣ тѣмъ, что имъ предлагаютъ подписать «прокламацію», за которую будетъ «порка отъ казаковъ».

Тѣмъ не менѣе заявленіе было принято огромнымъ большинствомъ схода,—не соглашались на него лишь мѣстные «богатѣи». Но земскій начальникъ приговоръ схода не утвердилъ, сходъ былъ признанъ несостоявшимся и перенесенъ на 22-е мая.

«Когда на этомъ сходѣ крестьяне вновь высказали непремѣнное желаніе подать заявленіе, земскій начальникъ, дабы припугнуть грозящей отвѣтственностью, заставилъ каждаго въ отдѣльности выходить изъ круга и подписывать заявленіе, хотя передъ тѣмъ сельскій сходъ поднятіемъ рукъ высказался почти единогласно за принятіе заявленія. Въ то же время на сходѣ явился жандармъ, который расхаживалъ по толпѣ и какъ бы помѣчалъ «бунтовщиковъ», а мѣстный волостной судъ пытался силою воспрепятствовать подписывать заявленіе и побуждалъ толпу бить штундистовъ, какъ зачинщиковъ всего этого незаконнаго дѣла».

Дѣло все же не разстроилось, такъ какъ изъ 260 человекъ болѣе 160 подписались подъ заявленіемъ. Послѣ этого земскій начальникъ уѣхалъ, и приговоръ схода остался неподписаннымъ и неутвержденнымъ и по сіе время. Въ послѣдующіе дни сельскій староста ходилъ по селу и пугалъ людей, что вызваны казаки, которые будутъ пороть тѣхъ, кто подписалъ заявленіе. «И вотъ теперь жители села Хотомли находятся въ ожиданіи, не зная, будутъ ли ихъ пороть, или нѣтъ за исполненіе Царскаго указа», заканчиваетъ корреспондентъ «Рус. Вѣд.».

Сельскія и волостныя власти, урядникъ, становой, земскій начальникъ, жандармъ, лица, «приближенныя къ властямъ и духовенству», шевеленіе губами, грозящая порка,—вотъ разнообразный ассортиментъ средствъ, направленный для приведенія крестьянъ въ «порядокъ», который, въ сущности, и не былъ нарушенъ. Да и не безпорядокъ пугалъ попечительное начальство. Его заботило лишь нарушеніе казеннаго благополучія умовъ: не видно «равненія направо». Въмѣсто привычнаго однообразнаго дикообразія, просыпающаяся деревня вдругъ обнаружила помыслы, не согласныя ни съ какимъ «положеніемъ».

Если, съ одной стороны, самое умѣренное отступленіе отъ деревенскаго строя не поддается въ дальнѣйшемъ никакому воздѣйствію и исправленію, то, съ другой стороны, и ненарушенный строй представляетъ не малую опасность.

Ветлужскій уѣздъ, наприимѣръ, представлялъ до сихъ поръ радующій взоръ начальства видъ,—ни движеній ни волненій. Но земскому начальнику г. Башкирову вздумалось принять предупредительныя мѣры. И, по сообщенію «Нижег. Листка», онъ обратился съ такой рѣчью къ крестьянамъ:

«Вамъ надобно царя, православные?»—«Какъ не надо: вѣстимо надо».—
«Ну, коли надо, смотрите за тѣми, кто прїѣзжаетъ въ вашу деревню. Если
какой прїѣдетъ на парѣ или тройкѣ, то бѣгите смотрѣть и слушать ихъ;
обо всемъ разговорѣ доносите мнѣ. Если онъ станетъ говорить, что у васъ
земли мало и что вамъ плохо живется, то выжите его и представляйте мнѣ.
Никому не вѣрьте, кто прїѣдетъ къ вамъ одинъ. Самъ царь прїѣдетъ, и тому
не вѣрьте: это не онъ. Его Императорское Величество прїѣдетъ съ губерна-
торомъ, губернаторъ съ исправникомъ, исправникъ съ становымъ, становой
съ урядникомъ, а урядникъ, конечно, со стражникомъ».

«Мужички науку поняли и прежде всего досталось... становому приставу
въ селѣ Великовскомъ. «Какъ такъ ты прїѣхалъ безъ урядника?» и поучили
неосторожного блюстителя порядка надлежащимъ образомъ».

Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ административное внимательство
не послужило къ спасенію отечества и приведенію его въ лучший строевой поряд-
докъ. Ясно, что и присутствіе, и отсутствіе помысловъ одинаково мѣшаютъ блеску
административнаго парада, который долженъ доказать всѣмъ крамольникамъ,
что въ Россіи вся «команда» одинаково благополучно благоневѣжествуетъ по
части государственнаго благоустройства. Во всякомъ случаѣ, парадирующая
деревня Ветлужскаго уѣзда пока доказала только то, что и во благомъ не-
вѣдѣніи нѣтъ спасенія администраторамъ-опекунамъ. Начинаетъ ли крестьян-
ство думать, или еще не проснулось,—все равно мало прїятности для отцовъ-
командировъ.

* * *

Какъ можно заранѣе предполагать, устройство умовъ въ казенномъ порядкѣ,
какъ бы для смотра, не ограничивается сельскимъ населеніемъ, но распро-
стирается и на другія сферы. И, какъ само собою разумѣется, особенное рве-
ніе въ этомъ дѣлѣ обнаруживаютъ педагоги, профессіа которыхъ налагаетъ
на нихъ именно такого рода обязанности.

Въ Самарѣ «воспитаніемъ умовъ какъ бы для смотра» занимаются два
инспектора народныхъ училищъ. Одинъ—г. Ключевъ. Въ качествѣ и. д.
предсѣдателя «общества взаимопомощи учащихся и учившихъ» онъ предполагалъ
созвать въ Самару на 20-е апрѣля учителей и внушить имъ «патріотическую»
резолюцію. Но когда этотъ ученый педагогъ узналъ, что учителя не намѣрены
согласовать свои пожеланія съ его командой онъ пустилъ въ ходъ всѣ сред-
ства, чтобы собраніе не состоялось. Собраніе не было разрѣшено губернато-
ромъ, но учителя, большею частью народныхъ училищъ, все же собрались
въ количествѣ до 200 человекъ и, между прочимъ, единогласно постановили:
«исключить г. инспектора изъ членовъ общества, путемъ печати опублико-
вать его поступки и довести до свѣдѣнія губернскаго земскаго собранія, что
ему, какъ гласному, не должно быть тамъ мѣста».

Послѣ такого бунта вѣрной г. Ключеву роты,—виновать, собранія
педагоговъ,—выступили высшія военныя власти. Директоръ разослалъ «предло-
женія» инспекторамъ, а эти послѣдніе—свои «циркуляры» гг. преподавате-
лямъ. Корреспондентъ «Сына Отечества» (№ 84) приводитъ такое циркуляр-

ное обращеніе инспектора Мазунина къ учителямъ Бугульминскаго уѣзда. Въ этомъ посланіи такъ ясно проглядываетъ забота объ однообразной военной выправкѣ учительскихъ умовъ и о благополучномъ исходѣ парада, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его цѣликомъ.

«Г. директоръ народныхъ училищъ, предложеніемъ отъ 24-го минувшаго апрѣля за № 1.289 сообщилъ мнѣ, что въ виду волненій, возникшихъ въ средѣ учительскаго міра по вопросу о правовомъ положеніи учителя и несвоевременности возбужденія этого вопроса, когда правительство занято военными дѣйствіями на Дальнемъ Востоцѣ и внутренними волненіями въ Имперіи, учителямъ и учительницамъ слѣдуетъ сплотиться въ одну семью, явиться въ Самару въ большомъ количествѣ лицъ на собраніе общества взаимопомощи учащимъ и учившимъ въ концѣ мая, заявить протестъ противъ несвоевременности возбужденія указаннаго вопроса, причѣмъ выразить увѣренность, что правительство по окончаніи внѣшнихъ и внутреннихъ волненій, само приметъ мѣры къ улучшенію матеріальнаго и общественнаго положенія народнаго учителя. Составленный въ такомъ видѣ Всеподданнѣйшій докладъ отъ учителей и учительницъ самарской губерніи обрадовалъ бы Государя Императора.

«Такъ какъ волненія учителей возникли подъ вліяніемъ постороннихъ лицъ, преслѣдующихъ цѣли антиправительственнаго характера и желающихъ только сѣять смуту внутри нашей родины, то необходимо измѣнить уставъ общества взаимопомощи въ такомъ смыслѣ, чтобы членами этого общества могли быть только настоящіе и бывшіе учителя и учительницы всѣхъ заведеній самарской губерніи.

«При этомъ г. директоръ народныхъ училищъ просилъ меня сообщить ему немедленно списокъ учителей и учительницъ, заявившихъ желаніе быть на общемъ собраніи общества въ концѣ мая мѣсяца и рѣшившихъ дѣйствовать въ духѣ настоящаго предложенія, и что тѣ учителя и учительницы, которые не могутъ быть на собраніи, должны прислать ко мнѣ заявленія о протестѣ.

«О вышеизложенномъ, во исполненіе предложенія г. директора народныхъ училищъ, имѣю честь сообщить вамъ, милостивый государь, и просить васъ сообщить мнѣ немедленно о вашемъ желаніи принять личное участіе на упомянутомъ собраніи общества, что было бы весьма желательно; если же не можете быть на собраніи, то пошлите мнѣ немедленно ваше заявленіе о протестѣ противъ несвоевременнаго возбужденія указаннаго выше вопроса».

Столь подробное росписаніе церемоніальнаго марша въ присутствіи директора (явиться «въ большомъ количествѣ», сначала «заявить протестъ», затѣмъ «выразить увѣренность» и пр.) дѣлаетъ честь церемоніймейстерскимъ способностямъ г. инспектора. Онъ знаетъ, чего хочетъ, и былъ бы хорошимъ начальникомъ штаба при военномъ диктаторѣ изъ «Московскихъ Вѣдомостей». Его педагогическая диспозиція такъ хороша, что невольно досадуешь на несовершенство канцелярскаго стили, съ его изобиліемъ лишнихъ, ничего не значащихъ словъ, между тѣмъ какъ ждешь чего-нибудь энергичнаго, вроде: «пальба благонадежными протестами! рота—пли!» или: «благонамѣренными зигзагомъ! гг. педагоги! шагомъ—маршъ!» Впрочемъ, все это какъ-нибудь обра-

зается, и досужихъ стилистовъ службы общественнаго строя у насъ найдется много. Задача ихъ не будетъ трудна, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые термины легко позаимствовать изъ военной «словесности», напр.,—что есть внутренній врагъ.

* * *

Къ той же цѣли,—не то выстроить Россію во фронтъ, не то уложить ее на Прокрустовомъ казенномъ ложѣ,—стремятся по прежнему растущіе и возникающіе «союзы», «лиги» и т. д. Кто не подходитъ подъ одинаковую для всѣхъ мѣрку, того слѣдуетъ искоренить,—такова программа партійныхъ мѣропріятій. Къ этому центральному пункту пристегиваются затѣмъ разныя политическія desiderata, единственнымъ достоинствомъ которыхъ является то, что они всегда могутъ подождать и разсчитаны на всегда и никогда. Главное—вывести изъ строя инако-мыслящихъ.

Какъ сообщаетъ «Наша Жизнь», «петербургское отдѣленіе московской патриотической лиги представило въ министерство внутреннихъ дѣлъ обширную записку, въ которой оно рекомендуетъ принять по отношенію къ «крамольникамъ» самыя энергичныя репрессивныя мѣры, вплоть до преданія ихъ военному суду для сужденія по законамъ военного времени. Записка заканчивается поименнымъ спискомъ «крамольниковъ», въ который вошло свыше 3,000 фамилій представителей разныхъ слоевъ населенія, преимущественно литераторовъ, профессоровъ и юристовъ. На первомъ планѣ фигурируютъ въ «спискѣ» лица, подписавшія извѣстную резолюцію, принятую на банкетѣ въ залѣ Павловой. Затѣмъ перечисляются in corpore члены союза инженеровъ, участники недавняго профессорскаго съѣзда и члены редакцій: «Русскаго Богатства», «Міра Божьяго», «Образованія», «Вопросовъ жизни», «Права», «Сына Отечества» и «Нашей Жизни».

По подсчету «Руси» подобныхъ «крамольниковъ», объединенныхъ въ разныя союзы, нѣбось въ настоящее время около двадцати шести съ половиной тысячъ человѣкъ. Слѣдовательно, нужно потребовать не меньше этого количества головъ, но никакъ не 3.000, что составляетъ лишь девятую часть общаго числа. Этимъ единственнымъ статистическимъ примѣчаніемъ въ отвѣтъ на записку лиги мы и ограничиваемся. Ибо въ качествѣ сотрудника «Міра Божьяго», и, слѣд., заранѣе осужденнаго, пишущій эти строки чувствуетъ себя въ положеніи анекдотическаго малоросса, захваченнаго разбойниками. Рыцари проѣзжихъ дорогъ волнуются и спорятъ около связанной жертвы, повѣсить ли его, зарѣзать ли, или просто придушить, а малороссъ, обезкураженный этими преніями, только успокаивающе проситъ: «Робыть, братцы, якъ лучше!» Лучше «дѣлайте», господа!

Свою лепту въ проскрипціонный списокъ крамольниковъ внесла и яттинская организація. Ея программы мы не будемъ приводить,—ужъ слишкомъ она похожа на всѣ остальные программы этого же рода союзовъ,—но нѣкоторыя постановленія все же любопытны. Напр., рѣшено «попытаться вести бесѣды съ прислугою, объясняя ей, что рабочее движеніе есть результатъ подкупа японскими милліонами; ходатайствовать о закрытіи «Крымскаго Вѣст-

ника»; ходатайствовать о воспрещеніи жительства въ таврической губерніи выдающихся мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей: врача-писателя С. Я. Елпатовскаго, врачей Розанова, Алексина и Гурвича, фактическаго редактора «Крымскаго Курьера» М. Первухина и друг.; ходатайствовать о воспрещеніи пребыванія на южномъ берегу Крыма Максиму Горькому и его женѣ; ходатайствовать о воспрещеніи пребыванія въ Крыму учащимся изъ забастовавшихъ высшихъ учебныхъ заведеній и т. д.» («Нов. Дня»). А сверхъ того согласились:

«Будемъ просить правительство о субсидіи на веденіе дѣла». Ибо на свои деньги спасать отечество «еще чего не доставало», какъ выразился одинъ изъ патріотовъ. Но все же насчетъ размѣровъ субсидіи не порѣшили окончательно. Одинъ изъ членовъ, очевидно, вдохновенный предстоящими перспективами, предложилъ было:

«Будемъ ходатайствовать о назначеніи правительствомъ 50.000 рублей на борьбу съ крымскою крамолой!»

Но остальныхъ эта сумма ошеломила, и они испугались крупной политики, послѣ чего и состоялось вышеупомянутое постановленіе о распропагандированіи собственной прислуги, что не будетъ стоить ни копейки, особенно, если условіемъ найма поставить твердо выраженное нежеланіе горничной жить въ одной мѣстности съ Максимомъ Горькимъ. Составъ «дирекціи» новаго союза слѣдующій: ростовщикъ Л., ростовщикъ П—ій, судившійся за служебные подлоги и растраты Р—ій, душевнобольной Б. и т. д.

«Дѣлайте» же какъ можно лучше, господа!

* * *

Въ полемикѣ подольскихъ помѣщиковъ съ подольскимъ губернаторомъ, г. Эйлеромъ, выяснилось два характерныхъ воззрѣнія на крестьянскія волненія, одна—помѣщичья, другая—губернаторская, административная.

Г. Эйлеръ обратился къ предсѣдателю правленія проскурово-летичевского сельскохозяйственнаго товарищества съ письмомъ, въ которомъ рекомендуетъ, какъ единственное средство прекратить все разрастающіяся волненія среди крестьянъ,—вступить съ крестьянами въ соглашеніе по установленію заработной платы. Результатомъ этого письма былъ съѣздъ землевладѣльцевъ въ г. Проскуровѣ 4-го апрѣля. Съѣздъ нашелъ невозможнымъ установить цѣны на рабочія руки путемъ соглашенія, а свое отношеніе къ аграрнымъ волненіямъ проявилъ въ слѣдующемъ заключеніи («Сын. Отеч.», № 76): «Безпорядки ни въ коемъ случаѣ не могутъ имѣть исключительно экономическаго характера: волненіе вызвано агитаціей извнѣ, на почвѣ аграрно-революціонной, крестьянами къ счастью еще не понятой».

Взглядъ, какъ видимъ, совершенно противоположный губернаторскому, объясняющему безпорядки исключительно экономическими причинами. Поэтому и средства, предлагаемыя «помѣщиками», чрезвычайно отличаются отъ всякаго рода соглашеній. Собраніе находитъ, что «средства для прекращенія насильственныхъ движеній противъ желающихъ работать на первое время вполне

достаточны въ существующемъ законодательствѣ, важно лишь примѣненіе этого закона немедленно и независимо отъ предвидимыхъ и предполагаемыхъ въ будущемъ мѣропріятій. Если на будущее время окажутся недостаточными существующіе законы, то собраніе считаетъ необходимымъ созданіе новыхъ мѣропріятій, болѣе соответствующихъ современнымъ требованіямъ».

Итакъ, маленькіе исключительные законы въ карманномъ изданіи (примѣнительно къ карманамъ помѣщиковъ)?

Кромѣ того «собраніе находитъ необходимымъ болѣе цѣлесообразное и равномерное распредѣленіе войскъ (напримѣръ, по отдѣльнымъ волостямъ), причемъ войска, въ случаѣ возникновенія беспорядковъ должны быть расквартированы непременно по домамъ виновныхъ крестьянъ, въ виду того, что практикуемый способъ размѣщенія войскъ въ экономіяхъ вызываетъ превратное толкованіе крестьянъ о назначеніи войскъ. Образъ дѣйствій полиціи во многихъ случаяхъ малоуспѣшенъ и выражается всегда въ запаздываніи. Событія не только не предупреждаются, но даже при существованіи волненія появленіе полиціи бываетъ очень поздно.

«Мировые посредники, несмотря на свой авторитетъ среди крестьянъ, не имѣютъ возможности способствовать успѣшному подавленію беспорядковъ за отсутствіемъ отвѣтственной власти и полномочій, поэтому собраніе считаетъ желательнымъ облеченіе ихъ особыми полномочіями и даже подчиненіемъ имъ въ особо важныхъ случаяхъ полиціи и войскъ».

Значитъ ли это, что для блага помѣщиковъ необходимъ еще и маленькій подольскій диктаторъ, на подобіе большого изъ «Московскихъ Вѣдомостей»? Судя по предлагаемымъ мѣропріятіямъ, подольскіе землевладѣльцы очень сочувствуютъ проекту «Москов. Вѣд.» и всеобщему уравниенію въ казарменныхъ правахъ, уравниенію, примѣры котораго мы видѣли выше. Даже мѣстный колоритъ мало отразился на ихъ «отвлеченныхъ» разсужденіяхъ.

Губернаторъ «никоимъ образомъ» не могъ согласиться со съѣздомъ и отвѣтилъ ему полемическимъ посланіемъ, въ самомъ началѣ котораго заявляетъ: «волненія исключительно на экономической почвѣ и никакой аграрной, а тѣмъ болѣе революціонной подкладки нѣтъ». Дальше г. Эйлеръ обрисовываетъ нѣкоторые приемы экономической эксплуатаціи крестьянъ, въ каковой онъ видитъ дѣйствительную причину волненій. Губернаторъ считаетъ невозможнымъ вмѣшиваться въ частныя экономическія отношенія, ибо «ни въ какихъ узаконеніяхъ нѣтъ указанія, что административная власть могла бы заставлять продавать свой трудъ по установленной ею обязательной цѣнѣ. Этотъ вопросъ я считаю неразрѣшеннымъ, а между тѣмъ онъ является главнѣйшимъ въ дѣлѣ умиротворенія населенія».

Что касается военныхъ репрессій, то «настоящее волееніе, по мнѣнію губернатора, для своего прекращенія вовсе не нуждается въ военной силѣ». По поводу же маленькаго диктатора губернаторъ весьма резонно полагаетъ, что «вопросъ о снабженіи гг. мировыхъ посредниковъ особыми уполномочіями есть вопросъ законодательный и не подлежитъ моей компетенціи».

Предложеніе о соглашеніи съ крестьянами было сдѣлано подольскимъ губернаторомъ и каменецкому сельскохозяйственному товариществу. И въ этомъ

предложеніи говорится, «что многія помѣщичьи экономіи, пользуясь нуждою крестьянъ и превышеніемъ предложенія рабочихъ рукъ надъ спросомъ, довели заработную плату до размѣровъ нищенскаго подаянія. Такъ, между прочимъ, пишетъ г. подольскій губернаторъ: «Изъ полученнаго мною документа-перечня выплатъ за произведенныя сельскохозяйственныя работы въ имѣніи Мудроголовахъ, Каменецкаго уѣзда, видно, что размѣръ этой платы достигаетъ тамъ лишь 20 коп. въ день и то только для одного рабочаго, остальные же получаютъ по 15 к., 10 коп., а большинство рабочихъ по 5 коп., при чемъ въ этомъ послѣднемъ размѣрѣ плата выдается даже и 17-ти-лѣтнимъ парнямъ, напримеръ, Викентію Карвацкому» (см. «Кіевл.»).

На это обвиненіе «каменецкое собраніе отвѣчаетъ губернатору, что оно рассмотрѣло документъ, сдѣлало повѣрку и установило: 1) что 17-ти-лѣтняго Викентія Карвацкаго въ с. Мудроголовомъ не имѣется, а имѣется 13-ти-лѣтняя дѣвочка, которая и получила 5 коп.; 2) что она получила эти 5 коп. не за полевые работы, а за ручную отсортировку бобика для посѣва, которая производится дѣтми въ зимнее время; 3) что, кромѣ 5 коп., работающія дѣти получаютъ половину отсортированнаго колотаго бобика, вслѣдствіе чего заработокъ ихъ составляетъ не 5 коп., а 15 коп.»

Отпустивъ по сему случаю нѣсколько полемическихъ стрѣлъ въ легковѣрнаго губернатора, каменецкіе землевладѣльцы «заявили губернатору, что «упрекъ, обращенный къ намъ въ эксплуатаціи крестьянскаго труда, нами не заслуженъ» и что движеніе имѣетъ совсѣмъ иной характеръ и причины. По мнѣнію помѣщиковъ, безпорядки обнаружили и въ селахъ съ болѣе зажиточнымъ населеніемъ; и въ районѣ свекловичной культуры, гдѣ заработки весьма высокіе, и въ районѣ зернового хлѣба, гдѣ они меньше. Но волненія начались тамъ, гдѣ крестьяне зажиточнѣе и съ требованіями платы выступали наиболѣе зажиточные, не позволяя работать ни за какую цѣну».

Каменецкіе землевладѣльцы выставляютъ, такимъ образомъ, главной причиной волненій ужь не аграрно-революціонную агитацію, а... зажиточныхъ крестьянъ.

Переписка подольскихъ помѣщиковъ съ подольскимъ губернаторомъ на тему о причинахъ крестьянскихъ волненій весьма любопытна. Къ сожалѣнію, мы лишены здѣсь возможности разобраться въ аргументахъ той и другой стороны, хотя бы потому, что оппоненты аргументируютъ не столько общими положеніями, сколько своей мѣстной силой и своимъ мѣстнымъ вліяніемъ. Поэтому-то ихъ полемика очень напоминаетъ знаменитый «споръ двухъ древнихъ греческихъ философовъ объ изящномъ»: у одного подольскаго «философа» въ избыткѣ власть экономическая, у другого—административная. Выставляя эти два преимущества въ укоръ другъ другу, эти два философскихъ противника думаютъ рѣшить споръ однимъ нагляднымъ сопоставленіемъ. Тамъ, на мѣстѣ диспута, можетъ быть, и видно, чьи построенія «изящнѣе» и чья поза импозантнѣе,—а, вѣдь, въ соревнованіи двухъ властныхъ позъ и заключается главный мотивъ преній,—но намъ отсюда ничего этого не видать.

Видно только, что кто-то пострадалъ и довольно сильно: не то 17-ти

лѣтній парень превращенъ силою экономическихъ отношеній въ 13-ти-лѣтнюю дѣвочку, не то 13-ти-лѣтняя дѣвочка превращена административнымъ порядкомъ въ 17-ти-лѣтняго парня. Фокусъ, какъ извѣстно, недоступный даже всемогущему англійскому парламенту. Но, вѣдь, это намъ съ вами, читатель, не Англія!..

* * *

Аналогичный споръ объ «изящномъ», независимо отъ того, кто страдаетъ отъ спора, ведется и въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Только здѣсь одна изъ спорящихъ сторонъ заимствуетъ свою позу изъ существа бюрократическихъ отношеній, а другому оппоненту не до позъ.

13-го мая въ Холмѣ по телеграфному распоряженію губернатора произошло экстренное засѣданіе уѣзднаго сѣзда. Губернаторское распоряженіе было вызвано двумя телеграммами и бумагой земской управы, которая сообщила губернатору, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ Холмскаго уѣзда—голодъ, что люди сидятъ безъ пищи по два дня. Гг. земскіе начальники, которые зимой сдѣлали успокоительныя постановленія насчетъ продовольствія въ уѣздѣ, почувствовали себя неловко. Губернаторъ телеграфируетъ о голодѣ, сельскія общества настойчиво просятъ ссуды, врачъ въ своихъ донесеніяхъ говоритъ о необходимости немедленной помощи: «часъ промедленія—проступокъ, день—преступленіе», а сконфуженные земскіе начальники стали въ философскую позицію и спросили: то есть острая продовольственная нужда? Послѣ этого они почувствовали себя въ столь же несокрушимомъ положеніи, какъ если бы спросили, что есть истина.

Сѣздъ занялся обсужденіемъ философскаго вопроса. По словамъ корреспондента «Руси» (№ 131), «были предложены два опредѣленія: одно, честь изобрѣтенія котораго принадлежитъ земскому начальнику А. Арбузову, признавало острой нуждой такое положеніе, находясь въ которомъ, человѣкъ не имѣетъ пищевыхъ продуктовъ, денегъ на покупку ихъ, заработковъ для пріобрѣтенія денегъ и никакихъ предметовъ для продажи,—словомъ, когда человѣку угрожаетъ опасность голодной смерти. Другая редакция была предложена членомъ земской управы А. Сапожниковымъ. Послѣдній признавалъ признакомъ острой нужды крестьянина необходимость продавать послѣднюю корову, лошадь, послѣдній плугъ. Баллотировкою вопроса сѣздъ принялъ опредѣленіе г. Арбузова».

Придумавъ такую позу, отдѣльные члены сѣзда высказали мнѣнія, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ Хлавицкой вол. «есть единичные случаи острой нужды». «Но,—продолжаетъ корреспондентъ,—непосредственно за отрицкою этихъ мнѣній въ журналъ сѣзда написано: «На основаніи всего вышеизложеннаго холмскій уѣздный сѣздъ постановилъ: признать, что въ Холмскомъ уѣздѣ острой продовольственной нужды нѣтъ».

Полное торжество принципа, гласящаго что опредѣленіе есть отрицаніе! Древніе греческіе философы Холмскаго уѣзда, установивъ административную детерминацію «острой продовольственной нужды» тѣмъ самымъ пришли къ ея административному отрицанію. Между тѣмъ корреспондентъ «Руси», ѣздив-

шій въ Хлавицкую вол. вѣстѣ съ членомъ управы для оказанія помощи населенію, называетъ состояніе крестьянъ, которое онъ видѣлъ «голодомъ одной части ихъ и состояніе, близкимъ къ голоду, другой». Приведемъ нѣкоторые факты, которые заставили корреспондента назвать это состояніе голодомъ.

«Въ дер. Иванисовѣ изъ 18 дворовъ 6, т.-е. третья часть вовсе не имѣютъ коровъ: онѣ уже проданы, и вырученные отъ продажи деньги «проданы». Изъ остальныхъ 12 дворовъ 7, или больше 57 проц., имѣютъ по одной коровѣ, и изъ остальныхъ 5 два двора имѣютъ по двѣ коровы. Только у трехъ дворовъ больше, чѣмъ по одной лошади; три двора лошадей совсѣмъ не имѣютъ. Хлѣба своего ни у кого нѣтъ. Покупать рѣшительно не на что. Продавать тѣмъ, у кого уже нѣтъ коровъ и лошадей, тоже нечего. Надворныхъ построекъ очень мало, и всѣ онѣ въ состояніи разрушенія. Въ такомъ же видѣ и жилия избы. Домахъ на 4—5 есть сносныя крыши; на остальныхъ—черные остовы изъ стропилъ съ лежащими кое-гдѣ кучками гнилой соломы (еще не сѣденной до весны скотомъ). Питаются только ржанымъ хлѣбомъ и иногда супомъ изъ ржаной муки (молока не хватаетъ даже ребятамъ, взрослые же только бѣлятъ имъ «супъ»). Но и хлѣба недостаточно: досыта уже давно не наѣдаются. Я видѣлъ старика, который утверждаетъ, что никакой болѣзни не чувствуетъ; между тѣмъ онъ отощалъ и изсохъ до такой степени, что съ трудомъ отворилъ намъ дверь, когда мы входили въ его полуразвалившуюся избу. Руки, ноги совершенно похожи на руки и ноги тѣхъ индусовъ, которые изображались на картинкахъ: «Голодъ въ Индіи». Всѣ сосѣди утверждали, что такимъ онъ сдѣлался исключительно отъ голода. Да и сами сосѣди тоже истощены, движенія у всѣхъ вялыя.—«Смерти нѣтъ, а житье плохое»,—говорили намъ крестьяне: «которые постарше уже прилегли... Вотъ чугунокъ съ водой стоитъ въ печкѣ,—какъ хочешь:—и бѣли, и соли. Налъешь брюхо, только щелкаетъ. Молоко ребятамъ коровишь, а самъ ужъ водицу... Пара ребятъ почти голодныхъ—и хлѣбецъ ѣдятъ; покрошишь въ водицу,—и питаются, а то изъ овса киселицу сдѣлаешь,—тоже кормятся... Нагдись оралъ, оралъ въ полѣ, пріѣхалъ домой—хлѣбца маленькая корочка: ребята расхватили,—я и остался такъ... Картофины, и то нѣтъ... Отощали совсѣмъ... Мы уже стараемся не давать помирать одинъ другому; остатную кромочку, у кого есть, рѣжемъ такъ, что она по всей деревнѣ ходитъ». Эти отрывочныя выраженія очень точно описываютъ питаніе крестьянъ этой деревни. Также питаются многіе и въ другихъ осматрѣнныхъ нами деревняхъ».

Но намъ не зачѣмъ особенно довѣрять глазамъ очевидца. Лучшимъ авторитетомъ является одинъ изъ позировавшихъ на сѣздѣ философовъ, земскій начальникъ г. Ярышкинъ. Губернскій земскій ветеринаръ г. Сидоровъ такъ передаетъ сентенціи этого администратора («Русь» № 130).

«Г. Ярышкинъ говорилъ, что фактъ голода въ Хлавицкой, Троицкой и Зуевской волостяхъ не подлежитъ сомнѣнію, но лично онъ (какъ, вѣроятно, и сѣздъ) не находитъ возможнымъ признать его и оказать голодающимъ этихъ волостей помощь потому, что «точно такую же нуждою поражены и другія

волости; значить, если ссуда будетъ выдана въ нѣкоторыя волости, ея потребуетъ и остальное крестьянское населеніе уѣзда,—и будетъ бунтъ».

Г. Сидоровъ удивляется, какимъ образомъ сѣбѣ отказываетъ въ помощи голодающимъ трехъ волостей только на томъ основаніи, что голодъ распространился по всему уѣзду. Пофилософствуй, умъ вскружится! Вообще, Холмскій уѣздъ наполненъ такими позирующими мыслителями, вся сила которыхъ заключается въ позѣ. Тотъ же г. Сидоровъ рассказываетъ о своей бесѣдѣ съ мѣстнымъ предводителемъ дворянства, генераломъ Н. Болтиннымъ. «Его превосходительство тоже не отрицалъ «острой нужды» въ уѣздѣ, но говорилъ, что она уже тянется три года и что, вообще, это—вещь обычная для Холмскаго уѣзда. Находить поэтому, что нуждающіеся—на помощь не имѣютъ никакого права, какъ лѣнтяи, пьяницы и развратники. Дать имъ что-нибудь изъ милости,—противъ этого генералъ ничего не имѣетъ, но совершенно не считаетъ себя обязаннымъ сдѣлать что-либо для предупрежденія несчастій отъ голода».

И еще другой—членъ мѣстной уѣздной земской управы, г. А Саножиновъ. Онъ возражаетъ въ «Рус. Вѣд.» на телеграмму, помѣщенную 6-го мая въ той же газетѣ, о случаяхъ голодной смерти, констатированныхъ земскимъ врачомъ. По словамъ г. Саножинова, холмскій земскій врачъ не констатировалъ ни одного случая смерти отъ голода. Въ интересахъ точности, холмская земская управа проситъ «Рус. Вѣд.» напечатать слѣдующую выдержку изъ подлиннаго донесенія въ управу земскаго врача отъ 4-го мая: «...Фактъ недоѣданія (семьи умершаго ребенка) несомнѣненъ. Что же касается факта смерти ребенка, то на основаніи свѣдѣній, добытыхъ у матери, я не рѣшаюсь приписать его абсолютно одной голодовкѣ. Картина болѣзни, воспроизведенная матерью умершаго ребенка, давала мнѣ нѣкоторое основаніе думать, что ребенокъ умеръ, вѣроятно, отъ воспаленія почекъ, причемъ, понятно, трудно сказать, въ какой мѣрѣ недоѣданіе способствовало летальному исходу»...

Итакъ, не голодъ, а отсутствіе острой продовольственной нужды, не голодъ, а «вещь обычная для Холмскаго уѣзда», не голодъ, а недоѣданіе... Сколько опредѣленій въ интересахъ точности! Сколько позъ! Сколько философов!

Не уѣздъ, а какая-то академія.

* * *

Русская жизнь каждый день приноситъ новыя задачи, старыя нужды съ каждымъ днемъ все настоятельнѣе требуютъ разрѣшенія, но все это встрѣчаетъ вездѣ и всегда лишь административную позу. Къ указаннымъ случаямъ относятся и слѣдующіе два.

По словамъ «Рус. Вѣд.», на ходатайство уѣздной земской управы о разрѣшеніи земскимъ врачомъ Сумскаго уѣзда производить народныя чтенія о холерѣ и по гигиенѣ, посланное харьковскому губернатору еще 17-го февраля этого года, 2-го мая послѣдовалъ такой отвѣтъ:

«Вслѣдствіе ходатайства отъ 17-го февраля сего года въ № 1,464, увѣдомляю сумскую земскую управу, что въ настоящее время организацію народныхъ чтеній я признаю вообще несвоевременной. Губернаторъ генералъ-маіоръ (Старынкевичъ).

Принимая во вниманіе грозящую холеру, нельзя не отдать должное спокойной граціи харьковскаго губернатора.

Фигура другого, одесскаго администратора въ изображеніи «Вѣдомостей Одесскаго Градоначальства» отличается меньшей способностью принять во-время соотвѣтствующее выраженіе, и потому получается «несвоевременная» поза. Какъ извѣстно, одесскіе наборщики собственными усиліями добились воскреснаго отдыха. И, когда ихъ усилія увѣнчались успѣхомъ, «Вѣд. Од. Градоначальства» стали увѣрять, что вопросъ этотъ былъ поднятъ одесскимъ градоначальникомъ «еще въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года и тогда же имъ были затребованы по этому вопросу свѣдѣнія отъ губернаторовъ, кіевскаго, бессарабскаго, таврическаго и екатеринославскаго». По полученіи этихъ свѣдѣній выяснилось, между прочимъ, что «прекращеніе выпуска газетъ въ Одессѣ по понедѣльникамъ никакихъ нежелательныхъ послѣдствій въ екатеринославской губерніи не вызоветъ».

Бессарабскій, таврическій и кіевскій губернаторы тоже ничего не имѣли противъ невыхода одесскихъ газетъ по понедѣльникамъ, и тогда градоначальникъ вошелъ «по сему предмету съ представленіемъ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, доказывая, что во всей Англіи газеты не выходятъ по понедѣльникамъ». Въ результатѣ, и въ Одессѣ газеты не выходятъ по понедѣльникамъ.

Очень красиво. И на этотъ разъ точь-в-точъ, какъ въ Англіи. Но отчего бы раньше не укрѣпиться въ такой позиціи, не ожидая дѣйствій наборщиковъ?

* * *

Всякій разъ, какъ мы приближаемся къ концу нашего обозрѣнія, мы испытываемъ непреодолимое желаніе бросить одинъ общій взглядъ на ту частичку жизни, какую удалось закрѣпить на бумагѣ. Сами факты таковы, что жаждутъ естественнаго конца, общаго вывода. Правда, теперь стало общимъ мѣстомъ мнѣніе, что жизнь, современная русская жизнь, несется быстрымъ темпомъ. Такимъ образомъ, казалось бы, всякій общій выводъ изъ этихъ фактовъ является пройденнымъ этапомъ уже въ тотъ моментъ, когда вы его произносите. Но и въ этой неслыханной до сихъ поръ стремительности развивающейся жизни, развѣ здѣсь не чувствуется страстней жажды вѣчнающаго конца? И не вправѣ ли мы расширить наше утвержденіе, сказавъ, что вся русская жизнь властно требуетъ «общаго вывода», въ которомъ исчезли бы примитивными уродливая глупость, шутовство, слезы и страданія все, что такъ значительно въ русской дѣйствительности и такъ ничтожно въ печати?

Провинція теперь особенно богата внушительными событіями. Она такъ же интенсивно, если не болѣе, стремится къ желанной конечной цѣли, какъ и наши центры культурной жизни. Можно даже сказать, что дѣйствительное политическое творчество, творчество руками человеческими, сосредоточено въ настоящій историческій моментъ, главнымъ образомъ тамъ, въ глубинѣ Россіи. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, интереса представляютъ частичные общіе выводы изъ того, что уже совершилось въ провинціи, тѣмъ важнѣе отмѣтить пройденные этапы, установить вѣха, показывающіе, далеко ли мы ушли. Иначе

наблюдатель рискуетъ увлечься «дурной безконечностью», переходя отъ факта къ факту, нанизывая случай на случай?

Но, если стремительность русской жизни въ значительной степени затрудняетъ выраженіе маленькихъ выводовъ, то опасность «дурной безконечности» устранена попеченіемъ цензуры. Въ ярославской газетѣ, напр., въ «Сѣверномъ Краѣ» есть отдѣлъ подъ заголовкомъ «По Россіи». Но вмѣсто нанизыванія случаевъ въ № 141 въ этомъ столбцѣ мы находимъ: «преподаватель математики» «студентъ»... «яйца для высиживания»... «утеряны»... и т. д.—рядъ объявленій, счастливо уничтожавшихъ вредъ отъ дурной безконечности. Слѣдовательно, не особенно тревожась на этотъ счетъ, мы могли бы спокойно предаться трудному построенію частичнаго резюме... Но и тутъ сама русская жизнь избавляетъ насъ отъ затрудненій. Иногда она преподноситъ факты, какъ бы заключающіе цѣлый рядъ попытокъ къ объединенію дѣйствительности. Вотъ одни изъ нихъ.

Въ пятницу, 27-го мая, прекратилъ свое существованіе единственный частный органъ, издававшійся въ Варшавѣ на русскомъ языкѣ—«Западный Голосъ». Въ этотъ день подписчики газеты получили отъ редакціи слѣдующія строки:

«Кровью сердца хотѣлось бы писать эти строки... Душа изныла, сердце истерзалось... Хочется плакать, рыдать... Теперь мы обращаемся къ читателямъ съ искреннимъ словомъ, прося у нихъ прощенія за невыполненный предъ ними долгъ.

«Въ горячее и лучшее время мы вынуждены были давать читателямъ слабыя и блѣдныя отраженія тѣхъ идей, какими волнуется вся Россія. Но мы до сихъ поръ ждали и надѣялись, что, наконецъ, будетъ возможность сказать читателямъ жаждущее ими слово. Ожиданія наши, однако, не сбылись... Дамокловъ мечъ все ниже и ниже спускался надъ нами.

«Находя нечестнымъ вводить читателей въ заблужденіе, редакція «Западнаго Голоса», по соглашенію съ издателемъ, рѣшили временно приостановить изданіе газеты, пока не выяснятся практическіе результаты намѣчающагося улучшенія въ существованіи русскаго общества. Не по матеріальнымъ и не по техническимъ затрудненіямъ приостанавливается изданіе, а исключительно по невозможнымъ цензурнымъ условіямъ, достигшимъ границъ крайняго произвола. Намъ ясно стало, что при настоящемъ порядкѣ изданіе частнаго русскаго органа на окраинѣ невысказанно. Нужно подождать лучшихъ дней.

«Намъ запрещалось все время дѣлать перепечатки изъ мѣстныхъ подцензурныхъ газетъ. Отъ насъ не скрывалось твердо выраженное намѣреніе кого слѣдуетъ во что бы то ни стало закрыть «Западный Голосъ». «Спеціальный» цензоръ на-дняхъ прямо заявилъ, что теперь будетъ зачеркивать все... Цензурнымъ комитетомъ довольно прозрачно намекалось, что газета наша должна гармонировать съ «Московскими Вѣдомостями» и мѣстнымъ «Дневникомъ для всѣхъ»... Съ января мѣсяца мы терпѣли сплошную пытку. Нѣтъ никакихъ человѣческихъ силъ, чтобы въ достойныхъ краскахъ передать тѣ цензурныя изощренія, которымъ мы подвергались. Оригинальныя статьи почти совер-

шенно не пропускались или коверкались до неузнаваемости. Въ вырѣзкахъ, если онѣ не уничтожались совѣмъ, вычеркивались отдѣльныя фразы, слова, предлоги, частицы, какъ наприимѣръ «не».

«На наши неоднократныя жалобы не только не обращалось вниманія, но, видимо, онѣ служили предметомъ злорадства. Борьба оказалась непосильной. Намъ привлекли къ судебной отвѣтственности, изъ числа многихъ другихъ дѣлъ, даже за то, что мы перепечатывали изъ «Варшавскаго Дневника» офиціальныи отдѣлъ. Намъ заставили, наконецъ, сложить оружіе и произнести: довольно!»

«Прощаясь съ читателями, мы, однако, выражаемъ увѣренность, что въ недалекомъ будущемъ снова встрѣтимся съ ними, но уже при лучшихъ условіяхъ».

Такого ли «общаго вывода» требуетъ жизнь,—вопросъ особый.

І. Ларскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1) Проектъ м. в. д. Булыгина организаціи народнаго представительства и общій характеръ реформы. Работы комиссій. Земское движеніе и пріемъ московской депутаціи. Вопросъ о мирѣ или перемиріи. 2) Хроника.

За три мѣсяца, истекшіе съ 18-го февраля, когда было торжественно возвѣщено о привлеченіи «достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній», мы ничего не узнали о ходѣ подготовительныхъ работъ, о составѣ того особаго совѣщанія, которое хотя проектировано рескриптомъ 18-го февраля, но и до сихъ поръ не собиралось. Но, теперь, едва успѣли замолкнуть послѣдніе выстрѣлы цусимскаго боя, какъ появилось въ «Правит. Вѣстникѣ» 21-го мая краткое солидное извѣстіе о томъ, что «составленіе первоначальныхъ соображеній объ основаніяхъ, на которыхъ можетъ быть осуществлено предуказанное Высочайшимъ рескриптомъ 18-го февраля сего года привлеченіе избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, въ настоящее время закончено министромъ внутреннихъ дѣлъ и относящіяся къ этому предмету записки отпечатаны. Матеріалы эти, согласно послѣдовавшимъ Высочайшимъ указаніямъ, подлежатъ внесенію на разсмотрѣніе совѣта министровъ».

Цусимская катастрофа положила конецъ попыткамъ «объять необъятное», возвратить общественную жизнь въ «первобытное состояніе» тишины и спокойствія; тогда поспѣшно выдвигается проектъ народнаго представительства и безъ созыва предуказаннаго въ рескриптѣ 18-го февраля. совѣщанія вносится въ совѣтъ министровъ, гдѣ обсужденіе его уже закончено.

Послѣдовательная до конца бюрократія и здѣсь хранить молчаніе по вопросу, волнующему страну до глубины ея, и до сихъ поръ подробности—отрывочныя

и противорѣчивыя—о проектѣ извѣстны лишь въ «пересказѣ своими словами» «Новаго Времени». Но эти «пересказы» по временамъ «оффиціозно» «исправлялись» и поэтому ниже приводится изложеніе проекта гофмейстера Булыгина безъ тѣхъ поправокъ, какія въ этотъ проектъ внесены совѣтомъ министровъ и полностью еще намъ неизвѣстны, хотя, по газетнымъ слухамъ, «основы» проекта въ общемъ остались непоколеблены и въ совѣтѣ министровъ.

«Учрежденіе Государственной Думы», какъ называется проектъ, состоитъ изъ 152 статей. Дума составляется изъ членовъ, избираемыхъ населеніемъ Р. Имперіи, срокомъ на 5 лѣтъ; она состоитъ изъ общаго собранія и 10 отдѣловъ — экономіи и финансовъ, сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, народнаго просвѣщенія, духовныхъ дѣлъ, административныхъ дѣлъ, юстиціи, военныхъ дѣлъ, путей и средствъ сообщенія и «по разсмотрѣнію отчетовъ». Преслѣдуя задачу «единенія Самодержавнаго Государя съ народомъ и сохраненія неизблѣмости основныхъ законовъ имперіи», гофмейстеръ Булыгинъ высказывается за образованіе особаго, постоянно и непрерывно дѣйствующаго *законосовѣтательнаго* учрежденія. Сообразно такому ея характеру «Государственная Дума» въ дѣлахъ, ей предоставленныхъ, пользуется всею свободою мнѣній, но обязана не удалаться отъ существа ихъ и основывать свои заключенія на сужденіяхъ положительныхъ.

Указывалось и какого рода дѣла могутъ подлежать предварительной разработкѣ и обсужденію «Государственной Думы». Это тѣ, которыя входятъ въ кругъ вѣдѣнія Государственнаго Совѣта. Стало быть, къ числу ихъ относятся разсмотрѣніе — 1) предметовъ, требующихъ новаго закона, устава, или учрежденія; 2) предметовъ внутренняго управленія, требующихъ отмінъ, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній; 3) дѣлъ, требующихъ въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ изъясненія истиннаго ихъ смысла; 4) мѣръ и распоряженій общихъ, приемлемыхъ къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій; 5) общихъ внутреннихъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ приемлемыхъ; 6) государственной росписи доходовъ и расходовъ, финансовыхъ смѣтъ Министерствъ и Главныхъ управленій, дѣлъ о денежныхъ изъ казны ассигнованіяхъ, дѣлъ о сборахъ и доходахъ, не подлежащихъ внесенію въ финансовыя смѣты Министерствъ и Главныхъ Управленій, кромѣ капиталовъ, на опредѣленные цѣли пожертвованныхъ, способовъ уравниванія государственныхъ доходовъ и расходовъ и чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ; 7) смѣтъ и раскладокъ земскихъ повинностей въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не введены земскія учрежденія; 8) отчетовъ: а) отчета Государственнаго Контроля по исполненію государственной росписи, б) кассоваго отчета Министра Финансовъ, в) годовыхъ отчетовъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассъ и Государственнаго Земельнаго и Крестьянскаго Поземельнаго Банковъ, для разсмотрѣнія сихъ отчетовъ въ общихъ видахъ государственнаго хозяйства и соотвѣтствія дѣятельности Банковъ и Кассъ съ цѣлями, указанными въ ихъ уставахъ, а ранѣе обсужденія размѣра затратъ сихъ учрежденій на каждую отдѣльную ихъ операцію, въ связи съ

имѣющимися для того средствами и г) отчетовъ С.-Петербургской и Московской ссудныхъ казенъ, при разногласіи относительно учрежденія между Министромъ Финансовъ и Государственнымъ Контролеромъ; 9) всѣхъ вообще штатовъ, въ томъ числѣ издаваемыхъ временно и въ видѣ опыта, за исключеніемъ штатовъ, указанныхъ въ Учрежденіи Комитета Министровъ; 10) частныхъ случаевъ отчужденія какой-либо части государственныхъ доходовъ или имущества, требующихъ Высочайшаго соизволенія; 11) дѣлъ о принудительномъ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ, временно ихъ занятіи и установленіи права участія въ пользованіи ими для государственной или общественной пользы; 12) дѣлъ объ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній; 13) дѣлъ объ учрежденіи компаній на акціяхъ, когда имъ испрашиваются особые преимущества или исключительныя привилегіи; 14) дѣлъ объ отмѣнѣ или измѣненіи постановленій земскихъ собраний и городскихъ думъ, а также приговоровъ собраний городскихъ уполномоченныхъ, не соотвѣствующихъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушающихъ интересы мѣстнаго населенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда такая отмѣна или измѣненіе вызываетъ возвышеніе земскаго или городского обложенія противъ опредѣленнаго общественными установленіями размѣра, объ отнесеніи нѣкоторыхъ земскихъ расходовъ губерніи или уѣзда на счетъ казны и объ оказаніи земству вспоможенія иного рода; 15) проектъ законовъ, кои дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, равно законовъ, примѣняемыхъ въ предѣлахъ Великаго Княжества, если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи; 16) представленій и предположеній Министра Путей Сообщенія по разрѣшенію постройки желѣзныхъ дорогъ, на основаніи особыхъ по сему предмету правилъ, а также главныхъ мѣроположеній по частнымъ желѣзнымъ дорогамъ; 17) дѣлъ на основаніи особыхъ узаконеній, а также по особеннымъ Высочайшимъ повелѣніямъ вносимыхъ.

Право участія въ выборахъ въ государственную думу основано на *владѣніи имуществомъ*. Изъ этого исключаются: иностранцы, лица моложе 25 л., учащіеся, евреи, женщины, кочевые и бродячіе инородцы, полицейскіе чины и губернаторы и вице-губернаторы въ предѣлахъ губерній ихъ службы, подвергшіеся суду за опредѣленные преступленія, отрѣшенные отъ должности по судебнымъ приговорамъ, подвергшіеся несостоятельности (кромя несчастной), лишенные духовнаго званія за пороки или же исключенные изъ общественныхъ и дворянскихъ собраний по приговорамъ сословій. Характерны основанія, по которымъ проектъ отвергаетъ сословное представительство: это—неравномѣрность представительства (нѣкоторыя, внѣсословныя, группы совсѣмъ бы не вошли въ избирательный кругъ; другія—дворянство—были бы подавлены массою крестьянства, которое, между тѣмъ, «въ массѣ однообразно болѣе или менѣе, а потому болѣе или менѣе однообразны повсемѣстно и его интересы»): «нельзя,—говоритъ проектъ,—не считаться и съ тѣмъ, какъ отнеслось бы къ подобной постановкѣ выборовъ общественное мнѣніе страны, къ *успокоенію котораго направлено въ немалой степени возмущенное Высочайшимъ рескрип-*

томъ преобразование» *). Благопріятныя же стороны введенія *имущественнаго* ценза проектъ видитъ въ томъ, что «ничто не придаетъ общественной средѣ такой прочности и способности противостоять случайнымъ увлеченіямъ, какъ наличность въ ней болѣе или менѣе значительнаго числа собственниковъ». «Такимъ образомъ единственно возможнымъ въ нашихъ условіяхъ является опредѣленіе ценза *по владѣнію недвижимостью и торгово-промышленному обороту*». Система выборовъ предположена *трехстепенная*: сѣзды владѣльцевъ, имѣющихъ полныя имущественныя цензы, избираютъ уѣздныхъ выборщиковъ, которые выбираютъ уполномоченныхъ въ губернскія или областныя избирательныя собранія, и, наконецъ, эти послѣднія избираютъ членовъ государственной думы. Лица, не владѣющія полнымъ имущественнымъ цензомъ, избираютъ уполномоченныхъ въ первые сѣзды, т.-е. въ сѣзды владѣльцевъ полнымъ имущественнымъ цензомъ; лица, владѣющія имуществомъ въ размѣрѣ, въ 10 и болѣе разъ болѣе большимъ установленнаго ценза, составляютъ *особое* присутствіе, которое даетъ уполномоченныхъ въ уѣздныя собранія; при наличности такого «особаго присутствія» количество подлежащихъ избранію отъ уѣзда выборщиковъ въ губернское собраніе дѣлится между этимъ присутствіемъ и остальными двумя избирательными сѣздами сообразно суммамъ представляемыхъ ими имуществъ. Выборы же *отъ крестьянъ* владѣющихъ надѣльной землею, «имѣютъ мѣсто непосредственно на волостныхъ сходахъ по 1 на волость». Число членовъ думы избирается по разсчету 1 на 250.000 жителей; города болѣе крупныя образуютъ самостоятельную единицу для выборовъ и члены думы избираются въ нихъ въ особыхъ собраніяхъ уполномоченныхъ, избираемыхъ въ томъ же порядкѣ, какой положенъ для избранія городскихъ гласныхъ но, повидимому, безъ ограниченій въ зависимости отъ вѣроисповѣданія за исключеніемъ евреевъ. Уѣздныя избирательныя собранія состоятъ изъ уѣздныхъ выборщиковъ, избираемыхъ 1) сѣздомъ уѣздныхъ избирателей, 2) сѣздомъ городскихъ избирателей и 3) волостными сходами. Выборщики избираются сѣздами только изъ своей среды. Выборы—закрытой баллотировкой.

Женщины, имѣющія цензъ, передаютъ уполномочіе родственникамъ (отцамъ, мужьямъ, сыновьямъ, зятямъ); лица, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ, не могутъ быть избираемы въ члены думы, а для гражданскихъ чиновъ требуется разрѣшеніе непосредственнаго начальства.

Окончательная провѣрка выборовъ производится сенатомъ, а на мѣстахъ—особыми комиссіями чиновниковъ. Списки избирателей составляются и хранятся уѣздными земскими (а по городамъ—городскими) управами. Члены думы не даютъ отчетовъ своимъ избирателямъ и не принимаютъ отъ нихъ какихъ-либо обязательствъ.

*) Противъ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права „побуждаетъ министра внутреннихъ дѣлъ высказаться рѣшительно“ то обстоятельство, что такая подача голосовъ „при существующихъ общественныхъ условіяхъ и степени развитія гражданственности въ низшихъ слояхъ населенія не можетъ обезпечить избранія въ Государственную Думу зрѣлыхъ общественныхъ силъ“.

«Членъ Государственной Думы, *доколь состоитъ* въ семь званіи, не можетъ быть подвергаемъ лишенію или ограниченію свободы распоряженіемъ административной власти»; однако, онъ можетъ быть «временно устраненъ» въ случаяхъ привлеченія къ суду или слѣдствію по обвиненію въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія или исключеніе изъ службы, въ кражѣ, мошенничествѣ и нѣкоторыхъ т. п.

Государственной думѣ предоставляется законодательная *иниціатива*. Право запроса министрамъ обставлено такими условіями: письменное заявленіе не менѣе чѣмъ 30 членовъ думы председателю ея, поддержанное большинствомъ наличныхъ членовъ общаго собранія ея. Но и на это министры сообщаютъ думѣ просьбныя свѣдѣнія не далѣе одного мѣсяца увѣдомленія, «или же *поставляютъ ее въ извѣстность о причинахъ, по коимъ они лишены возможности сообщити эти свѣдѣнія*». Если дума «большинствомъ двухъ третей наличныхъ членовъ общаго ея собранія не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщенными министромъ свѣдѣніями, то председатель думы повергаетъ о семъ на Высочайшее благовозрѣніе въ ежемѣсячномъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ».

Однако, предметомъ запросовъ могутъ быть лишь дѣйствія министровъ или подчиненныхъ имъ лицъ, нарушающія по мнѣнію думы, существующія законоположенія или Высочайшія повелѣнія. Это право не имѣетъ, по справедливому мнѣнію гофмейстера Булыгина, ничего общаго съ правомъ интерпелляціи западно-европейскихъ государствъ, которое «есть орудіе борьбы политическихъ партій и средство надзора за дѣятельностью исполнительной власти не только съ точки зрѣнія законности, но и *цѣлесообразности ихъ дѣйствій*».

Заключенія думы по внесеннымъ на ея разсмотрѣніе дѣламъ сообщаются въ государственный совѣтъ, который можетъ возвратитъ дѣло для пересмотра. Въ случаѣ согласія обоихъ этихъ учрежденій или разногласія, дѣла представляются на усмотрѣніе верховной власти; въ случаѣ отрицательнаго рѣшенія дѣла думою и государственнымъ совѣтомъ, оно не получаетъ дальнѣйшаго движенія.

Засѣданія Государственной Думы предполагаются обыкновенныя и «закрытыя» (?); закрытыя—по постановленію думы или председателя или по требованію министровъ при сообщеніи ими думѣ свѣдѣній или разъясненій. На обыкновенныя засѣданія председателемъ, повидимому, будутъ допускаться и представители печати, но отчеты объ этихъ засѣданіяхъ печатаются лишь по одобреніи председателемъ думы.

Ограничиваемся наивозможно подробнымъ изложеніемъ проекта организаціи «народнаго представительства», пока воздерживаясь отъ его критическаго разбора, такъ какъ проектъ гофмейстера Булыгина, какъ указано, разсматривается еще теперь въ совѣтѣ министровъ. Нельзя не замѣтить, что, самъ по себѣ, поскольку намъ предоставлено о немъ судить, этотъ проектъ не представляетъ выдержаннаго послѣдовательно принципа, а скорѣе какое-то блужданіе политической мысли. Къ «народному представительству», впрочемъ, выражается достаточное недовѣріе, сказавшееся въ цѣломъ рядѣ ограничительныхъ мѣръ. Для «приказнаго строя», вообще, является характерной чертой

отсутствіе политической мудрости, даже простого политическаго разсчета: тѣ немногія мѣры, которыя могли бы еще удовлетворить запросы нѣкоторыхъ группъ общественныхъ или избавить страну отъ излишнихъ потрясеній, всегда предпринимались именно тогда, когда ненужность, праздность ихъ становилась очевидною, когда онѣ теряли всякое значеніе; всѣ же остальные мѣры шли всегда въ разрѣзъ съ общественными потребностями, заявленными многократно и громко, а иногда даже противорѣчили только что обнародованнымъ актамъ. И теперь—рѣзко выраженное общественное недовѣріе къ творческимъ способностямъ бюрократіи не остановили многочисленныхъ частичныхъ реформъ, спѣшно поставленныхъ на очередь въ бюрократическихъ комиссіяхъ послѣ 12-го декабря прошлаго года. И чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе становится сложнѣе: въ самомъ дѣлѣ, если вопросъ о созывѣ народныхъ представителей съ цѣлью успокоенія общественнаго мнѣнія и переустройства государственной жизни на новыхъ началахъ былъ поставленъ серьезно и искренно, то почему же, во-1-хъ, онъ дѣлается опять-таки бюрократіей единолично, безъ участія общественныхъ силъ и, во-2-хъ, почему не были остановлены работы бюрократическихъ комиссій, «труды» которыхъ вѣдь, очевидно, имѣютъ цѣлью приспособить жизнь всего государственнаго организма къ отживающимъ или отжившимъ формамъ, а не наоборотъ облегчить жизнь упрощеніемъ этихъ формъ демократизаціей ихъ? Вѣдь не говоря уже о демократическихъ, либеральныхъ и радикальныхъ группахъ, развѣ не видимъ мы, что даже тѣ слои, которымъ выгодны были условія жизни и при самодержавно-бюрократическомъ режимѣ, что и они съ тревогой смотрятъ на суетливое «строительство» бюрократіи, страннымъ образомъ усилившееся именно передъ ликвидаціей ея, и покидаютъ своего прежняго благодѣтеля? Газеты сообщили, что принимавшіе участіе въ комиссіи по рабочему вопросу представители промышленности 19-го мая подали статсъ-секретарю Коконцеву слѣдующую записку:

„Созванные въ С.-Петербургъ для участія въ комиссіяхъ по рабочему вопросу и пересмотру положенія о промысловомъ налогѣ представители торгово-промышленнаго сословія, избранные на мѣстахъ совѣщательными по торговлѣ и промышленности учрежденіями, глубоко потрясены тяжелыми событіями, которыя обрушились на Россію въ послѣдніе дни. Ваволнованная внутренними смутами и омраченная горемъ военныхъ невзгодъ страна наша требуетъ отъ всѣхъ насъ прямого и откровеннаго слова. Представляя интересы обширной области народнаго хозяйства и близко связанные со всѣми производительными силами государства, мы не должны скрывать отъ себя неизбежность долгихъ и тяжелыхъ испытаній, на которыя обречено все населеніе Россіи.“ Сознавая глубокую важность переживаемаго историческаго момента, мы почитаемъ своимъ священнымъ долгомъ просить ваше высокопревосходительство повергнуть на благоусмотрѣніе Государя Императора наше глубокое и искреннее убѣжденіе, что единственно безотлагательное осуществленіе предуказаннаго Высочайшимъ рескриптомъ 18-го февраля призыва избранныхъ представителей народа можетъ вывести страну изъ настоящаго ея тяжелаго положенія, возвратитъ все населеніе къ мирному труду и дать правильное разрѣшеніе назрѣвшихъ государственныхъ вопросовъ“.

И несмотря на быстро послѣдовавшій отвѣтъ—черезъ шесть дней—представители буржуазіи не нашли возможнымъ приступить вновь къ работамъ

въ комиссіяхъ. Нельзя не согласиться съ утвержденіемъ проф. Гредескула (брошюра «На темы дня»), что въ настоящее время... «общественная жизнь идетъ сама по себѣ, не регулируемая правительствомъ и что намъ грозятъ всѣ великія опасности, связанныя съ такимъ состояніемъ государства, когда у него нѣтъ авторитетнаго верховнаго руководства»... и что, «словомъ, вся страна—въ состояніи крайняго недовольства существующимъ порядкомъ и совершенно не вѣрить тому, чтобы нынѣшнее правительство хотѣло и могло вывести ее на правильную дорогу. Механизмъ дѣлсообразнаго нормальнаго регулированія общественной жизни сверху прекратился,—есть только давленіе сверху»... и что «тотъ историческій моментъ, при которомъ общество, на первый разъ и для начала, могло бы удовлетвориться законосовѣщательной функціей и принять ее на себя съ благодарностью, упущенъ безвозвратно. Теперь, чтобы удовлетворить общество, надо прямо и немедленно дать русскому народу рѣшающей голюсь въ законодательствѣ и управленіи страной».

Вмѣсто того сочиняется проектъ законосовѣщательной комиссіи, отличающейся отъ комиссій печальной памяти фонъ-Плеве только развѣ аппаратомъ выборовъ, да детализаціей «дѣлопроизводства» и «окладами». Все остается по-старому, рѣки народныхъ страданій и горя и крушенія собственныхъ плановъ бюрократіи прошли для нея безплодно, не научивъ ничему. Остается и безконтрольное хозяйство, остается безответственная политика во внѣшнихъ дѣлахъ и отсутствіе контроля за тѣми вѣдомствами—военнымъ и морскимъ,—которыя, какъ это показали событія послѣднихъ дней, особенно въ немъ нуждаются. Въ одряхлѣвшій механизмъ управленія вставляется проектомъ цвѣтистая по внѣшности заплата, пріобрѣтающая всѣ его свойства. Мы не будемъ здѣсь повторять резолюцій и требованій либерально-демократическихъ группъ населенія; этимъ требованіямъ даже въ той общей неопредѣленной формѣ, въ какой они были изложены въ 10-мъ пунктѣ земскаго ноябрьскаго съѣзда (напечатанномъ въ брошюрѣ Шарапова, «Тучи») — проектъ, конечно, не дастъ какого-либо удовлетворяющаго рѣшенія. Но лучше ли для него обстоитъ дѣло и по отношенію къ нашимъ отечественнымъ самобытникамъ? Правда, эти наши политическіе романтики, будучи также недовольны существующимъ строемъ, убѣждены, что «самодержавіе при наличности народнаго представительства способно обезпечить въ равной мѣрѣ нужды разноплеменнаго населенія государства Россійскаго», и такимъ образомъ ихъ сгедо совпадаетъ съ желаніемъ авторовъ вышеизложеннаго проекта согласовать принципъ народнаго представительства съ непремѣннымъ сохраненіемъ незыблемости основныхъ законовъ Имперіи. Но и они обрушиваются на «произволъ правительственныхъ чиновъ», они требуютъ охраненія свободы совѣсти, слова и личности и контроля надъ бюджетомъ. Возставая противъ формальныхъ ограниченій абсолютной власти, эта партія придаетъ громадное значеніе «непосредственному приближенію къ государю народной мысли и общественнаго мнѣнія» съ цѣлью «отвратить извращеніе законовъ исполнительными властями» *).

*) Подробную характеристику партій см. въ майской кн. „М. Б.“ стр. 25—29, „Вн. Об.“.

запросы проектъ Булыгина, оставляющій за бюрократіей старое значеніе? Въ этомъ позволительно сильно сомнѣваться.

Остаются еще трудящіяся массы. По отношеніи къ тѣмъ изъ нихъ, которыя связаны съ земледѣльческимъ трудомъ и живутъ въ деревнѣ, нельзя не видѣть, что десятки *лѣтъ* опеки надъ крестьянствомъ, институтъ земскихъ начальниковъ и цѣлый рядъ мѣръ, приведшихъ къ обездоленію народа, не могли не способствовать выработкѣ въ крестьянствѣ отрицательнаго отношенія къ бюрократическому режиму; почти не прекращающееся за послѣдніе годы броженіе въ деревнѣ и полный разладъ въ ея жизни могутъ служить подтвержденіемъ этого. И едва ли можно отъ него ожидать поддержки принципу безотвѣтственнаго бюрократическаго управленія.

Что же касается рабочихъ, пролетаріата—то... вѣдь, повидимому, въ проектѣ гофмейстера Булыгина они забыты...

Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію въ отчетѣ засѣданія Вольно-экономическаго Общества, помѣщенномъ въ газетахъ («С. От.», «Новости» и др.) «введеніе народнаго представительства по проекту Булыгина не только не можетъ внести миръ и успокоеніе въ страну, но, напротивъ, сдѣлается неминуемо новой причиной броженія». Постановка вопроса должна быть иная.

Въ связи съ движеніемъ правительственныхъ работъ по организаціи привлеченія представителей народа къ законодательной работѣ стоитъ событіе, значеніе котораго повседневною печатью отмѣчалось довольно единодушно. Немедленно послѣ цусимской катастрофы, въ связи съ слухами о воинственномъ настроеніи высшей бюрократіи, вселившими тревогу среди даже умѣренныхъ людей, въ Москвѣ состоялся съѣздъ въ концѣ мая земскихъ и городскихъ дѣятелей, которые рѣшили поднести всеподданнѣйшій адресъ и высказать черезъ особую депутацію свои опасенія. Депутація была принята 6 іюня въ Петергофѣ; въ нее вошли графъ П. А. Гейденъ, опочекскій уѣздный предводитель дворянства, псковскій губернский гласный; князь Е. Е. Львовъ, предсѣдатель тульской губернской земской управы; Н. Н. Львовъ, саратовскій губернский гласный; И. И. Петрункевичъ, тверской губернский гласный; Ѳ. А. Головинъ, предсѣдатель московской земской управы; князь П. Д. Долгоруковъ, рузскій уѣздный предводитель дворянства, камергеръ Высочайшаго Двора; Н. Н. Ковалевскій, харьковскій губернский гласный; Ю. А. Новосильцевъ, темниковскій уѣздный предводитель дворянства; Ф. И. Родичевъ, кандидат всеегонскаго, Тверской губерніи, предводителя дворянства; князь Д. И. Шаховской, ярославскій губернский гласный; князь С. П. Трубецкой, ординарный профессоръ московскаго университета; баронъ П. Л. Корфъ, гласный с.-петербургской городской думы; А. Н. Никитинъ, замѣститель предсѣдателя петербургской городской думы; М. П. Ѳедоровъ, гласный петербургской городской думы.

Ординарный профессоръ князь С. П. Трубецкой обратился къ Государю Императору съ рѣчью слѣдующаго содержанія:

«Ваше Императорское Величество!

«Позвольте выразить Вашему Величеству нашу глубокую и искреннюю

благодарность за то, что Вы приняли насъ послѣ нашего къ Вамъ обращенія. Вы поняли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представлялъ насъ—общественныхъ и земскихъ дѣятелей—чуть ли не измѣнниками Престола и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство—любовь къ отечеству и сознаніе долга передъ Вами.

«Мы знаемъ, Государь, что въ эту минуту Вы страдаете больше всѣхъ насъ. Намъ было бы отрадно сказать Вамъ слово утѣшенія, и если мы обращаемся къ Вашему Величеству теперь въ такой необычной формѣ, то вѣрьте, что къ этому побуждаетъ насъ чувство долга и сознаніе общей опасности, которая велика, Государь.

«Въ смутѣ, охватившей все государство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ, не была бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацію, при которой власть осуждена на безсиліе. Русскій народъ не утратилъ патріотизма, не утратилъ вѣры въ Царя и въ несокрушимое могущество Россіи; но именно поэтому онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу; онъ чувствуетъ себя обманутымъ, и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ Царя. И когда народъ видитъ, что Царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что Царь указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предназначенія Вашего Величества урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ, то такое убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово «измѣна» провознесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ,—и въ генералахъ, и въ совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ «господахъ» вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплуатируется. Одни натравливаютъ народъ на помѣщиковъ, другіе—на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы. Однѣ части населенія возбуждаются противъ другихъ. Ненависть, неумолимая и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряемая нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, подымается и растетъ, и она тѣмъ опаснѣе, что въ началѣ облекается въ патріотическія формы,—тѣмъ болѣе она заразительна, тѣмъ легче она зажигаетъ массы. Вотъ грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущіе на мѣстахъ, измѣрили до глубины во всемъ ея значеніи, и о которой мы сочли долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій—это путь, указанный Вами, Государь, созывъ избранныхъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира, созиданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія и, наконецъ, оно должно служить «преобразованію государственному», какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ

большинство русскихъ людей, искренно желающихъ идти по намѣченному Вами пути.

«Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные—равно и безъ различія—чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя: нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое отечество, въ Васъ—своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ Русскій Царь—не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій,—а Царь всея Руси, такъ и выборные люди, отъ всего населенія призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбежно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе.

«Далѣе, народное представительство должно служить дѣлу «преобразованія государственнаго». Бюрократія существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а «приказный строй». Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна занять подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ Державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой къ старой системѣ бюрократическихъ учреждений. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между нимъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учреждений Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, Государь, когда призовете избранныхъ народа и встанете съ ними лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами.

«Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемаго къ участию въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушны. Посему необходимо открыть самую широкую возможность обсужденія государственнаго преобразованія не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ—призывать общественныя силы къ государственной работѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускать свободного сужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь.

«Государь, на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи».

Послѣ сего гласный с.-петербургской городской думы М. П. Федоровъ высказалъ слѣдующее:

«Позвольте, Ваше Величество, присоединить къ тому, что сейчасъ было высказано княземъ Трубецкимъ, еще и то, что тревожить и волнуетъ города».

Городъ и деревня такъ близки другъ къ другу, что всякая невзгода деревни отражается и на благосостояніи города: бѣднѣетъ деревня, и мы страдаемъ.

«Мы не можемъ не беспокоиться о задачахъ ближайшаго будущаго: какъ бы Ваше Величество ни разрѣшили вопросъ войны и мира, война все-таки когда-нибудь кончится, и тогда настанетъ необходимости залѣчивать нанесенныя ею раны,—экономическія и финансовыя; мы предвидимъ, что нашъ бюджетъ долженъ будетъ увеличиться ради этого на много миллионъ въ годъ. Чтобы достать эти миллионы, чтобы найти источникъ для покрытія этихъ расходовъ, нужно начать огромную культурную работу, нужно озаботиться о подъемѣ производительныхъ силъ страны, а это только возможно тогда, когда будетъ призвано къ жизни все, что есть даровитаго и талантливаго въ народѣ, и возбуждена широкая самодѣятельность общества.

«У Вашего Величества есть, правда, люди и люди талантливые, но ихъ немного и они могутъ присматриваться къ потребностямъ и нуждамъ народнымъ только изъ своихъ кабинетовъ и канцелярій, тогда какъ предстоящая работа потребуетъ людей, стоящихъ у самой жизни. Вотъ почему и города всецѣло присоединяются къ голосу земскихъ людей, мысли которыхъ передалъ здѣсь князь Трубецкой».

Его Императорскому Величеству благоугодно было отвѣтить:

«Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви къ родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обращеніи ко Мнѣ.

«Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ Моимъ всею душою скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ.

«Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля—воля Царская—созывать выборныхъ отъ народа непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ.

«Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ.

«Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленною изъ постигшаго ее испытанія.

«Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ.

«Я надѣюсь, вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ».

Всѣ газеты встрѣтили это событіе «съ чувствомъ радости и облегченія». «Русск. Вѣдомости» находятъ, что «путь, пройденный Россіей за 10 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ представителямъ земства пришлось услышать отъ Государя *иные* слова, по истинѣ громаденъ. То, что представлялось тогда мечтаніями—участіе выборныхъ людей въ государственномъ управленіи, — стало теперь дѣломъ, за которымъ стоитъ самъ Верховный Вожь Русской земли». Редакціонная статья «Права» съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на томъ обстоятельстве, что «въ составъ депутаціи входили кн. С. Н. Трубецкой,

привлеченный къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго по 126 ст. угол. уложенія, т.-е. въ государств. преступленія». Подобно «Праву» и «Сынъ Отечества» останавливается на этомъ же совпаденіи и, отмѣчая гоненія со стороны бюрократіи на «борцовъ освободительнаго движенія», утверждаетъ— «отнынѣ это, очевидно, не должно имѣть мѣста». Что же говорить уже о прочихъ органахъ?

Конечно, «путь, пройденный Россіей за 10 лѣтъ, громадный», и разница между 17-мъ января 1895 г. и 6-мъ іюня 1905 г. ощутительна; но слѣдовало обратить побольше вниманія на болѣе мелкія, чѣмъ десятилѣтіе, дѣленія и взять въ расчетъ ту опредѣленность, которую получили теперь у насъ различныя политическія партіи и тѣ соотношенія силъ и обстоятельствъ, которыя создались за послѣдніе 1½ года, даже за ½ года. Политически неосвѣдомленному князю Мещерскому позволительно, конечно, на склонѣ его журнальной дѣятельности *первые* узнавать, напримѣръ, о партіи социалъ-демократовъ и ихъ программахъ, но демократической газетѣ отождествлять дѣла той или другой общественной группы съ интересами «народа» или предавать защиту послѣднихъ «нотаблямъ»*)—это неосмотрительно. Событіе 6-го іюня имѣло, конечно, громадное значеніе, но вопросъ объединенія общественныхъ группъ еще остается открытымъ и оптимизмъ представителей нѣкоторыхъ изъ нихъ опережаетъ событія.

Газеты, такъ категорично отрицающія возможность дальнѣйшаго «утѣшенія», развѣ онѣ почувствовали какое-нибудь дыханіе «весны»? Увы! «ежедневный» «Сынъ Отечества» съ тѣхъ поръ уже не одинъ разъ подвергся конфискаціи; «Право» «по независящимъ обстоятельствамъ», вмѣсто воскресенія, вышло въ среду 8-го іюня; «Русь» 9-го іюня приостановлена на 1 мѣсяцъ, ея судьбу раздѣлила 13-го іюня «Вечерняя Почта»; а уже 16-го «Русскому Слову» объявлено 1-е предостереженіе и воспрещена розничная продажа; наконецъ—задержана цензурой іюньская книжка «Русской Мысли». И вотъ, тѣ же оптимистически-настроенныя «Русскія Вѣдомости» что пишутъ черезъ *девять* дней:

«Въ теченіе недѣли три случая административно-карательнаго воздѣйствія на печать, и изъ нихъ въ двухъ случаяхъ изданія пострадали за то, что осмѣлились коснуться «вопросовъ государственной важности», оглашеніе и обсужденіе которыхъ объявлено въ настоящее время неудобнымъ (ст. 140 и 156 Уст. Ценз.). Это только въ столицахъ и по отношенію лишь къ такъ называемой безцензурной печати. Что же касается изданій подцензурныхъ и провинціальныхъ, то объ этихъ страстотерпцахъ русской гласности можно сказать одно: они при благосклонномъ содѣйствіи цензуры все чаще и чаще обращаются теперь въ листки объявленій. Можно подумать, что мы вернулись снова къ тѣмъ блаженнымъ временамъ, когда никакихъ разговоровъ объ освобож-

*) „Наша Жизнь“, № 97.

деніи печати отъ «излишнихъ стѣсненій» не поднималось, когда самое существованіе поврежденной печати считалось явнымъ доказательствомъ нестерпаемаго добродушія начальства».

Высочайшимъ приказомъ по морскому вѣдомству отъ 2-го іюня «его императорское высочество великій князь Алексій Александровичъ. согласно просьбы его высочества, всемилостивѣйше увольняется отъ должности главнаго начальника флота и морского вѣдомства, съ оставленіемъ въ званіяхъ генералъ-адмирала и генералъ-адъютанта, а равно и въ прочихъ должностяхъ и званіяхъ». Кромѣ того, по газетнымъ свѣдѣніямъ, управляющій морскимъ министерствомъ в.-адм. Авеланъ и его ближайшіе сотрудники оставляютъ свои посты. За время управленія генералъ-адмирала морскимъ вѣдомствомъ—24 года—былъ созданъ весь нашъ броненосный флотъ, бюджетъ морского министерства увеличился въ 4 раза (до 120 милліоновъ руб.), а всѣ вообще затраты на флотъ за это время превышаютъ 1½ милліарда рублей. Однако, очевидно, при началѣ такого громаднаго дѣла взята была неправильная точка отправленія, которая и привела къ совершенной потерѣ флота въ настоящее время. Неправильность эта заключалась въ томъ, что судостроительное дѣло было принесено въ жертву бумажному, бездушному формализму, замкнуто и недоступно для людей живыхъ и способныхъ и стало ареной крупныхъ злоупотребленій и нестроеній. Специфическое условіе—своеобразная организація вышшаго управленія флотомъ—увеличивало трудности положенія. Неудивительно, что—по словамъ кн. Мещерскаго въ его «Дневникѣ»—«фактомъ неназначенія доселѣ преемника ушедшему великому князю рѣшительно вездѣ и во всѣхъ русскихъ людяхъ, послѣ ужаснаго удара, ими понесеннаго, истребленія почти всего нашего флота, зажжена свѣтлая надежда, что отнынѣ судьба русскаго флота не будетъ въ рукахъ великаго князя, который при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ представляетъ собою фактическую безотвѣтственность не только свою, но и всего морского вѣдомства».

«Печальный опытъ соединенія въ лицѣ великаго князя почетнаго званія генералъ-адмирала съ управленіемъ всего флота, пишетъ далѣе кн. Мещерскій, создалъ цѣлый міръ самыхъ разнообразныхъ, но одинаково губительныхъ для нашего флота злоупотребленій, коихъ отличительная черта заключалась въ томъ, что всякія злоупотребленія власти, всякій обманъ, всякія хищенія умышленныя были возможны и десятками лѣтъ оставались безнаказанными только потому, что они прикрывались неумышленною безотвѣтственностью генералъ-адмирала». — Прозрѣвая въ «глубь вещей» по морскому вѣдомству, князь Мещерскій могъ бы распространить свои выводы и на другія, въ аналогичныхъ условіяхъ находящіяся, вѣдомства.

Вопросъ о мирѣ, находившійся подъ запрещеніемъ и доставившій «Праву» предостереженіе, потерялъ послѣ цусимскаго пораженія свой запретный характеръ. Ужасъ объялъ всѣхъ, кто понялъ, какими еще дальше бѣдствіями грозитъ

продолженіе войны, когда погибъ весь флотъ и, такимъ образомъ, все побережье какъ Тихаго Океана, такъ и Балтійскаго моря осталось беззащитнымъ, погибли безъ нужды, безславную смертью тысячи жизней. Слово «миръ» было у всѣхъ на устахъ и въ Россіи, и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Президентъ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Рузвельтъ, въ концѣ мая обратился къ русскому и японскому правительствамъ съ предложеніемъ служить посредникомъ для обмѣна мнѣніями по этому вопросу. 30-го мая выражено было согласіе сторонъ на предварительные мирные переговоры; въ первыхъ числахъ іюня появилось краткое сообщеніе о послѣдовавшемъ соглашеніи воюющихъ сторонъ избрать мѣстомъ переговоровъ Вашингтонъ, и съ тѣхъ поръ мы ничего не знаемъ о переговорахъ о мирѣ. Были одно время слухи, что намѣренія Японіи таковы, что переговоры даже и не будутъ начаты; не мало слуховъ было и о томъ, что Японія приступить къ переговорамъ о мирѣ только при прочныхъ гарантіяхъ сохраненія на театрѣ военныхъ дѣйствій status quo на все время переговоровъ. Все это были слухи, но твердыхъ данныхъ для сужденія о ходѣ переговоровъ болѣе не сообщалось, а, съ другой стороны, послѣдовало 14-го іюня объявленіе о мобилизаціи въ пяти военныхъ округахъ.

Внутреннія отношенія все болѣе и болѣе усложняются; полное разстройство ихъ создаетъ какой-то кошмаръ, въ которомъ событія, обратившія бы на себя въ другое время общее вниманіе, проходятъ незамѣтно, теряется критерій оцѣнки явленій и поступковъ. Реформаторскія начинанія разныхъ бюрократическихъ комиссій, на которыхъ въ обычное время была бы сосредоточена вся сила критическаго анализа, теперь только регистрируются и иногда съ короткими комментаріями. Почти незамѣтнымъ прошелъ странный переворотъ въ министерствѣ земледѣлія, которымъ министерство это было раскассировано и на обломкахъ его создано «Главное Управленіе землеустройства и землепользованія». Недолго просуществовало министерство земледѣлія — 10 лѣтъ; кто не помнитъ, какія надежды возлагались на него нашими несправлимыми оптимистами, съ какою готовностью отеликнулись всѣ земства на первый же запросъ его въ 1895 году о нуждахъ земли? Цѣлые томы проектовъ, изслѣдованій, докладовъ были къ его услугамъ. Затѣмъ, сельско-хозяйственный Совѣтъ съ представителями въ немъ «черноземной силы», уполномоченные министерства по губерніямъ—эти 25 «жемчужинъ», по выраженію одного изъ нихъ,—все это быстро выродилось, омертвѣло, скоро приобрѣло сухой видъ дѣлопроизводства, мысли и живыя знанія отъ людей земли замѣнены были «отношеніемъ» или «номеромъ бумаги». Насколько неожиданно было это уничтоженіе одного учрежденія и замѣна его другимъ, можно судить по тому уже, что хотя прошло 1½ мѣсяца со дня Указа, но до сихъ поръ это новое учрежденіе не имѣетъ еще назначеннаго ему главноуправляющаго. А такъ какъ въ предуказанныхъ ему основахъ дѣятельности нѣтъ никакихъ особенностей, отличающихъ его отъ другихъ бюрократическихъ органовъ управленія, средства денежныя не увеличены, и—что самое главное—задача землеустрой-

ства крестьянскаго при условіи сохраненія окружающаго деревню status quo, то нетрудно предвидѣть судьбы новаго учрежденія и опредѣлить его значеніе. Если оно пожелаетъ рѣшить проблему крестьянскаго малоземелья жизненно, то оно выйдетъ изъ поставленныхъ ему предѣловъ и потребуетъ значительнаго переустройства поземельныхъ отношеній не однихъ только крестьянъ. А такъ какъ, конечно, оно этого не рѣшится сдѣлать—а можетъ быть, и не признаетъ необходимости подобнаго рѣшенія вопроса—такъ оно будетъ продолжать работу своего преждевременно и во цвѣтъ бюрократическихъ способностей погибшаго предшественника, отличаясь отъ него развѣ только большею сложностью и неповоротливостью своего механизма.

Къ послѣднему заключенію приводитъ постановка вопросовъ въ Особомъ Совѣщаніи И. Л. Горемыкина «о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія», Совѣщанія, весьма своеобразнаго и по внезапности своего появленія на развалинахъ закрытаго—тоже неожиданно—Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, и по личному составу (списокъ членовъ его открывается членомъ Государственнаго Совѣта Стишинскимъ, а заканчивается—сыномъ В. К. фонъ-Плеве). Этому Совѣщанію поручено «выяснить дѣйствительные способы къ упроченію земельного строя крестьянъ, при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ». Задача трудная и—мы сказали бы—неразрѣшимая. Въ теченіе сорока четырехъ лѣтъ поземельныя отношенія настолько осложнились, интересы такъ переплелись и обострились, что разрѣшить аграрный вопросъ было бы и для народныхъ представителей дѣломъ очень нелегкимъ и требовало бы напряженія всѣхъ силъ. И это при детальномъ знаніи мѣстныхъ условій быта всѣхъ группъ населенія. Что же можетъ сдѣлать здѣсь обычная «внѣвѣдомственная коммиссія» чиновниковъ хотя бы и большой административной опытности? Едва ли два отвѣта могутъ быть на этотъ вопросъ, и невольно является мысль: почему именно послѣ возвышенія о созывѣ народныхъ представителей такъ спѣшно принялись за разрѣшеніе одной изъ сложнѣйшихъ и запутаннѣйшихъ проблемъ хозяйственнаго быта страны? Имѣющіяся въ печати свѣдѣнія сводятся къ слѣдующему. Въ первомъ засѣданіи 17-го мая, Совѣщаніе намѣтивъ программу работъ, въ которую включило: 1) выработку наказа главному управленію землеустройства и земледѣлія по вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія; 2) составленіе инструкціи крестьянскому поземельному банку относительно основаній и порядка его дѣятельности; 3) исполненіе законодательнаго труда, направленнаго къ улучшенію условій крестьянскаго землевладѣнія въ соотвѣтствіи съ Высочайшими на сей предметъ предубаженіями, объявленными въ рескриптѣ на имя д. т. с. Горемыкина отъ 30-го марта сего года и въ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату отъ 6-го текущаго мѣсяца; 4) составленіе окончательнаго законопроекта относительно ограниченія крестьянскихъ надѣловъ и 5) рассмотрѣніе отдѣльныхъ законодательныхъ вопросовъ по крестьянскому землевладѣнію, какъ-то: вопроса о мѣрахъ къ устраненію вредной въ хозяйственномъ отношеніи чрезполосности въ крестьянскихъ владѣніяхъ и вопроса о прекращеніи сервиту-

товъ въ западныхъ губерніяхъ. Изъ числа приведенныхъ вопросовъ на первую очередь, въ порядкѣ ихъ обсужденія, Совѣщаніе постановило выработку наказа вновь образованному главному управленію землеустройства и земледѣлія. Опредѣляя возможно точно задачи новаго вѣдомства, этотъ наказъ можетъ, по мнѣнію Совѣщанія, существенно облегчить главному управленію предстоящую ему дѣятельность. Поэтому скорѣйшее составленіе наказа особенно важно. По предположеніямъ Совѣщанія, эта работа должна быть исполнена въ ближайшемъ времени съ такимъ расчетомъ, чтобы еще въ теченіе осени нынѣшняго годъ наказъ могъ быть представленъ на Высочайшее утвержденіе.

Изъ дальнѣйшихъ подробностей выясняется, что Совѣщаніе въ числѣ мѣръ, могущихъ служить къ улучшенію крестьянскаго землевладѣнія, признало целесообразнымъ оказаніе сельскому населенію извѣстной правительственной помощи при усовершенствованіи крестьянами формъ своего землевладѣнія, при разграниченіи ихъ надѣльных угодій, при округленіи междъ и при правильной распланировкѣ полей и селеній. Кроме того, признано полезнымъ облегчить крестьянамъ введеніе различныхъ хозяйственныхъ улучшеній путемъ предоставленія лицамъ, предпринявшимъ подобныя улучшенія, ссудъ и податныхъ льготъ. «Само собой разумѣется, однако, что вопросъ о возможности оказанія податныхъ льготъ долженъ разрѣшаться финансовымъ вѣдомствомъ». Затѣмъ Совѣщаніе имѣло сужденіе: о содѣйствіи крестьянамъ, идущимъ на сельскохозяйственные промыслы, о «полезномъ вліяніи» кустарныхъ промысловъ и т. п. Очевидно, Совѣщанію неизвѣстно, что все это давно уже поставлено земствомъ на очередь и многое проведено въ жизнь. Видимо, члены Совѣщанія оказались нѣсколько неосвѣдомленными съ предметомъ своихъ занятій и вотъ въ концѣ мая въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» предсѣдатель Совѣщанія объявилъ: «о вызовѣ выборныхъ отъ крестьянскаго населенія для доставленія совѣщанію отвѣтовъ и объясненій по подлежащимъ обсужденію Совѣщанія вопросамъ», при чемъ «порядокъ избранія крестьянами своихъ довѣренныхъ будетъ своевременно установленъ и объявленъ населенію; самый вызовъ отъ крестьянъ предполагается осенью текущаго года». Конечно, мысль пригласить крестьянъ въ совѣщаніе о *крестьянскомъ* хозяйственномъ бытѣ правильна. Перестрадавшіе лично и пережившіе всѣ невзгоды, какія посылала крестьянству своеобразная руссiйская Немезида, крестьяне внесутъ въ совѣщаніе голосъ жизни, мнѣнія, основанныя на твердомъ знаніи дѣйствительности. Но прежде всего обсужденіе крестьянами вопроса и «доставленіе ими отвѣтовъ»—это величныя несоизмѣримыя: насколько первая форма гарантируетъ возможность услышать подлинный «голосъ земли», настолько вторая подвергаетъ сомнѣнію эту возможность. Разумѣется, дѣятелю, вскормленному и вспоенному на сухихъ формальныхъ канцелярскихъ отношеніяхъ, трудно уяснить, реально представить, осязать всю разницу этихъ двухъ формъ изученія и рѣшенія вопросовъ. Затѣмъ, крестьяне, даже приглашенные по выбору и даже для обсужденія вопросовъ, не будутъ чувствовать себя свободно въ высшемъ бюрократическомъ совѣщаніи и, конечно, при той стѣнѣ, которая отдѣляетъ, десятки лѣтъ, крестьянъ отъ ихъ административныхъ попечителей, они никогда не выскажутъ всѣхъ своихъ

затаенныхъ думъ и пожеланій при столь необычныхъ для нихъ условіяхъ. Вспомнить хотя бы прекрасный рассказъ Каронина «Безгласный»... А вѣдь герой его былъ всего на всего въ своемъ уѣздномъ городишкѣ, въ какомъ-нибудь Аткарскѣ. Если для совѣщанія дѣйствительно важенъ «голосъ народа», то слѣдуетъ и обсужденіе вопроса «передать въ эту же мѣстаницю».

Изъ другихъ бюрократическихъ комиссій можно вкратцѣ отмѣтить о работахъ комиссій, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатъева («по пересмотру законоположеній объ исповѣданіяхъ» и объ усиленной охранѣ), о совѣщаніи А. А. Сабурова, предварительномъ совѣщаніи о пересмотрѣ университетскаго устава, о комиссіяхъ статсъ-секретаря Коковцева, Тимирязева, Дурново.

Первыми двумя Совѣщаніями А. А. Сабурова—по переустройству Сената и графа Игнатъева объ усиленной охранѣ, по словамъ газ. «Слово», командированы за границу для обследованія положенія и постановки за границей административныхъ судовъ и охраны общественной безопасности и спокойствія, профессоръ административнаго права В. Ф. Дерюжинскій (по теоріи) и членъ Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ В. Э. Фришъ (по практикѣ). Названные лица выѣзжаютъ черезъ недѣлю и пробудутъ въ командировкѣ не менѣе 2-хъ мѣсяцевъ, посѣтивъ Берлинъ, Парижъ, Лондонъ и, вѣроятно, Римъ. Отчеты о командировкахъ должны быть закончены и представлены къ концу августа; что касается общей характеристики Совѣщанія по дѣламъ вѣротерпимости и объ усиленной охранѣ, то достаточно отмѣтить, что по—словамъ «Новостей»—«предсѣдатель Совѣщанія по дѣламъ вѣры, гр. А. П. Игнатъевъ, и членъ совѣщанія—бывшій товарищъ оберъ-прокурора св. Синода Саблеръ, гофмейстеръ Штюмеръ, членъ Государственнаго Совѣта Череванскій и др. «принадлежать къ немногочисленной, но весьма вліятельной группѣ государственныхъ людей безусловно консервативнаго направленія», и что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уже издаются циркуляры, ограничивающіе силу указа о вѣротерпимости, одинъ—по отношенію къ старообрядцамъ, а другой—требующій для перехода изъ православія въ другую вѣру особаго изслѣдованія каждаго случая губернаторомъ и его согласія («Новости»).

Совѣщаніе о пересмотрѣ университетскаго устава 10-го іюня «носило чисто подготовитальный характеръ и обсуждало вопросъ объ организаціи созыва нынѣшнимъ лѣтомъ Совѣщанія для пересмотра университетскаго устава. Въ это Совѣщаніе предполагено пригласить профессоровъ-представителей отъ всѣхъ университетовъ и другихъ компетентныхъ лицъ. Матеріалами для предстоящаго Совѣщанія послужатъ обширные труды Совѣщанія по пересмотру университетскаго устава, состоявшагося въ бытность министромъ народнаго просвѣщенія Зенгера.

Какъ слышало «Сл.», въ Совѣщаніе будетъ представленъ проектъ университетскаго устава, выработанный директоромъ департамента народнаго просвѣщенія А. А. Тихомировымъ, бывшимъ въ теченіе ряда лѣтъ ректоромъ московскаго университета. Опять-таки въ составъ Совѣщанія входятъ исключительно административные чины вѣдомства народнаго просвѣщенія; совѣты университетовъ устранены отъ кровно-близкаго имъ дѣла.

Совѣщаніе гр. Игнатьева объ усиленной охранѣ серьезно обезпечило кн. Мещерскаго, услышавшаго въ этомъ совѣщаніи «крикъ—долой жандармовъ». Князь не можетъ «повѣрить этому»; во-первыхъ, потому, что графъ А. П. Игнатьевъ принадлежитъ къ числу «правдиво, а не лицемерно стоящихъ за порядокъ государственныхъ людей»; во-вторыхъ, потому, что графъ А. П. Игнатьевъ одинъ изъ умныхъ государственныхъ дѣятелей, и въ третьихъ, потому, что у него большой запасъ административнаго опыта, который не могъ не убѣдить его въ томъ, что единственное учрежденіе съ обязанностями охраны въ Россіи, которое дѣйствительно удовлетворяетъ своему назначенію и по своему умственному и нравственному уровню почти вездѣ на высотѣ своего призванія, есть жандармская полиція.

Не знаемъ, къ какимъ результатамъ придетъ совѣщаніе объ усиленной охранѣ, согласится ли оно и съ комитетомъ министровъ и съ «Запиской» бывшаго директора департамента полиціи д. с. с. Лопухина, которые сходятся во мнѣніи, что усиленная охрана, бессильная до сихъ поръ предупредить преступленія, «только раздражаетъ и озлобляетъ населеніе». Не знаемъ—насколько основательно безпокойство кн. Мещерскаго за гр. Игнатьева. Однако, онъ можетъ и теперь уже утѣшаться самою настоящей дѣйствительностью. Развѣ одновременно съ безпокоящими реакціонеровъ обѣщаніями реформъ не вводятся сейчасъ же мѣры предупредительныя такого характера, о которомъ не могъ и подумать фонъ-Плеве? Вѣдь въ одинъ день съ замѣткой «Правительственного Вѣстника» отъ 21 мая о началѣ обсужденія проекта Булыгина и народныхъ представителяхъ появился и указъ о необычныхъ полномочіяхъ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, указъ, представляющій новому министру полиціи право закрывать всѣ собранія и сѣзды, кѣмъ бы они ни были разрѣшены. Даже кн. Мещерскій признавался, что прочитавъ «эту статью» подумалъ, что «по новому указу товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающему полиціею, предоставлено право закрывать и собранія сената, и государственнаго совѣта, и комитета министровъ».

Но съ тѣхъ поръ, за 3—4 недѣли, волнующаяся русская жизнь представила такія комбинаціи, при которыхъ дѣйствительно возникаютъ небезосновательныя сомнѣнія въ возможности существованія простого гражданскаго общества. Событія въ Ставрополѣ, въ Эривани, въ Лодзи, наконецъ въ Одессѣ и, можетъ, быть еще и въ другихъ мѣстахъ полны тревожныхъ симптомовъ распада народа и правительства и, представляются совершенно исключительными, даже по правительственнымъ объ нихъ сообщеніямъ. Болѣе подробныя свѣденія еще не оглашены въ печати. Все расширяющая свое царство система усиленной охраны, сопровождаемая военными судами и смертными приговорами даже несовершеннолѣтнимъ «преступникамъ». (См. «Право», 19-го іюня) быстро замѣняется военнымъ положеніемъ которое теперь, на протяженіи недѣли, введено уже въ 4-хъ мѣстахъ (въ Лодзи съ уѣздомъ, Одессѣ съ уѣздомъ, въ Эривани и въ Севастопольскомъ и Николаевскомъ градоначальствахъ). Положеніе безпримѣрное, а свѣденія или вполнѣ отсутствуютъ, или страшно запаздываютъ, возбуждая бездну слуховъ. Событія въ Одессѣ начались еще съ 12-го

числа и 15-го уже было введено военное положеніе, а сообщеніе о причинахъ и обстоятельствахъ выпущено только 21-го числа; о лодзинскихъ же событіяхъ и до сихъ поръ ничего не сообщено и печать лишена возможности не только освѣтить происшедшее, но даже довести его до свѣдѣнія общества.

Въ заключеніе настоящаго «Обозрѣнія» остается отмѣтить послѣдовавшее распоряженіе о прекращеніи существованія печальной памяти Дальневосточнаго Комитета, съ дѣятельностью котораго связываются всѣ бѣдствія злополучной войны. Уничтожено намѣстничество Дальняго Востока. При самомъ закатѣ карьеры «піонеровъ» концессій на р. Ялу, обнаружилась небольшая, но характерная подробность. Извѣстный своими похождениями болѣе чѣмъ сомнительнаго свойства, «корнетъ» Н. Савинъ открытымъ письмомъ въ «Словѣ» оспариваетъ приоритетъ въ Дальне-восточной авантюрѣ у сошедшихъ со сцены «дѣятелей»: оказывается, еще 10 лѣтъ тому назадъ скитаясь по дѣбрямъ Азіи и сойдясь съ искателями приключеній на объявившейся тогда рѣкѣ Желтѣѣ, онъ предлагалъ различнымъ властью имущимъ лицамъ разрѣшить ему—на его страхъ и рискъ—вторгнуться съ 5.000 его товарищей по похождениямъ въ Корею и завладѣть ея лѣсными концессіями и др. богатствами... Но судьба была не такъ милостива къ «корнету» Савину, какъ къ статсъ-секретарю Безобразову и адмиралу Абазѣ.

Д. Л. МОРДОВЦЕВЪ.

(Некрологъ).

10-го іюня въ Кисловодскѣ скончался одинъ изъ плодовитѣйшихъ русскихъ писателей Даніилъ Лукичъ Мордовцевъ, огромное литературное наслѣдство котораго далеко превышаетъ сотню томовъ. Популярность писателя, имя котораго хорошо извѣстно въ широкихъ великорусскихъ и малорусскихъ читающихъ кругахъ, объясняется, конечно, не одной только его поразительной трудоспособностью. Мордовцевъ отличался страстной отзывчивостью къ вопросамъ волновавшимъ русское общество, и умѣлъ откликаться на нихъ не только въ своихъ публицистическихъ статьяхъ, не только въ романахъ, но и въ своихъ научныхъ историческихъ работахъ. Товарищъ Костомарова, съ которымъ онъ близко сошелся во время ссылки послѣдняго въ Саратовъ, Даніилъ Лукичъ съ жаромъ отдавался исторической работѣ, причѣмъ больше всего интересовался народными движеніями. Съ широкимъ размахомъ, литературно написанныя монографіи его—«Гайдамачина», «Самозванцы и понизовая вольница», «Политическія движенія русскаго народа»—въ свое время обратили на себя вниманіе не только юношества, съ увлеченіемъ зачитывавшагося ими, но и специалистовъ. Шла рѣчь даже о приглашеніи его въ петербургскій университетъ на кафедру исторіи. Но жизнь, съ ея общественными запросами и интересами, влекла Мордовцева изъ кабинета ученаго на широкій просторъ публицистической дѣятельности. Рядомъ статей, написанныхъ въ сатирической формѣ отъ имени

министра Плумпдингга, въ «Отечеств. Запискахъ» и публицистическимъ романомъ «Знаменіе времени» Мордовцевъ коснулся самого чувствительнаго нерва своей эпохи, коснулся не глубоко, но все же три десятилѣтія (въ періодъ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ) онъ шелъ въ переходныхъ рядахъ нашей прогрессивной интеллигенціи. Земская работа («Десятилѣтіе русскаго земства». Спб. 1877 г.), положеніе женщины (двѣ большія монографіи по этому вопросу), вопросы крестьянской жизни и аграрныхъ отношеній,—все это находило въ Мордовцевѣ внимательнаго изслѣдователя и страстнаго борца во имя принциповъ свободы и справедливости. Работа его по крестьянскому вопросу «Наканунъ воли», изъ-за которой авторъ понесъ наказаніе лишеніемъ службы, такъ и не увидѣла свѣта. Начатая, но неоконченная печатаніемъ въ «Дѣлѣ», она вышла отдѣльнымъ изданіемъ въ 1889 г., но, по распоряженію администраціи, была задержана и сожжена.

Тяжелая литературная работа, постоянныя цензурныя столкновенія и, наконецъ, вообще удушливая общественная атмосфера печальной памяти 80-хъ годовъ подкосили энергію писателя и въ годы своей старости онъ какъ-то ушелъ, спрятался отъ жизни. Дешовые историческіе романы, появлявшіеся иногда въ самыхъ неожиданныхъ органахъ печати, до «Вѣдомостей С.-Петербургскаго градоначальства» включительно,—вотъ все, что могъ дать теперь этотъ талантливый, но утомленный жизнью писатель, скончавшійся 75-ти лѣтъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣдствія восточно-азіатской войны.—Отставка Делькассе.—Рузвельтъ и императоръ Вильгельмъ.—Американскій империализмъ.—Толки о мирѣ.—Шведско-норвежскій конфликтъ.—Ростъ социализма въ Америкѣ.

Восточно-азиатская война, со всѣми сопровождающими ее событіями и вызванными ею послѣдствіями, продолжаетъ поглощать вниманіе не только государственныхъ людей, политиковъ и военачальниковъ всѣхъ европейскихъ державъ, но также и всего образованнаго общества. «Въ настоящее время,—говоритъ одна нѣмецкая газета,—происходитъ такое же явленіе, какое наблюдалось въ исторіи послѣ большихъ переворотовъ, напр., послѣ крестовыхъ походовъ, реформаціи, французской революціи и т. п. Приходится подвергнуть коренному пересмотру на основаніи новаго опыта многіе изъ установившихся взглядовъ и въ результатъ получается нѣчто вродѣ «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей». Не одни только исконныя убѣжденія и воззрѣнія, на которыхъ покоилась до сихъ поръ русская жизнь, получили тяжелый ударъ, но и многое въ Европѣ должно будетъ измѣниться. Прежде всего ближайшимъ послѣдствіемъ войны будетъ увеличеніе числа великихъ державъ, опредѣляющихъ судьбы современнаго человѣчества. Только будущее можетъ рѣшить вопросъ, будетъ ли Японія въ самомъ дѣлѣ руководительницей желтой расы, но во всякомъ случаѣ, въ данный моментъ Японія является рѣшающею державой въ восточной Азіи и влияніе ея должно распространиться не только на Тихій

океанъ, но также на центральную и южную Азію. Съ одной стороны Японія приходитъ, такимъ образомъ, въ соприкосновеніе съ Соединенными Штатами, съ другой—съ владѣніями Англіи и Россіи, затѣмъ Франціи, Германіи и Голландіи. Слѣдовательно, сколько державъ становятся непосредственно заинтересованными въ новомъ положеніи дѣлъ, которое является результатомъ русско-японской войны! Однако, для Европы пораженіе Россіи имѣетъ еще другое, немаловажное значеніе. Давленіе, производимое авторитарнымъ государствомъ должно исчезнуть и реакція, гдѣ бы она ни происходила, лишится могущественной опоры. Разрушеніе этой опоры прежде всего отразилось уже во Франціи, гдѣ политика націоналистовъ и реакціонеровъ не можетъ больше опираться на дружбу Россіи, а затѣмъ должно будетъ отразиться въ Германіи, такъ какъ быть можетъ прусскому правительству, въ скоромъ времени, не зачѣмъ будетъ прибѣгать къ полицейскимъ мѣропріятіямъ, чтобы снискать благорасположеніе своего сосѣда.

Нѣмецкая печать приписываетъ отставку Делькассе не одному только марокскому конфликту. Германскія газеты утверждаютъ, что главнымъ образомъ тутъ повліяли неизмѣнныя симпатіи, выказываемыя французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ русскому правительственному режиму, столь несовмѣстному съ тѣми взглядами, которые заложены въ основу французскаго современнаго строя. Для извѣстной части французскаго общества и для извѣстныхъ политическихъ партій русско-французскій союзъ являлся до сихъ поръ надежнымъ оплотомъ и они тотчасъ же выдвигали его на сцену, какъ только представлялась необходимость прикрыть флагомъ патріотизма свои интриги противъ республики. Делькассе, своей чисто-личной политикой въ международныхъ отношеніяхъ и своими симпатіями къ русской бюрократіи, довѣріемъ которой онъ пользовался, игралъ въ руку антиреспубликанскимъ партіямъ во Франціи. Онъ ошибся, вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ своихъ соотечественниковъ, полагая, что Японія не рѣшится объявить войну Россіи и твердо вѣруя, что если она и отважится на такой дерзкій поступокъ, то понесетъ за это достойное наказаніе. Цусимская катастрофа, однако, была послѣднимъ ударомъ, заставившимъ Францію встрепенуться и понять, какъ опасна политика приключеній, въ которую хотѣлъ вовлечь ее Делькассе. Сужденія почти всей французской печати объ отставкѣ Делькассе подтверждаютъ это. Очевидно, что во Франціи считаютъ уходъ министра иностранныхъ дѣлъ неизбѣжною уступкой требованіямъ политическихъ условій даннаго момента.

Марокскій вопросъ продолжаетъ служить предметомъ оживленной газетной полемики, причемъ въ американской печати замѣчается нѣсколько враждебное отношеніе къ Германіи и въ особенности къ германскому императору. Между прочимъ, американскія газеты выражаютъ нѣкоторое удивленіе по поводу поведенія германскаго императора, который просилъ президента Рузвельта принять участіе въ международной конференціи относительно Марокко. Соединенные Штаты не имѣютъ никакихъ интересовъ въ Средиземномъ морѣ и американская торговля въ Марокко весьма незначительна. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ американское правительство будетъ участвовать въ конференціи, на

которой такъ настаиваетъ императоръ Вильгельмъ и цѣли которой, хотя это и не говорится открыто, все-таки враждебны Франціи и Англіи? Этотъ вопросъ сквозить между строкъ, въ большинствѣ статей американской печати, указывающей между прочимъ на то, что германскій императоръ въ послѣднее время очень часто обращается непосредственно къ президенту Рузвельту, какъ будто желая этимъ дать понять, что онъ считаетъ президента такимъ же властителемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, какимъ себя считаетъ въ Германіи. Случалось не разъ, что императоръ Вильгельмъ обращался лично къ президенту Рузвельту по поводу какого-нибудь вопроса, раздѣляющаго Германію и Соединенные Штаты, какъ будто бы это былъ личный вопросъ, возникшій только между ними обоими. Такая манера императора кажется нѣсколько странной и даже, по мнѣнію газетъ, можетъ возбудить нѣкоторые подозрѣнія, но американское общественное мнѣніе твердо вѣритъ въ своего президента и надѣется, что онъ не измѣнитъ тому чувству справедливости, которое руководитъ всѣми его поступками. И онъ это еще разъ доказалъ своимъ отвѣтомъ на настоятельные приглашенія германскаго императора относительно марокской конференціи, Рузвельтъ находитъ преждевременнымъ обсуждать вопросъ о конференціи раньше чѣмъ ему будетъ навѣрное извѣстно, что Франція и Англія согласны на ея созывъ. «New-York Times», «Tribune» и другія газеты полагаютъ, что марокскій инцидентъ служить только предлогомъ германскому императору, желающему разрушить только что состоявшееся франко-англійское соглашеніе, которое можетъ помѣшать ему достигнуть столь горячо желаемого преобладанія въ Европѣ. Благодаря своему смѣлому вмѣшательству въ русско-японскій конфликтъ, президентъ Рузвельтъ сдѣлался теперь самымъ популярнымъ человекомъ въ Европѣ. Но и въ Соединенныхъ Штатахъ его популярность постоянно возрастаетъ. Недавно, послѣ одной рѣчи произнесенной Рузвельтомъ въ Денверѣ, одинъ изъ демократовъ, членъ конгресса, воскликнулъ въ присутствіи многихъ журналистовъ: «Если Рузвельтъ будетъ продолжать идти по тому же пути, то демократы пойдутъ навстрѣчу республиканцамъ и снова выберутъ его президентомъ въ 1908 году». Газеты находятъ въ высшей степени характернымъ это восклицаніе и напоминаютъ, что подобный случай былъ въ 1821 году, когда президентъ Монрое списалъ такое расположеніе своихъ политическихъ оппонентовъ, что они избрали его президентомъ, вмѣстѣ съ его собственною партіей и только одинъ единственный избиратель подалъ голосъ противъ него. Банкетъ, устроенный въ честь президента Рузвельта ирокезскимъ клубомъ въ Чикаго—руководящей демократической организаціей штата Иллиноксъ—ясно указываетъ, что Рузвельтъ пріобрѣлъ много приверженцевъ въ противоположномъ лагерѣ. Между тѣмъ, всего полгода тому назадъ, члены этого самаго клуба вотировали противъ него и поддерживали на выборахъ его соперника Паркера, другого кандидата на президентскій постъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что еще ни одинъ республиканскій президентъ не былъ чествуемъ подобнымъ образомъ вполне опредѣленными демократическими организаціями и поэтому многія изъ американскихъ газетъ видятъ въ такомъ фактѣ важный признакъ наступленія «новой эры внутренняго мира» въ Америкѣ.

Американскій военный министр Тафтъ, занимающій также временно и постъ министра иностранныхъ дѣлъ, произнесъ недавно рѣчь, которая произвела впечатлѣніе. Тафтъ опредѣлилъ два главныхъ направленія американской политики: непрерывное распространеніе въ Америкѣ доктрины Монрое и утвержденіе во всемъ остальномъ мірѣ права Соединенныхъ Штатовъ вмѣшиваться въ качествѣ великой державы въ рѣшеніе всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ. Въ сущности новаго тутъ нѣтъ ничего и Тафтъ только еще разъ подтвердилъ тѣ самыя идеи, которыми руководствуется Рузвельтъ въ своей внѣшней политикѣ съ 1902 г. Доктрина Монрое, подъ его вліяніемъ, подверглась радикальной эволюціи. Какъ извѣстно, эта доктрина вначалѣ заключалась лишь въ воспрещеніи европейскимъ державамъ присоединять территоріи на какомъ бы то ни было пунктѣ Новаго Свѣта, но съ наступленіемъ двадцатаго вѣка эта доктрина нѣсколько измѣнила свой характеръ и расширила свои предѣлы. Соединенные Штаты присвоили себѣ роль опекуна надъ всѣми американскими республиками. Предшественникъ Тафта въ военномъ министерствѣ высказался, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, слѣдующимъ образомъ: «Мы рѣшили не допускать вмѣшательства великихъ европейскихъ державъ въ дѣла американскаго континента, но съ другой стороны мы не допустимъ также и со стороны американскихъ республикъ такихъ дѣйствій, которыя могли бы побудить къ подобному вмѣшательству». Нѣкоторые изъ европейскихъ газетъ обратили вниманіе на это новое толкованіе доктрины Монрое. «Temps» называетъ это «доктриною, вооруженною толстою палкой полицейскаго по отношенію къ прочимъ американскимъ республикамъ». Прежде ихъ только защищали противъ Европы, теперь же Соединенные Штаты, какъ это было въ Санъ-Доминго, объявляютъ свои рѣшенія этимъ маленькимъ государствамъ и замѣняютъ своимъ авторитетомъ шаткую власть ихъ правительственныхъ органовъ, способствующую существованію анархіи. Словомъ Соединенные Штаты принимаютъ на себя отвѣтственность за порядокъ въ этихъ республикахъ, и европейскимъ державамъ, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній съ которою-нибудь изъ этихъ республикъ, приходится уже имѣть дѣло не съ нею, а съ правительствомъ сѣверо-американскаго союза. Что же касается общей политики Соединенныхъ Штатовъ, то съ того самаго дня, какъ Рузвельтъ сдѣлался ея руководителемъ, она потеряла прежній характеръ сдержанности и невмѣшательства въ европейскія дѣла. Можно сказать, что раньше у Соединенныхъ Штатовъ не было иностранной политики, но Рузвельтъ, какъ только сдѣлался главою республики, тотчасъ же примѣнилъ это и на каждомъ шагѣ стремился доказать, что онъ вовсе не раздѣляетъ того мнѣнія, будто только та «нація счастлива, у которой нѣтъ исторіи». Вотъ почему онъ не только преслѣдовалъ имперіалистскія цѣли въ Антильскомъ архипелагѣ и старался устранить клейтонъ-бульверскій договоръ, придававшій характеръ международной комбинаціи прорытію канала черезъ Панамскій перешеекъ замѣнивъ его проектомъ «американскаго канала на американской территоріи», но также всегда и по всякому поводу стремился выдвинуть Соединенные Штаты на первый планъ міровой сцены. При немъ правительство Соединенныхъ Штатовъ

вступилось за румынскихъ евреевъ и потребовало ради нихъ выполненія одной изъ статей берлинскаго трактата, хотя само и не подписывалось подъ этимъ трактатомъ; при немъ же оно протестовало противъ кишиневскихъ убійствъ и взяло на себя инициативу опредѣлить съ самаго начала русско-японской войны характеръ и границы китайскаго нейтралитета. Американское правительство отправило свои эскадры въ Средиземное море и дѣйствовало на европейскомъ востокѣ въ Марокко, всюду требуя для себя право голоса. Вънѣпомъ этой активной политики является вѣншательство Рузвельта въ русско-японскую войну съ цѣлью скорѣйшаго заключенія мира. Это дѣйствіе въ особенности выдвинуло сѣверо-американскую республику и ея президента на первый планъ, такъ какъ ни одна изъ европейскихъ державъ въ силу разныхъ дипломатическихъ соображеній, не рѣшалась взять на себя такой инициативы. Само собою разумѣется, что народъ, завоевавшій своими усиліями и своей энергіей извѣстное положеніе въ мірѣ, въ правѣ требовать, чтобы его заявленіямъ было оказано должное вниманіе и во всякомъ случаѣ американскій имперіализмъ носить далеко не такой опасный для мира характеръ, какой имѣтъ имперіализмъ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ. Самъ Рузвельтъ всегда старательно подчеркиваетъ это въ своихъ рѣчахъ и настаивая на необходимости созданія сильнаго военнаго флота, говорить, что флотъ этотъ нуженъ лишь для того, чтобы поддерживать доктрину Монрое и защищать американскую торговлю. Американцы торговый и практическій народъ по преимуществу и уже поэтому онъ не можетъ преслѣдовать никакихъ завоевательныхъ цѣлей, но этотъ народъ твердо рѣшилъ занять подобающее ему мѣсто въ обществѣ хорѣ великихъ державъ, рѣшающихъ всѣ міровые вопросы.

Иностранная печать, конечно, отнеслась очень сочувственно къ инициативѣ Рузвельта въ дѣлѣ переговоровъ о мирѣ между Россіей и Японіей, но большинство все-таки смотритъ скептически на возможность скорого заключенія мира при существующихъ условіяхъ. Партія войны все еще сильна въ Россіи и вслѣдствіе этого соглашеніе враждующихъ сторонъ нельзя считать обезпеченнымъ. На это обстоятельство, которое можетъ служить главнымъ препятствіемъ къ достиженію мира, указываютъ почти всѣ иностранныя газеты. Нѣкоторыя изъ французскихъ газетъ, обсуждая шансы мира, выставляютъ на видъ необходимость для Франціи оказать въ этомъ смыслѣ давленіе на рѣшимость русскаго правительства. Франція должна помочь возстановленію мира во что бы то ни стало. Но какъ французская, такъ и германская и англійская печать почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ осуждаютъ задорныя, воинственныя заявленія русскихъ генераловъ на Дальнемъ Востокѣ, находя ихъ въ данный моментъ, когда возбуждается вопросъ о мирѣ, достаточно неумѣстными и безтактными, такъ какъ, выражая теперь свою увѣренность въ побѣдѣ, они невольно напоминаютъ о своихъ прежнихъ такихъ же высокомерныхъ заявленіяхъ, за которыми непосредственно слѣдовали Лаоянъ, Мукденъ и сдача Портъ-Артура.

Шведско-норвежскій кризисъ продолжаетъ тревожить европейское общественное мнѣніе. Говорятъ о мобилизаціи норвежской арміи, о созданіи норвежскаго военнаго флота, и нѣкоторые изъ пессимистовъ заходятъ даже такъ далеко, что выдвигаютъ грозный призракъ братоубійственной войны, со всѣми ея ужасными послѣдствіями, и пугаютъ Россіей, которая, потерявъ Портъ-Артуръ, непременно захочетъ вознаградить себя въ другомъ мѣстѣ и постарается завладѣть норвежскою гаванью Тромзе. Что тогда будутъ дѣлать бѣдные норвежцы? Разрывъ уніи лишилъ ихъ помощи шведовъ, Великобританія же и Германія, конечно, будутъ спокойно взирать на это посягательство со стороны Россіи, а въ случаѣ чего и сами не прочь будутъ воспользоваться кусочкомъ Норвегіи. Такъ лицемерно соболѣзнуютъ о вѣроятной участи маленькой Норвегіи ея друзья въ Швеціи и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Подобныя рѣчи можно встрѣтить на столбцахъ какъ шведскихъ и датскихъ, такъ и французскихъ, нѣмецкихъ и даже англійскихъ газетъ. Однако, на норвежцевъ всѣ эти призраки, которыми ихъ стараются напугать, не оказываютъ почти никакого вліянія и не боятся они тѣхъ опасностей, съ которыми сопряженъ для нихъ разрывъ уніи со Швеціей. Очевидно, норвежцы находятъ, что узы, связывавшія ихъ со Швеціей, гораздо больше принижали ихъ собственное достоинство, какъ самостоятельнаго народа, нежели приносили имъ матеріальную выгоду. Во всякомъ случаѣ, невыгоды уней были гораздо больше, нежели та возможная польза, которую она могла принести въ будущемъ Норвегіи, въ случаѣ апрессивныхъ замысловъ со стороны Россіи; этимъ и объясняется необычайное спокойствіе, съ которымъ норвежскій народъ относится къ своему новому положенію и къ возможнымъ послѣдствіямъ своего акта. Въ Норвегіи рѣшеніе стортинга является, дѣйствительно, народнымъ дѣломъ, въ Швеціи же дѣло обстоитъ иначе. Тамъ врядъ ли можно говорить о народномъ мнѣніи въ политическихъ вопросахъ, такъ какъ въ Швеціи господствующіе классы имѣютъ во всемъ рѣшающій голосъ и до сихъ поръ они то и старались вслѣски затормозить всякія реформы въ Норвегіи, предвѣя, что эти реформы могутъ повлечь за собою усиленіе духа независимости и результатомъ явится расторженіе уніи. Это и случилось теперь, и, конечно, никакія угрозы со стороны Швеціи не заставятъ Норвегію измѣнить свое рѣшеніе. Любопытно, что наибольшее сочувствіе своему смѣлому акту Норвегія встрѣчаетъ все-таки въ англійской печати, гдѣ воздаютъ должное ея политическому такту, выразившемуся въ предложеніи норвежской короны одному изъ сыновей короля Оскара. «Times» говоритъ по этому поводу, что никогда еще ни одному главѣ государства не представлялся такой случай выказать свои государственныя способности, какой теперь представляется шведскому королю Оскару. Шведско-норвежская унія, не смотря на свое долговременное существованіе, не оказала никакого ощутительнаго вліянія на международное положеніе скандинавскихъ государствъ, и въ европейскомъ концертѣ они до сихъ поръ не играли никакой видной роли. Взаимный же антогонизмъ Швеціи и Норвегіи можетъ теперь содѣйствовать только еще большому умаленію того вліянія, которымъ каждая изъ этихъ странъ въ отдѣльности могла бы пользоваться въ извѣ-

стныхъ вопросахъ. Словомъ то, что теряетъ одна, нисколько не выигрываетъ другая и натянутость отношеній между Швеціей и Норвегіей только усиливаетъ и безъ того напряженное и тревожное настроеніе Европы? Вотъ почему королю Оскару, по мнѣнію «Times»'а, слѣдовало бы немедленно принять оливковую вѣтвь, протягиваемую ему Норвегіей, и прекратить напряженное состояніе, въ которомъ находятся въ данный моментъ оба народа.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, американскій сенаторъ Канна—бывшій лидеромъ республиканской партіи въ Соединенныхъ Штатахъ и пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ во время президентства Макъ-Кинлея,—сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что «въ ближайшемъ будущемъ политическая борьба въ Америкѣ будетъ происходить уже не между республиканцами и демократами, какъ это было до сихъ поръ, а между республиканскою партіей и социализмомъ». Это предсказаніе, которое могло показаться слишкомъ смѣлымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь повидимому очень близко къ истинѣ, несмотря на то, что до сихъ поръ социалистическія идеи плохо прививались на американской почвѣ и, какъ говоритъ Жанъ Лонгъ (въ своей статьѣ въ журналѣ «La Revue»), «роль социалистической партіи въ американской національной и политической жизни, всегда была минимальна». Между тѣмъ Америка служила для многихъ великихъ утопистовъ прошлаго столѣтія и ихъ главныхъ послѣдователей, обширнымъ полемъ для всякаго рода социальныхъ экспериментовъ, но связи между этими опытами и современнымъ социализмомъ въ Соединенныхъ Штатахъ не существуетъ никакой. Только послѣ войны въ 1866 году, въ Нью-Йоркѣ, Цинциннатти и Чикаго появились группы, проникнутыя доктринами социализма, и первыя заговорили объ организаціи пролетаріата. Эти группы главнымъ образомъ состояли изъ нѣмецкихъ эмигрантовъ хотя среди нихъ встрѣчались французы, итальянцы и поляки, но въ гораздо меньшемъ количествѣ. Отдѣленія интернационала, образованныя въ 1868 и 1875 году, также состояли почти исключительно изъ германскихъ эмигрантовъ; вліяніе же элементовъ рабочаго класса сводилось къ нулю. Къ концу 1877 года организовалась такъ называемая «Socialist labour party», но и она не носила другого характера. Элементы ея оставались чуждыми національной американской политической жизни, не понимали ее и ограничивались тѣмъ, что, собираясь за кружкою пива, «разсуждали о философіи Маркса и о глупости американскихъ рабочихъ». Съ 1878 года они завели свой собственный ежедневный органъ, «New-Yorker Volkszeitung», благополучно существующій и до сихъ поръ и считающійся одною изъ старѣйшихъ газетъ Нью-Йорка. Въ среду настоящихъ американскихъ рабочихъ социализмъ проникъ только не раньше 1890 года и тогда была учреждена еженедѣльная газета «People», а въ 1892 году социалисты въ первый разъ участвовали въ президентскихъ выборахъ и получили 21,000 голосовъ, причемъ 14.000 въ одномъ только штатѣ Нью-Йоркѣ. Съ тѣхъ поръ число голосовъ социалистической партіи постоянно возрастаетъ и въ 1898 году, на выборахъ въ конгрессъ, «Socialist labour party» получила уже 82,000 избирательныхъ голоса. Тѣмъ не менѣе въ прошломъ столѣтіи не доставало надлежащихъ условій для ея развитія въ Соеди-

ненных штатахъ. Большинство населенія состояло изъ крестьянъ собственниковъ, а когда индустриализмъ началъ широко развиваться, то благодаря быстро достигнутымъ успѣхамъ и процвѣтанію явилась возможность установить высокую заработную плату и удовлетворить только что образовавшійся пролетаріатъ, состоявшій притомъ изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, что развитіе у него классового самосознанія было совершенно невозможно. Притомъ западъ представлялъ изъ себя родъ предохранительнаго клапана, черезъ который вырывались на свободу и просторъ наиболѣе энергичные элементы общества и такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы организовывать революціонную партію, они сами устремлялись на западъ, гдѣ ихъ личной инициативѣ и силамъ открывался очень широкій просторъ. Но населеніе великой американской республики продолжало возрастать съ поразительною быстротой и съ 23 милліоновъ въ 1850 году оно достигло 76 милліоновъ въ 1890 г. Вмѣстѣ съ этимъ росло и богатство націи, опредѣляемое въ 1890 г. въ 63 милліарда, причемъ половина этихъ богатствъ находится въ рукахъ 40,000 семействъ. Въ то же время и рабочій классъ становился все многочисленнѣе и въ Чикаго, въ Пенсильваніи, въ Огіо, въ Миссури и во всей Новой Англіи возникли колоссальныя промышленныя учрежденія.

Концентрація и централизація капиталовъ въ настоящее время совершаются съ поразительною силой и результатомъ этой дѣятельности являются чудовищныя тресты, капиталъ которыхъ считается милліардами. Но одновременно развивается и антагонизмъ классовъ, выражающійся все болѣе въ острой и рѣзкой формѣ. Стачки, lock-out и бойкотъ стали уже обычнымъ явленіемъ и въ десятилѣтній періодъ, между 1881 и 1901 гг. почти семь милліоновъ рабочихъ участвовало въ 24,000 стачкахъ. Съ 1890 г. начинается пѣлый рядъ драматическихъ конфликтовъ, результатомъ которыхъ явилось развитіе социалистскихъ идей. Въ особенности содѣйствовали этому безпорядки, происшедшіе вслѣдствіе грубаго вмѣшательства полиціи и затѣмъ войскъ, провозглашенія осаднаго положенія и главное—ареста и осужденія вожака движенія Дебса, что произвело на весь рабочій классъ въ Соединенныхъ Штатахъ очень сильное впечатлѣніе. Результатомъ этихъ событій было то, что социалистическое движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ получило прочную организацію и во главѣ его сталъ настоящій американскій вождь, тотъ самый Дебсъ, который за время своего пребыванія въ тюрьмѣ окончательно обратился къ социализму. Выйдя изъ тюрьмы, въ 1897 г. онъ образовалъ новую организацію, социаль демократическую партію, которая затѣмъ сѣлась съ частью «Socialist labour party». Несмотря на слишкомъ поспѣшную и недостаточно хорошую организацію на выборахъ 1900 г. Дебсъ получилъ 98,000 голосовъ, но конечно это все еще очень скромная цифра, если сравнить съ нею общее числоотирующіхъ. Новый кризисъ, а именно грандіозная стачка горнорабочихъ въ Пенсильваніи, продолжавшаяся съ мая по октябрь 1902 г. послужила толчкомъ къ дальнѣйшему развитію социализма и уже въ ноябрѣ того же года успѣхи новой партіи опредѣлились настолько ясно, что капиталистическая печать не сочла уже больше возможнымъ замалчивать ихъ, какъ она это дѣлала раньше. На

выборахъ въ вашингтонскій конгрессъ социалисты объединили 223.000 голосовъ и съ тѣхъ поръ движеніе социализма все время прогрессивно распространялось по всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Социализмъ пересталъ быть продуктомъ иностраннаго происхожденія и принялъ вполне національный характеръ. На послѣднемъ социалистскомъ конгрессѣ въ Чикаго, въ маѣ 1904 г. изъ 183 делегатовъ уже 129 были чистокровные американцы. Каждый, болѣе или менѣе значительный штатъ союза прислалъ своихъ делегатовъ и многіе изъ нихъ, чтобы попасть на конгрессъ должны были пройти громадные расстоянія, гораздо большія, нежели тѣ, которые отдѣляютъ между собою европейскія государства. Социалистская партія въ Соединенныхъ Штатахъ прекрасно организована. Одинъ англійскій журналистъ, посѣтившій недавно всѣ главныя квартиры американскаго социализма пришелъ въ восторгъ отъ его организаціи и отъ метода пропаганды. Въ помѣщеніи центральной организаціи въ Чикаго находится большая карта республики, на которой маленькими флажками указаны всѣ пункты территоріи, гдѣ социализмъ имѣетъ своихъ adeptовъ. Каждая, даже небольшая группа въ какой нибудь деревушкѣ дальняго запада тщательно зарегистрирована и центральный комитетъ поддерживаетъ непрерывныя сношенія со всѣми даже самыми отдаленными организаціями, такъ что въ каждый данный моментъ онъ можетъ имѣть свѣдѣнія объ успѣхахъ пропаганды, о нуждахъ той или другой организаціи и т. д. Социалистическая американская печать обнаруживаетъ также очень большую дѣятельность. Объ успѣхахъ ея можно судить уже по тому, что въ одномъ маленькомъ городѣ Конзасъ издается еженедѣльная газета «Appeal to reason», которая печатается въ количествѣ 250.000 экземпляровъ. Кромѣ большихъ ежедневныхъ социалистическихъ газетъ, какъ напр. «Worker» въ Нью-Йоркѣ, «Socialist» въ Чикаго и др. и трехъ старинныхъ нѣмецкихъ органовъ: «New-Yorker Volkszeitung», о которомъ мы уже говорили, «Tageblatt», издающагося въ Филадельфіи и «Arbeiter Zeitung», издающейся въ Цинцинатти, имѣется еще множество еженедѣльныхъ газетъ и журналовъ на разныхъ языкахъ, французскомъ, польскомъ, чешскомъ, итальянскомъ, венгерскомъ, шведскомъ и на еврейскомъ жаргонѣ. Въ области теоретическаго социализма обращаютъ на себя вниманіе своими выдающимися статьями журналы, такіе какъ «International Socialist Review», въ Чикаго, въ которомъ сотрудничаютъ Симонсъ, Альджернонъ Ли и др. американскіе писатели. А изъ беллетристовъ въ послѣднее время особенно выдѣляется Дженъ Лондонъ, о которомъ мы имѣли уже случай говорить въ одной изъ предшествующихъ статей.

Послѣдніе президентскіе выборы, въ ноябрѣ прошлаго года, должны были происходить при условіяхъ, весьма благоприятствовавшихъ американскому социализму, такъ какъ, несмотря на національное экономическое процвѣтаніе страны, которое постоянно выставляютъ на видъ всѣ предводители республиканской партіи, распространеніе трестовъ вытѣснило тысячи мелкихъ производителей, фабрикантовъ и мелкихъ коммерсантовъ въ ряды пролетаріата. Притомъ и бывшіе «популисты»—члены партіи, народившейся въ обширныхъ областяхъ дальняго запада и имѣвшей чисто аграрное происхожденіе,—пере-

шедшіе затѣмъ въ ряды демократовъ, были очень недовольны бездѣйствіемъ этой партіи и тѣмъ вліяніемъ, которымъ пользовались въ ней консерваторы съ бывшимъ президентомъ Кливилэндомъ во главѣ. Кандидатъ демократической партіи, судья Паркнеръ, не пользовался особенною популярностью и въ рабочемъ классѣ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ, не допустившій введенія въ штатѣ Нью-Йоркѣ закона, устанавливающаго восьмичасовой рабочій день и вотированнаго мѣстнымъ парламентомъ въ Албани, подъ тѣмъ предлогомъ, что это было бы антиконституціонною мѣрой. Съ другой стороны и Рузвельтъ, несмотря на большую популярность, созданную ему въ нѣкоторой части рабочаго класса и среди мелкой буржуазіи заявленіями противъ трестовъ, надѣлавшими столько шума, не возбуждалъ особеннаго довѣрія социалистической партіи, справедливо полагавшей, что онъ не въ состояніи будетъ осуществить своихъ добрыхъ намѣреній. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ социалистическая партія обязана была намѣтить своихъ собственныхъ кандидатовъ. Она избрала Дебса, популярность котораго сильно въ послѣднее время возросла, и Бенъ Ганфорда, умнаго и энергичнаго типографскаго рабочаго изъ Нью-Йорка, который былъ выставленъ кандидатомъ на постъ вице-президента. Избирательная кампанія вѣдена была съ замѣчательною энергіей и энтузіазмомъ и сотни ораторовъ изощрялись въ краснорѣчіи передъ громадными толпами, собиравшимися слушать ихъ въ Нью-Йоркѣ, Чикаго, Санъ-Луи, Кливилэндѣ, Санъ-Франциско и др. городахъ. Миліоны брошюръ раздавались во всѣхъ штатахъ союза. Сотрудникъ нью-йоркской газеты «Worker» Джонъ Спарго, рассказываетъ, между прочимъ, что въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, въ Скалистыхъ горахъ, въ Колорадо, въ Уомингѣ и въ сѣверной Дакотѣ, онъ находилъ брошюры и воззванія социалистической партіи, наклеенныя на деревьяхъ, а у входа въ великолѣпный національный паркъ, въ Йеллоустонѣ, на границѣ Монтана и въ тысячѣ километровъ отъ населенныхъ центровъ, онъ увидалъ на массивномъ обелискѣ, называемомъ «Стражемъ», выгравированное какимъ-то «ковбоемъ» или «фермеромъ» социалистическое изреченіе. Конечно, такая пропаганда должна была сдѣлать свое дѣло, и Дебсъ и Ганфордъ получили все-таки 411.000 голосовъ.

Американская печать была поражена такими быстрыми успѣхами социализма, и всѣ газеты заговорили объ этомъ. Въ особенности обратило на себя вниманіе то обстоятельство, что наибольшее число голосовъ было получено Дебсомъ въ промышленномъ штатѣ Илинойсъ. Вообще характернымъ симптомомъ считается перенесеніе центра тяжести социализма изъ атлантическихъ штатовъ въ южную долину Миссисипи, что подчеркиваетъ вполне американскій характеръ этого движенія, утратившаго уже прежнія черты, указывавшія на его иностранное происхожденіе. Обѣ главныя партіи, демократическая и республиканская, почуяли опасность, которую могутъ грозить имъ успѣхи социализма, и уже принимаютъ мѣры, чтобы отнять у него почву подъ ногами. Съ одной стороны, передовые элементы демократической партіи, съ Брайаномъ и Гиремомъ во главѣ, употребляютъ всѣ усилія, чтобы устранить изъ партіи консерваторовъ Паркера и Кливилэнда и превратить эту партію

въ «партію реформы», полусоціалистическаго характера, надѣясь привлечь такимъ образомъ въ ея ряды не вполне сознательные элементы указанной партіи. Республиканская партія также озабочена вопросомъ, какъ остановить ростъ социализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Поэтому-то Рузвельтъ и объявилъ недавно, что республиканская партія должна взять на себя инициативу всѣхъ передовыхъ реформъ «въ интересахъ народныхъ массъ» и реформы эти должны быть приведены въ исполненіе въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ его президентства. Словомъ всѣ стараются отвлечь американскій народъ отъ того пути, на который онъ вступилъ и привлечь его на свою сторону. Недавно, какъ сообщила нью-іоркская газета «Press», самъ Рузвельтъ заявилъ главнымъ финансистамъ, стоящимъ во главѣ желѣзнодорожнаго треста, что ихъ «поведеніе можетъ навлечь большія бѣдствія и обусловитъ полное торжество социаль-демократіи въ Соединенныхъ Штатахъ».

На выборахъ мэра въ Чикаго, происходившихъ въ апрѣлѣ этого года, кандидатъ демократической партіи Даннъ объявилъ себя сторонникомъ муниципализаціи всѣхъ крупныхъ общественныхъ учреждений, и вслѣдствіе такой поддержки социализма ему удалось получить тѣ голоса, которые на ноябрьскихъ выборахъ были поданы за социалистовъ: Дебса и Ганфорда. Это обстоятельство возбуждаетъ надежды американскихъ политиковъ, принадлежащихъ къ обѣимъ традиціоннымъ американскимъ партіямъ, убѣжденныхъ теперь, что практический характеръ американскаго народа заставитъ его примкнуть къ той изъ этихъ двухъ партій, которая раньше вступить на путь реализаціи реформъ, признаваемыхъ безусловно необходимыми. Это единственный способъ, который, по мнѣнію этихъ политиковъ, можетъ задержать ростъ уже образовавшейся независимой рабочей партіи и помѣшать успѣхамъ социализма въ Америкѣ. Будущее покажетъ, конечно, насколько справедливы эти предположенія.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Воспитаніе и патріотизмъ.—Организація взаимопомощи у японцевъ.

Вопросъ о патріотизмѣ выдвинутъ теперь на первый планъ въ печати и становится почти злобою дня, особенно во французской журналистикѣ, гдѣ онъ вызываетъ весьма бурную полемику. Отразился онъ и въ области преподаванія, какъ говоритъ «Revue Bleue», и нѣкоторые изъ профессоровъ лица начинаютъ уже съ кафедры проповѣдывать юношеству горячечный, свирѣпый и воинствующій патріотизмъ, готовый принести въ жертву даже все благополучіе отечества ради его военной славы. Естественно, что такое одностороннее пониманіе патріотизма вызываетъ столь же пылкія возраженія, причемъ оппоненты впадаютъ уже въ другую крайность, т.-е. заявляютъ, что «идея отечества мѣшаетъ прогрессу человѣчества, препятствуетъ соглашенію націй и всеобщему миру». Авторъ статьи «Патріотизмъ и школа» замѣчаетъ по этому поводу: «Вполнѣ естественно любить свою родину, но любовь эта можетъ носить отвратительный характеръ. То же самое относится и къ отцов-

ской и къ материнской любви. Не все то, что дѣлается во имя законнаго чувства, само по себѣ становится отъ этого законнымъ».

Основною патріотизма является чувство привязанности къ тому уголку земли, гдѣ мы родились. Тысячи образовъ и разныхъ ощущеній, испытанныхъ нами, связываютъ насъ съ этою частицею земного шара, также какъ и всѣ прибрѣтенныя нами привычки и воспоминанія, которыя живутъ въ насъ. Но этотъ уголокъ земли является лишь частицею цѣлаго, и путемъ воспитанія и соціальной жизни мы привыкаемъ распространять нашу привязанность и на это цѣлое, которое и представляетъ для насъ родину. Мало-по-малу изъ нашихъ первыхъ воспоминаній и привычекъ, изъ всякаго рода ассоціацій, традицій, знаній и интересовъ, общности языка и нравовъ слагается сознание, что мы составляемъ часть коллективнаго существа, радости и горе котораго будутъ нашими радостями и горемъ; это и есть родина, жизнь которой продолжается въ насъ и распространяется за предѣлы нашего существа во всѣхъ направленіяхъ, въ прошломъ и въ будущемъ. Становясь нераздѣльною частью этого коллективнаго организма, каждый можетъ жить его жизнью и улучшать и обогащать его собственною энергіей, содѣйствовать его преуспѣянію всѣми своими силами. Въ этомъ и будетъ заключаться патріотизмъ. Для своего проявленія патріотизмъ не нуждается въ томъ, чтобы существовалъ антагонизмъ между различными «отечествами» и чтобы этихъ отечествъ было много. Но въ современномъ мірѣ «отечества» стоятъ другъ противъ друга, вооруженныя съ головы до ногъ, въ выжиданіи. Тутъ патріотизмъ является уже въ видѣ самолюбія или эгоизма коллективнаго существа, представляющаго націю. Это ея инстинктъ самосохраненія, то самое чувство, которое, какъ у индивида, такъ и у общества, можетъ быть доведено до крайности и выродиться въ инстинктъ гордости, звѣрства, жадности, честолюбія, зависти, ненависти и стремленія къ обладанію и власти. Всѣ извращенія и всѣ уклоненія чувства самолюбія, свойственныя отдѣльнымъ индивидамъ, наблюдаются и въ національной душѣ.

Национальный эгоизмъ — это чувство естественное, законное, но оно не даетъ права, а тѣмъ болѣе обязательства, разрушать другія отечества, ненавидѣть ихъ или же третировать ихъ, какъ ничтожныя величины, какими они представляются нашему патріотическому самолюбію. Справедливость и гуманность, однако, должны были бы управлять и обуздывать этотъ коллективный инстинктъ, совершенно такъ же, какъ обуздывается индивидуальный инстинктъ самосохраненія.

Но были времена, когда, еще до образованія современныхъ отечествъ, очень крѣпкая связь соединяла дворянство и духовенство различныхъ христіанскихъ государствъ, такъ что французскій баронъ, напримѣръ, чувствовалъ себя ближе къ барону англійскому или нѣмецкому, съ которымъ онъ сражался, нежели къ французскому же простолюдину, а парижскій священникъ находилъ свою родину вездѣ, куда распространялось влияние церкви и латинскаго языка, и совсѣмъ не чувствовалъ никакой солидарности со своимъ неграмотнымъ сосѣдомъ, который выплачивалъ ему десятину. То же явленіе на-

блюдается въ настоящее время и среди современныхъ рабочихъ. На всемъ пространствѣ промышленной и капиталистской цивилизации рабочіе почувствовали, что они составляютъ одинъ классъ. Они сознали, что ихъ объединяють общія желанія, общія бѣдствія, общіе враги. Ни одна граница не оказалась достаточно высокой, достаточно замкнутой, чтобы помѣшать этому чувству солидарности распространиться по всей Европѣ и даже перейти за океанъ. Такъ народился интернаціонализмъ, въ отличіе отъ націонализма. Интернаціонализмъ встрѣчалъ тѣмъ болѣе сочувствія въ средѣ рабочихъ, чѣмъ болѣе они чувствовали себя несчастными и чѣмъ больше страдали отъ несправедливости. «Мы говоримъ о патріотизмѣ, мы всѣ—буржуа! восклицаетъ авторъ статьи. Намъ это легко. Намъ, вѣдь, хорошо живется на своей родинѣ. Но будемъ же справедливы: имѣть родину это не значить имѣть только право сложить свои кости гдѣ-нибудь въ отдаленной землѣ, не зная зачѣмъ, по первому призыву правительства, не спрашивавшаго тѣхъ, на кого оно возлагаетъ обязанность выполнять патріотическій долгъ. Надо любить родину, но надо, чтобы и родина насъ любила. Конечно, можно, при помощи власти и авторитетныхъ громкихъ словъ и блестящихъ символовъ, повести за собою невѣжественныя и несчастныя массы, возбудить въ нихъ грубый энтузіазмъ и заставить ихъ приносить величайшія жертвы. Но это становится совершенно невозможно, когда народъ начинаетъ размышлять. Тогда онъ хочетъ имѣть увѣренность, что, любя свою родину, онъ любитъ не одну только свою нищету или свое рабство, но любитъ нѣчто такое, что принадлежитъ не только ему, но и всѣмъ его близкимъ, гдѣ живется хорошо и ему, и его близкимъ. Онъ долженъ быть увѣренъ, что его патріотизмомъ не пользуются другіе для того только, чтобы заставить его совершить такіе акты, всю славу и выгоду отъ которыхъ получаютъ другіе, а на его долю выпадаютъ только опасность и трудность выполненія. Лишь только народная масса проникнется сознаніемъ, то она потребуетъ, чтобы за ея патріотизмъ ей платили взаимностью. Улучшеніе условій существованія, нравственныхъ и матеріальныхъ—вотъ наибѣрѣйшее средство укрѣпить въ народѣ чувство патріотизма».

Далѣе авторъ говоритъ о преподаваніи патріотизма въ школахъ. Дѣло наставника развить, воспитать и укрѣпить это чувство у своихъ учениковъ. Но, прежде всего, онъ долженъ цивилизовать его такъ же, какъ онъ цивилизуетъ всѣ инстинкты, всѣ чувства дѣтей, порученныхъ ему. Патріотизмъ не долженъ быть тѣмъ свирѣпымъ и исключительнымъ чувствомъ, который преобладалъ въ древнихъ государствахъ, гдѣ каждый иностранецъ былъ врагомъ и пораженіе вело за собою полное порабощеніе отечества, конфискацію земли и рабство или избіеніе населенія. Патріотизмъ не слѣдуетъ отождествлять съ милитаризмомъ; это только одно изъ примѣненій патріотизма. Онъ не заключается ни въ любви къ войнѣ, ни въ обожаніи военного мундира и неразумномъ предразсудкѣ, который заставляетъ особеннымъ образомъ относиться ко всѣмъ учрежденіямъ и военнымъ расходамъ. Надо, чтобы родина была сильна, но для этого надо чтобы она преуспѣвала и никогда патріотизмъ не долженъ заключаться въ томъ, чтобы затыкать себѣ уши и делѣть свое

новѣжество и легковѣріе. Истинный патріотизмъ нуждается въ правдѣ и поэтому наставникъ прежде всего не долженъ никогда фальсифицировать исторіи, не долженъ прославлять ошибки и недостатки родины или скрывать ихъ. Пусть ученики узнаютъ международную жизнь въ настоящемъ ея видѣ и пусть научатся понимать ее. Только тогда они могутъ быть истинными патріотами.

«World's Work» сообщаетъ любопытныя подробности о томъ, какія мѣры принимаетъ японскій народъ для того, чтобы облегчить кризисъ, переживаемый страной въ настоящій моментъ, и идти навстрѣчу ея нуждамъ. Кромѣ разныхъ большихъ ассоціацій, организованныхъ съ патріотическими цѣлями, съ цѣлью оказанія помощи служащимъ въ арміи и флотѣ, въ городахъ и деревняхъ Японіи обрасовались небольшія мѣстныя общества помощи, причемъ они большею частью имѣютъ характеръ тайныхъ обществъ, т.-е. тщательно скрываютъ свою дѣятельность. Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Накагава существуетъ «Тайное пахотное общество», состоящее исключительно изъ молодыхъ людей, которые ночью или же тогда, когда никто этого не можетъ видѣть, отправляются на поля, оставшіяся неспаханными вслѣдствіе отсутствія ихъ владѣльцевъ, отправившихся на войну, и засѣваютъ ихъ, облегчая такимъ образомъ работу семей, которой иначе трудно было бы справиться съ этимъ дѣломъ за недостаткомъ рабочихъ рукъ. Благодаря дѣятельности такихъ тайныхъ обществъ молодежи въ разныхъ мѣстахъ Японіи земледѣіе и фермерское хозяйство не пришло въ упадокъ, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почти всѣ взрослые работники отправились на войну. Въ окрестъ Кіото ученики школъ, по окончаніи своихъ занятій, отправлялись на полевые работы и добровольно помогали своимъ трудомъ семьямъ крестьянъ, ушедшихъ на войну. Эти маленькіе школьники также составляли общества помощи. Вездѣ въ Японіи обнаруживается большая заботливость о солдатскихъ семьяхъ. Если у нихъ нѣтъ земли, то ихъ устраиваютъ гдѣ-нибудь на фермѣ и отводятъ имъ даромъ участки земли для обработки. Тѣ, кто можетъ заниматься какими-нибудь ремеслами, получаютъ небольшой капиталъ въ ссуду для начала. Все это дѣлаютъ общества взаимопомощи, существующія даже въ каждой небольшой японской деревушкѣ, такъ какъ духъ коопераціи чрезвычайно развитъ въ японскомъ населеніи. Въ округахъ Осага и Хіого все населеніе, съ общаго согласія, предоставило монополію продажи разныхъ предметовъ домашнего хозяйства солдатскимъ семьямъ и теперь торговля спичками, циночками, мыломъ и т. п. сосредоточена исключительно въ рукахъ этихъ семействъ, что даетъ имъ полную возможность безбѣднаго существованія.

Любопытно, что очень много полезныхъ учрежденій и промышленныхъ предприятий возникло въ Японіи «въ память войны». Въ разнаго рода брошюрахъ и памфлетахъ, распространяемыхъ въ народѣ, постоянно говорится о томъ, что тѣ, «кто остался дома и не пошелъ на войну, должны жить умеренно и посвятить всѣ свои силы и свои средства на службу обществу, чтобы увѣковѣчить память великой войны какимъ-нибудь полезнымъ и великимъ дѣ-

ломъ, для блага и славы своей родины». Поощреніе отечественной промышленности считается такимъ великимъ дѣломъ, такъ что въ округѣ Кіото, на примѣръ, въ память войны выстроено новое зданіе со всѣми новѣйшими приспособленіями для шелковаго производства и каждой семьѣ въ деревнѣ розданы молодые шелковичные черви и все что нужно, чтобы разводить ихъ и заняться шелководствомъ. Въ округѣ Тойяма «въ память войны» образовался комитетъ для поощренія сельскаго хозяйства и распространенія лучшихъ методовъ обработки земли, для того чтобы ни одинъ клочокъ ея не оставался невосдѣланнымъ. Такіе же комитеты для поощренія японской мануфактуры, производства «талы» и др. предметовъ, возникли «въ память войны» въ Фукушимѣ, Токушимѣ и др. мѣстахъ. Въ округѣ Шига, на озерѣ Бива и озерѣ Іого, въ городахъ и деревняхъ, лежащихъ вдоль берега, устроены новые рыбопромышленные центры и вообще вездѣ приняты мѣры для поощренія рыбной ловли. Въ округѣ Токио, повсюду устраиваются митинги и публичные чтенія, съ цѣлью ознакомить слушателей съ настоящею войной и всѣми, относящимися къ ней вопросами. Но вмѣстѣ съ этимъ каждый изъ ораторовъ непремѣнно считаетъ своимъ долгомъ говорить о необходимости сплотиться и соединить свои усилія, чтобы страна не только не пострадала отъ переживаемаго кризиса, но наоборотъ, вышла бы изъ него еще болѣе цвѣтущей и окрѣпшей. Поэтому-то въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ устраиваются теперь общества для поощренія сельскаго хозяйства и промышленности, читаются лекціи по разнымъ, относящимся сюда вопросамъ, такъ что расширение и преуспѣваніе промышленности и воспитаніе народа идутъ постоянно рука объ руку. «Война не должна помѣшать прогрессу Японіи; напротивъ, она должна способствовать ему», говоритъ каждый ораторъ на митингѣ или лекторъ, приступая къ чтенію; и каждый изъ слушателей уноситъ съ собою убѣжденіе, что онъ долженъ что-нибудь сдѣлать, чтобы содѣйствовать этому прогрессу и что въ этомъ будетъ заключаться такой же актъ патріотизма, какъ и тотъ, который проявляютъ тѣ, кто сражается за родину на поляхъ Манчжуріи.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Предстоящее солнечное затмение. Результаты опытовъ С. А. Мокржецкаго надъ вѣткорневымъ питаніемъ растений. Микробъ сифилиса. Новые способы анестезіи.

Предстоящее солнечное затмение. 30-го августа (нов. ст.) этого года предстоить полное солнечное затмение. Тѣнь, падающая отъ луны, займетъ пространство отъ Канады до Аравіи; это и будетъ зона полного солнечнаго затменія. Пунетъ, откуда начнется полное затмение, лежитъ къ югу отъ озера Виннипегъ въ Канадѣ; начнется затмение въ моментъ восхода солнца. Затѣмъ тѣнь луны покроетъ полуостровъ Лабрадоръ въ Сѣверной Америкѣ, часть Атлантическаго океана и появится въ Европѣ у мыса Ортегалъ на сѣверо-западѣ Испаніи, отсюда тѣнь пройдетъ наискось Пиринейскій полуостровъ отъ Овiedo, Бургоса, Каталіа до Тортосы и Валенціи, наконецъ черезъ Балеарскіе острова, Алжиръ и Тунисъ достигнетъ Триполитѣна, Египта (Ассуанъ) и Аравіи, гдѣ, въ моментъ заката солнца, полное затмение прекратится.

Не всѣ вышеупомянутыя мѣстности одинаково удобны для наблюденій; самыми благоприятными въ этомъ отношеніи будутъ Испанія и Алжиръ и по продолжительности явленія, и по высотѣ солнца надъ горизонтомъ, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ затмение совершится около полудня; зона затменія здѣсь будетъ имѣть въ ширину около 200 километровъ и затмение будетъ строго центральнымъ. Къ сѣверу и югу отъ этой зоны, луна ужъ не будетъ покрывать вполнѣ всю поверхность солнца. 30-го августа полное солнечное затмение продолжится около 4-хъ минутъ.

Полное солнечное затмение представляетъ громадный научный интересъ, такъ какъ только въ это время доступно для наблюденія все, что находится за фотосферой (та часть солнца, которую мы видимъ ежедневно), гдѣ образуются пятна, факелы и пр. Спектроскопъ, правда, позволяетъ во всякое время изучать хромосферу и ея протуберанцы; но все же при затмевіяхъ условія для этого наиболѣе благоприятны; кромѣ того, нѣкоторыя особенности строенія солнца могутъ быть наблюдаемы только при затмевіяхъ. Такъ, «корона» только и можетъ быть видима во время полного затменія. Раньше думали, что форма короны очень измѣнчива и мѣняется безъ всякой видимой причины. Но съ тѣхъ поръ, какъ ее начали изучать во время полныхъ затмевій, то убѣдились, что форма короны находится въ зависимости отъ дѣятельности солнца; были установлены «типы» короны, изъ нихъ два

основныхъ; при первомъ—лучи короны распределены равномерно по всѣмъ направленіямъ, что соответствуетъ максимуму дѣятельности солнца; при второмъ—лучи короны распределены, главнымъ образомъ, по экватору солнца; этотъ типъ соответствуетъ минимуму дѣятельности солнца. Между этими двумя главными типами существуетъ, конечно, цѣлый рядъ промежуточныхъ. 30-го августа форма короны должна соответствовать первому типу, такъ какъ мы находимся теперь въ періодѣ максимума дѣятельности солнца.

Огромные расходы экспедицій, посылаемыхъ для наблюденія затменій, вполне оправдываются и окупаются той важностью работъ и наблюденій, которыя производятся надъ формой, строеніемъ и температурой короны, а также и слоевъ, лежащихъ еще ближе къ хромосферѣ. Кромѣ того, во время полного солнечнаго затменія ученые могутъ рѣшить вопросъ о существованіи одной или нѣсколькихъ планетъ между солнцемъ и Меркуріемъ. Американцы и взяли на себя эту задачу, съ какою цѣлью ими будутъ произведены наблюденія и сняты фотографическіе снимки въ 3-хъ различныхъ мѣстахъ: на Лабрадорѣ, въ Испаніи и въ Египтѣ.

Нужно надѣяться, что, какъ американцамъ, такъ и другимъ наблюдателямъ удастся выполнить обширную программу, намѣченную ими; въ программу эту входятъ также наблюденія надъ электрическими явленіями, магнетизмомъ и наблюденія съ воздушныхъ шаровъ. (Nature).

Результаты опытовъ г. Мокржецаго надъ вѣткорневымъ питаніемъ растений. Въ «Мірѣ Божьемъ» въ январьской книгѣ 1904 г. была помѣщена статья П. Ю. Шмидта объ изобрѣтеніи извѣстнымъ русскимъ энтомологомъ *Ив. Шевыревымъ* особаго метода, благодаря которому можно вводить въ растенія растворы различныхъ веществъ. Методъ этотъ состоялъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что растворы вводились безъ доступа вѣшняго воздуха, черезъ особую трубку, острый край которой вставлялся въ растеніе подъ водой, окрашенной различными веществами и заключенной въ спеціальной ванночкѣ; ванночка эта прикрѣплялась къ данному дереву.

Работа *Ив. Як. Шевырева* была опубликована въ 1895 г. подъ заглавіемъ «О пропитываніи древесины живыхъ деревьевъ красящими растворами»; одной изъ цѣлей автора было найти такіе растворы, которые отравляли бы паразитовъ, нападающихъ на растенія, но были бы безвредны для самого растенія; впрочемъ въ этой же работѣ *Ив. Як. Шевыревъ* указывалъ и на возможность улучшить «ростъ дерева или вкусъ его плодовъ», вводя въ него питательныя жидкости. Такимъ образомъ передъ изслѣдователемъ развертывались широкія перспективы—создать при помощи этого метода особую медицину для растеній, лечить и питать ихъ также, какъ лечатъ и питаютъ больныхъ людей. Но, къ сожалѣнію, г. Шевыреву пришлось надолго, почти на 10 лѣтъ, оставить эти опыты.

Но идея, высказанная нашимъ энтомологомъ, не умерла и въ связи съ другими идеями и даже опытами повела къ цѣлому ряду широко поставленныхъ теоретическихъ и практическихъ изслѣдованій.

Существуютъ литературныя указанія, что въ Америкѣ еще въ тридцатыхъ годахъ съ успѣхомъ примѣняли введеніе въ стволъ дѣрева жѣлѣ истощенной сѣры (вѣроятно, сѣрнокислыхъ солей) для борьбы съ гусеницами. Въ началѣ 80-хъ годовъ извѣстный ботаникъ *Саксъ* вводилъ въ отверстіе пробурѣнное въ стволѣ акаціи, пораженной хлоровозомъ (желтизна листьевъ), растворъ сѣрнокислаго жѣлѣза и тѣмъ излечивалъ больное дерево. Наконецъ, въ 1898 г. г. *Цыганковъ*, а въ 1903 г. г. *Решко* опубликовываютъ результаты своихъ удачныхъ опытовъ леченія желтухи введеніемъ въ стволъ больного дерева порошка жѣлѣзнаго купороса. Подобные же опыты ставились въ 90-хъ годахъ и нѣкоторыми итальянскими учеными. Но безспорно самыми обстоятельными, разносторонними и удачными являются опыты, производимые уже втеченіе 3-хъ лѣтъ энтомологомъ губернскаго таврическаго земства *С. А. Мокржецкимъ*.

Мысль объ этихъ изслѣдованіяхъ явилась у г. Мокржецкаго подъ вліяніемъ работъ г. Шевырева и опытовъ упомянутыхъ выше сельскихъ хозяевъ—г.г. Цыганкова и Решко.

Еще въ своемъ предварительномъ сообщеніи въ «С.-Петербургскомъ Обществѣ естествоиспытателей», напечатанномъ въ 1903 г. подъ заглавіемъ «О новомъ методѣ питанія и леченія деревьевъ», г. Мокржецкій указываетъ, что для борьбы съ вредными насѣкомыми онъ вводилъ въ стволы деревьевъ ядовитые растворы (эозинъ, мышьякъ, мѣдный купоросъ и др.) при помощи приборовъ, въ общемъ схожихъ съ тѣми, которые употреблялъ И. Я. Шевыревъ. Результаты, при этомъ получились неудовлетворительные, такъ какъ очень слабые растворы (до 0,0001%), хотя и не приносили видимаго вреда растеніямъ, но за то и не убивали насѣкомыхъ, жившихъ на деревьяхъ (тли, червецы). «Когда же брались болѣе крѣпкіе растворы, то отъ нихъ страдали деревья, и при очень крѣпкихъ растворахъ (1%—2%) даже большія и сильныя деревья можно было пропитать и убить въ нѣсколько часовъ, если, при сухой погодѣ, всасываніе шло быстро».

Впослѣдствіи прямые опыты показали г. Мокржецкому, почему, даже и при наличности такихъ растворовъ, которые, убивая паразитовъ, были бы безвредны для дерева, все же нѣкоторыхъ паразитовъ нельзя убить этимъ путемъ. Опыты симферопольскаго энтомолога подтвердили извѣстные указанія Бема, Вилера, Страсбургера и др., что растворы въ деревѣ движутся по сосудамъ и трахеидамъ молодой части заболонной древесины и не проникаютъ въ болѣе старыя слои этой древесины и корней. Такимъ образомъ, нельзя рассчитывать убить ядовитыми растворами тѣхъ личинокъ, которые живутъ внутри старой древесины. Прямые опыты г. Мокржецкаго, дѣйствительно, показали, что гусеницы древесницы (*Zeuzera pirina*) и стекляницы (*Sciaapteron tabaniformis*) не поддаются, въ силу этого, отравленію ядовитыми растворами. Также не дали положительныхъ результатовъ и опыты по отравленію филоксеры, кровяной тли и червецовъ, которые, какъ всѣ сосущія насѣкомыя—паразиты, берутъ свою пищу изъ тонкостѣннаго луба.

Но, говорить симферопольскій энтомологъ, есть нѣкоторыя основанія рассчитывать убить насѣкомыхъ, живущихъ въ молодыхъ слояхъ заболонной дре-

весины; по крайней мѣрѣ, многіе опыты съ деревьями, пораженными заболонниками, говорятъ въ пользу этого. Пораженные деревья отравлялись въ данномъ случаѣ обыкновенно введеніемъ въ стволъ отъ 2 до 4 граммъ порошка мышьяковистаго натрія, мѣднаго купороса, синеродистаго калия, хлористаго барія или нѣкоторыхъ другихъ солей. Наименѣе ядовитымъ для растенія оказался хлористый барій, который вводится въ дерево въ большомъ количествѣ (въ растворѣ, не превышавшемъ 0,1%). Но авторъ не рѣшается еще обобщить этихъ опытовъ; кромѣ того, нужно замѣтить, что отравленіе паразитовъ-наѣкомыхъ становится, конечно, невозможнымъ, разъ личинки ихъ продѣлали ранку и разрушили сосуды, такъ какъ въ этомъ случаѣ доступъ къ паразитамъ ядовитыхъ растворовъ прекращается.

«Изъ сказаннаго слѣдуетъ, говорить г. Мокржецкій, что и ботаническія данныя и непосредственный опытъ пропитыванія свидѣтельствуетъ о томъ, что отравить наѣкомыхъ, питающихся тканями растенія, очень затруднительно, и что значеніе этого метода въ энтомологіи, даже при достиженіи идеальнаго пропитыванія, все же будетъ ограничено условіями, лежащими въ самой природѣ растенія».

Также отрицательные результаты дали и опыты, поставленные для уничтоженія грибныхъ паразитовъ растенія, главнымъ образомъ, при помощи слабого раствора мѣднаго купороса: даже огромныя количества мѣди (до 60 граммовъ) не предохраняли тополей отъ вторичнаго появленія грибовъ *Exoascus* и *Septoria*.

Болѣе благопріятные результаты дали опыты съ леченіемъ *гуммозиса*, болѣзни косточковыхъ породъ (абрикосы, персики, черешни, сливы, миндаль), состоящей въ истеченіи камеди. Эта болѣзнь проявляется сначала въ образованіи ранокъ на вѣтвяхъ и стволахъ; изъ ранокъ выдѣляется клей, затѣмъ наступаетъ отмирание тканей вокругъ ранокъ и образуются глубокія черныя изъязвленія; доступъ соковъ къ частямъ, лежащимъ надъ ранами, прекращается и пораженные вѣтви погибаютъ. Причины этой болѣзни различны: механическія поврежденія, производимыя человекомъ или наѣковыми, морозы, грибные паразиты и, наконецъ, чаще всего—особыя бактеріи.

Вводя въ пораженные этой болѣзнью деревья растворъ различной концентраціи древесныхъ кислотъ—лимонной, щавелевой, муравьиной, уксусной, салициловой—г. Мокржецкій достигъ благопріятныхъ результатовъ: истеченіе клея прекращалось, рана зарубцовывалась и дерево выздоравливало. Опыты эти велись только въ теченіе одного года, и авторъ, конечно, не можетъ судить, насколько продолжительно такое леченіе.

Впрочемъ, центръ и нервъ изслѣдованій г. Мокржецкаго лежитъ не въ прямомъ уничтоженіи паразитовъ, а въ общемъ оздоровленіи больного дерева путемъ введенія въ его стволъ, въ видѣ раствора или въ порошокъ, *питательныхъ веществъ*.

Такимъ образомъ, важный, но все же спеціальнѣйшій вопросъ борьбы съ паразитами растеній превращается въ широкую проблему растительной гігіены и терапіи.

Проблема эта настолько назрѣла, что одна и та-же мысль высказывалась уже многими. Какъ мы указывали, первый намекъ на эту идею въ Россіи сдѣланъ И. Я. Шевыревымъ, а впоследствии, почти одновременно съ С. Мокржецкимъ, г. Шевыревъ даже подробно развилъ идею о вѣткорневомъ питаніи растений, но справедливость заставляетъ насъ отмѣтить, что только Мокржецкій осуществилъ эту идею въ рядѣ многолѣтнихъ, систематическихъ и разнообразныхъ опытовъ.

Какъ мы уже упомянули выше, г. Мокржецкій вводитъ питательныя вещества въ стволъ дерева, или въ порошокъ (чаще) или же въ видѣ растворовъ, пользуясь, въ послѣднемъ случаѣ, упрощеннымъ имъ приборомъ г. Шевырева.

Соли въ порошокъ вводятся слѣдующимъ образомъ.

У основанія ствола или на высотѣ груди взрослого человѣка пробуравливается отверстіе, глубиной до $2\frac{1}{2}$ сант. и діаметромъ до $1\frac{1}{2}$ сант., въ отверстіе сыпается порошокъ данной соли въ количествѣ отъ 1 до 4 граммъ. «Отверстіе рамки замазывается садовой замазкой. Если діаметръ дерева не болѣе 2-хъ вершковъ, то достаточно одного отверстія, чтобы восходящій токъ соковъ растворилъ соль и разнесъ ее по всему дереву; если же дерево толще, то приходится сдѣлать два отверстія, а при еще болѣе толстыхъ деревьяхъ — въ 5—6 вершковъ—нужно сдѣлать 4 отверстія съ разныхъ сторонъ».

Г. Мокржецкій часто замѣчалъ при опытахъ съ сухими солями, что дѣйствіе ихъ ясно сказывается не только на вѣтви, непосредственно лежащей надъ мѣстомъ, гдѣ введенъ порошокъ, но и на сосѣднихъ вѣтвяхъ. Это явленіе авторъ объясняетъ тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, движеніе растворовъ въ деревѣ происходитъ по спирали—широкой лентой. Бромъ того, иногда (въ зависимости отъ времени года) наблюдается всасываніе и ниже отверстія, въ которое положена соль.

Единственнымъ недостаткомъ этого метода (сухихъ солей), авторъ считаетъ мѣстное омертвленіе тканей при введеніи такихъ сильно дѣйствующихъ солей, какъ, напр., желѣзный купоросъ, но, говоритъ онъ, всегда есть возможность подобрать комбинаціи солей съ менѣе жгучими свойствами.

«Наиболѣе яркій примѣръ оздоровленія деревьевъ, питанія ихъ и увеличенія плодовъ, утверждаетъ г. Мокржецкій, получены имъ сухимъ путемъ, но не мало примѣровъ оздоровленія деревьевъ получено и путемъ введенія растворовъ».

Растворы, вводившіеся авторомъ имѣли слѣдующую концентрацію: питательные—0,1% до 0,05%; ядовитые—0,001% до 0,005%.

Менѣе интенсивное дѣйствіе питательныхъ растворовъ сравнительно съ тѣмъ же количествомъ вводимыхъ въ дерево сухихъ солей авторъ объясняетъ тѣмъ, что сухія соли, введенныя по веснѣ въ стволъ, «разносятся по растенію естественнымъ токомъ восходящихъ соковъ съ естественною же скоростью, такъ что плазма клѣтокъ успѣваетъ ихъ вполне впитать. При введеніи же искусственныхъ растворовъ, поднимающихся верѣдко (въ жаркіе дни) очень быстро, плазмъ не успѣваетъ ихъ усвоить».

Наилучшіе результаты давали нѣкоторыя комбинаціи питательныхъ солей;

при чемъ нужно оговориться, что при однихъ почвенныхъ условіяхъ можетъ оказаться дѣйствительною одна соль, при другихъ—другая; всякій разъ придется принимать въ соображеніе качество почвы, состояніе больныхъ деревьевъ, ихъ возрастъ и т. д.

Изъ вагнеровскихъ туковъ наиболѣе пригодны для вѣткорневого питанія деревьевъ марки РК. N и FKW; первая для плодоносящихъ, вторая—для молодыхъ деревьевъ: обѣ заключаютъ различныя количества фосфорно-кислаго калия и калийной селитры. Хорошіе результаты даетъ также питательная соль Зорауэра, содержащая азотно-кислый и фосфорно-кислый кальцій, сѣрно-кислый магній и хлористый калий; тукъ Мюллера-Тургау хорошъ для плодовыхъ деревьевъ; онъ содержитъ тѣ же соли, что и соль Зорауэра, (но въ другихъ процентныхъ отношеніяхъ), кромѣ хлористаго калия, замѣщенного азотно-кислымъ аммоніемъ. Для леченія деревьевъ и винограда отъ хлороза нужно вводить въ смѣсь еще сѣрно-кислое желѣзо (на 100 частей смѣси 1 часть).

Для молодыхъ деревьевъ достаточно ввести отъ 1 до 4 граммъ смѣси, для деревьевъ въ 4—5 вершк. толщиною—отъ 10 до 12 граммъ.

Что касается *растворовъ*, то крѣпость ихъ не должна превышать 0,1⁰/₀, а для сѣрно-кислаго желѣза 0,05⁰/₀.

Прямые опыты г. Мокржецкаго показали, «что растворы солей, введенныхъ въ стволъ, идутъ какъ вверхъ (въ крону), такъ и внизъ (въ корни) одинаково, какъ въ томъ случаѣ, когда надрѣзы сдѣланы на воздухѣ, такъ и тогда, когда они произведены подъ жидкостью, при чемъ въ обоихъ случаяхъ жидкость проникаетъ въ корни, хотя глубоко (до 1-го метра), но съ меньшей энергіей (напр., нерѣдко лишь по одному или нѣсколькимъ сосудамъ), чѣмъ вверхъ—въ крону».

Поэтому г. Мокржецкій утверждаетъ, что нѣтъ необходимости прибѣгать для введенія растворовъ въ стволъ дерева къ приборамъ, построеннымъ по принципу г. Шевырева, и что въ послѣднее время онъ—Мокржецкій—употребляетъ полный гуттаперчевый поясъ, снабженный полыми острыми шпильками, которыя плотно входятъ въ стволъ дерева, при опоясываніи его этимъ поясомъ, и проводятъ жидкость, поступающую изъ резервуара въ поясъ. Этимъ достигается болѣе равномерное пропитываніе дерева растворомъ.

Усиленное вѣткорневое питаніе г. Мокржецкій примѣнялъ главнымъ образомъ, къ деревьямъ больнымъ хлорозомъ (желтизна листьевъ), но ставились опыты и при другихъ болѣзняхъ, напр. при деформирующемъ антракнозѣ на виноградной лозѣ. Хлорозъ крымскихъ садовыхъ деревьевъ и винограда обусловливается, по мнѣнію симферопольскаго энтомолога, избыткомъ въ почвѣ извести, дѣлающей соки растений щелочными и мѣшающей усвоенію питательныхъ веществъ, главнымъ образомъ желѣза; рѣже хлорозъ вызывается порчею корней при плантажѣ или глубокой перепашкой сада.

Результаты, полученные г. Мокржецкимъ, далеко не однообразны: иногда дѣйствіе вѣткорневого питанія поразительно быстро и благотворно, иногда незамѣтно, иногда, наконецъ, даже вредно. Здѣсь предстоитъ еще долгая и упорная работа, чтобы выяснитъ причины, вѣроятно многообразныя, столь различ-

наго дѣйствія питательныхъ солей. До сихъ поръ симферопольскимъ энтомологомъ подмѣчены лишь слѣдующія законности. «Чѣмъ раньше весною введены соли, тѣмъ вліяніе ихъ благотворище и тѣмъ большее количество солей усваивается растеніемъ съ пользою для него и, наоборотъ, чѣмъ позже введены онѣ, тѣмъ менѣе ощутительно ихъ дѣйствіе или же, наоборотъ, оно бываетъ отрицательнымъ. Также самая соль желѣза, которая по веснѣ магически дѣйствуетъ на хлоротическія растенія, быстро возвращая имъ здоровую, ярко-зеленую окраску листьевъ, со второй половины іюня обжигаетъ послѣдніе; впрочемъ, они весьма быстро вновь отрастаютъ. Кромѣ времени года, весьма существенное значеніе въ вопросѣ о вѣкорневомъ питаніи имѣетъ еще составъ почвы. До сихъ поръ, говоритъ г. Мокржецкій, мнѣ удалось подмѣтить лишь опредѣленное вліяніе извести на ходъ вѣкорневого питанія. На известковыхъ почвахъ физиологически кислыя соли т. е. тѣ, у которыхъ основанія усваиваются растеніемъ сильнѣе, нежели кислоты, дѣйствуютъ успѣшнѣе, нежели щелочныя соли. Тутъ замѣчается аналогія съ дѣйствіемъ искусственныхъ удобреній на растенія; такъ напр. извѣстно, что амміачное удобреніе (сѣрнокислый амміакъ) повышаетъ урожай на известковыхъ почвахъ и совершенно бездѣятеленъ и бесполезенъ для тѣхъ же растеній на почвахъ бѣдныхъ известью; точно также и фосфориты даютъ сильное повышеніе урожая въ на убогихъ подзолистыхъ почвахъ, въ то время какъ на черноземныхъ почвахъ дѣйствіе фосфоритовъ на тѣ же растенія совсѣмъ незамѣтно. Несомнѣнна также зависимость дѣйствія вводимыхъ сухихъ солей отъ влажности, отъ породы дерева, отъ возраста его и мн. др. Но въ большинствѣ случаевъ когда г. Мокржецкому приходилось имѣть дѣло съ большими деревьями, задержанными въ ростѣ, пострадавшими отъ заморозковъ, хлороза, онъ получалъ не только общее оздоровленіе деревьевъ, но и значительный приростъ въ плодахъ.

Къ сожалѣнію авторъ не приводитъ въ своихъ предварительныхъ сообщеніяхъ статистическихъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести процентъ удачныхъ и процентъ неудачныхъ опытовъ. Также слабо пока поставлена научная сторона опытовъ г. Мокржецкаго; при такихъ опытахъ слѣдовало бы брать опредѣленные соли, а не сразу смѣси ихъ, какъ всѣ приводимые авторомъ «туши». Впрочемъ, нужно отмѣтить, что—съ одной—стороны задачи симферопольскаго энтомолога были прежде всего практическія, съ другой,—что онъ уже началъ ставить подобные лабораторные опыты.

Укажемъ, напр., на его опыты съ проращиваніемъ сѣмянъ фасоли (конечно сѣмена брались одинаковой величины). Сѣмена выращивались въ водныхъ растворахъ, при чемъ одни экземпляры получали полный питательный растворъ, другіе—были лишены какого нибудь необходимаго элемента (калія, желѣза, магнія и др.), наконецъ третьи—расли въ дистиллированной водѣ, питательные же растворы вводились въ нихъ прямо въ стебель.

«Первый опытъ былъ поставленъ съ калиемъ; одна часть растеній совершенно была его лишена, другая часть получала его изъ раствора при помощи корней и, наконецъ, въ третью категорію растеній калий вводился въ видѣ

селитры (0,1% растворъ). Спустя двѣ недѣли послѣ постановки опыта, уже была замѣтная разница въ ростѣ фасоли (растенія были сфотографированы). Вторая категорія растеній, получившая полный составъ, развивалась хорошо и дала по шести листьевъ; первая-же категорія растеній, лишенная калия, замѣтно отстала въ ростѣ (несмотря на то, что у бобовыхъ въ сѣмянодоляхъ заложены значительные запасы), и третій листь былъ уже меньше развитъ и блѣденъ; наконецъ послѣдняя категорія растеній, получившая селитру внѣ-корневымъ путемъ, дала тоже по 5—6 листьевъ нормально развитыхъ и достигла той-же высоты, что и растенія первой категоріи. Азотную кислоту легко можно было открыть въ тканяхъ листьевъ и стеблей растеній третьей категоріи, какъ и въ растеніяхъ второй категоріи. Причемъ, судя по интенсивности синяго окрашиванія тканей дефиниламиномъ, азотной кислоты было больше въ тканяхъ растеній въ третьей категоріи, нежели въ нормальныхъ, такъ какъ стеблемъ растенія было поглощено изъ трубки большее количество ея, нежели непосредственно корнями изъ раствора. Въ корни растеній третьей категоріи азотная кислота не проникала хотя растворъ вводился безъ единого пузырька воздуха; это послѣднее обстоятельство объясняется, по моему мнѣнію, высокимъ давленіемъ въ корняхъ травянистыхъ растеній (Генель, Визнеръ). Однако мнѣ не удалось довести своихъ растеній до цвѣтенія, такъ какъ воздухъ помѣщенія видимо дурно отзывался на всѣ растенія. Такіе-же опыты были поставлены и съ желѣзомъ и съ тѣмъ-же результатомъ. (Растенія сфотографированы).

Опытовъ въ саду, опытовъ, такъ сказать, чисто практическаго характера, г. Мокржецкимъ поставлено громадное число, вѣроятно, болѣе чѣмъ въ 2.000 деревьевъ были введены тѣмъ или инымъ путемъ питательныя соли. Чтобы показать положительные результаты этихъ опытовъ мы приведемъ выписку изъ протокола, подписаннаго проф. Кулагинимъ и гг. Неручевымъ и Таюрскимъ.

Садъ В. В. Таюрскаго близъ Симферополя. Яблоня, состоящая изъ двухъ сросшихся у основанія пней. Сортъ Сары-Синапъ. 20 лѣтъ; діаметръ 6 вершковъ. Дерево нѣсколько лѣтъ тому назадъ пострадало отъ наводненія и затѣмъ отъ засухи; весною 1904 года стояло безъ прироста и было покрыто массою усыхающихъ побѣговъ. Листья были рѣдкіе, хлорозные. Дерево считалось погибшимъ и было предназначено къ удаленію изъ сада. Для демонстративности опыта оздоровленія, 18-го мая 1904 г. было введено въ одну половину дерева 10 граммовъ сухихъ солей комбинаціи С. А. Мокржецкаго въ три отверстія, глубиною въ 2 съ половиною сантиметра и діам. 1¹/₄ сантим., расположенныя у основанія кроны. При осмотрѣ коммисіею леченная половина дерева рѣзко отличалась отъ нелеченной. Приростъ на первой былъ нормальнымъ, листья хорошо развитые, темнозеленые, густые, почти до верху покрывали дерево; между тѣмъ какъ на нелеченной половинѣ листья желтѣли и усыхали, побѣги и вѣтви тоже отмерли, и нелеченная половина дерева стояла почти вся безъ листьевъ. Къ протоколу приложена фотографія дерева.

Въ томъ-же саду В. В. Таюрскаго была осматрѣна молодая яблоня съ

сильно израненной корой отъ мороза, съ усыхающими побѣгами, задержаннымъ приростомъ и рѣдкими желтыми листьями. 18-го мая введено въ штабъ съ двухъ сторонъ 6 граммовъ питательныхъ солей С. А. Мокржецаго въ порошокъ. Къ 20-го іюня, какъ видно изъ дневника, деревцо сильно поправилось. Листья совершенно позеленѣли. Особенно хорошій ростъ оказался на нижнихъ побѣгахъ. Мѣстами, однако, соли не прошли до верхушекъ, и нѣкоторые вѣтви остались непропитанными и на нихъ листья были рѣдкими, желтоватыми, а плоды вдвое мельче, нежели на остальныхъ оздоровленныхъ вѣтвяхъ. Къ протоколу приложена фотографія дерева.

Садъ Салгирика. Бумажный ренетъ въ возрастѣ около 15 лѣтъ, сильно хлорозный съ усыхающими вѣтвями и листьями, пораженными грибомъ *Phyllosticta*. 6-го мая 1902 года въ одну сторону штамба было введено 12 грам. сухого сѣрноокислаго желѣза. Леченная половина черезъ три недѣли оправилась и позеленѣла. Черезъ годъ (9-го мая 1903 г.) съ той-же стороны было введено 8 грам. сухой питательной соли, комбинаціи С. А. Мокржецаго. Къ осени 1903 года дерево на леченной половинѣ было покрыто здоровыми плодами, на больной-же половинѣ вѣтви постепенно отмирали, плоды были мелки и пятнисты. Въ текущемъ (1904 году) леченная половина была съ урожаемъ крупныхъ, здоровыхъ плодовъ, нелеченная-же постепенно умирала. Во время осмотра дерева плоды были собраны. Леченная половина была покрыта здоровыми и густыми листьями и цвѣточными почками; на нелеченной-же половинѣ усыхали вѣтви за вѣтвью, и, во время осмотра комиссіей, оставались здоровыми лишь двѣ полуживыя вѣтви; листья на нихъ были хлорозные, покрытые пятнами. Фотографическій снимокъ сдѣланъ 14-го августа 1904 года.

Садъ Н. Ф. Житинскаго. Молодая черешня № 19, діам. 2 верш., высоту 3 аршина, сильно хлорозная, съ задержаннымъ приростомъ, съ небольшимъ количествомъ плодовъ. 18-го мая введено при помощи воронки Дюгамеля (насытки дѣлались безразлично: на воздухъ и подъ жидкостью) 0,6 грам. фосфорнокислаго желѣза вмѣстѣ съ лимоннокислымъ кали, на 600 куб. сантим. воды; затѣмъ 22-го мая введено 0,6 грам. (на 600 куб. с. воды) фосфорнокислаго желѣза, вмѣстѣ съ пиропфосфорнокислымъ натріемъ. Къ 1-му іюля дерево имѣло густо-зеленые здоровые листья и здоровый видъ. Плоды развились вполне нормально. Приростъ къ 1-му іюля былъ въ 1 сантим. Въ то же время сосѣднее дерево, одинаково съ первымъ пораженное хлорозомъ и съ усыхающими побѣгами, стояло полуживымъ, почти безъ листьевъ.

«Протоколъ» приводитъ еще нѣсколько другихъ опытовъ и оканчивается слѣдующимъ, по нашему мнѣнію, вполне правильнымъ, выводомъ: «Вышеприведенные опыты по оздоровленію деревьевъ, съ которыми успѣла ознакомиться комиссія, наглядно показываютъ вѣрность идеи С. А. Мокржецаго о вѣбкорневомъ питаніи, какъ методы леченія растений, и приложимость этого способа для практическихъ цѣлей».

Мы приведемъ здѣсь еще одинъ очень доказательный опытъ г. Мокржецаго.

«Груша въ имѣніи Чоргунъ, барона А. Е. Врангеля. Малое корявое деревцо съ очень плохимъ ростомъ и сильно желтыми листьями, но не пораженное грибками при началѣ опыта. 12-го мая введено 4 грамма сухой соли пиррофосфорнокислаго жѣлѣза, совмѣстно съ пиррофосфорнокислымъ натріемъ, въ одно отверстіе ствола. Такъ какъ соль была введена съ одной стороны штамба, то восходящій потокъ соковъ растворилъ ее и разнесъ по вѣтвямъ той части кроны, которая лежала надъ отверстіемъ, одна-же вѣтвь съ противоположной стороны—солей не получила. И вотъ результаты: упитанная часть кроны къ 30-го іюля была густо покрыта здоровыми, сильно развитыми темно-зелеными листьями и *свободна отъ грибка*; въ то-же время какъ неупитанная вѣтвь осталась хлоротическою и подверглась зараженію грибомъ *Septoria piri*, который сплошь покрывалъ не упитанные мелкіе листья. Такимъ образомъ, говорить г. Мокржецкій, на одномъ и томъ-же небольшомъ деревцѣ до очевидности оправдывалось положеніе, «что вѣкорное питаніе соотвѣтствующими солями во многихъ случаяхъ есть и предохранительное леченіе отъ болѣзней»...

Лѣтомъ 1904 г., проѣздомъ черезъ Симферополь, я посѣтилъ земскій губернскій музей, которымъ завѣдываетъ С. А. Мокржецкій. Къ сожалѣнію, у меня не было времени осмотрѣть сады, гдѣ были поставлены описанные выше опыты, и я поневолѣ долженъ былъ удовольствоваться фотографіями, снятыми съ деревьевъ до и послѣ леченія и плодами, собранными съ больныхъ и леченныхъ деревьевъ. Но и эти «документы» были достаточно демонстративны и доказательны и вполне убѣдили меня, что искусственное вѣкорное питаніе дастъ въ недалекомъ будущемъ самые блестящіе результаты какъ для садоводства, такъ и для науки.

Микробъ сифилиса. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ открытъ возбудитель сифилиса. Нашимъ читателямъ, конечно, ясно, какое громадное значеніе имѣетъ это открытіе не только для науки, но и для жизни всего человѣчества. Нѣтъ сомнѣнія, что разъ сталъ извѣстнымъ и, слѣдовательно, доступнымъ для бактериологическаго изслѣдованія микробъ сифилиса, то вскорѣ будутъ найдены и рациональные способы борьбы съ нимъ и лѣченія этой страшной болѣзни, уносящей или коверкающей ежегодно многія сотни тысячъ человѣческихъ жизней.

Въ настоящемъ фельетонѣ мы сообщимъ только самыя краткія свѣдѣнія объ этомъ открытіи, предоставляя себѣ въ ближайшемъ будущемъ, когда накопится болѣе фактическаго матеріала, посвятить этому вопросу цѣлую статью.

Честь открытія принадлежитъ г.г. *Шаудинну* и *Гофману*. Возбудитель сифилиса названъ *Spirochaeta pallida* (Спирохета).

Мечниковъ и *Ру* въ серединѣ марта этого года доложили медицинской академіи въ Парижѣ о найденной ими спирохетѣ Шаудинна у обезьянъ, которымъ былъ привитъ сифилисъ. 20-го же мая въ парижскомъ біологическомъ обществѣ *Левадиту* сообщилъ о наблюденныхъ имъ многочисленныхъ спирохетахъ у трехъ умершихъ отъ наследственнаго сифилиса младенцовъ; осо-

бенно много спирохетъ находилось въ печени, что указываетъ на зараженіе, происшедшее черезъ дѣтское мѣсто.

Эти наблюденія Левадита было подтверждены и другими изслѣдователями, какъ французскими, такъ и нѣмецкими, которыми найдены были спирохеты какъ въ сифилическихъ пораженіяхъ, въ папулахъ, язвѣвленіяхъ, ранахъ, такъ и въ крови и въ различныхъ органахъ у дѣтей съ наследственнымъ сифилисомъ.

До сихъ поръ спирохеты были найдены въ сифилитическихъ пораженіяхъ первичнаго и вторичнаго періодовъ, но въ ранахъ третичнаго періода ихъ еще не находили.

Шаудинномъ и Гофманомъ открыты спирохеты сифилиса двухъ видовъ: *spirocheta refringens* и *sp. pallida*, которыя нерѣдко встрѣчаются и вмѣстѣ. Длина спирохеты колеблется отъ 7 до 18 микроновъ и имѣетъ видъ спирали.

Новые способы анестезіи. Вещества, употреблявшіяся до сихъ поръ для обезболиванія и анестезіи, главнымъ образомъ,—хлороформъ и эфиръ,—не естъми больными одинаково хорошо переносятся, а при нѣкоторыхъ болѣзняхъ сердца, легкихъ, бронховъ они и совсѣмъ не примѣняются.

Не такъ давно стали употреблять для мѣстной анестезіи т.-е., обезболиванія только той части тѣла, которая непосредственно подвергается операціи, подкожное впрыскиваніе различныхъ веществъ, преимущественно кокаинъ, но и ихъ дѣйствіе не всегда безвредно для нѣкоторыхъ субъектовъ.

Теперь заговоримъ о двухъ новыхъ способахъ, вызывающихъ общую анестезію.

На конгрессѣ швейцарскихъ дантистовъ, имѣвшемъ мѣсто въ Лозаннѣ въ прошломъ году, профессоромъ женевского университета (медицинскаго факультета) *Редаромъ* (Redard) былъ сдѣланъ докладъ о новомъ открытомъ имъ способѣ, вызывающемъ общую анестезію; способъ этотъ основанъ на дѣйствіи синнихъ лучей. Съ давнихъ поръ извѣстно, что каждый изъ основныхъ цвѣтовъ солнечнаго спектра оказываетъ на психику особое, и ему только свойственное, дѣйствіе. Результаты опытовъ, произведенныхъ *Редаромъ* въ этомъ направленіи, вполнѣ совпадаютъ съ результатами таковыхъ же опытовъ многихъ психологовъ и заключаются въ слѣдующемъ: *красный* цвѣтъ приводитъ въ состояніе непріятнаго нервнаго возбужденія; *желтый* вызываетъ меланхолію и грусть, тогда какъ *синій*—дѣйствуетъ успокаивающимъ образомъ и вызываетъ чувство благоденствія. Кромѣ этого, *Редаромъ* было констатировано, что синій цвѣтъ дѣйствуетъ не только успокаивающимъ образомъ, но и *обезболивающимъ*, такъ что, напр., небольшія хирургическія операціи, каковыми, напр., является выдергиваніе зубовъ, могутъ быть совершены при воздѣйствіи этихъ лучей безъ всякой боли. Новый способъ анестезіи не требуетъ большихъ расходовъ, для него нужны: 16-ти свѣчная электрическая лампочка накаливанія, никелевый рефлекторъ и кусокъ синяго сатинета.

Для достиженія анестезіи электрическую лампочку съ синимъ стекломъ

ставать на разстояніи 15 сантиметровъ отъ глазъ оперируемаго; глаза больного должны быть направлены въ фокусъ лучей, при этомъ, какъ лампа, такъ и голова больного покрываются кускомъ синяго сатинета для уменьшенія дѣйствія разсѣяннаго дневнаго свѣта. Необходимо также увѣрить больного, что если глаза его будутъ фиксированы на лампочкѣ, то боли онъ не почувствуетъ.

Только въ рѣдкихъ случаяхъ способомъ этимъ не достигается желасмаго результата, благодаря тому, что больные, вмѣсто того, чтобы фиксировать лампочку широкооткрытыми глазами, закрываютъ ихъ. Обыкновенно же при исполненіи описанныхъ выше условій, анестезія достигается черезъ 2—3 минуты и констатируется благодаря расширенію зрачковъ; въ этотъ моментъ и нужно приступать къ операціи. Послѣ операціи больной просыпается съ заявленіемъ, что ничего не чувствовалъ.

Благодаря чему происходитъ анестезія подъ вліяніемъ синяго цвѣта, до сихъ поръ не извѣстно. Гипнозомъ это дѣйствіе нельзя объяснить, такъ какъ красные и желтые цвѣта производятъ какъ разъ противоположное дѣйствіе.

Необходимо еще добавить, что всѣ врачи, которыми былъ испытанъ способъ анестезированія Редара, получали такіе же хорошіе результаты, какъ и авторъ его.

Второй способъ достиженія общей анестезіи принадлежитъ Шнейдерлину и состоитъ въ подкожномъ впрыскиваніи *скополамина*—алколоида, извлеченнаго изъ травянистаго растенія—*scopolia japonica*, принадлежащаго къ семейству Solanaceae и извѣстнаго подъ названіемъ японской белладоны. Название это оно получило благодаря тому, что алколоидъ этотъ, какъ и белладона, расширяетъ зрачки и сосуды, но, кромѣ того, еще дѣйствуетъ наркотически и вызываетъ спокойный, глубокий сонъ. На блуждающій нервъ скополаминъ оказываетъ понижающее дѣйствіе, что выражается замедленіемъ дыханія и учащеніемъ біенія сердца.

Для анестезированія своихъ больныхъ Шнейдерлинъ и его приверженцы впрыскиваютъ скополаминъ въ растворѣ отъ 1 миллигр. до $1\frac{1}{4}$ миллигр. на 1 куб. сант. воды; такихъ впрыскиваній ими производится—3. Первое—за 2 часа до операціи, второе за 1 часъ и третье за $\frac{1}{2}$ часа. Для того, чтобы обезпечить вполнѣ безвредное дѣйствіе скополамина, къ нему прибавляютъ противодіе—соляно-кислый морфій въ растворѣ—1 сантиграммъ на 1 кубическій сантиметръ воды. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа послѣ перваго впрыскиванія скополамина, больнымъ ощущается непобѣдимое желаніе спать и вскорѣ онъ дѣйствительно засыпаетъ спокойнымъ сномъ. При второмъ впрыскиваніи сонъ становится еще болѣе глубокимъ и вызвать рефлекторныя движенія еще болѣе затруднительно. Если громко звать больного, то онъ открываетъ глаза и затѣмъ снова засыпаетъ. Послѣ третьяго впрыскиванія, сонъ становится еще болѣе глубокимъ и анестезія вполнѣ достаточной, чтобы позволить себѣ оперировать больного. При этомъ замѣчается странное явленіе: какимъ бы глубокимъ не казался сонъ, больного можно разбудить, какъ и при обыкновенномъ снѣ, если громко его позвать или произвести вообще какой-нибудь

шумъ; но болевая чувствительность настолько понижена, что если его уколоть или ущипнуть, то онъ не реагируетъ на это; словомъ, получается полная анестезія. Операциі, слѣдовательно, нужно производить въ тишинѣ. Послѣ операциі, анестезія продолжается еще нѣсколько часовъ, такъ что больной не чувствуетъ боли ни отъ раны, ни отъ перевязки. Нѣкоторые больные, проснувшись черезъ 5—6 часовъ, послѣ снова засыпаютъ на нѣсколько часовъ.

Проснувшись, больные совершенно ничего не помнятъ по ихъ словамъ, они не чувствовали ни какой боли во время операциі.

Методомъ Шнейдерлина уже широко пользуются въ Германіи, гдѣ подъ благотворнымъ дѣйствіемъ скополамина было произведено 1.500 операциі. Во Франціи скополаминъ начинаетъ входить въ употребленіе въ нѣкоторомъ видоизмѣненіи. Профессоръ *Террье* и *Дежардэнъ* впрыскиваютъ скополаминъ только одинъ разъ за 2 часа до операциі, передъ самой же операцией даютъ вдыхать немного хлороформа.

Повидимому, анестезированіе скополаминомъ имѣетъ важныя преимущества, какъ вслѣдствіе продолжительности вызываемаго имъ сна, такъ и полной нечувствительности, а также полной безвредности его, такъ какъ до сихъ поръ несмотря на довольно многочисленныя операциі, дѣлаемыя при его помощи, никакихъ вредныхъ явленій не замѣчено.

В. Агафоновъ.

ДВѢ ИНТЕРЕСНЫЯ БРОШЮРЫ.

М. И. Бородинъ. „Памяти финляндскаго генералъ-губернатора Ник. Ив. Бобрикова“. Харьковъ 1905.—„Современное положеніе русскаго дѣла на финляндской окраинѣ“, Изд. „Русскаго Собранія“. Петерб. 1905.

Двѣ брошюры—превосходно дополняющія другъ друга. Первая—выясняетъ, что сдѣлалъ генералъ-губернаторъ Бобриковъ въ Финляндіи, вторая,— что осталось отъ этого дѣла черезъ годъ послѣ смерти Бобрикова.

Авторовъ этихъ брошюръ нельзя упрекнуть въ неблагонадежности: первый—консерваторъ грингмутовскаго направленія, второй—членъ «Русскаго Собранія». И несмотря на это, картины, которыя они рисуютъ, и мысли, которыя вытекаютъ изъ сопоставленія этихъ картинъ, для русскаго консерватизма вполне безнадежны, тѣмъ болѣе безнадежны, что авторы (особенно г. Бородинъ) пользовались такими источниками, какъ дневникъ и переписка убитаго генералъ-губернатора.

Вотъ нѣкоторыя положенія записки, поданной Бобриковымъ 18-го августа 1898 г. государю.

«Завоеваніе Финляндіи вызывалось необходимостью отдалить отъ Петербурга нашу сѣверную границу. Несмотря, однако же, на девяностолѣтнюю совѣстную жизнь, цѣль такого завоеванія понынѣ совершенно не достигнута... Въмѣсто иностраннаго государства вблизи русской столицы создалась окраина, до сихъ поръ чуждающаяся благодѣтельствувавшей ее Россіи и открыто стремящаяся

къ закрѣпленію за собою правъ независимаго конституціоннаго государства, соединеннаго съ Россіей лишь единствомъ Верховной Власти... Финляндская окраина остается настолько же чуждой намъ въ настоящее время, насколько была въ дни ея завоеванія».

Кажется, положеніе неутѣшительное. Но 30-го сентября 1898 г. въ Гельсингфорсъ прибылъ новый генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ и вотъ что онъ свершилъ меньше чѣмъ за 6 лѣтъ своего управленія Финляндіей.

Вся должность Бобрикова была направлена къ созданію «тѣснѣйшаго единенія окраины съ центромъ». «...Своего провинціального, мѣстнаго патріотизма, писалъ онъ въ одномъ официальномъ документѣ, финляндцы не должны развивать, такъ какъ они русскіе подданные, а у всѣхъ вѣрноподанныхъ одно отечество и одинъ Престолъ. Оставаясь финнами и лютеранами, финны могутъ и должны быть русскими по своимъ правамъ, по своимъ стремленіямъ и по духу».

Осуществляя неуклонно эту программу «тѣснѣйшаго единенія», Бобриковъ ввелъ новый уставъ о воинской повинности, упразднилъ финскія войска и финскій кадетскій корпусъ, опубликовалъ манифестъ 3-го февраля 1899 г. о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ, т.-е. такихъ, которые равно относились какъ къ Финляндіи, такъ и къ Россіи, ввелъ русскій языкъ въ дѣлопроизводство сената и усилилъ преподаваніе русскаго языка въ финляндскихъ лицеяхъ, создалъ финляндскую газету, реорганизовалъ и усилилъ полицію и жандармскій надзоръ, возобновилъ и заново отдѣлалъ 10 православныхъ храмовъ и часовенъ, учредилъ особую дирекцію русскихъ школъ въ Финляндіи, добился допущенія русскихъ на гражданскую службу въ Финляндіи, ограничилъ особыми правилами ввозъ оружія въ Финляндію и устройство стрѣльбищъ, ограничилъ свободу сходокъ, общественныхъ подписокъ, учрежденія новыхъ обществъ, наконецъ, выслалъ административнымъ порядкомъ изъ Финляндіи много десятковъ вліятельныхъ вожаковъ.

«Эти естественныя мѣропріятія, направленные къ политическому сближенію финляндской окраины съ остальными частями Имперіи,—говоритъ г. Бородинъ,—повели вскорѣ къ смутѣ, которая быстро охватила весь край и продолжалась затѣмъ нѣсколько лѣтъ сряду. Смута и до сихъ поръ не улеглась».

«Голова моя занята была крамолой», признавался Бобриковъ. «Продолжаю преслѣдовать газеты, которыя подъ всевозможными предлогами призываютъ къ возстанію... Я сталъ получать подметныя письма съ угрозами, но пока хладнокровно ихъ сжигаю... Храню самообладаніе и за зло стараюсь платить добромъ»... пишетъ въ своемъ дневникѣ генералъ-губернаторъ, но все же надѣется, что «съ божьей помощью дѣло постепенно пойдетъ, согласно преподанныхъ мнѣ Высочайшихъ указаній»... «Финляндцы продолжаютъ упорствовать, но я убѣжденъ въ неизбѣжности ихъ сдачи, лишь бы петербургскіе политики не мѣшали», пишетъ Бобриковъ въ одномъ письмѣ отъ 2-го апрѣля 1900 года.

Среди этихъ, вѣроятно, высокопоставленныхъ политиковъ г. Бородинъ отмѣчаетъ «господина Z», о которомъ корреспондента Бобриковъ доносилъ

ему изъ Петербурга: «Господинъ X. меня предупредилъ, что г. Z. *orbi et urbi* ругаетъ финляндское управленіе... и говорить тамъ, гдѣ ему не подлежитъ говорить»... Говорилъ г. Z. слѣдующее: «Должно произойти или полное отступленіе отъ нынѣшняго направленія лишенія финляндцевъ ихъ правъ, или введеніе военного положенія... Одно ясно, что у финляндскаго народа отбираютъ то, что онъ имѣлъ въ теченіе 100 лѣтъ и что онъ привыкъ считать своимъ правомъ»...

Но даже и вліятельные Зеты не могли помѣшать Бобрикову въ послѣдовательномъ проведеніи его программъ. Впрочемъ, Зеты съ избыткомъ покрылись дружественнымъ вліяніемъ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве.

Вотъ отрывокъ изъ письма Бобрикова къ Плеве отъ 10-го октября 1901 г. «Современное положеніе Финляндіи вполне оправдываетъ введеніе самыхъ строгихъ административныхъ мѣръ: крамола зашла слишкомъ далеко и погасить ее не легко. Сепаратисты рассчитываютъ на наше великодушное снисхожденіе и совершенно убѣждены въ своей безнаказанности. Наступаетъ рѣшительный моментъ, которымъ мы должны воспользоваться въ интересахъ Россіи. За усиленную охрану, можетъ быть, мнѣ и придется сложить здѣсь свою голову, но я на нее рѣшаюсь съ твердымъ убѣжденіемъ, что такая суровая мѣра неизбежна. Враги наши полагаютъ, что у насъ не хватитъ силы воли дать сильный отпоръ, вслѣдствіе чего они такъ и наираютъ». Здѣсь генералъ-губернаторъ Бобриковъ пришелъ къ тому же выводу, что и его принципиальный врагъ—господинъ Z.: такъ какъ чѣмъ же существеннымъ отличается «усиленная охрана» отъ «военнаго положенія»? Бобриковъ нашелъ полную поддержку въ Плеве. «Безъ репрессивныхъ мѣръ нельзя прекратить броженія сказалъ Вячеславъ Константиновичъ Плеве и въ декабрѣ 1902 г. доложилъ Государю Императору, что «бороться съ агитаціей шведомановъ безъ мѣръ строгости не мыслимо» (изъ письма В. К. Плеве отъ 22-го декабря 1902 г.).

«Мѣры строгости» были предоставлены генералъ-губернатору Финляндіи...

Черезъ 1½ года, 3-го іюня 1904 г., Бобриковъ былъ смертельно раненъ въ стѣнахъ сената...

«Не прошло со дня кончины Н. И. Бобрикова и полугода,—печально замѣчаетъ г. Бородинъ, какъ на сеймовыхъ выборахъ успѣли уже восторжествовать шведоманы. Многіе изъ шведомановъ, административно высланныхъ, какъ напр., Л. Михелинъ, фонъ-Боркъ и др., вернулись и вѣхали въ Гельсингфорсъ, какъ герцоги въ свои резиденціи, такъ какъ ихъ возвращеніемъ финляндцы воспользовались для новой демонстраціи: лошадей выпрягли, ихъ осыпали цвѣтами, воздухъ дрожалъ отъ восклицаній. «Благодарю васъ, господа, сказалъ толпѣ Л. Михелинъ,—мнѣ оказанъ королевскій пріемъ!.. Такія минуты до гроба не забываются...»

Брошюра, изданная «Русскимъ собраніемъ», и посвящена, главнымъ образомъ, этому послѣбобриковскому періоду или, точнѣе, году. Этотъ годъ новаго генералъ-губернаторства, открылся упраздненіемъ финляндскаго военного округа, т.-е. изъ края удалена «часть русскаго образованнаго и вліятельнаго общества»,

затѣмъ уже вполнѣ «обезпечило новый курсъ—возвращеніе главныхъ агитаторовъ, высланныхъ Н. И. Бобриковымъ».

Мало этого, одинъ финляндецъ предназначался при Бобриковѣ къ административной высылкѣ, которая за смертью Бобрикова не успѣла состояться, а при новомъ генералъ-губернаторѣ этотъ финляндецъ назначенъ засѣдать въ большую комиссію и т. д., и т. д.

Мало этого, агитаторы, вернувшись на родину, не только стали членами созданнаго сейма, но и захватили въ немъ полную власть. «Они начали съ того, что составили петицію о возвращеніи къ «законному» порядку, въ которой заявляютъ, что все, сдѣланное русскимъ правительствомъ въ послѣднія пять-шесть лѣтъ, незаконно и должно быть отиѣнено. Пока правительство этого требованія Сейма не исполнитъ, земскіе чины рѣшили бастовать... Сеймъ требуетъ, чтобы русскій языкъ не вводился въ администрацію и преподаваніе его было сокращено въ лицахъ, чтобы всѣ русскіе чиновники были удалены съ финляндской службы, чтобы въ Финляндіи не было русскихъ жандармовъ... Сеймъ требовалъ немедленной отиѣны призыва и прекращенія дальнѣйшаго примѣненія устава о воинской повинности».

Требованіе сейма было исполнено—воинскую повинность немедленно приостановили, но имперское правительство потребовало, взаменъ этого, 10 милліоновъ марокъ ежегодной уплаты въ государственное казначейство.

«По этому поводу нѣкоторые ораторы заявили: денегъ не слѣдуетъ давать», такъ какъ эта «контрибуція» пойдетъ въ пользу имперіи, и для цѣли дальнѣйшаго поддержанія системы, враждебной (финскому) народу. Внести «контрибуцію» значило бы запечатлѣть свое рабство и униженіе. Финскія деньги, внесенныя въ «инострannую» военную кассу, послужатъ пособіемъ русскому шовинизму и правительственной системѣ, виновной въ томъ, что у насъ ограблена наша національная армія... Не поддерживать надо русскую правительственную систему, а какъ можно скорѣе устранить ее».

Сеймъ, продолжаетъ свои жалобы членъ «Русскаго собранія», «занимался исключительно протестами противъ правительства и поощреніемъ лицъ, наказанныхъ за ослушаніе новыхъ законовъ. Онъ постановилъ вознаградить всѣхъ пострадавшихъ и ассигновать для этого 5 милліоновъ марокъ... Онъ постановлялъ приговоры по распоряженіямъ правительства и по дѣйствіямъ мѣстной администраціи и никто не возражалъ и никто не сказалъ ему, что онъ превышаетъ свою власть... Когда канцелярія генералъ-губернатора направила въ сеймъ документы при русской препроводительной бумагѣ, земскіе чины оскорбились, подняли шумъ и сейчасъ же приняты были мѣры къ удовлетворенію ихъ настояній. Они стали получать бумаги черезъ сенатъ и притомъ на мѣстныхъ языкахъ. Правильно ли это!» съ печалью, но не безъ язвительности восклицаетъ авторъ.

Но эта, такъ сказать, открытая «революціонная» дѣятельность блѣднѣетъ передъ дѣятельностью тайной.

«Въ періодъ сейма палъ отъ руки убійцы прокуроръ Іонсонъ и было сдѣлано покушеніе на выборгскаго губернатора И. А. Мисоѣдова». По мнѣнію

анонимнаго автора брошюры эти революціонные акты дѣло рукъ основанной въ ноябрѣ и декабрѣ 1904 года «финляндской партіи активнаго сопротивленія». Больше всего возмущенъ авторъ тѣмъ, что нѣкоторые члены этой партіи (фамиліи ихъ пропечатываются полностью предусмотрительнымъ членомъ «Русскаго собранія») «ходятъ по улицамъ Гельсингфорса съ гордо поднятыми головами въ сознаніи своихъ заслугъ передъ отечествомъ».

Какія времена мы переживаемъ... Меньше года прошло со дня смерти Н. И. Бобрикова и такой переворотъ!

Картину революціоннаго движенія въ Финляндіи авторъ брошюры дорисовываетъ словами корреспонденціи, присланной изъ Гельсингфорса въ «*Namburger Fremdenblatt*».

Приведемъ и мы эту корреспонденцію.

«Въ младофинской партіи происходитъ сильное броженіе и, судя по всему, дѣло идетъ къ насильственной развязкѣ. Событія послѣднихъ недѣль сильно содѣйствовали сліянію младофинномановъ со шведскою партіей и, соединившись, они уже открыто проповѣдуютъ, въ качествѣ истинной своей цѣли, политическое отдѣленіе Финляндіи отъ Россійской державы. Изъ состава младофинской партіи образовался совершенно также, какъ въ былое время въ Польшѣ, тайный Союзъ, къ которому присоединились многочисленные сыновья лучшихъ финляндскихъ семействъ и который поставилъ себѣ задачей устраненіе высшихъ русскихъ чиновниковъ, олицетворяющихъ въ себѣ для финляндцевъ русское угнетеніе. Послѣ успѣшныхъ покушеній на Бобрикова, Плеве, Іонсона и великаго князя Сергѣя Александровича, никто не дастъ гроша за жизнь здѣшнихъ русскихъ служащихъ. Время, когда боялись ихъ и не видѣли спасенія отъ русскаго колосса, давно прошло. По всей Финляндіи въ настоящее время расположено лишь двѣнадцать батальоновъ пѣхоты, которые къ тому же не въ полномъ составѣ, и въ томъ же состояніи находится и артиллерійская бригада. Дикія, часто преувеличенныя описанія безпорядковъ въ различныхъ частяхъ государства вселяютъ въ горячіе умы, главнымъ образомъ, мужской молодежи, вѣру въ близкое возникновеніе народныхъ бунтовъ въ Польшѣ, Арменіи, Южной Россіи, на Кавказѣ и даже въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ и среди татарскихъ племенъ. Въ этой надеждѣ они готовятся къ тому дню, когда весь финскій народъ поднимется и сброситъ русское иго. Вооруженіе молодыхъ людей, вообще способныхъ носить оружіе, съ начала русско-японской войны сдѣлало въ краѣ поразительные успѣхи. Младофинны полагаютъ, что ввозъ оружія представитъ для нихъ самыя незначительныя затрудненія, такъ какъ русская пограничная стража равнодушна, сонлива и легко можетъ быть подкуплена. За литръ водки можно провезти сколько угодно оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ, что только позволить время между двумя смѣнами. Это оружіе будетъ распредѣлено между членами гимнастическихъ и стрѣлковыхъ обществъ, которыя образованы по всему краю и имѣютъ совершенно военную организацію. Въ эти общества повсюду, по тщательному распредѣленію, назначены окончившіе службу въ упраздненныхъ финскихъ войскахъ. Эти старослужащіе составляютъ ядро всякой союзной войсковой части, обучая молодыхъ

членовъ Союза употребленію оружія и военному дѣлу. Такимъ образомъ, финляндцы надѣются, при наступленіи ожидаемой общей катастрофы, быть готовыми къ возстанію. Они рассчитываютъ, что близкое возникновеніе національных возстаній въ главныхъ частяхъ государства, а также японская война будутъ отнимать у правительства возможность усиленія войскъ въ краѣ».

Мы не раздѣляемъ, конечно, увѣренности анонимнаго автора въ полной достовѣрности свѣдѣній, приводимыхъ гамбургской газетой, но если даже здѣсь только половина правды, то и тогда надо сознаться, что «бобринское дѣло» въ Финляндіи рухнуло—и мы понимаемъ (хотя, конечно, и не сочувствуемъ) ту тихую грусть, съ которой г. членъ «Русскаго собранія» вопрошаетъ: «И гдѣ теперь финляндскіе сторонники русской политики? Гдѣ русскіе ея союзники? Они или распались, или стоятъ въ гнетущемъ недоумѣніи, не зная, что имъ предпринять...». «Выданныя, такъ сказать, головой, эти лица, применившія къ русской власти, потеряли вѣру въ Россію, потеряли увѣренность въ послѣдовательность ея политики, надежду на устойчивость въ проведеніи на практикѣ ея программы сплоченія...».

Анонимный авторъ имѣетъ, конечно, полное основаніе жалѣть этихъ близкихъ ему людей, потерявшихъ вѣру въ устойчивость политики русскаго правительства. Но неужели онъ, даже и будучи членомъ «Русскаго собранія», серьезно думаетъ, что эта обычная неустойчивость въ данномъ случаѣ зависить отъ новаго генералъ-губернатора кн. Оболенскаго, осыпаемаго цвѣтами тѣми, «которые вчера аплодировали оправданію сенатора Шаумана и тоже осыпали его цвѣтами»?!

Неужели въ приводимыхъ авторомъ словахъ князя Мещерскаго, доносящаго, что эти цвѣты поднесены новому генералъ-губернатору «въ знакъ благодарности за то, что онъ такъ скоро сумѣлъ послѣ убіенія своего предмѣстника убить и его, дѣло», есть какой-нибудь смыслъ, кромѣ беззубаго доноса,—беззубаго, такъ какъ во время всей своей предыдущей служебной дѣятельности кн. Оболенскій успѣлъ сдѣлать себѣ такую дѣйствительную прививку благонадежности, что конечно, защищенъ отъ всякихъ, даже и княжескихъ, доносовъ.

Неужели и авторъ этихъ брошюръ и все «Русское собраніе» не понимаютъ, что «новый курсъ» въ Финляндіи созданъ не однимъ кн. Оболенскимъ, а всѣмъ русскимъ правительствомъ и созданъ потому, что «старый курсъ» сталъ невозможнымъ.

А если такъ, то съ кѣмъ же сражается «Русское собраніе»? съ своимъ правительствомъ?!

Это и неблагоприятно, и даже неблагоприятно.

В. Агафоновъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Іюль.

1905 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы и критика. — Исторія русская и всеобщая — Соціологія и финансы. — Философія. — Естествознаніе. — Медицина. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Земля“, романъ А. Ѳедорова. — „Душа Японіи“, подъ ред. Н. П. Азбелева.

Земля. Романъ А. М. Ѳедорова. Изд. С. Смирмунта. 1905 г. Ц. 1 р. Интересный романъ г. Ѳедорова, обратившій на себя общее вниманіе, когда онъ печатался въ «Рус. Богатствѣ», въ отдѣльномъ изданіи нѣсколько расширенъ и дополненъ новыми сценами, которыя не могли въ свое время появиться, по независящимъ отъ автора причинамъ. Мы уже говорили объ этомъ романѣ, поэтому остановимся только на одной очень важной вставкѣ, характерной по описываемому явленію для современнаго настроенія деревни. Дѣйствіе романа разыгрывается въ мрачное время голода 1898 г. Одинъ изъ героевъ романа, медикъ Кургановъ, возвращаясь отъ товарища съ лечебнаго пункта, ночью натывается на странную фигуру прохожаго мужика, который такъ рекомендуетъ себя: «Я-то? Я, родненькій, здѣшній, — все тѣмъ же звенящимъ, шероховатымъ голосомъ отзывался прохожій. — Домъ мой — вся земляца, а живу что птица: по оврагамъ, по кустамъ, да по разнымъ мѣстамъ, — вотъ и весь я тутъ». Во время разговора съ нимъ на небѣ начинается разгораться зарево, и на вопросъ Курганова, что это — пожаръ, прохожій спокойно отвѣчаетъ: «Пожаръ, миленькій! Пожаръ, родненькій», и между ними завязывается странный, почти невѣроятный разговоръ. «Этакая бѣда! Бѣда, горе да нужда, а какая бѣда, коль у голаго веревка сгорить; ею руки-ноги ему связаны. Хуже не будетъ... — Не знаешь, отъ чего занялось? — Отъ чего занялось-то? Занялось отъ огня, а огонь отъ меня», спокойно заявилъ онъ и вытянулъ голову къ Курганову, ожидая, что онъ скажетъ. Тотъ сразу похолодѣлъ отъ этого отвѣта, въ которомъ какъ бы сказался отзывъ самой жизни на мысли, зловѣщими намеками дразнившія его въ пути. Кургановъ опять обратился къ нему съ вопросомъ: «Такъ это ты поджогъ? — Я... Такъ, видно, Господь велѣлъ. Много я для міра радѣлъ, въ дорогахъ ходилъ, долю народную искалъ, у умныхъ людей пыталъ, гдѣ народную долю найти; а она, матушка, сидитъ себѣ въ степи на веревочной цѣпи: отвязать некому. Можетъ, огонь пережжетъ... — Слушай, — стараясь придать своему голосу строгость и внушительность, заговорилъ Кургановъ, чувствуя въ то же время бѣдную ржавчину фальши даже въ своемъ тонѣ, — тебя за такую рѣчи слѣдовало бы въ волость представить. — Прохожій пошевелился. — Ну, что жъ, бери: вотъ весь я тутъ!.. Что жъ не берешь?.. Эхъ, родненькій! Не я зажегъ, — сердце загло. Какъ уголь, оно разгорѣлось отъ крестьянскаго горя, и разбросаю я этотъ уголь искорками по крестьянскимъ деревнямъ, по чернымъ избамъ... По землѣ православной пройду.

Гдѣ ручьи слезъ пухнуть, гдѣ земля-матушка отъ надсady. какъ живая, плачетъ, гдѣ голодъ изъ-подъ стрѣхъ воробьями лищитъ, вездѣ этотъ уголекъ разбросаю... Неоткуда народу помощи ждаты... Огонь поможетъ».

Эта мрачная философія, подмѣченная художникомъ въ народной средѣ, напоминаетъ времена самосожигателей, когда доведенный до отчаянья народъ тысячами сжигалъ себя въ срубахъ, чтобы «краснымъ вѣнцомъ» завоевать себѣ мѣсто въ царствѣ Божьемъ, ибо не выходилъ себѣ мѣста въ царствѣ земномъ. Или же это житейское, въ чисто русскихъ формахъ общезитія, примѣненіе рѣшительной формулы древнихъ: quae medicamenta non sanant, ferrum sanat; quae ferrum non sanat, ignis sanat. Такъ или иначе, какую бездну отчаянія долженъ изжить человѣкъ, чтобы дойти до такой философіи? Только тамъ, гдѣ отказъ отъ всѣхъ иллюзій является единственнымъ выходомъ, гдѣ надежда молчитъ, а смерть торжествуетъ, возможно такое настроеніе. И оно грозитъ многими, не менѣе грозными послѣдствіями. Благо художнику, открывшему его намъ, и горе тѣмъ, кому эти откровенія только «мѣдъ звенящая и кимвалъ бряцающій...».

А. Б.

Душа Японіи. Японскіе романы, повѣсти, разсказы, баллады и танки. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. П. Азбелева. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. Изданіе н—ва «Оріонъ». Литература по изученію Японіи растетъ понемногу. Вслѣдъ за спеціальными изслѣдованіями ея экономической и государственной жизни начинаютъ появляться и переводы художественныхъ произведеній японской литературы, дающія возможность заглянуть въ душевный міръ этого народа. Помимо общихъ журналовъ, знакомящихъ читателей съ оригинальными произведеніями японской беллетристики, каковы, напр., романъ «Нами-ко», «Ха-Горомо», «Японскія повѣсти», печатавшіяся у насъ, издательство «Оріонъ» выпустило небольшую изящно изданную книгу «Душа Японіи», собравъ въ ней любопытные образцы японской беллетристики. Въ интересномъ предисловіи редактора г. Азбелева, одного изъ изслѣдователей Японіи, безпристрастіе и точность котораго хорошо знакомы нашимъ читателямъ изъ ряда печатавшихся у насъ статей его по Японіи, указывается на трудность изученія японской литературы для европейца не только благодаря малому вообще знакомству съ жизнью и бытомъ страны, но и особенностямъ языка и изображенію буквъ. Эта особенность—употребленіе китайскихъ знаковь, іероглифовъ, которые даютъ два чтенія—звуковое и глазами, производять двойное впечатлѣніе—слуховое и зрительное. «Поэтому для европейскаго читателя вообще,—говоритъ г. Азбелевъ,—а для русскаго, который можетъ знакомиться съ японской литературой пока лишь по-европейскимъ переводамъ и толкованіямъ ея произведеній, въ особенности, имѣютъ наибольшее значеніе не тѣ изъ послѣднихъ, которые характерны, главнымъ образомъ, со стороны стилистики, выработки языка вообще, и тому подобныхъ спеціальныхъ достоинствъ, а тѣ, которые успѣшно вводятъ читателя въ духовный міръ японца и, изображая картины государственнаго, общественнаго и семейнаго быта его, даютъ иллюстраціи этическихъ основъ его жизни».

Давъ въ обширномъ предисловіи сжатый обзоръ японской литературы, редакторъ выбралъ рядъ характерныхъ образцовъ, по которымъ читатели могутъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о всѣхъ родахъ японской изящной словесности. Впередѣ идетъ изложеніе знаменитаго историческаго романа «Сорокъ семь ронинговъ», этой японской эпопеи, пользующейся громадной популярностью и переведенной на всѣ европейскіе языки. Въ ней прославляются важнѣйшія для японца доблести—вѣрность, стойкость, презрѣніе къ смерти и любовь къ родинѣ. Эта эпопея, излагающая историческій фактъ, открываетъ европейцу многое въ душѣ японца, уясняя такіа непонятныя для насъ явленія, какъ обычай харакири, до сихъ поръ сохранившійся и имѣющій важное зна-

ченіе въ частной и общественной жизни Японіи. Далѣ помѣщены отрывки изъ повѣстей и цѣльные рассказы, въ которыхъ читатели знакомятся съ бытовой стороной японской жизни, съ взаимными отношеніями половъ, съ любовью японцевъ, ихъ художественными вкусами и т. п. Нѣкоторые очень поэтичны по содержанію, какъ, напр., «Примиреніе», въ которомъ рассказывается объ измѣнѣ мужчины, его тоскѣ и примиреніи съ возлюбленной. Отличительная черта всѣхъ этихъ повѣстей и рассказовъ простота и наивность чувствъ, напоминающія древнеклассическіе мѣфы и рассказы. Большое мѣсто занимаетъ описаніе природы, которую японскіе художники изображаютъ съ необыкновенной любовью и трогательными подробностями. Цвѣты, вѣтеръ, солнце, вѣсъ, все это описывается съ тщательностью и большимъ вкусомъ, свидѣтельствуя въ тоже время о большой роли, какую природа играетъ вообще въ жизни японцевъ. Это чуть ли не единственный народъ, у котораго существуютъ особые праздники цвѣтовъ, справляемые какъ въ императорскомъ дворцѣ, такъ и въ хижинѣ поселеннаго.

Всѣ переводы выполнены изящнымъ литературнымъ языкомъ и снабжены необходимыми примѣчаніями редакціи. Книга читается съ неослабвающимъ интересомъ, и, какъ единственный пока сборникъ образцовъ японской изящной словесности, заслуживаетъ полнаго вниманія, давая для ознакомленія съ Японіей гораздо болѣе, чѣмъ отрывочныя наблюденія разныхъ путешественниковъ, составляющихъ о Японіи представленія изъ оконъ вагона и изъ посѣщеній чайныхъ домовъ въ Нагасаки.

А. Б.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКА.

Андреевичъ, „Опытъ философіи русской литературы“.—Евг. Амичковъ. „Литературные образы и мнѣнія“.

Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы. Спб. 1905 г. Стр. XI+535. Цѣна 1 р. 20 к. Изданіе товарищества «Знаніе». Новая книга г. Андреевича, носящая столь громкое названіе, представляетъ переработку его «Очерковъ по исторіи русской литературы XIX вѣка» (См. «Міръ Божій» 1903 г. № 6). Здѣсь мы находимъ тѣ же самыя основныя идеи о характерѣ русской литературы и ту же самую схему ея историческаго развитія въ теченіе истекшаго столѣтія. «Господствующую идею нашей литературы я опредѣляю какъ абolicіонистскую, освободительную. Для меня литература—говоритъ г. Андреевичъ въ предисловіи—борьба за освобожденіе личности и личнаго начала прежде всего. Указать и опредѣлить главные моменты этого процесса—вотъ моя цѣль... Въ пестромъ разнообразіи историко-литературныхъ фактовъ я ищу господствующую идею, общій центръ притяженія. Для меня такимъ центромъ является борьба за освобожденіе личности. И общества также... Я выдѣляю борьбу съ крѣпостнымъ правомъ и официальной жизнью во имя интересовъ развитія личности. Я думаю, что это и есть та ось, вокругъ которой «вертятся» у насъ литературныя явленія XIX вѣка... Преувеличить значенія крѣпостнаго права нельзя. Едва ли достанетъ у кого-нибудь силъ, чтобы охватить его истинныя размѣры. Борьба съ нимъ—это тѣ дрожжи, на которыхъ возшла или, вѣрнѣе, только всходитъ мысль новой Россіи. Я слѣжу такимъ образомъ въ своей книгѣ за развитіемъ идеи свободы и освобожденной (освобождающейся?) личности... Я говорю въ ней о томъ, какъ литературная личность стремилась къ свободному самоопредѣленію, какія препятствія встрѣчала она на своемъ пути, какъ боролась она съ обезцвѣчивающимъ и нивелирующимъ вліяніемъ государства, защищая свое достоинство, честь, творчество и инициативу» (сс. V—X. Курсивъ г. Андреевича).

Такова задача, преслѣдуемая авторомъ въ новой его книгѣ. Правда, изъ приведенныхъ заявленій не особенно ясно, что характернѣе для русской литературы: борьба за освобожденіе личности или борьба за освобожденіе народа. Это сомнѣніе не разрѣшается и въ первой главѣ «Опыта», трактующей спеціально объ особенномъ характерѣ русской литературы. И тамъ мы находимъ, съ одной стороны, вполнѣ вѣрное заявленіе, что борьба съ крѣпостнымъ правомъ представляетъ собою «лишь частный случай и частное проявленіе» борьбы за освобожденіе личности, а съ другой — не менѣе рѣшительное утвержденіе, что «основная задача нашей литературы—борьба съ крѣпостнымъ правомъ». Не ясно также, что, по мнѣнію г. Андреевича, раньше началось въ русской литературѣ: борьба съ крѣпостнымъ правомъ или борьба за свободу личности. Сначала говорится, что «начавъ съ отрицанія крѣпостного права... мы перешли... къ проповѣди освобожденія личности отъ всякой кабалы» (с. 4). Дальше заявляется, что борьба съ крѣпостничествомъ «готовила орудія, аргументы, выковывала начала для борьбы за свободную личность вообще» (с. 15). А еще дальше совершенно неожиданно послѣ приведенныхъ словъ сказано: «заглядывая впередъ на литературную жизнь нашей освободительной идеи, мы видимъ, что первымъ шагомъ ея было отдѣленіе личности отъ государства, или, проще, пробужденіе личнаго самосознанія» (с. 25). Но подобнаго рода неясности и противорѣчія — обычное явленіе въ торопливо написанныхъ книгахъ г. Андреевича.

Что касается схемы развитія русской литературы, то она представляется у г. Андреевича въ такомъ видѣ: съ Запада мы усвоили идею свободной личности и свободной общечеловѣчности. На русской почвѣ, подъ вліяніемъ «общинно-земледѣльческаго мышленія», освободительная идея приняла форму народолюбія, столь характернаго для западниковъ и славянофиловъ сороковыхъ годовъ. Народолюбіе же «дворянскаго періода» русской литературы подъ вліяніемъ «нигилизма» шестидесятыхъ годовъ переродилось въ «народничество» семидесятниковъ. Эта литература «кающагося дворянина» сказала свое послѣднее слово устами Льва Толстого, который «подвелъ итоги... пережитаго нами общинно-земледѣльческаго періода». Съ девяностыхъ годовъ начинается новый періодъ русской литературы, отмѣченной господствомъ индивидуализма и марксизма, который «идею и культъ мужаика замѣнилъ идеей и культомъ пролетарія». Наиболее характерное явленіе этого періода — «пролетарскій романтизмъ Горькаго», который «сказалъ первое настоящее слово».

Приведенная марксистская схема развитія русской литературы далеко не охватываетъ всѣхъ выдающихся ея явленій, и самъ г. Андреевичъ хорошо это понимаетъ, когда предвидитъ возраженіе, что «вытягивать все разнообразіе литературныхъ явленій въ одну линію и сводить ихъ къ одному центру незаконно».

Представляя переработку «Очерковъ», новая книга г. Андреевича выгодно отличается отъ нихъ болѣе спокойнымъ и приличнымъ тономъ и меньшимъ обиліемъ противорѣчій, парадоксовъ и даже фактическихъ ошибокъ. Къ сожалѣнію, и въ «Опытѣ» недостатковъ подобнаго рода очень много. Ограничусь двумя наиболее характерными примѣрами, показывающими, въ какое непріятное положеніе попадаетъ иногда г. Андреевичъ вслѣдствіе своей торопливости, небрежности и неосмотрительности. На стр. 276-й говорится, что «люди 60-хъ годовъ поздравляли себя въ тотъ день, когда... Пастеръ доказалъ невозможность самозарожденія организмовъ». И тутъ же упоминается, что «нигилисты» 60-хъ годовъ проповѣдывали матеріализмъ, который «уничтожаетъ различіе между органическимъ и неорганическимъ міромъ, между человѣкомъ и животнымъ, душой и тѣломъ». Какъ же матеріалисты могли радоваться опытамъ Пастера, который опровергъ одинъ изъ догматовъ матеріализма? И дѣйстви-

тельно, матеріалисты въ Россіи и за границей не радовались, а грустили надъ Пастеромъ. Неужели г. Андреевичъ забылъ статью Писарева: «Подвиги европейскихъ авторитетовъ»? Не менѣе курьезная исторія произошла и со статьей Льва Толстого о народномъ образованіи, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1874 года. Въ этой статьѣ, какъ извѣстно, разматриваются только вопросы, чему и какъ учить въ народныхъ школахъ и какія школы нужны для народа. А г. Андреевичъ усматриваетъ въ этой статьѣ разныя «опрощающія» мысли, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ. И случилось это очень просто: статью Толстого г. Андреевичъ не читалъ, а прочиталъ статьи Михайловскаго «Десница и шуйца Льва Толстого» и извлекъ оттуда нужныя ему цитаты, упустивъ изъ виду, что эти цитаты и мысли взяты Михайловскимъ не изъ статьи 1874 года, а изъ статей «Ясной Поляны» 1862 года. Кромѣ фактической ошибки, въ данномъ случаѣ получилось еще, въ угоду схемѣ, и невѣрное приуроченіе «опрощающихъ» идей Толстого къ семидесятымъ годамъ.

Не останавливаясь на другихъ примѣрахъ, можно указать въ книгѣ г. Андреевича даже «гимназическія» ошибки. Такъ, Пушкинъ у него похороненъ въ селѣ Михайловскомъ (стр. VI), сатиры Кантемира отнесены ко времени Петра Великаго, «Завѣщаніе» Посошкова приписано Татищеву (стр. 69) и др. Во всякомъ случаѣ, новая книга г. Андреевича заслуживаетъ вниманія, какъ попытка прослѣдить въ русской литературѣ развитіе освободительной идеи. Въ книгѣ много хорошихъ цитатъ и отдѣльныхъ мыслей и соображеній, съ которыми не всегда можно согласиться, но которыя всегда отличаются боевымъ характеромъ и продиктованы рѣзко-отрицательнымъ отношеніемъ къ современному строю нашей жизни.

С. Ашевскій.

Евгеній Аничковъ. Литературные образы и мнѣнія. Спб. Мы нѣсколько промедлили дать отзывъ о книгѣ г. Аничкова. Въ ней, кромѣ трехъ-четырехъ журнальныхъ статей объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Максима Горькаго, Леонида Андреева и разсказовъ «Знанія» (обзоръ доведенъ до 1904 г.), напечатаны впервые—вводная статья теоретическаго характера: «Эстетика правды-справедливости» и этюдъ «О поэтахъ Скорпіона». Первая статья представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что авторъ пытается выяснитъ современныя требованія отъ художественнаго произведенія въ противоположность взглядамъ, господствовавшимъ лѣтъ 20—25 тому назадъ. Новая эстетика освободилась отъ подчиненности морали и, вообще, отъ какой-либо предвзятости. Соответственно и критика теперь не вправѣ обходить вопросы чистаго искусства, которое, по выраженію автора,—«подготовило мѣсть за (прежнее) презрѣніе къ своимъ тайнымъ думамъ, къ своимъ потребностямъ и надеждамъ. Оно заставило критиковъ совершенно неожиданно писать о себѣ самомъ, а не только по поводу себя». Приемъ писать «по поводу», какъ извѣстно, введенъ былъ у насъ Бѣлинскимъ. Но авторъ не восходитъ такъ далеко въ изученіи генезиса «эстетики правды-справедливости», которая, по сущности, сводится къ подчиненію художественной критики задачамъ публицистики. Г. Аничковъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду Н. К. Михайловскаго, какъ критика, который, впрочемъ, не разъ отрекался отъ званія художественнаго критика въ точномъ смыслѣ слова, и автору надлежало бы это помнить. Онъ долженъ былъ бы припомнить и внѣшнія обстоятельства, въ силу которыхъ область критики приняла у насъ особый характеръ не по отвлеченнымъ мотивамъ, а потому, что давала возможность высказываться тамъ, гдѣ всѣ пути къ непосредственному изложенію своихъ взглядовъ были заказаны. Многіе у насъ стали въ буквальный смыслъ «критиками поневолѣ». Г. Аничковъ, между тѣмъ, выражаетъ неудовольствіе по поводу того, что критикой овладѣли люди «разныхъ профессій»—адвокаты, врачи, статистики, инженеры и т. д. Въ концѣ концовъ, по его замѣчанію,—публика просто перестала руководствоваться критикой.

чешкой мудростью... взяла въ руки посохъ и пошла безъ провожатаго». И это привело ее къ созерцанію чистой красоты... Думаемъ, что историческій ходъ событій былъ нѣсколько иной. Поворотъ въ пользу самостоятельнаго значенія искусства несомнѣненъ и свидѣлствуетъ о нѣкоторомъ подъѣмѣ нашего культурнаго развитія за послѣднюю четверть вѣка. Если въ обществѣ перестали прислушиваться къ перепѣвамъ старинныхъ взглядовъ, то потому-то всякіе перепѣвы и, вообще говоря, врядъ ли кого могутъ привлечь. И затѣмъ все же произошла нѣкоторая дифференціація въ области мышленія, и «утилитаризмъ» не оказываетъ уже такого рѣшительнаго давленія на всѣ проявленія свободнаго духа. Внѣшнія обстоятельства у насъ во многомъ остались прежнія, но измѣнилась форма борьбы, и человекъ самъ по себѣ окрѣпъ. Индивидуальное самосознаніе развитой личности не можетъ мириться съ шорами и помочами, которыя были умѣстны при первыхъ попыткахъ встать на ноги. Г. Аничковъ затронулъ очень важный и сложный вопросъ—какъ и въ чемъ совершился переломъ въ міропониманіи нашего общества за послѣднюю четверть вѣка, выразившійся, между прочимъ, и въ измѣненіи эстетическихъ взглядовъ. Объ этомъ можно было бы написать цѣлую книгу. Авторъ не далъ рѣшенія вопроса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщивъ своему разсужденію слিশкомъ отвлеченный характеръ, онъ заслоняетъ ясность изложенія даже простой мысли разными фіоритурами, порой натяжками въ построеніяхъ и изобиліемъ именъ въ перемежку. Отъ Канта, Шиллера, Фейербаха и Гегеля мы переходимъ не только къ Добролюбову, Чернышевскому и Михайловскому, но попутно выскакиваютъ по совершенно случайному поводу гг. Гуковскій, Гриневичъ, Горнфельдъ; на одной страницѣ въ абзацѣ изъ 20 строкъ мы наталкиваемся на Шекспира (Гамлетъ), Гюйо, Льва Толстого, Рибо и Пшебышевскаго... Переименованы едва ли не всѣ наши писатели за послѣднюю четверть вѣка, а изъ старыхъ упомянуты даже Сумароковъ и Державинъ. И все это на 60-ти страничкахъ небольшого формата. Такая пестрота цитатъ отнюдь не содѣйствуетъ ясности изложенія. Въ итогѣ авторъ приходитъ къ выводу, что «жизненное назначеніе искусства сводится лишь къ мыслямъ о жизни». Такъ разрѣшается имъ вопросъ объ отношеніяхъ поэзіи и дѣйствительности, нѣкогда поднятый у насъ Чернышевскимъ. Искусство не ниже и не выше жизни—это отдѣльная чисто-интеллектуальная область. Противъ такого пониманія искусства мы отнюдь не возражаемъ, такъ какъ, безъ всякаго сомнѣнія, искусство ничѣмъ инымъ и быть не можетъ даже для тѣхъ, которые всецѣло отдаются ему. Но выборъ остается. Интеллектуальная жизнь есть тоже жизнь, и врядъ ли правъ авторъ, настаивая на роковой разобщенности искусства и жизни, при чемъ въ служеніи искусству онъ усматриваетъ какъ бы *замѣну* жизни дѣйствій и поступковъ «порывами искусства». Эти «порывы» также естественны и произвольны, какъ дѣйствія и поступки для людей активной жизни. Вопросъ темперамента, а также историческаго момента, которому приходится порой подчинять темпераментъ. Авторъ, отставившій раньше самоцѣнность произведеній искусства, подъ конецъ возвращается къ девизамъ «эстетики правды-справедливости» и заканчиваетъ статью слѣдующимъ горячимъ призывомъ къ жизни: «Эстетика правды-справедливости, вѣдь, такъ пышно раскрыла поэзію самой жизни, этой безудержной, порывистой и могучей жизни, вѣчно несущей дальше и дальше, въ бурѣ и грозѣ поступковъ и дѣяній, столкновеній и согласій, жизни неразгаданной и неумолимой, жизни сильной, непреклонной, упорительной и ужасающей»... Могъ ли бы авторъ, безъ помощи искусства, вызвать передъ собой такую картину жизни и съ такой интенсивностью ощущать ее? Можетъ ли онъ отрицать вліяніе искусства на повышение настроенія и его свойство представлять въ томъ или иномъ объемѣ синтезъ жизни? А если такъ, то абсолютной разобщенности между искусствомъ и жизнью нѣтъ и не

должно быть, хотя бы они представлялись проявленіемъ въ разныхъ плоскостяхъ дѣятельности человѣка. Ө. Б.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ:

„Планъ. государственнаго преобразованія графа М. М. Сперанскаго“. — П. Г. Мижуевъ. „Крестыанское царство (Канада)“.

Планъ государственнаго преобразованія графа М. М. Сперанскаго. Изданіе «Русской Мысли». М. 1905, in 8-vo. Стр. VI+360. Ц. 1 руб. Редакція журнала «Русская Мысль», отъ времени до времени испытывающая свои силы на издательскомъ поприщѣ, недавно выпустила въ свѣтъ книгу, которую надлежитъ признать весьма цѣннымъ пособіемъ для занимающихся русскою исторіей XIX вѣка. Въ книгѣ, во-первыхъ, перепечатаны изъ X и XI томовъ «Историческаго Обзорнія» двѣ работы Сперанскаго: «Записка объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учреждений въ Россіи», 1803 г., и «Введеніе къ изложенію государственныхъ законовъ (планъ всеобщаго государственнаго образованія)», 1809 г. Ради перепечатки этой послѣдней работы, составляющей гвоздь всего изученія эпохи Сперанскаго, и затѣяно самое изданіе. Во-вторыхъ, изъ «Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній» Н. В. Калачова перепечатаны статья Сперанскаго «О государственныхъ установленіяхъ» и записка «О крѣпостныхъ людяхъ»; обѣ относятся къ концу 20-хъ годовъ, обѣ характерны для выясненія историческихъ взглядовъ государственнаго дѣльца въ Россіи начала прошлаго столѣтія. Съ редакціонной точки зрѣнія представляется совершенно непонятнымъ, почему, помѣщая въ изданіи записку «О крѣпостныхъ людяхъ», отказались отъ перепечатки изъ того же «Архива» статьи «Историческое обзорніе измѣненій въ правѣ поземельной собственности и въ состояніи крестьянъ»? Держа въ рукахъ разбираемое изданіе, читателю все-таки приходится заглядывать и въ «Архивъ». Наконецъ, читаемъ «пермское письмо Сперанскаго къ императору Александру I» (стр. 326—360), перепечатанное изъ журнала «Русскій Архивъ» 1892 г. Таково содержаніе книги, обращающей на себя вниманіе также по моменту, который былъ избранъ для ея появленія въ свѣтъ, отчасти въ нѣсколько щеголеватомъ по шрифту видѣ. Въ небольшомъ предисловіи, конечно, ничего не говорится о моментѣ, замѣчено только, что «задача книги—дать доступное пособіе для изученія одного изъ самыхъ любопытныхъ документовъ нашей исторіи — *Плана всеобщаго государственнаго образованія* Сперанскаго, изложеннаго въ его Введеніи къ изложенію *государственныхъ законовъ*». Общественный интересъ документа не подлежитъ сомнѣнію, его перечитаютъ не одни только занимающіеся, какъ принято у насъ выражаться, русскою исторіей, но и всѣ тѣ, кто задумывается теперь надъ «общими вопросами»; не вредно перечитать его и тѣмъ, кто, сидя надъ разработкой этихъ вопросовъ, все напряженіе своего ума прилагаетъ къ наиболѣе ловкой, наиболѣе продуманной фальсификаціи ихъ разрѣшенія. Сперанскій знаетъ такую фальсификацію: она, по его словамъ, «имѣетъ только видъ закона», «подъ предлогомъ единства державной власти вводитъ совершенное самовластіе», издалека готовитъ сама себѣ прекращеніе» и, съ нѣкоторою ядовитостію прибавляетъ авторъ (стр. 34), «можетъ быть оправдана въ народѣ своевольнымъ, непостояннымъ, преклонномъ ко всѣмъ новымъ умствованіямъ и особливо тогда, какъ народъ сей выходитъ изъ анархіи съ превратными привычками». При господствѣ такой фальсификаціи, «всѣ установленія,—по словамъ Сперанскаго, —такъ должны быть соображены, чтобы они въ мнѣніи народномъ казались

дѣйствующими, но никогда не дѣйствовали бы на самомъ дѣлѣ». Авторъ писалъ эти замѣчанія не для борьбы съ доморощенными политиками, которые тогда не доросли еще даже до фальсификаціи, а потому, что передъ его глазами мелькалъ такой типъ фальсификаціи законности и порядка въ лицѣ наполеоновской Франціи, на что онъ самъ намекаетъ въ одномъ изъ примѣчаній. Авторъ находилъ въ странѣ «всеобщее недовольствіе», «преклонность къ горестнымъ изъясненіямъ всего настоящаго». Чѣмъ объяснить такое состояніе русскаго общества въ началѣ прошлаго вѣка? Сперанскій объясняетъ его «совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но сильнымъ желаніемъ другого вещей порядка», онъ утверждаетъ, что «настоящая система правленія несвойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа, и что настало время переимѣнить ее и основать новый вещей порядокъ», что «образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія», что въ обществѣ царитъ «общее выраженіе пресыщенія и скуки отъ настоящаго вещей порядка»... Сперанскій не допускаетъ мысли о возможности какихъ-либо «частныхъ исправленій», какихъ-либо «пристроекъ» къ обветшавшей до корня системѣ, только коренная реформа должна «правленіе поставити въ учредити на непремѣняемомъ законѣ». Сперанскій 1809 года великъ въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ системѣ его эпохи, и съ этой стороны онъ никогда не былъ достаточно сильно оцѣненъ; ошибка Сперанскаго въ оцѣнѣ общаго недовольства велика и сильна, и онъ скоро имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться; критическая часть его «Введенія» не могла написаться безнаказанно въ эпоху, когда медленно и вѣрно готовилась аракеевщина. Если въ литературѣ такъ долго представлялось таинственнымъ паденіе Сперанскаго, то подобное представленіе было результатомъ нѣкотораго историко-политическаго недомыслія, или попросту незнакомства съ «Введеніемъ». Государственный дѣятель, категорически и до корня осудившій всю систему почти за полстолѣтіе до крестьянскаго освобожденія, безповоротнo тѣмъ обрѣзалъ себя на гибель; удивительно не то, что онъ палъ, а то, что паденіе его нѣсколько затормозилось, что понадобилась обстановка и столь бѣлыми нитками сшитая клевета «о связяхъ съ Франціей», съ той наполеоновской Франціей, которая была такъ оттрепана во «Введеніи». Борьба съ системой заставила объединиться всѣхъ, кто жилъ за ея счетъ; у противника системы подъ ногами не было никакой общественной почвы и не могло быть. Ныть и недовольничать не значить хотѣть дѣйствовать; питать отъ каждаго излишне уплаченнаго пятака въ пользу государства вовсе не значить обладать всей высотой благородства политической мысли, а по общему складу русскаго прошлаго всегда было такъ трудно отличить дутаго либерала отъ прохвоста, общественнаго пріятели отъ врага. Если Сперанскій уже не тотъ въ своемъ пермскомъ письмѣ, то онъ недаромъ говорить, что «жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціей, бывъ поддержано эпохою моего удаленія, составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, *единственное пятно* моего въ народѣ обвиненія». Нелѣпое само по себѣ, оно теперь казалось выгоднымъ по своей несерьезности, ибо отводило на задній планъ главное: рѣзкую критику системы, попытку радикальной борьбы съ этой системой. «Огъ чего, спросять, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Огъ того, что сіи разныя лица,—пишетъ Сперанскій (стр. 353),—составляли одно тѣло, а душа сего тѣла была тотъ самый, кто всему казался, и теперь кажется, постороннимъ». Для историка цѣненъ этотъ основной выводъ Сперанскаго о томъ, что вся система никуда не годится, что поправки невозможны, что нужна коренная ломка. Положительная сторона «Введенія» Сперанскаго гораздо слабѣе, ея общественный интересъ, конечно, ниже, поскольку она вовсе не была отголоскомъ современныхъ ей общественныхъ настроеній. Высокій порывъ къ иному поли-

тическому идеалу въ конструктивной части «Введенія» долженъ былъ идти на уступки въ обстановкѣ крѣпостной Россіи и для нынѣшняго читателя можетъ представлять во многихъ случаяхъ интересъ чисто отрицательный. Такъ, по проекту Сперанскаго право выборовъ (активнаго и пассивнаго) принадлежитъ только тѣмъ у кого есть недвижимая собственность. Легко себѣ представить во что превратилась бы «государственная дума» Сперанскаго, составленная преимущественно изъ душевладѣльцевъ! Не менѣе легко вообразить себѣ и его «въ четырехъ степеняхъ силы государственныя», т.-е. думы волостная, окружная, губернская и, наконецъ, государственная (и притомъ при наличности еще государственнаго совѣта). Сперанскій не даетъ намъ въ своемъ проектѣ правильныхъ отвѣтовъ ни на вопросъ объ источникѣ верховной и всякой другой власти въ странѣ, ни также на вопросъ объ основныхъ неотъемлемыхъ, прирожденныхъ правахъ личности, коихъ не можетъ отнять никакая дума.

В. Сторожевъ.

П. Г. Мижуевъ. «Крестыанское царство». Очеркъ исторіи и современнаго состоянія Канады. Спб. 1905 г. Цѣна 75 к. Читая интересную книгу г. Мижуева, мысленно переношися въ счастливую колонію Великобританіи, гдѣ подавляющее большинство населенія состоитъ изъ зажиточныхъ фермеровъ, промышленный рабочій получаетъ въ среднемъ 500 р. въ годъ, гдѣ среди мѣстныхъ уроженцевъ нѣтъ совсѣмъ безграмотныхъ и коэффициентъ смертности достигаетъ всего 1,4⁰/. Канада можетъ служить яркимъ примѣромъ того поразительнаго преуспѣянія, какого можетъ достигнуть трудолюбивое населеніе при освобожденіи его отъ разнообразныхъ общественно-правовыхъ нуждъ. Конечно, природныя богатства и отсутствіе излишковъ населенія являются фундаментомъ, на которомъ зиждется это общее благополучіе, но и богатый дѣвственный край при иныхъ социальныхъ условіяхъ могъ бы представлять собой «мерзость запустѣнія». Такой выводъ самъ собою напрашивается у читателя «Крестыанскаго царства», когда онъ сравниваетъ французскую колоніальную политику съ англійской въ одной и той же странѣ. Подъ французскимъ владычествомъ Канада прогрессировала слабо, и не удивительно: французы употребляли всѣ усилія къ пересадкѣ устоевъ «старого режима» — помѣстнаго дворянства, духовенства, развратной и продажной администраціи. «О томъ, каковы были нравы чиновничества въ Канадѣ передъ крушеніемъ французской колоніальной Имперіи въ Америкѣ, можно судить уже по одному тому факту, что вернушемуся изъ Канады послѣднему ея интенданту Биго пришлось возратить въ казну 12.000.000 фр., нагребленныхъ во время службы» (с. 20). Этимъ и объясняется тотъ поразительный фактъ, что нынѣшніе потомки французскихъ колонистовъ ничуть не менѣе англійскихъ выходцевъ стоятъ за свою метрополію. Англичане, наученные горькимъ опытомъ съ Сѣв. Ам. Штатами, совершенно измѣнили практиковавшуюся дотошъ тактику по отношенію къ колоніямъ: въ 1840 г. метрополіа даетъ Канадѣ широкое самоуправленіе, 1867 г. окончательно объединяетъ различныя части этой колоніи и вводитъ федеральную конституцію. Въ результатъ «Канада представляетъ собою de facto демократическую федеральную республику, состоящую изъ демократическихъ республикъ, каждая изъ которыхъ пользуется довольно широкими правами самоуправленія, хотя, впрочемъ, не столь значительными, какими располагаютъ штаты, входящіе въ составъ сосѣдней Американской республики» (с. 76). Конституція Канады — болѣе демократична, чѣмъ въ метрополіи: основной ея является всеобщее избирательное право; правда, мы встрѣчаемъ здѣсь и сенатъ, члены котораго назначаются губернаторами. Но эти губернаторы отнюдь не присланные изъ Англіи администраторы, а мѣстные жители, назначаемые генералъ-губернаторомъ; послѣдній же въ этомъ случаѣ слѣдуетъ «составу кабинета министровъ».

Книга написана очень живо и легко читается; во многих мѣстахъ авторъ очень умѣстно проводитъ параллели съ нашими «россійскими» условіями; для полной объективности изложенія недостаетъ только изображенія тѣхъ темныхъ сторонъ канадской жизни, которыя, безъ сомнѣнія, въ ней имѣются. Авторъ, напр., упоминаетъ о наличности прогрессивныхъ и консервативныхъ элементовъ въ канадскомъ обществѣ; было бы весьма желательно, чтобы во второмъ изданіи своей книжки, потребность въ которомъ—мы увѣрены—должна будетъ скоро явиться, г. Мижуевъ обрисовалъ стремленія различныхъ партій, усматриваемые ими дефекты и мѣры ихъ устраненія. Само собою понятно, что и въ современномъ состояніи условія жизни Канады кажутся намъ, русскимъ, недостижимымъ идеаломъ какъ въ политической, такъ и экономической области. Не можемъ въ заключеніе не привести одной маленькой подробности изъ книги г. Мижуева, показывающей, какъ въ этомъ своеобразномъ крестьянскомъ царствѣ оцѣнивается трудъ самаго важнаго интеллигента—работника—народнаго учителя: среднее жалованье учителей начальныхъ школъ въ провинціи Онтарио—800 р., учительницъ—600, а болѣе старые учителя съ высшими дипломами получаютъ до 3.000 р. въ годъ.

М. Бернацкій.

СОЦІОЛОГІЯ И ФИНАНСЫ.

Oscar Wettstein. „Ueber das Verhältniss zwischen Staat und Presse“.—„Ежегодникъ Министерства Финансовъ“.

Dr. jur. Oscar Wettstein. Ueber das Verhältniss zwischen Staat und Presse mit besonderer Berücksichtigung der Schweiz. Ein Beitrag zur Lehre von der Pressfreiheit. Zurich, 1904. Господствующіе въ настоящее время толки о необходимости измѣненія нашего законодательства о печати заставили насъ обратить вниманіе на вышеназванную работу цюрихскаго приватъ-доцента журналистики *) Оскара Ветштейна.

Согласно господствующему въ западной юридической литературѣ мнѣнію, свобода печати есть ничто иное, какъ право свободно выражать свои мысли въ печати въ предѣлахъ существующаго правового порядка. Господствующее ученіе противопоставляетъ, слѣдовательно, индивидуума, какъ носителя субъективнаго права на свободу печати, данному правовому порядку и хочетъ основать на этомъ положеніи уголовно правовую отвѣтственность. Но съ такимъ индивидуальнымъ опредѣленіемъ свободы печати не согласуется принятое въ большинствѣ государствъ (Rechtsstaaten) регулированіе отвѣтственности за преступленія печати. Если свобода печати есть ничто иное, какъ субъективное право, то отсюда слѣдуетъ необходимо, что каждый отвѣтственъ только за тѣ нарушенія правопорядка, которыя онъ лично совершилъ при выраженіи своихъ мыслей въ печати. Правовой логикѣ совершенно противорѣчитъ наказаніе лица за преступленіе, которое онъ (въ криминалистическомъ смыслѣ) не совершилъ, и оправданіе съ другой стороны дѣйствительно совершившаго преступленіе, потому что другой перенялъ за него отвѣтственность. А между тѣмъ, современные законы о печати, почти безъ исключенія, содержатъ въ томъ или другомъ видѣ подобное перенесеніе уголовно-правовой отвѣтственности.

Авторъ указываетъ на многочисленныя попытки примирить это противо-

*) Съ 1903 г. при факультетѣ государственныхъ наукъ цюрихскаго университета открылась кафедра журналистики, первымъ доцентомъ которой состоитъ г. Ветштейнъ.

рѣше, что не удалось, однако, и наиболѣе выдающимися юристамъ, какъ Liszt, Löning, Wegner и др. По мнѣнію автора, всѣмъ этимъ теоріямъ присуща та общая ошибка, что онѣ разсматриваютъ этотъ вопросъ съ исключеніемъ криминалистической точки зрѣнія и на индивидуальной отвѣтственности настаиваютъ только, какъ на дополненіи къ индивидуальному праву на свободу печати. Онѣ принимаютъ, далѣе во вниманіе только столкновенія между личнымъ правопричитзаніемъ и правовымъ порядкомъ, конституціонную же сторону вопроса выпускаютъ совсѣмъ изъ виду, хотя институтъ отвѣтственности редакторовъ достаточно ясно указываетъ именно на эту сторону вопроса. Для рѣшенія этихъ противорѣчій, говоритъ авторъ, необходимо уяснить себѣ является ли свобода печати только индивидуальнымъ правомъ или особымъ институтомъ публичнаго права, требующаго особаго разсмотрѣнія и тѣмъ самымъ особаго уголовно-карательнаго режима.

Ища отвѣта на поставленный имъ вопросъ, авторъ дѣлаетъ, между прочимъ, историческій обзоръ положенія печати до нашего времени. Античный міръ не знаетъ совершенно общественнаго мнѣнія въ современномъ смыслѣ слова. Государство среднихъ вѣковъ, покоившееся не на народной волѣ, а на личной власти правителя, на абсолютизмѣ единой личности или господствующаго класса, становится при первомъ же появленіи прессы, какъ органа общественнаго мнѣнія, въ ярую оппозицію къ ней. Мы видимъ слѣды цензуры еще въ тѣ времена, когда существуютъ только писанныя книги и газеты. Въ XV и XVI вв. цензура является могущественнымъ орудіемъ борьбы въ рукахъ церковныхъ и свѣтскихъ владыкъ. То слабѣя, то снова ожесточаясь, эта борьба между представителями государственной власти и органомъ общественнаго мнѣнія ведется на западѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Необходимость союза этихъ двухъ силъ, вмѣсто разрушительной и гибельной борьбы между ними, сознала раньше другихъ государствъ Англія, гдѣ цензура отмѣняется еще въ концѣ XVII вѣка. Во Франціи, Наполеонъ, появивъ всю могущественную силу прессы, начинаетъ съ того, что вводитъ самыя строгія мѣры репрессаліи противъ нея, и кончаетъ сознаніемъ, что «уничтоженіе свободы печати въ конституціонномъ государствѣ было бы гибельнымъ анахронизмомъ, положительнымъ безуміемъ». Позднѣе другихъ государствъ на эту стезю выступаетъ Германія, достигая лишь въ половинѣ XIX в. свободы печати. Наиболѣе отсталыми въ этомъ отношеніи являются Россія и Австрія.

Итакъ современное конституціонное государство, нуждаясь въ свободѣ общественнаго мнѣнія, чтобы не чувствовать пропасти между собой и народомъ, должно было признать свободу печати существенной составной частью самого себя. «Свобода печати является поѣтому прежде всего не столько отношеніемъ между государствомъ и индивидуумомъ, сколько между государствомъ и общественнымъ мнѣніемъ; это понятіе не исчерпывается «въ субъективномъ правѣ свободы выраженія мыслей», оно является исторически сложившимся и основными государственными законами установленнымъ правомъ народа выражать свое политическое сгredo посредствомъ органа, не являющагося одновременно, какъ парламентъ, волевымъ органомъ государства.

Но если современное государство признаетъ съ одной стороны свободу печати существенной частью самого себя, то на немъ же лежитъ, съ другой стороны, обязанность охранять правовой порядокъ, создателемъ и защитникомъ котораго оно является, отъ преступныхъ злоупотребленій печати. Тутъ возникаетъ вопросъ, кто собственно долженъ отвѣчать за преступленія печати и какъ ихъ преслѣдовать?

Авторъ подраздѣляетъ преступленія печати на 2 группы: на такія, которыя нарушаютъ государственные интересы, и такія, которыя вредятъ частнымъ интересамъ. Исходя изъ конституціонной природы свободы печати, онъ нахо-

дѣтъ, что перваго рода преступленія печати, политическія (государственная измѣна, опубликованіе государственныхъ тайнъ, оскорбленіе государственныхъ людей и даже частныхъ людей, поскольку при этомъ задѣты и государственные интересы и т. д.) должны подвергаться особому уголовноправовому режиму, преступленія же противъ частныхъ лицъ, не задѣвающихъ никакихъ государственныхъ интересовъ, подпадаютъ подъ обычныя нормы уголовного права, т.-е. наказанію подвергаются всѣ причастныя къ нему лица, будь то въ качествѣ подстрекателя, свершителя преступленія или соучастника его, если только доказана умышленная или даже неумышленная преступность ихъ. Рѣшеніе вопроса относительно того, задѣтъ ли въ каждомъ данномъ случаѣ государственный интересъ или нѣтъ, должно предоставить суду. Мы, однако, не можемъ согласиться съ высказываемымъ авторомъ мнѣніемъ относительно того, что судебное отличіе государственныхъ преступленій печати отъ частныхъ не представляло бы на практикѣ *ни малѣйшихъ затрудненій*, не можемъ присоединиться въ силу этого и къ сдѣланному имъ отсюда выводу, что мѣра эта не была еще нигдѣ проведена *только* вслѣдствіе господствующаго односторонняго взгляда на свободу печати, какъ на исключительно индивидуальное право, проявленіе котораго требуетъ равномѣрнаго обсужденія.

Изложенное авторомъ въ первой части книги отношеніе между государствомъ и прессой, онъ резюмируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Печать является главнымъ органомъ общественнаго мнѣнія, пользующимся въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ полной свободой выраженія, такъ какъ государство признало его существеннымъ элементомъ самого себя.

2. Это право публичнаго выраженія мнѣнія есть право всего народа, и только въ силу этого есть и субъективное право. Отсюда слѣдуетъ, что анонимность печати не есть ничто случайное и искусственное, а является естественной формой проявленія общественнаго мнѣнія.

3. Для сохраненія правового порядка государство нуждается въ отвѣтственномъ представителѣ общественнаго мнѣнія; оно находитъ его въ «отвѣтственномъ редакторѣ».

4. Отвѣтственный редакторъ является органомъ самоуправленія: по отношенію къ государству у него только отрицательныя обязанности уголовно-правовой отвѣтственности, но онъ не обязанъ служить ему добровольнымъ центромъ.

5. Редакторъ вправѣ взять на себя отвѣтственность за преступленія печати. Называя виновника преступленія, онъ освобождаетъ себя отъ преслѣдованія, если только не доказано его прямое участіе въ преступленіи. Взятіе имъ на себя отвѣтственности исключаетъ возможность дальнѣйшихъ принудительныхъ мѣръ къ изысканію дѣйствительнаго виновника.

6. Это особое регулированіе отвѣтственности относится только къ затрагивающимъ государственныя интересы преступленіямъ печати.

Вторая часть труда посвящена исторіи отношеній между государствомъ и прессой въ Швейцаріи.

Таково въ краткихъ словахъ содержаніе книги д-ра Ветштейна. Красной нитью черезъ весь трудъ проходитъ мысль о невозможности существованія современнаго правового государства безъ свободы печати. Очень интересна также критика дѣйствующихъ теперь системъ законодательнаго регулированія отвѣтственности печати.

Ф. Гольдштейнъ.

Ежегодникъ Министерства Финансовъ. Выпускъ 1904 г., С.-Петербургъ, 1905 г., цѣна 5 р. съ пересылкой. Какъ справочная книга, «Ежег. Мин. Фин.» представляетъ нѣкоторый интересъ для лицъ, спеціально занимающихся изученіемъ финансовыхъ вопросовъ. Но какъ все, носящее печать канцеляр-

скаго творчества, свѣдѣнія, собранныя въ этой книгѣ, очень далеки отъ связи съ текущей дѣйствительностью и не даютъ матеріала для оцѣнки современнаго финансоваго положенія. Ихъ можно назвать, по справедливости, архивно-справочнымъ матеріаломъ. Въ самомъ дѣлѣ, настоящая книга выпущена въ свѣтъ въ маѣ 1905 г., между тѣмъ въ ней не отпечатана государственная роспись на 1905 г., появившаяся въ свѣтъ 1-го января этого года, а также нѣтъ и отчета государственнаго контролера объ исполненіи государственной росписи за 1903 г., который напечатанъ въ концѣ 1904 года. Первое обстоятельство можно было бы, пожалуй, объяснить тѣмъ, что настоящій выпускъ посвященъ исключительно финансовымъ свѣдѣніямъ, касающимся 1904 г., и что, по канцелярскимъ соображеніямъ, было бы неловко и неумѣстно забѣгать въ такой книгѣ впередъ, сообщать свѣдѣнія о 1905 г. Да будетъ такъ! Но бѣда въ томъ, что съ этой точки зрѣнія совсѣмъ уже непонятно умолчаніе о контрольных свѣдѣніяхъ по исполненію государственной росписи за 1903 г. и помѣщеніе въ «Ежегодники» запоздалыхъ свѣдѣній объ исполненіи государственной росписи за 1902 годъ. Извлекать выводы изъ архивно-справочной книги не стоитъ труда, и мы не будемъ утомлять этимъ вниманіе читателей. Но, въ виду предстоящаго созыва народныхъ представителей, мы обратимъ вниманіе читателей на напечатанныя въ «Ежегодникѣ» таблицы о населеніи и о распредѣленіи его по національностямъ и сословіямъ, составленнымъ на основаніи данныхъ, собранныхъ всеобщей переписью 1904 г. и окончательно разработанныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Въ этомъ году, въ Европейской Россіи числилось 93.442.864 души обоого пола (45,7 мил. мужчинъ и 47,7 мил. женщинъ); въ Привислинскомъ краѣ—9.402.263 чел. (4,7 мил. муж. и 4,7 мил. женщ.); на Кавказѣ—9.289.364 чел. (4,8 мил. мужч. и 4,4 мил. женщ.); въ Сибири—5.758.822 чел. (2,9 мил. мужч. и 2,8 мил. женщ.); въ Средней Азій 7.746.718 чел. (4,1 мил. муж. и 3,4 мил. жен.) и въ Финляндіи—2.483.249 чел. (1,2 мужч. и 1,2 женщ.). Общій итогъ населенія Россійской Имперіи—128.123.270 чел. (63,7 мил. мужч. и 64,4 мил. женщ.).

Приростъ населенія въ годъ составляетъ около 2 мил.; слѣдовательно, въ настоящее время общая цифра населенія должна быть нѣсколько болѣе 140 милліоновъ душъ обоого пола.

Процентъ умершихъ по отношенію къ родившимся значительно разнится по мѣстностямъ. Такъ, по свѣдѣніямъ за 1900 годъ, онъ выражался въ слѣдующихъ размѣрахъ: въ Европейской Россіи—64,3⁰/₀; въ Привислянскомъ краѣ—57,2⁰/₀; на Кавказѣ—59,3⁰/₀; въ Сибири—68,1⁰/₀; въ Средней Азій—59,9⁰/₀ и въ Финляндіи—55⁰/₀.

Изъ общаго количества населенія Россійской Имперіи (128,1 мил. чел.) въ переписи зарегистрировано: русскихъ—83,9 мил.; поляковъ—7,9 мил.; евреевъ—5,0 мил.; киргизовъ—4,0 мил.; татаръ—3,7 мил.; нѣмцевъ—1,8 мил.; башкиръ и тептарей—1,4 мил.; латышей—1,4 мил.; грузинъ, имеритинъ и мингрельцевъ—1,3 мил.; литовцевъ—1,2 мил.; армянъ—1,2 мил.; молдаванъ и румынъ—1,1 мил.; мордвы—1,0 мил.; эстовъ—1,0 мил.; сартовъ—0,9 мил.; чувашей—0,8 мил.; чеченцевъ, аваро индійцевъ, даргинцевъ, кюринцевъ и казикумиковъ—0,8 милліоновъ.

По сословіямъ населеніе распредѣлялось въ слѣдующемъ видѣ: крестьянъ—96,9 мил.; мѣщанъ—13,4 мил.; войсковыхъ казаковъ—2,9 мил.; потомственныхъ дворянъ—1,2 мил.; христіанскаго духовенства—0,6 мил.; дворянъ личныхъ и чиновниковъ не изъ дворянъ—0,6 мил.; инородцевъ—8,3 мил.; почетныхъ гражданъ—0,3 мил.; иностранныхъ подданныхъ—0,6 мил.; купцовъ—0,3 мил.; разныхъ лицъ—0,5 милліоновъ.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы въ будущемъ «Ежегодникъ Ми-

нистерства Финансовъ» превратился въ болѣе солидное изданіе, полезное для обсужденія финансовыхъ вопросовъ. Мы и надѣемся, что это будетъ сдѣлано, такъ какъ народнымъ представителямъ необходимо имѣть подъ руками полныя свѣдѣнія по текущей финансовой статистикѣ для обсужденія трудныхъ вопросовъ, касающихся государственнаго бюджета.

Л. Б.

ФИЛОСОФІЯ.

Л. Шестовъ. Апологъ безпочвенности.—Фр. Паульсенъ, Иммануиль Кантъ (жизнь и ученье).

Л. Шестовъ. Апологъ безпочвенности. (Опытъ адогматическаго мышленія). С.-Петербургъ. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 коп. «Въ области эмпирической, какъ это ни обидно», заявляетъ г. Шестовъ, авторъ разбираемой нами книги, «есть истины, самыя настоящія общеобязательныя истины, съ которыми не справится никакой бунтъ. Съ какою бы радостью заявили мы представителю научной мысли, что огонь вовсе не жжется, что гремучія змѣи вовсе не ядовиты... и т. д., если бы онъ обязанъ былъ доказать противное. Но, къ сожалѣнію, ученый свободенъ отъ обязанности доказывать: за него доказываетъ природа—и какъ доказываетъ!—совершенно безъ помощи логики и морали» (190 ст.). Точно также, прибавимъ мы, дѣло обстоитъ и съ «безпочвенностью». Какъ бы ни стремились вы стать внѣ почвы, какъ бы ни превозносили вы безпочвенность, фактически всегда, наперекоръ вашему желанію, окажется, что ваша «безпочвенность» покоится на извѣстныхъ основахъ, питается соками изъ извѣстной почвы. Задача изслѣдователя въ этомъ случаѣ состоитъ отнюдь не въ доказательствѣ невозможности такой безпочвенности, а просто лишь въ констатированіи и изученіи той почвы, на которой распустился такой ненормальный цвѣтокъ, и въ надлежащей оцѣнкѣ ея доброкачественности.

Властителемъ умовъ въ нашу эпоху, безъ сомнѣнія, является Кантъ, такъ или иначе понятый. Онъ же является тѣмъ живительнымъ родникомъ, изъ котораго черпаетъ свои силы и авторъ разсматриваемой нами книги, слагая хвалебныя гимны въ честь безпочвенности. Шестовъ именно положилъ въ основу своихъ пѣснопѣній доктрину Канта въ той ея формѣ, въ которой она нынче главнымъ образомъ господствуетъ на Западѣ,—въ формѣ телеологическаго идеализма. Послѣдній одну изъ главныхъ своихъ задачъ видитъ въ ограниченіи познанія на міръ явленій и въ предоставленіи потусторонняго трансцендентнаго міра—вѣрѣ. При этомъ онъ считаетъ всѣ предпосылки, аксіомы, на которыхъ покоится наше познаніе, не вѣчными, неизмѣнными истинами, а постулатами, нормами, которыми мы должны слѣдовать, словомъ, онъ обосновываетъ науку, научное познаніе на существованіи нормативнаго сознанія, морали въ человѣкѣ. Перенесите теперь центръ тяжести съ нормативнаго сознанія, трансцендентальнаго субъекта на индивидуальное сознаніе, на индивидуума, побужденіе къ чему содержится уже въ самомъ психологическомъ исходномъ пунктѣ телеологическаго идеализма. Для васъ въ такомъ случаѣ нормативное сознаніе, мораль, вѣсть со всѣмъ покоящимся на ней научнымъ познаніемъ, какъ связывающая свободу индивидуума, явится, если, быть можетъ, еще необходимою для жизни, то во всякомъ случаѣ низшею формою проявленія индивидуума; высшее же назначеніе послѣдняго будетъ заключаться въ осуществленіи своей полной свободы, въ свободномъ творчествѣ за предѣлами этого міра жизни, въ шареніи въ области трансцендентнаго

міра, въ области вѣры. Словомъ, вы окажетесь на точкѣ зрѣнія автора «апофеоза безпочвенности». Послѣдній и рекомендуетъ намъ смѣлымъ и сильнымъ прыжкомъ перелетѣть за границу, за перегородку, стоящую передъ всякимъ научнымъ познаніемъ, въ область трансцендентнаго, непознаваемаго, и предаться здѣсь свободному творчеству изъ ничего, не стѣняясь ни логикою, ни наукою, ни моралью. Ибо, по его мнѣнію, какъ бы всѣ онѣ съ ихъ общеобязательными сужденіями ни были нужны для практической жизни, внѣ ея, въ области трансцендентнаго, онѣ стали бы понапрасну стѣнять наши движенія впередъ: приспособленныя для выполненія чисто полицейскихъ функций, онѣ стали бы тиранить и насиловать нашу свободную мысль. Что за бѣда, говоритъ авторъ, если вслѣдствіе такого отказа отъ логики, науки и морали вы не добудете общеобязательныхъ сужденій. «Это шагъ впередъ, быть можетъ. Вы разучитесь смотрѣть вмѣстѣ со всѣми, но научитесь видѣть тамъ, гдѣ никто еще не видѣлъ, и не размышлять, а заклинять чуждыми для всѣхъ словами невиданную красоту и великія силы». (210 ст.). Однако, хотя г. Шестовъ и усиленно приглашаетъ насъ послѣдовать за собой въ страну безпочвенности, въ область трансцендентнаго, гдѣ все одинаково возможно и невозможно, гдѣ мы оказываемся по ту сторону «истины и лжи», «добра и зла», гдѣ намъ не свѣтитъ свѣтъ логики и науки, словомъ, въ царство тьмы, хотя онъ патетически восклицаетъ: «да скроется солнце, да здравствуетъ тьма!», онъ самъ пессимистически относится къ своей проповѣди. Съ душевнымъ прискорбіемъ онъ заявляетъ, что эта страна свободного творчества доступна только для *die Schwindelfreie*; да и ихъ царство не долговѣчно. «Соллипсизмъ и культъ безпочвенности», съ горечью восклицаетъ онъ, «не долговѣчны и главное не преемственны. Окончательное и послѣднее торжество въ жизни, какъ и въ старинныхъ комедіяхъ, обезпечено за добромъ и за здравымъ смысломъ. Исторія уже знала много эпохъ, подобныхъ нашей, и, какъ извѣстно, превосходно справлялась съ ними. За всякаго рода неумѣренными попытками любознанія по пятамъ слѣдуютъ вырожденіе, сметающее съ земли все слишкомъ требовательное, утонченное. Геніальные люди обыкновенно не имѣютъ потомства или имѣютъ дѣтей идиотовъ» (157 стр.). Мы вполне раздѣляемъ пессимистическія предчувствія автора, мы идемъ лишь еще далѣе въ этомъ отношеніи и утверждаемъ, что само пребываніе человѣка въ области «безпочвенности» не можетъ долго продолжаться, оно переходное состояніе къ другой точкѣ зрѣнія. Творчество изъ ничего, пареніе въ сферахъ, гдѣ отсутствуетъ всякая почва, покоющіяся на преувеличенной оцѣнкѣ момента индивидуальности, субъективности и на отказѣ отъ всякой объективности, въ концѣ концовъ въ человѣкѣ должны породить такую пустоту, что наполненіе своего духа какимъ угодно содержаніемъ будетъ казаться ему освѣжающимъ отдыхомъ. Подъ вліяніемъ такой тоски по объективности онъ не задумается спасаться подъ сѣнь самого крайняго авторитета, лишь бы избѣжать мученій пустоты и отрицательности. Исторія насъ учитъ, что на западѣ въ аналогичныя эпохи *Schwindelfreie*—протестанты въ бѣгствѣ отъ такой тоски по объективности спасались на лоно католической церкви. Наша жизнь также богата случаями, когда крайніе индивидуалисты погружались въ бездны православной мистики. Словомъ, одностороннее развитіе момента субъективности, выдвинутого въ исторіи философіи критицизмомъ, неизбежно приводитъ къ своей противоположности, къ преклоненію передъ самымъ неразумнымъ авторитетомъ, къ погруженію въ самую догматическую мистику. Только правильное и всестороннее пониманіе критической философіи, устраненіе того, что вызываетъ переоцѣнку субъективнаго момента, т. е. развитіе въ духѣ послѣдней кантовской классической философіи, въ силахъ помочь намъ устранить всѣ болѣзненные отпрыски, питающіеся отъ ея ствола.

N. N.

Библиотечка философовъ. IV. Иммануиль Кантъ. Его жизнь и ученіе. Фридриха Паульсена, профессора берлинскаго университета. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Н. Лосского. Съ портретомъ. Второе исправленное изданіе редакціи журнала «Образованіе». С.-Петербургъ. 1905 года. Цѣна 1 руб. Книжка Фридриха Паульсена о Кантѣ, выдержавшая въ Германіи четыре изданія, переведенная на англійскій языкъ, появляется въ настоящее время на русскомъ языкѣ вторымъ изданіемъ. Казалось бы, уже самый фактъ такого многократнаго переизданія на родномъ языкѣ и переводовъ на чужестранные долженъ былъ служить порукою ея научной цѣнности. Однако, какъ часто на рынкѣ находитъ усиленный спросъ малоцѣнный товаръ, между тѣмъ, какъ дѣйствительно цѣнный—забывается! Именно, подобнаго рода положеніе вещей мы наблюдаемъ относительно книжки Паульсена: широкое распространеніе ея можетъ объясниться чѣмъ угодно, только не ея внутренними научными достоинствами. Авторъ ея не обладаетъ способностями, необходимыми для историка философіи: онъ не былъ въ состояніи при изложеніи ученія Канта отрѣшиться отъ своихъ субъективныхъ взглядовъ, отнестись объективно къ излагаемой имъ системѣ. Вслѣдствіе этого, сплошь рядомъ, его изложеніе переходитъ въ мелочную, частичную, придирчивую критику, которая интересна развѣ для самого автора, а отнюдь не для читателя, и которая лишь затрудняетъ пониманіе излагаемаго ученія. Даже болѣе—само его изложеніе кантовой философіи по существу становится не чѣмъ инымъ, какъ сплошной критикой, выдѣленіемъ плевелъ отъ пшеницы. Причѣмъ пшеницею, конечно, оказывается то, что гармонируетъ съ его, Паульсена, взглядами; все же остальное—плевелы. Паульсенъ совершенно далекъ отъ намѣренія попытаться понять тѣ и другіе элементы во внутренней законотѣрной связи, какъ члены одного и того же цѣлага; съ этимъ, конечно, онъ отказывается отъ притязаній на всякое научное значеніе за своимъ изложеніемъ кантовой философіи, ибо основной научный законъ—монистическое пониманіе объекта, раскрытіе единства среди кажущихся противорѣчивыми явленій. Неспособность автора разбираемой нами книги въ цѣломъ, научно понять кантову философію рѣзче всего сказывается въ пониманіи имъ центральнаго ядра системы Канта. Будучи самъ эмпирическимъ метафизикомъ, т.-е. придерживаясь мнѣнія, что, помимо науки, научнаго познанія, ограниченнаго міромъ опыта, мы можемъ также имѣть, хотя и проблематическое познаніе при помощи внутренняго или внѣшняго опыта и о мірѣ потустороннемъ, трансцендентномъ, Паульсенъ пытается и у Канта выдвинуть на первый планъ трансцендентную метафизику. Кантъ, по его мнѣнію, не только самъ былъ такимъ метафизикомъ, но онъ даже цѣль всей своей «критики» видѣлъ въ расчищеніи почвы для этой метафизики, путемъ ограниченія знанія на опытѣ и представленія вѣрѣ возможности свободно парить въ потустороннемъ мірѣ. Однако, сознается авторъ, наряду съ этимъ ядромъ, кантова система имѣетъ еще и другое. «Критика» Канта, помимо простого ограниченія познанія на опытѣ, имѣетъ задачу доказать возможность достовѣрнаго рациональнаго познанія, математики, чистаго естествознанія и т. д., словомъ, возможность научной, имманентной метафизики, которая должна представлять собою систему всеобщихъ, необходимыхъ истинъ, относящихся къ предметамъ опыта. Эти два основныя теченія философской мысли Канта, названныя однимъ и тѣмъ же словомъ «метафизика», а на дѣлѣ глубоко противоположныя другъ другу, Паульсенъ не пытается примирить и свести къ одной основѣ; онъ удовлетворяется лишь тѣмъ, что признаетъ первое изъ нихъ—трансцендентную метафизику—наиболѣе важнымъ моментомъ въ философіи Канта, сохраняющимъ значеніе отчасти и до нашихъ дней, второе же—имманентную метафизику—считаетъ отголоскомъ стараго рационализма, потерявшаго для насъ всякій кредитъ.

Однако, отказывая книжкѣ Паульсена въ научномъ историко-философскомъ значеніи, мы отнюдь не лишаемъ ее всякаго значенія. Не будучи въ состояніи дать полный и законченный образъ кантовой философіи, для лицъ, которыя совершенно незнакомы съ Кантомъ и которымъ недоступно болѣе научно-изложеніе системы Канта—мы разумѣемъ «исторію новой философіи» Кунно-Фишера,—она, на первое время, быть можетъ, пригодится въ качествѣ путе-водителя, особенно при изученіи «критики чистаго разума», изложенію ко-торой авторъ посвятилъ довольно много мѣста. N. N.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Ньюкомъ, „Астрономія для всѣхъ“. — „Вселенная и человѣчество“. — *Вармингъ*, „Растеніе и его жизнь“.

Проф. С. Ньюкомъ. Астрономія для всѣхъ. Переводъ съ англійскаго, съ предисловіемъ А. Р. Орбинскаго, приватъ-доцента Импер. Новорос. Уни-верситета. Съ портретомъ автора, 64 рисунками въ текстѣ и 1 отдѣльной таблицей. Одесса. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к. Въ довольно пространномъ предисловіи къ этому русскому изданію труда Ньюкома г. А. Орбинскій даетъ интересную характеристику дѣятельности послѣдняго, вѣрно замѣчая, что не-смотря на то, что «въ своей глубокой спеціальности Ньюкомъ дошелъ до край-няго пункта въ движеніи современнаго знанія, духовныя силы его не ушли цѣликомъ сюда. Зная, что для высокой башни спеціальной науки нужна проч-ная почва въ видѣ болѣе элементарныхъ свѣдѣній, распространенныхъ въ ши-рокой массѣ человѣчества, Ньюкомъ далъ цѣлый рядъ трудовъ болѣе общедо-ступнаго характера».

Первый изъ такихъ трудовъ, — переведенный, какъ извѣстно, на русскій языкъ подъ титуломъ «Астрономія въ общедоступномъ изложеніи С. Ньюкома и Р. Энгельмана, дополненная Г. Фогелемъ» (Спб. 1896 года), конечно хорошо знакомъ «большой публикѣ», интересующейся наукой о небесныхъ свѣтилахъ; послѣднимъ же пока популярнымъ сочиненіемъ автора является разсматривае-мая книга. «И любопытно замѣтить,—говоритъ г. Орбинскій,—что Ньюкомъ шелъ путемъ послѣдовательнаго расширенія своего круга читателей, что ясно уже изъ названія этой послѣдней книги; «Астрономія для всѣхъ». Для харак-теристики разсматриваемаго труда со стороны содержанія его, достаточно ска-зать, что мы находимъ въ немъ все, что можно ожидать отъ такого автора: «свѣжесть матеріала, почерпнутаго изъ самыхъ источниковъ знанія, изъ пер-выхъ рукъ, критическій выборъ и строго-научное освѣщеніе его, и, наконецъ, широкій философскій взглядъ на вселенную, на сколько ее раскрываетъ намъ современная астрономія». Прибавимъ къ этому, что оригиналъ этого труда изложенъ превосходнымъ литературнымъ языкомъ, чего, къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать о переводѣ, страдающемъ часто шероховатостью языка. При-ведемъ, для примѣра, выдержку изъ статьи о кометѣ Энке (стр. 221) *). «Впер-вые она была открыта въ 1786 г., но, какъ часто тогда бывало, ея орбиту сразу не могли опредѣлить. Снова увидѣла ее миссъ Каролина Гершель въ 1795 г. Ее опять наблюдали въ 1805 — 1818 г. Ея орбита была опредѣ-лена точно только при этомъ послѣднемъ появленіи, и теперь періодически характеръ кометы и ея тождество съ кометою, наблюдавшеюся раньше, были установлены». Не очень легко мириться съ такимъ «щедрымъ» употребленіемъ мѣстоимѣнія. Въ приведенномъ примѣрѣ, однако,—одномъ изъ многихъ, какіе

*) Курсивъ во всей этой выдержкѣ нашъ.

мы могли бы привести,—шероховатость языка только неприятна для читателя, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неточность построения рѣчи можетъ и сильно затруднить не вполне подготовленнаго читателя. Напримѣръ на страницѣ 198 читаемъ: «Двѣ точки А и В берутся за базисъ, отъ котораго измѣряется разстояніе третьей точки С.». Только на слѣдующей страницѣ читатель узнаетъ, что за базисъ берутся не точки, а ограничиваемая ими прямая АВ. Или, напримѣръ, на 199 страницѣ сказано «Орбиты и движенія всѣхъ планетъ можно изобразить на картѣ съ какой угодно точностью»... Не думаемъ, чтобы «движенія» можно было изобразить на картѣ.

Несмотря, однако, на указанные и подобные имъ недочеты перевода, которые легко могутъ быть исправлены во второмъ изданіи книги, мы полагаемъ, что послѣдняя дождется этого изданія, такъ какъ въ общемъ она представляетъ большой интересъ и вполне доступна для мало-подготовленнаго астронома-любителя, желающаго познакомиться съ современнымъ состояніемъ нашихъ астрономическихъ знаній.

Н. П. А.

Вселенная и человѣчество. Томъ первый. Переводъ съ нѣмецкаго подъ общей редакціей проф. А. С. Догеля, при участіи профессоровъ С.-Петербургскаго университета П. И. Браунова, В. И. Палладинова, В. М. Шимкевича, проф. С.-Петербургскаго Политехническаго института М. А. Шателена, проф. Казанскаго университета Б. К. Полѣнова и др. специалистовъ.—Свыше 40 художественныхъ приложеній (цвѣтныхъ и черныхъ иллюстрацій) и около 300 рисунковъ въ текстѣ (in 4°, стран. XII+516). С.-Петербургъ. Типо-литографія книгоиздательскаго т—ва «Просвѣщеніе». 7 руб. 20 коп. Эта книга—первый томъ перевода пяти-томнаго нѣмецкаго сочиненія, изданнаго въ Германіи подъ общей редакціей Ганса Крамера, который пояснилъ титулъ его «Вселенная и человѣчество» словами: «Исторія изслѣдованія природы и приложенія ея силъ на службу человѣчеству». Во введеніи къ этому труду, являющемуся, по словамъ Крамера, «результатомъ подготовительной работы нѣсколькихъ лѣтъ», Крамеръ даетъ общій очеркъ содержанія его, при чемъ говоритъ, что задача сочиненія «прослѣдить всѣ разнообразныя отношенія человѣческаго рода ко вселенной и ея силамъ отъ современности назадъ, въ глубь временъ,—до первыхъ слѣдовъ существованія на землѣ мыслящихъ человѣческихъ существъ».—«Въ полную противоположность прежнимъ сочиненіямъ въ этомъ родѣ, для выполненія такъ широко задуманной задачи», продолжаетъ Крамеръ, «мы совершенно отказываемся слѣдовать путемъ, назначеннымъ исторической наукой излагать ходъ исторіи, начиная съ древнихъ народовъ и до новаго времени. Нѣтъ, мы рассмотримъ сначала землю въ ея отношенія ко вселенной и исключительно, какъ мѣстопробываніе человѣческаго рода». Согласно этому: «Какъ произошла земля и живыя существа на ней, какъ они съ теченіемъ времени измѣнялись, насколько непостоянная картина ихъ отражалась въ научномъ изслѣдованіи—вотъ содержаніе первыхъ томовъ этого сочиненія; слѣдующіе томы его будутъ посвящены изслѣдованію силъ природы и ихъ практическому приложенію къ требованіямъ культурной жизни. Изложенію хода развитія чисто научнаго изслѣдованія будетъ при этомъ отведено сравнительно небольшое мѣсто. Мы остановимся преимущественно на той далеко еще недостаточно оцѣненной роли, которую играли силы природы въ построеніи всей новѣйшей человѣческой культуры». Изъ приведенныхъ строкъ и изъ подробнаго развитія данныхъ въ нихъ указаній, предложенныхъ на шестнадцать страницахъ введенія, быть можетъ, въ слишкомъ «приподнятомъ» и мѣстами напыщенномъ тонѣ—читатель получаетъ понятіе только о сущности задачи сочиненія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли можетъ составить ясное представленіе о планѣ исполненія этой задачи. Такъ напримѣръ, на стран. 11-й введенія читаемъ: «Къ исторіи изслѣдованія

земной поверхности» (здѣсь авторъ говоритъ о географическомъ изслѣдованіи, замѣтимъ мы) «присоединятся двѣ меньшія главы, изъ которыхъ одна будетъ посвящена изслѣдованію моря, основательно разработанному только за послѣднее время, а другая—изслѣдованію атмосферной оболочки нашей планеты, въ связи съ изложеніемъ тѣхъ геофизическихъ вопросовъ, которые привлекаютъ вниманіе широкаго круга народныхъ массъ, какъ напримѣръ, вопросы о формѣ, величинѣ и плотности земли, явленія прилива и отлива, явленія земного магнетизма и электричества». Послѣ этого замѣчанія, трудно было ожидать, что вопросу о приливахъ и отливахъ посвящена особая глава въ отдѣлѣ геофизики (зуда, конечно, ее и слѣдовало отнести), независимо отъ главы объ изслѣдованіи моря, которой еще нѣтъ въ первомъ томѣ. Не видно также, чтобы вопросъ о «Воздушной оболочкѣ земли», разсмотрѣнный также въ главѣ отдѣла геофизики, трактовался въ книгѣ въ связи съ исторіей географическаго изслѣдованія земной поверхности, какъ то обѣщаетъ введение.

Но перейдемъ теперь къ содержанію перваго тома. Въ немъ, кромѣ введенія, находимъ три слѣдующіе отдѣла, о степени подробности изложенія которыхъ можно судить по числу отведенныхъ имъ страницъ: I. *Изслѣдованіе земной коры* (стр. 17—298); II. *Земная кора и ея отношеніе къ человеку* (стр. 248—398) и III. *Геофизика* (стр. 398—516). Первые два отдѣла составлены докторомъ проф. Карломъ Сапперомъ, а третій—докторомъ Адольфомъ Маркузе.

Читатель, заинтересованный прежде всего узнать, какъ въ книгѣ оправдывается задача ея, опредѣляемая заглавіемъ, естественно остановится съ особеннымъ вниманіемъ на второмъ отдѣлѣ: «Земная кора и ея отношеніе къ человеку». Сдѣлаемъ это и мы. Въ первыхъ строкахъ отдѣла читаемъ (стр. 301): «Въ предыдущемъ изложеніи мы пытались описать тотъ путь, по которому подвигалось изслѣдованіе земной коры, и дать очеркъ современнаго состоянія нашихъ знаній. Въ слѣдующемъ ниже отдѣлѣ мы набросаемъ нѣсколькими крупными штрихами картину *) вліянія, которое оказывали на человѣчество земная кора и ея сокровища, и отмѣтимъ также то значеніе *), которое имѣли для общей духовной культуры человѣчества и для его мировоззрѣній успѣхи научнаго изслѣдованія земной коры и исторіи развитія нашей планеты». Это заманчивое обѣщаніе, по нашему мнѣнію, отнюдь не выполнено: ни упомянутая «картина», ни упомянутое «значеніе» не обрисованы авторомъ сколько-нибудь рельефно. Вѣдь не трудно сказать въ общемъ смыслѣ, что—какъ это а priori понятно каждому—та или другая сторона жизни земного шара, какъ физическаго тѣла, является вліятельнымъ факторомъ въ жизни человѣчества; но трудно опредѣлить и показать точное вліяніе въ частныхъ случаяхъ, изъ которыхъ складывается цѣлое; а между тѣмъ, если этого послѣдняго не сдѣлано, то признаніе общаго значенія того или другого фактора остается неопредѣленнымъ. Неопредѣленнымъ остается оно, въ занимающемъ насъ теперь отдѣлѣ книги и по прочтеніи всѣхъ ста страницъ его. Исключеніе должно быть сдѣлано только по отношенію къ 3-й, коротенькой главѣ отдѣла «Геологическое изслѣдованіе и человѣчество», содержательное и интересное заключеніе которой мы выпишемъ здѣсь поэтому дословно:

«Предположеніе чрезвычайно продолжительныхъ промежутковъ времени находится въ тѣсной связи съ допущеніемъ закономѣрнаго развитія земного шара и органической жизни на немъ. Эти два предположенія представляютъ прямое слѣдствіе геологическаго изслѣдованія и стали краеугольными камнями современнаго научнаго мировоззрѣнія, которое почти общепринято среди есте-

*) Курсивъ нашъ.

свои испытателей и продолжает распространяться все шире среди образованных людей. Если оно еще не проникло всюду, то причина этого лежитъ въ томъ, что оно вполне освободилось отъ вліянія древне-еврейскихъ взглядовъ, распространенныхъ на Западъ христіанствомъ, и находится поэтому въ кажущемся противорѣчіи съ буквой Священнаго Писанія, которое, вмѣсто медленнаго развитія вездѣ говорить о непосредственномъ творческомъ актѣ. Разумѣется, и въ среду строго вѣрующихъ людей проникаетъ за послѣднее время убѣжденіе, что хотя геологическія факты и не могутъ быть согласованы съ буквой Священнаго Писанія, но и это послѣднее вовсе не претендуетъ на авторитетъ въ вопросахъ естествознанія. Поэтому позволительно надѣяться, что *это новое мировоззрѣніе, которое вовсе не находится въ дѣйствительномъ противорѣчіи съ сущностью христіанства*, съ теченіемъ времени найдетъ себѣ общее признаніе и распространится среди всѣхъ слоевъ культурныхъ народовъ. Это было бы величайшимъ успѣхомъ, котораго можетъ достигнуть геологическое изслѣдованіе на поприщѣ духовной культуры человѣчества. Пожелаемъ же, чтобы этотъ успѣхъ явился не въ слишкомъ отдаленномъ будущемъ и чтобы глазъ всѣхъ культурныхъ людей привыкъ къ безпредѣльной дали тѣхъ перспективъ во времени и въ пространствѣ, которыхъ требуетъ величіе природы».

Въ отдѣлѣ *геофизики* мало говорится о соотношеніи между жизнью человѣка и жизнью природы; но независимо отъ этого онъ интересенъ и, несмотря на трудность предмета для широкой популяризаціи, изложенъ общедоступно. Въ минувшій автору мы поставили бы только частое упоминаніе имъ массы именъ, для читателя специалиста излишнее, а для читателя «изъ большой публики» — ничего не говорящее и непріятно пестрящее въ глазахъ и памяти. Такъ напримѣръ, говоря о накопленіи матеріала по изслѣдованію воздушной оболочки земли къ половинѣ XIX-го столѣтія, авторъ замѣчаетъ: «Но одиѣ цифры сами по себѣ оставались безъ значенія, пока не понимали ихъ внутренняго смысла. Тутъ приобрѣли крупныя заслуги, кромѣ Гумбольдта, Буха, Берггауза и Мори, прежде всего Кемцъ, Дове, Монъ, ф. Бецольдъ, Ганнъ, Шпрунгъ, Гельманъ и ванъ-Бейберъ»... Въ самомъ дѣлѣ, читатель, къ чему этотъ «поминальный» перечень?!

Скажемъ теперь о томъ, какъ справляется съ своею задачею Т-во «просвѣщенія» въ дѣлѣ изданія и сочиненія *«Вселенная и Человѣчество»* въ переводѣ на русскій языкъ. Во 1-хъ, оно заручилось сотрудничествомъ вполне компетентныхъ лицъ, благодаря которымъ переводы сдѣланы, по нашему мнѣнію, превосходно, — столько же литературнымъ, сколько и научнымъ языкомъ. При этомъ сотрудники не ограничились только редактированіемъ переводовъ, но и снабдили ихъ многими цѣнными примѣчаніями, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже дополненіями. Такъ, къ главѣ «Воздушная оболочка земли» приложены интересная статья «Карты-погоды (синоптическія) и метеорологическіе бюллетени», иллюстрированная бюллетенемъ Николаевской Главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ (бр. 20-го февраля 1903 г.) вмѣстѣ съ картой за подписью директора обсерваторіи, академика М. Рыкачева. Въ техническомъ отношеніи рассматриваемое изданіе также надо назвать отличнымъ, какъ по шрифту и по прекрасной бумагѣ, такъ и по обилію и качествамъ иллюстрацій, за нѣкоторыми лишь исключеніями, о которыхъ скажемъ ниже. Принимая во вниманіе эти достоинства, а также очень хорошій переплетъ тома, цѣну книги, одиннадцать рублей, надо назвать не высокою. Но, можетъ, быть послѣдняя могла бы продаваться и по меньшей цѣнѣ, если бы пожертвовать нѣсколькими десятками изъ 300 рисунковъ въ текстъ? Думается, что эту «жертву» можно было бы принести безъ ущерба для достоинствъ книги по отношенію къ такимъ иллюстраціямъ,

которыя ни показательнаго, ни историческаго ни художественнаго значенія не имѣютъ, какъ напримѣръ, помѣщенные на страницахъ 11, 72, 111, 283 285, 357, 375 и т. п.

Указавъ на немногія отрицательныя стороны разсмотрѣннаго нами изданія, мы полагаемъ, что онъ болѣе, чѣмъ уравнивающимся интереснымъ содержаніемъ его и другими положительными качествами, въ силу которыхъ считаемъ его недюжиннымъ вкладомъ въ переводную научно-популярную литературу.

Н. П. А.

Е. Вармингъ, профессоръ Копенгагенскаго университета. Растеніе и его жизнь. (Начальный учебникъ ботаники). Переводъ съ измѣненіями и дополненіями со 2-го датскаго изданія Л. М. Кречетовича, подъ редакціей М. И. Голенкина, пр.-доц. Московскаго университета. Съ 223 рис. въ текствѣ. Москва. 1904 г. Во всѣхъ, сколько намъ извѣстно, имѣющихся въ русской литературѣ учебникахъ ботаники, оригинальныхъ и переводныхъ, матеріалъ распределенъ по отдѣламъ, соответственно дѣленію этой науки на морфологію съ органографіей, анатомію, физиологію и систематику. Такой приемъ удобенъ въ обширныхъ руководствахъ, но въ учебникахъ, предназначенныхъ для первоначальнаго ознакомленія съ ботаникой, онъ не желателенъ, такъ какъ при прохожденіи курса по учебникамъ съ такимъ расположеніемъ матеріала, вмѣсто цѣльнаго представленія о жизни растенія, у учениковъ остаются лишь отрывочныя, мало другъ съ другомъ связанныя свѣдѣнія, да и самое представленіе о сущности растенія получается обыкновенно невѣрное.

Иное дѣло, если въ основу учебника положить физиологическій принципъ, а свѣдѣнія морфологическаго характера давать лишь постепенно, по мѣрѣ надобности въ нихъ для уясненія жизни растенія. Получающаяся при такомъ способѣ изложенія картина жизни растеній, жизни, въ широкомъ значеніи этого слова, будетъ цѣльною и стройною. Цѣльности ея будетъ соответствовать и то впечатлѣніе, которое оставитъ она въ памяти ученика, изучавшаго ботанику по такому учебнику. Само собою разумѣется, что сгруппировать такимъ образомъ матеріалъ задача весьма нелегкая; легче разрѣшается, однако, она тогда, когда имѣютъ въ виду дать лишь элементарныя свѣдѣнія.

Весьма удачную, на нашъ взглядъ, попытку въ этомъ родѣ представляетъ новая книжка Варминга «Растеніе и его жизнь». Имя Варминга, профессора Копенгагенскаго университета, автора двухъ книгъ, выдержавшихъ въ русскомъ переводѣ въ непродолжительное время по два изданія—«Ойкологическая географія растеній и систематика растеній»—слишкомъ извѣстно русской публикѣ, интересующейся ботаникой, чтобы о немъ нужно было распространяться. Оно само говоритъ за себя.

Какъ было сказано выше, въ новой книжкѣ Варминга нѣтъ обычнаго раздѣленія матеріала по отдѣламъ, соответственно четыремъ дисциплинамъ ботаники. Органографія, физиологія и біологія растеній, въ узкомъ значеніи этого слова (т.-е. ученіе о приспособленіяхъ растеній), тѣснѣйшимъ образомъ соединены вмѣстѣ; выдѣлены особо лишь анатомія, въ виду ея краткости, и, по необходимости, систематика.

Другою особенностью книжки Варминга, выгодно отличающею ее отъ другихъ учебниковъ, является соразмѣрность въ отдѣльныхъ частяхъ. Систематику поэтому отводится мѣста значительно меньше, чѣмъ обыкновенно. Отмѣтимъ еще одно преимущество этой книги. Въ концѣ ея помѣщено отсутствующее во всѣхъ почти русскихъ учебникахъ ботаники описаніе главнѣйшихъ растительныхъ сообществъ, знакомство съ которыми полезно для каждого, кто хочетъ практически заняться изученіемъ растительности той или иной мѣстности. Не оставлены безъ вниманія нѣкоторые вопросы сельскаго хозяйства, садоводства и т. п., имѣющіе отношеніе къ ботаникѣ.

Что касается перевода, то онъ сдѣланъ, въ общемъ, хорошо, если не считать встрѣчающихся кое-гдѣ шероховатостей и неправильностей въ оборотахъ. Редакторъ и переводчикъ не отнеслись пассивно къ своей задачѣ. Первый весьма кстати помѣстилъ въ началѣ книги примѣрное описаніе желтофіоли, умѣстное въ виду различной подготовки учениковъ, поступающихъ въ датскую среднюю школу съ одной стороны и въ русскую съ другой. Растенія, упоминаемыя въ датскомъ оригиналѣ въ качествѣ примѣровъ и въ Россіи не встрѣчающіяся, замѣнены русскими. Въ концѣ книги приложенъ указатель латинскихъ и русскихъ названій растений. Есть и другія измѣненія и дополненія.

Изъ недостатковъ перевода отмѣтимъ нѣкоторое новаторство въ терминологіи, коснувшееся, впрочемъ, весьма немногихъ терминовъ. По нашему мнѣнію, предпочтительнѣе старые термины. Кое-гдѣ замѣчается несоотвѣтствіе рисунковъ съ текстомъ, латинскихъ названій растений съ русскими. Есть и другіе промахи. Всѣхъ этихъ недостатковъ, однако, весьма немного, и они нисколько не умаляютъ достоинствъ этой превосходной книги. *И. Новопокровскій.*

МЕДИЦИНА.

Хмѣлевскій, Патологическій элементъ въ личности и творчествѣ Ницше.—О состояніи народнаго здравія въ Россіи.

Д-ръ Хмѣлевскій. Патологическій элементъ въ личности и творчествѣ Фридриха Ницше. Кіевъ. 1904. Цѣна? По поводу книжки Р. Гейера «Герои Ибсена съ психіатрической точки зрѣнія» мы имѣли случай указать («Міръ Божій», 1905 № 4) при какихъ условіяхъ можетъ быть плодотворна утилизанція художественно-литературныхъ данныхъ для научныхъ цѣлей. Книжка д-ра Хмѣлевскаго этимъ условіямъ не удовлетворяетъ: поскольку въ ней изображается патологическій элементъ въ самой личности Ницше, она представляетъ собой простую «исторію болѣзни» богато одареннаго человѣка; поскольку же авторъ дѣлаетъ попытку уяснить психіатрический элементъ въ творчествѣ несчастнаго философа, онъ не возвышается надъ уровнемъ отрывочныхъ, поверхностныхъ и произвольныхъ наблюденій и выводовъ. Душевная болѣзнь Ницше (атипическій прогрессивный параличъ) протекала такъ необычно—быстро и съ такими оригинальными особенностями, что описаніе ея само по себѣ могло бы представить большой научный интересъ, но полной картины ея авторъ не даетъ и не могъ бы дать: слишкомъ скудны имѣющіяся для этого данныя. По этойже причинѣ не удалась автору и вторая часть задачи: сближеніе по времени отдѣльныхъ произведеній Ницше съ различными стадіями развитія прогрессивнаго паралича не идетъ дальше голословныхъ догадокъ. Такъ «культъ слѣпой энергіи, воли и истиннѣта» у Ницше стоитъ въ связи съ тѣмъ, что больной Ницше сознавалъ себя во власти непреодолимыхъ силъ, и «свое состояніе онъ возводилъ въ общій законъ». Вслѣдъ за Меліусомъ авторъ слишкомъ большое вліяніе приписываетъ тому, что Ницше злоупотреблялъ хлоралъ-гидратомъ; этимъ по мнѣнію авторовъ, объясняется обиліе символовъ движенія, напр. пляски, летанія и пр. («Такъ говорилъ Заратустра»). Свѣтлый, діонисовскій духъ «Веселой науки» и «Происхожденія трагедіи» оказывается слѣдствіемъ исключительно эвфоріи (повышеннаго самочувствія),—обычнаго явленія въ началѣ прогрессивнаго паралича. Интересныя свѣдѣнія приводитъ авторъ о постепенномъ увеличеніи числа подчеркнутыхъ словъ и измѣненіи почерка въ рукописяхъ Ницше. *Врачъ Л. В—ій.*

О состояніи народнаго здравія въ Россіи и о шѣрахъ къ поднятію его. Докладъ Совѣта Медич. Общ. при Новороссійскомъ университетѣ въ отвѣтъ на заявленіе правленія Пироговскаго Общ. врачей. Одесса. 1905 г. Praeterea censeo Carthaginem delendam esse... таковъ единственно, конечно, возможный выводъ Общества. Дана краткая, но выпуклая и яркая картина русскихъ условій физическаго быта и народнаго здравія, и «обычная резолюція» въ концѣ доклада является неумолимымъ, неизбежнымъ логическимъ слѣдствіемъ этихъ условій...

Приведемъ нѣсколько болѣе яркихъ «посылокъ» къ этому выводу. Средняя продолжительность жизни въ Россіи—28 лѣтъ, въ Швеціи—50 лѣтъ. До 5-ти-лѣтняго возраста въ Англіи доживаютъ 737 изъ 1.000, въ Швеціи 755, въ Россіи 572. Въ Германіи въ 1897 г. умерло отъ оспы 3 человѣка, въ Россіи по *официальнымъ* даннымъ 77,659! Средній процентъ заболѣваний сифилисомъ въ русскихъ городахъ равенъ 15, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ доходитъ даже до 19%; это значитъ, что изъ пяти человѣкъ одинъ—сифилитикъ. Средній коэффициентъ слѣпоты для западно-европейскихъ странъ равняется 9,19 на 10.000 чел., въ Соединенныхъ Штатахъ даже ниже—5,27, въ Россіи же онъ равняется 21, т.-е. всего въ Россіи не менѣе четверти милліона слѣпыхъ. Что всего ужаснѣе, изъ этого числа неизлечимо-больныхъ глазами только 6—8%, остальные «остаются слѣпыми по винѣ государства и общества»... Много ли шансовъ имѣетъ русскій ребенокъ дожить до зрѣлаго возраста? До 20-ти-лѣтняго возраста изъ 1.000 достигаютъ 487, до 30 лѣтъ 420, до 40 343, тогда какъ въ Швеціи соотвѣтственные числа будутъ 670, 623 и 567, а въ Англіи 663, 604 и 539. Одинъ врачъ приходится въ Россіи на 6.450 жителей, во Франціи на 2.630, въ Англіи на 1.730. Средняя величина пространства на врача въ Англіи 8,82 кв. в., во Франціи 32,34, а въ Россіи 1.188,25 кв. в.! Но если исключить врачей, живущихъ въ городахъ, то картина получится прямо потрясающая: въ большинствѣ губерній на врача приходится болѣе 40.000 жителей, а въ нѣкоторыхъ болѣе 70.000 чел. Въ Вологодской губ. приходится на врача 20.800 кв. в....

Эти сухія, скучныя цифры полны глубокаго, трагическаго смысла. И этотъ смыслъ поняли давно, но теперь всѣмъ существомъ сознали и другое: *weg sagte a muss auch b sagen*... Это неизбежно, какъ исторія, какъ сама жизнь.

Врачъ Л. В—кій.

Отъ Женской Фармацевтической Школы.

СПБ. Невскій, 32.

Начало занятій 1-го сентября. Курсъ 2-хъ-лѣтній. Требуется окончаніе полнаго курса средн. учебн. заведенія и 4 класса латыни.

Программы и условія можно получить въ канцеляріи школы—Невскій, 32, кв. 64, или въ женской аптекѣ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го мая по 15-е іюня 1905 г.).

- В. М. Дорошевичъ. Собраніе сочиненій, т. II Безвременье. Москва. 1905. Изд. т-ва Сытина. Ц. 1 р.
- Генрихъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Переводъ съ датско-норв. А. и П. Ганзена. Москва. 1905. Изд. С. Смирмунта. Ц. 2 р.
- Пѣсни свободы. Сборникъ стихотвореній. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Осипъ Дымовъ. Солдатоворотъ. Спб. 1905. Изд. «Содружества». Ц. —
- Леонидъ Семеновъ. Собраніе стихотвореній. Спб. 1905. Изд. «Содружества». Ц. —
- Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1905. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова, подъ редакц. Арс. И. Введенскаго. Т. III. Ц. 75 к. Сочиненія А. А. Потѣхина. Т. VIII, IX и X, редакц. автора. Ц. 12 т.—12 р. Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго, подъ ред. М. И. Писарева. Т. VI, VII, VIII, IX и X. Ц. 10 т.—16 р.
- Н. Н. Степаненко. Передѣлъ и др. рассказы. Харьковъ. 1905. Изд. Н. Петрова. Ц. 1 р.
- Левъ Ждановъ. Закатъ. Истор. романъ. Спб. 1905. Изд. т-ва Вольфъ. Ц. 90 к.
- Е. Н. Любичъ. Пестрядь. Рассказы и наброски. Одесса. 1904. Ц. 50 к.
- Прибалтійскіе напѣвы. Стихотворенія И. Ѳ. Генягина. Рига. 1905. Ц. 1 р.
- Левъ Ждановъ. Въ борьбѣ (профессоръ Смолинъ). Посвящается Н. А. Римскому-Корсакову. Спб. 1905. Ц. 50 к.
- Александръ Добролюбовъ. Изъ книги невидимой. Москва. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- П. Оленинъ. Великій вождь «Орляныя очи» (сказаніе). Нижній-Новгородъ. Спб. Ц. 25 к.
- Альбертъ Вандаль. Возвышеніе Бонапарта. Спб. 1905. Изд. М. Пирожкова. Ц. 2 р.
- С. Н. Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи. Спб. 1905. Изд. Е. Д. Кусковой. Ц. 1 р.
- Ф. Мускатблitzъ. Битва при Ляонѣ. Одесса. 1905. Изд. Е. Распопова. Ц. 30 к.
- Письма Фердинанда Лассалля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣч. Ф. Меринга. Спб. 1905. Изд. «Литературное Дѣло». Ц. 1 р. 50 к.
- Бесѣды и Уроки. Саратовъ. 1904. Изд. педагогическихъ курсовъ Сарат. губ. в-ва. Ц. —
- Прим.-доц. Н. Парфентьевъ. Идея непрерывности и прерывности. Казань. 1905. Ц. —
- Н. Карышевъ. Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ. Москва. 1905. Изд. Библ. общ. наукъ. Ц. 1 р.
- Н. Рожновъ. Обзоръ русской исторіи съ социологической точки зрѣнія. Ч. I. Кіевская Русь. Москва. 1905. 2-ое изданіе. Ц. 1 р.
- К. Жегота. Русскіе финансы и война. Пер. съ польскаго. Краковъ. 1905. Ц. —
- В. И. Фармаковский. Охрана здоровья учащихся. 9-ое изданіе «школьной дѣтяти». Одесса. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Открытое письмо гг. членамъ отъ промышленности въ комм. ст.-секр. В. Н. Кожовцева. Л. М. Гольдмерштейнъ. Спб. 1905. Ц. 8 к.
- Г. П. Сазоновъ. Народное представительство безъ народа. Спб. 1905. Ц. 30 к.
- Введеніе въ философію Герберта Спенсера. Краткое изд. И. Любомудрова. 3-е изд. Ковровъ. 1905. Ц. 40 к.
- А-ръ Е. В. Членовъ. Сіонъ и Африка на шестомъ конгрессѣ. Москва. 1905. Ц. 40 к.
- В. Оствальдъ. Школа химіи. 2-я часть. Пер. съ нѣм. О. Писаржевской. Подъ ред. Л. Писаржевскаго. Одесса. 1905. Изд. В. Распопова. Ц. 1 р.
- Ин. Балашевъ. Минеральные источники Забайкалья. Москва. 1905. Изд. М. Д. Вутина. Ц. 1 р. 25 к.
- А. Луначарскій. Этюды критическіе и полемическіе. Москва. 1905. Изд. журнала «Правда». Ц. 1 р. 80 к.
- Н. Миревичъ. Страница изъ исторіи великой французской революціи. Г-жа Роланъ. Съ предисл. Н. Карѣва. Москва. 1905. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушикова. Ц. 1 р.
- Н. А. Гредескулъ. На темы дня. Харьковъ. 1905. Ц. —
- В. Н. Семеновъ (Николаевъ). Варваризмъ. Спб. 1905. Изд. журн. «Ховантъ». Ц. 30 к.
- Н. М. Минскій. Религія будущаго. (Философскіе разговоры). Спб. 1905. Изд. М. Пирожкова. Ц. 2 р.
- П. Головачевъ. Сибирь. Природа, люди, жизнь. 2-ое изданіе. Москва. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія М. С. Щетинина. Спб. 1905. Черезъ стѣну. Разсказъ В. Дмитриевой. Ц. 5 к.—Предатель.—Проклятый утѣсь. Переводъ. Ц. 3 к.—Терванія совѣсти. Авг. Стриндбергъ. Пер. Ц. 4 к.—Гражданка Изидоръ. Леонъ Кладель. Пер. Ц. 3 к.

Изданія т-ва Сытина. Москва 1905. Люди темные. Ѳ. Тищенко. Ц. 10 к.—Фабрикантъ и рабочій.—Двѣ жизни. М. Луица. Ц. 10 к.—Черноморскія степи. Н. Дилевская. Ц. 40 к.

Изданія В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1905. По этапу. Оч. Сем. Подъячева. Ц. 25 к.—Съ нами Богъ! Оч. Ив. Наживина. Ц. 4 к.

Изданія О. Н. Поповой. Спб. 1905. Изъ жизни земли. М. Сабининой. Ц. 25 к.—Сорокъ два дня изъ русско-японской войны. Разсказъ О. Поповой. Ц. 10 к.—Севастополь и его оборона. О. Поповой. Ц. 30 к.

Изданіе «Жизнь и правда». Москва. 1905. На ярѣ. Изъ пѣсенъ о труженникахъ. Ѳ. Гавриловъ. Ц. 10 к.—Пѣвцы нужды и горя Н. А. Некрасовъ и И. С. Никитинъ. Ц. 5 к.—Тайны неба. Л. Мавдриковъ. Ц. 5 к.—Копѣйка рубль бережетъ. К. Суздальцевъ. Ц. 3 к.—Примѣченіе на лунѣ.—Голіардо. Перев. Ц. 20 к.

Библиотека «Всходоу». Спб. 1905. Наши самоучки: А. В. Кольцовъ, Н. Д. Носкова. Ц. 20 к.—Черная смерть. Повѣсть А. Алтасва. Ц. 40 к.—Потѣшные люди. А. Зарина. Изданіе 2-ое. Ц. 30 к.—Ма-

ленькій Джорджъ. Рожд. разск. Перев. Ц. 20 к.—Похожденія Тима. Пад. Кэтъ Уинглинъ. Изданіе 2-ое. Ц. 20 к.—Скрипачъ. Пов. А. Зарина. Изданіе 2-ое. Ц. 50 к.—Колумбово яйцо. Физика въ опытахъ. И. Игнатъева. Ц. 1 р.

Скотоводство сельскаго населенія по переписи 1902 г. Ярославль. 1905. Изд. Стат. бюро губ. 3-ва.

Конституціонное государство. Сборн. статей. Спб. 1905. Изд. Г. В. Гессена и пр.-доц. А. Каминка при участіи редакціи газеты «Право». Ц. 75 к.

Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Полъ ред. Г. В. Гессена и А. Каминка. III ч. А. А. Корниловъ. Крестьянская реформа. Спб. 1905. Изд. Гершунина и К°. Ц. 1 р. 50 к.

А. А. Николаевъ. Очерки по исторіи японскаго народа. Спб. 1905. Изд. «Общ. Пользы». Ц. 1 р.

Д. Д. Ахшарумовъ. Изъ моихъ воспоминаній (1849—1851 г.). Со вступител. ст. В. И. Семевского. Спб. 1905. Изд. то же. Ц. 1 р. 50 к.

Справочная книга учительскихъ обществъ взаимопомощи. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Законы гражданскіе (Сводъ зак. т. X, ч. I, изд. 1900 г.). Съ разъясненіями Правительствующаго Сената и комментарий русскихъ юристовъ. Сост. И. М. Тютрюмовъ. Спб. 1905. Изд. неофициальное. Безплатн. прил. къ журн. «Юристъ».

Въ книжный складъ Саратовскаго Губернскаго Земства поступила въ продажу новая книга

„БЕСѢДЫ и УРОКИ“.

Педагогическіе курсы Саратовскаго Губернскаго Земства 1901 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Ѳ. А. Богословскій. Краткое содержаніе бесѣдъ по Закону Божію.—А. И. Анастасіевъ. Краткое содержаніе уроковъ по русскому языку.—И. М. Петяевъ. Бесѣды по обученію грамотѣ и чистописанію.—Г. М. Вишневскій. Бесѣды по ариѳметикѣ. Уроки учителей и учительницъ по обученію чтенію и письму. Уроки учителей и учительницъ по ариѳметикѣ.—А. И. Анастасіевъ. Бесѣды и уроки по русскому языку.—Д. А. Королчевскій. Бесѣды по этнографіи.—С. В. Зенченко. Бесѣды по педагогикѣ.

Со многими рисунками въ текстѣ и со снимками группы участниковъ курсовъ. 625 стр. большого формата.

Цѣна 2 руб.

Изданіе Саратовскаго Губернскаго Земства.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Comment se soignaient nos pères. Remède d'autrefois, par le d-r Cabanès. (Maloi-ne). (Какъ лечились наши предки. Лекарства прежнихъ временъ).* Авторъ изслѣдуетъ въ прошломъ происхождение народныхъ предразсудковъ, касающихся леченія болѣзней и лекарствъ. Онъ развѣртываетъ передъ глазами читателя картину эмпирической медицины и описываетъ «медицину кумушекъ» въ прежнія времена, лекарства, взятые отъ человѣка: пепелъ отъ его волосъ, обрѣзки ногтей, слюны и т. д. Затѣмъ онъ переходитъ къ лекарствамъ, заимствованнымъ отъ животныхъ, собакъ, кошекъ, лошадей, змѣй, пауковъ и т. п. Далѣе слѣдуютъ уже минеральныя средства и эликсиры, а также таинственные напитки, которымъ приписывалась волшебная сила, не говоря уже о равныхъ странныхъ секретныхъ средствахъ. Это интересное изслѣдованіе старинной медицины объясняетъ многіе искоренившіеся народные взгляды на болѣзни и ихъ леченіе.

(Journal des Débats).

«*The Scientific Basis of Morality, by G. Gore. (Swan Sonnenschein) 10 s. 6 d. (Научныя основы нравственности).* Этотъ замѣчательный трудъ, надъ которымъ авторъ проработалъ въскольکو лѣтъ, является результатомъ долговременныхъ научныхъ изслѣдованій и размышленій. Руководящая идея книги указана въ ея заглавіи. Авторъ желаетъ доказать, что поведеніе человѣка, какъ физическое и умственное, такъ и нравственное, покоится на научной основѣ и что великія силы и законы науки являются главными руководителями жизни. Истинною «божественною» силой, управляющею физическимъ, нравственнымъ, социальнымъ и религіознымъ поведеніемъ человѣка, является универсальная энергія, дѣйствующая согласно научнымъ законамъ, и, такимъ образомъ, вліяніе науки на матеріальный умственный и нравственный прогрессъ человечества несомнѣнно. Кроме того, авторъ стремится доказать въ своемъ изслѣдованіи, что всякій человѣческій прогрессъ зависитъ отъ естественныхъ причинъ и его степень регулируется постояннымъ столкновеніемъ невѣжества и яванія, что также объясняется естественными причинами.

(Athenaeum).

«*Confessions of a Journalist, by Chris Healy (Chatto Windus) 6 s. (Исповѣдіе журналиста).* Въ этихъ интересно написанныхъ воспоминаніяхъ авторъ рассказываетъ, какъ онъ сдѣлался журналистомъ и описываетъ свои встрѣчи и знакомства съ разными видными дѣятелями журналистики.

(Athenaeum).

«*Religious Persecution. A study in Political Psychology, by E. S. P. Hagnas. (Duckworth) 3 s. 6 d. (Религіозное преслѣдованіе).* Авторъ изучаетъ европейскую исторію съ точки зрѣнія политической психологіи, опредѣляя ту роль, которую играли въ ней религіозныя преслѣдованія. Въ заключительной главѣ онъ рассматриваетъ поведеніе современныхъ государствъ въ религіозныхъ вопросахъ.

(Times).

«*Les Influences ancestrales, par le d-r Le Danté. (Flammarion) 3 fr. 50. (Вліянія предковъ).* Жизнь животныхъ и растений не представляется, по мнѣнію автора, отдѣльныхъ явленій, всегда начинающихся и оканчивающихся, находится въ неразрывной связи, такъ что нарождающіеся и умирающіе индивиды, или другими словами, «начинающіеся и оканчивающіеся», повѣствуютъ намъ исторію рода, въ которомъ они сами представляютъ не что иное, какъ рядъ случайностей, находящихся между собою въ таинственной связи, именуемой нами наследственностью. Исходя изъ этой точки зрѣнія авторъ старается отыскать общія черты между всѣми живыми существами; онъ становится на точку зрѣнія биологовъ и стремится этимъ путемъ разрѣшить проблему жизни. Въ химическихъ свойствахъ и въ законѣ наследственности, авторъ отыскиваетъ ту Аріаднину нить, которая должна вывести его изъ лабиринта и дозволить ему соединить настоящее съ прошедшимъ и установить принципы Ламарка и Дарвина. Во второй части своей книги авторъ изучаетъ общія всѣмъ индивидамъ одного и того же рода и одной и той же расы черты; затѣмъ онъ переходитъ къ изученію социальнаго состоянія и индивидуальныхъ особенностей и въ послѣдней главѣ рассматриваетъ

амфикисию, происходящую от смешения характерных черт обоих родителей.

(Polybiblion).

«*La Neurasthénie, mal social*», par le Dr Angelvél. (Cornély) 2 fr. (Неврастения—социальная болезнь). Въ этой небольшой брошюрѣ заключается описаніе чрезвычайно распространенной въ наше время болѣзни—неврастениі, но авторъ, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе на способъ предупрежденія этой болѣзни и настаиваетъ на необходимости профилактики, которая одна только можетъ ограничить такое распространеніе этого нервного расстройства, которое принимаетъ характеръ настоящей социальной болѣзни.

(Polybiblion).

«*L'Education des nègres aux Etats-Unis*», par Kate Brousseau. (Alcan) 7 fr. 50. (Воспитаніе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ). Авторъ этой книги, г-жа Вруссо, профессоръ нормальной школы въ Калифорніи, старается развѣять вопросъ, какимъ образомъ можетъ быть достигнута ассимиляція негроской расы? Прошлое уничтожено, но тѣмъ не менѣе оно продолжаетъ все таки тяжелымъ бременемъ лежать на плечахъ этихъ девяти миллионныхъ отсталой расы и давить на нее. Это бремя вѣкового рабства и чтобы отдѣлаться отъ него, негроская раса должна развить до самой высокой степени всѣ свои способности и приспособить ихъ къ требованіямъ современнаго общества былыхъ, для того чтобы сдѣлаться полезнымъ факторомъ, а не язвой, развѣдающей его организмъ. Особенно интересны и документированы первые три главы, посвященные негроскому вопросу и воспитанію негровъ до и послѣ войны за освобожденіе. Къ книгѣ приложенъ превосходный библиографическій указатель по этому вопросу.

(Polybiblion).

«*The Geography of Disease*», by Frank G. Clemow. With Maps and Charts. (Cambridge Geographical Series) 15 s. (Географія болѣзни). Очень интересное, научное изслѣдованіе географическаго распространенія болѣзней, но, несмотря на свою научность, доступное по простотѣ изложенія широкому кругу читателей. Къ тексту приложены пояснительныя карты и рисунки.

(Athenaeum).

«*Some distinguished Victim of the Scaffold*», by Horace Blackley. (Kegan Paul and Co.). (Нѣкоторые изъ выдающихся жертвъ эшафота). Это безъ сомнѣнія полезная и интересная книга, авторъ которой старается возбудить въ читателѣ состраданіе даже къ великимъ преступникамъ. Его изслѣдованія охватываютъ мрач-

ный періодъ англійской исторіи, наиболѣе чувствительный и жестокой, когда смертная казнь являлась настолько обычнымъ наказаніемъ, что даже не производила впечатлѣнія ужаса, какое она производитъ теперь.

(Athenaeum).

«*Makers of Modern History*», by the Hon. Edward Cadoyan. (John Murray). (Созидатели современной исторіи). Наполеонъ, Кавуръ и Бисмаркъ—вотъ три государственныхъ дѣятеля, воплощающіе въ себѣ великую борьбу между консервативными принципами и силами національной свободы, избранные авторомъ для своихъ очерковъ, изображающихъ эту борьбу. По мнѣнію автора именно въ этой борьбѣ и сосредоточивается главный интересъ европейской исторіи девятнадцатаго вѣка. Лучшій изъ трехъ очерковъ относится къ Кавуру и представляетъ блестящую и безпристрастную характеристику этого государственнаго дѣятеля. О Бисмаркѣ и Луи Наполеонѣ авторъ подчасъ судитъ очень строго, и симпатіи его явно не на сторонѣ этихъ двухъ творцовъ имперіи.

(Booksellers).

«*The Logic of Human Character*», by Charles S. Whitby. (Macmillan and Co.). (Логика человѣческаго характера). Это хорошая книга, изучающая всестороннимъ образомъ человѣческій характеръ и всѣ присущія ему черты, слагающіяся подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій воспитанія, жизненной обстановки и наслѣдственности.

(Athenaeum).

«*In Unknown Africa*», by Major P. H. G. Pomell-Cotton. (Hurst and Blackett). (Въ неведомой Африкѣ). Это описаніе двадцатипятилѣтняго путешествія по малоизвѣстнымъ областямъ Африки заключаетъ въ себѣ много интересныхъ фактовъ и свѣдѣній о племенахъ обитающихъ въ глубинахъ африканскаго континента. Особенно занимателенъ рассказъ автора о его знакомствѣ съ пещерными обитателями горы Элгонъ, съ которыхъ ему удалось даже снять нѣсколько хорошихъ фотографій.

(Academy).

«*Socialism and positive sciences*», (Darwin, Spencer, Marx), by Enrico Ferri, professor of penal Law in the University of Rome. Translated by E. C. Harvey. (The Socialist Library). (Соціализмъ и позитивная наука). Авторъ этой книги, профессоръ уголовного права въ римскомъ университетѣ принадлежитъ къ социалистическимъ депутатамъ въ итальянскомъ парламентѣ. Сочиненіе это написано имъ для того, чтобы доказать, что социализмъ Маркса имѣетъ свое научное основаніе въ дарвинизмѣ.

(Times).

«*The School of journalism in Columbia University*», by Joseph Pulitzer. (Columbia University). (Школа журнализма). Въ этой небольшой книгѣ авторъ доказываетъ необходимость школы журнализма и полную возможность, при помощи цѣлесообразнаго курса, образовать хорошихъ журналистовъ. (Daily News).

«*How women can help in political work*», by Constance Williams. (Hayman, Christy and Lilly). (Какимъ образомъ женщины могутъ помогать въ политической работѣ). Очень полезная книга, заключающая въ себѣ указанія касающіяся мѣстной организации и выборовъ, а также политической агитации, сопряженной съ ними и участія въ ней женщинъ. (Times).

«*Bismarck et son temps*», par Paul Watter. I. *La Préparation, 1815 -- 1862*. (Alcan). (Бисмаркъ и его время). Авторъ выдалъ два года тому назадъ очень интересную книгу «*La Prusse et la Révolution de 1848*», но она явилась только подготовительною работою къ тому обширному историческому изслѣдованію, которое онъ теперь предпринялъ и первый томъ котораго находится передъ вами. Авторъ рассматриваетъ въ немъ первые періоды жизни Бисмарка, его дѣтство, молодость, политическіе дебюты, его роль во внутреннихъ и внешнихъ смутахъ, которыя приходилось переживать Пруссіи въ періодъ времени отъ 1848 до 1852 г. Затѣмъ онъ описываетъ начало дипломатической карьеры будущаго канцлера въ такомъ мѣстѣ, какъ Франкфуртъ, который могъ считаться лучшимъ наблюдательнымъ пунктомъ и гдѣ взгляды Бисмарка окончательно сложились и онъ получилъ опытность въ дѣлахъ Германіи и Европы. Этотъ первый томъ заканчивается королевскимъ декретомъ, назначавшимъ Бисмарка въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Второй томъ будетъ доведенъ до 1871 г., а третій будетъ называться «*Le Triomphe et le Declin*» и въ немъ авторъ представитъ торжество карьеры Бисмарка и его упадокъ. По первому тому можно судить, что авторъ располагаетъ громаднымъ матеріаломъ и въ своихъ сужденіяхъ о Бисмаркѣ выказываетъ большое безпристрастіе, рельефно представляя, какъ его слабости, такъ и его великія качества. (Journal des Débats).

«*La Crise anglaise*», par Achille Vialatte. (Dujarrrie). (Англискій кризисъ). Въ

этомъ интересномъ историческомъ изслѣдованіи авторъ изучаетъ протекционистскую реакцію, обнаруживающуюся въ Англіи въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, и старается опредѣлить тѣ политическія, финансовыя и коммерческія причины, которыя заставляли Англію, или, вѣрнѣе, Чамберлена, пожалѣть объ отменѣ послѣднихъ дифференціальнымъ тарифомъ на колониальныя продукты въ 1846—1856 г. Авторъ изслѣдуетъ происхожденіе империалистскаго движенія и опредѣляетъ политическія, военныя и коммерческія формы британскаго федерализма, но приходитъ къ выводу, что кампанія Чамберлена должна потерпѣть пораженіе. (Journal des Débats).

«*L'Empire byzantin*», son évolution sociale et politique. Tome I: *l'être social*. Tome II: *l'être politique*. (Plon et Nourrit). (Византийская имперія; ея социальная и политическая эволюція). Авторъ изображаетъ вѣдшее и внутреннее развитіе византийскаго государства, пользуясь для этого образами. Греческій народъ онъ именуетъ «соціальнымъ существомъ», а государство «политическимъ существомъ». Соціальное существо имѣетъ душу и тѣло. Душа — это религія, нравственность, искусство и литература; тѣло — это церковь, сословія, національность и экономика. Точно также онъ расщепляетъ и политическое существо, причемъ внутренняя и внешняя политика, администрація и военныя осложненія съ соседними племенами служатъ ему основами для такого дѣленія. Книга очень интересная. (Journal des Débats).

«*Zur Psychologie der Gefangenschaft*», von Fritz Auer. *Untersuchungshaft Gefängnis und Zuchthausstrafe, geschildert von Entlassenen*. (Beck) 1 m. 50. (Къ психологіи тюремнаго заключенія). Кромѣ введенія, освѣщающаго происхожденіе этой книги, и послѣсловія, въ ней заключаются правдивыя описанія предварительнаго заключенія и пребыванія въ тюрьмѣ, указывающія между прочимъ, что предварительное заключеніе въ тюрьмѣ, во время слѣдствія, тяжелѣе даже, нежели само наказаніе. Всѣ эти человѣческіе документы, приводимые авторомъ, подтверждаютъ необходимость какъ пенитенціарной реформы, такъ и реформы предварительнаго слѣдствія. (Literarisches Zentralblatt).

**RETURN
TO**

CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

LOAN PERIOD 1
HOME USE

4

2

3

5

6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
1-month loans may be renewed by calling 642-3405
6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

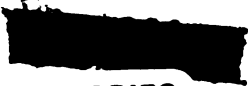
JUN 29 1978

REC. CIL

JUN 10 78

FORM NO. DD 6, 40m 10'77

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C006763430

627833

